

И. А. ГОНЧАРОВ

И. Гончаров

00

КНИГА 1

И. А. ГОНЧАРОВ

Фотография начала 1860-х гг.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
С.-Петербург

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

И. А. ГОНЧАРОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2008

И. А. ГОНЧАРОВ

ТОМ ВОСЬМОЙ
КНИГА ПЕРВАЯ

ОБРЫВ

РОМАН
В ПЯТИ ЧАСТЯХ

Рукописные редакции

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»
2008

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Г65

Редакционная коллегия

В. А. КОТЕЛЬНИКОВ, Е. А. КРАСНОЩЕKOVA,
Т. И. ОРНАТСКАЯ (зам. главного редактора), М. В. ОТРАДИН,
К. САВАДА, Н. Н. СКАТОВ, П. ТИРГЕН,
В. А. ТУНИМАНОВ (главный редактор)

Тексты рукописных редакций подготовили

Э. Г. ГАЙНЦЕВА, А. Г. ГРОДЕЦКАЯ, С. Н. ГУСЬКОВ,
Н. В. КАЛИНИНА, Т. И. ОРНАТСКАЯ, А. В. РОМАНОВА

Редакторы тома

Т. А. ЛАПИЦКАЯ, Т. И. ОРНАТСКАЯ

*Исследовательская работа проведена
при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проекты № 00-04-00167а и 03-04-00140а*

Подписное

ISBN 978-5-02-026524-0 (Т. 8, кн. 1)
ISBN 5-02-028257-X

© Э. Г. Гайнцева, А. Г. Городецкая, С. Н. Гуськов, Н. В. Калинина, Т. И. Орнатская, А. В. Романова, составление, 2008
© Российская академия наук, 2008
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2008

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЖУРНАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

СОФЬЯ НИКОЛАЕВНА БЕЛОВОДОВА

(пять глав* из романа
«Эпизоды из жизни Райского»)

Первая журнальная публикация (С)

I

Райский с год только как познакомился с Софьей Николаевной Беловодовой, вдовой на двадцать пятом году, после двухлетнего замужества с Беловодовым, служившим по дипломатической части. Она была из старинного богатого дома Пахотиных. Матери она лишилась года за два до замужства, и батюшка, состоявший в полном распоряжении супруги, почувствовав себя на свободе, вдруг спохватился, что молодость его рано захвачена была женитьбой и что он не успел пожить и пожуировать. Он повел было жизнь холостяка, пересиливал годы и природу, но не пересилил и только смотрел, как ели и пили другие, а у него желудок не варил. Но он уже успел нанести смертельный удар своему состоянию. У него, взамен наслаждений, которыми он пользоваться не мог, явилось старческое тщеславие иметь вид шалуна, и он стал вознаграждать себя за верность в супружестве сумасбродными связями, на которые быстро ушли все наличные деньги, брильянты жены, наконец, и большая часть приданого дочери. На недвижимое имение, и без того заложенное им еще до

---

* Так в публикации, содержащей текст, который в основном соответствует четырем главам (II—IV, начало XIV) части первой окончательной редакции.

его женитьбы, выросли значительные долги. Когда источники иссякли, он изредка, в год раз, иногда два, делает дорогую шалость, купит брильянты какой-нибудь Арманде, экипаж, сервиз; для этого ездит к ней недели три, провожает в театр, делает ей ужины, сзывает молодежь, а потом опять смолкнет до следующих денег.

- Николай Васильевич Пахотин был очень красивый, сановитый старик, с мягкими, почтенными сединами. По виду его непременно примешь за какого-нибудь
- 10 Пальмерстона. Особенно красив он был, когда с гордостью вел под руку Софью Николаевну куда-нибудь на бал, на общественное гулянье. Не знавшие его почтительно сторонились, а знакомые, завидя шалуна, начинали уже улыбаться и потом фамильярно и шутливо трясли его за руку, звали устроить веселый обед, рассказывали на ухо приятную историю... Старик шутил, рассказывал сам направо и налево анекдоты, говорил каламбуры, особенно любил с сверстниками жить воспоминаниями минувшей молодости и своего времени.
- 20 Они с восторгом припоминали, как граф Борис или Денис проигрывал кучи золота, терзались тем, что сами тратили так мало, жили так мизерно; поучали внимательную молодежь великому искусству жить. Но особенно любил Пахотин уноситься воспоминаниями в Париж, когда в четырнадцатом году русские явились великодушными победителями, перещеголявшими любезностью тогдашних французов, уже попорченных в этом отношении революцией, и превосходившими безумным мотовством широкую щедрость англичан.
- 30 Старик шутя проживал жизнь, всегда смеялся, рассказывал только веселое, даже на драму в театре смотрел с улыбкой, любуясь ножкой или лорнируя la gorge¹ актрисы. Когда же наставало не веселое событие, не обед, не бал, не соблазнительная закулисная драма, а затрогивались нервы жизни, слышался в ней громовой раскат, когда около него или насчет его возникал важный вопрос, требовавший мысли или воли, старик тупо недоумевал, впадал в беспокойное молчание и только учащенно жевал губами.
- 40 У него был живой, игривый ум, наблюдательность и некогда смелые порывы в характере. Но шестнадцати лет он поступил в гвардию, выучась отлично говорить,

---

¹ грудь (фр.)

писать и петь по-французски и почти не зная русской грамоты. Ему дали отличную квартиру, лошадей, экипаж и тысяч двадцать дохода. Никто лучше его не был одет, и теперь еще, в старости, он дает законы вкуса портному; всё на нем сидит отлично, ходит он бодро, благородно, говорит с уверенностью и никогда не выходит из себя. Судит обо всем часто наперекор логике, но владеет софизмом с необыкновенною ловкостью.

С ним можно не согласиться, но сбить его трудно. Свет, опыт, вся жизнь его не дали ему никакого содержания, и оттого он боится серьезного как огня. Но тот же опыт, жизнь всегда в куче людей, множество встреч и способность знакомиться со всеми образовали ему какой-то очень приятный, мелкий умок, и не знающий его с первого раза даже положится на его совет, суждение и потом уже, жестоко обманувшись, разглядит, что это за человек.

Он не успел еще окунуться в омут опасной, при праздности и деньгах, жизни, как на двадцать пятом году его женили на девушке красивой, старого рода, но холодной, с деспотическим характером, сразу угадавшей слабость мужа и прибравшей его к рукам. Теперь Николай Васильевич Пахотин заседает в каком-то совете раз в неделю, имеет важный чин, две звезды и томительно ожидает третьей. Это его общественное значение. Было у него другое ожидание, другая заветная мечта — поехать за границу, то есть в Париж, уже не с оружием в руках, а с золотом, и там «пожить», как жили в старину. Он с наслаждением и завистью припоминал анекдоты времен революции, как один знатный повеса разбил там чашку в магазине и в ответ на упреки купца перебил и переломал еще множество вещей и заплатил за весь магазин; как другой перекупил у короля дачу и подарил танцовщице. Оканчивал он рассказы вздохом сожаления о прошлом. Вскоре после смерти жены он было попросился туда, но образ его жизни, нравы и его затеи так были известны в обществе, что ему, в ответ на просьбу, коротко отвечено было: «Незачем». Он пожевал губами, похандрил, потом сделал какое-то громадное, дорогое сумасбродство и успокоился. После того, уже промотавшись окончательно, он в Париж не порывался. Кроме томительного ожидания третьей звезды у него было еще постоянное дело, постоянное стремление, забота, куда уходило его напряжен-

ное внимание, соображения, вся его тактика, с тех пор как он промотался, — это извлекать из обеих своих старших сестер, пожилых девушек, теток Софьи, денежные средства на шалости.

Надежда Васильевна и Анна Васильевна Пахотины, хотя были скупы и не ставили собственно личность своего братца в грош, но дорожили именем, которое он носил, репутацией и важностью дома, преданиями, и потому, сверх определенных ему пяти тысяч карманных денег, в разное время выдавали ему субсидии около такой же суммы, и потом еще, с выговорами, с наставлениями, чуть не с плачем, всегда к концу года платили почти столько же по счетам портных, мебельщиков и других купцов. Они знали, на какое употребление уходят у него деньги, но на это они смотрели снисходительно, помня нестрогие нравы повес своего времени и находя это в мужчине естественным. Только они, как нравственные женщины, затыкали уши, когда он захочет похвастаться перед ними своими шалостями или когда кто другой вздумает довести до их сведения о каком-нибудь его сумасбродстве. Он был в их глазах пустой, никуда не годный, ни на какое дело, ни для совета, старик и плохой отец, но он был Пахотин, а род Пахотиных уходил в древность, портреты предков занимают всю залу, а родословная не укладывается на большом столе, и в роде их было много, много лиц с громким значением. Это они знали, гордились этим и прощали брату своему всё за то только, что он Пахотин.

Сами они блистали некогда в свете и, по каким-то, кроме них, всеми забытым причинам, остались девами. Они некогда выезжали, играли роль, потом, увянув, уединились в родовом доме и там, в семействе женатого брата, доживали старость, окружив строгим вниманием, попечениями и заботами единственную дочь Пахотина Софью. Замужество последней расстроило было их жизнь, но она овдовела, лишилась матери и снова, как в монастырь, поступила под авторитет и опеку теток. Они были две высокие, седые, чинные старушки, ходившие дома в тяжелых шелковых темных платьях, больших чепцах, на руках со многими перстнями. Надежда Васильевна страдала тиком и носила под чепцом еще бархатную шапочку, на плечах бархатную, подбитую горностаем кацавейку, а Анна Васильевна сырцовые букли и большую шаль. У обеих было по ридикюлю, а у На-

дежды Васильевны высокая золотая табакерка, около нее несколько носовых платков и моська, старая, всегда заспанная, хрипящая и от старости не узнающая никого из домашних, кроме своей хозяйки, и то больше по запаху, нежели глазами.

Дом у них был старый, длинный, в два этажа, с гербом на фронтоне, с толстыми, массивными стенами, с глубокими окошками и длинными, темными простенками. В доме тянулась бесконечная анфилада обитых штофом комнат, мебелированных красным деревом; 10
темного цвета, тяжелые резные шкафы с старым фарфором, как саркофаги, стояли по стенам с тяжелыми же диванами и стульями рококо, богатыми, но жесткими, без комфорта. Швейцар походил на Нептуна, лакеи пожилые и молчаливые, женщины в темных платьях и чепцах. Экипаж высокий, козлы с шелковой бахромой, лошади старые, породистые, с неимоверно длинными шеями и спинами, с побелевшими от старости губами, при езде крупно кивающие головой.

Комната Софьи смотрела несколько веселее прочих, 20
особенно когда присутствовала в ней сама хозяйка: там были цветы, ноты, множество современных безделок. Еще бы немного побольше свободы, беспорядку, света и шума — тогда это был бы свежий, веселый и розовый уют, где бы можно замечтаться, зачитаться, заиграться и, пожалуй, залюбоваться. Но цветы стояли в тяжелых, старинных вазах, точно надгробных урнах; горка массивного старого серебра придавала еще более античности комнатам. Да и тетки не могли видеть беспорядка: 30
чуть цветы раскинутся в вазе прихотливо, в разные стороны, входила Анна Васильевна, звонила девушку в чепце и приказывала собрать их в симметрию; если оказывалась книга в богатом переплете лежащею на диване, на стуле, — Надежда Васильевна ставила ее на полку; если западал слишком вольный луч солнца и играл на хрустале, на зеркале, на серебре, — Анна Васильевна находила, что глазам больно, молча указывала человеку 40
пальцем на портьеру, и тяжелая, негнущаяся шелковая завеса мерно падала с петли и закрывала свет. Зато внизу, у Николая Васильевича, был полный беспорядок. Старые предания мешались там с следами современного комфорта. Подле тяжелого буля стояла откидная кушетка от Гамбса, высокий готический камин прикрывался ширмами с картинами фобласовских нравов, на

столах часто утро заставляло остатки ужина, на диване можно было найти иногда женскую перчатку, ботинку, далее модный новейший туалет и целый магазин косметических снадобьев. Как тихо и молчаливо было наверху, так внизу слышались часто звонкие голоса, смех, всегда было там живо, беспорядочно. Камердинер у него был француз с почтительной, льстивой речью и с наглым до дерзости взглядом.

II

10 Много комнат прошли Райский и Аянов, прежде нежели добрались до жилья, то есть до комнат, где сидели обе старухи и Софья Николаевна.

Когда они вошли в гостиную, на них захрипела моська, но не смогла полаять и, повертевшись около себя, опять улеглась. Анна Васильевна кивнула им, а Надежда Васильевна, в ответ на поклоны, ласково поглядела на них, с удовольствием высморкалась и сейчас же понюхала табуку, зная, что у нее будет партия.

— Ma cousine! — сказал Райский, протянув руку Беловой.

Она поклонилась с улыбкой и подала ему руку.

— Позвони, Sophie, чтобы кушать давали, — сказала старшая тетка, когда гости уселись около стола.

Софья Николаевна поднялась было с места, но Райский предупредил ее и дернул шнурок.

— Скажи Николаю Васильевичу, что мы садимся обедать! — с холодным достоинством обратилась старуха к человеку. — Да кушать давать! Ты что, Борис, опоздал сегодня: четверть шестого! — упрекнула она Райского.

Он был двоюродным племянником старух и троюродным братом Софьи. Дом его, тоже старый и когда-то богатый, был прежде связан родством с домом Пахотиных. Но познакомился он с своей родней не больше года тому назад. В этом он виноват был сам. Старухи давно уже, услышав его фамилию, осведомлялись, из тех ли он Райских, которые происходили тогда-то от тех-то и жили там-то? Он знал об этом, но притаился и пропустил этот вопрос без внимания, не находя ничего занимательного знакомиться с скучным, строгим, богатым домом. Сам он был не скучен, не строг и не богат. Старину своего рода он не ставил ни во что, даже никогда

об этом не помнил и не думал. Остался он еще в детстве сиротой, на руках равнодушного, холостого опекуна, а тот отдал его сначала на воспитание родственницы, приходившейся чем-то вроде двоюродной бабушки Райскому. Она была отличнейшая женщина по сердцу, но далее своего уголка ничего знать не хотела, и там, в тиши, среди огородов, садов и рощ, среди семейных и хозяйственных хлопот маленького размера, провел Райский несколько месяцев, а чуть подрос, опекун поместил его в гимназию, где окончательно изгладились из 10 памяти мальчика все родовые предания фамилии о прежнем богатстве и родстве с другими старыми домами. Дальнейшее развитие, занятия и направление еще больше отвели Райского от всех преданий старины. Притом Райский неохотно сближался с новыми людьми, жил одиноко, знал два-три семейства в Петербурге, часто уезжал, занимался бог знает чем, никакого определенного образа жизни не вел, не служил, не торговал, ни чиновником, ни офицером — ничем не назывался и часто ставил так называемых «серьезных людей» в боль- 20 шое затруднение, как назвать его, с какого тона обратиться в разговоре, даже о чем с ним говорить. Старухам сказали, что он был «пустой малый», — и они забыли о нем. Но как-то зимой Райский однажды на бале увидел Софью, раза два говорил с нею и потом уже стал искать знакомства с ее домом. Это было легче всего сделать через отца ее: так Райский и сделал. Он знал одну хорошенькую актрису и на вечере у нее ловко подделался к старику, потом подарил ему портрет этой актрисы своей работы, напомнил ему о своей фамилии, о старых 30 связях и скоро был представлен старухам и дочери.

Он так обворожил старух, являясь то робким, покорным мудрой старости, то живым, веселым собеседником, что они скоро перешли на «ты» и стали звать его *mon neveu*.¹ А он стал звать Софью Николаевну кухиной и приобрел степень короткости и некоторые права в доме, каких постороннему не приобрести бы во сто лет.

Но все-таки он был еще недоволен тем, что мог являться по два раза в день, приносить книги, ноты, при- 40 ходить обедать запросто. Он привык к обществу новых современных нравов и к непринужденному обхожде-

¹ племянником (*фр.*)

нию с женщинами. А Софья мало оставалась одна с ним: всегда присутствовала то одна, то другая старуха; редко разговор выходил из пределов текущей жизни или родовых воспоминаний, а если затрогивались вопросы живые, глубокие, то старухи тоном и сентенциями сейчас клали на всякий разговор свою патентованную печать. А Райский между тем сгорал желанием узнать не Софью Николаевну Беловодову — там нечего было узнавать, кроме того что она была прекрасная собой, прекрасно воспитанная, хорошего рода женщина, — он хотел отыскать в ней просто женщину, наблюдсти и определить, что кроется под этой покойной, неподвижной оболочкой красоты, сияющей ровно, одинаково, не трепетно, красоты, никогда не бросавшей ни на что быстрого, жаждущего, огненного или, наконец, скучного, утомленного взгляда, никогда не обмолвившейся нетерпеливым, неосторожным или порывистым словом. Что это такое? Ужели только так называемый хороший тон? Да ведь это глупость — этот хороший тон, рассуждал он, пора понять это и снять с себя обезьянство. Душа, внутренний склад и воспитание должны класть на всякого свою печать. А как это стараться обезличить себя? Ужели сгорать каким-нибудь желанием и достичь до уменя выразить его ледяным взглядом — значит хороший тон? Желать жизни, свободы и принести всё это в жертву угодливости ареопагу отживших старух — тоже хороший тон? Увлекаться симпатией в одну сторону и идти в другую, всё мельчать и мельчать душой, отказаться от широты жизни, стянуть ее в бесцветный, скучный добровольный корсет... хороший тон? Ведь это выдуманно для бесцветных глупцов, которые сами, без хорошего тона, не в состоянии разобрать, где человек в самом деле хорош и где дурен, где он устоит и останется человеком и где упадет безвозвратно.

Ужели и Софья такая же женщина? Ужели и она смирила, сдавила свои порывы, сжала сердце, не дает простора мысли и воле, потому что это стыдно, грех, опасно и лучше убить в себе нескромное желание, лучше не видать радостного дня, чем выйти из круга своих правил? Притворяется ли она? Нет, в ней, кажется, этого не заметно, не видать зоркой оглядки за собой, чуткой осторожности, страха, не исполнены ее взгляды и движения напряженного, ежеминутно тяготеющего над умом и волей ига задачи. Нет, она свободна, вольна и

задумчиво покойна. Ее ничто и никто ни к чему не принуждает, цепей на ней не лежит, никогда не бросит она ни на что украдкой взгляда... как будто говоря: «Сделала бы, да боюсь». Нет, взгляд ее говорит: «Не сделаю, потому что не нужно, не желаю!» Да отчего же не желает, отчего не играет в ней жизнь?

Но как она в самом деле прекрасна, как кажется чиста, свята, неприкосновенна! Нужды нет, что она уже вдова, женщина; но на открытом, будто молочной белизны белом лбу ее и благородно-изящных, несколько 10 крупных чертах лица лежит девическое, почти детское неведение жизни. Она, кажется, не слыхала, что есть на свете страсти, тревоги, мрак, чудовищные дела, невероятная, дикая игра событий и чувств, что летают вихри, ломают всё, что кричат и вопиют люди, что есть оскорбления, печали, доводящие до проклятий, сдергивающие это сияние с лица, эту горделивость и топчущие в грязь. Как же она смотрит на них, как понимает их, эти страсти и тревоги? Ужели притворство может быть доведено до такой изящной простоты, до такого сияющего чистосердечия? 20 Большие серо-голубые глаза, не строгие и не томные, не любопытные, полны ровного, немерцающего горения. Но в них теплится и чувство; кажется, она не холодная, бессердечная женщина! Но какое это чувство? Не узнаешь! Чувство какого-то всеобщего благоволения, доброты ко всему на свете, доброты, не искушенной злом, чувство, не вызванное на борьбу и не уступившее другому чувству, не сменившееся никаким мраком, никакою чертою зла, вражды, суровости, недоверчивости, даже сомнения. Говорит она, как смотрит, 30 неторопливо, почти никогда не выходя из средних нот, и если выдается в ее речи какое-нибудь более живое слово, если запросится быстрая, опередившая другие мысли, мысль наружу, то лицо ее озарится так же тихо и неторопливо лучом этой мысли, и голос слегка возвысится и потом тихо упадает в обычный тон, и взгляд опять горит ровным светом ничего не желающего ведать чистосердечия. И весь образ сияет в невозмутимой красоте, как ясное, безоблачное морозное утро с чуть-чуть греющим лучом. 40 Глядя на нее, без доказательств поверишь, что она не ступит неправильно, не выйдет из магического круга чистоты и сияния не вследствие опыта, а по инстинкту, как птица не окунется в воду, а рыба не выйдет на берег.

Губы у ней никогда не сжимаются под влиянием сдавленной мысли, затаенного страдальческого чувства, никогда не открываются, когда она молчит, от наивного удивления или радости или от отсутствия содержания в голове.

Волосы у нее были темные, почти черные, и густая коса едва сдерживалась большими булавками на затылке. Плечи и грудь поражали пышностью: таких не видать нигде или видно у подобных же ей редких женщин, как будто это принадлежность рода или богатства: в них белизна, свежесть, девственность!

Цвет лица, плеч, рук — был цельный, свежий цвет, блистающий здоровьем, ничем не тронутым — ни болезнью, ни бедами. Блеск красок напоминал Корреджиевы фигуры. Одевалась она просто, если разглядеть подробно всё, что на ней было надето, но казалась всегда великолепно одетой. И материя ее платья как будто была особенная, и ботинки не так сидят на ней, как на других.

При взгляде на это сияющее видение не зашевелиятся обычные чувства и желания, влекущие к красоте; зазорное самолюбие воздержится от своего льстивого шепота, разве сердце только замрет, уязвленное смутной, бесплодной завистью и мучительным вопросом: «Кто тот счастливец, который пробудит это существо от младенческой дремоты и неведения?» Дальше нельзя идти: надо было «благоговеть перед святыней красоты».

Райский точно так же взглянул на нее в первый раз и робко ушел в угол. Оттуда долго в немом удивлении изучал всю эту картину, это изваяние, сначала в целом, потом останавливался на частностях, потом, закрыв глаза, собирал в один образ всё явление: воображение рисовало ему картину, и тут же он ставил себя, но так же робко, в углу, без всякой роли или в роли немого, удивленного наблюдателя, в роли молящегося перед кумиром, но ничего не желающего, не просящего, а только бескорыстно поклоняющегося. Потом он открыл глаза, чтоб опять удивляться, умиляться, но явление исчезло, не оставив ему в залог услышанной мольбы ничего, даже взгляда. Он уехал с вечера, унося в своем внутреннем зеркале картину видения, и в этой картине видел себя и сам казался себе так жалок, мал, ничтожен. Он старался мысленно переделать себя и наружно невольно принимал другую позу, другую мину, нежели какие

у него были, мучительно оглядывался, спрашивал себя, как он глядел в то время, когда картина была перед ним, как стоял, что было у него на лице; сносен ли он, чтоб иметь право только стоять перед ней, смотреть на нее, удивляться ей. Не жалко ли ей показалось приношение жертвы удивления в таком недостойном поклоннике? Картина запала в него и жила в нем безвыходно. Он не любил, не смел полюбить явления, но он дрожал от блеска этой гармонии, покоя, гордости, как казалось ему сначала, недоступности — и бог знает чего не придавал он внутренне этому ослепившему его образу! 10

В другой вечер он увидел ее далеко, в театре, в третий раз опять на вечере, потом на улице — и всякий раз картина оставалась верна себе, в блеске и красках, но впечатление его менялось. Изучив наружный образ, он стал требовать от него отзыва, и чем чаще встречал, тем настойчивее становился его взгляд и требовал речи, огня, желаний. Но напрасно: она смотрела всё картиной, всё белой, изваянной богиней, но не небесной богиней с недоступным смертному огнем. Нет, взгляд ее сиял земным, скромным блеском, незаимствованным, гордым достоинством. Ум глядел из глаз также просто, с сдержанным, покойным желанием — не вопрошать, не добиваться, не испытывать, а только смотреть на всё без пытливости, без лукавства, без напряжения и без заботы о последствиях. Если бы она была неприступна, тогда можно бы было предположить в ней гордость, рисующуюся перед толпой, и она была бы не загадка. Но она ласкова с достоинством, скромна, — следовательно, уважает, хотя не из рабского страха, авторитет света и людского мнения; желала, казалось, внимания к себе и приписывала ему цену. Но не видать, желала ли бы она предпочтения, лести, симпатии: ни сердце, ни самолюбие не выглядывали из ее светлого и беспечного взгляда. Все находили, что она образец достоинства строгих понятий, *comme il faut*, жалели, что она лишена семейного счастья, и ждали, когда новый гименей наложит на нее цепи. В семействе тетки и близкие старики и старухи часто при ней гадали ей в том или другом искателе мужа: то посланник являлся чаще других в дом, то недавно отличившийся генерал, а однажды серьезно поговаривали об одном старике — она молчит и смотрит беззаботно, как будто дело шло не о ней. Другие находили это натуральным, даже высоким, *sublime*, только 20 30 40

Райский, бог знает из чего, бился истребить это в ней и хотел видеть другое. А она не поддавалась. На его старания смотрела ласково, с улыбкой. Ни в одной черте не было ничего ожидающего, ничего жаждущего, просящего. Напрасно он, слыша раздирающий вопль на сцене, быстро глядел на нее — что она? Она смотрела на это без томительного, поглотившего всю публику напряжения, без наивного сострадания, и карикатура на жизнь, комическая сцена, вызвавшая всеобщий продолжительный хохот, вызывала у ней только легкую улыбку и молчаливый, обмененный с бывшей с ней в ложе женщиной, взгляд. Напрасно он ждал, не затрепещет ли во взгляде у ней искра участия к страдальцу, не опустятся ли быстро ресницы, чтоб скрыть колебание, слабость, не уступят ли нервы чему-нибудь, хоть чувству стыдливости от какого-нибудь тайного движения сердца, не подастся ли она при нескромном намеке нервически назад, не сделает ли умышленно-скромного или небрежного взгляда, не шепнет ли что-нибудь соседке, чтобы скрыть движение, — ничего, ничего: всё в ней блеск, всё спокойствие, всё безукоризненная, сияющая чистота, как будто нет у ней желаний, нет воспоминаний, нет и не было никакого тайного, закрытого от всех побуждения, грешной мысли, как будто нечего ей стыдиться в мире; не смущает ее ничто... как будто она говорит этим простым, на всё одинаково смотрящим взглядом: «Да, я знаю, слыхала, что люди плачут, любят, страдают, знаю, что есть это море, жизнь, в котором кишит всякая всячина, но я на берегу, я не обязана купаться там, я защищена, укрыта...» Как будто в самом деле она — картина, которая не меняет своих красок, своего выражения, не краснеет, не бледнеет ни добра, ни зла, как будто она никогда не раздевается, не спит, не ест! «Ужели есть такая жизнь, в которой нечем смущаться, ужасаться, бледнеть и трепетать — нечего стыдиться, не в чем раскаиваться, терзаться? И я не знаю этой жизни!» — говорил Райский и опять глядел на блеск горделивой, но не гордой фигуры, на сияние ее глаз, на покойный, не шепчущий трепетной, трудной молитвы, не дающий поцелуя рот.

— И она была замужем! — добавлял он в недоумении.

Он познакомился с ней и потом познакомил с домом ее бывшего своего сослуживца, Аянова, чтобы два

раза в неделю делать партию теткам, а сам, пользуясь этим скудным средством, сближался сколько возможно с кузиной, урывками вслушивался, вглядывался в нее, не зная зачем, для чего? И ему, и ей открывались новые миры, новая далекая перспектива, в которой оба блуждали во тьме.

III

Уж сели за стол, когда пришел Николай Васильевич, одетый в коротенький сюртучок, с безукоризненно завязанным галстухом, обритый, сияющий белизной жилета, молодежавым видом и красивыми сединами. 10

— Bonjour, bonjour! — отвечал он, кивая всем. — Я не обедаю с вами, не беспокойтесь, ne vous dérangez pas, — говорил он, когда ему предлагали сесть. — Я за городом сегодня.

— Помилуй, Nicolas, за городом! — сказала Анна Васильевна, — ведь там еще не растаяло... или давно ревматизм не мучил?

Пахотин пожал плечами.

— Что делать! Ce qu'une femme veut, Dieu le veut.¹ 20
Вчера la petite Nini заказала Виктору обед на ферме: хочу, говорит, подышать свежим воздухом... Вот и я хочу...

— Пожалуйста, пожалуйста! — замахала рукой Надежда Васильевна, — поберегите подробности для этой... petite Nini.

— Вы напрасно рискуете, — сказал Аянов, — я в теплом пальто озяб.

— Э! mon cher Иван Иванович: а если б вы шубу надели, так и не озябли бы!.. C'est ce que je ferai.² 30

— Partie de plaisir³ за городом — в шубах! — сказал Райский.

— За городом! ты уже представляешь себе, с понятием «за городом», — и зелень, и ручьи, и пастушков, а может быть, и пастушку... Ты артист! А ты представь себе загородное удовольствие без зелени, без цветов...

— Без тепла, без воды... — перебил Райский.

---

¹ Чего хочет женщина, того хочет Бог. (фр.)

² Вот что я сделаю. (фр.)

³ — Увеселительная прогулка (фр.)

— И только с воздухом... А воздухом можно дышать и в шубе. Итак, я еду в шубе... надену, кстати, бархатную ермолку под шляпу, потому что вчера и сегодня чувствую шум в голове: мухи жужжат, а мне кажется, в колокола звонят, вчера в клубе около меня по-немецки говорят, а мне кажется, грызут крупные грецкие орехи. — И сам захохотал, довольный своим сравнением.

— А ргорос о пастушках, срег Борис: что твоя пастушка, с которой ты катался в начале зимы в санях?

10 Райский немного сконфузился.

— Какая пастушка? — сказал он.

— А, а! посмотрите, посмотрите, mes sœurs! он краснеет. Премиленькая: figure ovale, pâle,¹ глаза... матовые. Это хорошо, молодой человек: начинаешь исправляться, а то, надо признаться, женщине с нынешними молодыми людьми делать нечего, надо искать развлечения с людьми наших лет (он никогда не называл себя стариком)... Но ты, браво, Борис, не похож на эту молодежь. Маленькая страсть, укрытая от света ревностью...

20 Но к чему это? — к чему скрывать? Ты меня познакомишь... Menez-moi chez elle,² — тише сказал он Райскому.

— Пожалуйста, пожалуйста! — заговорила с нетерпением Надежда Васильевна. — Уезжайте, ежели не хотите обедать...

— А, та sœur! два слова, — обратился он к старшей сестре и, нагнувшись, тихо, с умоляющим видом что-то говорил ей.

30 — Опять! — с холодным изумлением перебила Надежда Васильевна. — Нету! — упрямо сказала потом.

— Quinze cent!³ — умолял он.

— Нету!

— Mille roubles!⁴

— Нету, нету, mon frère: к Святой неделе вы получили три тысячи, и уж нет... это ни на что не похоже...

— Eh bien, mille roubles.⁵ Графу отдать: я у него на той неделе занял: совестно в глаза смотреть.

— Нету и нету: а на меня вам не совестно смотреть? — сказала она.

¹ лицо овальное, бледное (фр.)

² Отведи меня к ней (фр.)

³ — Полторы тысячи! (фр.)

⁴ — Тысячч рублей! (фр.)

⁵ — Ну, тысячу рублей. (фр.)

Он отошел от нее и в раздумье пожевал губами.

— Вам сказывали люди, рара, что граф сегодня заезжал к вам? — спросила Софья, услышав имя графа.

— Да; жаль, что не застал. Я завтра буду у него.

— Он завтра рано уезжает в Царское Село.

— Он сказал?

— Да, он заходил сюда. Он говорит, что ему нужно бы видеть вас, дело какое-то...

Пахотин замолчал и опять пожевал губами.

— Знаю, знаю зачем! — вдруг догадался он, — бумаги разбирать — merci, к Святой опять обошел меня, а Илье дали! Qu'il aille se promener!¹ Ты не была в Летнем саду? — спросил он у дочери. — Виноват, я не успел...

— Нет, я завтра еду с Катринь: она обещала заехать за мной.

Он поцеловал дочь в лоб и уехал. Обед кончился; Аянов и старухи уселись за карты.

— Ну, Иван Иванович; не сердитесь, — сказала Анна Васильевна, — если опять, как намедни, пятерку забуду. Я уж мелочи-то никогда не помню: с валета не знаю, ²⁰ вышли ли остальные...

— Помилуйте! — любезно заметил Иван Иванович, игравший постоянно с болваном.

Райский и Софья сидели сначала в гостиной, потом перешли в кабинет Софьи.

— Что вы делали сегодня утром? — спросил Райский.

— Ездила в институт, к Лидии.

— А, — к кухне. Что она, мила? скоро выйдет?

— К осени; а на лето мы ее возьмем на дачу. Да; она ³⁰ очень мила, похорошела, только еще смешна... и все они пресмешные...

— А что?

— Окружили меня со всех сторон: от всего приходят в восторг; от кружева, от платья, от серег; даже просили показать ботинки... — Софья улыбнулась.

— Что ж вы, показали?

— Фи! надо летом отучить Лидию от этих наивно-стей...

— Зачем же отучить? Ах, cousine, сами вы не живете, ⁴⁰ отчего же не даете жить другим?

— Какая же это жизнь: посмотреть ботинки?

---

¹ Пусть убирается! (фр.)

— Но ведь это милые, невинные, наивные девочки, которых всё занимает, веселит, и слава Богу, что занимают ботинки, потом займут их деревья и цветы на вашей даче... вы и там будете мешать им?

— О нет, цветы, деревья — кто ж им будет мешать в этом? Я только помешала им видеть мои ботинки: это не нужно, это лишнее.

— Разве можно жить без лишнего, без ненужного?

10 — Кажется, вы сегодня опять намерены воевать со мной? — заметила она. — Только, пожалуйста, не громко, а то тетушки поймают какое-нибудь слово и захотят знать подробности: скучно повторять.

— Если всё свести на нужное и серьезное, — продолжал Райский, — куда как жизнь будет бедна, скучна, да и просто невозможна. Только роскошь жизни, что человек выдумал, прибавил к ней — то и красит ее. «Серьезное!» кто это выдумал! В отступлениях от порядка, от формы, от ваших скучных правил только и есть отрады...

20 — Если б *ma tante* услышала вас на этом слове... «отступления от правил»... — заметила Софья.

— Сейчас бы сказала: «пожалуйста, пожалуйста», — досказал Райский. — А вы что скажете? — спросил он. — Обойдитесь хоть однажды без «*ma tante!*» Или это ваш собственный взгляд на «отступления от правил», проведенный только через авторитет *ma tante*?

— Вы, по обыкновению, хотите из желания девочек посмотреть ботинки сделать важное дело, разбранить меня и потом заставить согласиться с вами... да?

— Да, — сказал Райский.

30 — Что у вас за страсть преследовать мои бедные правила?

— Потому что они — не ваши.

— Чьи же?

— Тетушкины, бабушкины, дедушкины, прабабушкины, прадедушкины: вон всех этих полинявших господ и госпож в робронах, манжетах...

Он указал на портреты.

— Вот видите, как много за мои правила! — сказала она шутливо, — а за ваши...

40 — Еще больше! — сказал Райский и открыл портьеру у окна. — Посмотрите, все эти идущие, едущие, снующие взад и вперед, все эти живые, не полинявшие люди — все за меня! Идите же к ним, кузина, а не от них назад!

Он опустил портьеру.

— По крайней мере можете ли вы, cousin, однажды навсегда сделать *resumé*: какие это их правила (она указала на улицу), в чем они состоят и отчего то, чем жило так много людей и так долго, вдруг нужно менять... за чем?

— Нет, рассказать этого нельзя, кузина, словами: этого не уместишь ни в какой рассказ. Это значит рассказать вам жизнь вообще, и современную в особенности. Я вот сколько времени рассказываю вам всячески: ¹⁰ в спорах, в примерах, читаю... а всё не расскажу.

— Кто ж виноват, — я?

— Вы, кузина: чего другого, а рассказывать я умею. Но вы непоколебимы, невозмутимы, вы не выходите из своего укрепления... и я вам низко кланяюсь.

Он низко и почтительно поклонился ей. Она смотрела на него с улыбкой.

— Вы, вероятно, тоже непоколебимы: не выходить из правил, кажется, это всё...

— Не выходить из слепоты — не бог знает какой ²⁰ подвиг! — задумчиво сказал он. — Мир идет к счастью, к успеху, к совершенству...

— Но ведь я... совершенство, cousin? Вы мне третьего дня сказали и даже собрались доказывать, если б я только захотела слушать...

— Да, вы совершенны, кузина, но ведь Венера Милосская, головки Грёза, женщины Рубенса — простите — еще совершеннее вас. Зато... ваша жизнь, ваши правила... куда как несовершенны!

— Что же надо делать, чтоб понять эту жизнь и ваши ³⁰ мудреные правила? — спросила она покойным голосом, показывавшим, что она не намерена была сделать шаг, чтоб понять, и говорила только потому, что об этом зашла речь.

— Что делать? — повторил он. — Во-первых, снять эту портьеру с окна, и с жизни тоже, и смотреть на всё открытыми глазами: тогда поймете вы, отчего те старики полиняли и лгут вам, обманывают вас бессовестно из своих позолоченных рамок...

— Cousin! — с улыбкой, слабо, больше из приличия, ⁴⁰ и то за резкость выражения, вступилась Софья за предков.

— Да, да, — задорно продолжал Райский, — они лгут. Вот посмотрите, этот напудренный старик с сталь-

ным взглядом, — говорил он, указывая на портрет, висевший в простенке, — он был, говорят, строг даже к семейству, люди боялись его взгляда... Он так и говорит со стены: «Держи себя достойно», только не говорит — чего: достойно человека, женщины, что ли? нет, — «достойно рода, фамилии», и если, Боже сохрани, явится человек с вчерашним именем, с добытым собственной головой и руками значением — не возводи на него глаз, не смей позволить себе игривой мысли, розового желания, сжимай и сердце, и движения: помни, ты носишь имя Пахотиных... ни лишнего взгляда, ни смелой, естественной, благородной симпатии... Боже сохрани — от «*mésalliance*». И послушная жертва произносит обет сердечного девства, отдает себя имени, преданию и живет в вечном заточении от света и любви. А сам — кого удостоивал или кого не удостоивал сближения с собой? «*Il faut bien placer ses affections!*»¹ — говорит он на своем удивительном, нечеловеческом наречии, высказывающем нечеловеческие понятия. А как он, на какие *affections* разбросал свою жизнь, здоровье, имение? Положил ли все свои *affections* на эту сухую старушку, с востреньким носиком, жену свою (он указал на другой, женский портрет)... Нет, она смотрит что-то невесело, глаза далеко ушли во впадины: это такая же жертва хорошего тона, рода, приличий... И что завещал вам взамен своего произвола? Чем предложил заменить то, что тешило его самого? Честью носить свое имя! Он велел, — и вот веления его идут через века и достигают живого, роскошного, полного жизни и не живущего создания?

— *Cousin, cousin!* — с усмешкой останавливала его Софья.

— Да, кузина: вы обмануты и ваши тетки прожили жизнь в страшном обмане и принесли себя в жертву призраку, мечте, пыльному воспоминанию... Он велел! предписывать законы сердцу! — говорил он, глядя почти с яростью на портрет, — а научил ли он вас, куда девать слезы, когда сердце просит свободы и любви? Сказал ли он вам, как бороться, выплывать, протянет ли руку, чтоб утешить, успокоить и наполнить пустоту жизни? Есть ли у него и у всех этих стариков — слова, слезы, участие? Нет, нет, потому что они сами жили не

---

¹ «Надо соблюдать осторожность в своих «привязанностях!» (фр.)

так, как хотят, чтоб жили другие. Они жили обманом, лукавством или силою. Велел! — обращался он прямо к старику, — а что ты дал ей вместо погашенной жизни? Что ты дашь вместо сдавленных желаний, жажды, борьбы...

— Cousin! пойдите в гостиную: я не сумею ничего отвечать на этот прекрасный монолог... Жаль, что он пропадает даром, — чуть-чуть насмешливо заметила она.

— Да, — отвечал он, — предок торжествует. Завещанные им правила крепки. Он любит вас, кузина: спокойствие, безукоризненная чистота и сияние окружают вас, как ореол...

Он вздохнул.

— Всё это лишнее, ненужное, cousin! — сказала она. — Ничего этого нет. Предок не любит меня, и ореола нет; а я люблю вас и долго не поеду в драму: я вижу сцену здесь, не трогаясь с места... И знаете, кого вы напоминаете мне? Чацкого...

Он задумался и сам мысленно глядел на себя и улынулся.

«Зачем это я? зачем?» — думал он и опять говорил, напрасно стараясь удержаться.

— Это правда, я глуп, смешон — может быть, я тоже с корабля попал на бал... Но и Фамусовы в юбке!.. — он указал на теток. — Ужели лет через пять, через десять...

Он не досказал своей мысли, сделал нетерпеливый жест рукой и сел на диван.

— О какой тоске, пустоте говорите вы? — спросила она. — Ничего этого нет. Никакого рая у меня не отняли, никто мне ни в чем не мешает... жажды нет... Чем же виноват предок? Тем, что вы не можете рассказать своих правил? Вы много раз принимались за это, и всё напрасно...

— Да, с вами напрасно, это правда, кузина! Предки ваши...

— И ваши тоже: у вас тоже есть они.

— Предки наши были умные, ловкие люди, — продолжал он, поправившись, — где нельзя было брать силой и волей, они создали систему, она обратилась в предание — и вы гибнете систематически, по преданию, вы — Ифигения, гордо восходящая на костер, или индианка, сожигающаяся с трупом мужа...

— Послушайте, m-г Чацкий, — остановила она, — если вам не удалась ваши правила, то скажите мне по крайней мере, отчего я гибну? Оттого что не понимаю новой жизни, не... не поддаюсь... как вы это называете... развитию? это ваше любимое слово. Но вы достигли этого развития, да? а я всякий день слышу, что вы скучаете... вы иногда наводите на всех скуку...

— И на вас тоже? не поверю.

— Нет, не шутя, мне жаль вас...

10 — Говоря о себе, не ставьте себя наряду со мной, кухня: я урод, я... я... не знаю, что я такое, и никто этого не знает. Я больной, ненормальный человек, и притом я отжил, испортил, исказил... или нет, не понял своей жизни. Но вы, вы цельны, определены, ваша судьба так ясна, и между тем я мучаюсь за вас. Меня терзает эта втуне утекающая жизнь, как река, текущая в пустыне... А то ли суждено вам природой? Посмотрите на себя...

20 — Что же мне нужно и чего я не понимаю в ней? Вы сейчас сказали, что для того чтобы понять жизнь, нужно, во-первых, снять портьеру с нее; положим, она снята, и я не слушаюсь предков: знаю, зачем, куда бегут все эти люди (она указала на улицу), что их занимает, тревожит; что же нужно во-вторых?

— Во-вторых, нужно...

Он встал, заглянул в гостиную, подошел тихо к ней и тихо, но внятно сказал:

— Любить!

— *Voilà le grand mot!*¹ — произнесла она монотонно.

30 Оба молчали.

— Вы, кажется, и их упрекали, зачем они не любят? — вдруг с улыбкой прибавила она, показав головой к гостиной, на теток.

Райский махнул с досадой на теток рукой.

— Вы будто лучше теток, кухня? — вдруг возразил он. — Только они стары, больны, а вы прекрасны, блистательны, ослепительны...

— *Merci, merci*, — нетерпеливо перебила она всё с той же, как будто застывшей улыбкой.

40 — Что же вы не спросите меня, кухня, что значит любить, как я понимаю любовь?

— Зачем? мне не нужно знать это.

---

¹ — Какое громкое слово! (*фр.*)

— Нет, вы не смеете спросить!

— Почему? — сказала она.

— Он услышит! (Райский указал на портрет предка).
Они не велят (он указал в гостиную на теток)...

— Нет, *он* услышит, — сказала она, указывая на портрет своего мужа во весь рост, стоявший над диваном, в готической золоченой раме.

Она встала, подошла к зеркалу и задумчиво расправляла кружево на шее.

Райский между тем изучал портрет мужа: там видел он серые глаза, вострый небольшой нос, иронически сжатые губы и коротко остриженные волосы, рыжеватые бакенбарты; потом взглянул на ее роскошную, распутившуюся талию, всю фигуру, полную цвета красоты, и мысленно рисовал того счастливца, который мог бы по праву сердца — велеть или не велеть этой богине.

«Нет, нет, не этот! — думал он, глядя на портрет. — Это тоже предок, не успевший еще полинять; не ему, а принципу своему покорна ты...» — думал он о ней, но сказать этого не решился.

— Вы так часто обращаетесь к своему любимому предмету, к любви, — сказала она шутливо, — а посмотрите, *cousin*, ведь мы уж стары, пора перестать думать об этом... — говорила она, кокетливо глядя в зеркало.

— Значит, пора перестать жить... Я — положим, а вы, кузина!

— Как же живут другие, почти все?

— Никто! — с уверенностью перебил он.

— Как? По-вашему, князь Пьер, Анна Борисовна, Лев Петрович... все они...

— Живут — или воспоминаниями о любви, или любят, да притворяются...

Она засмеялась и стала собирать в симметрию цветы, потом опять подошла к зеркалу.

— Да, любили или любят, конечно про себя, и не делают из этого никаких историй, — досказала она.

Он смотрел с страстным удивлением на ее античные плечи, следил взглядом движения и ждал, не взглянет ли она в зеркале на него, и мысленно смотрел в воображении и на себя, какое явление составляет он в этой картине, лежит ли на нем хоть немного блеска, чтоб гармонировать с этой картиной, не пятно ли он в ней? Но она не взглянула на него и как будто забыла, что он

был тут и то, о чем они говорили. Он не смел и внутренне подосадовать на это невнимание и небрежность, он чувствовал уже себя как-то туманно, в одиночку счастливым этим бескорыстным поклонением красоте, тем, что он тут, где она, что он говорит ей, слушает ее, и если еще припутывалось беспокойное желание к этому поклонению, так это желание внести часть чего-то своего, занести туда живую мысль, непривычное волнение, всколебать этот океан покоя, вызвать бурю и посмотреть, как она забушует. Но, может быть, за этим смутным желанием крылись другие, тайные, теперь еще неведомые ему надежды. Он боялся и думать об этом. «Нет, — думал он, — нет, не встречал я никого, достойного стать с ней рядом, с любовью и уверенностью протянуть ей руку, прижать ее к себе... Нет, довольно и приснившегося сна об этом счастье!.. Не мудрено, что она невозмутима: некому возмутить!» И опять его неудержимо влекло приблизиться к ней, узнать ее короче, заглянуть в душу к ней, будто в пропасть, а закружится ли у него голова и он упадет или, заглянувши, равнодушно пойдет дальше, он не знал. Он следил, как шпион, за ней на вечерах у ней и в других домах, не глядит ли она внимательнее на прекрасное мужское лицо, не изменит ли скользнувший луч удовольствия в какой-нибудь встрече, не промелькнет ли желание быть там, а не здесь, говорить с тем, а не с этим. Нет, всё та же гладкая, сияющая пелена снега или воды, на которой лучи света падают ровно, освещая ее во всю видимую ширину.

30 Она пошла было к гостинной.

— Одно слово, кухня! — остановил он ее.

— О любви? — спросила она, останавливаясь.

— Нет, не бойтесь, по крайней мере теперь я не расположен к этому. Я хотел сказать другое.

— Говорите, — мягко сказала она, садясь.

— Я пойду прямо к делу: скажите мне, откуда вы берете это спокойствие, как удается вам сохранять тишину, достоинство, блеск характера, это дыхание свежести в лице, эту мягкую уверенность и скромность в каждом мерном движении вашей жизни? Как вы обходитесь без порывов, без усилий, без борьбы, как живете без увлечений, без падений и без побед? что вы делаете для этого?

— Ничего! — с удивлением сказала она.

— Как, вы не думаете об этом? не заботитесь, не устраняете от себя ничего?..

— Ничего! — повторила она. — Зачем вы хотите, чтоб со мной делались какие-то конвульсии?

— Но ведь вы видите других людей около себя, не таких, как вы, а с тревогой на лице, с жалобами...

— Да, вижу и жалею: ma tante Надежда Васильевна постоянно жалуется на тик, папа на приливы...

— А другие, а все? — перебил он, — разве так живут? Спрашивали ли вы себя, отчего они терзаются, плачут, 10 томятся, а вы нет? Отчего другим, по три раза в день, приходит охота сбросить бремя жизни, а вам нет? Отчего они мечутся, любят и ненавидят, а вы нет?..

— Вы про тех говорите, — спросила она, указывая головой на улицу, — кто там бегают, суетится? Но вы сами сказали, что я не понимаю их жизни. Да, я не знаю этих людей и не понимаю их жизни. У меня своя.

— И не хотите знать: отчего же, отчего?

— Зачем? — спросила она едва заметным тоном удивления. 20

— Зачем! — упрекнул он. — Чтоб черпнуть жизни.

— То есть отдать это спокойствие, достоинство... и что еще сказали вы?.. и взять их заботы, печали — да?

— Да! — подтвердил он.

— Вы странный человек, cousin, — говорила она в раздумье, — сколько раз вы бранили бедных предков за деспотизм, а сами требуете, чтоб я шла на улицу и вмешалась в то, до чего мне дела нет!

— Дела нет: ведь это значит дела нет до жизни.

— Опять «жизни»: вы только и твердите это слово, 30 как будто я мертвая. Я предвижу, что будет дальше, — сказала она, засмеявшись, так что показались прекрасные зубы. — Сейчас дойдем до правил и потом... до любви.

— Нет, не отжил еще Олимп! — сказал он. — Вы, кузина, просто олимпийская богиня — вот и конец объяснению, — прибавил он, как будто с отчаянием, что не удастся ему всколебать это море. — Пойдемте в гостиную!

Он встал. Но она сидела. 40

— Вы не удостоиваете смертных снизойти до них, взглянуть на их жизнь, живете олимпийским неподвижным блаженством, вкушаете нектар и амброзию — и благо вам!

— Неужели, cousin, вы думаете, что я не отдала бы половины... нет, больше... почти всё из всего этого, что составляет мой Олимп, чтоб другие тоже вкушали нектар и амброзию: но ведь это невозможно, и я...

— И вы отвратили глаза от мира и людей: вы думаете, что там суетятся, мучатся оттого только, что у них нет Олимпа? Вы думаете, что они не отдали бы этот Олимп с снежной вершиной назад, если б он был у них, и не взяли бы опять свою темную, трудную жизнь, но жизнь с заботами, волнениями...

— Да, cousin, думаю, — подтвердила она, — если бы все они имели эти средства, родились и жили в этих обстоятельствах (она окинула взглядом вокруг себя); если б было кому-нибудь за ними смотреть, остерегать, покоить их, как покоила меня мать, потом муж, теперь тетушки, то были бы так же покойны, невозмутимы, здоровы... Послушайте, — сказала она, встав перед ним, — если вы знаете кого-нибудь, кому бы я могла помочь, скажите и научите, как это сделать? возьмите этого нектара и амброзии и дайте кому нужно; если надо просить кого-нибудь о чем-нибудь — я готова, только, пожалуйста, чтоб мне не нужно было идти на улицу и бегать вместе с ними!.. — заключила она с улыбкой.

— Поэтому, если б отнять у вас это всё, — продолжал он, тоже окидывая взглядом комнату, — взять у вас толпу лакеев, швейцара, лошадей, горничных, вы бы сейчас же стали испытывать жизнь?

— Нет, только не горничных, — довольно живо перебила она, смеясь, — без Паши и Дуняши я не умею представить себя. А швейцара, лакеев — возьмите... и лошадей, — подумавши, прибавила она, — и повара. Знаете ли, я способна жить в бедности: могла бы заботиться сама о многом, вставать рано, обедать три блюда, не выезжать... и уверяю вас, что я сохранила бы это спокойствие, которое так беспокоит вас... и в бедности...

— Вы что называете бедностью? чтоб обед в три блюда являлся сам собою, чтобы сзади вас, когда выйдете со двора, шел человек, даже без ливреи, чтобы, чуть заболите, являлся лучший доктор, чтобы платья шились невидимую рукою... Хороша бедность! И жили бы своим трудом? пожалуй, сами наливали бы себе чай... да?

Он засмеялся.

— Отчего ж нет? Я могла бы учить на фортепьяно девочек, — сказала она, — они бы жили у меня, по воскресеньям я принимала бы их родителей, у нас были бы *petites soirées*...¹

— Утопия бедности! А если б вам пришлось идти пешком в зимний вечер, одной взбираться на пятый этаж давать урок? А если б вы не знали, будет ли у вас топлена комната и выработаете ли вы себе на башмаки и на салоп? да еще не себе, а детям? И потом убиваться неотступною мыслию, что вы сделаете с ними, когда упадут силы?.. И жить под этой мыслью, как под тучей, десять, двадцать лет...

— *C'est assez, cousin!*² — нетерпеливо сказала она, и по лицу ее медленно прошла тень какого-то непривычного, несвойственного ей чувства беспокойства или робости, — возьмите деньги и дайте, дайте туда...

Она указала на улицу.

— Но это только одна, самая грубая, но не самая страшная сторона медали. Есть другие страдания, тонкие и неосозаемые; от них сохнет мозг в костях и являются морщины, — это страсти...

— Это их-то вы хотите дать мне испытать, *cousin*? Что это за... противоречия в вас? То вы хотели бы избавить меня от ветерка, укрыть от бурь, то толкаете меня в них...

— Чтоб иметь наслаждение избавить...

— Не понимаю! — медленно произнесла она.

— Не понимать жизни, волнений, страданий и, следовательно, тончайших радостей — и жить!

Он пожал плечами.

— Любовь близко? — тихо, с улыбкой спросила она. — Зачем вы хотите, чтоб я испытывала такое опасное чувство, — прибавила она потом, — когда оно приносит морщины, стоны... еще что? — Она взглянула мельком в зеркало. — Я не хочу морщин, я хочу быть всегда такой, какая я есть.

— Зачем вам это? Ужели затем только, чтоб вся зала, куда вы входите, ахнула и онемела или чтоб партер зашевелился, когда вы появитесь в ложе...

— Ах нет! — с нетерпением отозвалась она.

---

¹ вечеринки (*фр.*)

² — Довольно, кузен! (*фр.*)

— Зачем же? зачем эта экономия, эта сдержанность данных вам сокровищ? Ужели для холодного удивления, для безответного обожания...

— Я ничего не прошу, не требую и не хочу! — покойно сказала она. — Я хочу всегда жить, как живу теперь.

— Да вы не вправе хотеть этого, кузина, как не вправе талант закопаться: красота тот же талант, она должна служить жизни, обществу, и потому вы должны...

— Любить! — иронически сказала она.

10 — Да, любить, наслаждаться и разливать вокруг себя счастье, блаженство, и страдать, страдать...

— А если я любила? — вдруг отозвалась она.

— Вы? — спросил он, вглядываясь в ее бесстрастное лицо и отыскивая хоть одну изломанную линию, хоть искру какого-нибудь забытого, угасшего сожаления, воспоминания, облачко задумчивости, легкой дрожи, нежности в звуке голоса, — чего-нибудь, что бы говорило, что уже тут была жизнь, что это временная и случайная праздность сердца...

20 — *Вы* любили и... страдали? — спросил он.

— Я была счастлива, — задумчиво, про себя, сказала она.

— Чем?

Она молчала.

— Нет! — прибавил он потом, — если б лгал ваш язык, не солгали бы глаза, изменились бы хоть на минуту эти краски. А глаза ваши говорят, что вы как будто вчера родились...

30 — Вы поэт, артист, cousin: вам, может быть, необходимы драмы, раны, стоны, и я не знаю, что еще... вы не понимаете покойной, счастливой жизни, я не понимаю вашей...

— Это я вижу, кузина; но поймете ли? — вот что хотел бы я знать! Любили и никогда не выходили из вашего олимпийского спокойствия?

Она отрицательно, тихо покачала головой.

— Как это вы делали, расскажите! Так же сидели, глядели на всё покойно, так же с помощью ваших двух
40 фей, как богиня, медленно одевались, покойно ждали кареты, чтоб ехать туда, куда рвалось сердце, не вышли ни разу из себя, тысячу раз мучительно не спросили себя мысленно, там ли он, ждет ли, думает ли, не изнемогли ни разу, не покраснели от напрасно потерянной минуты или от счастья, увидя, что он там, и не сбежала

краска с лица, не являлся ни испуг, ни удивление, что его нет?

Она тихо отрицательно покачала головой.

— Не приходила вам сто раз мысль не расставаться с ним там, а мысленно взять с собой с бала, из толпы, чтоб видеть его здесь, близко, услышать в тишине его голос, говорящий только вам, сжать руку...

Она решительно покачала головой.

— Не приходило вам в голову стремительно броситься к нему и онеметь, побледнеть, потом дрожать и не найти слов?..

— Нет, — сказала она с небрежной усмешкой.

— А когда вы ложились спать...

В лице у ней появилось беспокойство: она слушала и не слушала, что он говорит.

— А когда вы ложились ночью, не стоял он тут?.. — продолжал он.

— Что вы, cousin? — вдруг встрепенувшись, почти с ужасом сказала она.

— Не стоял он в вашем воображении, не наклонялся к вам?...

— Нет, нет... — торопливо отвергала она, слушая с устремленным на одно место взглядом.

— Не шептал страстно, не губами, а вот здесь, грудью... «Sophie»?..

— Нет, н...ет... — будто с усилием проговорила она.

— И рука ваша не отвечала ему пожатием?

Софья медленно покраснела, как будто от нетерпения прервать его речь, но не знала — как, чем.

— Не раздавался в ушах и сердце поцелуй?..

Краска разлилась по щекам.

— Cousin, я была замужем, вы знаете... assez, assez, de grâce...¹

— Если вы любили, кузина, — продолжал он, не слушая ее, — вы должны помнить, как дорого вам было проснуться после такой ночи, как радостно знать, что вы существуете, что есть мир, люди и он...

Она опустила длинные ресницы и дослушивала с нетерпением, сидя так, как будто каждую минуту готовилась уйти.

— Если этого не было, как же вы любили, кузина? — заключил он вопросом.

¹ довольно, довольно, помилосердствуйте... (фр.)

— Иначе.

— Расскажите: зачем таить *возвышенную* любовь?... — чуть-чуть иронически прибавил он.

— Я не таю: в ней не было ничего ни таинственного, ни возвышенного, а так, как у всех...

— Ах, только не у всех, нет, нет! — говорил он.

— Я когда-нибудь расскажу, и вы увидите, что не было ни страданий, ни... чего еще, cousin? А всё просто.

10 — Ах, расскажите... — просил он. — Если же нет, кузина, и если вы не любили и еще полюбите когда-нибудь, вы услышите и узнаете эти мечты, над вами заиграет гроза любви и заблещет ее солнце. Тогда что будет с вами, с этой скучной комнатой? Цветы не будут стоять так симметрично в урнах, они будут служить жизни и любви. Что значит сам по себе запах цветка? ничего, химическое соединение газов; но запах этот, примешанный к нервному настроению, вольет негу в этот волшебный мир. Сонатой вашей будет наслаждаться не
20 ареопаг стариков — будете играть только ему, звуки заговорят так понятно, как слова, книги эти потеряют лоск, и от стиха, который будет высказывать вам вас же самих, задрожат стены...

— Довольно, довольно! — сказала она с полуулыбкой, не от скуки нетерпения, а под влиянием как будто утомления от этих картин и впечатлений.

— Я воображаю себе обеих тетушек, если б в комнате поселился этот беспорядок, — сказала она смеясь, — разбросанные книги, цветы, «чтоб служить любви», — и
30 вся улица смотрит свободно сюда...

— Опять тетушки! — упрекнул он. — Ни шагу без них! и всю жизнь так? — спросил он.

— Да... конечно, — задумавшись, сказала она.

— Ужели ни одного свободного побуждения, ни одного собственного шага, никогда ни одной своей, собой созданной себе минуты, своего каприза, шалости, хоть глупости?..

Она думала, казалось, припоминала что-то, потом вдруг покраснела.

40 — А, кузина, вы краснеете! значит, тетушки не всегда сидели тут, не всё видели и знали! Скажите мне, — умолял он, — это будет для меня таким подарком, таким знаком доверия, дружбы...

— Зачем вам?

— Зачем: я не умею рассказать... Но так нужно для чего-то: чтоб удивляться вам больше; может быть, обождать вас... Нет, нет, — поправился он, видя, что она сделала нетерпеливое движение, — чтоб... чтоб... ей-богу, не знаю для чего, для того, я думаю, для чего бы брат хотел знать маленькие секреты любимой сестры; для того чтоб... пожить немного вашей чистою, безукоризненною жизнью...

— Вы хотите знать глупость, шалость: какая же это безукоризненность? Хорошо, cousin, я вам расскажу 10 одну глупость, потому что я смеюсь над ней и вам даю право смеяться... Я была еще девочкой. Вы увидите, что и у меня были и слезы, и трепет, и краска... et tout ce que vous aimez tant!¹ Но только расскажу в другой раз и с тем чтобы вы больше о любви, о страстях, о столах и воплях не говорили. А теперь пойдемте к тетушкам.

Он вышел в гостиную, а она подошла к горке, взяла флакон, налила несколько капель одеколона на руку и задумчиво понюхала, потом оправилась у зеркала и вышла в гостиную. 20

Она села подле теток и стала пристально следить за игрою, а Райский за нею. Она была покойна, так же светла, чиста, свежа. А ему втеснилось в душу, напротив, беспокойство, какое-то неловкое чувство, заговорило желание узнать, что у ней теперь на уме, что в сердце, хотелось прочесть в глазах, но она ни разу не подняла на него глаз. И потом уже, когда после игры подняла, заговорила с ним — всё то же в лице, как вчера, как третьего дня, как полгода назад.

«Чем и как живет эта женщина? что движет ею? — 30 если не гложет ее мука или не волнуют надежды на жизнь, не терзают заботы, если она в самом деле „выше мира и страстей“, отчего она не скучает, не томится жизнью, как... скучаю и томлюсь я? любопытно узнать!»

Так думал в сотый раз Райский, уходя домой и рассчитывая, когда увидится опять с ней, когда услышит ее рассказ, когда приподнимется завеса — и что там... за этой завесой...

.....
.....
.....

---

¹ и всё, что вы так любите! (фр.)

В один вечер Райский и Беловодова опять сошлись у ней в кабинете. Она была одета, чтоб ехать в спектакль: отец хотел заехать за ней с обеда, но не заезжал. Было уже половина осьмого.

— Итак, кузина? — сказал он.

— Итак, cousin? — повторила она.

— Я всё думаю о нашем разговоре: а вы?

— Я, cousin... виновата: я не думала о нем. Что такое мы говорили?.. Ах да! — припомнила она. — Вы что-то меня спрашивали?

— И вы что-то мне обещали.

— Что же?

— Рассказать... какую-то глупость, ребячество и потом вашу законную любовь...

— Всё это так просто, cousin, что я даже не сумею рассказать: спросите у всякой замужней женщины, не из тех, которые там, в новой жизни, бегают, а у женщины *comme il faut*, как все... она то же скажет. Вон хоть Катринь...

— Ах нет, кузина: Катринь — женщина *comme il n'en faut pas*: наряды и балы, балы и наряды...

— Что мне вам рассказывать? — сказала она. — Я не знаю, с чего начать. Алексей Иваныч сделал через княгиню предложение, та сказала маман, маман теткам; позвали родных, Каминских, Рукачиных, Маланицовых, графиню Морасинскую, потом объявили папá...

— После всех! — весело заметил Райский. — А вы когда узнали?

— В тот же вечер, разумеется. Какой вопрос! Не думаете ли вы, что меня принуждали?..

— Нет, нет, кузина: не так рассказываете. Начните, пожалуйста, с воспитания. Как, где вы воспитывались? прежде расскажите ту «глупость»...

— Дома воспитывалась, вы знаете...

— Но кто, что, как? всё расскажите, с подробностями... мне так любопытно знать...

— Мне это трудно; вы знаете, я не умею рассказывать. Вы помните маман?

— Да, видал издали, — отвечал он, — у ней был такой строгий взгляд, что когда мне показали ее и сказали, что она родственница мне, я ту ж минуту давай Бог ноги из дома: не помню, где это было...

— Напрасно: тогда бы вы сами видели мое воспитание и замужство, и мне бы нечего было вам рассказывать. Матап была строга, это правда, — и слава Богу. А между тем она предобрая, она так любила меня!

Софья задумчиво вздохнула.

— Правда, она никогда не шутила, не смеялась, ласкала мало, — продолжала она, — но все ее слушались: няньки, девушки, гувернантки делали всё, что она приказывала. В детскую она не ходила, но порядок был такой, как будто она там жила. Когда мне было лет семь, за мной, помню, ходила немка Маргарита: она причёсывала и одевала меня, потом будили мисс Дредсон и шли к татап. Матап, прежде нежели поздороваётся, пристально поглядит мне в лицо, обернет меня раза три, посмотрит, всё ли хорошо, даже ноги посмотрит, потом глядит, как я делаю кникс, и тогда поцелует в лоб и отпустит. После завтрака меня водили гулять, или в дурную погоду ездили в коляске...

— Вы шалили? резвились?

— Боже сохрани! мисс Дредсон шла рядом и дальше трех шагов от себя не пускала. Однажды мальчик бросил мячик, и он покатился мне в ноги, я поймала его и побежала отдать ему, мисс сказала татап, и меня три дня не пускали со двора. Впрочем, я мало помню, что было, помню только, что ездил чаще всех танцмейстер и всё твердил: «*Chassé en avant, chassé à gauche, tenez-vous droit, pas de grimaces...*»¹ После обеда мне позволяли в большой зале играть час в мячик, но тихонько, чтоб не разбить зеркал и не топтать ногами. Матап не любила, когда у меня раскраснеются щеки и уши, и потому мне не велено было слишком бегать. Еще уверяли, что будто я... — она засмеялась, — язык показывала, когда рисую и пишу и даже танцую, — и оттого «*pas de grimaces*» раздавалось чаще всего.

— «*Chassé en avant, chassé à gauche* и *pas de grimaces*» — это были первые преподанные вам правила, — сказал он, — что же дальше?

— Дальше приставили еще француженку, *madame Cléry*: но... не знаю, почему-то скоро отпустили. Я помню, как рара защищал ее, но татап слышать не хотела...

---

¹ «Шаг вперед, шаг налево, держитесь прямой, не кривляйтесь...» (фр.)

— Ну, я теперь знаю почему! — сказал Райский и засмеялся.

— Вместо нее взяли m-lle Pamé. Но она не ходила за мной, а только каждый день по три часа разговаривала при маман или при тетушке Надежде Васильевне. Когда я ошибалась, тетушка не утерпит и сейчас поправит, а маман только поглядит на меня как-то странно... Я уже знала, что ошиблась, и конфузилась; я боялась, когда она глядела на меня так... и, забывшись иногда...¹⁰ показывала язык.

— «Pas des grimaces!» — сейчас кричали вам, — заметил Райский.

— Конечно! Зато десяти лет я была совершенно как взрослая; все говорили, я сама часто слышала: «Как она прекрасно держит себя, какие манеры! Très bien élevée!»¹

— И вы радовались этому? — спросил Райский.

— Ах, очень! Я даже начала гордиться и как-то иначе глядеть... выучилась даже делать petite moue.² Но однажды, когда сделала, вдруг почувствовала, что маман²⁰ глядит на меня, как глядела, когда я сделаю ошибку. Я сконфузилась и с тех пор перестала.

— Ну, теперь я вижу, что у вас не было детства: это кое-что объясняет мне... Учили вас чему-нибудь? — спросил он.

— Без сомнения: histoire, géographie, calligraphie, l'orthographe, еще по-русски...

Здесь Софья Николаевна немного остановилась.

— Я уверен, что мы подходим к катастрофе и что герой ее — русский учитель, — сказал Райский.

³⁰ — Да... вы угадали! — засмеявшись, отвечала Беловодова. — Я все уроки учила одинаково, то есть все дурно. В истории знала только двенадцатый год, потому что mon oncle prince Serge служил в то время и делал кампанию, он рассказывал часто о нем; помнила, что была Екатерина II, еще революция, от которой бежал m-r de Quegney, а остальное всё... какие-то войны, греческие, римские, что-то про Фридриха Великого — всё это у меня путалось. Учителя географии я попросила, —
⁴⁰ не сама, я боялась, чтоб маман не узнала, — а через рара, — чтобы он не задавал мне рек, гор, потом Америки и Азии... Я никогда не могла выучить... После я узна-

---

¹ Прекрасно воспитана! (фр.)

² недовольную гримаску (в знач.: слегка надувать губы) (фр.)

ла, что и татап согласилась на это, потому что учитель хотел, чтоб я чертила реки на бумаге: я перепачкала пальцы, татап и согласилась, чтоб я знала только большие города. Но по-русски я выучивала почти всё, что задавал учитель, только глаголы не могла заучить...

— И я, и я тоже! — перебил Райский. — До сих пор всё идет прекрасно. Что же вы делали еще?

— Читали. Он прекрасно читал. Письмо Татьяны я наизусть знаю, хотя книга этих мне не давали в руки: их 10 прятали вот в этот шкаф.

— Какие же давали? — спросил Райский.

— Никаких.

— Никаких! — повторил он в изумлении. — И французских не давали?

— До замужства не давали.

— Что же вы делали? Ведь потом «*chassé en avant, chassé à gauche*» прекратилось, гримасничать вы перестали — куда же уходило время?

— А музыка! У нас начались *soirées musicales et dan-* 20 *santes*,¹ потом рисовали, а остальное время я была при татап в гостиной с пятнадцати лет, потом ездила с мисс Дредсон гулять.

— Никаких! — повторил Райский, пожимая плечами. — И вы не просили?

Она отрицательно покачала головой.

— Потом, когда мне было шестнадцать лет, мне дали особые комнаты и поселили со мной *ma tante* Анну Васильевну, а мисс Дредсон уехала в Англию. Я занималась музыкой, и мне оставили учителя по-русски, пото- 30 му что тогда в свете заговорили, что надо знать по-русски почти так же хорошо, как по-французски... Ельнин... учитель... прочел мне «Горе от ума», Лермонтова, Пушкина — всё почти... хотел читать какого-то нового автора, но татап узнала и запретила...

— М-г Ельнин был очень... очень... мил, хорош и... *comme il faut?*.. — спросил Райский.

— *Oui, il était tout-à-fait bien,*² — сказала, покраснев немного, Беловодова, — я привыкла к нему... и когда он манкировал, мне было досадно, а однажды он заболел и 40 недели три не приходил...

¹ музыкальные и танцевальные вечера (*фр.*)

² — Да, он был вполне благовоспитан (*фр.*)

— Вы были в отчаянии? — перебил Райский, — плакали, не спали ночей и молились за него — да? Вам было...

— Мне было жаль его, — сказала Софья Николаевна, — и я даже просила рара послать узнать о его здоровье, только чтоб татап не знала...

— Даже! Ну, что ж рара?

— Вообразите, сам съездил, нашел его *convalescent*¹ и привез к нам обедать. Матап сначала было рассердилась и начала сцену с рара, но Ельнин был так приличен, скромн, такие манеры у него, что и она пригласила его на наши *soirées musicales* и *dansantes*. Он был хорошо воспитан, говорил по-французски, играл на скрипке...

— Что же дальше? — с нетерпением спросил Райский.

— Когда рара привез его в первый раз после болезни, он был бледен, молчалив... глаза такие томные... Мне стало очень жаль его, и я спросила за столом, чем он был болен?.. Он взглянул на меня так как-то... с благодарностью, почти нежно... Но татап после обеда отвела меня в сторону и сказала, что это ни на что не похоже — девице спрашивать о здоровье постороннего молодого человека, еще учителя, «и бог знает, кто он такой!» — прибавила она. Мне стало стыдно, я ушла и плакала в своей комнате, потом уж никогда ни о чем его не спрашивала...

— Дело! — иронически заметил Райский. — Чуть было с Олимпа спустились одной ногой к людям — и досталось.

— Не перебивайте меня: я забуду! — сказала она. — Ельнин продолжал читать со мной, хотел заставить и меня сочинять, но я понять не могла, как это делается, спросила рара, он прочел мне стихи Ламартина и сказал, что так надо сочинять или никак... даже татап улыбнулась, и когда Ельнин пришел вечером, они шутили с ним и смеялись над сочинениями. С тех пор он не давал мне самой сочинять, а только всё читал мне, много читал, но я скоро забывала, потому что при татап, в гостиной, никогда никто о сочинениях не говорил — я и забывала...

— О чем же говорили? — спросил Райский.

---

¹ выздоравливающим (*фр.*)

— Обо всем! — с удивлением заметила Софья, — всё, что делается в свете... о дворах, о политике, о знакомых, что с кем случалось. Мужчины разговаривали о службе, о имениях, обо всем и обо всех.

— Обо всем и обо всех, кроме книг и писателей.

— Впрочем, вы видите, у меня есть книги: это рара и тетка Анна Васильевна подарили мне... когда я стала выезжать... потом муж.

— Что у вас тут? — говорил он, разглядывая книги. — Иллюстрированные альманахи да образцовые произведения Томсона — как это назидательно! Аддисон, Мильтон, а! вот Вальтер Скотт, Лафонтен, Расин, Жан-Батист Руссо... а просто Руссо нет, Вольтера и недавно, даже Мольера не дали: какие осторожные предки! — он засмеялся. — А уж о новых нечего и говорить! Как это Пушкин и Лермонтов попали сюда! Вероятно, в надежде, что их часто не станут тревожить!

— Это cousin Eugène подарил, когда уходил в поход, — сказала она.

— Что ж Ельнин, всё читал?

— Да, читал и аккомпанировал мне на скрипке: он бывал странен, иногда задумается и молчит полчаса, так что вздрогнет, когда я назову его по имени, смотрит на меня очень странно... как иногда вы смотрите.

— Мм! — промычал Райский.

— Или сядет так близко, что испугает меня. Но мне не было... досадно на него... Я привыкла к этим странностям; он раз положил свою руку на мою: мне было очень неловко. Но он не замечал сам, что делает, — и я не отняла руки. Даже однажды... не глупо ли? когда он не пришел на музыку, на другой день я встретила его очень холодно...

— Bravo! а предки ничего? — спросил Райский.

— Смейтесь, cousin: оно в самом деле смешно!..

— Я радуюсь, кузина, а не смеюсь: не правда ли, вы жили тогда, были счастливы, веселы, — не так, как после, как теперь...

— Да, правда: мне, как глупой девочке, было весело смотреть, как он вдруг робел, боялся взглянуть на меня, а иногда, напротив, долго глядел, — иногда даже побледнеет. Я думаю, не плакал ли он иногда?.. такие были у него странные глаза. Но он был, кажется, очень добр и несчастлив: у него не было родных никого... Я принимала большое участие в нем, и мне было с ним

весело, это правда. Но зато как я дорого заплатила за эту глупость...

— Ах, скорее! — сказал Райский. — Жду драмы.

— В день моих именин у нас был прием, меня уже вывозили. Я разучивала сонату Бетховена и, — надо признаться, — ту, которую он восхищался и которую вы тоже любите...

— Так вот откуда совершенство, с которым вы играете ее... Дальше, дальше, кузина: это интересно!

10 — В свете уж обо мне тогда знали, что я люблю музыку, говорили, что я буду первоклассная артистка. Прежде мама хотела взять Гензельта, но, услышавши это, отдумала.

— Мудрость предков говорит, что неприлично артисткой быть, — заметил Райский. — Ведь как систематически вели дело: убили детство и понемногу обрывали цвет молодости... так и топтали всё — музыку, наслаждения... страсти.

20 — Я ждала этого вечера с нетерпением, — продолжала Софья, — потому что Ельнин не знал, что я разучиваю ее для...

Беловодова остановилась в смущении.

— Для него одного! — подсказал Райский.

30 — Вообразите: имела эту глупость! — продолжала Софья. — Все собрались, тут пели, играли другие, а его нет; мама два раза спрашивала, что ж я, сыграю ли сонату? Я отговаривалась, как могла, наконец она приказала играть, j'avais le sœur gros¹ — и села за фортепиано. Я думаю, я была бледна: но только я сыграла интродукцию, как вижу в зеркале — Ельнин стоит сзади меня... Мне потом сказали, что будто я вспыхнула: я думаю, это неправда, — стыдливо прибавила она. — Я просто рада была потому, что он понимал музыку...

— Кузина! говорите сами, не заставляйте говорить предков.

— Я играла, играла...

— С одушевлением, горячо, со страстью... — подсказывал он.

40 — Я думаю — да, потому что сначала все слушали с удивлением, молча, а когда кончила — все закричали в один голос и захлопали... Но я не обратила на это внимания, не слыхала поздравлений, я обернулась, только

---

¹ у меня было тяжело на сердце (*фр.*)

лишь кончила, к нему... Представьте: он был бледен от восторга... Он протянул мне руку, и я...

Софья остановилась в смущении.

— Вы бросились к нему в объятия, и слезы покатились у вас градом... да?

— Нет, я протянула ему тоже руку, и он... пожал ее! — краснея, досказала она.

— Только?

— Я скоро опомнилась и стала отвечать на поздравления, на приветствия, хотела подойти к татап, но 10
взглянула на нее и... мне страшно стало: так странно она поглядела на меня... Подошла к теткам, но обе они сказали что-то вскользь и отошли. Ельнин из угла следил за мной такими глазами, что я ушла в другую комнату. Матап, не простясь, ушла после гостей к себе, Надежда Васильевна, прощаясь, покачала головой, а у Анны Васильевны на глазах были слезы...

— Помешательства бывают разные, — заметил Райский, — эти все рехнулись на приличии... Ну, что же на- 20
утро?

— Наутро, — продолжала Софья со вздохом, — я ждала, пока позовут меня к татап, но меня долго не звали. Наконец за мной пришла ma tante Надежда Васильевна и молча, сухо сказала, чтобы я шла к татап. У меня сердце сильно билось, и я сначала даже не разглядела, что было и кто был у татап в комнате. Там было темно, портьеры и шторы спущены, татап казалась утомлена; подле нее сидели тетушка, mon oncle 20
prince Serge и рара...

— Весь ареопаг — и портреты тут. Как, я думаю, они 30
грозно глядели на вас!

— Папá стоял у камина и грелся. Я посмотрела на него и думала, что он взглянет на меня ласково: мне бы легче было. Но он старался не глядеть на меня: бедняжка рара боялся татап, а я видела, что ему было жалко. Он всё жевал губами, он это всегда делает в ажитации, вы знаете...

— Ну, что же они?

— Ну, — со вздохом продолжала Беловодова, — они 40
молчали.

— А вы?

— Я тоже молчала...

— Зачем же?

— Потому что была кругом виновата...

— Чем?

— Боже мой! вы слышите — чем.

— Виноваты, молчали! О! как бы я им всем посмотрел в глаза и поговорил бы с ними...

— Я воображаю, какую бы вы сцену продекламировали! — смеясь, заметила она. — Теперь я смеюсь, а тогда мне было ужасно тяжело!

Она слегка вздохнула.

— Но мне, право, совестно, cousin, дальше рассказывать... это так глупо, мечтательно... — говорила она стыдливо.

— Ах нет, нет, говорите! — умолял он.

— «Позвольте вас спросить, кто вы и что вы?» — тихо спросила маман, — начала опять Софья. — «Ваша дочь», — чуть-чуть внятно ответила я. — «Дочь Пахотиной: не похоже. Как вы ведете себя?» — Я молчала: отвечать было нечего...

— Боже мой! нечего! — произнес Райский...

— «Что это за сцену разыграли вы вчера: комедию, драму? чье это сочинение, ваше или учителя этого... Ельнина?» — «Маман, я не играла сцены, я нечаянно...» — едва проговорила я, так мне было тяжело. «Тем хуже, — сказала она, — il y a donc du sentiment là-dedans?¹ Вот послушайте, — обратилась она к рара, — что говорит ваша дочь... как вам нравится это признание?..»

— То-то, я думаю, рара зажевал губами... — заметил Райский.

— Он, бедный, был смущен и жалок больше меня и смотрел вниз, я знала, что он один не сердится, а мне хотелось бы умереть в эту минуту со стыда... Я не смела оспаривать, потому что не знала сама, что было со мной... «Знаете ли, кто он такой, — сказала маман, — ваш учитель? Вот князь Serge всё узнал: он сын какого-то лекаря, бегают по урокам, пишет русским купцам французские письма за границу за деньги, да еще сочиняет, продает и этим живет...» — «Какой срам!» — сказала ma tante. Я не дослушала дальше, мне сделалось дурно. Когда я опомнилась, подле меня сидели обе тетушки, и рара стоял со спиртом. Маман не было. Я не видала ее две недели. Потом, когда увидалась, я плакала, просила прощения. Маман говорила, как поразила ее эта сцена, как она чуть не занемогла, как это всё за-

¹ значит, тут замешано чувство (фр.)

метила кузина Нелюбова и пересказала Мяхиловым, как те качали головой и обвинили ее в недостатке внимания, бранили, зачем принимали бог знает кого. «Вот чему ты подвергла меня!» — заключила тамап. Я просила простить и забыть эту глупость и дала слово вперед держать себя прилично и... презирать Ельнина!

— Презирать! — вскрикнул, вскочив, Райский. — Пусть предки делают что хотят, кузина, но зачем вы-то падаете в моих глазах! Зачем вы повторяете этот суд, который ни ум ваш, ни сердце не одобряют! Ведь вы любили его... 10

Она сделала движение.

— Да, да, — подтвердил он, — это было начало естественной, чистой страсти, которая красит жизнь: я не виню вас, что вы упали в обморок в то время, когда надо было показать им волю и любить наперекор. На это нужно опыт, мужество, характер. Положим, у вас тогда его не было! Но зачем же вы и теперь издеваетесь, кузина, над этой прекрасной искрой, которая бы озарила счастьем всю вашу жизнь? Чтоб не делать этого бесполезного, преступного жертвоприношения, нужно немного сердца. Пусть вы не сладили с застарелым в глупостях ареопагом, но извлеките же пример для себя и поступите иначе с вашей дочерью, когда у вас будут дети... 20

— Отдать ее за учителя? — сказала она.

— Почему ж не отдать? — спросил он.

Она повела глазами по своему платью, потом взглянула на пол, на потолок и молчала, как будто не удостоивая ответить на это. 30

«Он один из тех, которых много там, на улице!» — подумала она про Райского.

«Дон Кихот!» — подумал про себя Райский, глядя на нее, но говорил, говорил всё в том же тоне, с которого начал, и не мог выскочить из роли, которою задался незначай.

— Cousin! — потом кротко начала она, — если вы говорите это из желания поспорить, *par esprit de contradiction*¹ — я готова спорить до слез. Но, надеюсь, вы не думаете сами серьезно, чтоб это было возможно. 40

— Почему нет, если он честен, хорошо воспитан?..

---

¹ из духа противоречия (*фр.*)

— Никто не знает, честен ли Ельнин: напротив, *ma tante* и *matan* говорили, что будто у него были дурные намерения, что он хотел вскружить мне голову... из самолюбия, потому что серьезных намерений он иметь не смел...

— Нет! — пылко возразил Райский, — вас обманули. Не бледнеют и не краснеют, когда хотят кружить головы ваши франты, кузены, *prince Pierre, comte Serge*: вот у кого дурное на уме! А у Ельнина не было никаких намерений, он, как я вижу из ваших слов, любил вас безумно и отдал бы, как Гамлет, сорок тысяч братьев, сорок тысяч жизней за вас. А эти (он, не оборачиваясь, указал назад на портреты) женятся на вас *par convention*¹ и потом променяют на танцовщицу...

— *Cousin!* — серьезно, почти с испугом, сказала она.

— Да, кузина, вы сами знаете это...

— Что же мне было делать? Сказать *matan*, что я выйду за *m*-г Ельнина...

— Да, упасть в обморок от того, что осмелились распоряжаться вашим сердцем, или захохотать над ними, что они хотели унижить его и вместо того возвысили. «Сочиняет, пишет письма, дает уроки, получает деньги и этим живет!» — в самом деле, какой позор! А они, — он указал на предков, — получали, ничего не сочиняя, и проедали весь свой век чужое — какая слава!.. Что же случилось с Ельниным?

— Не знаю, — равнодушно сказала она, — ему отказали от дома, и я не видала его никогда.

Он взглянул на нее: она строго молчала.

— Скажите же, *cousin*: мог ли бы или могут ли быть такие супружества? Ведь это надо изменить свой круг, всё и всех бросить, потому что все разорвут связи и...

— Да, надо изменить, и пора: слишком долго тянется недоразумение!

— Но это всё равно что пойти в монастырь... нет, хуже. Если б я пошла в монастырь, туда бы ко мне ездили, а к *m*-те Ельнин никто не поедет... даже Катринь, кузина *m*-те *Vazil*... никто...

— Когда все станут делать то же самое, так поедут. Пусть Катринь выйдет за живописца, *m*-те *Vazil* за чиновника...

Она засмеялась.

---

¹ из приличия (*фр.*)

— Да Бог с ними! — сказал Райский с досадой, кончившейся, однако, его и ее смехом. — Право, кузина, вы несносны! — продолжал он. — Ужели вам веселее жить, как вы живете? Выезжать, там бал, там раут, там гулянье, там дача, спектакль — и всё это без связи, без содержания! Всё это хорошо, когда нанизано на симпатию, на жизнь, полную мысли, чувства, труда! А так, как вы живете, — грустно, пусто жить!

— Особенного веселья никакого нет, а все так живут...

— Не все!

— Да, я забыла: там живут иначе, — сказала она, указав на улицу.

— И жить вдвоем и друг для друга, считая всё остальное только оттенком, прикрасой жизни, — замечтал он, — чувствовать, что жизнь привязана к чему-то... а вы оттолкнули это от себя! из чего, для чего?

— Но, cousin, вы знаете, что я была замужем и жила этой жизнью...

— С ним? — спросил он, глядя на портрет.

— С ним! — сказала она, глядя с кроткой лаской тоже на портрет.

— Как вы вышли замуж?

— Очень просто. Он тогда только что воротился из-за границы и проговорил со мной более получаса, к концу вечера подошел опять: рассказывал, что делается в Париже, говорил о королеве, о принцессах. Потом был у нас, раза два обедал и через княгиню сделал предложение.

— Ну, когда согласились и вы остались с ним в первый раз одни... что он?..

— Ничего! — сказала она с улыбкой удивления.

— Но ведь... говорил же он вам, почему искал вашей руки, что его привлекло к вам...

— Как вы нескромны, cousin! Но я балую вас: да, он сказал, что ни в Вене, ни в Париже он не видал... не могу же я повторять...

— Прекраснее, блистательнее... — подсказал он.

Она качала отрицательно головой.

— Лучше... — договорила она, — и ни у кого нет такого вкуса, уменя быть в свете...

Райский прыснул со смеха.

— И только? — спросил он.

— Нет, он прибавил, что он никогда не кончил бы, говоря обо мне, но боится быть сентиментальным...

— Потом?

— Потом сел играть в карты, а я пошла одеваться; в этот вечер он был в нашей ложе и на другой день объявлен женихом.

— В самом деле это очень просто! — заметил Райский. — Ну, потом, после свадьбы...

— Мы уехали за границу.

— А! наконец не до света, не до родных: куда-нибудь в Италию, в Швейцарию, на Рейн, в уголок, и там сердце взяло свое... *la glace a été rompue...*¹

— Нет, нет, *cousin*, — мы поехали в Париж: мужу дали поручение, и он представил меня ко двору.

— Господи! — воскликнул Райский, — этого недоставало!

— Я была очень счастлива, — сказала Беловодова, и улыбка и взгляд говорили, что она с удовольствием глядит в прошлое. — Да, *cousin*, когда я в первый раз приехала на бал в Тюльери и вошла в круг, где был король, королева и принцы...

20 — Все ахнули? — сказал Райский.

Она кивнула головой, потом вздохнула, как будто жалея, что это прекрасное прошлое невозвратно.

— Мы принимали в Париже; потом уехали на воды, там муж устраивал праздники, балы: тогда писали в газетах.

— И вы были счастливы?

— Да, — сказала она, — счастлива: я никогда не видала недовольной мины у *Alexis*, не слыхала...

— Нежного, душевного слова, не видали минуты 30 безумного увлечения...

Она задумчиво и отрицательно покачала головой.

— Не слыхала отказа в желаниях, даже в капризах... — добавила она.

— Будто у вас были и капризы?

— Да: в Вене он за полгода велел приготовить отель, мы приехали, мне не понравилось, и...

— Он нанял другой: какой нежный муж!

— Какое внимание, *égard*,² — говорила она, — какое уважение в каждом слове...

40 — Еще бы: ведь вы Пахотина; шутка ли?

---

¹ лед был сломан (*фр.*)

² предупредительность (*фр.*)

— Да, я была счастлива, — решительно сказала она, — и уже так счастлива не буду!

— И слава Богу: аминь! — заключил он. — Канарейка тоже счастлива в клетке, и даже поет; но она счастлива канареечным, а не человеческим счастьем... Нет, кузина — над вами совершенно систематически утонченное умерщвление свободы духа, свободы ума, свободы сердца! Вы — прекрасная пленница в светском серале и прозябаете в своем неведении.

— И не хочу менять этого неведения на ваше опасное ведение... 10

— Да, — перебил он, — и засидевшаяся канарейка, когда отворят клетку, не летит, а боязливо прячется в гнездо. Вы — тоже. Воскресните, кузина, от сна, бросьте ваших Катринь, m-me Basil, эти выезды — и узнайте другую жизнь. Когда запросит сердце свободы, поступится любовь, не справляйтесь, что скажет кузина...

— А что скажет cousin — да? — сказала она.

— Да, тогда вспомните кузена Райского и смело пойдите в жизнь страстей, бросьтесь в незнакомую, темную сторону. 20

— Но зачем же страсти, — слабо возражала она, — разве в них счастье?..

— Зачем гроза в природе?.. — перебил он. — Страсть — гроза жизни... О, если б испытать эту сильную грозу! — с увлечением сказал он и задумался.

— Вот видите, cousin: всё прочее, кроме вас, велит бежать страстей, а вы меня хотите толкнуть, чтобы потом всю жизнь раскаиваться...

— Нет, не к раскаянию поведет вас страсть: она 30 очистит воздух, прогонит миазмы, предрассудки и даст вам дохнуть настоящей жизнью... Вы не упадете, вы слишком чисты, светлы; порочны вы быть не можете. Страсть не исказит вас, а только поднимет высоко. Вы черпнете познания добра и зла, упьетесь счастьем и потом задумаетесь на всю жизнь, — не этой красивой, но сонной задумчивостью. В вашем покое будет биться пульс, будет жить сознание счастья; вы будете прекраснее во сто раз, будете нежны, грустны, перед вами откроется глубина собственного сердца, и 40 тогда весь мир упадет перед вами на колени, как падаю я...

Он в самом деле опускался на колени, но она сделала движение ужаса, и он остановился.

— И когда я вас встречу потом, может быть измученную жизнью, горем, — но богатую и счастьем, и опытом!..

Она слушала задумчиво: какое-то сомнение носилось в чертах.

— Не все Беловодовы, — продолжал он, — не побоятся друг ваш дать волю сердцу и языку, а услышавши раз голос сердца, пожив в тишине, наедине — где-нибудь в чухонской деревне, вы ужаснетесь вашего света. Париж и Вена побледнеют перед той деревней. Прочь *prince Pierre, comte Serge*, тетушки, эти портьеры, драп-
10 ри, с глаз долой портреты, всё это мешает тайному, природному счастью любви. Вы возненавидите и Пашу с Дашей, и швейцара, все выезды — всё вам будет тягостно, будет класть тень на безоблачное счастье. Я воображаю, как вдруг проснется ваш взгляд, когда явится человек и заставит забиться ваше сердце, — мечтал он, глядя куда-то, в свое воображение должно быть, — как вы посмотрите вдруг необыкновенно, взгляд будет
20 глубок, остр, пронзителен. Вы захотите смирить его, найти гордость и напрасно замечетесь, будете искать в себе мужества, там будет тревога, и взгляд выразит смятение. Сан ваш спадет, вы будете неловки, вздрогнете от его голоса, покраснеете, побледнеете, будете умолять взглядом уйти, а когда он уйдет, сердце у вас вскрикнет и помчится за ним, будет ждать томительно завтра, послезавтра... Начнется жизнь неровная, вы не будете обедать, не уснете и просидите ночь в кресле, бледная, утомленная. Но если увидите его завтра, даже
30 почувствуете надежду увидеть, вы будете свежее этого цветка и будете счастливы, и он счастлив этим блестящим взглядом — не только он, но и чужой, кто вас увидит в этих лучах красоты...

Она слушала, опустив глаза и медленно шевеля лентой.

— Что это, видно, папá не будет? — сказала она. — Это невозможно, что вы говорите! — тихо прибавила потом.

— Почему? — спросил он, впиваясь в нее глазами.
40 У него воображение было раздражено, и он невольно ставил на месте героя себя; он глядел на нее то смело, то стоял мысленно на коленях и млел, лицо тоже млело. Она взглянула на него раза два и потом боялась или не хотела глядеть.

— Почему невозможно? — возразил он.

— Ведь я — канарейка! — тихо сказала она.

— О, тогда эта портъера упадет, и вы выпорхнете из клетки; тогда вы возненавидите и теток, и этих полинявших господ, а на этот портрет (он указал на портрет мужа) взглянете с враждой.

— Ах, cousin... — с упреком остановила она.

— Да, кузина, вы будете считать потерянную всякую минуту, прожитую, как вы жили и как живете теперь, и обильными вздохами, слезами заплатите за это спокойствие, за эту смерть... Пропадет этот величавый, стройный вид, будете задумываться, разбрасываться, забудете одеться в это несгибающееся платье... с досадой бросите этот массивный браслет, и крестик на груди не будет лежать так правильно и покойно, будете не перечитывать, а переживать письмо Татьяны и в толпе ревниво искать своего Онегина. Потом, когда преодолете предков, тетушек, — как жадно и широко броситесь в пучину счастья... как мимо вас будут мелькать дни, часы, ночи... 10

Он сел близко подле нее: она замерла и не двигалась, глядя в стену.

— Вы не будете замечать их, вы будете только наслаждаться, не оторвете вашей мечты от него, не сладите с сердцем, вам всё будет чудиться, чего с вами никогда не было.

Он взял ее за руку, она вздрогнула.

— И вы, одни дома, вдруг заплачете от счастья: около вас будет кто-то невидимо ходить, смотреть на вас... И если в эту минуту явится он, вы закричите от радости, вскочите и... и... броситесь ему на грудь... 30

Оба они вдруг встали.

— И отдадите всё... всё... — шептал он, держа ее за руку, — и сердце, и душу, и жизнь в придачу...

— *Assez, cousin, assez,*¹ — говорила она в волнении, с нетерпением, почти с досадой отнимая руку.

— И будете еще жалеть, — всё шептал он, — что нечего больше отдать, что нет жертвы! Тогда пойдете и на улицу, в темную ночь, одни...

— *Mon Dieu, mon Dieu!* — говорила она, глядя на дверь. — Что вы говорите?.. невозможно... невозможно! 40

---

¹ — Довольно, кузен, довольно (*фр.*)

— Всё возможно, — шептал он, — возможно колени-поклонение; вы страстно прильнете губами к его руке и будете плавать в невыразимом наслаждении.

Она села на кресло, откинула голову и вздохнула тяжело, с умилением.

— J'ai une grâce à vous demander, cousin,¹ — сказала она.

Он молча поглядел на нее.

— Laissez-moi!²

10 Он пошел к двери и оглянулся. Она сидит неподвижно: на лице только нетерпение, чтоб он ушел. Едва он вышел, она позвонила, спросила стакан воды, медленно выпила его весь и сказала, чтоб отложили карету. Потом села в кресло, махала платком в лицо, рука с платком опустилась на колени и осталась в этом положении. Софья задумалась, наклонив немного голову, и сидела не шевелясь.

20 Через несколько минут послышались шаги, портьера распахнулась. Софья вздрогнула, мельком взглянула в зеркало и встала. Вошел ее отец, с ним какой-то гость, мужчина средних лет, высокий, стройный, бледный, с задумчивым лицом. Физиономия нерусская. Отец представил его Софье.

— Граф Милари, ma chère amie, — сказал он, — grand musicien et le plus aimable garçon du monde.³ Две недели здесь: но ты видела его на бале у княгини. Извини, душа моя, я был у графа: он не пустил в театр.

30 — Я велела отложить карету, рара; мне тоже не хочется, — отвечала она.

Софья попросила гостя сесть. Они стали говорить о музыке, а Николай Васильевич, пожевав губами, ушел в гостиную.

1859 года.

---

¹ — Об одной любезности прошу вас, кузен (фр.)

² — Оставьте меня! (фр.)

³ моя милая... превосходный музыкант и любезнейший молодой человек (фр.)

БАБУШКА

Из романа «Эпизоды из жизни Райского»

Первая журнальная публикация (ОЗ₁)

I

Райский вышел из гимназии с свидетельством о посредственных успехах «в науках» и «отличных» в языках и рисовании и поехал на лето к своей двоюродной бабушке Татьяне Марковне Бережковой. Бабушка эта жила в родовом маленьком имении, доставшемся Борису от матери. Оно всё состояло из нескольких сотен десятин земли, лежащей вплоть у города на Свияге и близко Волги, из пятнадцати душ крестьян да из двух домов — одного, оставленного и запущенного, и другого, свежего, новенького домика, в котором жила Татьяна Марковна с двумя, тоже двоюродными, внучками-сиротами, девочками по седьмому и шестому году, оставленными ей двоюродной сестрой, ее другом и сверстницей. У бабушки был свой капитал, выделенный ей из семьи, и она осталась девушкой, и после смерти отца и матери Райского, ее племянника и племянницы, поселилась в этом маленьком имении. Она управляла им, как маленьким царством, мудро, экономно, кропотливо, но деспотически и на феодальных началах. Опекуну она не давала сунуть носа в ее дела и, не признавая никаких документов, бумаг, записей и актов, поддерживала порядок, бывший при последних владельцах, и отзывалась в ответ на письма опекуна, что все акты, записи и документы записаны у ней на совести и она отдаст отчет внуку, когда он вырастет, а до тех пор, по словесному завещанию отца и матери его, она полная хозяйка. Тот пожал плечами и махнул рукой, потому что имение ничтожное, да и в руках такой хозяйки, как бабушка, лучше сбережется. К ней-то приехал Райский перед вступлением в университет — побывать и проститься, может быть, надолго.

Какой рай распахнулся ему в этом уголке, откуда его увезли в детстве и где потом он прожил тоже ребенком всего около полугода! Какие виды кругом — каждое окно в доме было рамой своей особенной картины! С одной стороны Волга с крутыми берегами и

Заволжьем; с другой бежали широкие поля, обработанные и пустые, овраги — всё это замыкалось далью синевших гор; с третьей стороны видны села, деревни и часть города. Воздух свежий, прохладный, от которого, как от летнего купанья, пробегает по телу дрожь бодрости. Что за тишина, что за зелень, что за благодать вокруг!

Дом весь был окружен этими видами, этим воздухом, да полями, да садом. Сад обширный, запущенный, с буграми, канавами, весной журчащими и летом высыхающими ручьями, в которых навалены были обросшие зеленым мхом камни. Подле огромного развесистого вяза, с сгнившей скамьей, толпились вишни и яблони; там рябина; там шла кучка лип, хотела было образовать аллею, да вдруг ушла в лес и братски перепуталась с ельником, березняком; а тут непроходимая луговина, закиданная пнями, камнями и заросшая густой, как щетка, травой. Там кусты сирени пышно разрослись и закрыли совсем изветшавшую беседку; тут жимолость, верба, шиповник с своими красными почками — это сущий лабиринт. И вдруг всё обрывалось крутым скатом, оврагом, потом идущим на полверсты берегом до Волги. Ближе к дому лежали огороды: там капуста, репа, морковь, петрушка, огурцы, потом громадные тыквы, а в парничке арбузы и дыни. Подсолнечники и мак в этой массе зелени делали яркие, бросавшиеся в глаза пятна; там вились около тычинок и хмель, турецкие бобы. Перед окнами маленького домика блистал, сверкал и пестрел на солнце большой цветник, уставленный изредка небольшими деревцами со скамьями вокруг и столиками. Бабушка любила видеть открытое место перед глазами, чтоб не походило на трущобу, чтоб было солнышко да пахло цветами.

Еще важнее ей было видеть всё, что делается на большом дворе, в людской, в кухне, на сеновале, в конюшне, в погребах и хлевах. Всё это было у ней перед глазами, как на ладони.

Один только старый дом стоял в глубине двора, задом к обрыву, как бельмо на глазу, всегда мрачный, в тени, серый, полинявший, с забитыми окнами, с поросшим травой крыльцом и кровлей, с тяжелыми дверьми, замкнутыми тяжелыми же задвижками. Зато на маленький домик с утра до вечера жарко лились лучи солнца, деревья отступили от него, чтоб дать ему простора и

воздуха. Бархатцы, гиацинты, махровые розы росли и в окнах, и под окнами на широкой завалинке.

У крылец и калитки ярко пестрели пионы; опять мак, крупные розы, маргаритки и незабудки. Всё это сияло радостно, блистало, как улыбка на добром лице. Около дома вились ласточки, свившие гнезда на кровле; в саду и роще пели малиновки, иволги, чижи и щеглы, а по ночам в роще щелкали соловьи. Над цветами реяли пчелы, шмели, стрекозы, трепетали на солнышке крыльями бабочки, по уголкам жались, греясь на солнышке, кошки, котята.

В доме какая радость и мир жили! Чего там не было! Комнатки маленькие, но уютные, с старинной, взятой из большого дома мебелью дедов, дядей и с улыбающимися портретами отца и матери Райского. Полы были выкрашены, натерты воском и устланы клеенками; печи обложены пестрыми, старинными, тоже взятыми из дома изразцами. Шкапы битком набиты старой, дрожавшей от шагов посудой и звеневшим серебром. На виду красовались старинные саксонские чашки, пастушки, маркизы, китайские уродцы, бочкообразные чайники, сахарницы, тяжелые ложки. Стульчики и кругленькие, с медными ободочками и с деревянной мозаикой, столики жались по уютным уголкам. В кабинете старушки стояло старинное, тоже окованное бронзой и украшенное резьбой бюро с зеркалом, с урнами, с лирами, с гениями. Но бабушка завесила зеркало: «Мешает писать, когда видишь свою рожу напротив», — говорила она. Еще там был круглый стол, на котором она обедала, пила чай и кофе, да довольно жесткое, обитое кожей старинное же кресло с высокой спинкой рококо. Бабушка была старого века и разваливаться не любила, а держала себя прямо и ног под себя, как делают нынешние барыни, не поджимала: «Это стыдно женщине», — говорила она. Какой она красавицей показала Борису, и в самом деле была красавица...

Высокая, сухоощавая, но живая старушка... даже не старушка, а лет пятидесяти с небольшим женщина, с черными, живыми глазами и такой доброй и грациозной улыбкой, что когда и рассердится и засверкает гроза в глазах, так точно сверкает из налетевшей тучки, за которой опять видно чистое небо. Над губами маленькие усики; на левой щеке, ближе к подбородку, лежало довольно большое круглое родимое пятно с густым ку-

стиком волос. Это придавало лицу ее еще какой-то штрих доброты. Она стригла седые волосы и ходила дома по двору и по саду с открытой головой, а в праздник и при гостях надевала чепец; но чепец держался чуть-чуть на маковке, не шел ей и как будто готов был каждую минуту спастись с головы. Она и сама, просидев пять минут с гостем, извинится и снимет. До полудня она ходила в широкой белой блузе, с поясом и большими карманами, а после полудня надевала коричневое с крапинками, по большим праздникам светлое, точно серебряное, едва гнувшееся и шумящее платье, а на плечи накидывала старинную турецкую шаль, которая вынималась и выкладывалась или ею самой, или одной только Василисой. Боже сохрани, чтоб Машутка или Егорка дотронулись, даже подошли к ней! «Прочь, прочь! — закричит Татьяна Марковна, замахав руками. — Дядя Иван Кузьмич в Персии сто червонных заплатил, жене привез: теперь этакой ни за какие деньги не отыщешь!»

На поясе и в карманах висело и лежало множество ключей, так что бабушку, как гремучую змею, можно было слышать издали, когда она идет по двору или по саду. Кучера при этом звуке быстро прятали трубки в сапоги, потому что бабушка больше всего на свете боялась пожара и куренье табаку относила — по этой причине — к большим порокам. Повар и кухарка, тоже заслышав звон ключей, принимались — он за нож, она за уполовник или за метлу, а Кирюшка быстро отскакивал от Матрены к воротам, а Матрена шла уже в хлев, будто через силу тащила корытце, прежде нежели бабушка появилась. В доме, заслышав звон ключей возвращавшейся со двора барыни, Машутка проворно сдергивала с себя грязный фартук, утирала чем попало, иногда барским полотенцем, а иногда тряпкой, которой пол моют, руки. Поплевав на них, она крепко приглаживала сухие, непокорные косички, потом постилала тончайшую чистую скатерть на круглый стол, и Василиса, молчаливая, серьезная пожилая женщина, даже печальная, с тех пор как ее стали знать, несла кипевший кофейник и небольшую глиняную кастрюлю сливок с пенками. Машутка становилась в угол, подальше, всегда прячась от барыни в тени и стараясь притвориться опрятной. Барыня требовала этого, а Машутке как-то неловко было держать себя в чистоте. Чисто вымытыми руками она не

так цепко берет вещь в руки и того гляди уронит; самовар или чашки скользят из рук; в чистом платье тоже несвободно ходить: надо всё думать о том, чтоб не замарать, между тем, как ни гляди, а всё пятно сядет, или за куст зацепится и прoderется. Когда ей велят приче- саться, вымыться и одеться в воскресенье, так она, по словам ее, точно в мешок защита целый день и в поне- дельник чувствует себя еще нехорошо; только с среды приходит она в нормальное положение. Она, кажется, только тогда и была счастлива, когда вся вымажется, растреплется от натиранья полов, мытья окон, посуды, дверей, когда лицо, голова сделаются неузнаваемы, а руки до того выпачканы, что если понадобится почесать нос или бровь, так она прибегает к локтю. Василиса, напротив, была чопорная, важная, вечно шепчущая и одна во всей дворне только опрятная женщина, с глубоко впавшими глазами и тонкими, всегда поджатыми, бледными губами. Она была горничной у матери Рай- ского, ходила за барыней неотлучно, закрыла ей глаза и теперь живет у Татьяны Марковны в качестве ее эконо- мки и доверенной женщины. Они говорили между собой односложными словами. Бабушке не нужно было отдавать никаких приказаний Василисе: она сама знала всё, что надо делать; а если надобилось что-нибудь экстренное, бабушка не требовала, не приказывала, а как будто советовала сделать то или другое. Просить бабуш- ка не могла своих подчиненных: это было не в ее фео- дальской натуре. Человек, лакей, слуга, девка — всё это навсегда, несмотря ни на что, оставалось для нее чело- веком, лакеем, слугой и девкой. Все, кроме Василисы, состояли под ее решительными приказаниями, и ни- когда никого из них она не просила об одолжении, а всегда требовала с достоинством, по праву. Кроме Ва- силисы, никого она не называла полным именем, разве уж встретится такое имя, что его никак не сожмешь и не обрежешь; например, мужики Ферапонт и Пантелей- мон так и назывались Ферапонтом и Пантелеймоном, да старосту звала она Степан Васильев, а прочие все были: Матрешка, Машутка, Егорка и т. д. Если же ко- го-нибудь называла по имени и по отчеству, так тот знал, что над ним собралась гроза: «Поди-ка сюда, Егор Прохорыч, ты куда это вчера пропадал целый день?» — или: «Семен Васильич, ты, кажется, вчера изволил тру- бочку покуривать на сеновале? смотри у меня!» Она

грозила ему пальцем и иногда ночью вставала посмотреть в окно, не вспыхивает ли огонек в трубке, не ходит ли кто с фонарем по двору или в сарае.

Различия между этими людьми и господами никогда и ничто не могло истребить. Она была в меру строга, в меру снисходительна, человеколюбива, но всё в размерах барских понятий. Даже когда являлся у Ирины, Матрены или другой дворовой девки непривилегированный ребенок, она выслушает донесение об этом молча, с видом оскорбленного достоинства; потом велит Василисе идти в сундук, нарезать тряпок, достать ваты, еще чего там нужно, отпустить ромашки, что ли, стклянку лекарства какого-нибудь, с презрением, глядя в сторону, сунет это Василисе и только скажет: «На вот, отдай! да чтоб я ее не видала, негодяйку!» Матрена и Ирина, оправившись, с месяц прятались от барыни, а потом опять ничего, а ребенок отправлялся «на село». Надрывался ли Прохор, кучер или мужик в деревне животом — Татьяна Марковна вставала даже ночью, посылала ему спирту, мази, но отсылала на другой день в больницу, а больше к Меланхолихе, но доктора никогда не звала. Между тем чуть у которой-нибудь внучки язычок зачесется или брюшко немного вспучит, Кирюшка или Влас скакали, болтая локтями и ногами, на неоседланной лошади, в город за доктором.

Меланхолихой звали какую-то бабу в городской слободе, которая простыми средствами лечила простых людей и снимала недуги как рукой. Бывало, после ее лечения, иного скоробит на весь век в три погибели, или другой перестанет говорить своим голосом, а только кряхтит потом всю жизнь; кто-нибудь воротится от нее без глаза или без челюсти — а всё же боль проходила, и мужик или баба работали опять: этого было довольно и больным, и лекарке, а помещику и подавно. Так как Меланхолиха практиковала только над крепостными людьми и мещанами, то врачебное управление не обращало на это внимания.

Кормила Татьяна Марковна людей сытно, плотно, до отвала, щами, кашей, по праздникам пирогами и бараниной; в Рождество жарили гусей и свиней; но нежностей в их столе и платье не допускала, а давала, в виде милости, остатки от своего стола то той, то другой женщине. Чай и кофе пила, непосредственно после барыни, Василиса, да по куску сахара бросалось нянькам и

Машутке — более никому. Кучерам, дворовым мужикам и старосте в праздники подносили по стакану вина, ради их тяжелой работы, а Егорке-зубоскалу — нет, потому что у него никакой работы не было. Затем бабушка уже преследовала пьянство с ожесточением, как и куренье.

Когда утром убрали со стола кофе, в комнату вваливалась здоровая баба, с необъятными, красными щеками и вечно смеющимся — хоть бей ее — ртом: это нянька внучек, Верочки и Марфиньки. За ней входила лет двенадцати девчонка, ее помощница. Приводили детей завтракать в комнату к бабушке.

— Ну, птички мои, ну что? — говорила бабушка, всегда затрудняясь, которую прежде поцеловать, — ну что, Верочка? вот умница: причесалась.

— И я, бабенька, и я! — кричала Марфинька.

— Что это у Марфиньки глазки красны? не плакала ли во сне? — заботливо спрашивала она у няни, — не солнышко ли нажгло? Закрыты ли у тебя занавески? Смотри, ведь ты разиня! Я уж посмотрю! — говорила бабушка.

Еще в девичьей медленно увядали две молодые горничные, которые целый день, не разгибаясь, что-нибудь шили — потому что бабушка не могла видеть человека без дела — да в передней празднично сидел вместе с Егоркой-зубоскалом пожилой задумчивый Яков. Он только служил за столом, лениво обмахивал веткой мух, лениво и задумчиво менял тарелки и не охотник был говорить. Когда и барыня спросит его, так он еле ответит, как будто ему было бог знает как тяжело жить на свете, будто гнет какой-нибудь лежал на душе; а ничего этого у него не было. Барыня назначила его дворецким за то только, что он смирен, не пьет и не курит; притом он усерден к церкви: лампадки во всем доме у него на руках — он наливает масло и затеплит накануне праздника; он же носит куличи и пасхи святить, приносит святую воду в Крещение. Собственно как дворецкого его барыня употребляла иногда на посылки, но почти всегда неудачно. Его не слушались и даже подшучивали над ним. Пошлют его спросить, ссыпан ли овес: «Нет», — говорит кучер. «Отчего же?» — спросит Яков. «Да не хочу», — ответит кучер. «А ты говори толком: ведь барыня послала посмотреть!» — «Не покажу тебе, — говорит кучер, — прежде поднеси!» Все хохочут.

«Ах вы, зубоскалы этакие, право!» — говорит Яков вяло и придет всякий раз к себе разобиженный. «Сходи на село, — передает он Кирюшке приказание барыни, — и скажи старосте...» — «Ну и у самого ноги-то здоровы, сходишь!» — ответит Кирюшка, и Яков задумчиво и лениво сходит на село. Еще болтался в дворне, без всякого звания и дела, человек, которого ни наружности описать, ни лет определить было нельзя. Звали его Мотьюкой. Лет ему можно было положить между сорока и пятьюдесятью, и то по догадке. Лица почти не было; нос маленький, глаза тоже одного безразличного цвета с лицом и с волосами. Всё это у него высохло, выцвело и никакого выражения не имело. Сердится ли он, доволен ли — прочесть нельзя; только когда покажет зубы — и узнаешь, что он смеется. Он был так худ, что на него страшно было смотреть; даже когда он дышал, так по всему телу пробегала будто судорога; а когда молчал, глаза у него закрывались, по-видимому, от слабости. Когда его спрашивали, отчего он так худ, он отвечал обыкновенно скороговоркой, что «бывал больно бит». И в самом деле, в полку с барином, вспльчивым гусаром, положено было первое и главное начало разрушению его организма; потом, за вздорный, спорливый его характер, за хвастовство и, наконец, так, в виде забавы, общего развлечения, били его солдаты в полку, били денщики, били чужие люди, с которыми он повздорит, били все, кто только мог, потому что он имел дар досаждать. Его сразу замучили; цвет здоровья пропал в молодости; остались кости лишь да кожа, и он притерпелся к побоям. Его можно было убить, но вредить уже было нечему. У него остался вздорный характер, неисправимое хвастовство да еще одна неисцелимая страсть: копить деньги — не для целей каких-нибудь, а для самих денег; он давал их под заклад, продавал и покупал тряпье, всякую дрянь, выторговывал гроши и раза два накапливал рублей до четырехсот ассигнациями.

У него однажды выманил деньги чиновник и не отдал; он принялся опять копить и только накопил — дворня сообща украла и пропила: «Ему-де не нужно: он не пьет, не ест». И в самом деле, он не пил, не ел, чтоб копить деньги. А когда он стал разыскивать, кто украл, обращался к тому и к другому — его все, по очереди, побили. Он весь был суета и движение, но без всякой

пользы; он в руки не умел взять ни лома, ни лопаты, гвоздя вбить в стену: силы не было; тарелки не мог подать — разобьет; и только присунется к дворне, сено ли вместе сгрести — его побьют и выгонят; соберется ли кружок дворовых — слышишь веселый говор, смех; только появится Мотька — как уже раздаётся брань, крики, и он летит из кружка вон, побитый.

II

Райский застал бабушку за детским завтраком. Бабушка так и всплеснула руками, так и прыгнула; чуть не попадали тарелки со стола.

— Проказник ты этакой, Борюшка! и не написал, нагрязнул: ведь ты перепугал меня, как вошел.

Она взяла его за голову, поглядела с минуту ему в лицо, хотела будто заплакать, но только сжала голову, видно раздумала, быстро взглянула на портрет матери Райского и подавила вздох.

— Ну, ну, ну... — хотела она что-то сказать, спросить — и ничего не сказала, не спросила, а только засмеялась и проворно отерла глаза платком. — Маменькин сынок: весь, весь в нее. Посмотри, какая она красавица была. Посмотри, Василиса...

Василиса смотрела впадинами в сторону; но видно было, что она лучше бабушки видела и что сильнее ее сдерживала слезы радости или, может быть, воспомина-ния о матери.

Кофе, чай, булки, сливки, ягоды, завтрак, обед — всё это опрокинулось на гимназиста в тот день, и всему он сделал честь. А бабушка почти не сводила глаз с него.

— Губы-то, глаза-то! Ах ты плут, амурчик этакой! — говорила старушка, целуя его. — Позови людей, старосте скажи, всем, всем, хозяин, мол, приехал, настоящий хозяин, барин! Милости просим, батюшка! милости просим в родовое гнездышко! — с шутливо-ироническим смирением говорила она, поддельваясь под мужицкий лад. — «Не оставьте нас своей милостью: Татьяна Марковна нас обижает, разоряет, заступитесь!...» — Ха-ха-ха! — захохотала она. — На-ка тебе ключи, на вот счеты, изволь командовать, требуй отчета от старухи: куда всё растранирила, отчего избы развалились... Поди-ка, в городе всё райские мужики под окошками по-

бираются... Ха-ха-ха! А у дядюшки-то, там, в новом имении, чай, мужики в смазных сапогах ходят да в красных рубашках; избы в два этажа... Да что ж ты, хозяин, молчишь? Что не спрашиваешь отчета? Позавтракай, а потом я тебе всё покажу.

После завтрака бабушка взяла большой зонтик, надела ботинки с толстой подошвой, голову прикрыла полотняным капором и пошла показывать Борису хозяйство.

— Ну, хозяин, смотри же, замечай, и чуть что неисправно, не давай потачки бабушке. Вот садик-то, что у окошек, я, видишь, недавно разбила, — говорила она, проходя чрез цветник и направляясь к двору, — Верочка с Марфинькой тут у меня всё на глазах играют, роются в песке — доктор велел. На няньку надеяться нельзя: я и вижу из окошка, что они делают. Вот подрастут, цветов не надо покупать: свои есть. Хотелось бы вон этих померанцев, лимонов, оранжерейку, да кусается, дорого и ходить некому: надо нанимать садовника. Ах! у дяди твоего, у племянника-то, Петра Кузьмича, какие были оранжереи: балы у губернатора, когда великий князь проезжал, убирали — всё у него брали, точно лес; запах какой от этих померанцев! одних «муз» так вот, как ельнику здесь, — право!

Они вышли на двор.

— Кирюшка, Еремка, Матрешка! куда это все спрятались? — зывала бабушка, стоя посреди двора. — Жарко, что ли? выдите сюда кто-нибудь!

Вышла Матрешка и доложила, что Кирюшка и Еремка посланы в село за мужиками.

— Вот Матрешка: помнишь ли ты ее? — говорила бабушка. — А ты подойди, дура, что стоишь? Поцелуй ручку у барина: ведь это внучек.

— Оробела, барыня, не смею! — сказала Матрена, подходя к барину.

Он стыдливо обнял ее.

— Зачем же это они двое-то пошли? — спросила бабушка. — Одного послали, и другой рад, чтоб только дома не сидеть. А чищены ли лошади? Я что-то не видала сегодня, чтоб Прошка чистил.

Она заглянула в открытый сарай.

— Скажи-ка ты ему, — обратилась она к Матрене, — чтоб уздечки-то у него этак не валялись по полу: я за них не щепки отдаю, а денежки плачу. И отчего сарай

отворен? Посмотри, где у него ключ: тут или унес с собой?

Матрена сказала, что ключа нет.

— Вот народец — не догляди! — заметила бабушка, зорко оглядывая погреб, кухню, конюшню, и ничто не ускользало от ее взгляда. — Что ж он неделю навоз-то копит? — заметила она. — Скажи-ка, чтоб завтра утром я не видала его здесь... А ушел!

— Это новый флигель, бабушка; его не было, — заметил Борис.

— Заметил! Да, да, помнишь старую избу? вся сгнила, щели в полу в ладонь, полати тряслись, чернота, копоть, а теперь вот посмотри!

Они вошли в новый флигель. Бабушка показала ему переделки в конюшнях, показала и лошадей, и особое отделение для птиц и прачечную.

— Старой кухни тоже нет; вот новая, нарочно выстроила, чтоб в доме огня не разводиться. А в старой у меня комнатка, кладовая сделана — я покажу. Вот здесь хлеб, провизия; вот тут погреб новый, подвалы тоже заново переделаны.

— Какие тяжелые замки! Зачем это? — спросил Борис, указывая на огромные замки.

— А чтоб, знаешь, люди не заглядывали туда без спросу... — тише сказала Татьяна Марковна. — Ты что тут стоишь? — оборотилась она к Матрене. — Поди скажи Егорке, чтоб он бежал в село и сказал мужикам, что мы сами идем туда и чтоб Прохор Лукич изволил воротиться да почистил лошадей. Не в слободку ли они пошли, к Игнатъичу? Куманек завелся, целовальник. Вот как придут, я позову да посмотрю им в глаза.

— А разве люди воруют, бабушка? — спросил Борис.

— Нет, не то что воруют, слава Богу! у нас нет... а так, таскают яблоки, чуть не запрешь.

— Да им, бабушка, давать бы яблоч... их много в саду, так они бы и не таскали...

— Вот тебе выдумал! — живо перебила она. — Заводить у мужиков сласть в брюхе! Этак их после не заставишь топора взять в руки. Когда собираем, так дадут им, что спадет с дерева или попортится немного... ведь у меня двенадцать человек в дворне — не накормишь яблоками...

— Куда ж их девать, бабушка? их так много...

— Ах ты, хозяин! а мочить, а на зиму запасть впрок, а солить. Что же гости будут кушать? После яблок они и арбузов, и дынь захотят...

— И арбузов здесь много, бабушка, и дынь: пусть бы их ели на здоровье...

— Добро, и корки погрызут, — сухо заметила бабушка. — Ты еще молод, я вижу: готов людей вареньем кормить... Гостям что же подавать?

— А вы варите варенье? — спросил он. — Много у вас, бабушка?

— Слава Богу! — весело сказала она и закричала. — Василиса, Василиса! От этого подвала у Василисы ключ; никто, кроме ее, не ходит — поверь им, — сказала она, недоверчиво кивая на людскую, — так от яблок дойдет до овса, до муки, до крупы, а слободка недалеко: есть куда сбывать. Зачем вводить во искушение?

Они сошли в подвал, и бабушка показала ему ряды банок с вареньем сортов двадцати и много-много всякой хозяйственной всячины и тут же велела к обеду вынуть того и другого и третьего сортов.

— Кому же это всё есть? — спросил он, глядя с изумлением на ряды банок, на бочонки, бутылки с яблоками, моченой вишней, смородиной, наливками, водицами, яблочным и брусничным квасами.

— А гости? — сказала бабушка.

У Бориса составилось о гостях какое-то фантастическое понятие, как о мифологических существах.

Наконец они вышли в село. Зной палил, и озимая рожь плавно волновалась от тихого, полуденного ветерка.

— Вот внук мой, Борис Павлыч, — сказала она старосте, — что, убирают ли сено, пока горячо на дворе? Пожалуй, дожди после жары пойдут. Вот барин, настоящий барин приехал, внук мой, — говорила она мужикам. — Ты видал ли его, Гараська? Смотри же, какой он! А это твой, что ли, теленок во ржи, Илюшка? — спрашивала при этом, потом мимоходом заглянув на пруд.

— Опять на деревья белье вешают! — гневно заметила она, обратясь к старосте, — я велела веревку протянуть. Скажи той, слепой-то Агашке: это она всё любит на иву рубашки вешать: сокровище! Обломает ветки... я ей дам!

— Веревки такой длинной нет, — сонно отозвался староста, — уж надо в городе купить...

— Что ж не скажешь? Я всякую неделю езжу: давно бы купила.

Бабушка завязала на платке узелок. Она во всё входила сама, где это и не нужно было, и любила говорить, что без нее ничего не сделается, хотя, например, веревку мог купить всякий. Шапка ли Прохору понадобится, кучерской кафтан износится, даже сапоги — ей принесут и шапку, и кафтан, и сапоги: она или решит, что это еще может проноситься столько-то времени, или завязывала узелок и раз в неделю делала закупки в городе. Боже сохрани, чтоб она поверила кому-нибудь деньги! Деньги были в глазах ее какой-то священный предмет, к которому она питала суеверное почтение; хотя была не скупа, но обращалась с деньгами с почтительною бережливостью; перед издержкой задумывалась, была беспокойна, даже сердита немного; но, выдав раз деньги, тотчас же забывала о них и даже не любила записывать; а если записывала, так только для того, по ее словам, чтоб потом не забыть, куда деньги дела и не испугаться. Пуще всего она не любила платить вдруг много, большие куши. Она иногда и купит что-нибудь лишнее, если можно рассрочить платеж; но если надо истратить вдруг много, то отказывалась и от необходимого. Бережливость была какою-то инстинктивною, а не сознательною чертою ее характера. Например, она к концу года видела, что из спрятанных под ключ яблок, вишень, груш, орехов, яиц половина сгнивает и сваливается с обрыва на берег, а следующее лето опять-таки прятала груды яблок, вишень под ключ, и разве только несколько банок засахарившегося варенья отдавалось в девичью, но никогда в людскую, чтоб «не заводить сластей в брюхе у мужиков». Хозяйство у ней, как у большей части наших женщин, лишенных других интересов, было ее судьбою, призванием, делом и отдыхом, радостью и горем. Кроме крупных распоряжений, у ней жизнь кишела маленькими заботами и делами. То она заставит девок кроить, шить, то чинить что-нибудь, то варить, чистить. Она, чтоб не тратить денег, сама дошла, своим умом, делать помаду, пастилу варить, даже конфекты, и — Боже мой! — как дурно пахла ее помада; об конфекты Верочка чуть не сломала зуб. «Делать всё сама» она называла смотреть, чтоб всё при ней делали. Она не дотронется ни до чего рукой, а старчески грациозно подопрет одной рукой бок, а пальцем

другой повелительно указывает, что как сделать, куда поставить, убрать. Звеневшие ключи были от домашних шкапов, сундуков, ларцов и шкатулок, где хранились старинное богатое белье, полотна, пожелтевшие драгоценные кружева, брильянты, назначавшиеся внукам в приданое, а главное — деньги. От чая, сахара, кофе и прочей провизии ключи были у Василисы.

Распорядившись утром по хозяйству, бабушка, после кофе, стоя сводила у бюро счета, потом садилась у окон и глядела в поле, следила за работами, смотрела, что делалось на дворе, и иногда звонким голосом командовала или грозила, если на дворе делалось что-нибудь не так, как ей хотелось. Потом, если нужно, ехала в ряды, на базар, и заезжала с визитами в город, но никогда не засиживалась, а только заглянет минут на пять и сейчас к другому, к третьему, и к обеду домой. Не то так принимала сама визиты, поила гостей кофе, кормила горячим пирогом, закуской.

Когда Верочка подросла, она наняла «школьника» — так звала она воспитанников всех вообще школ, не кладя никакого различия между гимназистами, семинаристами и кантонистами. «Школьник» было, впрочем, лет двадцать, и бабушка наняла его за восемь рублей в месяц учить читать и писать. Но закусок, пирогов, яблок, ягод выходило на «школьника» втрое больше, нежели на эту сумму. Еще ни одного человека не выпустила от себя, сколько ни живет бабушка, не напичкав его чем-нибудь во всякую пору, утром и вечером. Она пристально следила за уроками и очень бы хотела сберечь восемь рублей, да никак не могла понять, как втолковать ребенку азбуку или склады. После обеда бабушка летом проводила в огороде и саду: здесь она позволяла себе, надев замшевые перчатки, брать лопатку, или грабельки, или лейку в руки и, для здоровья, вскопает грядку, польет цветы, обчистит какой-нибудь куст от гусеницы, снимет паутину с смородины и, усталая, кончит вечер за чаем в обществе приехавших из города гостей и всегда непременно в обществе Тита Никоновича Ватутина, ее старинного и лучшего друга, собеседника и советника.

Тит Никонович был джентльмен по своей природе. У него было тут же, в губернии, душ сто; но он никогда в имение не заглядывал и предоставлял крестьянам делать что хотят и платить ему оброку сколько им заблагорассудится. Никогда он их не поверял. Возьмет стыдливо привезенные деньги, не считая, положит в бюро, а мужикам махнет рукой, чтоб ехали, куда хотят. Служил он прежде в военной службе, потом приехал в город, определился советником в палату, купил маленький серенький домик, с тремя окнами на улицу, и свил себе тут вечное гнездо. Хотя он получил довольно слабое воспитание в каком-то корпусе, но любил читать, а особенно по части политики и естественных наук. Слова его, манеры, поступь были проникнуты какою-то мягкой стыдливостью, и вместе с тем под этой мягкостью скрывалась уверенность в своем достоинстве и никогда не высказывалась, а как-то видимо присутствовала в нем, как будто готовая обнаружиться, когда дойдет до этого необходимость. Он сохранял всегда учтивость и сдержанность в словах и жестах, как бы с кем близок ни был. И губернатору, и приятелю, и новому лицу он всегда одинаково поклонится, шаркнет ногой и приподнимет ее немного назад, соблюдая немного старинные фасыны вежливости; перед дамой никогда не сядет, и на улице говорит без шапки, прежде всех поднимет платок и подвинет скамеечку. Если в доме есть девицы, то принесет фунт конфект, букет цветов и старается подладить тон разговора под их лета, занятия, склонности, сохраняя утонченнейшую учтивость, смешанную с неизменною почтительностью рыцарей старого времени, не позволяя себе нескромной мысли, не только намека в речи, не являясь перед ними иначе как во фраке. Он не курил табаку, но не душился, не молодился, а был как-то опрятен, изящно чист и благороден видом, манерами, обхождением. Встретит ребенка — улыбнется, погладит, спросит: «Чей малютка?» — и даст няньке наставление и предостережение беречь его, смотреть за ним. Жил он своим маленьким доходом, одевался всегда чисто, особенно любил белье и блистал не вышивками какими-нибудь, не фасонами, а белизной. Всё просто на нем, но всё как будто сияет. Нанковые панталоны выглажены, чисты; синий фрак как с иголки.

Ему было лет пятьдесят пять, а он имел вид сорокалетнего свежего, румяного человека благодаря парикю и всегда гладко обритому подбородку. Взгляд и улыбка у него были так приветливы, что сразу располагали в его пользу. Конечно, всякий, взглянув только на него, заключит, что для него доходов от службы не существовало. Когда рассказывали про чужие грешки, он не любил слушать и уходил, даже сердился. «Что это, разве нет другого разговора?» — говорил он. Говорят, навертывались было сначала просители к нему с какими-нибудь приношениями: он расшаркивался, сажал, заводил речь о погоде, о ценах на хлеб или сено, потчевал закуской, и они говорили, закусывали; а когда надо было давать приношение, у них не хватало духу, и они медленно, задумчиво уходили, находя почему-то невозможным заикнуться о приношении. Несмотря на свои ограниченные средства, он имел вид щедрого барина: так легко и радушно бросал он сто рублей, как будто бросал тысячу.

К бабушке он питал какую-то вежливую, почтительную, почти благоговейную дружбу, но пропитанную такой теплотой, что по тому только, как он входил к ней, садился, смотрел на нее, можно было заключить, что он любил ее без памяти. Никогда, ни в отношении к ней, ни при ней, он не обнаружил, по своему обыкновению, признака короткости, хотя уже тридцать лет был ежедневным ее гостем.

Она платила ему такой же дружбой, хотя в тоне ее было больше живости и короткости. Она даже брала над ним верх, чему, конечно, была обязана бойкому своему нраву. Помнившие ее молодою говорят, что она была хотя живая, но нежная, стройная, немного чопорная девушка и что возня с хозяйством обратила ее в вечно движущуюся и бойкую на слова женщину. Но кое-какие следы молодости и иных манер остались в ней. Накинув шаль и задумавшись, она походила на один старый женский портрет, бывший в старом доме. Сидя одна, она иногда улыбалась так грациозно и мечтательно, что походила на беззаботную, богатую, избалованную барыню. Или когда, подперев бок рукой, смотрит на Волгу и забудет о хозяйстве, то в лице носится что-то грустное. Или слушает Тита Никоновича и смотрит на него иногда так странно, с такой улыбкой, что тот немного сконфузится. Не проходило почти дня, чтоб Тит Никонович не принес какого-нибудь подарка бабушке

или внучкам. В апреле, когда еще о зелени не слышать нигде, он принесет свежий огурец или корзиночку земляники, горсточку свежих грибов — словом, «первую новинку». Она любила чай и знала толк: он выпишет из Москвы высокого сорта чаю и принесет фунта три-четыре; привезут в город апельсины, появятся персики — они первые подаются у Татьяны Марковны.

В городе сложилась сплетня об этой дружбе, сначала грубая, циническая, потом, когда тридцать лет отношения Ватутина и Татьяны Марковны не изменились, сплетня обратилась в легенду о том, как Тит Никоныч, в молодости, приехал в город, влюбился в Татьяну Марковну, и Татьяна Марковна в него; но родители не согласились на брак, а назначили ей в женихи какого-то богатого, старинной фамилии, другого жениха; она, в свою очередь, не согласилась и осталась девушкой.

Правда ли это, нет ли — знали только они сами; но правда то, что он ежедневно являлся к ней или к обеду, или вечером, и там кончал свой день. К этому все привыкли и дальнейших догадок на этот счет никаких не делали.

Тит Никоныч любил беседовать с нею о том, что делается в свете, кто с кем воюет, за что; когда пойдет дождь или случится гроза, он рассказывал, отчего это происходит, объяснял, какой час в какой стране бывает в одно время; знал, отчего у нас хлеб дешевле и что бы было, если б его можно было возить отвсюду за границу. Знал он еще наизусть все старинные дворянские дома, всех полководцев, министров, их биографии; рассказывал, как одно море лежит выше другого; первый уведомит, что выдумали англичане или французы, и решит, полезно ли это или нет. Всё он же сообщал Татьяне Марковне, что сахар подешевел в Нижнем, чтобы не обманули купцы, или что чай скоро вздорожает, чтоб она заблаговременно запаслась. По его милости, она всегда знала о ценах на хлеб. В присутственном месте понадобится что-нибудь — Тит Никоныч всё сделает, исправит, иногда даже утаит лишнюю издержку, разве нечаянно откроется, чрез других, и она пожурит его, а он сконфузится, попросит прощения, расшаркается и поцелует у нее ручку. Она была всегда в оппозиции с местными властями: постой ли к ней назначат, или велят дороги чинить, взыскивают ли подати — она считала всякое подобное распоряжение начальства насили-

ем, бранилась, ссорилась, отказывалась платить и об общем благе слышать не хотела: «Знай всякий себя», — говорила она и не любила полиции, особенно одного полицеймейстера, и видела в нем почти разбойника. Тит Никонович, попытавшись несколько раз, но тщетно, примирить ее с идеей об общем благе, ограничился тем, что мирил ее с местными властями и полицией.

Вот в какое лоно патриархальной тишины попал шестнадцатилетний мальчик. У него, у сироты, вдруг как будто явилось семейство, мать и сестры, в Тите Никоныче — идеал доброго дяди.

IV

Бабушка только было расположилась объяснять ему, чем засеваается у ней земля и что выгоднее всего возделывать по нынешнему времени, как внучек стал зевать и запросился домой.

— А ты послушай: ведь это всё твое; я твой староста... — говорила она. Но он зевал, смотрел, какие это птицы прячутся в рожь, как летают стрекозы, срывал васильки и пристально разглядывал мужиков, еще пристальнее слушал деревенскую тишину, смотрел на синее небо, каким оно далеким кажется здесь. Бабушка что-то затолковалась с мужиками, а он прибежал в сад, скатился с обрыва вниз, продрался сквозь чащу на берег, на утес и онемел перед лежавшим пейзажем.

«Нет, молод, еще дитя: не понимает дела, — думала бабушка, провожая его глазами. — Вон как подрал! что-то выйдет из него?»

Волга задумчиво текла в берегах, далеко внизу, под ногами, заросшая островами, кустами, покрытая мелями. Вдали желтели песчаные бока гор, а на них синел лес; кое-где белел парус, да чайки, плавно махая крыльями, опускаясь на воду, едва касались ее и кругами поднимались опять вверх, а над садом высоко и медленно плавал коршун. Борис уже не смотрел перед собой, а чутко замечал, как картина эта повторяется у него в голове; как там расположились горы, попала ли туда вон та избушка, из которой валил дым; поверял и видел, что и мели там, и паруса белеют. Он долго стоял и, закрыв глаза, переносился в детство, помнил, что подле него сиживала мать, вспоминал ее лицо и задумчивое сияние глаз, когда она глядела на картину... Он тихо

протянул руку и грустно провел по тому месту, где сидела она. Он пошел тихонько домой, стал карабкаться — а картина как будто зашла вперед его и легла перед глазами.

Он воротился и до обеда набросал на бумагу берега, мели и задумался над далью. В даль его тянула какая-то грусть. Там всё было туманно, сине, загадочно, и ему не хотелось верить тому, что говорил в школе учитель физики о дали, а хотелось или воображать что-нибудь другое, или так оставить всё в тумане, как оно кажется, как он видел. «Зачем разрушать это? — думал он. — Что за дело, что то правда, а это нет! Зато заманчиво!»

Он был весь в картине; задумчивость лежала на лице; ему было так хорошо — век бы тут стоять; у него вздрагивали плечи; он закрыл глаза и хочет поймать, о чем он думает, но не поймаёт; мысли являются и утекают, как волжские струи; только в нем точно поет ему какой-то голос и в голове, как в каком-то зеркале, стоит та же картина, что перед глазами.

Верочка и Марфинька развлекли его. Они не отставали от него, заставляли рисовать кур, лошадей, дома, бабушку и себя, и их и не отпускали ни на шаг.

Верочка была с черными, острыми глазами, смугленькая девочка и уж начинала немного важничать, стыдиться шалостей: она скакнет два-три шага по-детски и вдруг остановится и стыдливо поглядит вокруг себя, и пойдет плавно, потом побежит, и тайком, быстро, как птичка клюнет, сорвет ветку смородины, проворно спрячет в рот и сделает губы смирно, как будто ничего не жуёт, оборотится спиной, скакнет раза два, потом пойдет шага два тихонько и в это время съест смородину, оборотится, и губы опять лежат смирно. Если Борис тронет ее за голову, она сейчас поправит волосы; если поцелует, она тихонько оботрется. Схватит мячик, бросит его раза два, и если он укатился, она не пойдет поднять его, а сейчас сорвет листок и старается шелкнуть. Она упряма: если скажут, пойдём туда, она не пойдет или пойдет не сразу, а прежде покачает отрицательно головой, потом не пойдет, а побежит, и всё вприпрыжку, прыгнет раза два, пойдет шага три ровно, прыгнет или остановится. Она не просит рисовать; а если Марфинька попросит, она пристальнее Марфиньки смотрит, как рисуют, и ничего не скажет. Рисунков и карандашей, как Марфинька, тоже не просит.

Марфинька, напротив, совсем белокурая и гладко остриженная, красненькая и золотушная девочка. Она часто капризничает и плачет, но недолго: сейчас же, с невысохшими глазами, уже визжит и смеется. Верочка плачет потихоньку, и если огорчат ее чем-нибудь, то она делается молчалива и нескоро приходит в себя, не любит, чтоб ее заставляли просить прощенья; она молчит, молчит, потом вдруг неожиданно придет в себя и станет опять бегать вприпрыжку и тихонько срывать смородину, а еще чаще вороняшки, черную приторно-сладкую ягоду, растущую в канавах и строго запрещенную бабушкой, потому что от нее будто бы тошнит.

«О чем это он всё думает? — пыталась отгадать бабушка, — и что это он всё там у себя делает?»

Но Борис не заставил ждать долго ответа: он показал бабушке свой портфель с рисунками, потом переиграл ей все кадрили, мазурки и отрывки из увертюр, наконец, свои фантазии. Бабушка так и ахнула. «Весь, весь в мать! — говорила она, — посмотри, Василиса! Та тоже всё, бывало, тоскует, ничего не надо, всё о чем-то вздыхает, как будто ждет чего-нибудь, да вдруг заиграет и развеселится; или от книжки не оттащишь. Ах ты, проказник, как это ты перенял? Смотри, Василиса, и тебя и меня сделал, да ведь словно вылитые. Вот постой, уж Тит Никоныч придет, а ты притаись да и срисуй его, а завтра тихонько пошлем к нему в кабинет на стену приклеить! Каков внучек? Как играет-то, играет-то! Господи! не хуже француза-эмигранта, что у тетки жил... И молчит, не скажет! Завтра же, завтра в город повезу, к княгине, к предводителю! Вот только никак не заставишь его о хозяйстве слушать: молод!»

Борис успел пересказать бабушке и «Освобожденный Иерусалим», и Оссияна, и из «Саксонского разбойника», и о «Малек-Аделе»; рисовал портреты с нее, с детей, с Василисы; опять играл на фортепьяно. Потом бежал на Волгу, сядил на обрыв или ложился на песок и смотрел за каждой птичкой, за ящерицей, за букашкой, на Заволжье, и глядел в себя, наблюдая, отражается ли в нем картина, всё ли в ней так же верно и ярко, и чрез неделю стал замечать, что картина пропадает, бледнеет и что ему как будто уже... скучно. А бабушка всё хотела показывать ему счета, объясняла, сколько она откладывает в приказ, сколько идет на ремонт хозяйства, что стоили переделки.

— Верочкины и Марфинькины счета особо: вот смотри, — говорила она, — не думай, что на них хоть копеечка твоя пошла. Ты послушай-ка...

Но он не слушал, а смотрел, какие каракули вывела бабушка на счетах, как она глядит на него через очки, какие у нее морщины, родимое пятнышко, и лишь доходил до глаз и до улыбки, вдруг засмеется и бросится целовать ее.

— Ты ему о деле, а он шалит: пустота какая — мальчик! — говорила однажды бабушка. — Добро! прыгай да рисуй, а уже спасибо скажешь, как под старость будет уголок. Еще то имение-то, Бог знает, что будет, а это уж старое, прижилось в нем...

— Отдайте всё это Верочке да Марфиньке, — сказал однажды Райский, слушая, какую важность она делала из пятнадцати душ.

— Что? что? Ах ты, пустомеля этакой, школьник! — воскликнула она с удивлением. — Что смел бабушке сказать! Дай-ка уши. Я не посмотрю, что у тебя красный воротник: так надеру! Не думаешь ли ты, что я прочу твое имение им...

— Да какое это, бабушка, имение из пятнадцати душ?

— Какое имение — слышите, богач! В прошлом году тысячу сто рубликов деньгами получила от него: смотри, вот где записано. Да гляди же, тебе говорят! что ты в окно-то смотришь там? А дом? поди в городе найми такой, рублей четыреста заплатишь. Вон Тит Никонич говорит, что дома-то вздорожают: шоссе, что ли, хотят сюда проводить...

Бабушка вдруг насупилась.

— Дергает их там нелегкая! — сердито, будто в скобках, заметила она. — Повинности какие-то еще выдумали, на дорогу, что ли! А что мне дорога? я не езжу по ней, за что буду платить? Пусть берут с тех, кто охотник ездить. Тебе кто это, Борис Павлыч, натолковал, чтоб именье внучкам отдать, — а? Уж не дядюшка ли, опекун, подшептал такие идеи — а? Лучше у него, у аспиды, спроси, зачем он из своей деревни к тебе старосту перевел... А ты сам под старость где будешь жить, там, что ли? Райский под соломенной крышей поселится!

Борис успел уверить бабушку, что просто он полюбил ее внучек и хотел бы им отдать.

— Покорно благодарим: мы и без вас с голоду не умрем! А ты теперь изволь поверить счеты: я все буду присылать к тебе.

— Ну, как же! — лениво думал Райский и заиграл что-то.

— Ах ты, пустота! — заключила она.

Он стал проситься посмотреть старый дом. Неохотно дала ему ключи от него бабушка, но отказать не могла, и он отправился посмотреть те комнаты, в которых родился, жил и о которых осталось у него смутное воспоминание. «Василиса, ты бы пошла за ним», — сказала бабушка. Василиса тронулась было с места. «Не надо, не надо; я один», — упрямо сказал Борис и отправился, разглядывая тяжелый ключ, в котором пустые места между зубцами совсем заросли ржавчиной. Егор, прозванный зубоскалом, — потому что сидел всё в девичьей и немилосердно почему-то вечно издевался над горничными, — отпер ему двери. «И я, и я пойду с дядей», — запросилась было Марфинька. «Куда ты, милая? страшно — у!» — сказала бабушка. «Страшно?» — робко повторила Марфинька и осталась. Верочка ничего не сказала; но когда Борис пришел к двери дома, она уж стояла, крепко прижавшись к ней, боясь, чтоб ее не оттащили прочь.

С неведомым страхом и замиранием в груди вошел Райский в прихожую и боязливо заглянул в следующую комнату: это была зала с колоннами в два света, но до того с затянутыми пылью и плесенью окнами, что в ней было вместо двух светов двое сумерек. Верочка только что ворвалась в переднюю, как бросилась вприпрыжку вперед и исчезла из глаз, вскидывая далеко пятки и едва глядя по сторонам, на портреты. «Куда ты, Вера, Вера?» — кричал он. Она остановилась и глядела на него молча, положив ручку на замок следующей двери. Он не успел дойти до нее, а она уже скрылась за дверью. За залой шли мрачные, закоптевшие гостиные; в одной были закутанные в чехлы две статуи, как два привидения, и старые, тоже закрытые, люстры. Везде почерневшие массивные дубовые и из черного дерева кресла, столы, как в жилом доме, с бронзовой отделкой и деревянной мозаикой; большие китайские вазы; часы — Вакх, едущий на бочке; большие овальные, в золоченых, в виде веток, рамах зеркала; громадная кровать в спальне стояла, как пышный гроб, покрытый глазе-

том. Райский с трудом представлял себе, как спали на этих катафалках; казалось ему, не уснуть живому человеку тут. Под балдахинем вызолоченный висящий купидон, весь в пятнах, полинявший, натягивал стрелу в постель, по углам резные шкапы, с насечкой из кости и перламутра.

Вдруг Верочка отворила один шкаф и сунула туда личико, потом отворила, один за другим, ящики и также сунула личико: из шкапов понесло сыростью и пылью от старинных кафтанов и шитых мундиров с большими пуговицами. Везде портреты: от них не уйдешь никуда — они провожают всюду глазами. Весь дом пропитан пылью и пустотой. По углам как будто раздается шорох. Райский ступил шаг, и в углу как будто кто-то ступил: не отжившие ли люди? От сотрясения пола под шагами с колонн и потолков тихо сыпалась давнишняя пыль; кое-где на полу валялись куски и крошки отвалившейся штукатурки; в окне жалобно жужжит и просится в запыленное стекло наружу муха.

— Да, бабушка правду говорит: здесь страшно! — говорил, вздрагивая, Райский.

Но Верочка, вприпрыжку, обегала все углы и уже возвращалась сверху, из внутренних комнат, которые, в противоположность большим нижним залам и гостиным, походили на кельи, отличались сжатостью, уютностью и смотрели на все стороны. В комнате сумрачно, мертво, всё — подобие смерти, а взглянешь в окно — и отдохнешь: там кайма синего неба, зелень мелькает, люди шевелятся. Верочка походила на молодую птичку среди этой ветоши и не смущалась ни преследующими ее взглядами портретов, ни сыростью, ни пылью, всем этим печальным запустением.

— Здесь хорошо, никого нет! — сказала она, оглядываясь. — Как там хорошо, дядя, вверху! какие большие картины, книги!

— Картины, книги? где?

И Райский пошел наверх, и в тот же вечер книги перенесены были в жилой дом. Верочка подавала ему, а он уставлял в шкаф. Тут были все энциклопедисты, и Расин с Корнелем, Монтескьё, Макиавелли, Вольтер, древние классики во французском переводе, и «Неистовый Орланд», и Сумароков с Державиным, и Вальтер Скотт, и знакомый «Освобожденный Иерусалим», и «Илиада» по-французски, и Оссиян в переводе Карам-

зина, и «Виконт д'Арленкур», Мармонтель и Шатобриан, и бесчисленные мемуары. С тех пор не стало слышно Бориса в доме; он даже не ходил на Волгу. Только, увидя ружья в доме, он пристал к бабушке, чтоб она достала порошу и охотничьи сапоги. Она нехотя, с ворчаньем, рассылала по городу попросить порошу, велела Терешке пришить к обыкновенным сапогам голенищи, и Борис в одно раннее утро, в сопровождении зубоскала-Егорки, отправился на охоту.

Зачем ему? Был он охотник? Нет, один из предков его изображен на портрете в охотничьем наряде — и Райскому хотелось испытать новой жизни, опасностей, приключений, суровых удовольствий — словом, нового опыта. Ему рисовалась картина охоты, лес, он сам в костюме охотника. Он всё это переживал в голове, и шел версты две бодро, и видел мысленно сам, как он идет, рисовался, наслаждаясь впечатлением, которое должен производить на встречных мужиков, и наслаждался непритворно созданной картиной. Но полдень разгорелся, и охотнику показалось, что на плечах у него лежит десять пуд: голову жгло сквозь кожаный картуз и ноги вязли в болоте.

Действительность была другая, а он упрямо нес картину в голове и упрямо выдерживал зной, старался шагать бодро и следил как будто со стороны, красиво ли он идет, как держит ружье, и старался поправлять свою позу, и увяз наконец в болоте, оставив там тяжелые сапоги, и возвратился домой в лаптях, без дичи, мысленно дорисовывая и неохотно переживая созданную себе картину. Он вздохнул по неудавшемуся идеале, а бабушка высыпала порох в лужу и велела, на расстоянии десяти сажен от себя, высыпать оставшийся в ружье заряд.

— Позвольте, сударыня, я выстрелю, — подслужился было Егорка-зубоскал.

— Пошел-ка вон помоги сено укладывать! — повелительно кивнула она ему на двор; а ружье Василисе велела отнести в кладовую, под ключ.

И сколько картин, сцен, пейзажей запало ему в душу в этом маленьком затишьи! То картины теснились в воображении, то звуки слышались. Он играл на фортепьяно, и бабушка заслушивалась, Верочка, не сморгнув, глядела на него во все глаза, положив подбородок на фортепьяно. То писал он стихи и читал громко, упиваясь складом своей речи, то рисовал опять берег и плавал

в трепете, в неге: чего-то ждал впереди — не знал чего, но вздрагивал страстно, как будто предчувствуя какие-то исполинские, роскошные наслаждения, видя тот мир, где всё слышатся звуки, где всё носятся картины, где плещет, играет, бьется жизнь, где оживут и разом заговорят жившие в нем картины, мечты... «Наслаждение, нега, трепет — вот цель жизни!» — грезилось ему.

— Послушай-ка, что я хотела тебя спросить, — сказала однажды бабушка, — ты ведь теперь опять в школу поступишь?

— Да, бабушка, в университет, студентом.

— Зачем? Студенты, говорят, все озорники. Вон и сюда заедет который на лето погостить, только и знает, что трубки курит! а может быть, они и вино пьют. Ведь ты уж и так учен: и играешь, и рисуешь — чего тебе? Ну а после ведь служить станешь, в офицеры выйдешь.

— Нет, бабушка, дядя говорит, что средств нет.

— Как нет средств? а это?

Она указала на поля и деревушку.

— Да что ж это?.. чем тут...

— Ты опять свое! — вспыхливо перебила она. — В год больше тысячи ассигнациями, да в приказе отложено.

Она не жила в столице, никогда не служила в военной службе и потому не знала, чего и сколько нужно для этого.

— Средств нет! Да я тебе одной провизии на весь полк пришлю; таких индеек, гусей, поросят... Спроси-ка в городе, у кого есть? Что ты... средств нет! А дя-дюшка-то куда доходы деваает — а?

— Я, бабушка, хочу быть артистом.

— Как артистом?

— Художником... в академию пойду...

— Что ты, Борюшка, перекрестись! — сказала бабушка, едва поняв, что он хочет сказать. — Это ты хочешь вон этим-то быть, что у нас Гаврила Васильич, художником называется: школьников учить?

— Нет, бабушка, не все артисты — учителя; есть знаменитые таланты: они в большой славе и деньги большие получают за картины или за музыку.

— Так ты это за свои картины будешь деньги получать или играть по вечерам за деньги?.. Сохрани тебя Господи! Узнал бы твой отец...

— Нет, бабушка, артист...

— Не говори, не говори; знаю... Был, лет восемь назад, здесь этакой артист, француз, жил у Струевых, да таких дел наделал, что Струев, старый военный, велел его на дворе при всей дворне холодной водой окатить в сентябре: дело затеял да ничего не сделал, а кое-как убрался. Хорош артист: расстроил семейство и какую славу поселил! Нет, Борюшка, ты не огорчай бабушку: дай дожить ей до такой радости, чтоб увидеть тебя в гвардейском мундире, молодцом приезжай сюда.

— А дядюшка говорит, чтоб я шел в статскуюю...

— В приказные! — перебила бабушка. — За что он хочет погубить тебя? Писать согнувшись, купаться в чернилах, бегать в палату... кто потом за тебя пойдет! Нет, нет, не огорчай бабушку, приезжай офицером да женись на богатой.

Хотя Райский не разделял мнения ни дяди, ни бабушки, но в перспективе у него мелькала собственная его фигура то в гусарском, то в камер-юнкерском мундире. Он смотрел, хорошо ли он сидит на лошади, ловко ли танцует. В тот день он нарисовал себя небрежно опершегося на седло, с буркой на плечах.

V

Однажды бабушка надела летний белый капор, коричневое платье с крапинами, турецкую шаль и велела заложить сначала было старую коляску, да в ней не оказалось каких-то винтиков, за что сильно досталось Прохору, и она велела закладывать тарантас. Тарантас — это экипаж, который степная лень изобретала с целью удобства и покоя; но ни то ни другое не состоялось. Правда, он длинный-предлинный, так что на него можно усадить полгорода; низенький-пренизенький, так что не нужно карабкаться, да зато на нем ни опереться спиной не на что, ни укрыться от солнца, дождя и пыли нечем, и в иной улице такому экипажу и поворотиться нельзя.

Бабушка поехала в город с визитами, показывать внучка, и в лавки, делать закупки. Их везла пара сытых лошадей, ехавших медленной рысью; лошади едва решались припрыгивать: при каждом прыжке всей тяжестью падали на ноги; в груди у них что-то отдавалось, точно икота; пристяжная пробовала было гнуть шею

кольцом, да опять поднимала голову и поглядывала на коренную. Кучер держал кнут в кулаке, вожжи лежали у него на коленях, и он изредка подергивал ими, с ленивым любопытством и зевотой поглядывая на знакомые предметы по сторонам. Это было более торжественное шествие бабушки по городу. Не было человека, который бы не поклонился ей. С иными она останавливалась поговорить. Она называла внуку всякого встречного, объясняла, проезжая мимо домов, кто живет, как, молод, стар — всё это бегло, на ходу.

— Здравствуй, здравствуй, Потапыч, — говорила она высунувшему из окна голову на солнце какому-то мещанину с бородой. — Посмотри-ка, внук приехал, помещик настоящий!

Мещанин поклонился.

— Что ж, пожить к нам пожаловали? Милости просим!

— Нет! — отвечала за него бабушка, — имение только осмотреть приехал да у старостихи отчета потребовать.

— Какое же это имение? — небрежно сказал Райский.

— Да, имение! — полусердито перебила бабушка. — Заикнись-ка продать: сейчас пятнадцать тысяч ассигнациями дадут. А серебра, а мебели, а вещей в обоих домах? Не имение! Ну, — обратилась она к Потапычу, — снимаешь огород?

— Дорого, сударыня, требовать изволите: двадцать рублей лишнего против прошлогоднего надбавили — убыток будет.

— Ну как хочешь, как хочешь, не сбавлю! Трогай! — прибавила она, обратясь к кучеру. — Этот Потапыч три года снимал у тебя огороды, — продолжала она, — я давеча показывала тебе в графе; двести восемьдесят рублей платил за всё. Я подумала, отчего не триста? и надбавила. Врет, не будет убытку, а так только, из упрямства! Избаловался: ему всё бы лежать на солнышке да греться.

— Здравствуйте, матушка Татьяна Марковна! — запищал тоненький голос около тарантаса, когда Бережкова проезжала по мосту. — Дайте ручку поцеловать.

— А, это ты, Ревекка Абрамовна! — сказала, обернувшись, бабушка. — Не тянись, не тянись к руке, смотри, колесо заденет. Как поживаешь? Вон, смотри,

внук приехал, помещик: как играет на фортепьяно, рисует!..

Опять повторились поклоны и такой же разговор, как с Потапычем.

— Как поживаешь? — спросила бабушка.

— Живу помаленьку, матушка, да времена плохие: ходишь, ходишь день-деньской, ничего не выторгуешь! Не зайти ли, сударыня? чай, платьице-то вам новенькое пора.

— Зайди, зайди, найдется что-нибудь променять: набралось старья-то. — Это торговка, еврейка. Вот век свой всё хнычет да плачет, да тряпье по домам меняет, — говорила бабушка, — а домик и наменяла. А всё, по привычке, жалуется!

Они поехали дальше.

— Вон тащится опять на охоту, — говорила она, отдавая поклон встретившемуся человеку с ружьем, — мать бегает по людям, выпрашивает по краюхе хлеба, у кого капуста, у кого свеклы выпросит; я ей гороху да муки в год — пудовок пять передаю, век на антоньевой пище сидит, а сынок, видишь, какой здоровый: был приказным, всё что-нибудь да получал, теперь связался с графскими людьми, сидит в харчевне да на бильярде играет или по болотам шляется... Ох, Борюшка, берегись бильярда: это последнее дело! хуже трубки! Смотри, смотри, Борюшка, — говорила она, указывая на проезжавшего на отличных рыжих рысаках в новых щегольских дрожках господина и отвечая на поклон. — Это Халюстин...

— Кто это такой? — спросил Райский.

— Я помню, как он в одном сюртучишке бегал, всё нанимался в дворецкие или за детьми ходить, учить грамоте... а теперь, видишь, лошади-то две тысячи пара, с малышевского завода; дрожки из Петербурга, дом какой! нажил тысяч триста. Пора бы совесть знать, отдохнуть, пожить, как люди живут, а то ни себе, ни другим. В городе никто не знает, когда он именинник бывает: всё мечется как угорелый, всё дела — тому купит, тому дело в суде выиграет, там продаст... и нажился! — с неудовольствием досказала Татьяна Марковна.

— Что ж, это хорошо, бабушка, — заметил Борис, — значит, полезный человек.

— Хорошо! — с досадой перебила она, — что ж тут хорошего? В дырявых сапогах ходил, а тут барином стал! К роже ли ему? А вон бедняжка плетется с палкой,

в изношенной шинели, — продолжала она, — был и богат, и знатен, первый человек в городе: разорился и теперь у дочери из милости живет — жалко! — со вздохом заключила она.

— Отчего ж он разорился? — спросил Борис.

— Отчего? плохо за хозяйством смотрел. И имение славное было, сахарный завод — ну и думал, что конца не будет богатству: кормил, поил весь город, обеды, балы, фейерверки... Теперь в городе на него и плюнуть никто не хочет, а только что не ночевали у него! И дочка три раза в день попрекнет куском хлеба. Придет, заливается слезами, бедняжка! Здравствуй, Иван Сидорыч! — жалостливо сказала она, поравнявшись с ним, — что не зайдешь чайку выпить? Вот внук приехал ко мне, настоящий помещик!

— Ох!.. — простонал старик, хватаясь за бок.

— Что, плохо?

— Плохо, матушка Татьяна Марковна, плохо: через силу хожу; и ломота одолела, и недостатки большие — ох!

— Бедняжка! — сказала бабушка.

Они продолжали тихо ехать по городу.

— Вот здесь, в этом сереньком домике, живет отставной полковник Беспалов, — рассказывала бабушка, — беспутный! Чуть не горстями деньги за окно кидает. Завтраки да обеды, да гости с утра, трубки изо рта не выпускает: есть ли путь какой-нибудь? там и картеж, и шум, мало того что дома, нагрузят лодку шампанским, возьмут музыку и по Волге кататься поедут. Самим нейдет вино в глотку — давай гребцов поить! «Сибаритом» его прозвали. Унять-то некому: холостой — вот и колобродит. Долго ли насибаритничает? И такой забияка! так и вспыхнет, слова не позволит сказать себе, смотрит — точно съесть хочет. Из военных! Вот здесь живет граф Лев Михайлыч: красавец мужчина, такой вежливый, почтительный, скромный, а...

Татьяна Марковна вздохнула.

— Что же он? — спросил Борис, с любопытством глядя на хорошенький, спрятавшийся в зелени домик.

— Вот он и в халате сидит у окна, с трубкой, — говорила бабушка. — Ничего! — прибавила она, — узнаешь, когда будешь постарше; нехорошо! Аксютка, его же дворовая, помыкает им, и людям нет житья... Он сам предобрый, а она эхидная!

Она помолчала.

— А вон, — начала она, — едет в коляске, с двумя дочками, Андрей Петрович. Здравствуйте, Андрей Петрович, здравствуйте, Анна Андревна. Здравствуйте, Александра Андревна! — здоровалась она с быстро проехавшим семейством.

Райский успел заметить румяного и красивого мужчину, с проседью, и двух прекрасных, стройных девушек, разряженных, веселых, бойко лорнировавших по сторонам.

— Это бывший наш судья, Сумятин, хороший человек, славный, и хозяин... да уж дочерей очень балует, не наглядится на них. Матери-то нет; они что хотят, то и делают, куда хотят — едут, кого хотят — принимают. Вот теперь неразлучны стали с этой вертушкой Полиной Карповной Крицкой: собьет она их с пути! А надо заехать к ней, потому что сплетница, злой язык, разгневадается, еще нашипит чего-нибудь. Ох, не люблю я ее! Зовет себя Полиной, а я про себя ее просто Палашкой зову. Э-эх! — вздохнула она, — дела-дела на свете делаются! Этот Сумятин и гордый такой, думает, что принцы приедут сватать дочерей, на здешних женихов и смотреть не хочет.

— Здравствуйте, Василий Васильич! Куда? — спросила она, нагнав проворно и заботливо идущего мужчину, с бумагой в руке, в гороховой шинели.

— В палату, Татьяна Марковна, в палату спешу: вызывают решение выслушать.

— А что, подвигается дело к концу?

— Подвигается помаленьку, подвигается, как же! — с довольным видом отвечал Василий Васильевич. — Вот приготовил бумажку, апелляцию подаю. Я решение-то знал, когда оно у них еще не состоялось. Меня ведь не удивишь, не озадачишь и не проведешь, смею сказать. Я сам служил, так еще издали чую упущение, и умышленное, и неумышленное. Нет, стой, мол, запятая: позвольте узнать, почему не спрошен такой-то свидетель? и пошло опять дело законным порядком... Прощайте, тороплюсь, Татьяна Марковна! — И побежал.

— Это Амосов, служил прежде ассессором в правлении, да после дяди досталось ему именье; там какой-то спор по завещанью вышел, родственники затеяли дело; десятый год тянется. Вот Василий Васильич и бегаёт, так и суетится день-деньской. В отставку нарочно вышел и всё мечется, пишет бумаги, даже в Петер-

бург съездил, добился, что опять пересмотрели всё дело, — ну и вернули назад... Десятый год суетится! Вот у окна сидит, в старом маленьком домишке, и Анна Михайловна! — сказала Татьяна Марковна.

— Что ж она, чем замечательна, бабушка? — спросил Борис.

— Да чем: вон видишь, какая гладкая! Скучает во вдовстве да редкий день не подерется с Акулькой, своей гофмейстершей. Любит командовать: чтоб у ней подвластные были! «Сибарит» наш, полковник-то, куда го-ряч, а раз попался ей, так насилу ноги унес.

Райский с почтением поглядел на бойкую барыню.

Ехали они мимо длинных заборов, мимо бог знает каким чудом державшихся и не падавших, изветшавших серых, желтых, зеленых домиков, мимо покривившихся избушек, мимо огородов и доехали до деревянных рядов. Бережкова велела остановиться у лавок и вошла в одну из них. Ее встретил, с поклонами и с улыбкой, держа шляпу на отлете и голову наклонив немного в сторону, здоровый, лет сорока пяти, купец, видный, румяный, с черной, густой, красиво обстриженной бородкой, в тонком синем сюртуке и щегольских сапогах с длинными голенищами; по жилету лежала массивная золотая цепочка, на пальце большой же золотой старинный перстень с печатью.

— Татьяне Марковне!.. — говорил он с улыбкой, показывая ряд блестящих белых зубов.

— Здравствуйте, Кузьма Федотыч. Вот вам внука привезла, настоящего хозяина имения. Его капитал мо-таю я у вас в лавке. Как рисует, играет на фортепьяно!

Райский дернул бабушку за рукав.

Кузьма Федотыч отвесил и Райскому такой же поклон.

— Хорошо ли торгуете? — спросила бабушка.

— Грех пожаловаться, сударыня. Только вы редко стали жаловать, — отвечал он, смахивая пыль с кресла и почтительно подавая ей, а Райскому поставив стул.

В лавке были сукна и материи, в другой комнате — сыр-пармезан, и леденцы, и пряности, и даже бронза.

Бабушка пересмотрела все материи, приценилась и к сыру, и к карандашам, поговорила о цене на хлеб и перешла в другую, потом в третью лавку, наконец, проехала через базар и купила только веревку, чтоб не вешали бабы белье на дерево, и отдала Прохору. Он долго

ее рассматривал, всё потягивая в руках каждый вершок, потом осмотрел оба конца и спрятал в шапку.

— Ну, теперь пора с визитами, — сказала она. — По-едем к Нилу Андреичу.

— Кто это Нил Андреич? — спросил Борис.

— Разве я тебе не говорила? — сказала старушка почти испуганным голосом. — Это председатель, важный человек: солидный, умный, молчит всё; а если скажет, даром слов не тратит. Его все боятся в городе: что он сказал, то и свято. Ты приласкайся к нему: он любит пожурить...

— Что ж, бабушка, толку, что журит? Я не хочу...

— Молод, молод ты; после сам спасибо скажешь. Слава Богу, что не вывелись такие люди, что уму-разуму учат! Зато как лестно, когда кого похвалит! Набожный такой! Одного франта так отделал, узнав, что он в Троицу не был в церкви, что тот и язык прикусил. «Я, — говорит, — донесу на вас: это вольнодумство!» И ведь донесет: с ним шутить нельзя. Двух помещиков под опеку подвел. Его боятся как огня. А так он добрый: ребенка встретит — по голове погладит, букашку на дороге никогда не раздавит, а отодвинет тростью в сторону: «Когда не можешь, — говорит, — дать жизни, и не лишай». И с вида важный; лоб, как у твоего дедушки, лицо строгое, брови срослись. Как хорошо говорит — заслушаешься! «Первая, — говорит, — добродетель: будь почтителен к отцу и матери, соблюдай посты». Ты приласкайся к нему. И богат, очень богат. Говорят шептуну, будто родную племянницу обобрал да в сумасшедший дом запер. У кого нет врагов!..

Но Нила Андреевича они не застали дома: он был в палате.

Проезжая мимо дома губернатора, бабушка горделиво отвернулась.

— Тут живет губернатор Васильев... или Попов какой-то. (Бабушка очень хорошо знала, что он Попов, а не Васильев.) Он воображает, что я явлюсь к нему первая с визитом, и не заглянул ко мне: Татьяна Марковна Бережкова поедет к какому-то Попову или Васильеву!

Губернатор ничего «не воображал», но Бережковой было досадно, что он не оказал ей внимания.

— Нил Андреич поважнее, постарше и посolidнее его, а в Новый год и на Пасху всегда заедет, а также в звезде, как и он!

Заехали они к барыне, потолстевшей в счастливом замужестве без детей, но скучавшей в тихом бездействии тихого города. У ней были книги, ноты. Бабушка заставила проиграть Бориса всё, что он знал.

— Что поделываете, Катерина Андревна? — спросила она.

— Скучаю... — зевая во весь рот, сказала барыня.

— Выехали бы в гости.

— Одеваться лень, — сказала та, опять зевнув.

— Вон у вас книг много, фортепьяно...

— Всё перечитала, а новые не знаю какие, да и денег жаль... — сказала барыня.

— Приезжайте опять... поскучать! — сказала она, прощаясь с ними и зевая.

— Вот деток нет, и тоскует, — заметила бабушка, — муж да жена, хозяйство небольшое: поневоле соскучишься.

Заехали потом к старой княгине, жившей в большом темном доме. Там жилым пахло только в одном уголку, где она гнездилась, а другие двадцать комнат походили на покои в старом бабушкином доме. Он смотрел на востроносую, худенькую старушку, в темном платье, в кружевах, в большом чепце, с сухими, костлявыми маленькими руками, переплетенными синими рельефными жилами и со множеством старинных перстней на пальцах.

— Княгиня-матушка!..

— Татьяна Марковна!.. — воскликнули старушки.

Болонка яростно лаяла, спрятавшись под канапе.

— Вот внука привезла показать — настоящего хозяина: как играет, рисует!

— Вы, конечно, в военную службу готовитесь? — спросила старушка по-французски, — в кавалерию?

— Oui, monsieur! — отвечал сконфуженный гимназист.

Он должен был и тут поиграть на фортепьяно. Потом ему принесли тарелку земляники. Бабушка с княгиней пила кофе, Райский смотрел на комнаты, на портреты, на мебель и на весело глядевшую в комнаты из сада зелень; видел расчищенную дорожку, везде чистоту, чопорность, порядок; слушал, как во всех комнатах попеременно пробили с полдюжины столовых, стальных, деревянных, бронзовых и малахитовых часов; рассматривал портрет косоного князя, в красной ленте, са-

мой княгини, с белой розой в волосах, с румянцем, живыми глазами, и сравнивал с оригиналом. И всё это точно складывал в голову, следил, как там, где-то, отражался дом, княгиня, болонка, пожилой слуга с проседью, в ливрейном фраке, слышался бой часов...

У Полины Карповны Крицкой бабушка пробыла всего минут десять, но хозяйка успела надеть блузу с кружевами, плохо сходящуюся спереди. Она как-то обливала взглядами Райского; нужды ей нет, что ему только шестнадцать лет, успела ему сказать, что у него глаза и рот обворожительны и что он много побед делает, начиная с нее...

— Что вы это ему говорите! он еще дитя! — полугневно заметила бабушка и стала прощаться. Полина Карповна извинялась, что муж в палате, обещала приехать сама и в заключение взяла руками Райского за обе щеки и поцеловала в лоб.

— Бесстыдница! беспутная! и ребенка не пропустила! — ворчала бабушка дорогой.

А Райский был смущен. Довольно еще свежая женщина, белая шея, свобода в речах и обдавание смелыми взглядами вскипятили воображение мальчика. Она ему казалась какой-то светлой богиней, королевой...

— Армида! — вслух, забывшись, сказал он, внезапно вспомнив об «Освобожденном Иерусалиме».

— Бесстыжая! — ворчала бабушка, подъезжая к крыльцу предводителя. — Узнает Нил Андреич, что он скажет? Будет тебе, вертушка!

Какой обширный дом, какой вид у предводителя из дома! Впрочем, в провинции из редкого дома нет прекрасного вида: пейзажи, вода и чистый воздух — там дешевые и всем дающиеся блага. Обширный двор, обширные сады, господские службы, конюшни. Дом вытянулся в длину, в один этаж, с мезонином. Во всем благословенное обилие: гость приедет — как Одиссей в гости к царю. Многочисленное семейство то и дело сидит за столом, а в семействе человек восемнадцать: то чай кушают, то кофе кушают, то просто кушают. Кушают в столовой, кушают в беседке, кушают на лужку, кушают в мезонине. Экономка весь день гремит ключами; буфет не затворяется. По двору поминутно носят полные блюда из кухни в дом, а обратно человек тихим шагом несет пустое блюдо, пальцем или языком очищая остатки; то барыне постное, то барчонку каши, барину

чего-нибудь посолиднее. Гостей вечный рой, прислуги человек сорок, из которых некоторые, пообедав прежде господ, лениво отмахивают мух ветвями, и иной, задремав, покроет ветвию лысую голову барину или величавый чепец барыни. За обедом подают по два супа, по два холодные блюда, по четыре соуса и по пяти пирожных; вина — одно кислее другого — всё как следует в открытом доме в провинции.

На конюшне двадцать лошадей: одни в карету барыни, другие в коляску барину; то для парных дрожек, то в одиночку, то для большой коляски — детей катать, то воду возить; верховые для старшего сына, клеппер для младших и, наконец, лошачок для четырехлетнего. Комнат в доме сколько! учителей сколько, мамзелей, гувернанток, приживалок, горничных... И долгов на доме сколько!

Татьяну Марковну и Райского все встретили шумно, громко, человеческими голосами, собачьим лаем, поцелуями, двиганьем стульев и сейчас начали кормить завтраком, поить кофе, потчевать ягодами. Побегали в кухню и из кухни люди, девки, — как бабушка ни отбивалась от угощенья.

Райского окружили сверстники, заставили его играть, играли сами, заставили рисовать, рисовали сами, привели француза-учителя.

— Vous avez du talent, monsieur, vraiment!¹ — сказал тот — и Райский был на седьмом небе.

Потом повели в конюшню, оседлали лошадей, ездили в манеже и по двору, и Райский ездил. Две дочери, одна черненькая, другая беленькая, еще с красненькими, длинными, не по росту, кистями рук, как бывает у подрастающих девиц, но уже затянутые в корсет и бойко говорящие французские фразы, обворожили юношу.

С приятным волнением и задумчиво ехал оттуда Райский. Ему бы хотелось домой; но бабушка велела еще повернуть в какой-то переулок.

— Куда, бабушка? Пора домой, — сказал Райский.

— Вот еще к старичкам Молочковым заедем, да и домой.

— Чем же они замечательны?

— Да тем, что они... старички, — сказала бабушка.

---

¹ — Да у вас в самом деле талант, сударь! (фр.)

— Ну вот, старички! — с неудовольствием проговорил Райский, под впечатлением от живой картины предводительского дома и поцелуя Полины Карповны.

— Почтенные такие, — сказала бабушка, — лет по семидесяти мужу и жене. И не слышать их в городе: тихо у них, и мухи не летают. Сидят да шепчутся, да угождают друг другу. Вот пример всякому: прожили век, как будто проспали. Ни детей у них, ни родных! Дремлют да живут!

— Старички! — с неудовольствием говорил Райский.

— Что морщишься-то: надо уважать старость! — сказала бабушка.

В самом деле, муж и жена, к которым они приехали, были только старички, и больше ничего. Но какие бодрые, тихие, задумчивые, хорошенькие старички! Оба такие чистенькие, так свежо одеты; он выбрит, она в седых буклях, так тихо говорят, так любовно смотрят друг на друга, и так им хорошо в темных, прохладных комнатах с опущенными шторами. И в жизни, должно быть, хорошо! Вот уж их в городе помнят более тридцати лет, и всё они будто в самом деле не живут, а сладко дремлют. Никаких бед не случается с ними, не болеют никогда. По часам природы, год в год, день в день, расходуется у них жизнь. Кое-кто в городе помнит еще, как они выезжали в люди, в собрания: ударил урочный час — и они сели дома: не под силу и не в охоту стало выезжать, ходить по лестницам, тяжело отдавать визиты. Помнят они сами отчетливо, даже день могут сказать, когда кончилась молодость, когда они заменили любовь между собой дружбой, когда она перестала носить цветные платья, а он кафтаны и манжеты, когда начали сесть у нее волосы, а у него падать зубы, когда он перестал пить вино, а она — крепкий кофе, в котором году ему запретили мясо, щи, ботвинью и велели есть котлеты и цыплят, когда велели надеть фланелевую фуфайку, а ей под чепец шапочку. «У меня зуб выпал», — скажет он в одно утро. «У меня ноги что-то слабы стали со вчерашнего числа», — скажет она, и запишут число, когда у него зуб выпал, когда у нее ноги стали слабы. В известную эпоху он не мог по вечерам читать газет: печать показалась мелка; а вскоре и она не могла вздеть нитку в иглу. Под шестьдесят лет ему понадобилась палка, чтоб ходить по саду, а за ней в церковь приносили стул и подстилали

под ноги коврик. Когда приехал Райский, они стали путать имена и сбиваться в числах; а впрочем, несмотря на семьдесят лет, были еще свежи, всё шутили, смеялись и дружелюбно смотрели и друг на друга, и на всё окружавшее, и на свою, и на чужую жизнь, и на весь Божий мир, и детски радовались, что живут восьмой десяток, «как дай Бог всякому», и страстно желают прожить до ста лет и себе и другим.

Бабушка с почтением и с завистью, а Райский с любопытством глядел на стариков, слушал, как они припоминали молодость, не верил их словам, что она была первая красавица в губернии, а он — молодец и сводил будто женщин с ума. Он поиграл и им, по настоянию бабушки, и унес какое-то тихое воспоминание, дремлющую картину в голове об этой давно и медленно ползущей жизни.

Но Армида и две дочки предводителя царствовали наперекор всему. Он попеременно ставил на пьедестал то одну, то другую, мысленно становился на колени перед ними, пел, рисовал их, или грустно задумывался, или мурашки бегали по нем, и он ходил, подняв голову высоко, пел на весь дом, на весь сад, на всё имение, нежился, плавал в безумном восторге, потом опять грустил; то черное облако повиснет, то всё обольется розовой зарей. Несколько суток он беспокойно спал, метался, рыдал во сне, иногда шептал: «Анета! Катя! Полина!» Его жгло что-то в постели; среди подушек было жарко, он уходил ночью в сад, в ветхий павильон — но и там не спалось — захватывало у него дух, лились слезы, во всем теле что-то дрожало, кипело, как будто галстух мешал, рубашка давила. Или задумается он и сидит часа три неподвижно, сжавшись в комок и положив голову на колени, и сам прислушивается, как он дышит тяжело и отрывисто. Потом неожиданным прыжком как будто хочет разбросаться во все стороны; очнется от задумчивости; глаза дико блещут; поет и скачет он по саду. Попадется Верочка или Марфинька — он поднимет их на воздух и вертит; те визжат; встретится Матрена — он и ту перевернет раза три, иногда даже наскочит на бабушку, сожмет ее, схватит крепко за шею и крепко поцелует.

— Да ты никак с ума сошел, Борюшка! — скажет она, оправляясь.

— Да! да! — в забытьи твердит он, — сошел, сошел!

И скачет, глаза блещут; перед ним носится какая-то картина; он стыдливо и лукаво смеется, кого-то ловит руками, будто обнимает, и хохочет в диком опьянении...

ПОРТРЕТ

(из романа «Эпизоды из жизни Райского»)

Первая журнальная публикация (ОЗ_{2а})

I

Райский с раннего утра сидит за портретом Софьи, и не первое утро сидит он так. Он чем-то измучен, озабочен, посмотрит на портрет и вдруг с досадой набросит на него занавеску и пойдет шагать по комнате, остановится у окна, посвистит, побарабанит пальцами по стеклам, иногда уйдет со двора и бродит такой угрюмый, недовольный. Наутро опять та же история, то же недовольство и озлобление. А иногда сидит, сидит и вдруг схватит палитру и живо примется подмазывать кое-где, подтушевывать, остановится, посмотрит и задумается. Потом покачает головой отрицательно, вздохнет и бросит палитру.

А портрет похож как две капли воды. Софья такая, какую все видят и знают ее: невозмутимая, сияющая. Та же гармония в чертах; ее возвышенный белый лоб, открытый, невинный взгляд, гордая шея, величавая грация плеч и эта спящая сном покоя высокая, пышная грудь. Она — вся она, а он недоволен, терзается художническими болями, замирает от нетерпения, тоски. Как! он вызвал жизнь в подлиннике, внес огонь во тьму, а в портрете этого нет! Тут красота ее не влечет, не втягивает в себя, а пугает, отталкивает, как будто тут присутствует какой-то страж, не кроткий хранитель невинности, а суровый, наводящий робость гений приличный.

«Разве Софья та теперь, что была прежде? эта безжизненная, сжавшая так скромно и прилично губы, смотрящая с таким доставшимся по наследству от бабушки и матушки достоинством? Разве это Софья? Нынешняя, как она есть, как была в тот вечер... Где она?

Вот здесь, здесь (он ударял себя в голову и грудь), а как вынуть ее и передать полотну? — в этом вся и тайна искусства! Что это Кирилов нейдет? а обещал. Может быть, он навел бы на мысль, что надо сделать, чтоб из богини вышла женщина».

И опять задумался, с палитрой на пальце, с поникшей головой, и от нечего делать стал наблюдать за собой, что делается в нем? В нем хаос, какое-то разделение; в глазах двоится, как у пьяного: он видит и портрет, и живую Софью; в душе уживаются два чувства: мучительная жажда овладеть тайной искусства, создать на полотне ту Софью, какая снится ему теперь, и тут же мешается другое, более живое чувство к ней; его жжет внутренний огонь, пробивается в щеках, застилает глаза и мешает писать, когда он вспомнит ее волнение, меняющиеся краски на лице, умоляющий голос оставить ее, уйти; ее нервное содрогание, когда она хотела призвать на помощь гордость и не могла; смущалась и металась, как девочка, как хотела отнять руку и не отняла из его руки, как не смогла одолеть себя... Как она была тогда не похожа на этот портрет!

Райский оставил на минуту портрет и сидел как будто в забытии, наслаждаясь своим подвигом, живым, творческим делом пробуждения Софьи к новой жизни. Он видел и знал, что заронил в нее сомнения, что эти сомнения — гамлетовские. Он читал их у ней в сердце: «В самом ли деле я живу так, как нужно? Не жертвую ли я чем-нибудь живым, человеческим, этой мертвой гордости моего рода и круга, этим приличиям? Ведь надо сознаться, что мне иногда бывает скучно с тетками, с папá и с Катринь... Один только cousin Райский...»

У Райского сердце забилося, когда он довел мечту Софьи до себя. Он пока делал всё как будто для нее, а не для себя... нет, и не для нее, думалось ему, а для человека вообще, для общества — он нес огонь туда, где темно. Это его обязанность, долг, как всякого честного человека. Зачем же, однако, он не занимается другими так пристально, а остановился на самой прекрасной, изящной?.. Для нее, всё для нее да для общества, конечно!

И вот он всё думает о ней, сидя перед мольбертом. Он уже не видит портрета, а видит что-то другое. Глаза, как у лунатика, широко открыты, не мигнут; они глядят куда-то и видят живую Софью, как она одна дома меч-

тает о нем, погруженная в задумчивость, не замечает, где сидит, или идет без цели по комнате, останавливается, будто внезапно пораженная каким-то новым лучом мысли, подходит к окну, открывает занавес и погружает любопытный взгляд в улицу, в живой поток голов и лиц, зорко следит за общественным круговоротом; не дичится этого шума, не гнушается грубой толпы, как будто и она стала ее частью, будто понимает, куда так торопливо бежит какой-то господин, с боязнью опоздать; она уже, кажется, знает, что это чиновник, продающий за триста-четырееста рублей в год две трети жизни, кровь, мозг, нервы. Ей жаль мужика, который едва тащит мешок на спине. Она догадывается, что вон эта женщина торопится с узлом заложить последний салоп, чтоб заплатить за квартиру, и т. д. Всякого и всякую провожает задумчиво-заботливый взгляд Софьи. Она долго глядит на эту жизнь и, кажется, понимает ее и нехотя отходит от окна, забыв опустить занавес. Она берет книгу, разворачивает страницу (и, верно, письмо Татьяны) и опять погружается в мечту. Книга выпадает из рук на пол. Софья не заботится поднять ее; она рассеянно берет цветок из вазы, не замечая, что прочие цветы раскинулись прихотливо и некоторые выпали. Она нюхает цветок и, погруженная в себя, рассеянно ощипывает листья губами и тихо идет, не сознавая почти, что делает, к роялю, садится боком, небрежно, на табурет и одной рукой берет задумчивые аккорды и всё думает, думает... Потом вдруг бросает цветок в сторону, вся входит в себя, сосредоточивается и, наклонив голову над клавишами, почти накрывая их грудью, берет сильные аккорды, но не из Бетховена. Слышится жалоба Лючии, плач Десдемоны, далее страстный, трепетный вальс, и всё будто кружится в ней и вокруг нее, всё вальсирует и поет; звуки льются всё безумнее, всё горячее; они мчатся, мчатся в порыве сама Софья. Она приподняла голову и, в забытии, повела открытым, но не видящим ничего вокруг взглядом: стены перед ней раздвинулись, не стало пышной утвари; перед ней будто туман, хаос, потом небо, моря, сады... Всё это явится, мелькнет, исчезнет; в сердце нега, плечи зябнут, а щеки горят. Звуки льются всё быстрее; руки просят простора, им тесно; в голове поют другие звуки, каких тут нет, в этих костях. У ней губы сжаты, глаза горят, грудь сильно дышит... Мало-помалу порыв догорает; она перевела дух; щеки

простыли; руки перестали бешено кидаться по костям; глаза устремились на одну какую-то точку; губы улыбаются; пальцы едва касаются клавишей; звуки поют тихо и нежно; глаза хотят плакать; грудь всё еще волнуется. Всё тише, тише играют пальцы. Софья будто окаменела на месте и замерла. Она не шевелилась, не замечала, что перестала играть, что всё молчит вокруг. Она сидит с наклоненной головой. Потом тихо, чуть-чуть, как дух, произнесла чье-то имя и вздрогнула, робко оглянулась и закрыла лицо руками и так осталась. В комнате никого, только в не закрытое занавесом окно ворвались лучи солнца и вольно гуляют по зеркалам, дробятся на граненом хрустале. Раскрытая книга валяется на полу, у ног ее ошипанные листья цветка...

Всё так, как говорил Райский: «Всё это служит жизни и... ужели любви?» Она, с несвойственной ей быстротой, как напроказившая институтка, как Лидия, ее кузина, бросилась к окну и опустила занавес, подобрала листья, поправила цветы, подняла и поставила на место книги... «Но имя, имя? чье имя?» — бледнея, думал Райский. «Мое», — шептала ему мечта; «Невозможно», — говорил рассудок. «А почему же нет?» — шептал он сам: не он ли открыл ей глаза и сердце, говорил языком почти страсти, каким никто до него не говорил никогда с нею? У нее замерли возражения, когда она увидела, что он указал ей — образ любви? «Кто же, кто еще?»

Он схватил кисть, и жадными, широкими глазами глядел на ту Софью, какую видел в эту минуту в уме, и долго, с улыбкой мешал краски на палитре, несколько раз готовился дотронуться до полотна и в нерешительности останавливался, наконец провел кистью по глазам, потушеввал, открыл немного веки. Взгляд у ней стал шире, но был всё еще покоен. Он тихо, почти машинально, опять коснулся глаз: они стали более жизненны, говорящи, но еще холодны. Он долго водил кистью около глаз, опять мешал краски и провел в глазу какую-то черту, поставил нечаянно точку, как учитель некогда в школе поставил на его безжизненном рисунке, потом сделал что-то, чего и сам объяснить не мог, в другом глазу... И вдруг сам замер от искры, какая блеснула ему из них. Он отошел, посмотрел и обомлел: глаза бросили сноп лучей прямо на него, но выражение всё было строго. Он бессознательно, почти случайно, чуть-чуть изменил линию губ, провел легкий штрих по

верхней губе, смягчил какую-то тень и опять отошел, посмотрел:

— Она, она! — говорил он, едва дыша, — нынешняя, настоящая Софья!

Он услышал сзади себя шаги и с живостью обернулся: пришел Аянов.

— Иван Иванович! — торжественно сказал Райский, — как я рад, что ты пришел! Смотри — она, она? Говори же!

— Постой, дай посмотреть.

Иван Иванович долго смотрел. Райский ждал с нетерпением.

— Кто это? — флегматически спросил Аянов.

Райский остолбенел.

— Ты не узнал Софью? — спросил он, едва приходя в себя от изумления.

— Как, Софья Николавна? Может ли быть? — в изумлении также говорил Аянов, глядя во все широкие глаза на портрет. — Ведь у тебя был другой? тот, кажется, лучше: где он?

Райский с досадой, почти с презрением, махнул рукой.

— Всё тот же! — заметил он. — Я только переделал. Как ты не видишь, — напустил(ся) он на Аянова, — что тот был без жизни, без огня, сонный, вялый, а этот!..

— Воля твоя, тот был больше похож! — упрямо возражал Аянов. — А этот... она тут как будто пьяна.

— Сам ты пьян! Поди прочь! — сказал Райский.

— Я ведь не знаю толку, — равнодушно отозвался Аянов.

Райский, не отвечая ему, сердито подмалевывал волосы, бархат на портрете.

Чрез четверть часа пришел Кирилов. Это был маленький, сухощавый человечек, весь спрятавшийся в бакенбарды, усы и бороду. Тела почти совсем было не видно, только впалые глаза неестественно блестели, да нос вдруг резким горбом выходил из чащи, а концом опять упирался в волосы, за которыми не видать было ни щек, ни подбородка, ни губ. Шея крылась тоже под бородой, а всё остальное туловище, точно в простыню, было завернуто в широкое, складками висевшее пальто, из-под которого выглядывали полы другого пальто или сюртука, покрытые пятнами масляных красок.

На ногах была какая-то мягко шаркавшая при походке обувь, шляпа истертая, с лоском, с покривившимся боком.

Глядя на эти задумчивые, сосредоточенные и горячие взгляды, на это как будто уснувшее под непроницаемым покровом волос суровое, неподвижное лицо, особенно когда он, с палитрой, пред мольбертом, в своей темной артистической келье, вонзит дикий и острый, как гвоздь, взгляд в лик изображенного им святого, не подумаешь, что это вольный как птица художник мира, ищущий светлых сторон жизни, а примешь его самого за мученика, за монаха искусства, возненавидевшего радости и понявшего только скорби. Таков он, кажется, и был. Он молча, медленно и глубоко погрузился в портрет. Райский с беспокойством следил за выражением его лица. Кирилов в первое мгновение как будто с изумлением остановил глаза на лице портрета и долго покоил, казалось, одобрительный взгляд на глазах; морщины у него разгладились. Он как будто видел приятный сон. Потом вдруг точно проснулся; не радостное, а печальное изумление медленно разлилось по лицу, лоб наморщился. Он отвернулся, положил шляпу на стол, достал папироску и стал закуривать.

— Что же вы? — спросил Райский.

— За этим-то вы меня звали? — спросил Кирилов.

— А что?

— Прощайте: я пойду домой...

— Постойте, скажите что-нибудь.

— Что говорить: пустое!

— Ну да, у вас чуть из облаков спустишься — так пустое! — возразил обиженный Райский. — Ах вы, мертвецы! Вы прежде во мне признавали дарование, Семен Семеныч...

— Что вам повторять? я уж говорил (он вздохнул)! Если будете этим путем идти, тратьте себя на модные вывески... — прибавил он.

— Модные вывески! Знаете ли вы, кто это?

— Кто? — повторил Кирилов, бегло взглянув на портрет. — Какая-нибудь здешняя Лаиса или вакханка.

— Что вы, точно оба с ума сошли! Тот видит пьяную женщину, этот вакханку! Что с вами толковать!

Райский стал закрывать портрет.

— Повезу его к ней: сам оригинал оценит лучше. Семен Семеныч, от вас я надеялся хоть приветливого сло-

ва: вы, бывало, во всяком моем труде находили что-нибудь, хоть искру жизни...

— И здесь искра есть! — сказал Кирилов, указывая на глаза, на губы, на высокий белый лоб. — Это превосходно, это... Я не знаю подлинника, а вижу, что здесь есть правда. Это стоит высокой картины и высокого сюжета. А вы дали эти глаза, эту страсть, теплоту какой-нибудь вертушке, кукле, барыне, кокетке! — с презрительной досадой говорил он.

— Кокетка, барыня! Нет, Семен Семеныч, выше этого сюжета не может выбрать живописец. Это не вертушка, не кокетка; она достойна была бы вашей кисти: это идеал строгой чистоты, гордости; это богиня, хоть олимпийская... но она в вашем роде, то есть — не от мира сего!

— Это бы лицо да с молитвенным, напряженным взглядом, без этого страстного вожделения... Послушайте, Борис Павлыч, переделайте портрет в картину; бросьте ваш свет, глупости, волокитства... завесьте окна да закупорьтесь месяца на три, на четыре...

— Зачем?

— Сделайте молящуюся фигуру! — сморщившись, говорил Кирилов, так что и нос ушел у него в бороду и всё лицо казалось щеткой. — Прочь вожделение! долой этот бархат, шелк! поставьте ее на колени, просто на камне, набросьте ей на плечи мантию, сложите руки на груди... Вот здесь, здесь (он пальцем чертил по воздуху, около щек) меньше свету, долой это мясо, смягчите глаза, накройте немного веки... и тогда сами станете на колени и будете молиться.

— Нет, Семен Семеныч, я не хочу в монастырь; я хочу жизни, света и радости. Я без людей никуда, ни шагу; я поклоняюсь красоте, люблю ее (он нежно взглянул на портрет) — телом и душой, и, признаюсь... (он комически вздохнул) — больше телом...

Кирилов махнул рукой и начал ходить по комнате.

— В вас погибает сильный человек; вы не выбьетесь, не выйдете на широкую дорогу. У вас есть и дар, и охота, зато многого и недостает.

— Чего же?

— Чего? Недостает упорства, есть страстность, да страсти, терпенья нет! Вот и тут, смотрите, руки только что намечены, и неверно, а вы уж завертываете, бежите показывать, хвастаться...

— Не в мазанье дело, Семен Семеныч! — возразил Райский. — Сами же вы сказали, что в глазах, в лице есть правда; и я чувствую, что поймал тайну. Что ж за дело до волос, до рук?..

— Полноте, полноте лукавить! — перебил Кирилов. — Не умеете делать рук, а поучиться — терпенья нет! Ведь если вытянуть эту руку, она будет короче другой; уродец, в сущности, ваша красавица! Рисунка нет у вас. Вы всё шутите, а ни жизнью, ни искусством шутить нельзя. То и другое строго: оттого немного на свете и людей, и художников...

Он вздохнул, и лицо глубже ушло в волосы.

— Что ж, по-вашему, спрятаться от жизни, от людей, нахмуриться, не улыбнуться никогда и...

— Да, не погневайтесь! — перебил Кирилов. — Если хотите в искусстве чего-нибудь попрочнее сладеньких улыбок да пухлых плеч или почище задних дворов и пьяного мужичья, так бросьте красавиц и пирушки, а будьте трезвы, работайте до тумана, до обморока в голове; надо падать и биться в конвульсиях у жертвенника искусства, умирать с отчаяния и опять понемногу оживать, вскакивать ночью...

— Я делаю это... почти... — сказал Райский, — вскакиваю с постели, иногда плачу, дохожу до безумия...

— Все вы сумасшедшие, как я погляжу! — равнодушно заметил Аянов.

— Да, вскакиваете, чтоб мазнуть вашу вот эту «правду» (он указал на открытое плечо Софьи). Нет, вы встаньте ночью да эту же фигуру начертите раз десять, пока будет верно. Вот вам задача на две недели: я приду и посмотрю. А теперь прощайте.

— Пойдите, учитель, пойдите! — останавливал Райский.

— Пустите! Нет у вас уважения к искусству, — говорил Кирилов, — нет уважения к самому себе. Общество художников — это орден братства, всё равно что масонский орден: он рассеян по всему миру и все идут к одной цели. Художники — ровесники, а может быть, и старше «каменщиков». Да, вот что! Нельзя наслаждаться жизнью, шалить, ездить в гости, танцевать и, между прочим, сочинять, рисовать, чертить и ваять. Нет, — горячо и почти грубо напал он на Райского, — бросьте эти конфеты и подите в монахи, как вы сами удачно выразились, и отдайте искусству всё, молитесь и поститесь,

будьте мудры и вместе просты, как змеи и голуби, и что бы ни делалось около вас, куда бы ни увлекала жизнь, в какую бы яму ни падали, помните и исповедуйте одно учение, чувствуйте одно чувство, испытывайте одну страсть — к искусству! Пусть вас клянут, презирают, во имя его — идите: тогда только призвание и служение совершатся, и тогда будет «многа ваша мзда», то есть бессмертие и здесь. А вам недостает разума жизни и недостает еще бедности. Отдайте ваше имение нищим и идите вслед за спасительным светом творчества. Где вам! вы — барин, вы родились не в яслях искусства, а в шелку, в бархате; а искусство не любит бар... оно тоже избирает «худородных»... Закройте эту бесстыдницу или переделайте ее в блудницу у ног Христа. Прощайте. Через две недели зайду посмотреть.

Он бросил папироску в песочницу, схватил шляпу и исчез прежде, нежели Райский успел остановить его.

— Каков! — сказал Аянов. — Чудак! Он, в самом деле, не в монахи ли собирается? Шляпа продавлена, весь в масляных пятнах, нищ, ободран. Суший мученик!

— Не пьет ли он?

— Кроме воды, ничего.

— Ну так удавится или с ума сойдет.

Райский глубоко вздохнул.

— Да, — сказал он, — это один из последних моги-кан: истинный, цельный, но не нужный более художник.

Продолжая сравнение Кирилова, он мысленно сравнил себя с тем юношей, которому неудобно было войти в царствие небесное. Он задумчиво ходил взад и вперед по комнате. Уныние поглотило его: у него на сердце стояли слезы. Он в эту минуту непритворно готов был бросить всё, уйти в пустыню, надеть изношенное платье, есть одно блюдо, как Кирилов, завеситься от жизни, как Софья, и мазать, мазать до упадка, «трепетать в конвульсиях у жертвенника искусства», переделать Софью в блудницу. Он даже быстро схватил новый натянутый холст, поставил на мольберт и начал мелом крупно чертить молящуюся фигуру; он вытянул у ней руку и задорно, с яростью, выделывал пальцы; сотрет, опять начертит, опять сотрет — всё не выходит! Его стало грызть нетерпение, которое, при первом неудачном чертеже, перешло в озлобление. Он стер, опять

начал чертить медленно, проводя густые, яркие черты, как будто хотел продавить холст. Уже то отчаяние, о котором говорил Кирилов, начало сменять озлобление. Он положил мел, отер пальцы о волосы и подошел к портрету Софьи.

«Переделать портрет, — думал он. — Прав ли Кирилов? Вся цель моя, задача, идея — красота! Я охвачен ею и хочу воплотить этот овладевший мною, сияющий передо мной образ: если я поймал эту „правду“ красоты — чего еще? Нет, Кирилов — аскет: он ищет красоту в небе, я — на земле... Покажу портрет Софье: что она скажет? а потом уже переделаю... только не в блудницу!»

Он засмеялся, подумав, что бы сказала Софья, если б узнала эту мысль Кирилова? Он мало-помалу успокоился, любуясь «правдой» на портрете, и возвратился к прежним, вольным мечтам, вольному искусству и вольному труду, а тем более к своим чувствам и мечтам. Тщательно оберегая портрет, он повез его к Софье.

II

Он верил и не верил, что увидит ее и как и что будет говорить. «Как тут закипает! — думал он, трогая себя за грудь. — О! быть буре, и дай Бог бурю! Сегодня решительный день, сегодня тайна должна выйти наружу, и я узнаю... любит ли она или нет? Если да, жизнь моя... *наша* должна измениться, я не еду... или, нет, *мы* едем туда, к бабушке, в уголок, оба...» Он развернул портрет, поставил его в гостиной на кресло и тихо пошел по анфиладе к комнатам Софьи. Ему сказали внизу, что она была одна: тетки уехали к обедне. Он, держась за сердце, как будто унимая, чтоб оно не билось, шел на цыпочках. Ему всё снились разбросанные цветы, поднятый занавес, дерзкие лучи, играющие на хрустале. Он тихо подкрался и увидел Софью. Она сидит, опершись локтями на стол, положив лицо в ладони, и мечтает, дремлет или... плачет. Она в неглиже, не затянута в латы негнущегося платья, без кружев, без браслет, даже не причесана; волосы небрежно, кучей лежат в сетке; блуза послушно стелется по плечам и падает широкими складками у ног. На ковре лежат две атласные туфли; ноги просто в чулках покоятся на бархатной скамеечке. Он никогда не видал ее такою. Она не замечает его, а он боится дохнуть.

— Кузина, Sophie! — назвал он ее чуть-чуть слышно. Она вздрогнула, немного отшатнулась от стола и с удивлением глядела на Райского. У нее в глазах стояли вопросы: «Как он? откуда взялся? зачем тут?»

— Sophie! — повторил он.

Она встала и выпрямилась во весь рост.

— Что с вами, cousin? — спросила она коротко.

— Виноват, кузина, — уже без восторга сказал он, — я вас застал нечаянно... в таком поэтическом беспорядке.

Она оглянулась около себя и вдруг будто спохватилась и позвонила.

— Pardon, cousin, я оденусь! — сухо сказала она и ушла с девушкой в спальню.

Он слышал, что она сделала выговор Паше, зачем ей не доложили о приезде Райского.

«Что же это такое? — думал Райский, глядя на привезенный им портрет, — она опять не похожа, она всё такая же... Да нет, она не обманет меня: это спокойствие и холод, которым она сейчас вооружилась передо мной, не прежний холод — о нет! это натяжка, принуждение. Там что-то прячется, под этим льдом, — посмотрим!»

Наконец она вышла, причесанная, одетая, в шумящем платье. Она, не глядя на него, стала у зеркала и надевала браслет.

— Я привез ваш портрет, кузина.

— Где? Покажите, — сказала она и пошла за ним в гостиную.

— Вы польстили мне, cousin: я не такая, — говорила она, вглядываясь в портрет.

— Ах нет, я далеко от истины! — сказал он с неприкрытым унынием, видя перед собой подлинник. — Красота, какая это сила! Ах, если б мне этакую!

— Что ж бы вы сделали?

— Что бы я сделал? — повторил он, глядя на нее пристально и лукаво. — Сделал бы кого-нибудь очень счастливым...

— И наделали бы тысячу несчастных — да? Стали бы пробовать свою силу над всеми, и не было бы пощады никому...

— А! — поймал ее Райский, — не из сострадания ли вы так неприступны?.. Вы боитесь бросить лишний взгляд, зная, что это никому не пройдет даром. Новая

изящная черта! Самоуверенность вам к лицу. Эта гордость лучше родовой спеси: красота — это сила, и гордость тут имеет смысл.

Он обрадовался, что открыл, как казалось ему, почему она так упорно кроется от него, почему так вдруг изменила мечтательную позу и ушла опять в свои окопы.

— Не будьте, однако, слишком сострадательны: кто откажется от страданий, чтоб подойти к вам, говорить с вами? Кто не поползет на коленях вслед за вами на край света, не только для торжества, для счастья и победы — просто для одной слабой надежды на победу...

— Полноте, cousin, вы опять за свое! — сказала она, но не совсем равнодушным тоном. Она как будто сомневалась, так ли она сильна, так ли все поползли бы за ней, как этот восторженный, горячий, сумасбродный артист?

И этот тонкий оттенок сомнения не ускользнул от Райского. Он прозревал в ее взгляды, слова, ловил, иногда бессознательно, все лучи и тени, мелькавшие в ней, не только проникал смыслом, но как будто чуял нервами, что произошло, даже что должно было произойти в ней.

— Вы сами видите это, — продолжал он, — что за один ласковый взгляд, без особенного значения, за одно слово, без обещаний награды, все бегут, суетятся, ловят ваше внимание.

— Будто бы?

— А вы не заметили? Полноте!

— Право, нет.

— Право, заметили и втихомолку торжествуете, да еще издеваетесь надо мной, заставляя высказывать вас же самих. Вы знаете, что я говорю правду, и в словах моих видите свой образ и любуетесь им.

— Пока еще я видела его в портрете, и то преувеличенно, а на словах вы только бранитесь.

— Нет, портрет — это слабая, бледная копия; верен только один луч ваших глаз, ваша улыбка, и то не всегда: вы редко так смотрите и улыбаетесь, как будто боитесь. Но иногда это мелькнет; однажды мелькнуло, и я поймал, и только намекнул на правду, и, уж смотрите, что вышло. Ах, как вы были хороши тогда!

— Когда это?

— Вот тут, когда я говорил вам... еще, помните, ваш папá привел этого Милари...

Она молчала.

— Милари? — повторил он.

— Помню, — сухо сказала она.

— Что, он часто бывает у вас? — спросил Райский, заметив и эту сухость тона.

— Да... иногда. Он очень хорошо поет, — прибавила она и пересела на диван, спиной к свету.

— Когда он будет у вас, я бы заехал... дайте мне знать.

Она молчала. Он поглядел на нее: она передернула мантилью и пошевелила плечами.

— Здесь свежо! — заметила она.

— Я пришел проститься с вами; я еду — вы знаете? — спросил он вдруг, взглянув на нее.

Она ничего.

— Куда? — спросила только.

— В деревню, к бабушке... Вам не жаль, не скучно будет без меня?

Она думала и, казалось, решала эти вопросы про себя.

— Видите, кузина, для меня и то уж счастье, что тут есть какое-то сомнение, что у вас не вырвалось ни «да», ни «нет». Внезапное «да» значило бы обман, любовь или уж такое счастье, какого я не заслужил; а от «нет» было бы мне больно. Но вы не знаете сами, жаль вам или нет, это уж много от вас, это половина победы...

— А вы надеетесь на полную? — спросила она с улыбкой.

— Плохой солдат, который не надеется быть генералом, сказал бы я, но не скажу: это было бы слишком... невозможно.

Он глядел на нее и хотел бы, дал бы бог знает что, даже втайне ждал, чтоб она спросила «почему?», но она не спросила, и он подавил вздох.

— Невозможно, — повторил он, — и в доказательство, что у меня нет таких колоссальных надежд, я пришел проститься с вами, может быть, надолго.

— Мне жаль вас, cousin, — вдруг сказала она тихо, мягко и почти с чувством.

Он обернулся к ней так живо, как человек, у которого болели зубы и вдруг прошла боль.

— «Жаль»! — повторил он. — Правда ли это?

— Совершенно. Вы знаете, я никогда не лгу.

Он взял ее ладонь и с упоением целовал. Она не отнимала руки.

— Вот, вот, за это право целовать так вашу руку чего бы не сделали все эти, которые толпятся около вас!

— Стало быть, вы счастливы: вы пользуетесь этим правом свободно...

— Да, как *cousin*! Но чего бы не сделал я, — говорил он, глядя на нее почти пьяными глазами, — чтоб целовать эту ладонь иначе... вот так...

Он хотел опять целовать, она отняла руку.

— Не смею сомневаться, что вам немного... жаль меня, — продолжал он, — но как бы хотелось знать, отчего? Зачем бы вы желали иногда видеть меня?

— Чтоб слышать вас. Вы много, конечно, преувеличиваете, но иногда объясняете верно там, где я понимаю, но не могу сама сказать, не умею...

— А, сознались наконец! Так вот зачем я вам нужен: вы заглядываете в меня, как в арабский словарь... Незавидная роль! — прибавил он со вздохом.

— Но вы сами, *cousin*, сейчас сказали, что не надеетесь быть генералом и что всякий, просто за внимание мое, готов был... поползти куда-то... Я не требую этого, но если вы мне дадите немного...

— Дружбы? — спросил Райский.

— Да.

— Ну так, я знал. Ох эта дружба! Суется, где ее не спрашивают.

— Нет, *cousin*, я вижу, что вы не отказались от «генеральского чина»...

— Нет, нет, кузина, я не надеюсь и оттого, повторяю, еду. Но вы сказали мне, что вам скучно без меня, что меня вам будет недоставать, и я, как утопающий, хватаюсь за соломинку.

— И не напрасно хватаетесь: я предлагаю вам не безделицу — дружбу. Если для одного ласкового взгляда или слова можно ползти такую даль, на край света, то для дружбы, которой я никому легко не даю...

— Дружба хороша, кузина, когда она — шаг к любви, или, иначе — она просто нелепость, даже иногда оскорбление.

— Как это?

— Так. Вы мне дадите право входить без доклада к себе, будете гонять меня по городу с поручениями — это привилегия кузены, даже советоваться со мной,

если у меня есть вкус, как одеться; удостоите искреннего отзыва о ваших родных, знакомых, и, наконец, дойдет до оскорбления... до того, что поверите мне сердечный секрет, когда влюбитесь...

У Софьи в лице показалось принуждение; она даже притворно зевнула в сторону. Он заметил.

— Не влюбились ли вы уже? — вдруг спросил он.

— А что? — с живостью перебила она.

— Что значит это смущение?

— Смущение? Я смутилась? — говорила она и поглядела в зеркало. — Какие глупости! Я не смутилась, а вспомнила только, что мы условились не говорить о любви. Прошу вас, cousin, — вдруг серьезно прибавила она, — помнить уговор. Не будем, пожалуйста, говорить об этом.

Он молча глядел на нее и видел, что ей было отчего-то неловко. Он удивился этой просьбе и задумался. Она и прежде просила, но шутя, с улыбкой. Самолюбие шепнуло было ему, что он постучался в ее сердце недаром, что оно отзывается, что смущение и внезапная неловкая просьба не говорить о любви — есть боязнь, осторожность. Потом он отбросил эту мысль и сам покраснел от сознания, что он фат, и искал других причин, а сердце ноет, мучится, терзается, глаза впиваются в нее с вопросами, слова кипят на языке и не сходят. Его уже гложет ревность.

«Что ж это? Ужели я не шутя влюблен? — думал он. — Нет, нет! И что мне за дело, ведь я не для себя хлопотал, а для нее же... для развития... Еще последнее усилие!..»

— Последний вопрос, кузина, — сказал он вслух, — если б... — и задумался: вопрос был решителен, — если б я не принял дружбы, которую вы подносите мне, как похвальный лист за благонравие, а задался бы задачей «быть генералом»: что б вы сказали? мог ли бы, могу ли я?..

«Она не кокетка, она скажет истину!» — подумал он.

— Поддержали бы вы эту надежду, кузина?

Он дрожа выговаривал последние слова и боялся взглянуть ей прямо в лицо. Она сидела, прислоняясь спиной к дивану, и глядела вниз, себе на колени, на ноги. Лицо ничего не говорило, но на опущенных ресницах, на сжатых губах лежало принуждение.

«Да, есть тайна! Она не та, что месяц, даже две недели назад!..» — решил Райский в уме и едва дышал от боли.

— Вы молчите, кузина, а как я жду, если б вы знали! — сказал он.

— У вас нет никаких надежд, cousin, — произнесла она равнодушно.

Он сделал движение нетерпения, как будто сомнение в этом было невозможно.

— Нет и не может быть! — повторила она решительно. — Вы всё преувеличиваете: простая любезность вам кажется каким-то entraînement,¹ в обыкновенном внимании вы видите страсть и сами в каком-то бреде. Вы выходите из роли кузена и друга — позвольте напомнить вам.

— Так вы смешиваете меня с светскими любезниками, волокитами?

— Fi, quelles expressions!²

— Да, вот с этими, что порхают по гостиным, по ложам, с псевдонежными взглядами, страстно-почтительными фразами и заученным остроумием. Нет, кузина, если я говорю о себе, то говорю, что во мне есть; язык мой верно переводит голос сердца. Вот полгода я у вас: ухожу и уношу мысленно вас с собой, и что чувствую, то сумею выразить.

— Зачем мне это? — вдруг спросила она.

Он замолчал, озадаченный этим «зачем». Тут был весь ответ на его вопрос о надеждах на «генеральство». И довольно бы, не спрашивать бы ему дальше, а он спрашивал!

— Вы... не любите меня, кузина? — спросил он тихо и вкрадчиво.

— Очень! — весело отвечала она.

— Не шутите, ради Бога! — раздражительно сказал он.

— Даю вам слово, что не шучу.

«Спросить, влюблены ли вы в меня — глупо, так глупо, — думал он, — что лучше уеду, ничего не узнав, а ни за что не спрошу... Вот поди ж ты: „выше мира и страстей“, а хитрит, вертится и ускользает, как любая кокетка! Но я узнаю ее тайну, а тайна есть, ей-богу, есть! брякну неожиданно, что у меня бродит в душе!..»

Во время этого мысленного монолога она с лукавой улыбкой смотрела на него и, кажется, не чужда была

¹ увлечением (фр.)

² — Фи, что за выражения! (фр.)

удовольствия помучить его, и помучила бы, если б... он не «брякнул» неожиданным вопросом:

— Вы влюблены в этого итальянца, в графа Милари, — да? — спросил он и погрузил в нее взгляд и чувствовал сам, что бледнеет, что одним мигом как будто взвалил тысячи пуд себе на плечи; ему стало холодно, бесприютно, точно весь мир покинул его. А что, кажется, ему за дело? Ведь он вызывал из нее жизнь и любовь не для себя, а для жизни, для человека вообще, для общества... он спасал, «развивал» ее, а теперь стоит перед ней такой жалкий!

Улыбка, дружеский тон, свободная поза — всё исчезло в ней от его вопроса. Перед ним холодная, суровая женщина, не жертва, а гневная богиня. Она была так близка к нему, а теперь казалась где-то далеко, на высоте, не родня и друг ему.

«Должно быть, это правда: я угадал!» — подумал он и разбирал, отчего угадал он, что подало повод ему к догадке? Он не видал никогда Милари у ней, а только когда заговорил о нем — у ней пробежала какая-то тень по лицу да пересела она спиной к свету. «Боже мой! зачем я всё вижу и знаю, где другие слепы и счастливы? Зачем для меня довольно шороха, ветерка, самого молчания, чтоб знать? Проклятое чутье! Вот теперь яд прососался в сердце, а из каких благ?»

Она молчала.

— Вы оскорблены, кузина?

Она молчала.

— Скажите: да?

— Вы сами знаете, что может произвести подобная догадка.

— Я знаю больше, кузина: я знаю и причину, почему вы оскорбились.

— Позвольте узнать.

— Потому что это правда.

Она сделала движение и поглядела на него с изумлением, как будто говоря: «Вы еще настаиваете!»

— И этот взгляд не ваш, кузина, заимствованный!

— Я притворяюсь! Вы приписываете себе много чести, мсьё Райский!

Он засмеялся, потом вздохнул.

— Если это неправда, то... что обидного в моей догадке? — сказал он. — А если правда, то опять-таки... что обидного в этой правде? Подумайте над этой дилем-

мой, кузина, и покайтесь, что вы напрасно хотели подавить достоинством вашего бедного cousin.

Она слегка пожала плечами.

— Да, это так, и всё, что вы делаете в эту минуту, выражает не оскорбление, а досаду, что у вас похитили тайну... и самое оскорбление это — только маска.

— Какая тайна? Что вы! — говорила она, возвышая голос и делая большие глаза. — Вы употребляете во зло права кузена — вот в чем и вся тайна. А я неосторожна тем, что принимаю вас во всякое время, без тетушек и папá.

— Кузина, кузина, ради Бога, бросьте этот тон! — начал он дружески, горячо и искренно, так что она почти смягчилась и мало-помалу приняла прежнюю, свободную, доверчивую позу, как будто видела, что тайна ее попала не в чужие руки, если только тут была тайна.

— Вот что значит Олимп! — продолжал он. — Будь вы просто женщина, не богиня, вы бы поняли мое положение, взглянули бы в мое сердце и поступили бы не сурово, а с пощадой, даже если б я был вам совсем чужой. А я вам близок. Вы говорите, что любите меня дружески, скучаете, не видя меня... Но женщина, любя, бывает сострадательна, нежна, честна, даже иногда велика, только с тем, кого любит, и безжалостна ко всему прочему. У злодея под ножом скорее допросишься пощады, нежели у женщины, когда ей нужно принести вас в жертву своей любви.

— К чему вы это мне говорите? Со мной это вовсе не у места! А я еще просила вас оставить разговор о любви, о страстях...

— Знаю, кузина, знаю и причину: я касаюсь вашей раны. Но ужели мое дружеское прикосновение так грубо?.. ужели я не стою доверенности?..

— Какой доверенности? Какие тайны? Ради Бога, cousin! — с ужасом говорила она, глядя в беспокойстве по сторонам, как будто хотела уйти, заткнуть уши, не слышать, не знать.

— Пусть я смешон с своими надеждами на «генеральство», на вашу взаимность, — продолжал он, не слушая ее, горячо и нежно, — но, однако ж, чего-нибудь же да стою я в ваших глазах — не правда ли? Скажу больше: около вас, во всей вашей жизни, никогда не было и нет, может быть и не будет, человека ближе к вам. И вы сами давеча сказали то же, хотя не так ясно. У вас не

было человека настоящего, живого, который бы так коротко знал людей и сердце и вас самих. Вы во мне читаете свои мысли, поверяете чувства. Я — не тетушка, не папá, не предок вам, не муж — никто из них не знал жизни, все они на ходулях, все замкнулись в кружок старых, скудных понятий и нищенски пробавляются ими. Я живой, свежий человек; я приношу к вам сюда незнакомые здесь понятия и чувства, я новость для вас; я занимаю... виноват... занимал вас... Правда ли это, кузина?

Она молчала.

— Теперь, конечно, другое дело: теперь вы рады, что я еду, — продолжал он, — все прочие могут остаться; вам нужно, чтоб я один уехал...

— Почему? — с изумлением спросила она.

— Потому, что один я лишний в эту минуту, один я прочел вашу тайну в зародыше. Но... но если вы мне вверите ее, тогда я, после *него*, буду дороже для вас всех...

Она сделала движение, встала, прошла по комнате, оглядывая почти с ужасом стены, все портреты, глядя далеко в амфиладу комнат, и, как будто не видя выхода из этого положения, опять с нетерпением бросилась в кресло.

— *Mon Dieu, mon Dieu!* — сказала она шепотом, изнемогая под тяжестью этого инквизиторского допроса.

— Но... — начал он опять нежным, дружеским голосом, — я вас люблю, кузина (она выпрямилась), всячески люблю, и больше всего люблю за эту поразительную красоту; вы владеете мной невольно и бессознательно. Вы можете сделать из меня всё — вы это знаете...

— Послушайте... Вы хотите уверить меня, что у вас... что-то вроде страсти, — сказала она, делая как будто уступку ему, чтоб отвлечь, затушевать его настойчивый анализ, — смотрите, не лжете ли вы... положим — невольно? — прибавила она, видя, что он собирается разразиться каким-нибудь монологом. — Две недели назад ничего не было, были какие-то порывы — и вдруг так скоро... вы видите, что это ненатурально, ни ваши восторги, ни мучения; извините, *cousin*, я им не верю, и оттого у меня нет и пощады, которой вы добиваетесь. Воля ваша, а мне придется разжаловать вас из кузней: вы самый беспокойный *cousin* и друг...

— Для страсти не нужно годов, кузина: она может зародиться в одно мгновение. Но я и не уверяю вас

в страсти, — уныло прибавил он, — а что я чувствую в эту минуту муку — так я не лгу. Не говорю опять, что я умру с отчаяния, что это вопрос моей жизни, — нет; вы мне ничего не дали, и нечего вам отнять у меня, кроме надежд, которые я сам возбудил в себе... Я их беру назад...

— Чего же вы хотите? — спросила она.

— Меня оскорбляет ваш ужас, что я заглянул к вам в сердце...

— Там ничего нет, — монотонно сказала она.

— Есть, есть, и мне тяжело, что я не выиграл даже этого доверия. Вы боитесь, что я не умею обойтись с вашей тайной. Мне больно, что вас пугает и стыдит мой взгляд... кузина, кузина! — говорил он, становясь перед ней на колени, — а ведь это мое дело, моя заслуга, ведь я виноват... что вывел вас из темноты и слепоты, что этот Милари...

Она слушала довольно спокойно, но при последнем слове быстро встала.

— Если вы, cousin, дорожите немного моей дружбой, — заговорила она, и голос у ней даже немного изменился, как будто дрожал, — и если вам что-нибудь значит быть здесь... видеть меня... то... не произносите никогда этого имени!

«Да, это правда, я попал: она любит его!» — решил Райский, и ему стало уже легче, боль замирала — от безнадежности, оттого, что вопрос был решен и тайна объяснилась. Он уже стал смотреть на Софью, на Милари, даже на самого себя со стороны, объективно. Из него будто вынули жгучую боль.

— Не бойтесь, кузина, ради Бога, не бойтесь, — говорил он. — Хороша дружба! Бояться, как шпиона, стыдиться...

— Мне бояться и стыдиться некого и нечего! — сказала она.

— Как некого, а света, а их! — указал он на портреты предков. — Вон как они вытаращили глаза! Но разве я — они? Разве я — свет?

— И правду сказать, есть чего бояться — предков! — заметила совершенно свободно и спокойно Софья, — если только они слышат и видят вас, — чего не было сегодня! И упреки, и *déclaration*,¹ и ревность, даже ко-

¹ признание в любви (*фр.*)

ленопреклонение! Я думала, что это возможно только на сцене... Ах, cousin... — с веселым вздохом заключила она, впадая в свой слегка насмешливый и покойный тон.

В самом деле, ей нечего было ужасаться и стыдиться: граф Милари был у ней раз шесть, всегда при других, пел, слушал ее игру и разговор, никогда не выходил из пределов обыкновенной учтивости, едва заметного благоухания тонкой и покорной лести. Другая бы сама бойко произносила имя красавца Милари, тщеславилась бы его вниманием, немного бы пококетничала с ним, а Софья запретила даже называть его имя и не знала, как зажать рот Райскому, когда он так невпопад догадался о «тайне». Никакой тайны нет, и если она приняла эту догадку равнодушно, так, вероятно, потому, чтоб истребить и в нем даже тень подозрения. Она влюблена — какая нелепость, Боже сохрани! Этому никто и не поверит. Она по-прежнему смело подняла голову и покойно глядела на него.

Обожженный ее прежде сияющей, а теперь какой-то стыдливой, присмирившей красотой, подавленный ее надменной или боязливой недоверчивостью, он сидел с поникшей головой перед ней и слушал, как доктор слушает внутренность больного, что было внутри его. Недавно было еще там так празднично, как на освещенном пиру; а теперь огни гасли один за другим; опять проникал туда холод, темнота, опять увядали надежды на жизнь, слышался холодный вой скуки. Никуда и ничего не хотелось ему.

— Прощайте, кухня! — сказал он вяло.

— Разве вы не у нас сегодня? — отвечала она ласково. — Когда вы едете?

«Лесть, хитрость: золотит пилюлю!» — думал Райский.

— Зачем я вам? — отвечал он вопросом.

— Вижу, что дружба моя для вас — ничто! — сказала она.

— Ах, неправда, кухня! Какая дружба: вы боитесь меня.

— Слава Богу, мне еще нечего бояться.

— *Еще* нечего? А если будет что-нибудь, удостоите ли вы меня вашего доверия?

— Но вы говорите, что это оскорбительно: после этого я бы боялась...

— Не бойтесь! Я сказал, что надежды могли бы разыграться от взаимности, а ее ведь... нет? — робко спросил он и пытливо взглянул на нее, чувствуя, что, при всей безнадежности, надежда еще не совсем испарилась из него, и тут же мысленно назвал себя дураком.

Она медленно и отрицательно покачала головой.

— И... быть не может? — всё еще пытливо спрашивал он.

Она засмеялась.

— Вы неисправимы, cousin, — сказала она. — Всякую другую вы поневоле заставите кокетничать с собой. Но я не хочу и прямо скажу вам: нет.

— Следовательно, вам и бояться нечего ввериться мне! — с унынием и холодом в душе договорил он.

— Parole d'honneur,¹ мне нечего вверять.

— Ах есть, кузина!

— Что же такое хотите вы, чтоб я вверила вам, dites positivement.²

— Хорошо: скажите, чувствуете ли вы какую-нибудь перемену, с тех пор как этот Милари...

Она сделала движение, и лицо опять менялось у нее из дружеского на принужденное и холодное.

— Нет, нет, pardon — я не назову его... с тех пор, хочу я сказать, как он появился, стал ездить в дом...

— Послушайте, cousin... — начала она и остановилась на минуту, затрудняясь, по-видимому, продолжать, — положим, если б... enfin si c'était vrai³ — это быть не может (скороговоркой, будто в скобках, прибавила она) — но что... вам... за дело, после того как...

Он вспыхнул как порох.

— Что за дело! — вдруг горячо перебил он, делая большие глаза. — Что за дело, кузина! Вы снизойдете до какого-нибудь parvenu,⁴ до какого-то Милари, итальянца, вы, Пахотина, блеск, гордость, лучший цветок, перл нашего общества! Вы... вы!... вы! — с изумлением, почти с ужасом повторял он.

А она с изумлением смотрела на него, как он весь внезапно вспыхнул, какие яростные взгляды метал на нее.

---

¹ — Честное слово (фр.)

² скажите прямо (фр.)

³ словом, если б это была правда (фр.)

⁴ выскочки (фр.)

— Но он, во-первых, граф... — сказала она.

— Купленный или украденный титул! — возражал он в пылу. — Это один из тех пройдох, что, по словам Лермонтова, приезжают сюда «на ловлю счастья и чинов», втираются в большие дома, ищут протекции женщин, протираются в службу и потом делаются гран-сеньорами. Берегитесь, кузина, мой долг остеречь вас! Я вам родственник!

Всё это он говорил чуть не с пеной у рта.

— Никто ничего подобного не заметил за ним! — с возрастающим изумлением говорила она, — и если пара и *mes tantes* принимают его...

— Пара и *mes tantes*! — с пренебрежением повторил он, — много знают они: послушайте их!

— Кого же слушать? вас? — Она улыбнулась.

— Да, кузина, и я вам говорю: остерегайтесь! Это опасные выходцы: может быть, под этой интересной бледностью, мягкими кошачьими манерами кроется бесстыдство, алчность и бог знает что!

— Но он везде принят, он очень скромн, деликатен, прекрасно воспитан...

— Всё это вы видите в своем воображении, кузина, — поверьте! — жёлчно говорил он.

— Но вы его не знаете, *cousin*! — возражала она с полуулыбкой, начиная наслаждаться его внезапной раздражительностью.

— Довольно мне одной минуты было, чтоб разглядеть, что это один из тех *chevaliers d'industrie*,¹ которые сотнями бегут с голода из Италии, чтоб пожить...

— Он артист, *du premier ordre*,² — защищала она, — и если он не на сцене, так потому, что он *noble*³ и богат... *c'est un homme distingué*.⁴

— А! вы защищаете его — поздравляю! Так вот на кого упали лучи с высоты Олимпа! Вот на чью голову лег этот венок с головы такой... такой богини... Кузина! кузина! на ком вы удостоили остановить взоры! Опомнитесь, ради Бога! Вам ли, с вашими высокими понятиями, снизойти до какого-то безызвестного выходца, может быть, самозванца-графа...

---

¹ мошенников, проходимцев (*фр.*)

² прежде всего (*фр.*)

³ благороден (*фр.*)

⁴ это достойный человек (*фр.*)

Она уже окончательно развеселилась и, казалось, забыла свой страх и осторожность.

— А Ельнин? — вдруг спросила она.

— Что Ельнин? — спросил и он, внезапно остановленный ею. — Ельнин — Ельнин... — замялся он, — русский учитель, а русские учителя играют роль *jeune premier*¹ во всех пансионах. Это детская шалость, институтское обожание. А здесь страсть, горячая, опасная!

— Что же: вы бредили страстью для меня — ну вот я страстно влюблена, — смеялась она. — Разве мне не всё равно идти туда (она показала на улицу), что с Ельниным, что с графом? ведь там я должна «увидеть счастье, упиться им».

Райский стиснул зубы, сел на кресло и злобно молчал. Она продолжала наслаждаться его положением.

«О Боже, Боже! о человек! о дурацкое существование! обольщение, противоречие, обман или скука, скука без конца! Уф!» — говорил он, мучаясь, волнуясь, не оттого, что его поймали и уличили в противоречии самому себе, не оттого, что у него ускользала красавица Софья, а от подозрения только, что счастье быть любимым выпало другому. Не будь другого, он бы покойно покорился своей судьбе.

А она смотрела на него с торжеством, так ясно, покойно. Она была права, а он запутался.

— Что же, *cousin*, чему я должна верить: им ли? — она указала на предков, — или, бросив всё, не слушая никого, вмешаться в толпу и жить «новой жизнью»?

— И тут вы остались верны себе! — возразил он вдруг с радостью, хватаясь за соломинку. — Завет предков висит над вами: ваш выбор пал все-таки на графа! Ха-ха-ха! — судорожно засмеялся он. — А остановили ли бы вы внимание на нем, если б он был не граф? Делайте, как хотите! — с досадой махнул он рукой. — Ведь... «что мне за дело?» — возразил он ее словами. — Я вижу, что он, этот *homme distingué*, изящным разговором, полным ума, новизны, какого-то трепета, уже тронул, пошевелил и... и... да, да?

Он принужденно засмеялся.

— Что ж, прекрасно! Италия, небо, солнце и любовь... — говорил он, качая в волнении ногой.

---

¹ первого любовника (*фр.*)

— Да, помните, в вашей программе было и это: вы посылали меня в чужие края, даже в чухонскую деревню, и там, «наедине с природой»... Что ж, по вашим словам, я должна быть теперь счастлива? — дразнила она его. — Ах, cousin! — прибавила она и засмеялась, потом вдруг сдержала смех.

Он исподлобья смотрел на нее. Она опять становилась задумчива и холодна; опять осторожность начала брать верх.

— Успокойтесь: ничего этого нет, — сказала она кротко, — и мне остается только поблагодарить вас за этот новый урок, за предостережение. Но я в затруднении теперь, чему следовать: тогда вы толкали меня туда, на улицу — теперь... боитесь за меня. Что же мне, бедной, делать?.. — с комическим послушанием спросила она.

Оба молчали.

— Я возьму портрет с собой, — вдруг сказал он.

— Зачем? Вы говорили, что готовите мне подарок.

— Нет, я переделаю: я сделаю из него... грешницу...

Она опять засмеялась.

— Делайте, что хотите, cousin, Бог с вами!

— И с вами тоже!.. Но... кузина...

Он остановился: у него вдруг отошло от сердца. Он засмеялся добродушно, не то над ней, не то над собой.

— Но... но... ужели мы так расстанемся: холодно, с досадой, не друзьями?.. — вдруг прорвалось у него, и досада миновала. Он, встав, протянул к ней руки, и глаза опять с упоением смотрели на нее. Ему не то чтобы хотелось дружбы, не то чтобы сердце развернулось к прежним, добрым чувствам. А зародыш страсти еще не совсем угас, еще искра тлела, и его влекло к ней, пока он ее видел. В голосе у него всё еще слышалась робкая дрожь.

— Друзьями! Как вы поступили с моей дружбой?..

— Дайте мне ее, кузина, — умолял он, — простите немножко... влюбленного в вас cousin, и прощайте!

Он поцеловал у ней руку.

— Разве я не увижу вас больше? — живо спросила она.

— За этот вопрос дайте еще руку. Я опять прежний Райский и опять говорю вам: любите, кузина, наслаждайтесь, помните, что я вам говорил вот здесь... только не забывайте до конца cousin Райского. Но зачем вы полюбили... графа? — с улыбкой, тихо прибавил он.

— Вы опять свое: «любить»!..

— Полноте притворяться, полноте! Бог с вами, кузина: «что мне за дело?» Я закрываю глаза и уши, я слеп, глух и нем, — говорил он, закрывая глаза и уши. — Но если, — вдруг прибавил он, глядя прямо на нее, — вы почувствуете всё, что я говорил, предсказывал, что, может быть, вызвал в вас... на свою шею, — скажете ли вы мне?.. я стою этого.

— Вы напрашиваетесь на «оскорбление»?

— Нужды нет, я буду героем, рыцарем дружбы, первым из кузней! Подумав, я нахожу, что дружба кузней и кузин очень приятная дружба, и принимаю вашу.

— *A la bonne heure!*¹ — сказала она, протягивая ему руку, — и если я почувствую что-нибудь, что вы предсказывали, то скажу вам одним или никогда никому и ничего не скажу. Но этого никогда не будет и быть не может! — торопливо добавила она. — Довольно, *cousin*, вон карета подъехала: это тетушки.

Она встала, оправилась у зеркала и пошла им навстречу.

— А будете отвечать мне на письма? — спросил он, идучи за ней.

— С удовольствием: обо всем, кроме... любви! — прибавила она.

«Неисправима! — подумал он, — но посмотрим, что будет!»

III

Он шел тихий, задумчивый, с неопределенным взглядом, погруженный глубоко в себя. В нем постепенно гасли боли корыстной любви и печали. Не стало страсти, не стало как будто самой Софьи, этой суетной и холодной женщины; исчезла пестрая мишура украшений; исчезли портреты предков, тетки, не было и ненавистного Милари. Перед ним, как из тумана, возникал один строгий образ чистой женской красоты, не Софьи, а какой-то, будто античной, нетленной женской фигуры. Снилось одна только творческая мечта, развивалась грандиозной картиной, охватывала его всё более и более. Он, притаив дыхание, погрузился в артистический сон и наблюдал видение, боялся дохнуть.

---

¹ — В добрый час! (*фр.*)

Она рисовалась ему белой холодной статуей, где-то в пустыне, под ясным, теплым, будто лунным небом, но без луны; в свете, но не солнечном, среди сухих, нагих скал, с мертвыми деревьями, с нетекущими водами, с странным молчанием. Она, обратив каменное лицо к небу, положив руки на колени, полуоткрыв уста, кажется, ждала пробуждения. И вдруг из-за скал мелькнул яркий свет, задрожали листья на деревьях, тихо зажурчали струи вод. Кто-то встрепенулся в ветвях, пробежал по лесу; кто-то вздохнул в воздухе — и воздух заструился, и луч озолотил бледный лоб статуи; веки медленно открылись, и искра пробежала по груди, дрогнуло холодное тело, бледные щеки зардели, лучи упали на плечи. Сзади оторвалась густая коса и рассыпалась по спине, краски облили камень, и волна жизни пробежала по бедрам, задрожали колени, из груди вырвался вздох — и статуя ожила, повела радостный взгляд вокруг... И дальше, дальше жизнь волнами вторгалась в пробужденное создание... Члены стали жизненны, телесны; статуя двигалась, широко глядела лучистыми глазами вокруг, чего-то просила, ждала, о чем-то начала тосковать. Воздух наполнился теплом; над головой распростерлись ветви; у ног явились цветы... Райский всё шел тихо, глядя душой в этот сон: статуя и всё кругом постепенно оживало, делалось ярче... И когда он дошел до дома, созданная им женщина мало-помалу опять обращалась в Софью. Пустыня исчезла; Софья, в мечте его, была уже опять в своем кабинете, затянута в свое платье, за сонатой Бетховена, и в трепете слушала шепот бледного, страстного Милари. Но ни ревности, ни боли он не чувствовал и только трепетал от красоты как будто перерожденной, новой для него женщины. Он любовался уже их любовью и радовался их радостью, томясь жаждой превратить и то и другое в образы и звуки. В нем умер любовник и ожил бескорыстный артист.

«Да, артист не должен пускать корней и привязываться безвозвратно, — мечтал он в забытьи, как в бреду. — Пусть он любит, страдает, платит все человеческие дани... но пусть никогда не упадет под бременем их, но расторгнет эти узы, встанет бодр, бесстрастен, силен и творит: и пустыню, и камень, и наполнит жизнью их и покажет людям образ — как они живут, любят, страдают, блаженствуют и умирают... За тем художник послан в мир!..»

РУКОПИСНЫЕ РЕДАКЦИИ

Первая редакция главы I части первой (КК₁)

(Т. 7, с. 5—13)

Глава

Два господина сидели в красивой, но небрежно убранной квартире в Петербурге, на Литейной улице. Одному было лет под 30, другому лет под сорок. Первый был Борис Павлович Райский, второй — Иван Иванович Аянов. У Бориса Павловича была живая, чрезвычайно подвижная физиономия. По ней, как по книге, можно читать, что он думает и чувствует или по крайней мере думает ли он или чувствует. Не говоря уже о крупных, общих движениях, которые то покрывали лицо облаком, как¹ освещали его ярким лучом, но даже мимолетные ощущения, мгновенные порывы сейчас бросались в черты, клали на них знак и исчезали или оставались некоторое время, пока другие не заступали их место.

С первого взгляда он казался моложе своих лет: большой почти молочно-белый лоб блистал свежестью, глаза горели лучами огня и силы, когда он был весел, но тут же у глаз были две-три морщинки, заметные только тогда, когда черты все сжимались от сильного смеха (л. 2) или сильной неприятности. Гладкие каштановые²⁰ очень красивые волосы падали обильными прядями на затылок и на уши, но в висках зоркий глаз заметил бы два-три белых волоса. Щеки, так же как и лоб, около глаз и рта сохраняли еще нежные молодые цвета, но ниже, над губами, чуть-чуть обозначалась будущая впа-

¹ Так в копии.

дина, и цвет на ней был ни белый, ни розовый, а изжелта-смугловатый. Вообще легко можно бы было угадать по лицу ту пору, когда совершается борьба молодости со зрелостью, когда человек переходит на вторую половину жизни, когда каждый прожитой опыт, чувство, болезнь оставляют уже неизгладимый след, и, будь у Райского другой рот, всякий назвал бы его зрелым мужчиной. Но рот его как-то более всего сохранил знаки молодости; губы были тонки и нежны, они были постоянным и лучшим зеркалом души Райского. На них отражалась так осязательно мысль, что ее почти можно было угадывать; в другое время они были влажны, роскошны, когда Райский переживал момент (л. 2 об.) счастливого чувства. Нервная дрожь и радостное и беспокойное едва заметное сжатие — обнаруживали всю изменчивость и подвижность его натуры. Русые усы осеняли эти красноречивые губы.

Райский одет был в домашнее серенькое пальто, сидел с ногами на диване и закуривал сигару.

Иван Иванович был, напротив, очень парадно, в черном фраке; белые перчатки и шляпа лежали около него на столе. У него лицо, напротив, отличалось не то что спокойствием, а равнодушным ожиданием ко всему, что может с ним или около него случиться, и носило печать совершенного приличия, всегда готового принять всё, как должно, как следует, без промаха, без ошибки. Его, кажется, не застанешь врасплох, не удивишь, не испугаешь. «Что это они такое делают?» — читаешь у него на лице вопрос при самой трагической сцене. И даже особенного любопытства не прочитаешь, какое обнаружилось бы на лице у другого, более наивного человека. Наивными привыкли (л. 3) называть людей с цельными, крупными, не разбавленными невской водой или другим подобным напитком чувствами. Иван Иванович не принадлежал к числу таких людей. Это был представитель той выработанности качеств и недостатков в одно бесцветное целое, какая часто встречается в нашем универсальном Петербурге. Это ни характер, ни бесхарактерность, ни крепкое убеждение, ни скептицизм, крайнее неведение облечено в форму какого-то всеотрицания и приличной самоуверенности, ни одной цельной черты, ни одной полной, законченной мысли, ни решительного проявления воли не уследишь никогда, а между тем снаружи кажет-

ся, как будто всё есть — и знание, и убеждение, и воля. Он родился, вырос, учился и дожил почти до старости в Петербурге, не выезжая далее Лахты и Ораниенбаума с одной стороны, далее Токсова, Средней Рогатки — с другой. От этого в нем отражались, как солнце в капле, весь петербургский мир, вся петербургская практичность, (л. 3 об.) нравы, тон, природа, служба — эта вторая петербургская природа, и более ничего. На всякую другую жизнь, еще менее на иностранную, у него не было никакого взгляда, никаких понятий, ничего он из 10 нее в себя не принял и ничего сам ей не дал, отзывался он об этом глухо и небрежно. Петербургские страсти, петербургский взгляд, петербургский годовой оборот — вот где вращалась жизнь его, и он порывался из этого круга гораздо меньше, нежели саратовский житель порывается из своих степей куда-нибудь за море. Он равнодушно смотрел сорок лет сряду, как с каждой весной отплывали за границу битком набитые пароходы, уезжали внутрь России дилижансы, впоследствии вагоны, толпы людей «с наивным настроением» дышать другим 20 воздухом, освежаться, искать впечатлений и развлечений. Никогда не чувствовал он подобной потребности, да и в других не признавал, а глядел на них, этих других, покойно, равнодушно, (л. 4) с весьма приличным выражением в лице и взглядом. «Пусть-де их себе, а я не поеду».

Он был видный мужчина, без всякого цвета лица: можно только вскользь заметить, что во всей плоскости лица белого было больше, нежели черного, но белого цвета с коричневым оттенком; волосы у него русые и 30 коротко острижены, манеры приличные. Он ловко кланялся, умел говорить просто, свободно переходя от предмета к предмету, всегда знал обо всем, что делается в мире и городе, то есть и о войне китайцев с англичанами, о перемене английского или французского министерства, о новой пьесе и о достоинствах ее, и о том, кого зарезали ночью на Выборгской стороне, и о подаренных мамзель Камилле графом П* бриллиантах. У него было два деления времени — утро и вечер: 40 первое уходило на службу, второе — на карты. Всё прочее мимоходом, в промежутках, занимало его. Служба и карты поглощали всё. Он не был игрок по (л. 4 об.) страсти, то есть не играл в азартные игры, не мечтал разбогатеть игрой, не радовался особенно выигрышу:

его занимали только шансы игры. Он давно уже не помнил вечера, который бы он провел без карт. Он играл прежде в вист, потом играл и теперь играет в преферанс и более всего в вист-преферанс. Играет он без ошибки и приобрел себе репутацию искуснейшего и приятного игрока, приятного потому, что, играя отлично, он снисходителен к ошибкам других, никогда не сердится и не смеется над ними, а глядит на ошибку с таким же приличием, как на отличный ход. Потом он играет с равной охотой и по большой, и по маленькой, начиная с копейки до рубля, point.* Его все любят, везде ждут, он играет сегодня у министра, завтра у какого-нибудь столоначальника, выигрывает и проигрывает с одинаково равнодушным и приличным видом. Страсти его, жажда и удовлетворение (л. 5) жизненных желаний, напор чувств — всё уложилось в службу и карты. В промежутках он как-то неловок, не знает, куда себя деть, что говорить, бывает сух, молчалив, но не скучен. Таких людей скука не мучает.

20 Кончив курс ни особенно дурно, ни особенно хорошо в одном из учебных заведений, он без отлагательства поступил на службу, точно так же как из курточки перешел во фрак, то есть сделал естественный петербургский шаг в жизни, но не перешел от ребячества к юности. У него давно уже было и место в виду. Он даже усвоил себе и некоторые манеры чиновников, на которых насмотрелся с детства. Отец его был чиновник, дяди чиновники, зятья чиновники, мать... тоже чиновник. Он перенял у них прилично-скромный вид, приличную торопливость в походке и движениях, тихий голос, сдержанную улыбку и выражение ежеминутной готовности — поклониться. С первого же дня он сел (л. 5 об.) в департамент, как будто и вчера, и давно сидел тут; не бросал, как провинциялы делают, робких или любопытных взглядов вокруг, не потел от страха и тупости над первым делом, как над заданным уроком, а сидел покойно, с приличным видом прочитал дело, подумал, взял перо и начал писать бойко, склонив немного голову на сторону. Скоро своею вежливостью, исполнительностью, отчетливым составлением бумаг он приобрел всеобщее одобрение. Его повысили: он усугубил ревность, и его доклады, отношения, предписания были

---

* до предела (*фр.*)

образцовые. Он не был педант, как старые чиновники, не толковал на всяком шагу, во всяком месте о делах, не наскучивал этим в обществе при дамах. Он знал дело и разумел его про себя, то есть писал сегодня доклады, наслаждаясь своею способностью писать: завтра велят это дело иначе повести, он забывал вчерашний ход дела и с таким же наслаждением писал противное вчерашнему, любясь (л. б) счастливым, неожиданным оборотом; любил особенно, когда удавалось «наклеить нос» другому департаменту, поймать обмолвку или вдруг поразить упущенной из вида статьей закона. В этом случае он позволял себе и в обществе рассказать об этом тихонько в уголку опытному чиновнику, и долго оба смеялись приличным и сдержанным смехом, пока обоих не посадят за карты. Потом забывал вчерашние, третьегод- 10
няшние дела и с новым наслаждением писал доклады по новым делам, проворно бегая из директорской к себе и обратно. Между тем посещал по вечерам женатых товарищей. Там ожидал его преферанс, вистик, а у некоторых стариков и головоломный бостон. Вдруг вечера 20
его, которые он не знал куда девать, наполнились неожиданно и быстро. Карточные собрания повели за собою искреннее сближение с некоторыми домами, некоторыми женскими и мужскими (л. б об.) лицами. В жизни его заиграли розовые струны, на каких только играет петербургская жизнь. Пошли пикники, поездки на дачи, особенно на Черную речку и Новую Деревню, маленькие и большие вечера, — установились два раз-
деления жизни — служба и отдых, других не было. В трех-четыре-х домах он как будто прирос к стулу в из- 30
вестные дни, в известном положении, с известными лицами. Способности его, которые, может быть, еще долго бы искали развития и применения на каких-нибудь малоупотребительных у нас предметах, каких-нибудь юридических науках, политической экономии и тому подобного,¹ вдруг развернулись и с силою молодой, здоровой наблюдательности, свежего соображения внезапно устремились и все зараз потратились на усвоение себе механизма службы и карточной игры. И другие бы 40
не прочь от этого, но у (л. 7) других не было характера Аянова. У кого печень была не в порядке, томились на службе скукой, были невежливы с подчиненными или

¹ Так в копии.

проигрывали с слюной бешенства на губах, с ударами кулака по столу, другие прижимались, подсиживали, платили скупое и косо поглядывали на визави или поднимали неприличный шум за неправильный ход. Иван Иванович, напротив, был прекрасен и на службе, и в игре: им можно было любоваться, и многие старички, даже из начальников, действительно любовались им, учились у него, прибегали к его посредничеству в спорах, гордились его одобрением и в писанье бумаг, и в картах. Его повышали по службе, и круг знакомства всё расширялся. От Черной речки и Новой Деревни он постепенно, с чинами и летами, пролагал путь на Каменный остров, в Петергоф и Царское, из Коломны и Песков повысился до Морских, и без поклонов, без унижительных (л. 7 об.) услуг, без интриг проходил он службу — и вот уже был статским советником и ждал вакансии вице-губернатора. Кроме приятельских вечеров у него в неделю было два-три служебные вечера, когда ему нужно было составлять партию в гостиной у начальника. Но это была домашняя служба, отдых, где никаких официальных отношений не наблюдалось, где были все равны друг с другом и о делах не поминалось. Аянов был женат, овдовел, у него была лет двенадцати дочка, воспитывавшаяся на казенный счет в институте, и он вел покойную и беззаботную жизнь старого холостяка. Одно только нарушало его спокойствие — это геморрой от сидячей жизни, и в перспективе представлялось для него тревожное событие — прервать на время сидячую жизнь и побывать где-нибудь на водах. Выехать из Петербурга, оставить весь круг, карты — есть от чего в (л. 8) отчаянье прийти. Хотя ему предлагали и на подъем, и сохранение содержания, но он всё не решался ехать и всё откладывал эту «мечту», как он называл поездку за границу. «Какая там есть еще жизнь на свете? — думалось ему, — да есть ли еще что-нибудь за пределами Петербурга? Что там делают? какие люди живут?» Он недоумевал, делая себе эти вопросы, хотя в докладах своих входил в подобные соображения к принятию мер о благосостоянии разных концов России, решал на бумаге, чего недостает в том углу империи, что и как надо устроить в другом конце, рассуждал о предотвращении беспорядков и т. п. Но как оно там происходит в натуре и как должно происходить, а не на бумаге, он и не думал никогда. У него на этот счет не

было мыслей и сведений, и ни у кого в департаменте не было, а если и наверхывались какие-нибудь идеи или шальное сомнение одолеет иной раз, «надо ли делать, что мы делаем», (л. 8 об.) так и то вечером, за картами, пройдет. Да некогда раздуматься хорошенько, и эти заботы не касаются их. Были не петербургские заботы, и касались уже других, неведомых ему лиц, в разных губерниях на службе состоящих и по спискам в департаменте числящихся.

— Не пора ли одеваться? четверть пятого! — сказал 10
Аянов.

Аянов сошелся с Райским случайно: Райский, по выходе из военной службы, поступил в тот же департамент, где был Аянов, и служил, то есть сидел, у него в столе.

— Да, пора, — отвечал Райский, очнувшись от задумчивости.

— О чем это ты задумался? — спросил Аянов.

— О ком, — поправил Райский, — да о ней... о Софье Николаевне.

— Опять! Ну! — воскликнул Аянов.

Райский потом позвонил человека и стал одеваться.

— Ты не сердисься, что я тебя туда таскаю? — спросил Райский.

— Нимало: разве не всё равно играть что там, что у Ивлевых? Оно, правда, совестно немного обыгрывать старух: Анна Васильевна играет, точно (л. 9) мочалку во сне жует, — да что станешь с ней делать? Сама просит.

— Э! «совестно»! — возразил Райский, — не беспокойся, их не обыграешь по три копейки. У обеих старух до сорока тысяч дохода.

— Ужели это всё Софье Николаевне достанется?

— Да, ей: ведь она родная племянница.

— Знаю. А у отца есть что-нибудь?

— Нет, всё спустил.

— Да куда он тратит? в пикет не проиграешься, в клубе тысяч пять, больше не истратить в год... куда же?

— Как куда? А женщины? а эта беготня, petits soupers,* весь этот train...** Зимой в пять тысяч сервиз подарил Armanse: я сам видел... 40

* вечеринки (фр.)

** образ жизни (фр.)

— Что ты! — возразил Аянов, — я не знал. За что? Что он там у ней делает?..

Оба засмеялись.

— Стало быть, Софья Николаевна живет тетками?

— Нет, у ней есть тысяч семь дохода после мужа: это ее карманные деньги. А то всё от теток. Но пора, — сказал Райский, — мне хочется еще по Невскому до обеда пройтись.

Была петербургская, единственная в мире, весна. Воздух (л. 9 об.) пышет зноем, а Нева и каналы покрыты льдом. На одной стороне улицы, где солнце, пешеход несет пальто в руках, а где тень, там поджимают пальцы в рукава; там гонимая ветром пыль залепляет глаза и набивается в нос, а тут из поперечной улицы подувшая струя мгновенно поразила насморком и кашлем. Небо чисто, солнце горит как раскаленный уголь, воздух манит за город, но в Летнем саду отчаянно качаются прутья на деревьях, видно от одного конца в другой, сколько воробьев сидит на ветках: ни листка, ни свежего всхода травы, а на вид всё так празднично, так блестяет — совершенно по-петербургски. Для Петербурга нарочно создана такая весна!

Аянов и Райский шли, кивая, раскланиваясь и пожимая руки направо и налево.

— Долго ты нынче просидишь у Беловодовых? — спросил Аянов.

— Часов до десяти, как обыкновенно. А что? тебе скучно?

— Нет, не то, я думал, успею ли я к Ивлевым? Поспею. Что за «скучно»? Ведь я играю, (л. 10) а вот ты как не соскучишься, я понять не могу.

— Я никогда не скучаю с женщинами, да и как соскучиться с Софьей: смотреть на нее — уже наслаждение!

— Да что она тебе! — почти про себя проговорил Аянов, — женщина как женщина: красива, даже очень, да что ж глазами-то напрасно играть!

— Вот видишь ли, она... феномен в своем роде, какая-то аномалия! Я понять ее не могу — и это занимает меня...

Аянов зевнул.

— Над чем бьется: охота же! Одно и то же...

— Это говорит человек, который всю жизнь, кроме бумаг и карт, ничего не делает.

— Безделица: «бумаг и карт»! Это такие две бездны, от которых...

— Спина и еще что-нибудь заболит, — добавил Райский, — да, это правда! Донесение, предписание, записка; записка, предписание, донесение — и одна бумага как другая, как вчерашняя, как завтрашняя. Еще карты — одно и то же, одно и то же. Как это ты живешь, Иван Иванович?

— Ну нет, — задумчиво сказал Аянов, — не одно и то же. Один англичанин высчитал, что (л. 10 об.) одна и та же сдача карт может повториться лет в тысячу только... А характеры игроков, манера каждого, ошибки?... А вот с женщиной биться зиму и весну! Сегодня, завтра... вот этого я не понимаю!

— Чего не понимать! Я наслаждаюсь. В каждой женщине блестит для меня новизна, прелесть, жизнь, я анализирую, слежу, как проявляется в ней ум, чувство, грация, и наслаждаюсь, как ты, нет, больше, тогда я весь там, тогда я чувствую, что я живу; говорит и действует во мне и ум, и воображение, и чувства играют... Нет этого, я томлюсь, бросаюсь за кисть, за перо...

— Стало быть, ты играешь с женщинами: хорош! — упрекнул Аянов приличным тоном.

— Что же тут дурного? — оправдывался Райский. — Картежник тоже нехорошо, а вот ты играешь в карты — что же тут худого?

— Уж если она так нравится тебе, так женись — да и конец всему! — сказал Аянов. — В самом деле! — вдруг живо повторил он. — Такая богатая (л. 11) невеста, да еще красавица!

— Да — и конец всему! — задумчиво повторил Райский. — Именно конец, а я не хочу конца! Да за меня бы и не отдали!

— Играть в разговоры с женщиной! — повторил Аянов. — Право, Борис Павлыч, если б я не знал тебя короче, я бы подумал, что ты...

— Пустой человек! говори, не робей! — сказал Райский.

— Конечно, — продолжал Аянов, — полчаса, час иногда приятно поболтать с женщинами: они милы, умеют шевелить самолюбие мужчин, но целые дни, вечера сидеть, да еще потом думать дома, на улице... воля твоя — это такая пустота...

— Да, ты прав: это пустое занятие, стоит карт. Но что бы я стал делать, если б не было у меня этих пустых дел? На что я гожусь? Люблю я красоту, люблю музыку, поэзию, рисую, пописываю... всё пустые дела! — с горькой иронией заметил он. — А между тем с этим только мне и тепло жить. Нет этого — настает скука, мой лютейший бич, томит меня, я точно труп. О Боже! сохрани меня от скуки; лучше страдания, (л. 11 об.) волнения, тревога, но только не покойную, мертвящую скуку. Ах, если б страсть! — сказал он, — если б Софья...

Он, углубясь куда-то мыслью и глазами, машинально повязывал галстук, смотрел в зеркало и видел там не себя, а Софью...

Они вышли на улицу.

— Ну, о чем ты будешь с ней говорить? — спросил Аянов.

— Это всё равно если б я спросил тебя, с чего ты пойдешь при первой сдаче?

— Однако у тебя есть же какая-нибудь цель? не даром же тратишь время, — перебил Аянов.

— Даром, — отвечал Райский, — я уж сказал, что просто наслаждаюсь ее красотой, грацией, складом ума, всей этой роскошью мелких, не имеющих имени, но прелестных особенностей и свойств женщины...

— Так, без всякой цели! — с сомнением возразил Аянов.

— Впрочем, пожалуй, у меня есть цель, не одно только наслаждение, а любопытство...

— А она любопытная женщина?

30 — Очень.

— В каком же отношении? (л. 12)

— Вон смотри, — продолжал Райский, — видишь эту женщину?

— Вон эту, толстую, что с узлом лезет на дрожки?

— Да, вот посмотри и на эту, что выглянула из окна кареты, — видишь?

— Вижу. Что же они?

— И вон эти две, что переходят дорогу, и вон, вон еще те, и эта...

40 — Ну? — с нетерпением сказал Аянов, оглядываясь на все стороны на женщин, указанных ему Райским.

— Ну, все они жили настоящей, живою жизнью, нет сомнения, они исполнили свое назначение, у всех их, хотя, может быть, не у всех одинаково, у одних доле,

у других короче, но у всех сияло солнце в жизни, даже в самой скорбной, в самой темной жизни блеснул хоть на миг один всеосвещающий и всесогревающий луч жизни...

Аянов слушал, с недоумением провожая глазами и уехавшую на дрожках пожилую женщину, с узлом, и двух других, переходивших улицу женщин, с тупо задумчивыми лицами, и глядел (л. 12 об.) вслед карете, уносившей барыню с полным, круглым, самодовольным лицом, и всё понять не мог, какие лучи могли играть в их жизни. «В карты, что ли, чрез меру везло?» — думал он. 10

— Какой же это такой луч играл у них в жизни? — спросил он, — и почему ты знаешь это? ты их в первый раз видишь?

— Потому что я знаю людскую природу и знаю жизнь, — сказал Райский. — Поэтому знаю, что эти женщины не дожили бы до своих лет, не донесли бы жизни до морщин и до седых волос, не суетились бы и теперь так, если б у них не было этого солнца в жизни, этих лучей, разливающих тепло в их жизни. Не хватило бы их 20 на то, не из чего было бы суетиться, гомозиться, жить...

— Ты всё с загадками да эффектами,¹ — заметил с досадой Аянов, — говори просто, какой там луч нашел у этих баб?

— Это луч любви, симпатии: душа и огонь женского (л. 13) существования. Без них женщина — невозможна!

— Да, — заметил Аянов, — они все бредят симпатией, вот и покойница жена, бывало, тоже говорила, что женщина создана для любви, а мужчина для... для...

Он не приискал слова. 30

— Но всё это только «слова, слова, слова», сказал...

Он не знал, кто это сказал.

— А потом, — продолжал он, — дадут им и любовь, а они пялят глаза на других, не то так по магазинам рыщут, в тряпки уйдут, сплетничают, и любви как не было...

— Да, потом! — перебил Райский, — когда проиграет этот луч, а все-таки он проиграет...

— Что же Софья Николаевна? — спросил Аянов, — у ней разве не проиграло такого луча? 40

— Не было.

---

¹ Слово: эффектами, не разобранный переписчиком, вписано Гончаровым.

— Ты почему знаешь?

— Я вижу: этого не скроешь.

— Как же, она замужем была, вот и был луч...

— Нет, она жила и живет без этого луча, никого не любила и не любит. Какая заря (л. 13 об.) непробудного спокойствия лежит у ней на лице: ни скуки, ни грусти, ни желаний я никогда не читал в ее глазах, никогда не слышал ни одной жалобы. А я давно слежу за ней, давно роюсь в ее сердце и вот не могу дорыться... Иногда даже
10 думаю, женщина ли она?

— Да что тебе за дело? — спросил Аянов. — Право, ты, должно быть, жениться хочешь, да таишь...

— Жениться! — задумчиво, почти грустно произнес Райский, — создать себе рай и жить, жить с ней — в этом саду жизни... в зное страсти... Нет, нет! — как будто испугавшись этой мысли.¹

— Всё это глупости! — сказал Аянов, зевая и глядя рассеянно по сторонам. — А что Наташа? — вдруг спросил он.

20 Райский вдруг встрепенулся.

— Она... всё больна... давно не был: на днях заеду... — проговорил нехотя Райский и замолчал.

— Какая хорошенькая, — продолжал Аянов, — а ты что-то молчишь про нее. (л. 14) И с Софьей Николаевной тоже бы было... Глупости! — равнодушно кончил Аянов.

Райский вспыхнул.

— Можно ли их сравнивать! — сказал он с упреком. — Наташа и Софья! Наташа — хрупкое, нежное,
30 болезненное создание: душа бабочки, красота — золотая пыль ее: подул ветерок — и пропало! Она любит потому, что не умеет не любить, а не потому, что так хочет. В ней всегда блесит только заря любви и никогда не мелькнет молния страсти, ревности, досады или... Запри ее в келью, пусти в вихрь, она всё будет как голубь, всё будет любить... Это ли женщина? А Софья: Софья не хочет любить — она топчет ногами, презирает это чувство. Ей надо ураган, чтоб сломать ее, заставить поколебаться... Или она из камня создана, как будто
40 никогда не слыхивала о чувстве, о тревогах... Она... она... я просто не знаю, что она, и отдал (л. 14 об.) бы полжизни, чтоб узнать...

¹ Так в копии.

— Полжизни на такие... глупости! — лениво повторил Аянов.

Они пришли ко Владимирской, свернули в переулок и вошли в подъезд большого дома. (л. 15)

Вторая редакция главы I части первой (АКК₁₆) *

(Т. 7, с. 5—13)

ВЕРА

(Посвящается русским женщинам)

1

Nun ist es Zeit, dass ich mit Verstand
Mich aller Thorheit entled'ge,
Ich hab'so lang, als ein Komödiant
Mit dir gespielt die Komödie.

2

Die prächt'gen Coulissen, sie waren bemalt
Im hoch romantischen Stile,
Mein Rittermantel hat goldig gestrahlt,
Ich fühlte die feinsten Gefühle.

3

Und nun ich mich gar säuberlich
Des tollen Tands entled'ge:
Noch imer elend fühle ich mich,
Als spielt'ich noch immer Komödie.

4

Ach, Gott! im Scherz und unbewusst
Sprach ich, was ich gefühltet;
Ich hab, mit dem Tod in der eignen Brust
Den sterbenden Fechter gespielet!

Heine

Глава

Два господина сидели в небрежно убранной квартире в Петербурге, в одной из больших улиц.¹ Одному было между тридцатью пятью и сорока годами, друго-

---

* *Предыдущий этап работы над данным текстом представлен в виде вариантов авторской правки в копии первой редакции главы I части первой (АКК_{1a}) (см.: наст. изд., т. 8, кн. 2).*

¹ *Слова: в одной из больших улиц — вписаны.*

му — сорока пятью и пятьюдесятью.¹ Первый был Борис Павлович Райский, второй — Иван Иванович Аянов. У Бориса Павловича была живая, чрезвычайно подвижная физиономия.

С первого взгляда он казался моложе своих лет: большой белый лоб блистал свежестью, в глазах было много блеску по временам,² а³ по временам они задумывались⁴ мечтательно, и тогда казались молодыми, юношескими.⁵ Но иногда⁶ смотрели зрело,⁷ устало, скучно⁸ и обличали возраст⁹ своего хозяина. Около глаз собирались¹⁰ даже две-три¹¹ легкие морщины, эти неизгладимые заметки времени и опыта.¹² (л. 2) Гладкие темные волосы падали на затылок и на уши, но в висках зоркий глаз заметил бы несколько белых волос. Щеки, так же как и лоб, около глаз и рта сохраняли еще молодые цвета, но у висков и около подбородка¹³ цвет был изжелта-смугловатый. Вообще легко можно бы было угадать по лицу его¹⁴ ту пору, когда совершается борьба молодости со зрелостью, когда человек переходит на вторую половину жизни, когда каждый прожитой опыт, чувство, болезнь оставляют след. Только рот его сохранял в неуловимой игре тонких губ, в улыбке какое-то молодое, свежее, почти детское выражение.¹⁵ (л. 2 об.)

---

¹ *Было*: Одному было за 30, другому за сорок. *Слова*: между тридцатью пятью ∞ и пятьюдесятью — *вписаны*.

² *Вместо*: в глазах было много блеску по временам — *было начато*: глаза то задумывались, то [горели] живо мерцали

³ *Было*: но

⁴ *Далее было начато*: а. но нена(долго?) б. то

⁵ *Далее было начато*: то

⁶ *Слова*: Но иногда — *вписаны*.

⁷ *Было*: так зрело

⁸ *Далее было*: а. *Начато*: что о(бнаруживали) б. и тогда сейчас обнаруживали

⁹ *Было*: лета

¹⁰ *Вместо*: Около глаз собирались — *было начато*: Тогда даже около них показывались

¹¹ *Далее было начато*: морщ(ины)

¹² *Текст*: в глазах было много блеску по временам ∞ и опыта. — *вписан над строкой и на полях со знаком вставки*.

¹³ *Вместо*: и около подбородка — *было*: и пониже

¹⁴ *Слово вписано*.

¹⁵ *Вместо этой фразы было начато*: Если бы рот его не сохранил [в выражении тонких губ, в улыбке], в [неуловимых выражениях губ] неуловимой игре тонких губ, в улыбке [в тонких движениях] какой-то молодости, свежести, [чего-то] какого-то молодого, свежего, почти детского выражения. *Фраза*: Только рот его ∞ почти детское выражение. — *вписана на полях со знаком вставки*.

Райский одет был в домашнее серенькое пальто, сидел с ногами на диване.

Иван Иванович был, напротив,¹ очень парадно одет:² в черном фраке. Белые перчатки и шляпа лежали около него на столе. У него лицо отличалось спокойствием или, скорее,³ равнодушным⁴ ожиданием ко всему, что может около него происходить.⁵ Смышленный взгляд, неглупые губы, приличный умеренно-смуглый цвет лица, красиво подстриженные, с сильной проседью волосы на голове и бакенбардах,⁶ умеренные же движения, сдержанная⁷ речь и безукоризненный костюм — вот⁸ его наружный⁹ портрет. К этому важно прибавить спокойную, но скромную уверенность в себе,¹⁰ понимание других, выглядывавшее¹¹ из глаз.¹² «Пожил человек, знает жизнь и людей», — скажет о нем наблюдатель и¹³ не отнесет его к разряду ни особенных, высших натур и еще менее к разряду натур наивных.¹⁴ (л. 3) Это был представитель большинства¹⁵ уроженцев¹⁶ универсального Петербурга и вместе то, что называют светским человеком. Он принадлежал Петербургу и свету, и его трудно представить себе где-нибудь в другом городе, кроме Петербурга, и в другой сфере, кроме света, то есть известного высшего слоя петербургского населения, хотя¹⁷ у него есть и служба, и свои дела, но его чаще всего встречаешь в большей части гостиных¹⁸ и утром, с визитами, и на

---

¹ *Далее было начато:* о(дет)

² *Слово вписано.*

³ *Слова:* или, скорее — *вписаны.*

⁴ *Было:* даже равнодушным

⁵ *Слово вписано.*

⁶ *Слова:* красиво подстриженные ∞ на бакенбардах — *вписаны.*

⁷ *Было:* и сдержанная

⁸ *Было:* вот весь

⁹ *Слово вписано.*

¹⁰ *Далее было начато:* а. соз(нание?) б. раз(личение?)

¹¹ *Было начато:* написан(ное)

¹² *Далее было начато:* Не [приз(нать?)] видать в нем ничего необыкновенного, не

¹³ *Далее было начато:* если

¹⁴ *Текст:* Смышленный взгляд ∞ к разряду натур наивных. — *вписан на полях со знаком вставки.*

¹⁵ *Далее было начато:* петербургских

¹⁶ *Слова:* большинства уроженцев — *вписаны.*

¹⁷ *Далее было начато:* он

¹⁸ *Далее было начато:* а. на б. по ут(рам)

обедах, на вечерах, на последних всегда за картами.¹ Он — так себе:² ни характер, ни бесхарактерность, ни знание, ни невежество, ни³ убеждение, ни скептицизм. Незнание или отсутствие убеждения⁴ облечено у него в⁵ форму какого-то всеотрицания и приличной самоуверенности. Он родился, вырос, учился и дожил почти до старости в Петербурге, не выезжая далее Лахты и Ораниенбаума с одной стороны, Токсова, Средней Рогатки — с другой. От этого в нем отражались, как солнце в капле, весь петербургский мир, вся петербургская практичность, (л. 3 об.) нравы, тон, природа, служба — эта вторая петербургская природа, и более ничего. На всякую другую жизнь, еще менее на иностранную, у него не было никакого взгляда, никаких понятий, кроме тех, какие дают свои и иностранные газеты.⁶ Петербургские страсти, петербургский взгляд, петербургский годовой обиход пороков и добродетелей, мыслей, дел, политики⁷ и даже, пожалуй, поэзии⁸ — вот где вращалась жизнь его, и он не⁹ порывался из этого круга, находя в нем полное до роскоши удовлетворение своей натуре.¹⁰ Он равнодушно смотрел сорок лет сряду, как с каждой весной отплывали за границу битком набитые пароходы, уезжали внутрь России дилижансы, впоследствии вагоны, толпы людей «с наивным настроением», говорил он,¹¹ дышать другим воздухом, освежаться, искать впечатлений и развлечений. Никогда не чувствовал он подобной потребности, да и в других не признавал ее,¹² а глядел на них, этих других, покойно, равнодушно, (л. 4) с весьма приличным выражением в лице и взглядом. «Пусть-де их себе, а я не поеду».

---

¹ Текст: и вместе то ∞ всегда за картами. — вписан на полях со знаком вставки.

² Слова: Он — так себе — вписаны.

³ Слова: ни знание, ни невежество, ни — вписаны.

⁴ Слова: Незнание или отсутствие убеждения — вписаны.

⁵ Слова: у него в — вписаны.

⁶ Слова: кроме тех ∞ газеты — вписаны на полях со знаком вставки.

⁷ Далее было: поэзии

⁸ Далее было начато: бледной, к{ак?} Слова: обиход пороков ∞ поэзии — вписаны над строкой и на полях со знаком вставки.

⁹ Слово вписано.

¹⁰ Слова: находя в нем ∞ своей натуре — вписаны.

¹¹ Было: как говорил он

¹² Слово вписано.

Он¹ говорил просто, свободно переходя от предмета к предмету, всегда знал обо всем, что делается в мире, в свете² и в городе, то есть и о войне китайцев с англичанами, о перемене английского или французского министерства, о последней речи в парламенте и во французской палате депутатов,³ о новой пьесе и о том, кого зарезали ночью на Выборгской стороне. Знал генеалогию⁴ крупных обитателей столицы и скандалёзную хронику каждого большого дома,⁵ знал во всякую минуту о состоянии дел в администрации, о переменах, повышениях, наградах, знал и сплетни городские, — словом, знал хорошо свой мир.⁶ У него было два деления времени — утро и вечер: первое уходило на мыканье по свету, то есть по гостиным, отчасти⁷ на дела⁸ и службу, вечер⁹ нередко он начинал спектаклем, а кончал всегда картами. Своих дел у него не было.¹⁰ <л. 4 об.> В карты¹¹ играет он без ошибки и имеет¹² репутацию приятного¹³ игрока, потому что снисходителен к ошибкам,¹⁴ никогда не сердится, а глядит на ошибку с таким же приличием, как на отличный ход. Потом он играет с равной охотой и по большой, и по маленькой, и с крупными игроками, и с капризными дамами. Его везде принимают.¹⁵ <л. 5>

Строевую службу он прошел хорошо, протерши лямку около пятнадцати лет в канцеляриях, в должностях исполнителя чужих проектов. Он тонко угадывал мысль начальника, разделял его взгляд на дело и ловко

---

¹ Слово вписано.

² Слова: в свете — вписаны.

³ Слова: о последней речи ∞ и во французской палате депутатов — вписаны.

⁴ Далее было: всех

⁵ Слова: и скандалёзную хронику каждого большого дома — вписаны.

⁶ Фраза: Знал генеалогию ∞ свой мир. — вписана на полях со знаком вставки.

⁷ Далее было начато: по

⁸ Далее было начато: то есть на

⁹ Было начато: вечером иногда

¹⁰ Текст: первое уходило ∞ не было. — вписан на полях со знаком вставки.

¹¹ Слова: В карты — вписаны.

¹² Слово вписано.

¹³ Было: хорошего и приятного

¹⁴ Слова: к ошибкам — вписаны.

¹⁵ Текст: и с крупными игроками ∞ принимают. — вписан.

излагал на бумаге разные проекты. Менялся начальник, а с ним и взгляд, и проект — Аянов¹ работал так же умно и ловко и с новым начальником, над новым проектом — и докладные записки его нравились всем министрам, при которых он служил.

Теперь он состоял при одном из них по особым поручениям: по утрам являлся к нему в кабинет, потом к жене его в гостиную и действительно исполнял некоторые ее поручения, а по вечерам, в положенные дни, — непременно составлял партию² с кем попросят. У него был довольно крупный чин и оклад — и никакого дела.³ (л. 5 об.)

Если позволено проникать в чужую душу, то в душе Ивана Ивановича не было никакого мрака, никаких тайн, ничего загадочного впереди, и сами макбетовские ведьмы затруднились бы обольстить⁴ его каким-нибудь более блестящим жребием или отнять у него тот, к которому⁵ он шествовал так сознательно и достойно. Повыситься из статских в действительные статские, а под конец за долговременную и полезную службу и «неусыпные труды» как по службе, так и в картах — в тайные советники и бросить якорь в порте⁶ в какой-нибудь⁷ нетленной комиссии, комитете с сохранением окладов — разумеется — и в⁸ Английском клубе. А там волнуйся себе человеческий океан, меняйся век, лети в пучину судьба народов, царств — всё пролетит мимо его, пока апоплексический⁹ или другой удар не остановит¹⁰ течения и его жизни.¹¹ Аянов был женат, овдовел, у него была лет двенадцати дочь, воспитывавшаяся на ка-

---

¹ *Далее было начато:* на(чинал?)

² *Далее было начато:* а. где б. ко(му?)

³ *Текст:* Строевую службу он прошел хорошо ∞ и никакого дела. — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁴ *Вместо:* затруднились бы обольстить — *было начато:* не сказали бы ему ничего нового и не обольстили бы

⁵ *Вместо:* отнять у него тот, к которому — *было:* а. *Начато:* отнять его б. отнять у него ту цель, к которой

⁶ *Далее было вписано:* или в двух портах

⁷ *Было:* в какой-то

⁸ *Вместо:* с сохранением окладов — разумеется — и в — *было начато:* с окладом содержания и конечно в

⁹ *Далее было начато:* удар от

¹⁰ *Далее было начато:* его

¹¹ *Текст:* Если позволено проникать ∞ и его жизни. — *вписан на полях со знаком вставки.*

зенный счет в институте, и он, устроив свои делишки, вел¹ покойную и беззаботную жизнь старого холостяка. Одно только нарушало его спокойствие — это геморрой от сидячей жизни и в перспективе представлялось для него тревожное событие — прервать на время эту жизнь и побывать где-нибудь на водах. (л. 8)

— Не пора ли одеваться? четверть пятого! — сказал Аянов.

— Да, пора, — отвечал Райский, очнувшись от задумчивости.

— О чем это ты задумался? — спросил Аянов.

— О ком, — поправил Райский, — да о ней... всё² о Софье.

— Опять! Ну! — заметил Аянов.

Райский стал одеваться.

— Ты не скучаешь, что я тебя туда таскаю? — спросил Райский.

— Нимало: разве не всё равно играть что там, что у Ивлевых? Оно, правда, совестно немного обыгрывать старух: Анна Васильевна бьет свои карты,³ а та думает (л. 9) над каждым ходом. Совестно обирать их...⁴

— Не беспокойся,⁵ не оберешь по пяти копеек.⁶ У обеих старух до шестидесяти тысяч дохода.

— Скажи, пожалуйста, это всё Софье Николаевне достанется?

— Ей: она родная племянница. Они скупятся и всё берегут ей. Бредят, что какой-нибудь принц или герцог пленится и посватается...⁷

— Знаю. У отца ведь, кажется, немного...⁸

— Нет, всё спустил.

— Да куда он тратит? В карты почти не играет.⁹

---

¹ Слова: устроив свои делишки, вел — вписаны.

² Слово вписано.

³ Вместо: бьет свои карты — было начато: играет [точно вовсе не помнит] из рук вон плохо

⁴ Было: Скучно немного, и совестно обирать их... Текст: бьет свои карты ∞ Совестно обирать их... — вписан.

⁵ Далее было начато: не много

⁶ Слова: не оберешь по пяти копеек — вписаны.

⁷ Текст: Они скупятся ∞ и посватается... — вписан на полях со знаком вставки.

⁸ Фраза вписана. Далее было начато: а. Что б. Ведь в прошлом году

⁹ Фраза вписана.

— Как куда? А женщины? а эта беготня, *petits soupers*,* весь этот *train*...** Зимой в пять тысяч сервиз подарил на вечер¹ *Armanse*, а она² его-то и забыла пригласить к ужину.³

— Да, да — слышал.⁴ За что? Что он там у ней делает?..

Оба засмеялись.

— А⁵ у Софьи Николаевны свое есть ли что-нибудь?⁶

— Мало, тысяч семь дохода после мужа: это ее карманные деньги. А то всё от теток. Но пора, — сказал Райский, — мне хочется еще по Невскому до обеда пройтись. (л. 9 об.)

Аянов и Райский шли, кивая, раскланиваясь и пожимая руки направо и налево.

— Долго ты нынче просидишь у Беловодовых? — спросил Аянов.

— Часов до десяти, как обыкновенно. А что? скучно?

— Нет, я думал, поспею ли я к Ивлевым? (л. 10)

— Счастливым человек! — с завистью сказал Райский. — Если б не было на свете скуки! Может ли быть лютее бича?⁷ (л. 10 об.)

---

* вечеринки (фр.)

** образ жизни (фр.)

¹ Слова: на вечер — вписаны.

² Далее было начато: даже

³ Слова: а она-то ∞ к ужину — вписаны на полях со знаком вставки.

⁴ Фраза вписана.

⁵ Далее было начато: своих

⁶ Фраза вписана.

⁷ Текст: — Счастливым человек! ∞ Может ли быть лютее бича? — вписан на полях. Далее было: — Это может только говорить, кто с жиру бесится, — сказал Аянов. — Дал бы [я, напр(имер)] я тебе, например, на неделю [зубн(ую)] хоть зубную боль... Ничего: [это] она займет тебя — минуты муки, минуты облегчения — какая тут скука: не до нее!

— Я допускаю болезни, нищету, разлуки, потери — всё это ужасно, всё ломит, давит, гнет — но там есть среди казни минуты отдыха... но всё это я перенесу, а скуки не переношу. [Там есть всё что-то живое, есть содержание. А скука] Скука — это степь, пустая, мертвая... Поверь, люди от скуки мечтают во всякий омут...

— Ну нет, иные как-то любят ее, — сказал Аянов, — купцы, попы, учителя, провинциялы...

Райский засмеялся.

— Нет, многие и из них мечтают или усыпляют скуку, кто водкой, кто... картами...

— Вот если б ты играл, и ты, может быть...

— Так ты от скуки ходишь к своей кухне?

— Какой вопрос: разумеется. Разве ты не от скуки садишься за карты?¹ Все от скуки спасаются как от чумы:² и делают или подвиги, или ошибки.

— Фу ты, Боже мой, какие ты открытия³ делаешь: ты бы в академию отослал, — сказал Аянов, — только⁴ какое же ты жалкое лекарство⁵ выбрал от скуки — переливать из пустого в порожнее с женщиной — каждый день одно и то же.

— А⁶ в картах разве не одно и то же, а вот ты прячешься в них от скуки...⁷

— Ну нет, не одно и то же: какой-то англичанин вывел комбинацию, что одна и та же сдача карт может повториться лет в тысячу только... А шансы?⁸ А характеры игроков, манера каждого, ошибки? Не одно и то же?⁹ А вот с женщиной биться зиму и весну! Сегодня, завтра... вот этого я не понимаю...

— Ты не понимаешь красоты — что ж делать с этим: другой не понимает музыки, третий живописи: это неразвитость своего рода.

— Нет, спокойствие в организме меня душит — мне нужно вечное движение, вечная новизна. Жизнь должна играть, кипеть и биться около меня...

— Ты впечатлителен, смолоду начитался романов...

— Нагляделся картин, наслушался звуков — и так далее. Это всё пустое. Просто природа дала мне зоркие глаза, чуткое ухо [живой ум и влож(ила)], жадный ум, живое воображение и ненасытную жажду жить: [давай же мне пищу] я гляжу прямо в жизнь, как она шла около меня, я [сле(дил)] подглядывал ее ход [бросался в ее волны, купался в опыт(е)], узнавал, испытывал, бросал испытанное, бежал за другим, опять бросал, опять искал — всё другого, нового... Его не хватало.

— Дела у тебя нет никакого...

— И за дело хватался — но лихорадка била меня, не давала кончить, жажда мучила, я опять бежал.

— И забежал вперед.

— Да, и не знаю, что делать...

¹ *Далее было:* пишешь бумаги... Дай тебе доход в пять, шесть тысяч — ведь ты не стал бы...

² *Далее было начато:* это

³ *Было начато:* какую ты дичь

⁴ *Далее было начато:* твое

⁵ *Было:* средство

⁶ *Далее было начато:* ты

⁷ *Текст:* — Так ты от скуки ходишь к своей кухне? ∞ а вот ты прячешься в них от скуки... — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁸ *Фраза вписана.*

⁹ *Фраза вписана.*

— Да, именно своего рода: вон у меня в отделении служил помощником¹ Иван Петрович: тот ни одной чиновнице, ни одной горничной проходу не дает — то есть красивой, конечно,² — всем говорит любезности, подносит букеты, конфекты — он развит, что ли?³

— Оставим этот разговор, — сказал Райский,⁴ — а то опять оба на стену полезем, чуть не до драки. Я не понимаю⁵ твоих карт, и ты вправе назвать меня невеждой. Не суйся же и ты судить и рядить о красоте. Всякий по-своему наслаждается и картиной, и статуей, и живой красотой женщины: твой Иван Петрович так, я⁶ иначе, а ты — никак — ну и при тебе...⁷

— Ты играешь с женщинами,⁸ как я вижу, — сказал Аянов, — Иван Петрович, напротив...

— Ну играю, и прекрасно, — говорил Райский, — ты тоже играешь и обыгрываешь почти всегда, а я всегда проигрываю... (л. 11) Что ж тут дурного?

— Да, Софья Николаевна красавица, да еще и богатая невеста, женись — и конец всему.⁹

— Да — и конец всему и начало скуки!¹⁰ — задумчиво повторил Райский, — а я не хочу конца! Успокойся:¹¹ за меня бы ее¹² и не отдали!

— Чего ж¹³ ты хочешь от нее? зачем ходишь? о чем будешь говорить хоть сегодня, например? — спрашивал Аянов.

— Не знаю.¹⁴ И я тебя спрошу: чего¹⁵ ты хочешь от ее теток? Какие карты к тебе придут? Выиграешь ты или проиграешь?¹⁶

---

¹ *Вместо:* у меня в отделении служил помощником — *было:* у нас в казенном доме живет наш помощник

² *Далее было начато:* это ра(зве?)

³ *Далее было начато:* а. — Всякий по-своему б. Райский рассердился в. — Послушай, Иван Иванович

⁴ *Слова:* сказал Райский — *вписаны.*

⁵ *Далее было:* твоих бумаг и

⁶ *Было начато:* ты

⁷ *Текст:* — Ты не понимаешь красоты ∞ ну и при тебе... — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁸ *Далее было начато:* это не

⁹ *Текст:* — Ну играю, и прекрасно ∞ и конец всему. — *вписан.*

¹⁰ *Слова:* и начало скуки! — *вписаны.*

¹¹ *Слово вписано.*

¹² *Слово вписано.*

¹³ *Было:* — Что ж

¹⁴ *Далее было начато:* Если

¹⁵ *Было начато:* зач(ем)

¹⁶ *Далее было:* — Выиграю, — сказал Аянов.

— У меня никаких расчетов нет: я делаю это от... от... для... удовольствия.

— От... от скуки — видишь: а я¹ для наслаждения — тоже без расчетов. А как я наслаждаюсь красотой — ты и твой Иван Петрович этого не поймете — не во гнев тебе и ему — вот и всё. Ведь есть же одни, которые молятся страстно, а другие не знают² этой потребности, ну — и...

— Ну и что?

— И ничего больше.

— Ну-ка повтори перед всеми на улице, что ты сказал мне теперь — о красоте:³ знаешь ли, как назовут тебя...

— Пустым человеком, романтиком, а кто подороже — поэтом: знаю.⁴ — Да, ты прав: это пустое занятие, стоит карт. Но что бы я стал делать, если б не было у меня этих пустых дел? На что я гожусь? Поклоняюсь я⁵ красоте, люблю музыку, поэзию, рисую, пописываю... всё пустые дела! — с горькой иронией заметил он. — А между тем с этим только мне и живется. Отними это, дай так называемое «дело», настает скука, лютейший враг, мой⁶ и всеобщий демон, и я точно труп. Непрерывный ряд впечатлений, ощущений, тревог, (л. 11 об.) страстей, даже хоть зубную боль,⁷ но только не скуку, не покой, не остановку, не тишину!⁸ Ах, если б страсть! — сказал он, — если б Софья... — и вздохнул.⁹ (л. 12)

— Полно: страсти мешают жить: труд — вот одно лекарство от пустоты — дело, — сказал Аянов.

— Какое?¹⁰

— Служи.

---

¹ Слова: от скуки — видишь: а я — вписаны.

² Было: не понимают

³ Слова: о красоте — вписаны.

⁴ Текст: — Чего ж ты хочешь от нее? ∞ знаю. — вписан на полях со знаком вставки.

⁵ Слова: Поклоняюсь я — вписаны.

⁶ Далее было начато: демон

⁷ Слова: даже хоть зубную боль — вписаны на полях со знаком вставки.

⁸ Текст: и живется. ∞ не тишину! — вписан.

⁹ Слова: и вздохнул — вписаны.

¹⁰ Текст: — Полно ∞ — Какое? — вписан вместо также вписанного и зачеркнутого текста: — И тебе не стыдно? ведь ты уж не мальчик... Ну что тебе в ней... Ужели ты не найдешь дела?

— Нет: какое?

— Разве это дело: укажи ты мне в службе такое дело, без которого бы¹ нельзя было обойтись?

— Как? — вдруг сказал Аянов² и поглядел около себя. — Да вот.

Он указал на квартального, который глазами и носом провожал каждого проезжего по улице.

— А спроси его, — сказал Райский, — чего³ он так пристально высматривает и выжидает? Генерала. Ужели ты считал⁵ делом свои бумаги — и т. д. и т. д.? Не буду⁶ распространяться об этом, а скажу тебе, что, право, я больше делаю, когда мажу⁷ свои картины, бренчу на рояле — и даже⁸ поклоняюсь красоте...

— Ну что же кроме красоты нашел ты в своей кухне: скажи мне, я вовсе не знаю ее. Она всё за границей жила.⁹

— И я тоже, — сказал Райский.

— Как, каждый день вместе — и не знаешь...

— Не знаю, (л. 12 об.) не знаю, что у ней кроется¹⁰ под этим спокойствием, не знаю ее прошлого и не угадываю будущего. Женщина она или кукла — живет или подделывается под жизнь — и это мучает меня... Вон смотри, — продолжал Райский, — видишь эту женщину?

— Ту, толстую, что лезет с узлом на извозчика?

— Да, и вот эту, что глядит из окна кареты? И вон ту, что заворачивает из-за угла навстречу нам?

— Ну так что же?

— А то же, что на их лицах ты мельком¹¹ прочитаешь какую-нибудь заботу, или тоску, или радость — или мысль, признак воли, — ну, словом, движение, жизнь. Не много нужно, чтоб подобрать¹² ключ и сказать, что тут семья и дети, — значит, было прошлое,¹³ а тут глядит

---

¹ *Далее было начато:* мн(е)

² *Далее было:* чуть не припрыгнув

³ *Было:* — Спроси его, чего

⁴ *Далее было начато:* смо(трит)

⁵ *Было:* считаешь

⁶ *Было:* Не будем

⁷ *Было:* а. рисую б. пишу в. пачкаю

⁸ *Далее было начато:* влюбляюсь — без

⁹ *Фраза вписана.*

¹⁰ *Слово вписано.*

¹¹ *Слово вписано.*

¹² *Было:* приделать

¹³ *Далее было начато:* есть

из глаз¹ страсть или живой след симпатии, значит, есть настоящее, а здесь² на молодом лице играют надежды,³ просятся наружу желания — и пророчат беспокойное будущее.⁴ (л. 13)

— Ну?

— Ну, — везде что-то живое, подвижное, требующее⁵ жизни⁶ и отзывающееся на нее... А там ничего этого нет, ничего, хоть шаром покати!⁷ Даже нет апатии, наконец, скуки, чтоб можно было сказать: была жизнь и убита — ничего. Сияет и блестит, ничего не просит и ничего не отдает! И я — ничего не знаю,⁸ а ты удивляешься, что я боюсь!

— Что ты мне показываешь их: я сам такой, — сказал Аянов, вдруг останавливаясь.

— Ты!

— Да — я!

— Что ж, ты красотой блистаешь...

— Блистаю спокойствием и наслаждаюсь этим: и она тоже...⁹ Что тебе за дело?

— До тебя никакого — а она — красота, красота!¹⁰

— Женись, а не хочешь или нельзя, так оставь — и займись делом...

— Ты прежде заведи дело, в которое мог бы броситься живой ум, гнушающийся мертвечины, страстная, энергическая душа¹¹ и положить¹² силы во что-нибудь, что стоит борьбы и дела,¹³ — а с своими картами, визитами, раутами и службой¹⁴ — ступай к черту!

---

¹ Было: из лица

² Было: тут

³ Далее было начато: дерз(кие?)

⁴ Текст: — Служи. ∞ и пророчат беспокойное будущее. — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁵ Было: просящее

⁶ Далее было начато: и дающее

⁷ Далее было начато: Если

⁸ Далее было: не могу добиться

⁹ Текст: — Что ты мне показываешь их ∞ и она тоже... — *вписан.*

¹⁰ Фраза вписана.

¹¹ Вместо: мог бы броситься живой ум, гнушающийся мертвечины, страстная энергическая душа — *было*: могла бы броситься страстная энергическая натура (слова: могла бы — *остались неисправленными*).

¹² Далее было начато: и убить

¹³ Вместо: что стоит борьбы и дела — *было*: достойное человека

¹⁴ Вместо: визитами, раутами и службой — *было*: и бумагами

— У тебя беспокойная натура, — сказал Аянов, — не было строгой руки и тяжелой школы — вот ты и куролесишь...¹ Помню, когда твоя Наташа была жива...

Райский вдруг остановился² и с мгновенно повисшей грустью на лице схватил своего спутника... за руку.³

— Всё глупости! — продолжал⁴ Аянов, — та не умеет любить, а эта любит как дура...⁵ (л. 13 об.)

Аянов махнул рукой и молча⁶ торопливо пошел вперед. Они пришли ко Владимирской, свернули в переулок и вошли в подъезд большого дома.⁷ (л. 15)

Первоначальная редакция главы V части первой

(Сотт (рукописная вставка))

(Т. 7, с. 37—41)

— Ну, что ты сделал? — спросил Райский Аянова, когда они вышли на улицу.

— Двадцать пять⁸ рублей выиграл: а ты?

Райский пожал плечами и передал содержание разговора с Софьей.

— Что ж: и это дело — от безделья. Ну и весело?

— Глупое слово «весело»! Только дети да французы ухитряются веселиться: «s'amuser».

— Ну что же, как же назвать [это] то, что ты делаешь, — и зачем?

— Я уж сказал тебе зачем, [— За(тем)] — сердито отзывался Райский. — Затем что красота ее [тянет] увлекает, раздражает [отвле(кает)], — и скуки нет, — понимаешь это? (л. 32) Вот у меня теперь шевелится мысль писать ее портрет — это займет месяц, потом буду изучать ее [добиваться...]...

---

¹ *Далее было начато:* Когда

² *Далее было начато:* и та(к?)

³ *Далее было:* — Иван Иванович, что я тебе сделал — зачем ты напоминаешь об этом?

⁴ *Было:* прошептал

⁵ *Текст:* — Ну?

— Ну, — везде что-то живое ∞ а эта любит как дура... — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁶ *Далее было:* сердито

⁷ *Далее помета:* (После этого следует первая половина печатного отрывка «Софья Николаевна Беловодова».)

⁸ *Исправлено:* — Сорок пять

— Смотри не влюбись, — заметил Аянов, — жениться нельзя, говоришь ты, — а играть в страсти с ней — тоже нельзя... [Ты хоть бы роман писал] И чем ты тут не являлся... Она тебя Чацким сама назвала... [— И недаром: я т(аков)] Ты и коммунистом, и Дон Кихотом, и Ловеласом... Я не удивлюсь, если ты наденешь [и] рясу и начнешь вдруг проповедовать...

— И я не удивлюсь, — сказал Райский, — натура моя отзывается на всё, только [затронь] разбуди нервы — и пойдет играть... Знаешь что, Аянов, [я] [у меня] у меня [серьез(ная)] засела с прошлой зимы серьезная мысль — писать роман...

Аянов засмеялся.

— Серьезная мысль! — повторил он, — [как] ты говоришь о романе как о серьезном деле! А вправду: пиши, тебе больше нечего делать, как играть романы да записывать.

— Ты не смейся и не шути: в роман всё уходит — это [как] не то что драма или комедия — это как океан: берегов нет или не видать: не тесно, всё уместится там. И знаешь, кто подал мне мысль о романе: наша общая знакомая, помнишь, соседка по даче?

— Актриса?

— Да: это очень смешно. Она очень милая женщина, [но] и хитрая, и себе на уме...¹ [но... Да лучше слушай] [и хорошая актриса, но... Да лучше слушай, что она мне про себя рассказала.] Подходил ее бенефис, а пиесы не было: драматургов у нас немного, что у кого было, те обещали другим, а переводную ей давать не хотелось. Она и вздумала сочинить сама.

— Не боги горшки обжигают, — пришло, видно, ей в голову, — сказал Аянов. (л. 32 об.)

---

¹ К словам: Она очень милая женщина, [но] и хитрая, и себе на уме... — знаком отнесена вставка на полях: как все женщины, когда они, как рыбы, не лезут из воды на берег, а остаются в воде, то есть в своей сфере. В своих проказах, интригах, в непроходимой лжи, в умысле прятаться — словом, в своей кошачьей жизни они обнаруживают такую сеть сплетений, что [никакой] мужской гений [не] окажется и оказывается на каждом шагу пошлым дураком, лишь только окунется в этот кошачий мир с кошачьими умами, кошачьими чувствами и всем кошачьим, невидимым, ползучим ходом жизни...

— Ну что же актриса? — нетерпеливо перебил Аянов.

— Ну [вот] она попробовала вылезти из кошачьей жизни [и вот] и рассказала вот что про себя.

— Именно. И [как] с какой милой наивностью [переда(вала)], как доверчиво поверяла мне свои соображения. Например, — говорит, — в «Горе от ума» [вон куда] — excusez du peu* — все лица самые обыкновенные люди, говорят о самых простых предметах; и случай пустой: влюбился Чацкий, за него не выдали, полюбили другого, он узнал, рассердился и уехал. Отец рассердился на обоих, она на Молчалина... И у Мольера, — говорит, — скупой — скуп, Тартюф — подлый [обманщик и] лицемер. Можно даже придумать что-нибудь похитрее, поинтереснее интригу. Словом, комедия ей казалась так же мало серьезным делом, как [роман] тебе кажется роман. За трагедию она не бралась, тут она скромно [пря(мо?)] сознавалась в своей несостоятельности: а за комедию взялась и в неделю написала листов десять — я просил показать — ни за что! «Что же, кончили?» — спросил я. «Как ни билась, не доходит до конца, — говорит. — Лица всё разговаривают и не могут перестать: так и бросила». Бедняжка! [ошиблась, выбрала] Жаль, что ей понадобилась комедия, [а если б вздумала писать] в которой нужно и начало и конец, и завязка и развязка, а если б [выбрала] [напала на роман] писала роман, то, может быть, и не бросила бы, и лица у ней всё разговаривали бы до сих пор. Я буду писать роман, Аянов: в роман укладывается вся жизнь, и целиком, и по частям. Всё зависит от красок и [еще небольших] немногих соображений ума, яркости воображения и своеобразия во взгляде, немного юмора, да чувства, да искренности, да умеренности, да... поэзии...

Он замолчал и шел задумчиво.

— Excusez du peu! — [сказал] повторил Аянов. (л. 33) — Ничего этого не нужно: пиши, что взбрело на ум, [как твоя актриса] что-нибудь да выйдет.

Райский вздохнул.

— Нет, — сказал он, — [нужен] нужно еще одно, я не упомянул [как перечислял]: это... талант.

— Конечно, безграмотный не напишет...

— Ты грамотный: что ж ты не пишешь? — перебил Райский.

— Зачем? У меня есть что писать. Я дело пишу...

— Опять ты хвастаешься «делом»! [не] а я думаю, если ты перестанешь писать — вот тогда и будет дело.

---

* ни больше ни меньше (фр.)

— [А кто мне оклад] [Стыдно] А роман твой даст мне оклад [в пять тысяч] [в четыре] в пять с половиной, да квартиру с отоплением, да курьера, да чин, да...

— И ты не стыдишься говорить это! Когда мы очеловечимся?

— Я [очеловечился] стал очеловечиваться с тех пор, как начал получать по [полторы] две тысячи, — [в] и теперь вот понимаю, что [политико-экономические] вопросы о гуманности неразрывны от политико-экономических...

— Знаю, знаю [заговорил Аянов — да] твои идеи, но зачем ты¹ так храбришься этим циническим эгоизмом?

Аянов [бросился было] [заговорил было сердито] собрался было запальчиво отвечать, но [кар(ета)] в эту минуту наезжала карета, кучер закричал им, и спор не пошел дальше.

— Так живопись прощай? — сказал Аянов.

— Как прощай: [зав(тра)] а портрет Софьи... на днях начну. Я забросил академию и не видался ни с кем. Завтра пойду к Кирилову: ты его знаешь?

— Не помню, кажется, видел: нечесаный и немый...

— Да, но глубокий, истинный художник, каких нет теперь.² Напишу только портрет Софьи и покажу ему, а там попробую силы на романе...³ (л. 33 об.)

— Послушай, Райский: сколько я тут [вижу] понимаю, надо тебе бросить прежде не живопись, а Софью [и все романы] и не делать романов, если хочешь писать их. Лучше пиши по утрам роман, а вечером играй в карты: [они не [от(влекают)] увлекают] по маленькой, в коммерческую... это не [тянет] раздражает, не увлекает...

— Да, тронь я карты, так я стащу и⁴ с тебя панталоны да проиграю. Есть своя бездна и там: слава Богу, я никогда не заглядывал в нее, а если загляну — так уж выйдет не роман, а трагедия. Впрочем, ты дело говоришь: двум господам служить нельзя: дай мне кончить как-нибудь эту историю с Софьей, написать ее портрет — и тогда вот [б(удет)] пусть эта звезда [будет],

¹ Слово вписано.

² К словам: каких нет теперь — знаком отнесена вставка на полях: последний могикан...

³ Далее вписано: Это первый род творчества: не удастся ли там?

⁴ Слово вписано.

как ее... ты не знаешь? [ну] ну да всё равно,¹ — пусть она будет свидетельницей, что я наконец слажу с чем-нибудь: или с живописью, или с поэзией. Роман! [Куда] Да! смешать свою жизнь — с чужою, занести эту массу наблюдений, мыслей, опытов, портретов, картин — *une mer à boire!**

Они молча шли. Аянов посвистывал, а Райский [склони(в)] шел, склоня голову [и думал о Софье], думая то о Софье, то о романе.

На перекрестке, где надо расходиться, Райский вдруг спросил:

— Когда же опять туда?

— Куда туда?

— А к Софье?

— Ты опять: а я думал, что ты работаешь над романом, и не мешал тебе.

— Я уж тебе сказал: [жизнь — мой роман] моя жизнь — роман и мой роман — жизнь. <л. 34> А когда туда?²

— В среду [они] тетки звали играть.

— Долго — но нечего делать — до среды!

Они расстались.³

Первая редакция главы VI части первой (КК₂)

(Т. 7, с. 41—57)

Глава

Райский лет десять живет в Петербурге, то есть есть у него там приют, три порядочные комнаты, которые он нанимает у немки и постоянно оставляет квартиру за собой, а сам редко полгода выживал в Петербурге, с тех пор как оставил службу. А оставил он ее давно, как только вступил: не поладил он с отношениями и предписаниями, не мог уловить цели, полезности службы, не отыскал в себе ни одной способности, всего менее

---

¹ *Исправлено:* и я не знаю, ну да всё равно

* невыполнимая задача (*фр.*)

² *Фраза ошибочно зачеркнута.*

³ *Фраза исправлена:* Я еще не договорил с Софьей — когда всё скажу — тогда и забуду. *Далее помета:* (Тут следует *Тетрадь 2.*)

терпения и внимания, и гораздо быстрее вышел в отставку, нежели вступил. Он бы никогда и не вступил в нее, если б заранее знал, что такое служба и зачем туда поступают. Поглядевши вокруг себя, он вывел свое оригинальное заключение, что служба выдумана затем, чтоб девать куда-нибудь всех этих людей, которым без нее нечего бы было делать. Его определил сначала в военную, (л. 35) потом в статскую службу опекуна, он же приходился дядей ему, затем прежде всего, чтоб сбыть 10 всякую ответственность и упрек за небрежность в этом отношении, потом затем, зачем все посылают молодых людей в Петербург: чтоб не сидели праздно дома, «не баловались, не били баклуш, не гоняли собак» и т. п. — это цель отрицательная. В Петербурге есть и выправка, и надзор, и работа, в Петербурге можно получить место прокурора, потом, со временем, и губернатора — это цель положительная. Потом уже Райский, пожив в Петербурге, сам решил, что в нем живут взрослые люди, а во всей остальной России — недоросли. Но вот Райскому под тридцать лет, а он еще ничего не посеял, не 20 пожал и не шел ни по одной колее, по каким ходят приезжающие изнутри России. Он ни офицер, ни чиновник, не пробивает себе никакого пути трудом, связями, будто нарочно, наперекор всем, один остается недорослем в Петербурге. В канцелярии прежде всего (л. 35 об.) он начал пытливо вглядываться в окружающих, изучал физиономию, движения каждого, потом с любовью следил за характерами, с некоторыми успел сойтись, любил говорить, особенно с оригиналами. Альбом его 30 наполнился портретами и карикатурами. А бумаги проходили у него под носом, и он не знал их содержания, а знал только, что они скучные. Он не удовлетворил ни одному требованию общества, не взял на себя никакой роли, и общество не знает, куда его деть, как сажать, какое название дать ему, в какой список внести. В квартале прописан он отставным коллежским секретарем. Физиономисту трудно бы было определить по лицу его свойства, склонности и характер, потому что 40 лицо это, как сказано вначале, менялось с утром, днем и вечером, как диорама. Иногда он кажется так счастлив, как будто решил самый живой вопрос его жизни, лицо горит, глаза тоже, и наблюдатель (л. 36) только что предположит в нем весельчака, открытый характер, общительность и болтливость, как через час ка-

кой-нибудь поразится бледностью, каким-то внутренним и, кажется, неисцелимым страданием, как будто он отроду не улыбнулся, а он за час улыбался и через час, может быть, будет хохотать. Лицо у него иногда бывало некрасиво: так разлагались черты, такие необычайные краски проступали на лбу и на щеках, что он походил на выходца с того света. Но если спокойный дух жизни тихо веял над ним и нервы, согласным аккордом, раздавались в организме, лицо его блистало, отражало и запас 10 силы и какой-то внутренней гармонии, и цельность, стройность и блистание сил, воли, ума, и еще стройный блеск какой-то задумчивой свободы, какого-то идущего к этому лицу мечтательного оттенка, лежавшего не то в этом синем зрачке, (л. 36 об.) не то в легком дрожании губы.

Нравственное лицо его было еще неуловимее. Бывали какие-то периоды, когда он «обнимал», по его выражению, «весь мир», когда чарующею мягкостью открывал доступ к сердцу, и те, кому случалось напа- 20 дать на эти минуты, говорили, что добрее, любезнее его нет. Другим выпадало на долю попадать в несчастную пору, когда у него на лице выступали синие и желтые пятна, губы кривились от нервной дрожи, и он тупым, холодным взглядом и резкой речью платил за ласку, за симпатию, а участие встречал ледяной, гордой враждой. Те отходили от него с ужасом и, может быть, уносили навсегда ожесточенную горечь. Какие это периоды, какие дни — ни другие, ни сам он не знал. «Злой, холодный эгоист и гордец!» — говорили попав- 30 шие в злую минуту. «Помилуйте, он очарователен: он всех нас обворожил вчера, все без ума от него!» — говорили другие. (л. 37) «Фальшивый человек! — возражали некоторые. — Когда чего-нибудь захочет достигнуть, откуда берутся речи, взгляды, как играет лицо!» и т. д. И всё это была правда, на всё были минутные доказательства.

Иногда он смущался от наивного, прямо устремленного на него взгляда девочки, когда этот взгляд ударял его прямо по нервам, или молчал тупо перед словом 40 глупца, не находил ответа на сказанную ему вопиющую нелепость, в другой раз, среди небрежной шутки, в веселом настроении, он сыпал искры острого или всеобнимающего ума, потом лились острые, глубокие заметки, сверкал огонь пророческих догадок, прорицания,

или так нежно и роскошно слышались в голосе звуки неподдельного чувства; оно¹ исторгалось в потоках речей, полных огня и истины, и всё это сопровождалось блеском слова и мимики. На другой день бывал опять неузнаваем, сух, молчалив, горд или туп, жёлчен, придирчив, жалок. «Актер!» — говорили про него (л. 37 об.) посторонние. «Больной, нервный человек», — определяли близкие приятели. Потом менялись мнениями, а когда и тут встречали противоречие, то недоумевали; «Пустой человек», — заключали обыкновенно, и этот эпитет привязался к нему, как формулярный список, пережил все другие и мирил все понятия о нем. Он следовал за ним почти с детства, по крайней мере, он произнесен был учителем в школе. Потом, хотя нерешительно, повторил его другой учитель, потом директор, наконец, вся школа, и этот эпитет проскользнул дальше в жизнь.

Странный мальчик был Райский. Когда опекун привез его в школу и посадили его на лавку, во время класса, кажется, первым бы делом было вслушаться, что спрашивает учитель, что отвечают ученики, как сделал бы всякий другой ученик, а он прежде всего воззрится на учителя: какой он, как говорит, как нюхает табак, какие у него брови, бакенбарты, занялся вопросом, отчего он не носит, (л. 38) как все, панталоны сверх сапог, а прячет их в сапоги. Потом до конца класса успел рассмотреть и заучить физиономию каждого ученика, как кто смотрит: как один с уверенностью глядит на учителя, просит глазами спросить себя, почешет коленки от нетерпения, потом голову, а у другого на лице то выступает, то прячется краска — он сомневается, колеблется, третий упрямо смотрит вниз, пораженный боязнию, чтоб не спросили, третий² ковыряет в носу и ничего не слушает, тот должен быть силач ужасный, а этот черненький — плут; осмотрел доску, заметил, сколько мелу, даже какая тряпка, которою стирают с доски. Кстати тут же представил и себя, как он сидит, какое у него лицо, что другим приходит на ум, когда глядят на него, каким он им представляется?

— О чем я говорил сейчас? — вдруг спросил его учитель, заметив, что он рассеянно бродит глазами по всей

¹ Слово ошибочно зачеркнуто.

² Так в тексте копии.

комнате. К удивлению его, Райский сказал ему от (л. 38 об.) слова до слова, что он говорил.

— Что же это значит? — спросил учитель. Райский не знал: он смотрел на всякое движение, ловил только ухом слова. Учитель повторил объяснение. Борис опять слушал, как раздавались слова: иное учитель скажет коротко и густо, точно оборвет, другое растянёт, будто пропоет, вдруг слов десять посыплются, как орехи. Это очень занимало Райского.

10 — Ну? — спросил учитель. Райский покраснел, даже вспотел немного от страха, что не знает, в чем дело, и молчал. Это был учитель математики. Он пошел к доске, написал задачу, начал толковать, Райский только глядел, как проворно и крепко пишет он цифры, всякую цифру всякий раз напишет одинаково, а ученики пишут слабо, криво, учитель кричит — они пугаются, а про себя смеются. Ничего не ускользнуло от Райского, только ускользнуло решение задачи. Кое-как он достиг дробей, достиг и до четырех правил из алгебры, когда
20 же дело дошло до уравнений, то после многих уроков, (л. 39) крика, шума, щелчков и щипков весь класс понял, а Райский нет. Разъяренный учитель в последний раз попробовал втолковать Райскому о квадрате и кубе, но, пробившись почти весь класс с ним, он не наказал Райского, не тронул его пальцем, а только тяжело вздохнул, прибавив:

— Садись на свое место, ты пустой малый!

Райский сел, и у него в голове была вся картина, как учитель говорил, сердито, точно хотел его съесть глазами, как топал, сжимал руку в кулак и какой у него кулак, как он уронил платок, платок синий, клетчатый, как тряслись у него бакенбарты, какое слово сказал он тише, какое громче... всё знал, кроме того, что значит квадратный корень, зачем и откуда извлекают его. Но когда на учителя находили игривые минуты и он, в виде забавы, выдумывал, а не из книги говорил свои задачи, не прибегая ни к доске, ни к грифелью, ни к правилам, скорее всех доходил до результата Райский. У него в голове было свое царство цифр, они рисовались
30 (л. 39 об.) там у него, и он придумал им какие-то
40 свои законы, по которым они становились в ряды, слагались и делились гораздо скорее; все фигуры их рисовались у него в голове то знакомыми людьми, то походили на разных животных.

— Ну не пустой ли малый! — восклицал учитель. — Не умеет сделать задачи указанным, следовательно, облегченным путем, а без правил, наобум говорит. Глупее нас с тобой выдумывали правила! Ну почему ты, как дошел до искомого числа? а? говори же! Своим умом хочешь до всего дойти!..

Но Райский молчал и опять смотрел, как подходило к нему прежде брюхо учителя, потом грудь, с засаленным жилетом, потом уж красноватое, разъяренное лицо, слушал, как выговаривались слова, одно скорее, 10 другое медленнее, как кто-то фыркнул из товарищей, видел как-то, что делается сзади, как Власов или Кукин смотрят во все глаза на учителя, чтоб спросил их, только задачи не видал.

У русского учителя было (л. 40) почти то же. Он путался в прилагательных, существительных, в действительных и средних глаголах и на экзамене отвечал слабо или вовсе не отвечал. Между тем писать выучился быстро, читал отлично, с чувством, даже с амфазом, иногда прибавлял жесты, страстно любил учить наизусть басни, стихи, таскал и выпрашивал, где мог, книги, но всё «с происшествиями», чтоб было в книге событие, рассказ, что-нибудь страшное или, пожалуй, нежное, невероятное, — и когда попадалась такая книга, он не спал ночей, а таких книг, где были «рассуждения», в руки не брал. По-французски он так же быстро выучился писать, как по-русски. А грамматики и синтаксиса не учил. Когда учитель спрашивал наобум вперед, чтоб испытать остроу своих учеников, он говорил немецкие неправильные глаголы как будто по наитию, 30 а если зададут эти же глаголы выучить по книге и рассказать в каком-нибудь порядке, он ни за что не выучит и не расскажет. Когда и где он слышал или читал глаголы, (л. 40 об.) он не знает, не помнит, но почему-то угадывает. «Пустой малый! — сказал русский учитель директору, — не знаю, что делать с ним на экзамене: пишет правильно, даже сочиняет, поставишь нарочно ошибку, он поправит, спросишь почему — не знает». Из географии, в порядке, по книге, как проходили в классе, по климатам, по народам, — никак и ничего он не мог рас- 40 сказать, особенно когда учитель спросит: «А ну-ка, перескажи все горы в Европе? А ну-ка, все порты Средиземного моря? А ну-ка!» — еще менее на экзамене, но вдруг вне класса начнет рассказывать о какой-ни-

будь стране, или об океане, или о городе — откуда что берется у него: ни в книге этого нет, ни учитель не рассказывал, а он точно рисует картину, как будто был там, всё видел сам. «Да ты всё врешь! — скажет иногда скептик. — Василий Никитич этого не говорил!» Директор подслушал однажды, когда он рассказывал, как дикие ловят и едят людей, какие у них леса, какое оружие, даже начал представлять, как они говорят горлом. (л. 41) «Пустяки молоть мастер, — сказал он ему, — а намерен 10 на экзамене не мог рассказать системы рек! Вот я тебя высеку, погоди! Пустой мальчишка! Ничем не хочет серьезно заняться». И дернул его за ухо. Райский смотрел, как стоял директор, как говорил, какие злые и холодные у него были глаза, разбирал, отчего ему стало холодно, когда тронул его за ухо, представил себя, как поведут его сечь, как у Савостьянова от испуга вдруг побелеет нос и он весь будто похудеет немного, как Боровиков запрыгает и захохочет от волнения, как добрый Масляников, с плачущим лицом, бросится к нему; 20 потом как его будут раздевать и у него похолодеет сначала у сердца, потом руки и ноги, как он не сможет сам лечь, а положит его тихонько Сидорыч... Он слышал мысленно свой визг, (видел) болтающиеся ноги и вздрогнул... Он упал духом, чувствовал оскорбление от одной угрозы и предвидел, что если она исполнится, (л. 41 об.) то это унесет на всю жизнь всё, что есть в нем хорошего, и даст ему много гадкого. Он приуныл, три дня ходил мрачный, так что узнать нельзя было: он ли это? ничего не рассказывал ученикам, как они ни приставали. 30 У него перед глазами носилась картина сеченья. Так было до воскресенья. А в воскресенье он поехал домой, нашел в шкафе «Освобожденный Иерусалим», в переводе Москотильникова, и забыл об угрозе, и не тронулся с дивана, наскоро пообедал, и опять лег читать до темноты, и в понедельник утром унес книгу в училище и тайком, торопливо и с жадностью, дочитывал, а потом недели две рассказывал читанное то тому, то другому: снились ему такие горячие сны, далекие страны, необыкновенные люди в латах — он смотрел на эту картину 40 какими-то особенными глазами дня три с одинаким жаром, потом (л. 42) она понемногу бледнела, бледнела — но рисунок запал в память чуть не навсегда. Дядя дал было ему историю Генриха IV m-me Жанлис, но он соскучился и бросил, когда дело дошло до перечисле-

ния войн, годов. Достал он Плутарха и поглощал жадно, как и кто воспитывался, рос, умирал, какой был, что с ним случилось, анекдот, а «серьезное» дело, за что была война — всё это тщательно обходил.

Между товарищами он был очень странен, они тоже не знали, как понимать его. Симпатии его так часто менялись, что у него не было ни постоянных друзей, ни врагов. Эту неделю он привяжется к одному, ищет его везде, сидит с ним, читает, рассказывает ему, шепчет, потом ни с того ни с сего вдруг охладает, томится, ску- 10 чает и всматривается, вглядывается в другого, привязывается всеми силами, потом забывает. Рассердит ли его какой-нибудь товарищ, некстати скажет ему что-нибудь, он надуется, даст волю этому чувству; досада, (л. 42 об.) вспышки давно прошли, и причина побледнела, следствия исчезли, а он, вследствие какого-то упорного внутреннего побуждения, длит форму обиды, поражает противника косыми взглядами, исполненными достоинства словами, наконец, заведет переписку, хотя их разделяет стол или скамья, режет противника, 20 жжет жёлчью, и жёлчь в самом деле кипит в нем, льются слезы, устанавливается вражда, за которой следит весь класс и зорче всех он сам, совершатся ли в ней все принятые проявления; и когда¹ дело клонилось к мировой, он отыскивал в себе кротость, великодушие и вздрагивал от живого удовольствия проявить его; устраивалась сцена примирения, с достоинством и благородством, и занимала всех, пуще всех его самого. Он как будто смотрел на всё это издали и наслаждался, видя и себя, и другого, и всю картину. А когда всё кончилось, когда 30 шум, чад, трескотня сцены выходили из него, он вдруг очнется, окинет всё удивленными глазами, и (л. 43) внутренний голос спросит его: «Зачем это?» Он стыдился, ему было гадко, и он гнал противника прочь. «Тебе не стыдно было злиться за такие пустяки?» — спросит кто-нибудь. «С чего вы взяли, что я злился?» — спросит он. «Зачем же ты развел эту историю?» «Подите к черту!» — с досадой скажет он и задумчиво, лениво думал о другом. Иногда, напротив, он придет от пустяков в восторг: какой-нибудь сытый ученик отдаст свою булку 40 другому или примет на себя чужую шалость, или покажется ему, что насупившийся ученик думает глубокую

¹ В копии ошибочно: иногда

думу, и он вдруг возгорится участием к нему, говорит о нем со слезами, отыскивает что-то таинственное, необычайное, окружит его уважением, и другие заразятся неисповедимым почтением. Но через неделю товарищи встанут в одно прекрасное утро, с восторженными речами о фениксе подойдут к Райскому, а он расхохочется: «Эдакую дрянь нашли да и нянчатся! (л. 43 об.) Пошел ты прочь, жалкое создание!» Все и рты разинут, и он стыдится потом своего восторга. Луч, который падал на

10 «чудо», уже померк, краски пропадали, форма изнасилась, и он бросал и искал жадными глазами другого явления, другого чувства, зрелища, и если не было — сучал, был жёлчен, нетерпелив или хранил задумчивый вид уныния.

И по выходе из училища обходил он серьезное еще больше. Позовет ли его опекун посмотреть, как молотят рожь или как валяют сукно на фабрике, он увертывался и забирался на бельведер смотреть оттуда в лес или шел на реку, в кусты, в чащу, смотрел, как возятся насекомые, остро глядел, куда юркнула птичка, какая она, куда села, как почесала носик, поймает ежа и возится с ним, с мальчишками удит рыбу целый день или слушает полоумного старика, который живет в землянке у околицы, как он рассказывает про «Пугача», слушает, как бегали от него, (л. 44) слушает и вместе смотрит на старика, прямо ему в рот без зубов, во впадины сверкающих глаз; по целым часам с болезненным любопытством смотрит и слушает полоумную, «испорченную»

20 Агашку. Дома читает всякие пустяки, «Саксонский разбойник» попадетсЯ, он прочтет его, вытащит Эккартсгаузена, читает, не понимая, прочтет и сказку о Бове, потом вдруг Оссияна. А если нет ничего, так лежит неподвижно по целым дням, но лежит, как будто трудную работу делает: встанет усталый, бледный.

В службе название пустого человека привинтилось к нему еще крепче. От него не добились ни одной докладной записки, никогда не прочел ни одного дела, между тем вносил веселье, смех и анекдоты в ту комнату, где сидел. Около него всегда кучка народу. Но мысль

30 о деле, если только она не проходила через доклад, как, бывало, русский язык через грамматику, а сказанная среди шуток и безделья, для него как-то ясна, лишь бы не доходило (л. 44 об.) дело до бумаг. Он озадачивал новизной взгляда чиновников. Столоначальник, слу-

шая его, с усмешкой отбирал у него какую-нибудь заданную ему бумагу и отдавал другому. «Напишите, пожалуйста, вот это предписание, — говорил он, — пока Борис Павлович разводит тут свои теории. Кажется, он прямо в министры метит!» — «А что, — говорил другой, — ведь он... того... умен...» — «Пустой! — говорил столоначальник. — Не хочет заняться как следует, а прямо хочет новые порядки учреждать! Поучись, а не то так пошел вон!»

От наук, от серьезных книг, разговоров, дел — Райский бежал как от огня. Но если опять шутя зайдет речь о мудренном вопросе или случайно наткнется он на него и задумается, уткнув куда-то глаза, — вдруг из шутки выскочит искра догадки, и он поймает истину, потешится, потом опять за пустяки, за ребячество или стихи читает, и в голове от дела останется какое-то слабое мерцанье. (л. 45) Если случайно, неожиданно искра, как электричество, ударяла по нервам Райского, воображение вспыхивало, и путем сверкнувшей догадки он схватывал тень, верхушку истины, дорисовывал остальное и уже не шел долгим опытом и трудом завоевывать прочную победу. Он уже был утомлен, он шел дальше, глаза и воображение искали другого, и он летел в жизненном развитии, скача через пропасти, горы, океаны, переходимые и переплываемые толпой мужественно и терпеливо. Он и знания — не знал, как будто видел его живьем у себя в воображении, как в зеркале, чувствовал его и этим довольствовался, а узнавать ему было скучно, он отталкивал наскучивший предмет прочь, и глаза и ум искали вокруг — нет ли чего нового, игривого, поразительного, чтоб в нем всё играло, билось и трепетало.

У учителя истории, как и у других, он никогда не мог отчетливо сказать урок, сбивался на первой цифре хронологии, мешал народы, династии. (л. 45 об.) Но потом рассказывает опять ученикам какие-то свои мечты о Карле Великом, о Тамерлане, точно о живых; описет подробно, в каких кто был латах, на каких лошадях ехали, даже какая погода была. Любил рассказывать от себя, какие дома были тогда, чем мостили улицы, какое белье носили. А придет экзамен, он за неделю начинает дрожать, впадает в уныние, и когда спросят — «ни в зуб толкнуть», по выражению учителя математики. Искусства дались ему лучше. Правда, он и тут затеял пустяки: учитель недели на две посадил весь класс рисовать зрач-

ки, а он не утерпел, приделал к зрачку нос и даже начал было тушевать усы, но учитель застал его и сначала дернул за вихор, потом, взглядевшись, сказал: «Где ты учился?» — «Нигде», — был ответ. «А хорошо, брат, только видишь, что значит выскочкой-то быть: волосы точно мочала вышли!» Но Райский торжествовал и не (л. 46) скрыл своего торжества перед классом. Он гордо ходил один по двору, в сознании, что он лучше всех, до тех пор пока на другой день публично не осрамился в «серьезных предметах». Но к рисованию он пристрастился и вскоре копировал кудрявого мальчика, потом голову Фингала. Но заветной мечтой его была женская головка, висевшая в квартире учителя. Она поникла головой немного к плечу и смотрела томно, задумчиво вдаль. «Позвольте мне вот с этой нарисовать копию!» — робко и нежно звучащим голосом девочки просил он учителя. «А если стекло разобьешь?» — сказал учитель, однако дал ему головку. Борис был счастлив. Когда он приходил к учителю, у него всякий раз ёкало сердце при взгляде на головку. И вот она у него, он рисует с нее. В эту неделю ни один серьезный учитель ничего не добился от него. Он сидел в своем углу, рисует, стирает, (л. 46 об.) тушует, опять стирает или молча задумается; в зрачке ляжет синева, и глаза покроются будто туманом, только губы едва-едва заметно шевелятся, точно в них переливается влага. На ночь он уносил рисунок в дортуар и однажды почувствовал такое замиранье в груди, так захватило ему дыханье, что он в забытьи, с закрытыми глазами и невольным, чуть сдержанным стоном, прижал его обеими руками к тому месту, где было так тяжело дышать. Стекло хрустнуло и со звоном полетело на пол. Нарисовав эту головку, он уже не знал предела гордости. Рисунок его выставлен с рисунками старшего класса на публичном экзамене, и он, едва дыша, следил, как подходили, что говорили, и смело глядел в лицо им, как будто говоря: «Это я!» Года через два он рисовал лучше всех в классе, а потом и во всей школе и упивался похвалами, потом упился и мало-помалу привык, стал (л. 47) скучать, и рисунки лежали у него неконченные, в пыли. Все уже знали, как он рисует, не ахали, и у него не бегали от этих ахов мурашки по плечам. В деревне он опять пристрастился было к рисованию, делал портреты с горничных, с кучера, потом с деревенских мужиков. Полоумную Агашку нарисовал

в пещере, очень удачно осветив одно лицо и разбросанные волосы, корпус скрывался во мраке, но рук не умел сделать — руки не дались ему, и картина осталась неконченной. Он бы одолел и руки, но руки отделяются в картине после лица, и вся энергия, терпение его уходило на лицо, а когда доходило дело до рук, он уже уставал, цель была достигнута, и он охлаждался. Иногда, лежа дома или глядя вдаль, читая что-нибудь, он мысленно нарисует целую картину, и впереди у него уже видится эта картина отделанною и в рамке висит, и любитель приснится ему, рассматривающий картину, и видит он тут себя, краску удовольствия в лице, (л. 47 об.) чувствует трепет, который бы почувствовал тогда... Он долго лелеет картину в воображении, день, другой, на третий очинит карандаш, начнет, но, Боже мой! какая скука: надо отделять глаза, нос, уши и эти несносные руки, а там у другой фигуры, у третьей... А солнце так весело и щедро льет лучи на луг и реку, вон, никак, от соседей скачет человек, — верно, танцевать будут... Дня через три картина бледнела. Но он с жаром говорит о ней какой-то веселой красненькой барышне, потом отцу ее, уездному судье, потом старой деве гувернантке... Они осыпают его заранее похвалами, и он знает, что никто лучше его не рисует, и доволен этим, весело скачет, подгоняемый этим сознанием. Между тем в воображении теснится другая картина: хотелось бы нарисовать хоровод, тут же пьяного старика и проезжую тройку. Дня два носится он с картиной: она как живая у него. Он бы нарисовал мужика и (л. 48) баб, да тройку не сумеет: «Лошадей не проходили в классе». И через неделю картина забывалась, сменялась другою...

Музыку он любил до опьянения. В училище тупой, презираемый первыми учениками мальчик Васюков был предметом постоянной нежности Райского. Все, бывало, дергают за уши Васюкова: «Пошел прочь, дурак, дубина!» — только слышит он, а Райский глядит на него с нежностью, потому только, что Васюков, ни к чему не внимательный, сонный, вялый, каждый день после обеда брал свою скрипку и, положив на нее щеку и подбородок, водил смычком, забывал школу, учителей, щелчки: глаза его ничего не видали перед собой, а смотрели куда-то в другое место, далеко, и там он будто видел что-то особенное, таинственное, потому что глаза его были дики, то суровы, то будто плакали. Против

него садился Райский и с удивлением глядел на лицо Васюкова, следил, как, еще с тупым взглядом, достает он скрипку, (л. 48 об.) вяло берет смычок, намажет его канифолью, потом сначала пальцем тронет струны, повинтит винты, опять тронет, потом поведет смычком — всё еще глядит сонно. Но вот заиграл и проснулся: зрачки расширяются, глаза не мигают больше, всё делается прозрачнее, светлее, глубже и смотрят гордо, умно, вот ноздри немного раздуваются, грудь дышит медленно и тяжело, а глаза уже смотрят куда-то далеко и видят что-то другое. Райский стал мысленно глядеть, куда глядит Васюков, и видеть, что он видит. Сначала он видел какое-то пятно, потом будто ровную, бесцветную стену, потом после нескольких звуков стена отодвигалась, отодвигалась и открывалось пространство, движущийся мир, какие-то волны, корабли, люди, леса, облака — всё будто плыло и несло, и везде мелькало то лицо Васюкова, с щекой, упершейся на скрипку, и лицо самого Райского — и всё это носилось (л. 49) и двигалось в воздушном пространстве, и он, казалось ему, всё рос выше, выше, у него занимало дух, его будто щекотали или купался он... И вдруг тяжело падал, звуков нет, Васюков укладывает скрипку, кто-нибудь дергает его уже за ухо, Райский с яростью бросается бить забияку. Заиграет ли женщина на фортепиано, гувернантка у соседей, Райский бежал было перед этим удить рыбу, — но раздались звуки, и он вдруг замер на месте, разинул рот и спрятался за стулом играющей. Его не стало, он куда-то пропал, опять его несет кто-то на воздух, опять он растет, как вдруг льется в него сила, он поднимет и поддержит свод, как тот, что Геркулес сменил, у него и крылья, он может летать; звуки как будто до боли ударяют его по груди, по бокам, прыгают на голову — у него уже мокрые волосы, глаза... Он очнется, застыдится и убежит.

Он стал было учиться сначала на скрипке у Васюкова (л. 49 об.), но вот уже неделю водит смычком взад и вперед: «а, с, g!» — тянет за ним Васюков, а всё смычок дерет, то захватит две струны разом, то дрожит от слабости: нет! Когда же он заиграет, точно по маслу рука ходит — две недели прошло, а он забудет то тот, то другой палец. Ученики бранятся. «Ну вас к черту! — говорит первый ученик. — Тут серьезным делом заниматься надо, а они пустяки делают». Он бросил скрипку и стал

просить опекуна учить его на фортепиано. «На фортепиано легче, скорей», — говорил он. Тот пожал плечами, но чтоб опять избежать упрека в нерадении о воспитании, нанял ему немца, но, однако ж, решился поговорить с ним серьезно.

— Послушай, Борис, — начал он, — к чему ты готовишь себя, я давно хотел спросить тебя?

Райский не понял вопроса и молчал.

— Тебе шестнадцатый год, — продолжал опекун, — пора о деле подумать, а ты до сих пор, как я вижу, еще не (л. 50) подумал, по какой части пойдешь в службе и в университете. По военной тебе трудно: у тебя всего двести душ, а служить ты, по своей фамилии, должен в гвардии: в Петербурге и на экипаж не хватит.

Райский молчал и смотрел в окно, как петухи дерутся, как свинья роется в навозе.

— Я тебе о деле, а ты вон куда глядишь! К чему ты готовишься, скажи на милость?

— Я, дядюшка, готовлюсь в артисты...

— Что-о? — спросил с изумлением опекун.

— Художником быть хочу, — подтвердил Райский.

— Черт знает что выдумал! Кто ж тебя пустит? Ты знаешь ли, что такое артист? — спросил он.

Райский молчал.

— Артист — это такой человек, который или денег у тебя займет, или наврет такой чепухи, что на неделю тумана наведет... В артисты!.. что выдумал! — Дядя захохотал. — Ведь это, — продолжал он, — значит беспутное, цыганское (л. 50 об.) житье, адская бедность в деньгах, в платье, в обуви и только богатство мечты! Витают они, как птицы небесные, под чужой кровлей, век едят чужой хлеб, и даже он им горек не кажется! Видал я их в Петербурге: это те хваты в полосатых пальто, что собираются по вечерам лежать на диванах, курят взятяжку трубки, несут чепуху, читают стихи и пьют много водки, часто без всякой закуски, а потом объявляют, что они артисты. Они нечесаны, неопрятны...

— Я слышал, дядюшка, что художники теперь в большом уважении. Из академии выходят знаменитые люди...

— Да ведь кто это, — пылко возразил дядя, — ты слышал, что звонят, да не знаешь, на какой колокольне. Ведь это всё вольноотпущенные, мещане: их неволя гонит в художники. Это им на всю жизнь кусок хлеба — вот они и напирают на искусство. А ты италиянец, что

ли, какой-нибудь. Ведь ты Райский! У тебя хоть немного, да есть кусок хлеба. Конечно, для общества почему не иметь (л. 51) приятные таланты: сыграть на фортепиано, нарисовать что-нибудь в альбом... вот я тебе и немца нанял! Но быть артистом — что за блажь! Тебя родня заест! Ты еще молод, я уж распорядюсь за тебя: после спасибо скажешь. Ступай-ко в юридический факультет, потом послужи в Петербурге, учись делу, добивайся прокурорского места, а родня выведет тебя в камер-юнкеры. И если будешь стараться, помяни мое слово, что тридцати лет с небольшим будешь губернатором. Вот твоя карьера. В Петербурге Па́хотины, Кудишчевы выведут тебя на дорогу, умей сыскать в них. Но вот беда: я не вижу, чтоб у тебя было что-нибудь серьезное на уме: удишь с мальчишками рыбу, вчера болото нарисовал, ну что ты нашел в болоте, что портреты с него рисуешь? Ходишь по полям, а хоть бы раз спросил мужика, какой хлеб когда сеют, почем продают?.. ничего!

Дядя вздохнул.

20 Борис думал, что немец будет показывать ему, как надо какую пиесу играть, и он будет сразу плавать в звуках и уноситься вверх. Но и этот, (л. 51 об.) как Васюков, прежде всего исковеркал ему руки и начал притопывать ногой и напевать, следя за каждым ударом по клавишу: «а-а-у-у-о-о». Только совесть опекуна, не бросил Райский этой пытки, и кое-как в несколько месяцев удалось ему сладить с первыми шагами. И то он играл не тем пальцем, которым требовал учитель, а как ловчее, далее не хотел играть гамм, школы, а ловил
30 ухом мотивы, какие западут в голову, и бывал счастлив, когда удавалось ему уловить ту же экспрессию или силу, какую слышал у кого-нибудь и поразился ею. А с нотами он не дружился, не проходил постепенно тетрадь за тетрадь, запыленные, пожелтевшие, приносимые учителем. Но часто он задумывался, слушая свою игру, и мурашки бегали у него по спине: вдалеке виделась ему наполненная зала, и он своей игрой потрясал стены, сердца знатоков, женщины с горящими щеками слушали его, и его лицо горело стыдливым торжеством...
40 Он тихонько утирал слезы, катившиеся (л. 52) по щекам, горел, млея от своей мечты, и слышанные мотивы как-то легко давались ему, потом пальцы играли уже что-то свое, играли они ему эту, кажется, залу, этих женщин и трепет похвал, — а школы не играли. Скоро

он перегнал розовеньких уездных барышень и изумлял их силою и смелостью игры, пальцы бегали свободно и одушевленно. Они еще сидят на рондо да на сонатах в четыре руки, а он перескочил через школу сначала на кадрили, на марши, потом на русские песни... играл оркестр увертюру какую-то, он уловил несколько пассажиров и повторял их, упиваясь удивлением барышень: он был первый, лучше всех; немец говорит, что он не встречал таких способностей и такой лени. Но это не беда: лень, небрежность как-то к лицу артистам. Да еще кто-то сказал ему, что при таланте не нужно работать, что работают только бездарные. (л. 52 об.) 10

Вторая редакция главы VI части первой (АКК₂₆)*

(Т. 7, с. 41—57)

Глава¹

Райский лет десять живет в Петербурге, то есть есть у него там приют, три порядочные комнаты, которые он нанимает у немки и постоянно оставляет квартиру за собой, а сам редко полгода выживал в Петербурге, с тех пор как оставил службу. А оставил он ее давно, как только вступил.² Поглядевши вокруг себя, он вывел свое оригинальное заключение, что служба не есть сама цель,³ а только средство⁴ девать куда-нибудь кучу люда, которым⁵ без нее незачем бы родиться на свет. И если б не было этих людей, то не⁶ нужно бы было⁷ и той служ-

---

* *Предыдущий этап работы над данным текстом представлен в виде вариантов авторской правки в копии первой редакции главы VI части первой (АКК_{1а}) (см.: наст. изд., т. 8, кн. 2).*

¹ *Рядом на полях помета:* Перед этим следует первая половина эпизода «Беловодовой», напечатанной в «Современнике», — *вписанная поверх предыдущей карандашной записи почти аналогичного содержания (отличие — начальные слова: После «Беловодовой»).*

² *Рядом с текстом:* Райский ∞ как только вступил. — *на полях зачеркнутая помета:* (Кое-что разве извлечь из этой главы [в дел(о?)]) и сделать одну краткую главу *детства* Райского.)

³ *Вместо:* не есть сама цель — *было:* а. *Начато:* существует совсем б. не есть цель

⁴ *Слова:* не есть сама цель, а только средство — *вписаны на полях со знаком вставки.*

⁵ *Было:* которому

⁶ *Далее было начато:* на(до?)

⁷ *Слово вписано.*

бы, которую они несут.¹ Его определил сначала в военную, (л. 35) потом в статскую службу опекун, он же и двоюродный дядя,² затем прежде всего, чтоб сбить всякую ответственность и упрек за небрежность в этом отношении, потом затем, зачем все посылают молодых людей в Петербург: чтоб не сидели праздну дома, «не баловались, не били баклуш, не гоняли собак» и т. п. — это цель отрицательная. В Петербурге есть и выправка, и надзор, и работа, в Петербурге можно получить место прокурора, потом, со временем, и губернатора — это цель положительная. Потом уже Райский, пожив в Петербурге, сам решил, что в нем живут взрослые люди, а во всей остальной России — недоросли. Но вот Райскому давно за³ тридцать лет, а он еще ничего не посеял, не пожал и не шел ни по одной колее, по каким ходят приезжающие изнутри России. Он ни офицер, ни чиновник, не пробивает себе никакого пути трудом, связями, будто нарочно, наперекор всем, один остается недорослем в Петербурге. (л. 35 об.) В квартале прописан он коллежским секретарем.

Физиономисту трудно бы было определить по лицу его свойства, склонности и характер, потому что лицо это менялось с утром, днем и вечером, как диорама. Иногда он кажется так счастлив, лицо горит, глаза тоже, и наблюдатель (л. 36) только что предположит в нем открытый характер, общительность и болтливость, как через час, через два, взглянув⁴ на него,⁵ поразится бледностью его лица,⁶ каким-то внутренним и, кажется, неисцелимым страданием, как будто он отроду не улыбнулся. Он в эти минуты казался некрасив: в чертах⁷ лица разлад, живые краски лба и щек заменялись болезненным колоритом.⁸ Но если спокойный дух жизни тихо веял над ним или, попросту, «находил счастливый стих»,⁹ лицо его отражало и запас силы воли,¹⁰ внутрен-

---

¹ Текст: которым без нее ~ которую они несут. — *вписан на полях со знаком вставки.*

² Слова: и двоюродный дядя — *вписаны.*

³ Слова: давно за — *вписаны.*

⁴ Было начато: увидя

⁵ Слова: через два, взглянув на него — *вписаны.*

⁶ Слова: его лица — *вписаны.*

⁷ Было начато: черты

⁸ Фраза *вписана.*

⁹ Слова: или, попросту, «находил счастливый стих» — *вписаны.*

¹⁰ Слово *вписано.*

ней гармонии самообладания,¹ иногда² какой-то задумчивой свободы, какого-то идущего к этому лицу мечтательного оттенка, лежавшего не то в этом синем зрачке, (л. 36 об.) не то в легком дрожании губ.

Нравственное лицо его было еще неуловимее. Бывали какие-то периоды, когда он «обнимал», по его выражению, «весь мир», когда чарующею мягкостью открывал доступ к сердцу, и те, кому случалось нападать на эти минуты, говорили, что добрее, любезнее его нет. Другим выпадало на долю попадать в несчастную пору, когда у него на лице выступали желтые пятна, губы кривились от нервной дрожи, и он тупым, холодным взглядом и резкой речью платил за ласку, за симпатию. Те отходили от него, унося³ горечь и вражду.⁴ Какие это периоды, какие дни — ни другие, ни он сам не знал. «Злой, холодный эгоист и гордец!» — говорили попавшие в злую минуту. «Помилуйте, он очарователен: он всех нас обворожил вчера, все без ума от него!» — говорили другие. (л. 37) «Фигляр, актер!» — твердили хором многие.⁵ «Фальшивый человек! — возражали некоторые. — Когда чего-нибудь захочет достигнуть, откуда берутся речи, взгляды, как играет лицо!» «Помилуйте! это честнейшее сердце, благородная натура, но нервная,⁶ страстная, огненная и раздражительная!»⁷ — защищали его два-три дружеских голоса.⁸ (л. 37 об.)

И в раннем детстве, воспитываясь у бабушки своей, до поступления в школу, и в самой школе в нем проявлялись те же⁹ загадочные черты, та же неровность и неопределенность склонностей.¹⁰ Когда опекун привез его в школу и посадили его на лавку, во время класса, кажется, первым бы делом новичка¹¹ было вслушаться, что спрашивает учитель, что отвечают ученики. А он

¹ Слово вписано.

² Слово вписано.

³ Далее было: вражду

⁴ Слова: горечь и вражду — вписаны.

⁵ Фраза вписана.

⁶ Было: живая

⁷ Было: и опрометчивая

⁸ Фраза: «Помилуйте! это честнейшее сердце ~ два-три дружеских голоса. — вписана на полях со знаком вставки.

⁹ Было начато: неопредел(енные)

¹⁰ Фраза вписана на полях.

¹¹ Слово вписано.

прежде всего воззрится на учителя,¹ какой он, как говорит, как нюхает табак, какие у него брови, бакенбарты, потом стал изучать болтающуюся на животе его сердоликовую (л. 38) печатку, потом заметил, что у него большой палец правой руки раздвоен посредине и представляет подобие двойного ореха. Потом осмотрел² каждого ученика, у одного лоб и виски вогнуты внутрь головы, у другого³ мордастое лицо далеко выпятилось вперед — там вон у двоих,⁴ у одного справа, у другого слева, на лбу волосы растут вихорком — и т. д., — всех заметил — и изучил,⁵ как кто смотрит: один с уверенностью глядит на учителя, просит глазами спросить себя, почешет коленки от нетерпения, потом голову, а у другого на лице то выступает, то прячется краска — он сомневается, колеблется, третий упрямо смотрит вниз, пораженный боязнию, чтоб не спросили, третий⁶ ковыряет в носу и ничего не слушает. Тот⁷ должен быть силач ужасный, а этот черненький — плут. И доску,⁸ на которой пишут задачи,⁹ заметил, сколько мелу, даже какая тряпка, которою стирают с доски. Кстати тут же представил и себя, как он сидит, какое у него должно быть¹⁰ лицо, что другим приходит на ум, когда они¹¹ глядят на него, каким он им представляется?

— О чем я говорил сейчас? — вдруг спросил его учитель, заметив, что он рассеянно бродит глазами по всей комнате. К удивлению его, Райский сказал ему от (л. 38 об.) слова до слова, что он говорил.

— Что же это значит? — дальше¹² спросил учитель. Райский не знал: он смотрел на всякое движение, ловил только ухом слова. Учитель повторил объяснение. Борис опять слушал, как раздавались слова: иное учитель скажет коротко и густо, точно оборвет, другое рас-

¹ *Далее вписано и зачеркнуто:* математи(ки)

² *Текст:* потом стал изучать ∞ Потом осмотрел — *вписан.*

³ *Далее было:* напротив

⁴ *Далее было начато:* стоя(т)

⁵ *Слова:* у одного лоб и виски ∞ и изучил — *вписаны на полях со знаком вставки.*

⁶ См. выше, с. 147, сн. 2.

⁷ *Было:* не слушает; тот

⁸ *Было:* Осмотрел лица, доску

⁹ *Слова:* на которой пишут задачи — *вписаны.*

¹⁰ *Слова:* должно быть — *вписаны.*

¹¹ *Слово вписано.*

¹² *Слово вписано.*

тянет, будто пропоет, вдруг слов десять посыплются, как орехи.

— Ну? — спросил учитель. Райский покраснел, даже вспотел немного от страха, что не знает, в чем дело, и молчал. Это был учитель математики. Он пошел к доске, написал задачу, начал толковать, Райский только глядел, как проворно и крепко пишет он цифры, как потом идет к нему прежде брюхо учителя с сердоликовой печаткой, потом грудь с засыпанной табаком манишкой.¹ Ничего не ускользнуло от Райского, только ускользнуло решение задачи. Кое-как он достиг дробей, достиг и до четырех правил из алгебры, когда же дело дошло до уравнений, Райский утомился напряжением ума и дальше не пошел,² оставшись совершенно равнодушным к тому, зачем и откуда извлекают квадратный корень.³ (л. 39)

Учитель часто бился с ним — и почти всякий раз со вздохом прибавлял:⁴ «Садись на свое место: ты пустой малый!» Райский садился, и у него в голове была вся картина, как учитель говорил, сердито, точно хотел его съесть глазами, как топал, сжимал руку в кулак и какой у него кулак, как он уронил платок, платок синий, клетчатый, как тряслись у него бакенбарты, какое слово сказал он тише, какое громче... всё знал, кроме того, что значит квадратный корень, откуда и зачем извлекают его. Но когда на учителя находили игривые минуты и он, в виде забавы, выдумывал, а не из книги говорил свои задачи, не прибегая ни к доске, ни к грифелью, ни к правилам, ни к пинкам,⁵ скорее всех, путем сверкающей в голове догадки,⁶ доходил до результата Райский. У него в голове было свое царство цифр, (л. 39 об.) они по-своему строились у него там,⁷ как солдаты,⁸ он придумал им какие-то свои знаки или физиономии,⁹ по которым они становились в ряды, слагались и делились;

---

¹ Слова: как потом ∞ с засыпанной табаком манишкой — *вписаны на полях со знаком вставки.*

² Далее было начато: не узна(в)

³ Фраза вписана.

⁴ Слова: Учитель часто бился с ним ∞ прибавлял — *вписаны на полях.*

⁵ Слова: ни к пинкам — *вписаны.*

⁶ Слова: путем сверкающей в голове догадки — *вписаны.*

⁷ Вместо: там — было: в голове

⁸ Слова: они по-своему ∞ как солдаты — *вписаны.*

⁹ Слова: знаки или физиономии — *вписаны.*

все фигуры их рисовались то знакомыми людьми, то походили на разных животных.

— Ну не пустой ли малый! — восклицал учитель, — не умеет сделать задачи указанным, следовательно, облегченным путем, а без правил, наобум говорит. Глупее нас с тобой выдумывали правила!¹ (л. 40)

У русского учителя он путался в правилах² и на экзамене отвечал слабо или вовсе не отвечал. Между тем писать выучился быстро, читал со страстью³ — историю, эпопею, роман, басню,⁴ выпрашивал, где мог, книги, но с фактами, а умозрений не любил, как вообще всего, что увлекало его из мира фантазии в мир действительный.⁵ (л. 40 об.)

Из географии в порядке, по книге, как проходили в классе, по климатам, по народам, — никак и ничего он не мог рассказать, особенно когда учитель спросит: «А ну-ка, перескажи все горы в Европе? все порты Средиземного моря?» Между тем⁶ вне класса начнет рассказывать о какой-нибудь стране, или об океане, о городе, откуда что берется у него: ни в книге этого нет, ни учитель не рассказывал, а он точно рисует картину, как будто был там, всё видел сам. «Да ты всё врешь! — скажет иногда скептик. — Василий Никитич этого не говорил!» Директор подслушал однажды, когда он рассказывал, как дикие ловят и едят людей, какие у них леса, жилища,⁷ какое оружие, как они сидят на деревьях, ловят зверей,⁸ даже начал представлять, как они говорят горлом.⁹ «Пустяки молоть мастер, — сказал ему директор,¹⁰ — а на экзамене не мог рассказать системы рек! Вот я тебя высеку, погоди! Ничем не хочет серьезно заняться: пустой мальчишка!»¹¹ И дернул его за ухо. Рай-

---

¹ Текст: «Садись на свое место: ты пустой малый!» Райский сажился ∼ выдумывали правила! — *зачеркнут и восстановлен.*

² Слова: в правилах — *вписаны.*

³ Далее было начато: и факты

⁴ Слова: со страстью — историю, эпопею, роман, басню — *вписаны.*

⁵ Слова: но с фактами ∼ в мир действительный — *вписаны над строкой и на полях со знаком вставки.*

⁶ Слова *вписаны.*

⁷ Слово *вписано.*

⁸ Слова: как они сидят на деревьях, ловят зверей — *вписаны на полях со знаком вставки.*

⁹ Слово: горлом — *вписано.* (л. 41)

¹⁰ Слово *вписано.*

¹¹ Слова: пустой мальчишка! — *вписаны.*

ский смотрел, как стоял директор, как говорил, какие злые и холодные у него были глаза, разбирал, отчего ему стало холодно, когда директор¹ тронул его за ухо, представил себя, как поведут его сечь, как у Савостьянова от испуга вдруг побелеет нос и он весь будто похудеет немного, как Боровиков задрожит,² запрыгает и захихикает³ от волнения, как добрый Масляников, с плачущим лицом, бросится обнимать его и прощаться с ним, точно с осужденным на казнь;⁴ потом как его будут раздевать и у него похолодеет сначала у сердца, потом руки и ноги, как он не сможет сам лечь, а положит его тихонько сторож⁵ Сидорыч... Он слышал мысленно свой визг, (видел) болтающиеся ноги и вздрогнул... У него упали нервы: он перестал есть, худо спал.⁶ Он упал духом, чувствовал оскорбление от одной угрозы, и ему казалось,⁷ что если она (л. 41 об.) исполнится, то это унесет у него всё хорошее, и вся его жизнь будет гадка, бедна и страшна, и сам он станет⁸ точно нищий, всеми брошенный, презренный. В это время, как будто⁹ нарочно пришлось, священник толковал историю Иова, всеми оставленного на куче навоза, страждущего... Райский расплакался — его прозвали «нюней».¹⁰ Он приуныл, три дня ходил мрачный, так что узнать нельзя было: он ли это? ничего не рассказывал ученикам, как они ни приставали. Так было до воскресенья. А в воскресенье он поехал домой, нашел в шкафе «Освобожденный Иерусалим», в переводе Москотильникова, и забыл об угрозе, и не тронулся с дивана, наскоро пообедал, и опять лег читать до темноты, и в понедельник утром унес книгу в училище и тайком, торопливо и с жадностью, дочитывал, а потом недели две рассказывал читанное то одному, то другому.¹¹ Снились ему такие

¹ Слово вписано.

² Слово вписано.

³ В рукописи: захихичет (правка не доведена до конца).

⁴ Слова: обнимать его ∞ на казнь — вписаны на полях со знаком вставки.

⁵ Слово вписано.

⁶ Фраза вписана над строкой и на полях со знаком вставки.

⁷ Слова: ему казалось — вписаны.

⁸ Было: будет

⁹ Слово: будто — вписано.

¹⁰ Текст: у него всё хорошее ∞ его прозвали «нюней». — вписан над строкой и на полях со знаком вставки.

¹¹ Рядом с этой фразой помета: (О романах.)

горячие сны о далеких странах, о необыкновенных людях в латах, и каменные¹ пустыни Палестины² блещут перед ним своей сухой, но величавой³ красотой; эти пески и горячий зной, эти люди, которые умели жить такой крепкой и трудной жизнью и умирать так легко, — он содрогался⁴ от желания посидеть на камнях пустыни, разрубить (л. 42) сарацина,⁵ томиться жаждою в горячих песках и умереть⁶ без нужды, для того только, чтоб⁷ видели, что он умеет умереть!

Он не спал ночей, читал об Армиде, как она увлекла рыцарей и Ринальда. «Какая она?» — думалось ему, — и то казалась она ему теткой Варварой Николаевной, которая ходила, покачивая головой, как игрушечные коты, и прищуривала глазами, то в виде жены директора,⁸ у которой были такие белые руки и⁹ острый, пронзительный взгляд, то¹⁰ тринадцатилетней¹¹ девочкой в кружевных панталончиках, дочерью полицеймейстера.

Он сжимался в комок на стуле и читал жадно, почти не переводя духа, но внутренне разрываясь от волнения, то вдруг в неистовстве бросал книгу и бегал как потерянный, когда храбрый Ринальд или у Коттень Малек-Адель изнывали у ног волшебниц...

После долго ходил он скучен и бледен, пока опять чужая жизнь и чужие радости не вспрыснут его, как живой водой...

Дядя давал ему истории четверых¹² Генрихов,¹³ Людовиков до XVIII-го¹⁴ и Карлов до XII-го включительно, но всё это уже было для него как пресная вода после рома.¹⁵ На минуту только разбудили¹⁶ его Иоанны III-й

---

¹ Было: бесплодные, каменные

² Слово вписано.

³ Далее было: и неотразимой

⁴ Далее было начато: от сладострастного

⁵ Далее было начато: влезть на стену Иеру(салима)

⁶ Далее было начато: для

⁷ Далее было начато: круго(м)

⁸ Далее было: в огромном чепце с маленьким собачьим рыльцем

⁹ Далее было: такой

¹⁰ Далее было начато: девочк(ой)

¹¹ Было: пятнадцатилетней

¹² Слово вписано (с опiskой: четвертых)

¹³ Далее было начато: Кар(лов)

¹⁴ Далее было: включительно

¹⁵ Было: всё равно что ром после воды Слова: как пресная вода после рома — вписаны карандашом.

¹⁶ Было: будили

и IV-й да Петр и всё — а далее воображение всё¹ красивой,² не политической, а мелкой и подробной,³ полной⁴ жизни — какая кипит около него,⁵ какую он видел и какую сам начинал уже рано чувствовать...⁶ Достал он Плутарха и поглощал жадно, как кто воспитывался, рос, умирал, какой был, что с ним случилось, анекдот, а «серьезное» дело, за что была война — всё это тщательно обходилось.

Между товарищами он был очень странен, они тоже не знали, как понимать его. Симпатии его так часто менялись, что у него не было ни постоянных друзей, ни врагов. Эту неделю он привяжется к одному, ищет его везде, сидит с ним, читает, рассказывает ему, шепчет, потом ни с того ни с сего вдруг бросит его и всматривается в другого, и потом опять⁷ забывает. Рассердит ли его какой-нибудь товарищ, некстати скажет ему что-нибудь, он надуется, даст волю этому чувству; досада, (л. 42 об.) вспышки давно прошли, и причина побледнела, следствия исчезли, а он, по какому-то упорному внутреннему побуждению, длит форму обиды, поражает противника косыми взглядами, исполненными достоинства словами, наконец, заведет переписку, хотя их разделяет стол или скамья, режет противника, жжет жёлчью, и жёлчь в самом деле кипит в нем, льются слезы, устанавливается вражда, за которой следит весь класс и зорче всех он сам, совершатся ли в ней обычные проявления; и когда⁸ дело клонилось к мировой, он отыскивал в себе кротость, великодушие и вздрагивал от живого удовольствия проявить его; устраивалась сцена примирения, с достоинством и благородством, и занимала всех, пуще всех его самого. Он как будто смотрел на всё это со стороны и наслаждался, видя и себя, и другого, и всю картину. А когда всё кончилось, когда шум, чад, трескотня сцены выходили из него, он вдруг очнется, окинет всё удивленными глазами, и (л. 43) внут-

¹ Слово вписано.

² Далее было: полной

³ Далее было: но

⁴ Далее было: органической

⁵ Вместо: какая кипит около него — было: не людской, какая была около него

⁶ Текст: и каменные пустыни Палестины ∞ начинал уже рано чувствовать... — вписан на полях со знаком вставки.

⁷ Слово вписано.

⁸ В рукописи ошибочно: иногда

ренный голос спросит его: «Зачем это?» Иногда, напротив, он придет от пустяков в восторг: какой-нибудь сытый ученик отдаст свою булку другому или примет на себя чужую шалость, или покажется ему, что насупившийся ученик думает глубокую думу, и он вдруг возгорится участием к нему, говорит о нем со слезами, отыскивает что-то таинственное, необычайное, окружит его уважением, и другие заразятся неисповедимым почтением. Но через неделю товарищи встанут в одно прекрасное утро, с восторженными речами о фениксе подойдут к Райскому, а он расхохочется: «Эдакую дрянь нашли да и нянчатся! (л. 43 об.) Пошел ты прочь, жалкое создание!» Все и рты разинут, и он стыдится своего восторга. Луч, который падал на «чудо», уже померк, краски пропадали, форма изнасилась, и он бросал и искал жадными глазами другого явления, другого чувства, зрелища, и если не было — скучал, был жёлчен, нетерпелив или хранил задумчивый вид уныния.¹

И по выходе из училища обходил он серьезное еще больше. Позовет ли его опекун посмотреть, как молотят рожь или как валяют сукно на фабрике, как белят полотно,² он увертывался и забирался на бельведер смотреть оттуда в лес или шел на реку, в кусты, в чашу, смотрел, как возятся насекомые, остро глядел, куда юркнула птичка, какая она, куда села, как почесала носик, поймает ежа и возится с ним, с мальчишками удит рыбу целый день или слушает полоумного старика, который живет в землянке у околицы, как он рассказывает про «Пугача», как бегали от него, (л. 44) жадно слушает подробности жестоких мук, казней³ и смотрит прямо ему в рот без зубов, во впадины сверкающих глаз. По целым часам с болезненным любопытством слушает полоумную, «испорченную» Феклушу.⁴ Дома читает всякие пустяки, «Саксонский разбойник» попадетсЯ, он прочтет его, вытащит Эккартсгаузена, читает, понимая из страницы пять слов, десять раз прочел попавшийся

---

¹ Текст: Между товарищами он был ∞ Скучал или хранил задумчивый вид уныния. — зачеркнут и после отдельных исправлений восстановлен в соответствии с пометой на полях: Восстановить.

² Слова: как белят полотно — вписаны.

³ Слова: жадно слушает подробности жестоких мук, казней — вписаны.

⁴ Слово вписано карандашом.

экземпляр «Тристрама Шанди»,¹ попадутся какие-нибудь «Тайны восточной магии»,² он читает и их,³ не понимая, прочтет и сказку о Бове, потом вдруг Оссияна — страстно любил путешествия.⁴ А если нет ничего, так лежит неподвижно по целым дням, но лежит, как будто трудную работу делает: встанет усталый, бледный и долго не придет в нормальное положение.

«Лентяй, лежебока!» — говорят кругом его. Он пугался этих приговоров, плакал втихомолку⁵ и думал иногда с отчаянием, отчего он лентяй и лежебока.⁶ Он и в зрелые лета помнил эти минуты детского уныния и безотрадной тоски. «Что я такое? что из меня будет?» — думал он и слышал суровое: «Учись, вон как учится Саврасов, Ковригин, Малюев, Чудин — первые ученики!»⁷ Они равно хорошо учатся и из математики, и из истории, и чертят, и⁸ историю знают — счастливы! Их все уважают, они так гордо смотрят, так покойно спят, всегда одинаковы. А он сегодня бледен, молчит как убитый, — завтра скачет и поет — бог знает от чего!

Всего пуще пугало и томило его обидное сострадание сторожа Сидорыча — и вместе трогало свою простотой. Однажды он не выучил урока и завтра должен был остаться без обеда — если не выучит к утру, а выучить было некогда, все легли спать. Сидорыч тихонько встал, вздул свечку и принес Райскому из класса книгу. «Учи, батюшка, — сказал он, — пока они спят; никто не увидит, а завтра будешь знать лучше их — что они в самом деле обижают тебя, сироту!» У Райского брызнули слезы и от этой обиды, и от доброты Сидорыча. Он взглянул, как храпят первые ученики,⁹ — и не выучил — от гордости.

Он чувствовал и понимал, что он не лентяй и не лежебока, а что-то другое, но чувствовал и понимал — он один, и больше никто, — но не понимал, что же он та-

---

¹ *Далее было начато:* под (руку?)

² *Было начато:* попадетсЯ какая-нибудь восточная

³ *Слова:* из страницы пять слов ∞ он читает и их — *вписаны над строкой и на полях со знаком вставки.*

⁴ *Слова:* страстно любил путешествия — *вписаны.*

⁵ *Было начато:* потих(оньку)

⁶ *Вместо:* отчего он лентяй и лежебока — *было:* что из него будет

⁷ *Далее было начато:* А учить(ся)

⁸ *Далее было начато:* синтаксис всех языков

⁹ *Далее было начато:* и с доса(ды)

кое именно, и некому было растолковать ему это и сказать, нужно ли ему учить математику или что-нибудь другое.

В службе название «пустого» человека привинтилось к нему еще крепче. От него не добились ни одной докладной записки, никогда не прочел ни одного дела, между тем вносил веселье, смех и анекдоты в ту комнату, где сидел. Около него всегда кучка народу. Но мысль о деле, если только она не проходила через доклад, как бывало, русский язык через грамматику, а сказанная среди шуток и безделья, для него как-то ясна, лишь бы не доходило (л. 44 об.) дело до бумаг. Он озадачивал новизной взгляда чиновников. Столоначальник, слушая его, с усмешкой отбирал у него какую-нибудь заданную ему бумагу и отдавал другому. «Напишите, пожалуйста, вот это предписание, — говорил он, — пока Борис Павлович разводит тут свои теории. Кажется, он прямо в министры метит!» — «А что, — говорит другой, — ведь он... того... умен...» — «Пустой! — говорил столоначальник, — всё хочет новые порядки учреждать! Много эдаких вон там, по улицам, ходит».

От наук, от серьезных книг, разговоров, дел — Райский бежал как от огня. Но если опять шутя зайдет речь о мудреном вопросе или случайно наткнется он на него и задумается, уткнув куда-то глаза, — вдруг из шутки выскочит искра догадки и он поймает истину, потешится, потом опять примется¹ за пустяки, за ребячество или стихи читает и в голове от дела останется какое-то слабое мерцанье.² (л. 45) Если случайно, неожиданно искра, как электричество, ударяла по нервам Райского, воображение вспыхивало, и путем сверкнувшей догадки он схватывал тень, верхушку истины, дорисовывал остальное и уже не шел долгим опытом и трудом завоевывать прочную победу. Он уже был утомлен, он шел дальше, глаза и воображение искали другого, и он летел вперед на крыльях фантазии,³ скача через пропасти, горы, океаны, переходимые и переплываемые толпой мужественно и терпеливо. Он и знания — не знал, а как будто видел его живьем у себя в вообра-

---

¹ Слово вписано.

² Текст: А если нет ничего ∞ слабое мерцанье. — зачеркнут и восстановлен.

³ Слова: вперед на крыльях фантазии — вписаны.

жении, как в зеркале, готовым,¹ чувствовал его и этим довольствовался, а узнавать ему было скучно, он отталкивал наскучивший предмет прочь, и глаза и ум искали вокруг — нет ли чего нового, живого, поразительного, чтоб в нем самом² всё играло, билось и трепетало и отзывалось жизнью на жизнь. Вокруг его не было никого, кто направил бы эти жадные порывы любознательности в определенную колею. В одном месте опекун, а в другом бабушка смотрели только — первый, чтоб к нему в положенные часы ходили учителя или чтоб он не пропускал уроков в школе, а вторая — чтоб он был³ здоров, чтоб был у него аппетит, сон, да чтоб одет был чисто, держал себя опрятно и как следует благовоспитанному мальчику, чтоб не связывался со всякой дрянью и т. п. (л. 45 об.) А что он читал там, какие книги,⁴ в это не входили — и бабушка отдала ему ключи от отцовской библиотеки в старом доме, куда он запирался, читая попеременно то Спинозу, то роман Коттень, то Св. Августина, а завтра вытащит Вольтера или Парни, даже Боккаччио.⁵ Искусства дались ему лучше наук.⁶ Правда, он и тут затеял пустяки: учитель недели на две посадил весь класс рисовать зрочки, а он не утерпел, приделал к зрочку нос и даже начал было тушевать усы, но учитель застал его и сначала дернул за вихор, потом, взглядевшись, сказал: «Где ты учился?» «Нигде», — был ответ. «А хорошо, брат, только видишь, что значит вперед забежать: лоб и нос — хоть куда, а ухо вон где посадил, да и⁷ волосы точно мочала вышли!» Но Райский торжествовал: (л. 46) «Хорошо, брат: лоб и нос хоть куда!» — было для него лавровым венком.⁸ Он гордо ходил один по двору, в сознании, что он лучше всех, до тех пор пока на другой день публично не осрамился в «серьезных предметах». Но к рисованью он пристрастился и через месяц⁹ после «зроч-

¹ Слово вписано.

² Слово вписано.

³ Было начато: чтоб у него не был(о)

⁴ Далее было начато: так

⁵ Текст: и отзывалось жизнью на жизнь. ∞ даже Боккаччио. — вписан между строк и на полях со знаком вставки.

⁶ Слово вписано.

⁷ Слова: вперед забежать ∞ да и — вписаны над строкой и на полях со знаком вставки.

⁸ Слова: «Хорошо, брат ∞ лавровым венком — вписаны.

⁹ Было: месяца через три

ков»¹ копировал кудрявого мальчика, потом голову Фингала. Но заветной мечтой его была женская головка, висевшая в квартире учителя. Она поникла немного к плечу и смотрела томно, задумчиво вдаль. «Позвольте мне вот с этой нарисовать копию!» — робко и нежно звучащим голосом девочки и с нервной дрожью верхней губы² просил он учителя. «А если стекло разобьешь?» — сказал учитель, однако дал ему головку. Борис был счастлив. Когда он приходил к учителю, у него всякий раз ёкало сердце при взгляде на головку. И вот она у него, он рисует с нее. В эту неделю ни один серьезный учитель ничего не добился от него. Он сидел в своем углу, рисует, стирает, (л. 46 об.) тушует, опять стирает или молча задумается; в зрачке ляжет синева, и глаза покроются будто туманом, только губы едва-едва заметно шевелятся, в них тихо переливается розовая³ влага. На ночь он уносил рисунок в дортуар и однажды, вглядываясь в эти нежные глаза,⁴ следя за линией наклоненной шеи, он вздрогнул, у него сделалось⁵ такое замиранье в груди, так захватило ему дыханье, что он в забытьи, с закрытыми глазами и невольным, чуть сдержанным стоном, прижал рисунок⁶ обеими руками к тому месту, где было так тяжело дышать. Стекло хрустнуло и со звоном полетело на пол.

Нарисовав эту головку, он уже не знал предела гордости. Рисунок его выставлен с рисунками старшего класса на публичном экзамене, и учитель мало поправлял, только кое-где слабые места покрыл крупными, крепкими штрихами, точно решеткой, да в волосах прибавил три-четыре черные полосы, сделал по точке в каждом глазу, и глаза вдруг стали смотреть точно живые. «Как это он? и отчего так у него вышло живо, смело, прочно?» — думал Райский, зорко вглядываясь и в штрихи, и в точки, и много ставил⁷ потом штрихов и точек, всё хотел схватить эту жизнь, огонь и силу, какая

---

¹ Слова: через месяц после «зрачков» — вписаны на полях со знаком вставки.

² Слова: и с нервной дрожью верхней губы — вписаны.

³ Слово вписано.

⁴ Далее было: в линию

⁵ Слова: вглядываясь ∞ у него сделалось — вписаны на полях со знаком вставки.

⁶ Слово вписано.

⁷ Было: наставил

была в штрихах и полосах, так крепко и уверенно начерченных учителем; иногда он будто и ловил эту тайну, и опять ускользала она у него, но чертить зрачки, носы, линии лба, ушей и руки ему было до смерти скучно. Он нарисует глаза кое-как, но заботится лишь о том,¹ чтобы в них повторились учительские точки, чтоб они смотрели, точно живые...² (л. 47)

Упиваясь легким успехом, он гордо ходил — «та-лант, талант» — звучало у него в ушах, и он, поставив точки в глазах, не дорисовывал упорно ушей и рук, и рисунки лежали³ у него неконченные, в пыли. Все уже знали, как он рисует, перестали ахать, и он привык к успеху.⁴ В деревне он опять пристрастился было к рисованию, делал портреты с горничных, с кучера, потом с деревенских мужиков. Полоумную Феклушу нарисовал в пещере, очень удачно осветив одно лицо и разбросанные волосы, корпус же⁵ скрывался во мраке: ни терпенья, ни умения не хватало у него доделывать⁶ корпус, руки, ноги, и⁷ картина осталась неконченной. Иногда, лежа дома или глядя вдаль, читая что-нибудь, он мысленно нарисует целую картину, и впереди у него уже видится эта картина отделанною и в рамке висит, и любитель приснится ему, рассматривающий картину, и видит он тут себя, краску удовольствия в лице, (л. 47 об.) чувствует трепет, который бы почувствовал тогда... Воображение услужливо доделывало ему то, что нужно было доделывать самому, в поте и муках труда.⁸ Он долго лелеет картину в воображении, день, другой, на третий очинит карандаши, начнет, но, Боже мой! какая скука: надо всё⁹ отделывать до мелочей: руки, ноги, платье.¹⁰ А солнце так весело и щедро льет лучи на луг и реку, вон, никак, от соседей скачет человек, — верно, танцевать будут... Дня через три картина бледнела.

¹ Слова: лишь о том — вписаны.

² Текст: учитель мало поправлял ∞ точно живые... — вписан на полях со знаком вставки. Далее было начато: А дор(исовав?)

³ Слова: Упиваясь ∞ рисунки лежали — вписаны.

⁴ Слова: перестали ахать, и он привык к успеху — вписаны.

⁵ Слово вписано.

⁶ Было начато: дела(ть)

⁷ Слова: ни терпенья ∞ ноги, и — вписаны.

⁸ Фраза вписана на полях со знаком вставки.

⁹ Слово вписано.

¹⁰ Слова: до мелочей: руки, ноги, платье — вписаны.

А в воображении теснится уже¹ другая картина: хотелось бы нарисовать хоровод, тут же пьяного старика и проезжую тройку. Дня два носится он с картиной: она как живая у него; он бы нарисовал мужика и (л. 48) баб, да тройку не сумеет: «Лошадей не проходили в классе». И через неделю картина забывалась, сменялась другою...

Музыку он любил до опьянения. В училище тупой, презираемый первыми учениками мальчик Васюков был предметом постоянной нежности Райского. Все, бывало, дергают за уши Васюкова: «Пошел прочь, дурак, дубина!» — только слышит он, а Райский глядит на него с нежностью, потому только, что Васюков, ни к чему не внимательный, сонный, вялый, даже у² всеми любимого русского учителя не выучивший никогда ни одного урока,³ — каждый день после обеда брал свою скрипку и, положив на нее щеку и подбородок, водил смычком, забывал школу, учителей, щелчки. Глаза его ничего не видали перед собой, а смотрели куда-то в другое место, далеко, и там он будто видел что-то особенное, таинственное, потому что глаза его становились дики, суровы, то будто плакали. Против него садился Райский и с удивлением глядел на лицо Васюкова, следил, как, пока⁴ еще с тупым взглядом, достает он скрипку, (л. 48 об.) вяло берет смычок, намажет его канифолью, потом сначала пальцем тронет струны, повинтит винты, опять тронет, потом поведет смычком — всё еще глядит сонно. Но вот заиграл и проснулся; зрачки расширяются,⁵ глаза не мигают больше, всё делается прозрачнее, прозрачнее, светлее, глубже и смотрят гордо, умно, вот ноздри немного раздуваются, грудь дышит медленно и тяжело, а глаза уже смотрят куда-то далеко и видят что-то другое. По лицу бродит нега, счастье — кожа становится нежнее, глаза синеют, наливаются прозрачной влагой⁶ и льют лучи — он⁷ стал прекрасен.⁸ Райский

---

¹ Слово вписано.

² Далее было: русского

³ Слова: даже ∞ ни одного урока — вписаны на полях со знаком вставки.

⁴ Слово вписано.

⁵ Далее вписано и зачеркнуто: наливаются точно влагой

⁶ Слова: наливаются прозрачной влагой — вписаны.

⁷ Далее было начато: крас(ив?)

⁸ Фраза вписана на полях со знаком вставки.

стал мысленно глядеть, куда глядит Васюков, и видеть, что он видит. Сначала он видел какое-то пятно, потом будто ровную, бесцветную стену, потом после нескольких звуков стена отодвинулась, отодвигалось и открывалось пространство, движущийся мир, какие-то волны, корабли, люди, леса, облака — всё будто плыло и несло, и везде мелькало лицо Васюкова, с щекой, упершейся на скрипку, и лицо самого Райского — и всё это носилось (л. 49) и двигалось в воздушном пространстве, и он, казалось ему, всё рос выше, выше, у него занимало дух, его будто щекотали или купался он... И вдруг тяжело падал, звуков нет, Васюков укладывает скрипку, кто-нибудь дергает его уже за ухо, Райский с яростью бросается бить забияку. Райский ходит потом задумчивый,¹ долго нервы поют ему какие-то гимны, в нем плещется жизнь, как море,² и мысли, чувства, как волны, переливаются,³ сталкиваются и несутся куда-то, бросают кругом брызги и пену. В звуках этих он слышит что-то знакомое, как будто вспоминает, что его держала на коленях женщина, он думает, роется в памяти и догадывается, что в самом деле держала его когда-то⁴ мать и он, прижавшись щекой к ее груди, следил, как она перебирала пальцами клавиши, как носились плачущие или резвые звуки, слушал, как билось у ней в груди сердце, помнит,⁵ как потом, кончив, она⁶ всю дрожь наслаждения сосредоточивала в горячем поцелуе ему. Помнит, как она толковала ему картины: кто этот старик с лирой, которого, немея, слушает гордый царь, боясь пошевелиться, кто эта женщина, которую кладут на плаху. Потом помнит он, как она водила его на Волгу, как по целым часам сидела, глядя вдаль, или⁷ указывала⁸ ему на гору, освещенную солнцем, на кучу темной зелени, на задумчивое течение реки, — он смотрел, как она неподвижно глядит, как у ней тогда глаза прозрачны, глубоки, хороши... «Как у Васюкова, — думал он, — стало быть, и она видела в этой зелени, в течении струй,

---

¹ Было: бледный и задумчивый

² Слова: как море — *вписаны*.

³ Далее было начато: ударя(ются)

⁴ Слово *вписано*.

⁵ Слово *вписано*.

⁶ Далее было начато: [страстно] горячо и долго остаток

⁷ Далее было начато: говорила ему

⁸ Было начато: рассказывала

в синем небе то же, что Васюков видит, когда играет на скрипке... какие-то горы, моря, облака... И я вижу их!...»¹ Заиграет ли женщина на фортепиано, гувернантка у соседей, Райский бежал было перед этим удить рыбу, но раздались звуки, и он вдруг замирал на месте, разинув рот, и прятался за стулом играющей. Его не стало, он куда-то пропал, опять его несет кто-то на воздух, опять он растет, в него² льется сила, он в состоянии³ поднять и поддержать свод, как тот, которого Геркулес сменил. У него и крылья, он может летать; звуки как будто до боли ударяют его по груди, по бокам, прыгают на голову — у него уже мокрые волосы... глаза... Вдруг звуки умолкли, он⁴ охнет, застыдится и убежит.

Он стал было учиться сначала на скрипке у Васюкова, (л. 49 об.) но вот уже неделю водит смычком взад и вперед: «а, с, g!» — тянет за ним Васюков, а смычок дерет ему уши.⁵ То захватит он⁶ две струны разом, то дрожит от слабости — нет! Когда же он заиграет, точно по маслу рука ходит — две недели прошло, а он забудет то тот, то другой палец. Ученики бранятся: «Ну вас к черту! — говорит первый ученик. — Тут серьезным делом заниматься надо, а они пустяки делают». Райский бросил скрипку и стал просить опекуна учить его на фортепиано. «На фортепиано легче, скорей», — думал он. Тот нанял ему немца, но, однако ж, решился поговорить с ним серьезно.

— Послушай, Борис, — начал он, — к чему ты готовишь себя, я давно хотел спросить тебя.

Райский не понял и молчал.

— Тебе шестнадцатый год, — продолжал опекун, — пора о деле думать, а ты до сих пор, как я вижу, еще не (л. 50) подумал, по какой части пойдешь ты в службе и в университете. По военной трудно: у тебя небольшое состояние, а служить ты, по своей фамилии, должен в гвардии: в Петербурге и на экипаж не хватит.

---

¹ Текст: Райский ходит потом задумчивый ~ Потом помнит он, как она водила его на Волгу ~ И я вижу их!... — вписан на полях со знаком вставки.

² Слова: в него — вписаны.

³ Слова: в состоянии — вписаны.

⁴ Слова: Вдруг звуки умолкли, он — вписаны.

⁵ Слова: ему уши — вписаны.

⁶ Слово вписано.

Райский молчал и смотрел в окно, как петухи дерутся, как свинья роется в навозе.

— Я тебе о деле, а ты вон куда глядишь! К чему ты готовишься?

— Я, дядюшка, готовлюсь в артисты...

— Что-о? — спросил с изумлением опекун.

— Художником быть хочу, — подтвердил Райский.

— Черт знает что выдумал! Кто ж тебя пустит? Ты знаешь ли, что такое артист? — спросил он.

Райский молчал.

— Артист — это такой человек, который или денег у тебя займет, или наврет такой чепухи, что на неделю тумана наведет. В артисты! Ведь это, — продолжал он, — значит беспутное, цыганское (л. 50 об.) житье, адская бедность в деньгах, в платье, в обуви и только богатство мечты! Витают артисты, как птицы небесные, под чужой кровлей, век едят чужой хлеб, и даже он им горек не кажется! Видал я их в Петербурге: это те хваты в полосатых пальто, что собираются по вечерам лежать на диванах, курят трубки, несут чепуху, читают стихи и пьют много водки, а потом объявляют, что они артисты. Они нечесаны, неопрятны...

— Я слышал, дядюшка, что художники теперь в большом уважении. Из академии выходят знаменитые люди...

— Да ведь это кто? — пылко возразил дядя, — ты слышал, что звонят, да не знаешь, на какой колокольне. Ведь это всё вольноотпущенные, мещане: их неволя гонит в художники. Это им на всю жизнь кусок хлеба — вот они и напирают на искусство. А ты италиянец, что ли, какой-нибудь. Ведь ты Райский. У тебя земля и готовый хлеб.¹ Конечно, для общества почему не иметь (л. 51) приятных талантов: сыграть на фортепиано, нарисовать что-нибудь в альбом... спеть романс...² Вот я тебе и немца нанял! Но быть артистом по профессии³ — что за блажь!⁴ Слышал ли ты когда-нибудь, чтоб нарисовал картину какой-нибудь князь, граф или статую слепил старый дворянин... отчего это?⁵

---

¹ К этой фразе знаком отнесена зачеркнутая вставка на полях: слава Богу — не заработанный!

² Слова: спеть романс — вписаны.

³ Было: по званию

⁴ Далее вписано и зачеркнуто: Помилуй

⁵ Слова: отчего это? — вписаны.

— А Рубенс? — вдруг перебил Райский. — Он был придворный, посланник...¹

— Это² лет двести тому назад! — сказал опекун, — и там, у немцев...³ А ты — поступи в университет,⁴ в юридический факультет, потом служи в Петербурге, учись делу, добивайся прокурорского места, а родня выведет тебя в камер-юнкеры. И если будешь стараться, помяни мое слово, что тридцати лет с небольшим будешь губернатором. Вот твоя карьера. В Петербурге Пахотины, Кудищевы выведут тебя на дорогу, умей сыскать в них.⁵ Но вот беда, я не вижу, чтоб у тебя было что-нибудь серьезное на уме: удишь с мальчишками рыбу, вон болото нарисовал, ну что ты нашел в болоте; ходишь по полям, а хоть бы раз спросил у мужика, какой хлеб когда сеют, почему продают... ничего! и хозяина не обещаешь!⁶

Дядя вздохнул — и Райский приуныл: дядино⁷ поученье безотрадно подействовало только⁸ на его нервы.⁹

Борис думал, что немец будет показывать ему, как надо какую пьесу играть, и он будет сразу плавать в звуках и уноситься вверх. Но и этот, (л. 51 об.) как Васюков, прежде всего исковеркал ему руки и начал притопывать ногой и напевать, следя за каждым ударом по клавишу: «а-а-у-о-о». Только совесть опекунa, не бросил Райский этой пытки и кое-как в несколько месяцев удалось ему сладить с первыми шагами. И то он всё капризничал: то¹⁰ играл не тем пальцем, которым требовал учитель, а каким казалось ему ловчее,¹¹ не хотел играть гамм, школы, а ловил ухом мотивы, какие за-

---

¹ *Вместо этой фразы было: а. Начато:* — Все эти *б. Начато:* — А Рубенс, — вдруг спросил [возр(азил)] *в.* — Рафаэли, [Дюреры], Моцарты да Тицианы — кто они были?

² *Было:* — Ведь это

³ *Далее было:* где-нибудь *Текст:* Слышал ли ты когда-нибудь ∞ у немцев... — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁴ *Слова:* А ты — поступи в университет — *вписаны.*

⁵ *К этой фразе знаком отнесена зачеркнутая вставка по полях:* А после и богатство придет. Сделай себе дорогу, тогда за тебя с тысячами душ пойдут замуж.

⁶ *Слова:* и хозяина не обещаешь! — *вписаны.*

⁷ *Было начато:* эт(о)

⁸ *Слово вписано.*

⁹ *Слова:* и Райский приуныл ∞ на его нервы — *вписаны между строк и на полях со знаком вставки.*

¹⁰ *Слова:* всё капризничал: то — *вписаны.*

¹¹ *Слова:* каким казалось ему ловчее — *вписаны.*

падут в голову, и бывал счастлив, когда удавалось ему уловить ту же экспрессию или силу, какую слышал у кого-нибудь и поразился ею, как прежде поразился штрихами и точками у учителя.¹ А с нотами не дружился, не проходил постепенно, одна за другою,² запыленные, пожелтевшие, приносимые учителем тетради.³ Но часто он задумывался, слушая свою игру, и мурашки бегали у него по спине: вдалеке виделась ему наполненная зала, и он своей игрой потрясал стены, сердца знатоков, женщины с горящими щеками слушали его, и его лицо горело стыдливым торжеством... Он тихонько утирал слезы, катившиеся (л. 52) по щекам, горел, млел от своей мечты, и слышанные мотивы как-то легко давались ему, потом пальцы играли уже что-то свое, играли они ему эту, кажется, залу, этих женщин и трепет похвал, а школы не играли. Скоро он перегнал розовеньких уездных барышень и изумлял их силою и смелостью игры, пальцы бегали свободно и одушевленно. Они еще сидят на каком-то допотопном⁴ рондо да на сонатах в четыре руки, а он перескочил через школу сначала на кадрили, на марши, а потом на⁵ оперу, проходя свой курс по своей программе, продиктованной воображением и впечатлением. Он услышит оркестр, затвердит то, что увлекло⁶ его, и повторяет мотивы,⁷ упиваясь удивлением барышень: он был первый, лучше всех; немец говорит, что способности у него быстрые, удивительные, но лень — еще удивительнее. Но это не беда: лень, небрежность как-то к лицу артистам. Да еще кто-то сказал ему, что при таланте не нужно много⁸ работать, что работают только бездарные, чтобы вымучить, выработать себе кропотливо жалкое подобие могучего и всепобедного дара природы — таланта.⁹

---

¹ Слова: как прежде ∞ у учителя — вписаны на полях со знаком вставки.

² Слова: одна за другою — вписаны.

³ Слово вписано.

⁴ Слова: каком-то допотопном — вписаны.

⁵ Далее было: итальянскую музыку

⁶ Было: увлечет

⁷ Текст: а потом на оперу ∞ и повторяет мотивы — вписан между строк и на полях со знаком вставки.

⁸ Слово вписано.

⁹ Слова: чтобы вымучить ∞ таланта. — вписаны. Далее, после черточки, обозначающей конец главы, помета: (Здесь следует печатный отрывок «Бабушка».)

Глава¹

Вот уж он в университете, затянут в мундир; ходит по утрам на лекции, в Никитский монастырь к обедне, заглядывает на развод и посещает Педотти. По вечерам сидит в «своем кружке» избранных товарищей, горячих голов, великодушных сердец.

Всё это кипит, шумит, мятется и гордо ожидает великой будущности.

Вглядевшись пытливо в каждого профессора, в каж-
10 дого товарища, как в школе, Райский, от скуки, для раз-
влечения, стал прислушиваться к тому, что говорят на
лекции. Он поступил в юридический факультет, как со-
ветовал дядя, мечтая о прокуратуре, и как посоветова-
ли некоторые товарищи, сказав, что там «легче». Но
Райский не придерживался своего факультета, и не да-
лось ему ни римское, ни свое, ни народное, никакое
право. Он блуждал по другим факультетам: кто читал
живо, красиво, смело, он туда и шел.² У русского про-
фессора, как в школе у русского учителя, теории не слу-
20 шал, (л. 53) законов строения языка не уразумел, а рас-
сматривал всё, как говорит профессор, как падают
у него слова, как кто слушает, но лишь коснется чего-ни-
будь живого, лишь раздастся смех, заговорят о поэме,
о романе, о лицах, о греках и римлянах, о Гомере, о Дан-
те, — у Райского ухо невольно уже открылось, он весь
тут и видит этих людей, эту жизнь... В истории Нибура
не прочел, а выучил наизусть Тьерри, почитывал, лежа
на диване, книги, и всё с происшествиями и лицами.
Летом любил он уходить в окрестности, забирался в ста-
30 рые монастыри и страстно вглядывался в темные углы,
в старые лики, и в воображении у него развивались ка-
кие-то картины, его уносило назад, в старину. Там, точ-
но живые, толпились старые цари, монахи, воины, по-
дьячие; Москва казалась не такую блестящею камен-

---

¹ Рядом на полях пометы: (Тетрадь 7-я (следующая за печатным отрывком «Бабушка».); (Сократить всю эту тетрадь, а эпизод о Наташе пополнить из отдельной программы.)

² Рядом с текстом: Вглядевшись пытливо в каждого профессора ∞ он туда и шел. — зачеркнутая и затем восстановленная помета: Сократить.

ною громадой, а какой-то необъятной ветхой деревней, с древней ветошью, древними нравами. Драки, казни, татары, русины, Иоанны, Донские — всё приступало к нему, (л. 53 об.) всё будто звало смотреть на их жизнь, всё говорило с ним... Долго смотрит он, пока не стукнет что-нибудь около; он очнется — перед ним старая стена монастырская, старый образ, он в келье или тереме. Он выйдет задумчиво под влиянием сырости, копоты, древнего мрака, пока не обвеет его свежий, теплый воздух.

10

Вскоре и сам стал писать и стихи и прозу, показал сначала одному товарищу, потом другому, потом всему кружку, а кружок объявил, что он будущий первый талант, наследник Пушкина. Тьерри, Вальтер Скотт, пушкинский Борис Годунов подкупили его, и он начал писать исторический роман. Его окружили уважением, должным таланту; ходили с ним толпами, пили и кричали его имя и славу России. Райский и кружок его падали только на репетициях и на экзаменах: они уходили на третий план. На первый и второй являлись те здоровые «зубрилы», никогда не мечтающие, лекций не пропускающие, (л. 54) по форме одетые студенты, которые смиренно сидят на лекции, так бойко смотрят в глаза профессору, у которых все записи есть, которые гордо и покойно идут на экзамен и еще более гордо и покойно идут с экзамена, — словом, будущие кандидаты. Они холодно смотрели на кружок, холодно определили Райского словом «романтик», холодно слушали или вовсе не слушали его стихи и прозу и не ставили его ни во что. Все они играли после в свете видную роль, занимали места директоров, губернаторов, правителей и были награждены звездами и крестами.

20

30

Товарищи Райского показали его стихи и прозу красноречивым и генияльным профессорам, «пророкам». Один из них разобрал стихи публично на лекции и сказал, что «в них преобладает элемент живописи, обилие образов и музыкальность, но нет обработки, мало еще силы», но предсказывал, что с годами это придет, поздравил автора с первоклассным талантом и советовал (л. 54 об.) «беречь и лелеять музу», то есть заняться серьезно. Райский, шатаясь от упоения, вышел из аудитории, и в кружке был, по этому случаю, трехдневный рев и взрыв рукоплесканий. Другой пророк прочел начало его романа и пригласил Райского к себе.

40

Он вышел от профессора, как из бани, тоже с патентом на талант и с кучей старых книг, летописей, грамот, договоров. «Готовьте серьезным изучением ваш талант: у вас есть будущность». Райский еще «серьезнее» занялся хождением в окрестности, проникал опять в старые здания, глядел, щупал, нюхал камни, пробовал читать надписи, но не разобрал и бросил; точно так же не разобрал и двух страниц данных профессором хроник, а писал русскую жизнь, как она снилась ему в поэтических видениях, и очень «серьезно» написал шуточную поэму, воспев в ней товарища, никогда не платившего за квартиру и за стол хозяйке. Переходил он из курса (л. 55) в курс с затруднениями и по числу баллов не вышел бы из университета: так он терялся и сбивался на экзамене. Но его выкупила диссертация на историческую тему и стихи и проза из русской словесности. В историческом сочинении, по отзыву профессора, схвачена и очерчена картина русской и польской национальностей в эпоху междоусобия, а в стихах и прозе виден большой талант.

— Вы куда хотите поступить на службу? — вдруг раздался однажды над ним вопрос. — Через неделю вы выйдете. Что вы будете делать? — спросил один профессор.

Райский молчал.

— Какое звание изберете? — спросил его опять профессор.

«Я... художником хочу...» — думал было он сказать, да вспомнил, как это приняли опекун и бабушка, и не сказал.

— Я... стихи буду писать.

— Но ведь это не звание: это так... между прочим, — заметил профессор.

— И повести тоже... — сказал Райский.

— И повести можно: конечно, (л. 55 об.) у вас есть талант. Но это впоследствии, когда талант выработается. А звание... звание, я разумею?

— Сначала пойду в военную службу, в гвардию, а потом в статскую, в прокуроры... в губернаторы... — отвечал Райский.

— Стало быть, прежде в юнкера — вот это понятно, — сказал профессор. — Вы да Леонтий Козлов только не имеете ничего в виду, а прочие все имеют назначение.

Когда Леонтья Козлова спрашивали, куда он хочет, он просто отвечал: «В учителя в губернию», — и на том уперся.¹

Первая редакция главы XIII части первой (КК₇)

(Т. 7, с. 88—94)

Глава

В Петербурге Райский поступил в юнкера: он с одушевлением скакал во фронте, делал страшные глаза, стучал саблей и мысленно рисовал свой портрет. Но напрасно стремился он: ему неотступно снились то Волга и берега ее, то Армида, то сад, видел он дикие глаза и иступленное лицо Васюкова. Снилось ему широкая 10
арена искусства: академия или консерватория, (л. 56) а дальше он слышал гул от грома своего имени, воображал себя тружеником искусства. Ему рисовалась темная, запыленная мастерская, с занавешенным светом, с кусками мрамора, с начатыми картинами, с манькеном, — и сам он, в изящной блузе, с негой и счастьем смотрит на свое произведение, и под кистью рождается чья-то голова, с каждым (штрихом) она возникает всё живее, в комнату заглядывают робко посетители, шепчутся... Наконец, вот выставка: он из угла смотрит 20
на свою картину, но ее не видать, перед ней толпа, там произносят его имя. Кто-то изменил ему, назвал его, и толпа от картины обратилась к нему. Он сконфузился и очнулся. Он подал к переводу в статскую службу и был посажен к Аянову в стол. Но читатель уже знает, что и статская служба удалась ему не лучше военной. Он оставил ее и стал ходить в академию. Он робко пришел туда: все (л. 56 об.) сидят молча и рисуют с бюстов. Он начал тоже рисовать, но через два часа ушел и стал рисовать с бюста дома. Но дома то сигарку закурит, 30
то сядет с ногами на диван отдохнуть, и в голове раздадутся звуки, он — за фортепиано и забудется. Недели через три он опять пошел в академию: опять молчат и опять рисуют с других бюстов. Он кое с кем из товари-

---

¹ *Рядом с текстом:* Когда Леонтья Козлова спрашивали ∞ и на том уперся. — *зачеркнутая помета:* (О Леонтье здесь надо бы особую главу, рассказать его тенденции, начало любви и проч.)

щей познакомился, зазвал к себе и показал свою работу. «У вас есть талант, где вы учились? — сказали ему, — только еще вам до красок далеко: рисунок... того, не верен!» Между тем затеяли пирушку, пригласили Райского — и он слышал одно: то о колорите, то о бюстах, о руках, о ногах, академия да академия. Он не ходил месяцев шесть, потом пошел, и те же товарищи молча сидели и рисовали... с бюстов. Он заглянул в другой класс: там стоял натурщик и толпа молча рисовала с натуры торс. Райский (л. 57) пришел через месяц — и то же углубление в торс и в свою картину, то же молчание, то же терпение. Он пошел в мастерскую профессора и увидел снисходящую ему картину: запыленную комнату, завешенный свет, картины, маски, руки, ноги, манькен... всё. Только художник представился ему не в изящной блузе, а в изорванном и испачканном пальто, не с длинными волосами, а гладко остриженный, не нега у него в лице, а мука заботы, игра внутренней работы и беспокойство, измученность и усталость. Он вперяет мучительный взгляд в свою работу, то подходит к ней, то отойдет от нее, задумается... Потом вдруг опять как будто утонет, замрет, онемеет, только глаза блестят, да рука, как бешеная, стирает, заглаживает прежнее и торопится бросать новую, только что пойманную, вымученную черту, как будто боясь, что она забудется...

Робко ушел к себе Райский, натянул на рамку холст (л. 57 об.) и начал чертить мелом. Три дня чертил он, стирал, опять чертил и, бросив бюсты, рисунки, взял кисть. Три полотна переменял он и на четвертом нарисовал ту головку, которая снилась ему, голову Гектора и лицо Андромахи и ребенка. Но рук не доделал: «Это последнее дело, руки!», костюмы набросал набум, кое-как, что нашел у Гомера: других источников под рукой не было.

Полгода он писал картину. Лица Гектора и Андромахи поглотили всё его творчество, аксессуарами он не занимался: «Это после, когда-нибудь»; ребенка нарисовал тоже кое-как, для того что без него не верна была бы сцена прощания Андромахи с Гектором. Он хотел показать картину товарищам, но те сказали, что «ему далеко еще до красок», когда же еще: у самих бороды поросли, а всё далеко! Он решился показать картину самому профессору: он не заносчив, снисходителен и, ве-

роятно, оценит труд по достоинству. С (л. 58) замирающим сердцем принес он картину и оставил в коридоре. Профессор велел принести: «Что это за блин?» — сказал он, скользнув взглядом по картине, но, взглянув мельком в другой раз, вдруг быстро схватил картину, поставил на мольберт и вонзил в нее испытующий взгляд, сильно сдвинув брови.

— Это вы делали? — спросил он, указав на голову Гектора.

— Я-с.

— И это вы? — профессор указал на Андромаху.

— Тоже я-с.

— А это? — спрашивал тот, указывая на ребенка.

— Я же.

— Не может быть: это двое делали, — отрывисто отвечал тот и, отворив дверь в другую комнату, закричал: — Иван Иваныч!

Пришел Иван Иваныч, какой-то художник.

— Посмотри! — он показал ему на головы двух фигур и на ребенка. Тот молча и пристально рассматривал. Райский дрожал.

— Что ты видишь? — спросил (л. 58 об.) профессор.

— Что? — сказал тот, — ты приделал головы к этой мазне...

Райский просиял. Профессор спросил, где он учился, подтвердил, что у него большой талант, и разразился сильной бранью, узнав, что Райский только раз десять был в академии и с бюстов не рисовал.

— Посмотрите, ни одной черты нет верной: эта нога короче, у Андромахи плечо не на месте; если Гектор выпрямится, так она ему будет только по брюхо. А эти мускулы — посмотрите...

Он обнажил ногу, показал коленку, потом руку.

— Вы не умеете рисовать, — сказал он, — вам года три надо учиться с бюстов, да анатомию... А голова у Гектора — гм! — сделал он.

И Иван Иваныч сделал:

— Гм! У вас талант, если займетесь, так можете в Италию со временем ехать!

«Со временем!» — думал Райский, а ему бы хотелось сейчас.

Он в раздумье воротился домой: там нашел письма. Бабушка бранила, что он (л. 59) вышел из военной службы, а опекун советовал определиться в Сенат. Он

прислал ему рекомендательные письма, и Райский — месяца три танцевал, ездил в свет, ходил в театр и в это время сочинил три вальса и нарисовал портрет одной актрисы.

Когда он заглянул потом в академию, он опять увидел знакомую картину: ученики молча, углубленно рисовали с бюста, в другой студии писали с торса...¹ (л. 59 а)

Черновой автограф главы XV части первой (ЧА_{I(15)})

(Т. 7, с. 107—120)

Глава

Райский вернулся домой в чаду, едва замечая доро-
10 гу, улицы, проходящих и проезжающих. В нем была одна огромная картина, и в этой картине Софья на первом плане, среди мрамора, в шелку, в брильянтах, покойная² и недоступная. Потом на лице ее читал он мимолетные проблески,³ сначала нетерпения, потом тревоги, робости — и наконец добился он⁴ вызвать какое-то волнение, бросил сомнение в нее, может быть, сожаление о прошлом.⁵ Во всяком случае гордился он⁶ про себя⁷ и тем крошечным успехом, что, кажется,⁸ предки сошли в ее глазах с высокого пьедестала. Еще
20 два-три вечера,⁹ еще приподнимет он ей уголок завесы, проглянет лучистая даль, она¹⁰ поймет, чего ей не достает, вздрогнет — и будет долго тосковать,¹¹ искать чего-то глазами, сердцем, будет не спать ночей, откажется от бала, от спектакля, не примет никого к себе, запрется и будет стонать от страдания и трепетать от близкого счастья, она будет чувствовать его. Потом дальше, когда-нибудь, вдруг взгляд ее остановится на ком-то в изумле-

¹ *Далее помета:* (Здесь следует вторая половина [отрывка] «Беловодовой», напечатанная в «Современнике».)

² *Было начато:* споко(йная)

³ *Далее было начато:* н(етерпения)

⁴ *Далее было начато:* какого-то во(лнения)

⁵ *Слова:* о прошлом — *вписаны на полях со знаком вставки.*

⁶ *Далее было начато:* вн(утри?)

⁷ *Далее было начато:* она уже

⁸ *Слова:* и тем крошечным успехом, что кажется — *вписаны.*

⁹ *Далее было начато:* а. этого б. предк(и)

¹⁰ *Далее было начато:* вздр(огнет)

¹¹ *Вместо:* долго тосковать — *было начато:* тосков(ать)

нии, потом опустится, взглянет широко опять и онемет¹ — и она мгновенно преобразится.

«Но кто он?» — вдруг язвительно спросило его сердце.² «Кто он, кто он? — говорил он, бегая по комнате. — Не тот ли, кто первый пробудил в ней сознание о чувстве? не он ли вправе бросить и чувство?..»

Он погляделся³ в зеркало и задумался,⁴ подошел к форточке, otvorил ее, дохнул свежим воздухом,⁵ и до него донеслись звуки виолончеля. «Ах, опять этот пилит! — с досадой сказал он, глядя на противоположное 10 окно флигеля. — И опять то же?» — прибавил он, захлопывая форточку. Звуки хотя глухо, но всё доносились до него. Каждое⁶ утро и каждый вечер видел он в окне человека, нагнувшегося над инструментом, и слышал повторение, по целым неделям,⁷ почти неисполнимых пассажей по пятидесяти, по сту раз — и месяцы так проходили. «Осел! осел!» — сказал Райский.⁸ Он сел за фортепиано и начал брать сильные аккорды, чтобы заглушить виолончель. Потом заиграл какой-то мотив, перебрал несколько опер, потом забылся за импровиза- 20 цией.⁹ (л. 77)

Перед ним была Софья: дальше видел он¹⁰ ее в другом виде, с пробудившимися страстями,¹¹ страдающую и любящую, — и только дошло до вопроса: «кого?» — звуки будто оборвались. Он встал и открыл форточку — и услышал звуки: но не повторение.¹² Сильная рука водила смычком, как будто по нервам сердца: звуки послушно¹³ плакали и хохотали,¹⁴ обдавали слушателя¹⁵

¹ *Было начато*: испу(гается)

² *Вместо*: спросило его сердце — *было начато*: а. спросил его б. спросил он в. спросило его сердце — и он почувствовал г. спросило его сердце — и он

³ *Было начато*: а. Он стал б. Он поглядел

⁴ *Далее было начато*: В эт(о)

⁵ *Слова*: дохнул свежим воздухом — *вписаны*.

⁶ *Было начато*: Каждый

⁷ *Далее было начато*: каких-то

⁸ *Текст*: Каждое утро ∞ сказал Райский. — *вписан на полях со знаком вставки*.

⁹ *Далее было начато*: а. Ему пелось, вон б. Он пел там в. Глаза

¹⁰ *Далее было начато*: всё

¹¹ *Было*: силами

¹² *Далее было начато*: Это была классическая, силь(ная)

¹³ *Слово вписано*.

¹⁴ *Далее было начато*: плакал и хохота(л)

¹⁵ *Слово вписано*.

точно морской волной, бросали в пучину и вдруг выкидывали на высоту и несли куда-то в воздушное пространство. Райский онемел; он видел только фигуру человека в одном жилете:¹ свеча освещала мокрый лоб, глаз было не видно. Борис не сводил с него глаз,² как, бывало, с Васюкова, и угадывал, что значило это неотступное упрямство и пиликанье пассажиров по целым неделям. «Артист! — шептал он, — артист! — повторил потом, продолжая глядеть на игрока, и глубоко вздохнул. — Какое упорство: где он берет его? — думал он. — И у меня есть оно: как я добивался разгадать³ Софью, и у меня недели, месяцы, вечера уходили на это... И вот, кажется, добился... А ведь это всё, и упорство, и игра чувств, трепет⁴ от красоты, изучение ее, страдание по ней и наслаждения... ведь это всё должно бы уходить в звуки, в картину, в формы... Зачем дана мне эта бурливая, цыганская жизнь? — раздумывал он. — Зачем эта масса явлений? Зачем не привязываюсь я крепко ни к кому?⁵ зачем меняюсь, играю, как будто поневоле, какую-то бешеную игру жизни?.. Не затем ли, чтоб она служила материалом созданиям, чтоб выражала не жизнь, а многие жизни? Но ведь есть художники, которые ведут не хмельную, а трезвую жизнь... Стало быть, это воображение — необузданное: узда ему — труд и искусство!..» Он опять задумался о том, какие усилия напрягал он, чтоб... сладить с кузиной: сколько игры, воображения, труда пошло на это — и стыдно стало ему. Зачем? для себя покорял он ее? видел в этом счастье? Вот куда уходят его силы....

³⁰ «Не носи искусства в жизнь, — шептал ему кто-то, — а жизнь в искусство...»⁶

Он подошел к мольберту, снял зеленую тафту: там был портрет Софьи: глаза ее, плечи ее и спокойствие ее. Он взял мелок и черкнул по глазам. Но руки были недоделаны, платье, аксессуары чуть набросаны. Он поглядел еще несколько запылившихся картин, потом подо-

---

¹ *Далее было начато:* мокрый лоб светился

² *Далее было начато:* и понял, куда привела этого музыка(нта)

³ *Было начато:* от(гадать)

⁴ *Далее было начато:* насла(ждения?)

⁵ *Было:* ни к чему

⁶ *Текст:* Зачем дана мне эта бурливая, цыганская жизнь? ∞ а жизнь в искусство... — *вписан на полях со знаком вставки.*

шел к печке,¹ достал небольшой масляный портрет молодой белокурой² женщины, мельком взглянул на него, болезненно сморщился и поспешно поставил его, оборотив лицом к стене. Потом сел к столу и начал перебирать рукописи, — на некоторых останавливался, качал головой, потом откладывал (л. 77 об.) и смотрел другие... Там были стихи и проза. Он потянулся, и в это время взгляд его упал на лежавшую на столе записку. Он распечатал, прочел и изменился в лице. В записке женской рукой написано было: «Навести меня, милый Борис, я умираю. Твоя Наташа».¹⁰

— Наташа! — закричал он не своим голосом и побежал с лестницы, бросился на улицу и поскакал³ на извозчике куда-то к Знаменью, в переулок, вбежал в дом, в третий этаж, и остановился перед дверью. Он⁴ от волнения брался за ручку и опять опускал руку, стараясь превозмочь волнение. Наконец позвонил и вошел. Его встретила хозяйка квартиры, пожилая женщина, чиновница, молча, опустив глаза, как будто с укоризной, отвечала на поклон и на вопрос его: «Что она?» — ничего²⁰ не сказала, а только пропустила его в комнату, осторожно затворила⁵ за ним дверь и ушла в другие двери. Он на цыпочках вошел в комнату и оглядел ее: там был волосяной диван с красным деревом, кругленький стол перед диваном; на столе лежали неконченные женские⁶ работы; в углу теплилась лампадка, по стенам рядком стояли волосяные стулья; на окнах стояли горшки с увядшими цветами да две клетки, в которых дремали насупившиеся канарейки. Он глядел на ширмы и боялся идти туда.³⁰

— Кто там? — раздался слабый голос из-за ширм. Он вошел. За ширмами⁷ на постели, среди подушек,⁸ лежала, как восковая, молодая белокурая женщина,⁹ чей портрет он оборотил у себя дома лицом¹⁰ к стене.

¹ *Далее было начато:* и поставил

² *Слова:* молодой белокурой — *вписаны.*

³ *Было:* ехал

⁴ *Далее было:* трясся

⁵ *Было:* заперла

⁶ *Слово вписано.*

⁷ *Далее было начато:* лежала на подушках

⁸ *Вместо:* среди подушек — *было:* среди постели

⁹ *Вместо:* молодая белокурая женщина — *было начато:* женщ(ина)

¹⁰ *Было начато:* спи(ной)

На лице¹ у ней слабо догорала жизнь; взгляд был горяч, но сух, губы тоже жаркие и тоже сухие. Она хотела повернуться, увидав его, сделала живое движение и схватилась рукой за грудь.

— Это ты, Борис, ты! — с нежной, томной радостью говорила она, глядела и не верила глазам своим. (л. 78)

Он бросился к ней и поцеловал у ней обе руки.

— Ты в постели и не дала мне знать! — упрекал он.

10 Она старалась слабой рукой сжать его руки² и³ не могла, опустила голову опять на подушку и закрыла глаза.

— Прости, что потревожила и⁴ теперь, — старалась она выговорить, — мне хотелось увидеть тебя: я всего другую неделю, как слегла, — грудь заболела...

Она безотрадно вздохнула. Он не слушал ее и жадно с ужасом вглядывался в ее лицо, недавно еще смеющееся, — и что случилось теперь с ней!

20 «Что с тоб...ою...» — хотел он сказать, не выдержал⁵ и, опустив лицо в подушку к ней, вдруг разразился рыданием...

— Что ты, что ты! — говорила она, лаская нежно рукой его голову:⁶ она была⁷ счастлива этими слезами. — Это ничего, доктор говорит, что пройдет...

Но он рыдал, он понимал, что это не пройдет.

— Я думала, ты утетишь меня: мне так было скучно одной и страшно... — Она остановилась, смочила языком горячие губы. — Дай мне пить: вон там на столе! — сказала она. Проглотив несколько капель, она опять
30 стала гладить его по голове.

— Тебе скучно здесь, — заговорила она слабо, — прости, что я вызвала тебя...⁸ Как мне хорошо теперь, если б ты знал! — в мечтательном забвении говорила она, закрыв глаза и перебирая рукой его волосы. Потом обняла его рукой за голову. Он молча и нежно отвечал

---

¹ Далее было начато: мерц(ала)

² Слово вписано.

³ Далее было начато: потом

⁴ Слово вписано.

⁵ Было: и не выдержал

⁶ Далее было начато: и

⁷ Далее было: почти что

⁸ Далее было начато: Мне так

на ее ласки,¹ стараясь глотать навертывавшиеся на глазах слезы.

— Ты посидишь со мной? — спросила она, глядя ему в глаза.

— Весь вечер, всю ночь — я не отойду от тебя, пока...

Слезы опять подступили, и он едва справился с ними.

— Нет, нет, зачем? Я не хочу, чтоб ты скучал... Ты усни, успокойся: со мной ничего, право, ничего... —¹⁰ Она хотела улыбнуться и не могла. — Я что-то скажу тебе: ты не рассердишься?..

Он пожал ей влажную руку. (л. 78 об.)

— Я схитрила... — шептала² она,³ приложив свою щеку к его щеке, — мне вот уж третий день легче, а я написала, что умираю... мне хотелось заманить тебя⁴... Прости меня!

Он оцепенел от ужаса: он слышал, что значит это «легче». Но он старался улыбнуться, судорожно⁵ сжал ей руки и с боязнию глядел то на нее, то вокруг себя.²⁰

Вдруг из света, из цветника он попал как будто в склеп. Он сел подле постели и ушел в свою мысль. Там виделись ему две картины. Кабинет Софьи, сама Софья, в апогее красоты и здоровья, открывающиеся у ней на жизнь глаза, грядущая любовь — и рядом тут же теснилась эта маленькая, бедная комната и эта угасающая,⁶ подкошенная жизнь. Там свежий, блистающий молодостью лоб и глаза, каскадом падающая на затылок и шею темная коса; мраморная статуя с высокой грудью и открытыми плечами, — здесь эти впадшие, мерцающие,³⁰ будто фосфором, глаза, сухие, бесцветные волосы, осунувшиеся кости плеч. Обе картины нарисовались на широком фоне воображения, обе поглощали его, против воли, и он видел там себя, поправлял фигуры, давал положение себе, добавлял, чего недоставало, что портило общий вид картин. Когда лицо умирающей искажалось судорогой, он чувствовал боль, холод; жалость

---

¹ *Далее было начато:* внутрен(не)

² *Было:* начала

³ *Далее было:* ласкаясь к нему

⁴ *Вместо:* заманить тебя... — *было начато:* чтоб ты пришел... — шепта(ла)

⁵ *Было:* и судорожно

⁶ *Далее было:* жизнь

уязвляла его сердце, когда¹ в лице ее² хотела пробиться жизнь и не могла. А он³ сидел над постелью умирающей и вперил глаза в свою картину, боясь смигнуть... (л. 79)

Перед ним развевалась картина этого угасающего бытия,⁴ он видел там ее молоденькой,⁵ свежей девочкой — с стыдливым простодушным взглядом, живущей под крылом бедной, больной матери. Он узнал Наташу в опасную минуту, когда ее простодушию и невинности готовились сети. Матери, под видом участия и старой дружбы,¹⁰ выхлопотал поседевший в разврате⁶ друг пенсион,⁷ присылал доктора и каждый день приезжал по вечерам узнавать о здоровье, отечески горячо целовал дочь.

Между тем мать угасала. Райский понял всё и решил спасти дитя.⁸ Для этого оказалось нужным влюбиться и искать в Наташе же счастья всей жизни и награды, для этого опять-таки надо было добиться, способна ли она к страсти.⁹ Он спас ее от старика, спас от бедности, но не спас от себя. Она полюбила его,²⁰ но не страстью, а¹⁰ какую-то ничем¹¹ невозмутимую и ненарушимую любовью, без слез, без страданий, без жертв, — потому что она не понимала, что такое жертва, не понимала¹² того, как можно полюбить и опять не полюбить,¹³ как не понимала, как можно дышать и потом перестать дышать, и на вопросы его:¹⁴ «Любишь ли? как?» — она,¹⁵ сжав¹⁶ крепко ему шею и стиснув зубы, по-детски отвечала: «Вот так!» А на вопрос, перестанет ли любить, говорила задумчиво: «Когда умру, так перестану». Она любила, ничего не требуя, ничего не желая,

¹ Было начато: ли(цо)

² Слово вписано.

³ Далее было начато: смотрел

⁴ Далее было начато: почти

⁵ Было: молодой

⁶ Вместо: поседевший в разврате — было начато: сед(ой)

⁷ Далее было начато: и каждый день

⁸ Далее было начато: Он по(любил)

⁹ Далее было начато: а. наполнит ли его жизнь, проиграет (?) ли в ней б. чтобы он благословил

¹⁰ Далее было начато: л(юбовью)

¹¹ Слово вписано.

¹² Далее было начато: что

¹³ Далее было начато: как не понимала, что можн(о)

¹⁴ Далее было начато: о (том)

¹⁵ Далее было начато: детски

¹⁶ Далее было начато: его

приняла друга, как он есть, и¹ никогда не представляла себе, мог ли бы или должен ли бы он быть как-нибудь иначе, бывает ли другая любовь, или все так любят, как она. Он ждал страсти, жадно разрабатывал любовь; вошли они в ее лето, в жаркую пору. Наташа похорошела,² пополнила, была весела, ясна, но ни разу на лице ее не блеснул таинственный луч, молния затаенного, (л. 79 об.) сдержанного³ упоения, никогда — потерянного, безумного взгляда, которым выговаривается⁴ пожирающее душу счастье и бессилие высказать это; никогда⁵ — никакой тоски, никаких порывов, крика радости или удара — или⁶ ядовитой ревности, — ни одной из тех минут, в которых разом укладывается ненависть и любовь,⁷ счастье и бешенство, — ничего!⁸ С той минуты, как она полюбила, в глазах и улыбке ее засветился⁹ тихий рай, он светился два года и¹⁰ светился еще теперь из умирающих глаз; похолодевшие губы шептали свое неизменное «люблю», рука повторяла привычную ласку. Он утомлялся, исчезал на месяцы и, возвращаясь,¹¹ был встречен опять¹² улыбкой, тихим светом глаз, шепотом¹³ нежной, кроткой любви и привычной лаской. Никогда — ни упрека, ни слезы, ни взгляда удивления или оскорбления за то, что он прежде был не тот, что завтра будет опять не тот, что сегодня, что она проводит дни оставленная, забытая, в страшном одиночестве. Нет, у ней и в сердце, и в мысли не было упреков и слез. Она не подозревала, что¹⁴ можно сердиться, плакать, ревновать, желать чего-нибудь именем своих прав: у ней было одно желание и право — это любить. Она думала и верила, что так, а не иначе надо любить и быть любимой и что¹⁵ весь мир так любит и любим. На отлучки его

¹ *Далее было начато:* не предс(тавляла)

² *Далее было начато:* был(а)

³ *Далее было начато:* плам(ени)

⁴ *Было начато:* а. говори(т) б. выговаривает

⁵ *Далее было начато:* то(ски)

⁶ *Было:* и

⁷ *Далее было начато:* тихий

⁸ *Далее было начато:* Всегда в

⁹ *Было:* загорелся

¹⁰ *Далее было начато:* тепе(рь)

¹¹ *Было начато:* возвращался

¹² *Слово вписано.*

¹³ *Было:* и шепотом

¹⁴ *Далее было начато:* на (него)

¹⁵ *Далее было:* он прав

смотрела как на неприятное, случайное обстоятельство, как, например, на то, если б он заболел, а возвращался он, она опять была кротко счастлива, и что если его не было, то это так надо, это в порядке вещей. Обида, зло падали на ней, и¹ она бледнела и подкашивалась и бессознательно страдала, принимала зло,² не зная, что можно отдать обиду, заплатить злом; привязывалась к тому, что нравилось ей, и умирала с привязанностью, и думала, что *так надо*. Это был чистый, светлый образ,¹⁰ как перуджиниевская фигура, простодушно (л. 80), но и бессознательно живший и любивший, с любовью пришедший в жизнь и с любовью отходящий от нее³ да с кроткой, тихой молитвой. Жизнь и любовь как будто пропели ей гимн, и она сладко задумалась, слушая его, и только слезы умиления и веры застывали на ее умирающем лице, без укоризны за зло, за боль, за страдания.

Умирала она от небрежного воспитания, от⁴ небрежного присмотра, от в скудости проведенного болезненного детства, от того, наконец, что все эти *так надо*,²⁰ хотя без воплей, без раздражения, а все-таки ложились на слабую, молодую грудь и подточили ее. Она жила и прожила бы до старости, не упрекнув ни жизнь, ни друга, ни его непостоянную любовь, как не упрекает теперь никого и ничего в своей смерти. И жизнь и смерть казались ей — *так надо*. Она никогда не искала⁵ смысла⁶ тех непонятных⁷ взглядов, которые кидал на нее друг, той апатии,⁸ скуки⁹ и молчания, с которым он иногда смотрел на нее, не догадывалась об отжившей любви и не³⁰ поняла бы никогда причин ее. А он думал часто: «Нет, нет — это не та женщина, которая потрясает струны жизни¹⁰ и в одну минуту, час, день заставляет пережи-

---

¹ *Далее было*: производили бессознательное страдание

² *Вместо*: бессознательно страдала, принимала зло — *было*: несла страданье

³ *Далее было*: с любовью

⁴ *Далее было начато*: скудн(ого)

⁵ *Далее было начато*: на лиц(е)

⁶ *Далее было начато*: на его (лице)

⁷ *Было*: странных

⁸ *Было начато*: то(ски?)

⁹ *Было*: и скуки

¹⁰ *Вместо*: которая потрясает струны жизни — *было начато*: которая потрясает жизнь, [возмущает] застав(ляет)

вать десять жизней, которая спалит¹ страстью или² убьет ядом: нет — это сон, покой!..»³

Когда вылился⁴ и стал перед ним этот образ немым укором, он побледнел.⁵

Он вспомнил свое забвение, небрежность, — других оскорблений быть не могло: сам дьявол⁶ стал бы на колени перед этим голубиным,⁷ нежным, безответным взглядом. Он клял себя, что не отвечал целым океаном любви на отданные ему излияния души, что не окружил ее оградой нежности⁸ отца, брата, мужа,⁹ ¹⁰ дал дохнуть на нее не только ветерку, но смерти...
(л. 80 об.)

«Смерть! Боже, дай ей жизнь и счастье и возьми у меня всё! — вопило в нем, и он мысленно всходил на эшафот, сам клал голову на плаху и кричал: — Я преступник... если не убил, то¹⁰ дал убить ее: я не хотел понять ее, искал ада и молний там, где был только тихий свет лампы и цветы: что же я такое, Боже мой!»

Он вспомнил, что когда она стала будто бы целью его жизни, когда он¹¹ ткал¹² узор счастья с ней, — он, ²⁰ как змей, убирался в ее цвета,¹³ одевал себя этим же тихим светом; угадав ее искренность, он был искренен, улыбался ее улыбкой, любовался с ней птичкой, цветком, радовался детски ее новому платью, шел с ней плакать на могилу матери и подруги, потому что плакала она,¹⁴ сажал цветы...¹⁵ И вспомнил он, что любовался птичкой, сажал цветы и плакал — искренно! Куда же делись эти слезы, улыбки, наивные радости, и зачем опошлелись они, и зачем она... уже не та для него теперь... 30

---

¹ Было: сожжет

² Было: и

³ Вместо: сон, покой — было начато: дрем(ота)

⁴ Далее было: перед ним

⁵ Фраза вписана на полях со знаком вставки.

⁶ Вместо: сам дьявол — было начато: дья(вол)

⁷ Далее было: взглядом

⁸ Было: силы

⁹ Далее было начато: что

¹⁰ Было: но

¹¹ Далее было: рисовал себе

¹² Далее было начато: сч(астье)

¹³ Вместо: в ее цвета — было: в яркие краски

¹⁴ Слова: потому что плакала она — вписаны.

¹⁵ Далее было: и плакал

— О чем ты думаешь?¹ — раздался² слабый голос у него над ухом.³ — Дай еще пить... Да погляди на меня, — продолжала она, напившись, — я стала ни на что не похожа: да? Дай мне чепчик и гребенку, я надену. А то ты... разлюбишь меня, что я такая... гадкая.

Она думала, что он еще не разлюбил ее. Он подал ей гребенку, маленький чепчик: она хотела причесаться, но рука с гребенкой упали на колени.

— Не могу, устала! — сказала она и печально задумалась. А его резали ножи, горела у него голова. Он вскочил и ходил с картиной в голове по комнате, бросаясь почти в исступлении в углы,⁴ не помня себя, не зная, что он делает. (л. 81) Софья,⁵ красота ее, кабинет, тет-ки — всё это отодвинулось далеко, на десятый план. Впереди было только это угасающее лицо, страдающее без укора, без жалобы, с улыбкой любви и покорности; это слабое, не просящее ничего, защиты,⁶ даже немножко силы, (существо). А он стоял⁷ тут, полный здоровья и этой силы, которую расточал, где не нужно ее, и бросил эту птичку на долю бурь и непогод! Зачем не⁸ приковал он себя тут, зачем уходил, когда привык к ее красоте, когда⁹ оттиск этой когда-то нежной, милой головки стал сглаживаться на воображении? Зачем, когда туда стал тесниться другой образ, он не перетерпел, не воздержался, не остался верен ему? Это был бы подвиг, но он обязан был: этого требовал долг! «А мог ли бы я?» — спросил он себя. Что бы было, если б он принудил себя, не отходил? Сон, апатия и лютейший враг его, скука? У него развивалась картина этого сна, апатии, скуки: как бы он был мрачен, жёсток, сух и как, может быть, еще¹⁰ скорее свел бы ее в могилу. «Можно удержаться от бешенства, — оправдывал он себя, — но от апатии не удержишься,¹¹ хоть подвинь всю свою волю на это...»

---

¹ Было: задумался

² Было: прервал его

³ Далее было: взгляни на меня

⁴ Далее было начато: и не зная, что он делает

⁵ Далее было: кабинет ее

⁶ Было: даже защиты

⁷ Было: б(ыл)

⁸ Далее было начато: бодрство(вал)

⁹ Далее было начато: новость(ь)

¹⁰ Слово вписано.

¹¹ Было начато: не удержать(ся)

И вот у него в голове готова была какая-то живая, разыгравшаяся с ним¹ драма, лица живые, события еще трепещут перед ним... Свести это в художественные формы, и выльется трагедия, глубокий, психический роман... Ему хотелось бы взяться за перо. Он думал, как вышел бы чист и светел этот тихий образ в романе, и мысленно ставил его рядом с образом Софьи; теснились за ними² другие лица — мать Наташи, отец Софьи, Иван Иванович, тетки, он сам... Он давал себе ту роль и опять отнимал и давал другую, искал в себе характера и не находил...³ «Боже, что я такое!» — повторял он.

— Поди сюда,⁴ посиди со мной! — раздался голос⁵ Наташи, прервавший его художественное созерцание. (л. 81 об.)

Через неделю после того Райский шел с поникшей головой за гробом Наташи,⁶ читая себе проклятия⁷ за то, что разлюбил ее скоро, забывал подолгу и почаству, не берег, то утешаясь тем, что он не властен был в своей любви, что⁸ сознательно он никогда не огорчил ее, был с нею нежен, внимателен, что, наконец, не в нем,²⁰ а в ней недоставало материяла, чтоб поддерживать⁹ неугасимое пламя, что она уснула в своей любви и уже никогда не выходила из своего сна, не будила и его, что в ней не было признака страсти, этого бича, которым подгоняется жизнь, чтоб лететь, мчаться, задыхаться, потом уставать, затем чтоб вновь мчаться... «Нет, нет, — она не то, она — голубь, а не женщина», — думал он, заливаясь слезами и глядя на тихо качающийся гроб.

Он задумчиво стоял в церкви,¹⁰ смотрел на вибрацию воздуха от теплящихся свеч, слышал тихое пение — оглянулся: впереди¹¹ всех стоял какой-то толстый, вы-

¹ Было: перед ним

² Было начато: у него за н(ими)

³ Текст: Он думал, как вышел бы чист и светел этот тихий образ в романе ∞ и не находил... — вписан на полях со знаком вставки.

⁴ Далее было: ко мне

⁵ Далее было начато: прерва(вший)

⁶ Далее было вписано и зачеркнуто: то

⁷ Далее было: бог знает за что

⁸ Далее было: сам он

⁹ Было начато: ра(здувать?)

¹⁰ Далее было начато: вибрация в(оздуха)

¹¹ Далее было начато: ст(оял)

сокий господин и равнодушно нюхал табак. Рядом с ним виделось расплывшееся и раскрасневшееся лицо тетки, там кучка детей и нескольких убогих старух;¹ у гроба на полу стояла на коленях после всех пришедшая и более всех пораженная смертью Наташи сестра: она держала шляпку в руках, волосы у ней были² не причесаны, она дико осматривалась вокруг, потом глядела на лицо умершей и, положив голову на пол,³ судорожно рыдала...

¹⁰ Райский медленно ушел домой и две недели ходил убитый, молчаливый,⁴ не заглядывал к кухне и бродил по уединенным улицам. Горе укладывалось, слезы иссякли, живая боль затихла, и в голове только оставалась вибрация воздуха от свеч,⁵ тихое пение, расплывшееся⁶ от слез лицо тетки и безмолвный, судорожный плач сестры... (л. 82)

*Фрагмент чернового автографа
главы XVI части первой (ЧА_{I(16)A})
(Т. 7, с. 120—122)*

Прошел май.⁷ Надо было уехать куда-нибудь, спастись от полярного петербургского лета. Но куда? Райскому было всё равно. Беловодовы уехали на весну в деревню, к прочим знакомым он был равнодушен — и он не знал, где провести лето. Однажды, воротясь домой, он нашел у себя письмо от Татьяны Марковны Бережковой. Это была редкость. Сначала она писывала к нему часто, присылала счета: он на письма отвечал коротко, а счета рвал и бросал под стол. Потом она стала писать реже, жалуясь на старость, слепоту⁸ и на заботы по воспитанью внучек. Года два он не получал от нее ни строчки. Как он обрадовался, увидя ее почерк, — крупный, четкий, решительный.

---

¹ *Далее было начато:* вн(изу?)

² *Далее было начато:* в (беспорядке?)

³ *Далее было начато:* рыда(ла)

⁴ *Было начато:* зад(умчивый?)

⁵ *Далее было начато:* раз(давалось?)

⁶ *Далее было:* лицо

⁷ *Было:* Был июнь.

⁸ *Было:* и слепоту

«Не грех ли тебе, Борис Павлович (писала она между прочим), забывать меня, старуху?¹ У тебя ведь только и родни, что я.² Видно, нынче, в новые времена, старухи стали лишние на Божьем свете: что станешь делать? Я не сетую, да ты подумай об имени: я становлюсь стара и приказчицей твоей долго не буду: на кого ты покинешь свое добро?³ Растащат всё, и не останется ничего. И нынче, не догляди только, кулей двух⁴ овса как не бывало, про яблоки⁵ и говорить нечего:⁶ людишки жрут как свиньи. Ужели береженое добро прахом пойдет? 10 Когда подумаю, что любимое твое вишневое варенье Егорка-зубоскал или Кирюшка с Матрешкой большими ложками станут жрать и не посмакуют, так у меня волос дыбом станет! Или, пожалуй, старинное богатое серебро пойдет в слободку, к целовальнику, а оттуда к жиду: у этих хамов на всё поднимется рука! (л. 83) Сколько белья, посуды, всякого домашнего обзаведения оставлено тебе отцом с матерью: ужели у тебя не обливается сердце кровью, как вспомнишь, что, может быть, всё останется на чужих руках? Пока бабушка жи- 20 ва, будь покоен, ни нитки не пропадет, а после меня — понадеяться не на кого. Две внуки — что они?⁷ Вера — добрая и умная,⁸ да хозяйства не любит и чаю чашки не умеет налить; Марфинька — будет прилежная хозяйка — да молода; всё бы ей свадьбы смотреть да⁹ арбузные и дынные семечки сушить; всё еще смех и пустяки на уме; по дому она мне славная помощница, а до имения я ее не допускаю: девичье ли дело с мужиками толковать да за полями смотреть! Приезжай хоть на них поглядеть, да... вот что я тебе еще скажу: здесь приехала из Москвы 30 богатая невеста, одна-одиненька дочь у откупщика... Вот если б¹⁰ Бог благословил меня дожидаться такой радости: женить тебя и сдать имение с рук на руки, тогда я

---

¹ *Далее было начато: а. Десять лет б. Лет двенадцать Вписано на полях со знаком вставки.*

² *Далее было начато: Пу(скай)*

³ *Далее было начато: а. И б. Теперь только отверни(сь)*

⁴ *Было: куля два*

⁵ *Было: а про яблоки*

⁶ *Далее было начато: в(се)*

⁷ *Далее было начато: Марфинька — славная хозяйка*

⁸ *Далее было: всё знает, всему училась*

⁹ *Далее было начато: цветы и*

¹⁰ *Было начато: Вот бы*

покойно закрыла (бы) глаза. Женись, Борюшка, ты уж давно в летах, угоди бабушке, и Бог не оставит тебя.

Буду ждать ответа: напиши наперед, *а не по-намединишнему* (12 лет назад бабушка называла — по-намединишнему) — как снег на голову: я велю тебе очистить и убрать три комнаты внизу, а Веру с Марфинькой запрячу в светелку. Ведь ты хозяин...»

— Бабушка! — с радостью воскликнул Райский. — Боже мой! В какой рай она зовет меня: еду, еду! (л. 83 об.)

Первоначальная редакция второй половины главы XVI части первой (ЧА₁₍₁₆₎ Б)

(Т. 7, с. 122—125)

Ведь там рай — тишина, сон,¹ здоровый воздух, здоровая пища, здоровые и тихие, почти святые мечты! Еду, еду. Там и Леонтий. Леонтий! — почти с нежной улыбкой произнес Райский, — есть ли на свете добрее душа? Еду, еду!² Что он пишет? (л. 72)

«Вчера я нечаянно, и сам не знаю как, забрел в твои владения, — писал Леонтий, — поздно вечером, должно быть по рассеянности (за мной, ты знаешь, есть этот грех), попал не в тот переулок, спустился под гору и когда поднялся, [у(знал)] то не узнал, что очутился в саду твоей бабушки, и хотел идти назад. Но Татьяна Марковна приняла сначала было меня за вора и пустила³ на меня собак и людей, а потом,⁴ узнавши, накормила до отвала, разбранила, что редко бываю, и велела непременно написать к тебе, уговаривать приехать сюда: имение, говорит она, поверить, а если поселишься здесь, то и принять его из рук в руки.

Признаться, любезный [д(руг)] мой друг Борис Павлович, я и сам хотел писать, да private уроки одолели.⁵ Имение — пустое дело: стоит ли ехать за этим

¹ Слово зачеркнуто.

² Текст: есть ли на свете добрее душа? Еду, еду! — зачеркнуто.

³ Слова: Но Татьяна Марковна приняла сначала было меня за вора и пустила — исправлены: Но Татьяна Марковна увидела меня из окошка и, приняв сначала за вора и пустила *Правка не доведена до конца: осталось невычеркнутым предпоследнее слово (союз «и»)*.

⁴ Слово зачеркнуто.

⁵ Исправлено: да духу не доставало, а почему, скажу ниже

в захоластье? [и смотреть его нечего: ты только разве расстроишь, а] Лучше бабушки не управишь. Как это женщина, без всяких [п(онятий)] агрономических понятий, а posteriori могла [по(днять?)] довести клочок земли и несколько семей до цветущего состояния: [не] [ни древние, ни] не надивлюсь!¹ Но это в сторону, а вот не знаю, как коснуться главного [вопроса] предмета, который требует твоего немедленного прибытия, потом строжайшего исследования преступления и кары над виновными.² Я говорю о твоей... библиотеке.

Послушай, ты любишь меня³ — и в школе,⁴ и в университете ты из всех один лучше всех был со мною (л. 72 об.) и оттаскал за волосы⁵ всего только два раза,⁶ итак, именем этой дружбы прошу тебя, не сердись — или нет — бей, оттаскай еще третий раз, но выслушай. Не знаю, как и объявить тебе: помнишь ты готское издание латинских классиков [в] (да как не помнить этого⁷) в роскошном переплете? Ты, бывало, любовался⁸ на него? Помнишь [Шекспира в иной] [Шекспира, текст по(полам)] старое издание Шекспира, [пополам] текст пополам с комментариями; помнишь Олеария... Ну, ну... язык не поворачивается — они почти уничтожены! Я насилу спас остатки. Что ты подумаешь, что скажешь обо мне? Содрогаюсь! Но, ради Бога, не вини меня одного: конечно, я [виноват] главный виновник: ты мне вверил библиотеку — я не оправдал твоего доверия — казни меня, но не одного меня. Виновник, святотатец — это Марк! Ты не знаешь Марка Волохова? Ну так я тебе скажу, что это чудо⁹ нашего города. Его здесь никто не

¹ Текст: Как это женщина ~ Не надивлюсь! — зачеркнуто.

² Исправлено: строжайшего суда над преступниками и кары виновных

³ Далее вписано: я знаю

⁴ Исправлено: в школе

⁵ Слова: и оттаскал за волосы — исправлены: ты оттаскал меня за волосы

⁶ К словам: всего только два раза — знаком отнесена вставка на полях: тогда как другие... но Бог с ними, с повесами: они тоже не со зла, а так, от праздности и вертопрашества!

⁷ Слово зачеркнуто.

⁸ Исправлено: сам любовался

⁹ Вместо: Ну, ну... язык не поворачивается ~ Ну так я тебе скажу, что это чудо — на полях со знаком вставки вписано: Помнишь [всех] французских энциклопедистов и беллетристов? Помнишь... помнишь — вот каталог, мной составленный. Теперь бей меня: [историческ(ие)] [Кло(пшток?)] [и все св(ятые) отц(ы)] творения св(ятых)

любит и все боятся. Что касается до меня, то я не могу не любить его, да и не бояться не могу. Он года три тому назад прислан сюда на житье, под присмотр полиции, и с тех пор город — нельзя сказать, чтоб был в безопасности. [Он] Его за глаза всячески ругают, [нет] имени не найдут ему, а при встрече с ним кланяются: да и нельзя иначе. Он такую штуку сделает, что жизни не рад будешь. Он говорит, что был в одно время с нами в университете, только по другому факультету. Я и прежде много проказ слышал о нем, многие он подтвердил сам. А когда я спросил его, зачем он это делает, он в свою очередь спросил меня, зачем я учу детей? Я отвечал, что это мое назначение, призвание.¹ А он на это возразил,² (л. 73) что это³ его назначение проказничать. Я хотел было потребовать от него объяснения, но он такое лицо сделал мне, что я не решился.

В университете он пропадал, как и здесь теперь в городе, на целые месяцы, потом появлялся, и вся его студенческая жизнь была ряд проказ. Не то чтоб любил попить,⁴ подраться, побуянить — это понятно, таких много: помнишь, [у нас] Моргаев, Сушин, оба Лейковские — только и делали, пустые, негодные мальчишки. Нет, друг мой, этот не таков. А если и выпьет и подерется, что с ним тоже бывало, то с какой-нибудь с другой, посторонней вину и драке целью.⁵ Он как-то иначе проказни-

---

отцов целы — [греческа(я)] весь богословский отдел [не (тронут)] остался неприкосновенным — Платон и Светоний, Макиавелли и немцы все, начиная с Гердера, — всё уцелело. А уважей до трехсот из прочих отделов перепорчены — конечно, по моей слабости, трусости и [дов(ерчивости)] проклятой доверчивости.

— Кто же? — спросишь ты? А никто другой, как Марк Волохов, для которого нет ничего святого в мире. [Он пр(и)куруивает] Дай ему хоть эльзевира — он и оттуда выдерет листы из книги. У него, как я с ужасом узнал после, есть скверная привычка, когда читает, из прочитанного вырвать листок и закурить сигару. Я будто сквозь сон замечал, что книги возвращаются от него как будто тоньше, нежели были прежде. Этот Волохов — чудо и страх

¹ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: надо же жить, то есть делать дело.

² Исправлено: возражает

³ Слово зачеркнуто.

⁴ Исправлено: он любил [только] попить

⁵ Текст: это понятно ~ то с какой-нибудь с другой, посторонней вину и драке целью. — исправлен: а. это понятно, таких много, [только] помнишь, Моргаев, Сушин, оба Лейковские [пустые, негодные мальчишки]. Нет, друг мой, этот не таков: если и выпьет и подерется,

чает. В университете, рассказывают, он всё играл злые штуки с профессорами и некоторыми товарищами. Помнишь С. М. — [тот] он давал частные уроки студентам и, искусственно приготавливая их к экзамену (как это, братец мой, недобросовестно!), выводил преимущественно перед бедняками. Марк тоже пошел к нему брать уроки и вдруг на экзамене при факультете объявил,¹ что [ничего] знает только пять вопросов, которые дал ему выучить С. М. Все так и² онемели: попечитель вспыхнул,³ профессор побледнел, а прочие со смеха попрятали носы в рукава. Марк говорит, что он до сих пор забыть не может «этих рож», как он говорит. Язык у него как бритва, скажу тебе мимоходом, и за словом он в карман не полезет. «А сам ты что? — спросил я, — тоже смеялся?» «Нет, — говорит, — и не улыбнулся, а [ст(ал)] хранил вид новорожденного младенца». Экзамен повторили, и никто ничего не знал. Все должны были⁴ приняться за дело в каникулы и держать дополнительный экзамен (л. 73 об.) А другому, В*, который задавал студентам переводить политико-экономические [курсы и кто лучше [и] п(ереведет?)] сочинения и, выезжая на чужих трудах, составлял свой курс,⁵ а студентам ставил [в] за переводы хорошие баллы, Марк [напереводил] поместил в переводы свои соображения, профессор не справился да и прочел их на лекции. Все узнали. У нашего И. М. воровал [те(т-радки)] много раз тетрадки, которые тот приносил на лекции [и без которых он ни] и в которые тот⁶ тихонько заглядывал, делая вид, будто читает наизусть. Наконец, когда велели всем [о(стричь)] студентам остричь волосы, он пришел в парике с волосами до поясницы, влез на кафедру и передразнил И. Н., который так, бывало, красноречиво и так пусто читал лекции.⁷

что с ним тоже бывало, то недаром, с другой, посторонней вину и драке целью. б. это понятно, таких много, помнишь, Моргаев, Сушин, оба Лейковские — только и делали, а чего они не делали надо мной, злодеи! Нет, друг мой, этот [и пьет] когда и пьет — точно дело делает. в. Это бы не диковина — таких много.

¹ *Исправлено:* а на экзамене при целом факультете вдруг объявил

² *Слова:* так и — *зачеркнуты.*

³ *Слова:* попечитель вспыхнул — *зачеркнуты.*

⁴ *Далее вписано:* серьезно

⁵ *Исправлено:* составлял из их переводов свой курс

⁶ *Слово зачеркнуто.*

⁷ *Текст:* Помнишь С. М. ∞ Экзамен повторили, и никто ничего не знал. ∞ и так пусто читал лекции. — *зачеркнут.*

Его не выпустили, и он вышел без аттестата. В полку¹ тоже не ужился.² Командир заставлял [быва(ло)] косить людей [сено] чужое сено тайком, а сам брал деньги на фураж,³ Марк пойдет тоже косить и попадетя нарочно, или покажут цены не те, он прибьет тихонько на всех углах настоящие цены.⁴ [Потом попал] Да приезжай, сам увидишь, какой он. Ничего не делает, кажется, а знает чуть не всё, живет бог знает как на белом свете. Нигде на квартире держать его не хотят: беспокоен, да и денег не платит. Теперь живет на огороде у зеленщика и в большой дружбе с ним. Так вот, видишь ли, он у меня брал книгу⁵ за книгой: я радовался — есть с кем потолковать. И знаешь, я тебе скажу: у него такой⁶ живой и бойкий ум, что, право, (л. 74) оставляя все шутки, он часто [делает комментарий] объясняет древних лучше всяких комментариев,⁷ [а он] не читавши их никогда. Откуда это у него?⁸ Как объясняет древних трагиков и как проводит параллель с новыми! Как Аристофана понимает, ей-богу и заслушаешься,⁹ думаешь углубиться с ним, увлечешься, а он — или совет что-нибудь, или

---

¹ Далее вписано: слышь

² К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: а. Начато: вступил в б. юнкером перебивал в трех полках, послан куда-то в город, оттуда, по разным жалобам, перевели его к нам.

³ Исправлено: Командир заставлял косить людей чужое сено тайком, а деньги на фураж брал себе

⁴ Фраза зачеркнута. Далее знак отсылки к вписанному на полях тексту: А что здесь делает с Нилом Андреевичем [с губернатором-то] [с полицией], даже и сказать нельзя. С полицией вечно в ссоре. [И] Татьяна Марковна слышать о нем не может.

⁵ Исправлено: Так вот [он] этот самый брал у меня книгу

⁶ Слово зачеркнуто.

⁷ Слова: что, право ~ лучше всяких комментариев, — вероятно, зачеркнуты ошибочно.

⁸ Текст: [а он] не читавши их никогда. Откуда это у него? — исправлен: понимает не хуже меня, а порядочно ни одного не прочел подряд. «Они, — говорит, — отжили, надо смотреть вперед». Вижу, что говорит наобум, а выходит верно. Это и у тебя есть. Но ты все-таки хоть со мной читал, бывало, с кафедры слышал, а он на месте не сидит, всё бы ему шляться — и бог знает где он проводит жизнь.

⁹ К словам: Как Аристофана понимает, ей-богу и заслушаешься — знаком отнесена зачеркнутая вставка на полях: Стыдно признаться, а по секрету скажу, что он [два места у Плавта] две сцены в «Облаках» объяснил... [как я не] удовлетворительно, а я не... так понимал их. Я немного и сам понимаю древнюю жизнь, а не стыжусь сознаться, что заслушиваюсь его: он живет и бойчее меня говорит, только вовсе не дождит этим.

щелчка даст, или шапку снимет на улице с меня — так что и не заметишь, и уж потом не добьешься недели две ничего.¹ Вот он брал всё книги, а когда² я стал недавно требовать³ назад, он [ничего не ск(азал?)] отмалчивался или проказу сделает надо мной.⁴ Наконец прислал сначала Шекспира, потом и древних классиков: только они показались мне что-то тонки: я взглянул в того, другого — и замер: у всех повыврано то начало, то середина, на некоторых сделаны чернилами заметки, а на других написаны стихи, которые он иногда пускает в ход то на полицмейстера, то на Нила Андреевича, то на предводителя. [Он, изволи(те видеть?)] Я — к нему. «Где листы?» — спрашиваю. [— Где, — гово(рит)] А он [м(олчит)] и бровью не моргнул.⁵ «Где, — говорит, — прочту, оттуда и вырву листок закурить сигару»... И будто не его дело. «И тебе не грех, не стыдно, — стал я упрекать, — что я скажу Борису, как приедет?» Он мне отдавал все свои книги:⁶ да что в них? Все такие же, и то не его [а также набрал где попало]!

[Я не з(нал)] У него ни кола ни двора, по-видимому, нет; денег [ни гро(ша)] большею частию ни гроша, (л. 74 об.) а иногда вдруг получит кучу и куда-то скроется — или сорит тут на пустяки, иногда даже чужие долги платит, а своих нет.⁷ В тюрьме сидел за долги, да

---

¹ *Текст:* думаешь углубиться с ним, увлечешься, а он ∞ и уж потом не добьешься недели две ничего. — *исправлен:* Думаешь углубиться с ним, увлечешься, а он — или совет что-нибудь, или щелчка даст, или голову шапкой накроет мне: и уж потом не добьешься путного слова.

² *Исправлено:* Теперь подхожу к катастрофе. Он брал часто книги, я, радуется, радовался этому и охотно давал ему, думал, — вот займется, может быть, пристрастится, и таким образом прибавится новый даровитый деятель в науке. Потом, когда

³ *Далее вписано:* книги

⁴ *Исправлено:* или проказничал

⁵ *К этой фразе знаком отнесена вставка на полях:* «Что ты [с ним(и)] сделал, злодей? Где, — говорю, — листы?»

⁶ *Вместо:* Он мне отдавал все свои книги — *на полях со знаком вставки вписано:* Теперь вижу, что правду про тебя говорят: ты разбойник! А он ничего, смеется! Он взял, стащил со всех углов [свои] все свои и чужие книги — и сложил передо мной: «На, — говорит, — все бери!»

⁷ *К словам:* а иногда вдруг ∞ а своих нет — *знаком отнесена вставка на полях:* Мне кое-кто из купцов и помещиков должны бы(ли) за детей и не платили, я было и рукой махнул, а он взыскал — бог его ведет как — и принес [ко] мне.

его оттуда поскорей выпустили: смутил всех заключенных. А посадила его жидовка, которая всяким тряпьем торговала, наторговала сто тысяч ассигнациями, потом прикинулась нищей и давала¹ тихонько деньги в рост. Марк выманил у ней три тысячи, да и стал выплачивать ей по рублю в неделю в виде милостыни.²

Злой он или добрый — я не знаю: нет дня,³ чтобы он проказы со мной не сделал. Если иду [по] с ним по улице и заговорюсь, задумаюсь, он снимет шапку с меня, и я ворочусь, сам не замечу, без шапки. «Не задумывайся!» — говорит. Если засижусь поздно вечером, он вскарабкается к окну и так забарабанит, что собаки⁴ залают. А на днях привел двух собачищ⁵ — я и жизни не рад. «На медведя, — [что ли, собира(ется)] говорит, — собираюсь». Эти собаки оборвали шлейфы у трех барынь: «длинные, — говорит, — стали носить [— вот я и натравил]». [[А в] Зато в прошлом году от больного от меня не отходил от постели: ухаживал, переворачивал [перо(девал)], устал я на улице — принес домой на руках, как перышко.] Сила у него ужасная, грудь точно стена, мускулы как у льва. Я думаю, он на олимпийских играх получил бы [борьб(ой?)] венок за борьбу. Я три месяца не выходил из дома, и он сидел со мной, читал, делал отметки, точно послушный ученик. Когда я выздоровел, он пришел со мной прощаться — [я не] куда-то надолго (уезжал). Я [не выдержал] стал благодарить его и не выдержал, заплакал.⁶ (л. 75) А он захохотал. «Не делай же глупостей, одевайся теплее, не открывай по вечерам окон, а то смотри, если замечу, что окно открыто, брошу тебе туда [ночью] кошку и полдюжины крыс. Ты ученый человек, — говорит, — да дурак, или не то что дурак, а младенец. Я [ушел] пошел проводить его и пришел домой [один]... без шапки. Когда это он снял — я не заметил, парнишка после принес. Иногда он возьмет да все книги в твоей библиотеке перемешает: [бого-

---

¹ Исправлено: потом прикинулась нищей попрошайкой и пускала

² Рядом на полях вписано со знаком вставки: [Я бы потребовал книги форм(ально)] Что я с ним сделаю: действительно требовать — боюсь, да и совестно, — я, признаться, его люблю.

³ Слова: Злой он или добрый — я не знаю: нет дня — исправлены: Хотя нет дня

⁴ Далее вписано: у соседей

⁵ Далее вписано: больше теленка

⁶ Далее вписано: благодарил его

сл(овские)] [натуральную историю] химию поставит с романами, [а между] в богословие натискают энциклопедистов — так что мне на неделю даст работы.¹

Вот [ка(кой)] он какой у нас: здесь говорят, что он человека убил: мне не верится; только иногда кажется, что вот того и гляди убьет тебя.

Приезжай, Борис, друг мой: приезжай повидаться с бабушкой, если б ты видел, как она тебя любит, как бережет твоё имение (не так, как я библиотеку!), какие у тебя красавицы троюродные сестры, Вера и Марфа Васильевны — как тебя всё это ждет, какой у тебя сад, какие виды на Волгу — ты бы не мешкал ни минуты — и приехал [обнять и], приехал бы наконец принять от Татьяны Марковны имение, а от меня свою библиотеку, приехал бы наказать и обнять виновного, но любящего тебя товарища и друга

Леонтия Козлова.

[Е(сли?)] Вычитай у меня, пожалуйста, из жалованья на [покупку] пополнение библиотеки».² (л. 75 об.)

Райский почти со слезами читал это длинное послание и расхохотался над заботливостью друга своего о библиотеке.³

«Леонтий, бабушка! — мечтал он, — красавицы троюродные сестры [М(арфинька)] Верочка и Марфинька!⁴»

У него зашевелились [виденные когда-то карти(ны)] юношеские впечатления; предстала глазам Волга, с островами и мелями, овраги и заросшие [улиц(ы)] кривые улицы, дома, овраги, вся эта дремлющая и блаженная тишь, это царство запустения, этот образ перво-

---

¹ *Текст:* что, право, оставляя все шутки ∞ на неделю даст работы. — *зачеркнуто.* Далее знак отсылки к вписанному на полях тексту: [Когда [заду(маешь)] станешь упрекать, — «не задумывайся, — говорит, — смотри не всё в книги и в прошлое, а под нос себе».] Меня только огорчает, что он за что-то не любит мою жену — и так иногда смотрит на нее, что она оробеет, а она не робкого десятка у меня — только его одного и робеет. Она велела тебе кланяться, если помнишь ее!

² *Фраза зачеркнута.*

³ *Слова:* и расхохотался над заботливостью друга своего о библиотеке — *исправлены:* и вспоминал чудака Леонтия, его библиоманию и смеялся его тревогам насчет библиотеки. «Подарю ее ему», — подумал он.

⁴ *Далее вписано:* Dahin! Dahin!

созданного, невозмутимого жизнью рая; замелькали в памяти лица, окружавшие его детство, [весь] [вся эта страна с готовою развернутою [судь(бою)] жизн(ию)] это маленькое царство, где не живут, а растут люди и тихо вянут, слепо веруя, слепо повинуюсь, ошупью пробираясь к вечному пределу, не зная,¹ зачем всё, что около них, зачем они сами, [за(чем)] то ли они делают и что надо делать. «Dahin, Dahin!² — говорил он, — отдохнуть — туда³». И лицо бабушки, Вера с Марфинькой, еще малютки, и доброе лицо Леонтия, и Тит Никоныч — вдруг населили [им] ему забытый и [почти] теперь почти новый для него мир. «Dahin!»⁴

«Dahin»? (л. 76)

*Первоначальная редакция глав XVII—XVIII
части первой (ЧА₁ (17—18))*

(Т. 7, с. 125—151)

Гл(ава)⁵

Воображение Райского задалось новой и, как казалось ему, сильной, достойной и человека и художника задачей.

Много дней и ночей потратил он,⁶ чтоб [объяснить себе] разгадать Софью: он⁷ зорко и глубоко проникал в ее нрав, привычки, подкарауливал слова, движения, ждал,⁸ какой свет блеснет у ней в глазах, какая тень пройдет по лицу,⁹ и наконец вызвал из нее всё, вско-

---

¹ *Вместо:* не зная — на полях со знаком вставки вписано: не мучаясь вопросами

² *Эти слова ошибочно зачеркнуты.*

³ *Слово зачеркнуто.*

⁴ *К слову:* «Dahin!» — знаком отнесена вставка на полях: Только dokonчу и отдам портрет Софье, прошусь с этой формальной красотой — потом уеду [забывать горе по Наташе — dahin] писать роман. Dahin! Dahin! *Рядом с этим текстом помета:* (За этим [печ(атный)] следует печатный отрывок «Портрет».)

⁵ *Рядом с обозначением:* Гл(ава) — на полях помета: Перед этой главой надо поместить приглашение в деревню, письма.

⁶ *Исправлено:* Как много дней и ночей потратил он сначала

⁷ *Исправлено:* как

⁸ *Далее вписано:* последствий, смотрел

⁹ *К словам:* ждал ∞ какая тень пройдет по лицу — знаком отнесена зачеркнутая вставка на полях: ляжет, когда войдет... он сам к ней. Не проступит ли у ней сильнее румянец, не явится ли побольше любо-

лебал море и видел, понял ее волнение. Он заронил ей в ум сомнение, он знал, что у ней теперь на уме, и предвидел, что вслед за этим заиграет и в сердце. Теперь, пока ее обступили¹ вопросы, вроде следующих: «В самом ли деле я живу так, как нужно? Не жертвую ли я чем-нибудь живым, человеческим этой мертвой гордости моего рода и круга, этим приличиям [от которых]? Ведь надо сознаться, что мне иногда бывает...скучно! Пара, тетушки, кухня Катринь, m-me Basil, старая княгиня Морасинская, бал у графа Розмайского, раут у [а(встрийского)] посланника [там]... Дома строгий, важный порядок, цветы в урнах, [это] [сумрачный] [правильно и чинно рассуждающие тетушки и неправильно [бесчинно], ветрено ведущий себя], сыгранная для равнодушных ушей соната Бетховена, [официальное] салонное² поклонение мужчин, официальная, веющая холодом дружба женщин, приемы, визиты, скучные лица... Один только cousin Райский...» И она останавливается на нем с улыбкой, молча и долго, потом вдруг, неожиданно и живее, против своего обыкновения, встанет с места, (л. 19) пройдет без цели по комнате и остановится, внезапно пораженная каким-то новым лучом мысли или чувства, в противоположном углу, возьмет³ книгу, развернет [и рассеян(но)], найдет страницу (и, верно, письмо Татьяны или другую подобную) и опять погрузится в мечту; [рассеянно] книга выпадет из рук на пол, Софья не заботится поднять ее; она рассеянно берет цветок из вазы, не замечая, что прочие цветы разбросались и неко-

---

пытства, словом, чего-нибудь простого [ежедневного] пожалуй... *commun* (обыденного — *фр.*)... [хотя] нет! *commun* у ней быть не может [она всегда] [что бы] у нее всё и всегда *distingué!* (изысканно — *фр.*), что ни выразит лицо [выразит], выражение всё будет, как бы сказать... *distingué!* пусть явится ежедневное чувство, но чтоб в нем было сколько-нибудь свободы, в себе самой родившейся, а не заимствованной мысли.

¹ *Текст:* он зорко и глубоко ~ Теперь, пока ее обступили — *исправлен:* Потом [боролся с ее] [шел?] воевал с ее правилами, будил в ней природу, хотел, чтоб вместо нарядного и холодного достоинства в ней жила своя мысль и [не] указанный не предками, а созданный самой себе идеал жизни и долга. Он [торжест(вовал)] видел, что заронил в нее сомнение, что она теперь в борьбе [с недоумением] с недоумениями, что ее, может быть, посетила тоска, которой она не знала никогда, может быть, обступили

² *Исправлено:* почтительное

³ *Исправлено:* потом возьмет

торые выпали; она нюхает цветок и, думая о другом, рассеянно [шип(лет)] ощипывает листья губами и тихо-тихо идет, не сознавая почти, что делает, к [пиани(но)] роялю, садится небрежно, [на] боком, на табурет и [одной рукой], продолжая нюхать цветок, одной рукой берет задумчивые аккорды и всё думает о ком-то, потом вдруг бросает цветок в сторону, [наклоняется], бросается на клавиши и, наклонив над ними голову, почти покрывая их локонами, страстно играет [какой-то безумный мотив] — не из сонаты Бетховена, а какой-то безумный порыв, в который [бро(силась)] как будто из груди ее бросилась молния, и звуки всё безумнее, всё горячее лились, неслись, мчались, и мчалась в порыве сама Софья. Она приподняла голову и, в забытьи, повела кругом взглядом: стены перед ней раздвинулись, не стало этой пышной утвари кругом, [у] перед ней будто туман, хаос, потом небо, потом моря, сады. Всё это явится, [у] мелькнет, исчезнет; [серд(це)] в сердце нега, [по плечам] плеча будто зябнут, а щеки горят; звуки [всё бешенее] льются всё быстрее; руки просят [всё] простора; им тесно, мала эта доска, они ударяют с силой, с досадой, с нетерпением, (л. 19. об.) губы сжаты, глаза пылают, потом всё понемногу усмиряется, голова опять склоняется, глаза устремились на [одной] одну [точку] какую-то точку, губы улыбаются, пальцы едва касаются костей, звуки поют тихо и нежно, [на] глаза хотят плакать, грудь волнуется. Всё тише, тише и задумчивее играют пальцы, [вся фигу(ра)] Софья будто окаменела на месте [взор] [звуки замирают, пальцы онемели, едва] [тише, тише] и замерла, [рука окаменела на клавишах и] Софья не шевелилась, не замечала, что она перестала играть, что всё молчит вокруг. Она сидит с наклоненной головой... Она тихо, чуть-чуть, как дух, произнесла чье-то имя, вдруг вздрогнула, испугалась и боязливо оглянулась. В комнате никого: только в не закрытое портьерой окно ворвались веселые вольные лучи солнца и так весело ударяют в зеркала и дробятся в граненом хрустале; только раскрытая книга валяется на полу, [цветы] [разбросаны цветы] у ног ее ощипанные листья цветка, и другие просятся вон из вазы... всё так, как говорил Райский! всё это «служит жизни» и... уже ли «любви»? — с ужасом мелькнуло у ней. Она, с несвойственной ей быстротой, как [институтка, как Ли-

дия] напраказившая институтка, как Лидия, ее кузина, [была] бросилась и опустила шторы, подобрала листья, поправила цветы, подняла и поставила на место книги...

Так, сидя у себя дома, перед портретом Софьи, [ду- <мал>] мечтал о ней Райский¹ и, <л. 20> глядя на [бе- <лый лоб>] спокойные глаза и отчасти насмешливую улыбку, думал, что сделать, чтоб из богини сделать женщину. Он задумался, что она теперь делает, о чем думает, а главное, о ком!..²

{«Имя, имя, чье имя!» — думал он, — и краска бросилась ему в лицо, плеча поднялись, взгляд стал горд и силен. Он вздрогнул от трепета и жадно пожирал³ портрет [глаз<ами>] взглядом. Портрет рисовался лениво⁴ — лицо [гов<орило?>] было очень похоже,⁵ та же покойная, невозмутимая красота, та же гармония в чертах, этот высокий белый лоб, легкая и гордая шея, плечи, [так величаво] которые так величаво⁶ носит она. Но ему не нравилось это теперь: он недоволен был всей этой горделивостью, теперь не то было нужно ему. На всей фигуре лежала [какая-<то>] неприступность, [тут видимо] будто присутствовал [не ангел-хранитель] в этой гордости невидимый страж — какое-то запрещение доступа, [выглядывало резко] наводящее страх и робость.⁷ Райский остановился на глазах,⁸ и вспомнились ему точки, которыми внезапно учитель рисования оживил вялые черты какой-то головы, намазанной ученической рукой, [и Райский] сам глядел⁹ [в это время] на Софью, на ту Софью, какая была те-

---

¹ *Далее вписано и зачеркнуто:* а. так оно было в самом деле (л. 20) б. и, может быть, и в самом деле оно так или почти так и было (л. 20 об.)

² *Текст:* Так, сидя у себя дома ∞ о ком!.. — *ошибочно зачеркнуто.*

³ *Слова:* от трепета и жадно пожирал — *исправлены:* и с трепетом торжества пожирал

⁴ *Исправлено:* давно и лениво

⁵ *К словам:* очень похоже — *знаком отнесена зачеркнутая вставка на полях:* всякий, в одну минуту, узнал бы Софью

⁶ *Исправлено:* свободно и величаво

⁷ *Слова:* какое-то запрещение доступа ∞ наводящее страх и робость — *исправлены:* не кроткий ангел-хранитель [девической] женственной красоты, а [гений] какой-то аристократический гений приличный с суровой, наводящей робость недоступностью

⁸ *Исправлено:* на ее глазах

⁹ *Слово:* глядел — *исправлено:* мысленно глядел

перь перед ним,¹ и тихо,² почти машинально, коснулся кистью³ глаз, поставил какую-то невидимую точку, как некогда учитель в школе, и глаза вдруг широко открылись и бросили сноп лучей — прямо на него, но выражение еще [сурово] строго.⁴ Он [взял опять] коснулся кистью палитры, потом губ, отошел, взглянул и [просия(л)] вдруг просиял блеском счастья: «Она! она,⁵ — сказал он, — не гордая, холодная кукла, настоящая,⁶ нынешняя Софья!⁷ Понесу к ней, [и прошусь] и пусть это будет [память] прощальный подарок и память обо мне». Нужды нет, что не высохли краски, нужды нет, что руки были худо обозн(ачены)}.⁸ (л. 20 об.)

Но о ком же, кроме... Он гордо улыбнулся, потом вздрогнул и закрыл глаза и опьянел на минуту. [А между(у)] «Обо мне», — шептала ему мечта. «Невозможно», — говорил рассудок. «А почему же нет?» — шептал он сам. Не он ли открыл ей глаза и сердце? говорил языком почти страсти, каким никто не говорил никогда с нею? Не его ли она [брала] просила уйти... боясь, конечно, слушать [его] далее, отнимала и не отняла у него руку из руки [пере(стала?)]? У нее замерли возражения, когда она увидела что-то [в гла(зах)], что он указал ей, образ любви? «Кто же, кто еще?» Он опять вздрогнул, схватил кисть, и жадными, широкими глазами глядел на портрет и тихо, почти машинально провел кистью по [века(м)] глазам — [они] открылись немного веки,

---

¹ Слова: и вспомнились ему точки ∞ какая была теперь перед ним — *исправлены*: и думал, что сделать с ними, чтобы они были похожи на те глаза, которые глядели на него в эту минуту в его мечте и были так говорящи, жизненны! Он [по(мазал?)] [изме(нил)] открыл в них немного веки [они стали глядеть]: взгляд стал больше, шире, но [тоже] глядел так же покойно

² *Исправлено*: Он тихо

³ *Исправлено*: опять коснулся кистью

⁴ *Исправлено*: было всё еще сухо, строго

⁵ *Текст*: потом губ ∞ «Она! она — *исправлен*: потом бессознательно, почти случайно [смягчил] [нрзб] [нарушил] чуть-чуть изменил линию губ, [сделал два [пят(на)] белых пятнышка, слегка], провел легкий белый штрих на верхней губе, [еще смя(гчил)] немного смягчил какую-то тень и отошел от портрета, — «Она! она

⁶ *Исправлено*: а настоящая

⁷ *К словам*: нынешняя Софья! — *знаком отнесена вставка на полях*: И долго любовался ею, склоняя голову — то направо, то налево.

⁸ *Текст*: «Имя, имя, чье имя!» ∞ что руки были худо обозн(ачены) — *зачеркнут*. Использование фигурных скобок ср.: наст. изд., т. 5, с. 42—45, 87, 89, 134—136; см. также: наст. изд., т. 6, с. 45—46.

взгляд стал шире, но был всё еще покоен. Он тихо, почти машинально, опять коснулся глаз — они стали более жизненны, говорящи, но всё еще холодны. Он долго водил кистью около глаз, долго мешал краски [наконец] и провел в глазу какую-то черту, почти точку, как учитель некогда в школе на его безжизненном рисунке, потом делал что-то, чего и сам объяснить не мог, в другом глазу... и вдруг сам замер от искры, какая блеснула ему из них, — он отошел, посмотрел и обомлел: глаза бросили сноп лучей прямо в него, но выражение всё еще было строго. Он бессознательно, почти случайно, изменил [нем(ного)] линию губ, провел легкий штрих по верхней губе, смягчил какую-то тень и опять отошел, посмотрел: «Она, она! — говорил он, едва дыша, — нынешняя, настоящая Софья!» (л. 21)

Он было бросил палитру и стал бережно завертывать портрет в полотно, нужды нет, что краски еще не высохли, что руки едва намечены, что одна рука, если вытянуть ее, была немного короче другой, что один висок, часть волос едва проложены. Но лицо живое, оно дышит, глаза говорят — это Софья, любящая... его (с трудом и дрожью выговорил он) Софья... Две-три черты да точки, а не мазанье (ох это мазанье мне!) дали жизнь и смысл картине! [Вот где тайна искусства] В них тайна искусства!

Он, тщательно оберегая портрет, вез¹ его к ней. Он верил и не верил, что сейчас увидит ее, [во(ображал?)] представлял себе, как увидит, что скажет он, что она? Он не видал ее несколько дней, и теперь [окончи(в)] он спешил² кончить портрет: [это] теперь он похитил [тайну] прометеев огонь, он вдвойне творец: [он пробудил в ней жиз(нь)] зажег огонь в ней [и дал] самой и дал жизнь полотну; он начал, он должен и кончить.³ Он стóбит ее: красота то же, что великий талант; [он] она прекрасна, он пойдет путем искусства и достигнет высокой степени и отдаст жизнь ей и искусству, остальное

---

¹ *Исправлено:* повез

² *Слова:* он спешил — *исправлены:* всё спешил

³ *К словам:* он начал, он должен и кончить — *знаком отнесена зачеркнутая вставка на полях:* Это долг его. Не для себя, а для нее, думал он, делал он это, и даже не для нее, а для человека вообще, для общества, для жизни, для успеха! [Он современный развитой человек] Он несет огонь туда, где темно... И если счастье выпадет ему, если он тот счастливец — тогда — зачем отталкивать ему от себя?

всё умрет для него; он¹ замкнется в этом мире,² и чего еще ему нужно? чего нужно ей, когда в ней умерла кукла и воскресла женщина? Заговорит страсть, сомнения,³ аффектация гордости, рода и приличий («ведь это аффектация, — подумал он, — внутренне все согласны с этим») — всё это мертвое и сонное царство проснется, завет предков, сентенции тетушек и [пуст(ое)] бесцветное щебетанье [кузин] [comte] prince⁴ Serge, prince⁵ Pierre — всё это потеряет букет пред крепким запахом жизни — и она принесет жертвы: да, она должна <л. 21 об. >.⁶

<Софья> была одна, тетки уехали к обедне. [Она приняла Райского [не так] сначала не по-прежнему, а как-то неловко, несвободно и не вдруг, а мало(?)] Он поставил портрет в гостиной на консоль и тотчас подвел к нему Софью.

— [C'est] Вы польстили мне, cousin, [сказала она] я не такая, — говорила она, глядя то на портрет, то на себя в зеркало [и не мо(гла?)].

— Ах нет, я еще далеко от истины! — [гов(орил)] [заметил] сказал он с непритворным унынием, видя перед собой [жи(вую?)] подлинник. — Красота: какая это сила! Нет ничего лучше вас, кузина, только...

— Только — что?

— Только... ах, если б мне эдакую красоту: если б я был на вашем месте!

— Что ж бы вы сделали?

— [Я] [По(льзовался?)] Я бы не закопал этого таланта: пользовался бы им, сделал бы кого-нибудь [счастливым] одного очень счастливым [так, как уже нельзя] и был бы сам счастлив, как уже нельзя быть счастливее...

— И наделали бы тысячу несчастных: да? Я знаю вас — вы бы не пощадили...

— А! — сказал весело Райский, — так вы из сострадания так экономны и неприступны... Это, впрочем, хорошо: прекрасная мысль! Сдержанность, неприступность... из человеколюбивого расчета... Вы боитесь бро-

---

¹ Исправлено: и тогда уж он

² Слова: в этом мире — исправлены: как говорил Кирилов

³ Исправлено: и сомнения

⁴ Исправлено: графа

⁵ Исправлено: князя

⁶ Следовавший далее лист в рукописи отсутствует.

силь [в(згляд)] лишний взгляд [удерживаете] на того, кто бы осмелился взглянуть в вас пристально, вы [знаете, что это не] уверены в своей силе и¹ знаете, что это не пройдет даром! Это прекрасно: самоуверенность вам к лицу: [гордость ли] могущество и гордость. [Гордость, кузина, но не <л. 23> щад(ите)] Не будьте, однако, слишком сострадательны, [кузина, помните, что редкий не захочет] кто [не] откажется от страданий, чтоб подойти к вам, говорить с вами? кто не поползет на колених вслед за вами — не только для торжества, для счастья и победы — просто для одной слабой-слабой надежды на победу...

— Полноте, cousin, вы опять за свое, — сказала она, но не равнодушным, покойным тоном, а заботливо, как будто сомневалась, так ли она сильна, так ли, так ли все поползли бы вслед за ней, как этот восторженный, горячий, сумасбродный артист.

— Вы сами знаете это, кузина, — продолжал он, — что за [ваш взгляд, за ваше слово] [ласковый] один ласковый взгляд — без особенного значения, без обещаний, без награды — все бегут, суетятся, ищут, ловят ваше внимание, и ведь всё бескорыстно?

— Будто бы? — спросила она задумчиво.

— А вы не заметили? — полноте!

— Право, нет, — сказала она.

— Право, заметили и втихомолку торжествуете, да еще издеваетесь надо мной, заставляя высказывать вас же самих. Вы знаете, что я говорю правду, и в словах моих видите свой образ.

— Пока еще я видела его в портрете, и то преувеличенно.

— Нет, [недост(аточно)] это слабая, бледная копия: верен только один луч ваших глаз, ваша улыбка: [это мелькнуло] и я поймал и только намекнул на истину. Ах, как вы были хороши [с] [замира(ющим)] в последний раз! — замирающим голосом [про(говорил)] заключил он.

— Когда это [в последний раз]? — спросила она, стараясь припомнить.

— Вот тут, когда я говорил вам... еще, помните, <л. 23 об.> ваш папá привел этого Милари...

---

¹ Слова: уверены в своей силе и — вписаны.

[Лицо Софьи] [Софья] [Что-то в лице Софьи будто вздрогнуло] [Покойное выражение Софьи вдруг будто] [В лице Софьи сделалось ка(кое-то)] Спокойствие в лице Софьи вдруг будто застыло [и прев(ратилось?)], и потом [стало заметно] [перешло в какое-то выражение] выразилась какая-то нерешительность, недоумение. Беззаботности уже не было.

— Что, он часто бывает у вас? — спросил Райский.

— Да... иногда: как он хорошо поет! — сказала она и [села] [тихо] пересела на диван [сп(иной)] [к] спиной к свету.

— [Дайт(е)] Когда он будет у вас, я бы заехал... а впрочем... я еду, вы знаете? — спросил он вдруг, взглянув на нее.

Она ничего.

— Куда, зачем? — спросила она довольно покойно.

— Вам не жаль, не скучно будет без меня? — говорил он, глядя пристально на нее.

Она думала и, казалось, решала эти вопросы про себя. Он прочел это у ней на лице.

— Видите, кузина, для меня и то уж счастье — видеть, что [вы] тут есть какое-то сомнение, что [в(ы)] у вас не [вырвался вдруг ответ — [«да»] ни «да»] вырвалось ни «да», ни «нет»: [в] [и] [«да» значило] внезапное «да» значило бы обман, любезность или уж такое счастье, [на] какого я не заслужил, а «нет»... от «нет» было бы мне больно. Но вы не знаете сами, жаль вам или нет: это уже много от вас, это почти половина победы!

— А вы надеетесь на полную? — спросила она.

— Плохой солдат, который не надеется быть генералом, — [сказал бы] мог бы (л. 24) сказать, кузина, но не скажу — это было бы слишком... невозможно.

Он глядел на нее и хотел бы, дал бы бог знает что, даже втайне ждал, чтоб она спросила «почему?» Но она не спросила, и он подавил вздох.

— Невозможно, — повторил он, — [и пото(м)] и в доказательство, что у меня нет таких колоссальных надежд, [я бы] я пришел проститься с вами — может быть, надолго. Надо бежать, пока можно, пока есть время.

— Мне жаль вас, cousin, — вдруг сказала она [мягко] тихо, мягко и почти с чувством.

Он обернулся к ней, точно раненный.

— «Жаль»! — повторил он, — правда ли это?

— Совершенно: вы знаете, я не лгу.

[Он поц(еловал)] Он взял ее ладонь, положил туда свое лицо и долго с упоением целовал, так что наконец она отняла руку.

— Повторите.

— Мне будет иногда очень скучно без вас...

— Зачем это «иногда»?

— Пожалуй, я возьму его назад: мне будет скучно [без ва(с)], мне будет... как это... недоставать вас...

— Я не еду, я остаюсь, — сказал он, вдруг встав перед ней, — и глаза [его бросили] заблестали [точно], лицо вдруг осветилось, он внезапно похорошел.

— Ах нет, поезжайте! — еще быстрее возразила она.

[— Что это]

Сияние с лица слетело у него.

— Что ж это значит: противоречие? Как это понять...

— Поезжайте, cousin: [она] удерживать вас для себя, чтоб иногда...

— Опять это «иногда»? — с досадой сказал он. — Что «иногда»?

— Чтoб слышать вас: вы много, конечно, преувеличиваете, (л. 24 об.) но иногда [объясняете] объясните верно там, где я понимаю, но не могу сказать, не умею...

— Ах, вот зачем я вам нужен: я служу вам переводчиком, подчас истолкователем разных явлений жизни, называю вещи по именам, и вы заглядываете в меня, как в арабский словарь! — прибавил он со вздохом.

— Но вы сами [ск(азали)] [сейчас], cousin, сейчас сказали, что не надеетесь быть генералом и что всякий [готов бы был], просто [для] за [вниманием моим] внимание (мое), готов был... что сделать?

— Поползти вслед за вами.

— Я не требую этого, cousin, но если вы мне дадите немного... а я вам дам и много...

— Дружбы? — [пер(еспросил)] спросил Райский.

— Да.

— Ну так, я знал: ох эта дружба! суется, где ее не спрашивают! [И какая]

— Нет, cousin, я вижу, что вы не отказались от генеральского чина...

— [Ах] Нет, нет, кузина: полным генералом быть, разумеется, я бы хотел — но не надеюсь и оттого, повторяю, еду. [Вы сказ(али)] [Но] Но вы сказали мне, что вам скучно без меня, что меня вам будет недоставать, и я, как утопающий, хватаюсь за соломинку. Может быть,

у меня шевельнулись и надежды на... Бог знает, на что: а вы вдруг одним словом «уезжайте» толкнули меня опять в бездну, и вот я на дне ее! Теперь вы маните меня дружбой.

— Но ведь, по вашим словам, для одного [взг(ляда)] ласкового взгляда или слова все готовы на подвиги: следовательно, для дружбы, которой я никому так легко не даю...

— Дружба хороша, кузина, когда она — шаг к любви.

— К любви? — перебила она.

— Да, или, иначе, она просто нелепость, даже иногда оскорбление. (л. 25)

— Как это? Уж и оскорбление?

— Да, разумеется. Вы мне дадите право входить без доклада в кабинет, будете гонять меня по городу с поручениями, даже советоваться, если у меня есть вкус, как одеться на бал; удостоите какого-то искреннего отзыва о ваших знакомых — и наконец, пожалуй, дойдет и до того, что поверите сердечный секрет, когда влюбитесь...

У Софьи глаза [ста(ли)] сделались неподвижны, [и] в чертах показался испуг. Он заметил.

— Не влюблены ли вы, кузина... нет ли [секр(ета)] уж секрета, — тоже с испугом на лице спросил он...

Она принужденно улынулась в ответ.

— Что ж значит это смущение?

— Смущение? я смутилась? — говорила она и поглядела в зеркало, хотя сама чувствовала [со] [что] если не смущение, то странное беспокойство. — Какие глупости! — прибавила она. — Я не смутилась... а вспомнила только, что мы уговорились не говорить о любви... Прошу вас, cousin, — серьезно¹ просила она, — не говорите мне, не поминайте, если можно, ни о чем подобном...

Она села: ей [было неловко, странно в первый раз] было неловко, странно. [А он пронзительно вглядывался в нее, с удивлением [см(отрел)] выслу(шал)] Он удивился этой просьбе, не знал, чему приписать ее. [То самолюбие] Самолюбие шепнет ему, что [в ней отзывается струна на его] он постучался в ее сердце даром, что оно отзывается, что слово «уезжайте» и внезапная неловкая просьба не говорить о любви — есть боязнь, осторожность, что она не ручается за себя... [то] потом

¹ Далее вписано и зачеркнуто: с замешательством

он отбросит эту мысль, покраснеет от сознания, что он фат, и ищет [другого] [причин] других причин, а сердце ноет, мучается, терзается — глаза впиваются [от] [и] в нее [и], <л. 25 об.> тихо-тихо подкрадывается ревность...

— [Последний вопрос, кузина — если бы я, — сказал он] [Последнее усилие, — думал он] Последний вопрос, кузина, — сказал он вслух, — если б... — и задумался: вопрос был решителен, — если б я не принял дружбы, которую вы подносите мне как просвиру какую-нибудь... а... а задал бы себе обет, и на всю жизнь, [дослужиться] быть генералом: что бы вы сказали? мог ли бы, могу ли? («Она не кокетка: она скажет истину...») Поддержали ли бы вы эту надежду, кузина?

[Последнее] Он дрожал и едва выговорил последние слова и боялся взглянуть ей прямо в лицо. Она сидела, прислонясь спиной к дивану, и глядела вниз, себе на колени, на ноги [и]. Лицо ничего не говорило, но [в] на [з(акрытых)] опущенных ресницах, на сжатых губах лежало принуждение.

«У ней есть тайна! Она не та, что месяц, даже две недели назад...» — решил Райский и [зад(умался?)] едва дышал от боли [страдал, мучился], [забота] какая-то мучительная забота грызла его... вероятно, всё о ней как о человеке [об] да об обществе...

— Вы молчите, кузина, а как я жду, если б вы знали! — сказал он.

— У вас нет никаких надежд, cousin! — произнесла она так, как будто упрашивала не иметь их.

Он сделал движение нетерпения, как будто сомнение в этом было невозможно.

— Нет и не может быть! Вы, как все... Это больше ничего как просто *hommage** [нет, вынужденная любезность]... любезность, а вы преувеличиваете... [Сами вы] Вы сами сказали, что [все] в свете ко мне внимательны [оказывают мне], стараются быть приятными... и вы <л. 26> тоже.

— Так вы смешиваете меня с светскими любезниками, с волокитами...

— *Fi, quelle mot! Quelle expressions!*** — сказала она.

---

* дань уважения (*фр.*)

** — Фи, какое слово! Что за выражения! (*фр.*)

— Да, вот этих всех, что порхают по гостиным, по ложам, гремят шпорами, с [неж(ными)] псевдонежными взглядами, страстно-почтительными фразами и заученным остроумием! Нет, кузина, если я говорю о себе, то говорю, что во мне есть [что], язык мой верно переводит голос сердца, или я ничего не говорю, [и] молчу [и], скучаю и навожу скуку на других. Вот полгода я при вас не соскучился, ухожу — и уношу мысленно вас с собою — и что чувствую, то сумею выразить...

— Зачем? — вдруг спросила она.

— Зачем, зачем...

Он замолчал, озадаченный этим «зачем». В этом «зачем» был весь ответ на его вопрос о надеждах на генеральство [но он]. И довольно бы, не спрашивать бы ему дальше, а он... чужак!

— Вы... не любите меня, кузина?

— Очень! — весело отвечала она.

— Не шутите, ради Бога! — раздражительно сказал он.

— Даю вам слово, что не шучу.

«Спросить, влюблены ли вы в меня, — глупо, так глупо... — думал он, — что лучше уеду, ничего не узнавши, а ни за что не спрошу... Вот поди ж ты: покойна, невозмутима, без огня и страстей, а хитрит, вертится и ускользает... Но я узнаю [есть] ее тайну, а тайна есть, ей-богу, есть!»

Во время этого мысленного монолога она с [улыбкой] лукавой улыбкой смотрела на него и, кажется, [не про] [не без удовольствия смот(рела)] не чужда была удовольствия помучить его, и помучила бы, если б... он не «огорошил» ее неожиданным вопросом.

— Вы влюблены в [Милари] этого итальянца, в графа Милари — да? — спросил он и погрузил в нее взгляд <л. 26 об.> и чувствовал, что сам бледнеет, что ему грустно, тяжело, как будто весь мир покинул его. А что, кажется, ему за дело? ведь он вызывал из нее жизнь и любовь — не для себя, а «для жизни, для человека вообще, для общества: он развивал ее», а теперь стоит перед ней убитый, уничтоженный, жалкий! Он видел в уме себя, понимал нелепость своего положения и глядел на Софью. [Она] [ее] Улыбка [ла(сковый)], дружеский тон, свободная поза — всё исчезло в ней от его вопроса: перед ним холодная, строгая, суровая [красавица] женщина, не жертва, а гневная богиня. Она была так близ-

ко к нему, а теперь казалась где-то далеко, на высоте, не родня и друг ему. — Должно быть, это правда: я угадал, — сказал он и разбирал, отчего угадал он. Что подало повод ему к догадке? Он не видал никогда Милари у ней, а только когда заговорил, у ней пробежала тень по лицу да пересела она спиной к свету...

«Боже мой? Зачем я всё вижу и знаю, где другие слепы и счастливы? зачем [шорох] для меня довольно шороха [воз(духа)], ветерка, самого молчания, чтоб [чувств(воватъ)] знать? зачем я читаю там, где [всё] для других всё немо и глухо? Проклятое чутье!»

Она молчала.

— Вы оскорблены, кузина? — сказал он.

Она молчала.

— Скажите — да?

— Вы сами знаете, что может произвести [подобный воп(рос)] подобная догадка.

— Я знаю больше, кузина, — я знаю и причину, почему вы оскорбились.

— Позвольте узнать [при(чину)].

— Потому что это правда.

Она сделала движение.

— Да, иначе бы нечего было оскорбляться.

Она поглядела на него с достоинством.

— И этот взгляд не ваш, кузина.

— Я притворяюсь? [много] вы приписываете себе много чести, [cousin] m-г Райский.

Он засмеялся, потом вздохнул. (л. 27)

— Если это неправда, то... что обидного в моей догадке? — сказал он, — а если правда, то опять-таки — что обидного в этой правде: подумайте над этой [тайно(й)] дилеммой, кузина, и покайтесь, что вы напрасно хотели [оби(деть)] подавить достоинством вашего бедного cousin.

Она слегка пожала плечами.

— Да, это так, кузина, и [это] всё это, что вы делаете в эту минуту, [не] выражает не оскорбление, а досаду, что у вас похитили тайну...

— Какая тайна? Что вы! — говорила она, делая большие глаза [и стараясь], — вы употребляете во зло права кузенья — вот в чем и вся тайна! А я неосторожна тем, что принимаю вас во всякое время, без тетушек и рара...

— Кузина, кузина! ради Бога, [прочь] бросьте этот тон, — начал он дружески, горячо и искренно, так что

она почти тотчас успокоилась и мало-помалу приняла прежнюю свободную, как будто доверчивую позу, как будто видела, что тайна ее попала не в чужие и не в дурные руки, если только тут была тайна.

— Вот что значит Олимп! — продолжал он, — будь вы просто женщина, не богиня — вы бы поняли мое положение, взглянули бы в мое сердце и поступили бы не сурово, а с пощадой, даже если б я был вам [чу(жой)] совсем чужой! А я вам [родня] близок, вы говорите, что любите меня просто дружески, скучаете, не видя меня... Но любовь эгоистична: она равнодушна к чужой муке...

— А я просила вас [не говорить]...

— Не говорить о любви, — перебил он. — Знаю, кузина, знаю и причину — я касаюсь вашей раны... Но ужели мое дружеское прикосновение так грубо... ужели я не стою этой доверенности... Скажите, кузина, — пусть я смешон с своими надеждами на генеральство, на вашу взаимность, но, однако ж, чего ж нибудь да стою я в ваших глазах, не правда ли? вы цените, признаете во мне что-нибудь? Скажу больше, (л. 27 об.) [в ваш(ей)] около вас, во всей вашей жизни — никогда не было и нет, может быть и не будет, человека ближе к вам — да, да, — смело говорю это, — и вы сами давеча сказали это, хотя не так ясно и решительно, — нет человека [в котором бы живее], который бы так знал коротко людей, и сердце, и вас самих, который бы [давал ва(м)] открывал вам глаза на всё, так понимал [и так ясно понимал] [открывал] [толковал] смысл всего, что есть, что делается, — да, вы читаете мои мысли — чувства — [я жив(ой)] я [не предок] не тетушка, не рара, не comte Serge и prince Pierre, не предок, не муж ваш — я живой, современный, свежий человек: во мне всё говорит и действует, я смотрю широко на жизнь, я приношу к вам сюда неведомые здесь понятия и чувства — [мне] я вам необходим... Правда ли это, кузина, правда ли? да, да — скажите — да?

Она молчала.

— Это ничего, что вы сказали «уезжайте», — продолжал он, — все прочие могут оставаться, вам нужно, чтоб я один уехал...

— Почему? — с изумлением спросила она.

— Ужели это изумление — притворство? Впрочем, нет — вы [бессо(знательны)] часто и во многом бессо-

знательны — потому, кузина, что [вы чувству(ете)] [я] один я — лишний, потому что один я прочту и прочел вашу тайну в зародыше. Но...

Она сделала движение, встала, прошлась по комнате и [почти с] опять с нетерпением бросилась в кресло.

— Но... — начал он опять [куз(ина)] нежным, дружеским голосом [и она] [пусть я смешон за лю(бовь?)], — я вас [всё] люблю, кузина (она выпрямилась), всячески люблю — и больше всего люблю за эту поразительную красоту: вы владеете мной невольно и бессознательно. Вы можете сделать из меня всё — вы это знаете и можете...

— Послушайте... вы хотите уверить меня, что у вас... что-то вроде страсти, — сказала она, — смотрите, не лжете ли вы... положим, невольно: две недели назад ничего не было, были какие-то <л. 28> порывы — и вдруг так скоро — вы видите, что это ненатурально, ни ваши восторги, ни мучения, — извините, cousin, я им не верю, и оттого у меня нет и пощады [о], которой вы добиваетесь...

— Для страсти не нужно годов, кузина: она может зародиться в одно мгновение. Но я и не уверяю вас в страсти, а что я чувствую в эту минуту муку — так я не лгу. Не говорю опять, [чтоб я] что я умру с отчаяния, что это вопрос всей моей жизни, — нет, нет — вы мне ничего не дали, и нечего вам отнять у меня, кроме надежд, которые я сам возбудил в себе... Я их сам беру назад...

— Чего же вы хотите?

— Меня оскорбляет ваш ужас, что я заглянул к вам в сердце...

— Там ничего нет, — [с(казала)] невозмутимым голосом сказала она.

— Есть, есть, кузина, и мне тяжело, что я не выиграл даже этого доверия; вы боитесь, что я не умею обойтись с вашей тайной, [ва(м)] мне больно, что вам противно, что вас пугает и стыдит мой взгляд... Кузина, кузина, — говорил он, становясь перед ней на колени, — [ведь я] а ведь это мое дело, моя заслуга — ведь я виноват... что вывел вас из темноты и слепоты, что этот Милари...

Она слушала довольно покойно, но при последнем слове встала.

— Если вы, cousin, дорожите немного моей дружбой и если вам что-нибудь значит быть здесь... видеть меня... то... не произносите никогда этого имени...

«Да, это решительно правда, я попал!» — решил Райский — [и в нем засела] [и у него была боль и мука] и ему стало легче [тяжесть], боль замирала — от безнадежности, оттого, что вопрос был решен и тайна объяснилась. Он уже стал смотреть [объект(ивно)] на Софью, на Милари и даже на самого себя объективно.

— Дружба, хороша дружба! бояться дать заглянуть (л. 28 об.) в сердце, страшиться, как шпиона, стыдиться...

— Мне [нечего] бояться [нечего] и стыдиться некого и нечего, — сказала она.

— Как некого: а их? — указал он на портреты, — вон как они все вытаращили глаза!

— И правду сказать, есть отчего! — заметила совершенно свободно и покойно Софья, — если только они слышат и видят вас: чего не было сегодня? И упреки, и déclaration,* и ревность, даже коленопреклонение! Я думала, что это возможно только на сцене — ах, cousin! — с веселым вздохом закончила она, впадая в свой слегка насмешливый и спокойный тон.

В самом деле, ей нечего было ужасаться и стыдиться: граф Милари [бывал всегда] был у ней раз шесть, всегда при других, пел, слушал ее игру, и разговор никогда не выходил из пределов обыкновенной учтивости и тонкого, едва заметного благоухания тонкой и покорной лести. Другая бы сама [твер(дила)] бойко произносила имя красавца Милари, тщеславилась бы его вниманием, немного бы пококетничала с ним, а Софья запретила даже называть его имя и не знала, как зажать рот Райскому, [чтоб он] когда он так невпопад догадался о «тайне». Никакой тайны нет, и если она приняла эту догадку неравнодушно, так, вероятно, потому, чтобы повторенный два-три раза слух [получает] не получил маленький вес и в свете, чего доброго, родится и пролетит легкое облако тумана.¹ Боже сохрани! Она, она, Софья Пахотина, влюблена — какая нелепость. Боже сохрани!

---

* признание в любви (фр.)

¹ Далее вписано: говор, улыбка...

Обожженный ее [стыд(ливой)] сияющей, теперь какой-то стыдливой и робкой красотой, подавленный ее надменной или боязливой недоверчивостью, оскорбленный отнятием надежды на генеральский чин и предложенной дружбой, он (л. 29) сидел с поникшей головой перед ней и слушал, как доктор слушает внутренность больного, что было внутри его. Недавно было еще там так светло и празднично, как в освещенном [ог(нями)] пире; а теперь огни гасли один за другим; опять [за(летал?)] проникал туда холод, темнота, опять увядали надежды на жизнь. Восстали и пали надежды, и [ст(ало)] уж [там] слышится голодный вой скуки. Воображение просило материяла, сердце праздно и мерно билось, жизнь бледнела, и скука начинала свою печальную, как осенний ветер, песню. Глаза потускли, по щекам вместо огня и ярких красок потянулись какие-то бледно-желтые пятна, движения стали медленны и вялы, веки будто слипались. Никуда и ничего не хотелось ему.

— Прощайте, кухня! — сказал он [равнодушно] вяло.

— Разве вы не у нас сегодня день? — сказала она ласково, — последний день!

«Лесть, хитрость: золотит пилюлю!» — думал Райский.

— Зачем я вам? — [спро(сил)] ответил он вопросом.

— Вижу, что дружба моя для вас — ничто! — сказала она.

— Ах неправда, кухня! Какая дружба — вы боитесь меня.

— Слава Богу: мне еще нечего бояться...

— *Еще* нечего? — повторил он, ударяя на *еще*. — А если *уже* (он сделал ударение на *уже*), удостоите ли вы меня вашего доверия?

— Но вы говорите, что это оскорбительно, cousin [поэтому], после этого я бы боялась...

— Не бойтесь! [почти мрачно сказал он] говорите, я вам сказал тоже, что надежды могли бы разыгаться от взаимности, (л. 29 об.) а ее ведь... нет? — спросил он и пытливо взглянул на нее, чувствуя, что, при всей безнадежности [дел(о)] [еще] [не в(се)], надежда не совсем еще испарилась из него, и тут же мысленно назвал себя дураком.

[— Нет, — сказала она] Она медленно и отрицательно покачала головой.

— И... быть не может? — всё еще пытливо спрашивал он.

— Вы неисправимы, *cousin*, — сказала она, — [вы] всякую другую вы поневоле заставите кокетничать с собой. Но я не хочу и прямо скажу вам — нет!

— Следовательно, вам и бояться нечего верить мне...

— *Parole d'honneur*,* мне нечего верить...

— Ах, есть, кухня!

— Что же такое хотите вы, чтоб я вверила вам, *dites positivement*.**

— Хорошо: скажите, чувствуете ли вы [перемену] какую-нибудь перемену в себе?

Она молчала. Она сделала движение, и лицо опять менялось у нее из дружеского на принужденное и холодное.

— Нет, нет, *pardon*, — я не назову его... с тех пор, — хочу я сказать, — как *он* появился, стал ездить в дом...

— Послушайте, *cousin*, вы видели, что я немного... встревожилась, когда вы назвали его: подумайте, что если кто-нибудь повторит эту нелепость, то это может дать повод к толкам — вот причина, а вы сейчас, по своему обыкновению, преувеличили. Это осторожность, и больше ничего...

— Больше ничего? А не нравится он вам? Не находите вы, что он лучше...

— Лучше поет, нежели все наши певцы...

— Нет, собой, лицом, манерами, этим (л. 30) изящным тоном, разговором, полным [знаний] ума, новизны, какого-то трепета, как будто под его простыми фразами кроется сила, страсть...

Он пристально, исподлобья глядел на нее. Она холодно и задумчиво смотрела [вдаль] в сторону и как будто видела что-то вдали: взгляд ее блуждал.

— Ничего! — сказала она решительно. — Бог знает чего не наскжете вы и в конце, как точку, поставите «страсть».

— Ну хорошо, если еще ничего нет, то когда будет что-нибудь, когда вы почувствуете [что спо(койствие?)], что я говорил вам иногда здесь... вы скажете [мн(е)]?

---

* — Честное слово (*фр.*)

** скажите прямо (*фр.*)

— Если почувствую [то скажу вам од⟨ним⟩] и если скажу, то вам одним или никогда и никому не скажу — но этого никогда не будет.¹ Довольно, cousin! Вон карета подъехала: это тетушки.

Она встала, оправилась у зеркала и пошла навстречу теткам.

Обе они разохались перед портретом Софьи и упрекали, что он не хотел [снять и с ⟨них⟩] списать их: «мы-де старухи!» — и в заключение велели обедать ему у себя; Надежда Васильевна сказала, что она напишет письмо к Татьяне Марковне Бережковой, с которой они играли в детстве. Райский просил Софью писать,² и она обещала «ответить» ему [обо всем], если он напишет обо всем, кроме «любви».

Она с изумлением смотрела на него [и не верила своим ушам], как он весь внезапно вспыхнул, какие яростные взгляды метал на нее. Еще немного, и пена забила бы [изо] у рта.

— Но он, если не лучше, во-первых, граф, — сказала она.

— Купленный или украденный титул, — сказал он. — (л. 30 об.) Это один из тех пройдох, что, по словам Лермонтова, приезжают сюда «на ловлю счастья и чинов», втираются в большие дома, ищут протекции женщин, протираются в службу и потом делаются гран-сеньорами: берегитесь, кузина, мой долг остеречь вас!

Всё это он говорил чуть не с пеной у рта.

— Никто ничего подобного не заметил за ним! — с возрастающим изумлением говорила она, — и если пара и mes tantes принимают его...

— Пара и mes tantes! — [почти пер⟨ебил⟩] с пренебрежением повторил он, — много знают они: послушайте их!

— Кого же слушать: вас, cousin? [— с ул⟨ыбкой⟩] — Она улыбнулась.

— [Да, кузина! Я знаю людей, и если] Да, кузина, и я вам говорю: это [бесст⟨ыдные⟩] опасные выходцы: может быть, под этой интересной бледностью, мягкими

---

¹ Далее вписано: торопливо сказала она

² Далее вписано: к нему

кошачьими манерами кроется бесстыдная алчность — и бог знает что! (л. 31)

— [Я готова слушать вас, cousin, — говорила она, — удостойте меня вашего урока.] Что же, cousin, чему я должна верить? Им ли? — она указала на предков, — или, бросив всё, не слушая никого, вмешаться в толпу и жить «новой жизнью»?

— Делайте, как хотите [чт(о)], ведь... «что мне за дело?» — возразил он ее словами, — я вижу, что он, этот *homme distingué*,* изящным тоном, разговором, полным ума, новизны, какого-то трепета, как будто под простыми фразами кроется сила, страсть, — что всем этим он растопил ледяную кору и... и...

Он принужденно засмеялся.

— Что ж: прекрасно! Италия, небо — и любовь...

Он исподлобья смотрел на нее. Она опять становилась задумчива и холодна, опять осторожность начала брать верх.

— Ничего этого нет, cousin, — сказала она покойно, — и мне остается только благодарить вас за этот новый урок, за предостережение. Только я в затруднении, чему следовать: тогда вы толкали меня туда, на улицу, теперь... боитесь за меня. Что же мне, бедной, делать?.. — с комическим недоумением спросила она.

Оба молчали.

— Я возьму портрет с собой... — вдруг сказал он.

— Зачем? — спросила она в удивлении, — вы говорили, что готовите мне подарок.

— Нет, я переделаю: я сделаю из него... грешницу.

Она опять весело засмеялась.

— Делайте, что хотите, cousin: Бог с вами!

— И с вами тоже!.. Но... кузина! Ужели мы так расстанемся: холодно, с досадой — не друзьями...

— [Вы] Друзьями? а как вы поступили с моей дружбой...

— Дайте мне ее, кузина, — умолял он, — и простите немножко... влюбленного в вас cousin.

Он поцеловал у ней руку.

— Разве я не увижу вас больше? — живо спросила она.

---

* достойный человек (фр.)

— За этот вопрос дайте еще руку — я опять прежний Райский — опять... и любите, кузина, наслаждайтесь, помните, что (л. 31 об.) я вам говорил в первый раз... только не забывайте до конца cousin Райского.

— Вы опять свое: «любите»...

— Полноте, полноте — Бог с вами: «что мне за дело?»... Я закрываю глаза и уши, я слеп, глух и нем, — говорил он, закрывая глаза и уши. — Но если, — вдруг прибавил он, глядя ей прямо в глаза, — вы почувствуете всё, что я говорил, предсказывал, что, может быть, вызвал в вас здесь — на свою шею, — скажете ли вы мне... [ведь эт(ого)] я стою этого...

— Вы спрашиваетесь на «оскорбление»?

— Нужды нет, кузина: я буду героем, рыцарем дружбы, первым из кузней! Подумавши, я нахожу, что дружба кузней и кузин — [не совсем] очень приятная дружба, и я — принимаю вашу...

— *A la bonne heure!** — сказала она, — и если я почувствую [и] что-нибудь, то скажу вам одним или никогда никому и ничего не скажу. Но этого никогда не будет и быть не может! — торопливо добавила она. — Довольно, cousin, — поспешно прибавила она, — вон карета подъехала: это тетушки!

Она пошла им навстречу.

— А будете писать ко мне? — спросил он, идучи за ней [если].

— С удовольствием, обо всем, кроме... любви! — прибавила она.

«Неисправима! — подумал он, — но посмотрим, что будет!»

И шел свободно домой, плавая в задумчивости, видя в голове картину этой женщины: она рисовалась ему [каме(нной)] [ста(туей)] белой холодной статуей, [в] где-то в пустыне, под ясным, теплым, будто лунным небом, среди сухих, (л. 32) нагих скал [и] [в пустыне], с мертвыми деревьями, с нетекущими водами, с странным молчанием. [И вдруг будто на небе засветился луч — [и тихо] светлой нитью] Она, обратив каменное лицо к небу [будто ждала], положив руки на колени, полуоткрыв уста, кажется, ждала — и вдруг [зол(отой?)]

* — В добрый час! (*фр.*)

из-за скал мелькнул свет: задрожали листья на деревьях, тихо зажурчали струи в водах — и луч озолотил бледный лоб, веки медленно открылись, и искра пробежала по статуе, бледные щеки зардели [и краски вторглись], лучи упали на плеча, сзади оторвалась густая коса и рассыпалась по спине, грудь вздохнула, и краски облили камень, и волна жизни пробежала по [т(елу)] [спи(не)] бедрам, задрожали колени — из груди вырвался вздох — и статуя ожила, явилась женщина и [зак(рыла)] бросила радостный луч¹ вокруг... [Ему было] Он веселился этой мечтой: ни тоски, ни грусти, ни ревности — не было: в нем умер любовник и ожил бескорыстный артист.

«Да, артист не должен [дорожить] привязываться — пусть он любит, страдает, платит все эти человеческие дани... но пусть никогда не упадет под бременем их, пусть встанет и творит: и пустыню, и камень, и мрак, холод, и потом пусть [наполнит ее] опять воскресит и наполнит жизнью ее и [скажет] покажет людям образ — как они живут, любят, страдают, блаженствуют и умирают... За тем он послан в мир!..» <л. 32 об.>

*Последующая редакция глав XVII—XVIII части первой
(ЧА₁ (17–18))*

(Т. 7, с. 125—151)

Райский с раннего утра сидит за² портретом Софьи — и не первое утро сидит он так. Он сидит чем-то измученный, озабоченный:³ посмотрит⁴ на портрет и вдруг с досадой набросит⁵ на него занавеску и пойдет шагать по комнате, остановится у окна, посвистит, побарабанит пальцами по стеклам или закурит сигару, а иногда⁶ уйдет со двора и бродит такой злой, недовольный. Наутро опять та же история, то же недовольство и озлобление. Иногда он сидит, сидит и вдруг схватит палитру и⁷ живо примется подмазывать кое-где, подтуше-

¹ Так в рукописи.

² Было: перед

³ Вместо: сидит ∞ озабоченный — было: сильно озадачен

⁴ Было начато: то смотрит

⁵ Было начато: задернет

⁶ Далее было начато: и во (двор?)

⁷ Далее было начато: с ожесто(чением)

вывать, потом посмотрит и задумается на полчаса, потом покачает головой отрицательно, вздохнет или сожмет губы и бросит палитру.

А портрет похож как две капли воды: Софья — такая, какую все видят и знают ее: невозмутимая, сияющая. Та же гармония в чертах, ее возвышенный белый лоб, открытый, невинный взгляд,¹ гордая² шея, величаявая грация³ плеч и⁴ эта спящая⁵ сном покоя высокая, пышная грудь. Она — вся она, а он недоволен, терзается художественными болями, замирает от нетерпения,⁶ тоски. Как, он вызвал жизнь в подлиннике, внес огонь во тьму⁷ и засветил жизнь в оригинале, а портрет всё тот же! Та же недоступность в этом⁸ сияющем образе: тут красота ее не влечет, не втягивает в себя, а пугает, отталкивает, (л. 17) как будто тут⁹ присутствует¹⁰ какой-то страж, не кроткий хранитель невинности, а бравый,¹¹ наводящий робость гений¹² рода, сана и приличий! «Прочь его, прочь, — злобно шептал художник¹³ и не знал, чем спугнуть этого аристократического¹⁴ гения, как разрушить великолепный храм и воздвигнуть на его месте другой, в который бы тянуло прохожего зайти и принести жертву.¹⁵

«Разве Софья та теперь — эта безжизненная, сжавшая так скромно и прилично губы, смотрящая с тахим...¹⁶ доставшимся по наследству от бабушки и ма-

---

¹ *Вместо:* открытый, невинный взгляд — *было:* с чистотою искренности на этом лбу, открытый, бодро и нетрепетно сияющий взгляд

² *Далее было:* высокая

³ *Было начато:* с величием и гра(цией)

⁴ *Далее было начато:* таинственный сон покоя

⁵ *Далее было начато:* непробуд(ным)

⁶ *Далее было:* художественских болей

⁷ *Было начато:* в тем(ноту)

⁸ *Далее было начато:* отталки(вающим)

⁹ *Было:* тут как будто

¹⁰ *Далее было начато:* не кротки(й)

¹¹ *Было:* какой-то бравый

¹² *Вместо:* гений — *было:* аристократический гений

¹³ *Было начато:* Ра(йский)

¹⁴ *Слово вписано.*

¹⁵ *Далее было:* Он задумался с палитрой на пальце. Хоть бы Кирилов скорее пришел: он обещал [подумал он] зайти сегодня, посмотреть: может быть, он [скажет] [будет счаст(ливая)] [скажет что-нибудь] [явится счаст(ливая)] заметит что-нибудь и явится счастливая мысль...

¹⁶ *Далее было:* достоинством

тушки достоинством... разве это Софья? нынешняя, настоящая Софья — в тот вечер... где она? Вот здесь, здесь (он ударял себя в голову и грудь), а не вынешь и не положишь ее... Что это Кирилов нейдет! а обещал! Хоть бы он надоумил, что надо сделать, чтоб из богини вышла женщина!»¹ И опять задумался, с палитрой на пальце, с поникшей² головой — и от нечего делать стал наблюдать за собой — что делается в нем?³ В нем хаос: участие⁴ к Софье⁵ больше,⁶ нежели участие, что-то живое, огненное бежит у него в крови, когда он вспомнит ее волнение, меняющиеся краски на лице, умоляющий голос оставить ее, уйти,⁷ ее нервное содрогание,⁸ как она⁹ хотела призвать на помощь гордость и не могла,¹⁰ смущалась и металась, как девочка, как¹¹ хотела отнять руку и не отняла из его руки, как не смогла одолеть себя... как она была тогда — не похожа на этот¹² портрет!

Он от портрета перешел к оригиналу и всё сидел, но думал уже не о портрете, он¹³ наслаждался своим подвигом, вздрагивал от этого не художнически творческого дела,¹⁴ пробуждения, рождения Софьи к новой жизни. Он видел и знал, что заронил в нее сомнения, что она теперь в драматической борьбе с природой,¹⁵ что ее посетила тоска, что эти сомнения и вопросы — гамлетовские сомнения и вопросы: он читал их у ней в сердце: «В самом ли деле¹⁶ (л. 17 об.) я живу так, как нужно? Не жертвую ли я чем-нибудь живым, челове-

¹ Текст: «Разве Софья та теперь ~ чтоб из богини вышла женщина!» — вписан на полях со знаком вставки.

² Было: наклоненной

³ Далее было начато: А

⁴ Было: живое участие

⁵ Слова: к Софье — вписаны.

⁶ Далее было: даже

⁷ Далее было начато: вспомн(ит)

⁸ Вместо: ее волнение ~ ее нервное содрогание — было: как она смотрела на него в иные вечера

⁹ Слово вписано.

¹⁰ Далее было начато: трепетала, как де(вочка)

¹¹ Далее было начато: рука ее

¹² Было: на его

¹³ Слова: всё сидел ~ он — вписаны на полях со знаком вставки.

¹⁴ Вместо: не художнически творческого дела — было: не художнического творчества

¹⁵ Было: с недоумениями

¹⁶ Внизу листа помета для переписчика, отсылающая к тексту на следующем листе: (Писать, что отмечено точками на 2-м листе.)

ским этой мертвой гордости моего рода и круга, этим приличиям? Ведь надо сознаться, что мне иногда бывает... скучно! Рара, тетушки, кузина Катринь, m-me Vazil, старая княгиня Морасинская, бал у графа Розмайского, раут у посланника... Дома строгий, важный порядок, цветы в урнах, сыгранная для равнодушных ушей соната Бетховена, почтительное поклонение мужчин, официальная, веющая холодом дружба женщин, приемы, визиты, скучные лица... Один только cousin Райский...»

У Райского забилося¹ сердце, когда он довел мечту Софьи до себя. Он пока делал всё как будто для нее, а не для себя... нет, и не для нее делал он это, а для человека вообще, для общества, — думал он,² — он нес огонь туда, где темно... Зачем же, однако, он не занимается другими, а остановился на самой прекрасной, изящной... для нее, всё для нее да для общества, конечно!³ Он видит в своей мечте, что она останавливается на нем с улыбкой, молча и долго; потом вдруг, неожиданно и живее, против своего обыкновения, встанет с места⁴ (л. 19), но идет без цели или останавливается, будто внезапно пораженная каким-то новым лучом мысли или чувства, у окна, открывает портьеру и погружает любопытный взгляд в улицу, в живой поток голов, лиц, как будто чует пульс, судорогу общественного движения, усилия, порывы, лихорадку жизни, точно и она стала ее частью, видит⁵ и понимает, куда так торопливо бежит какой-то господин, с боязнию опоздать; ей жаль мужика,⁶ который гнется с огромной ношей на спине; она, кажется, угадала причину тоски вон у той бедно одетой, проехавшей на дрожжах женщины... и т. д. и

¹ *Было*: трепетало

² *Слова*: думал он — *вписаны*.

³ *Текст*: У Райского забилося сердце ~ да для общества, конечно! — *вписан на полях со знаком вставки*. Далее *было*: И вот он всё думает о ней, следит, как она должна мечтать теперь...

⁴ *Далее было*: прошла

⁵ *Вместо*: открывает портьеру ~ видит — *было*: а. откроет портьеру и долго, жадно вглядывается в улицу, в эту движущуюся массу, в поток живой жизни, в заботливые лица, в суетливые движения, видит судорогу жизни, ее усилия, порывы, лихорадку, [и впервые(е)] [вхо(дит)] и вдруг сама приросла к этой жизни, она видит б. открыла портьеру и с любопытством вглядывается в улицу, в поток живой жизни, в это море голов, [в улицу], [чув(ствует)] она вдруг сама видит

⁶ *Было*: того мужика

т. д., всякого и всякую провожает задумчиво-заботливый взгляд Софьи... Она долго глядит на эту жизнь и нехотя отходит от окна, забыв опустить портьеру. Она берет книгу,¹ разворачивает страницу (и, верно, письмо Татьяны) и опять погружается в мечту; книга выпадает из рук на пол, Софья не заботится поднять ее; она рассеянно берет цветок из вазы, не замечая, что прочие цветы разбросались в стороны² и некоторые выпали; она нюхает цветок и, думая о другом, рассеянно оцупывает листья губами и тихо-тихо идет, не сознавая почти, что делает, к роялю, садится небрежно, боком на табурет, и, продолжая нюхать цветок, одной рукой берет задумчивые аккорды и всё думает о ком-то, потом вдруг бросает цветок в сторону,³ она вся входит в себя, сосредоточивается и, наклонив над клавишами голову, почти покрывая их грудью,⁴ берет сильные, страстные аккорды, но⁵ не из Бетховена: слышится жалоба Лючии, плач Десдемоны, далее⁶ поэтический вихрь вальса, и всё будто кружится в ней и вокруг нее, всё вальсирует и поет,⁷ звуки льются всё безумнее, всё горячее, они мчатся, мчатся в порыве сама Софья. Она приподняла голову и, в забытьи, повела кругом открытым, но не видящим ничего вокруг⁸ взглядом: стены перед ней раздвинулись, не стало пышной утвари; перед ней будто туман, хаос, потом небо, потом моря, сады. Всё это явится, мелькнет, исчезнет; в сердце нега, плеча будто зябнут, а щеки горят; звуки льются всё быстрее, руки просят простора, им тесно, в голове поют звуки,⁹ каких тут нет, в этих мертвых костях.¹⁰ (л. 19 об.) У ней губы сжаты, глаза горят,¹¹ грудь сильно дышит...¹² Мало-по-

---

¹ *Текст:* у окна ∞ Она берет книгу — *вписан на полях со знаком вставки.*

² *Слова:* в стороны — *вписаны.*

³ *Далее было:* мечта отлетает прочь

⁴ *Было:* собой

⁵ *Было:* уже

⁶ *Было:* то

⁷ *Слова:* далее поэтический вихрь вальса ∞ и поет — *вписаны на полях со знаком вставки.*

⁸ *Слова:* открытым, но не видящим ничего вокруг — *вписаны.*

⁹ *Вместо:* поют звуки — *было:* больше звуко(в)

¹⁰ *Слова:* в голове поют звуки ∞ в этих мертвых костях — *вписаны на полях со знаком вставки.*

¹¹ *Было:* пылают

¹² *Далее было начато:* Но вот

малу порыв догорает,¹ щеки простыли, руки перестали² бешено бросаться по костям,³ глаза устремились на одну какую-то точку, губы улыбаются, пальцы едва касаются клавишей, звуки поют тихо и нежно, глаза хотят плакать, грудь всё еще⁴ волнуется. Всё тише, тише играют пальцы, Софья будто окаменела на месте и замерла, руки движутся слабее, слабее,⁵ Софья не шевелилась, не замечала, что она перестала играть, что всё молчит вокруг. Она сидит с наклоненной головой... Она тихо, чуть-чуть, как дух, произнесла чье-то имя, вдруг вздрогнула, робко оглянулась и закрыла лицо руками и так осталась...⁶ В комнате никого: только в не закрытое портьерой окно ворвались лучи солнца и вольно гуляют по зеркалам, дробятся на граненом хрустале, раскрытая книга валяется на полу, у ног ее — ошипанные листья цветка, и другие просятся вон из вазы... всё так, как говорил Райский! всё это «служит жизни» и... ужели «любви»? — с ужасом мелькнуло у ней. Она, с несвойственной ей быстротой, как напроказившая институтка, как Лидия, ее кузина, бросилась и опустила штору, подобрала листья, поправила цветы, подняла и поставила на место книги...⁷

Так, сидя у себя дома, перед портретом Софьи, мечтал о ней Райский и, (л. 20) глядя на спокойные глаза и отчасти насмешливую улыбку, думал, что надо сделать, чтоб из богини вышла женщина. Он задумался, что она теперь делает, о чем думает, а главное, о ком!.. (л. 20 об.)⁸

«Но имя, имя? чье имя? о ком?» — бледнея, думал он, и глаза у него загорелись, по рукам и ногам пробежали судороги...⁹

---

¹ *Было:* догорел

² *Было начато:* стали

³ *Слова:* Мало-помалу ∼ по костям — *вписаны на полях со знаком вставки.*

⁴ *Слова:* всё еще — *вписаны.*

⁵ *Слова:* руки движутся слабее, слабее — *вписаны на полях со знаком вставки.*

⁶ *Слова:* робко оглянулась ∼ и так осталась — *вписаны над строкой и на полях со знаком вставки.*

⁷ *Текст:* В комнате никого ∼ поправила цветы, подняла и поставила на место книги... — *зачеркнут и восстановлен. Рядом на полях помета для переписчика: (Только до этих пор писать: продолжение на следующем листе.)*

⁸ *Текст:* Так, сидя у себя дома ∼ о ком!.. — *ошибочно зачеркнут.*

⁹ *Фраза вписана на полях со знаком вставки.*

Но о ком же, кроме его!.. Он гордо улыбнулся, потом вздрогнул и закрыл глаза и опьянел на минуту. «Обо мне», — шептала ему мечта. «Невозможно», — говорил рассудок. «А почему же нет?» — шептал он сам. Не он ли открыл ей глаза и сердце? говорил языком почти страсти, каким никто не говорил никогда с нею? Не его ли она просила уйти... боясь, конечно, слушать далее, отнимала и не отняла у него руку из руки? У нее замерли возражения, когда она увидела что-то, что он указал ей, образ любви? «Кто же, кто еще?» Он опять вздрогнул, схватил кисть, и жадными, широкими глазами глядел на ту Софью, какую видел в уме, и долго, с улыбкой, мешал краски на палитре, несколько раз готовился дотронуться кистью и долго останавливался — наконец¹ провел кистью по глазам² — потушевал и открыл немного веки, взгляд стал шире, но был всё еще покоен. Он тихо, почти машинально, опять коснулся глаз — они стали более жизненны, говорящи, но всё еще холодны. Он долго водил кистью около глаз, опять мешал краски — и провел в глазу какую-то черту, почти точку, как учитель некогда в школе поставил³ на его безжизненном рисунке, потом делал что-то, чего и сам объяснить не мог, в другом глазу... и вдруг сам замер от искры, какая блеснула ему из них, — он отошел, посмотрел и обомлел: глаза бросили сноп лучей прямо на него, но выражение было всё еще сухо, строго. Он коснулся кистью палитры, потом бессознательно, почти случайно, чуть-чуть изменил линию губ, провел легкий белый штрих по верхней губе, немного смягчил какую-то тень и отошел от портрета, взглянул и обомлел от радости: «Она, она! — говорил он, едва дыша, — нынешняя, настоящая Софья!» (л. 21)

Кто-то⁴ подкрался сзади его. Он с живостью обернулся — пришел Аянов.⁵

— Иван Иваныч! — торжествуя,⁶ бросился он к нему,⁷ — как я рад, что ты пришел! Смотри — она — она? Говори же, говори...

¹ Слова: ту Софью ∞ наконец — вписаны на полях со знаком вставки.

² Далее было начато: потушевал немно(го)

³ Слово вписано.

⁴ Было начато: Он

⁵ Рядом с этой фразой зачеркнутая помета для переписчика: (Это прежде.)

⁶ Было начато: ра(достно)

⁷ Далее было начато: Смо(три)

— Пстой:¹ дай посмотреть.

Иван Иванович долго смотрел.

— Кто это? — флегматически спросил он.

Райский остолбенел.

— Ты не узнаешь Софью? — спросил он, едва приходя в себя от изумления.

— Как, Софья? — в изумлении повторил и Аянов, глядя во все широкие глаза на портрет. — Ведь у тебя был другой! — сказал он.

Райский с досадой, почти с презрением, махнул рукой.

— Всё тот же! — заметил он, — я только переделал. Как ты не видишь, — напустился он, — что тот был без жизни, без огня, сонный, вялый — а этот!

— Воля твоя: тот был больше похож, — упрямо возражал Аянов, — а этот... она тут как будто пьяна...

— Сам ты пьян! поди прочь! — сказал Райский.

— Я ведь не знаю толку, — равнодушно отозвался Аянов.²

Пришел Кирилов, он молча³ и медленно,⁴ глубже и глубже уходил в портрет. Райский с беспокойством следил за выражением.⁵ (л. 21 об.)

Тщательно оберегая портрет, он повез⁶ его к ней. Он не видал ее несколько дней, всё спешил кончить портрет: теперь он похитил прометеев огонь — он творец вдвойне: дал жизнь ей самой и оживил полотно! Он начал, он должен и кончить начатое — не для себя, а для нее, для человека, для общества... Но если она будет и венком для победителя и творца, не есть ли это естест-

---

¹ Было: Пстойте

² Далее было: а вот я как ехал к тебе, видел, что плетется, уставив глаза в землю и ничего не видя, Кирилов. [Я кричал, кричал ему, хотел подвезти — не слышит.] Должно быть, сюда идет.

— Ах, прекрасно: [вот] хоть он педант, однако [знает толк и] художник в душе, и верно... Да вот он пришел. Здравствуйте, Семен Семеныч: поглядите, поглядите... она — она?

И, не дав ему времени положить шляпу, тотчас сел к мольберту.

³ Далее было начато: стоял и весь

⁴ Далее было начато: ухо(дил)

⁵ Далее зачеркнутая помета для переписчика: (На новом листе.); этот лист в рукописи отсутствует; его отсутствие в дальнейшей нумерации в правом верхнем углу листов не отражено; следующий 22-й лист начинается с пометы: (Прежде это писать.)

⁶ Было: повез он

венная награда? Ужели он не может, не умеет быть счастлив, так счастлив...¹ Софья Пахотина выйдет замуж — не за равного ей родом Райского, бедного, без кровли, без так называемого *position dans le monde*,* а бог знает за кого... «*un je ne sais qui*». Да это и не жертва: это упоение, наслаждение² — пойти с ним в его угол.³ «Победа, победа», — заключил он, подъезжая к крыльцу Софьи,⁴ и с замирающим сердцем поднимался на лестницу. Он верил⁵ и не верил, что увидит ее и как и *что* будет говорить. «Как тут закипает! — думал он, трогая себя за грудь. — О, быть буре: и дай Бог бурю! Что это за жизнь!» Ему то снился взгляд ее, брошенный на другого, и судорога кривила ему лицо, он ломал руки, то вдруг возникал призрак счастья, такой великолепный, что он исчезал в его лучах, пьянел от мечты и верил, верил, что она никогда не рассеется,⁶ верил в сегодня и забывал о вчера и завтра, нужды нет, что и то и другое обманывало его — и что повторения обмана ввергали его в скуку. «Сегодня решительный день, — думал он, — сегодня тайна должна выйти наружу и я узнаю... любит ли она или нет? Если да — жизнь моя... *наша* должна измениться: я не еду... или, нет, *мы* едем туда, к бабушке, в райский уголок, оба, если нет... Да почему же нет, почему? Ужели она опять⁷ встретит меня этим покойным взглядом, как бывало? ужели на мою пламенную речь ответит олимпийским громом или... холодной сентенцией теток...» Он развернул портрет, поставил его в гостиной на кресло и тихо пошел по амфиладе к комнатам (л. 22)

---

¹ К фразе: Ужели он не может ≈ так счастлив... — знаком отнесена зачеркнутая помета для переписчика *вверху листа*: (Потом это:)

* положения в обществе (фр.)

² Далее на полях со знаком вставки *было*: Он дал ей жизнь... «Если она поняла жизнь, она поймет и цель его — искусство. Можно быть художником и нейти в монахи: вон Алексей Потасьев, жанрист, друг, говорит: он любит, наслаждается, даже шалит, а артист, и какой еще! [На(стоящий?)] Будущий Теньер! Это зависит от темперамента, от воспитания, от образа жизни, привычек! Ведь Кирилов — нищий, сын дьячка... что мудреного...» — так утешал он себя.

³ Слова: пойти с ним в его угол — *вписаны*.

⁴ *Было*: к ее крыльцу

⁵ *Вместо*: Он верил — *было*: и опять верил

⁶ *Вместо*: и верил, верил, что она никогда не рассеется — *было*: и верил в [ее] возможность прочного счастья, верил, верил, что оно никогда не пройдет

⁷ Слово *вписано*.

Софьи. Ему сказали внизу, что она была одна: тетки уехали к обедне.¹

Он — держась² за сердце, как будто унимая,³ чтоб оно не билось, шел на цыпочках — ему всё⁴ снились разбросанные цветы, поднятая портьера, дерзкие лучи, играющие на хрусталях...⁵ Он тихо подкрался и увидел Софью. Она сидит, опершись локтями на стол, положив лицо в ладони, и — мечтает, или... плачет? Она в неглиже, не затянута в латы негнущегося платья, без кружев, без браслет, даже не причесана; волосы небрежно, кучей лежат в сетке; блуза так мягко и послушно стелется по плечам и падает широкими складками у ног. На ковре лежат две⁶ атласные туфли; ноги просто в чулках покоятся на бархатной скамеечке. Она не видит его, а он боится дохнуть.

— Кузина, Sophie! — назвал он ее.

---

¹ *Далее было начато:* Он еще издали, когда входил, ставил портрет, слышал [свободные звуки] фортепиано... такие резвые, свободные звуки, потом всё замолкло. Он шел на цыпочках, едва одолевая волнение, [не] [замирая от] беспрестанно меняя [в голове план] мечту, картину — как [она] застанет Софью.

Наконец вошел... и не поверил глазам. [Он остановился перевести дух [так вот что его] [предчувствие счастья]. Мечта его вполнину сбывается.] Софья сидит, как статуя, не шевелясь, у фортепиано: портьера далеко [отброшена] откинута от окна, [и] солнце дерзко ворвалось и вольно играет лучами по зеркалам, дробится на граненом хрустале. Раскрытая книга валяется на ковре; у ног Софьи ошипанные листья цветка, [прочие выпали [из вазы] и лежат [на ковре] [всё] — всё так, как говорил ей он: «всё служит жизни и... [любви] конечно, любви»] треск, шум, говор [сво(бно)] буйно врываются с улицы в комнату... Сама Софья в неглиже, без кружев, без браслет, негнущегося платья, а в мягкой, повинующейся легчайшему движению широкой блузе, в шелковых туфлях, с открытой шеей, [с] [волосы не скреплены] волосы кучей, в беспорядке лежат в сетке... Он взглянул [ей в] сбоку ей в лицо... [Задумчива, нежна, томна, улыбается] Она [за] сидит, опершись локтями на фортепиано, [полож(ив)] [сидит] спрятав лицо в ладони.

— Кузина, Sophie! — сказал он, бросаясь к ней и припал губами к обнаженной по локоть руке. [Она вздрогнула, встала во весь рост и едва не вскрикнула.

— Тайна открыта — я счастлив...]

Она внезапно проснулась из своего

² *Было:* едва сд(ерживаясь)

³ *Далее было:* сердце

⁴ *Слово вписано.*

⁵ *Далее было начато:* и сама Софья, задумавшаяся, опустилась на локт(и)

⁶ *Далее было начато:* т(уфли)

Она вздрогнула, так что руки затряслись у ней, и только немного отшатнулась, но не снимая локтей со стола, с удивлением глядела на него. У ней из глаз глядели вопросы: «Как он? откуда взялся? зачем тут?»¹ (л. 22 об.)

— Sophie! — повторил² он.³

Она вдруг встала и выпрямилась во весь рост.

— Что с вами, cousin? — спросила она коротко и покойно.

— Виноват, кузина, — уже без восторга сказал он, — я вас застал нечаянно в таком поэтическом беспорядке.⁴

Она оглянулась около себя и вдруг будто спохватилась и позвонила.⁵

— Pardon, cousin, я оденусь, — сухо⁶ сказала она⁷ и ушла с девушкой в спальню. Он слышал, что она сделала выговор Паше, зачем ей не доложили о приезде Райского.

«Что же это такое? — думал Райский, глядя на привезенный им портрет, — она опять не похожа — она всё такая же... Нет, она не обманет меня:⁸ это спокойствие и холод, которым она сейчас вооружилась передо мной, не прежний⁹ холод — о нет, это натяжка, при-

---

¹ *Текст:* Он — держась за сердце, как будто унимая, чтоб оно не билось ~ «Как он? откуда взялся? зачем тут?» — *вписан на полях со знаком вставки. Далее было:* а — Что вы, cousin, что с вами? б. — Sophie, Sophie! — безумно повторял Райский.

Софья вздрогнула, так что обе руки затряслись, — [потом, несколько отк(инув)] всё еще сидя и не снимая локтей с фортепиано, [несколько секунд с изумл(ением)] только откинув [спину и] голову, [несколько назад, с минуту] в неподвижном изумлении поглядела на Райского. в. — Sophie! кузина! — повторил Райский.

Софья всё еще сидела и, не снимая локтей с фортепиано, только откинув голову, в неподвижном изумлении поглядела на Райского. (л. 23)

² *Было:* а. *Начато:* ск(азал) б. говорил

³ *Далее было начато:* — Что

⁴ *Вместо:* в таком поэтическом беспорядке — *было:* и этот беспорядок

⁵ *Вместо этой фразы было:* Тут она оглянулась и заметила открытый портрет, ощипаный цветок, валяющуюся книгу. [Она неловко, как пря(ча?)] Она [молча] позвонила и указала девушке на портьеру и книгу, а [листья] цветы подняла сама и бросила в вазу.

⁶ *Слово вписано.*

⁷ *Слово вписано.*

⁸ *Далее было начато:* в

⁹ *Было:* не тот

нуждение. Там что-то прячется,¹ под этим льдом, — посмотрим».

Наконец она вышла причесанная, одетая, в шумящем платье. Она, не глядя на него, стала у зеркала и надевала браслет.

— Я привез ваш портрет, кузина.

— Где? Покажите, — сказала она и пошла за ним² в гостиную.³

— Вы польстили мне, cousin, я не такая, — говорила она, вглядываясь в портрет.

— Ах нет, я далеко от истины, — сказал он с неприятным унынием, видя перед собой подлинник. — Красота: какая это сила! Нет ничего лучше красоты в мире, следовательно, нет ничего лучше вас, кузина, только...

— Только — что?

— Только... не скажу что: я уж много раз говорил вам и чувствую,⁴ что никогда не выбьюсь из повторений.⁵ Ах, если б мне эдакую красоту: если б я был на вашем месте!

— Что ж бы вы сделали?

— Я бы⁶ не закопал таланта: пользовался бы им, сделал бы кого-нибудь одного очень счастливым и был бы сам счастлив, как уже нельзя быть счастливее...

— И наделали бы тысячу несчастных: да? Я знаю вас — вы бы не пощадили...

— А! — поймал ее Райский, — так вы из сострадания так неприступны... Вы боитесь бросить лишний взгляд, знаете, что это никому не пройдет даром. Новая изящная черта! Самоуверенность вам к лицу! Эта гордость лучше аристократической спеси: здесь сила и гордость — это естественно: тут есть смысл.⁷ (л. 23)

Он обрадовался, что открыл, как показалось ему,⁸ почему она так упорно кроется от него, так вдруг изменила мечтательную позу и ушла опять в свои окопы.

---

¹ Было начато: свети(тся)

² Слова: за ним — вписаны.

³ Рядом с текстом: — Sophie! — повторил он. ∞ и пошла за ним в гостиную. — помета для переписчика: (Сначала это писать.)

⁴ Было: боюсь

⁵ Слова: не скажу что ∞ не выбьюсь из повторений — вписаны на полях со знаком вставки.

⁶ Было начато: а. — Я б. — По(льзовался бы)

⁷ Рядом с текстом: — Вы польстили мне, cousin ∞ тут есть смысл. — помета для переписчика: (А потом это.)

⁸ Далее было: причину

— Вот что! — думал он, — но нет, надо вывести это на свежую воду.¹

— Не будьте, однако, слишком сострадательны, кто откажется от страданий, чтоб подойти к вам, говорить с вами? кто не поползет на коленях вслед за вами — не только для торжества, для счастья и победы — просто для одной слабой-слабой надежды на победу...

— Полноте, cousin, вы опять за свое, — сказала она, но не совсем² равнодушным тоном: она как будто сомневалась, так ли она сильна, так ли³ все поползли бы вслед за ней, как этот восторженный, горячий, сумасбродный артист.

И этот тонкий оттенок не ускользнул от Райского. Он⁴ прозревал в ее взгляды, слова, ловил, иногда⁵ бессознательно, все лучи и тени, мелькавшие в ней, ловил⁶ это незаметно, не только видел,⁷ слышал, но как будто чуял нервами, что произошло, даже должно произойти с ней.⁸

— Вы сами видите это, — продолжал он, — что за один ласковый взгляд — без особенного значения, за одно слово,⁹ без обещаний награды, — все бегут, суетятся, ищут, ловят ваше внимание.

— Будто бы?

— А вы не заметили? — полноте!

— Право, нет.

— Право, заметили и втихомолку торжествуете, да еще издеваетесь надо мной, заставляя высказывать вас же самих. Вы знаете, что я говорю правду, и в словах моих вы видите свой образ и любуетесь им.¹⁰

— Пока еще я видела его в портрете, и то преувеличенно, а на словах вы только бранитесь.¹¹

---

¹ Текст: Он обрадовался ∞ на свежую воду. — *вписан на полях со знаком вставки.*

² Слова: не совсем — *вписаны.*

³ Далее *вписано и зачеркнуто*: бы

⁴ Далее *было*: тонко

⁵ *Было*: почти

⁶ *Было*: Он ловил

⁷ *Вместо*: не только видел — *было*: не видал, не слышал

⁸ Текст: И этот тонкий оттенок ∞ произойти с ней. — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁹ Слова: за одно слово — *вписаны.*

¹⁰ Слова: и любуетесь им — *вписаны.*

¹¹ Слова: а на словах вы только бранитесь — *вписаны.*

— Нет, портрет — слабая, бледная копия: верен только один луч ваших глаз, ваша улыбка, и то не всегда: вы редко¹ так смотрите и улыбаетесь: боитесь; но иногда, однажды мелькнуло,² и я поймал и только намекнул на истину. Ах, как вы были хороши тогда!³ — замирающим голосом заметил он.

— Когда это? — спросила она, стараясь припомнить.

— Вот тут, когда я говорил вам... еще, помните, (л. 23 об.) ваш папá привел этого Милари...

Она молчала.

— Милари? — повторил он.⁴

— Помню, — сухо⁵ сказала она.⁶

— Что, он часто бывает у вас? — спросил Райский, заметив и эту сухость тона.⁷

— Да... иногда: он очень⁸ хорошо поет, — прибавила она и пересела на диван спиной к свету.

— Когда он будет у вас, я бы заехал... дайте мне знать...⁹

Она молчала. Он поглядел на нее: она передернула мантилью и пошевелила плечами, как будто ей было холодно.¹⁰

— А впрочем... я еду, вы знаете? — спросил он, вдруг взглянув на нее.

Она ничего.

— Куда? — спросила только.

— Вам не жаль, не скучно будет без меня? — говорил он, глядя пристально на нее.

Она думала и, казалось, решала эти вопросы про себя. Он прочел это у ней на лице.

— Видите, кухня, для меня и то уж счастье — видеть, что тут есть какое-то сомнение, что у вас не вырвалось ни «да», ни «нет»: внезапное «да» значило бы

---

¹ *Далее было начато:* бываете

² *Слова:* и то не всегда ∞ но иногда, однажды мелькнуло — *вписаны на полях со знаком вставки.*

³ *Было:* а. однажды б. один раз, вот тут

⁴ *Далее было начато:* — Да

⁵ *Слово вписано.*

⁶ *Текст:* Она молчала. ∞ сухо сказала она. — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁷ *Слова:* заметив и эту сухость тона — *вписаны.*

⁸ *Слово вписано.*

⁹ *Слова:* дайте мне знать — *вписаны.*

¹⁰ *Текст:* Она молчала. ∞ как будто ей было холодно. — *вписан на полях со знаком вставки.*

обман, любезность или уж такое счастье, какого я не заслужил, а «нет»... от «нет» было бы мне больно. Но вы не знаете сами, жаль вам или нет: это уже много от вас, это почти половина победы!

— А вы надеетесь на полную? — спросила она с улыбкой.¹

— Плохой солдат, который не надеется быть генералом, (л. 24) сказал бы я, но не скажу — это было бы слишком... невозможно.

Он глядел на нее и хотел бы, дал бы бог знает что, даже втайне ждал, чтоб она спросила «почему?», но она не спросила, и он подавил вздох.

— Невозможно, — повторил он, — и в доказательство, что у меня нет таких колоссальных надежд, я пришел проститься с вами — может быть, надолго.

— Мне жаль вас, cousin, — вдруг сказала она тихо, мягко и почти с чувством.

Он обернулся к ней так живо, как человек, у которого болели зубы и вдруг прошла боль.²

— «Жаль»! — повторил он, — правда ли это?

— Совершенно: вы знаете, я никогда³ не лгу.

Он взял ее ладонь, положил туда свое лицо и долго с упоением целовал. Она не отнимала руки.

— Вот, вот — за это право — целовать так вашу руку — чего бы не сделали все эти, которые толпятся около вас в гостиных и на балах.

— Стало быть, вы счастливы: вы пользуетесь этим правом свободно...

— Да, как cousin! Но чего бы не сделал, — говорил он, глядя на нее почти пьяными глазами, — чтоб целовать эту ладонь иначе... вот так...

Он хотел опять⁴ целовать: она отняла руку.⁵

— Повторите, кузина, что вам жаль меня.⁶

— Мне будет иногда очень скучно без вас...

— Зачем это «иногда»?

---

¹ Слова: с улыбкой — вписаны.

² Слова: так живо ∞ и вдруг прошла боль — вписаны на полях со знаком вставки.

³ Слово вписано.

⁴ Слово вписано.

⁵ Текст: — Вот, вот ∞ она отняла руку. — вписан на полях со знаком вставки.

⁶ Слова: кузина, что вам жаль меня — вписаны.

— Пожалуй, я возьму его назад: мне будет скучно, мне будет... недоставать вас...

— Я не еду, я остаюсь, — сказал он, вдруг встав перед ней. Глаза у него заблестали, лицо вдруг осветилось, он внезапно похорошел.

— Ах нет, поезжайте! — еще быстрее возразила она. У него опять как будто заболели зубы.¹

— Что ж это значит: противоречие? Как понять...

— Поезжайте, cousin, удерживать вас для себя, чтоб иногда...

— Опять это «иногда»? — с досадой сказал он. — Что «иногда»?

— Чтоб слышать вас: вы много, конечно, преувеличиваете, (л. 24 об.) но иногда объясните верно там, где я понимаю, но не могу сама² сказать, не умею...

— А, сознались наконец! Так³ вот зачем я вам нужен: я служу вам переводчиком, истолкователем разных явлений жизни, называю вещи по именам, и вы... заглядываете в меня, как в арабский словарь! — прибавил он со вздохом.

— Но вы сами, cousin, сейчас сказали, что не надеетесь быть генералом и что всякий, просто за внимание мое, готов был... поползти куда-то...

— Да, вслед за вами на край света!⁴

— Я не требую этого, cousin, но если вы мне дадите немного...

— Дружбы? — спросил Райский.

— Да.

— Ну так, я знал. Ох эта дружба! Суется, где ее не спрашивают.

— Нет, cousin, я вижу, что вы не отказались от генеральского чина...

— Нет, нет, кузина: полным генералом быть, разумеется, я бы хотел — но не надеюсь и оттого, повторяю, еду. Но вы сказали мне, что вам скучно без меня, что меня вам будет недоставать, и я, как утопающий, хватаюсь за соломинку. Может быть, у меня шевельнулись и надежды на... Бог знает, на что, а вы вдруг

---

¹ Фраза вписана.

² Слово вписано.

³ Текст: — А! сознались наконец! Так — вписан на полях со знаком вставки.

⁴ Фраза вписана.

одним словом «уезжайте» толкнули меня опять в бездну, и вот я на дне ее. Теперь вы маните меня оттуда дружбой¹ из сострадания, чтоб я встал на ноги, оправился...²

— Но если для одного ласкового взгляда или слова можно ползти такую даль, на край света, то³ для дружбы, которой я никому легко не даю...

— Дружба хороша, кузина, когда она — шаг к любви, или, иначе — она просто нелепость, даже иногда оскорбление. (л. 25)

— Как это?

— Так. Вы мне дадите право входить без доклада в кабинет, будете гонять меня по городу с поручениями,⁴ бранить меня — это участь и привилегия кузней,⁵ даже советоваться со мной,⁶ если у меня есть вкус, как одеться на бал; удостоите искреннего отзыва о ваших родных,⁷ знакомых, и, наконец, дойдет и до оскорбления... до того,⁸ что поверите мне сердечный секрет, когда влюбитесь...

У Софьи в лице показалось принуждение; она даже притворно зевнула⁹ в сторону.¹⁰ Он заметил.

— Не влюбились ли вы уже?¹¹ — вдруг¹² спросил он.

Она принужденно улыбнулась в ответ.

— Что ж значит это смущение?

— Смущение? я смутилась? — говорила она и поглядела в зеркало. — Какие глупости! — прибавила она. — Я не смутилась, а вспомнила только, что мы уговорились не говорить о любви... Прошу вас, cousin, — вдруг

---

¹ Далее было начато: чтоб

² Слова: из сострадания ∞ оправился — вписаны на полях со знаком вставки. Далее было начато: Ох эти дружбы

³ Слова: можно ползти такую даль, на край света, то — вписаны на полях со знаком вставки.

⁴ Далее было: а. как всех кузней б. роль всех кузней

⁵ Слова: бранить меня — это участь и привилегия кузней — вписаны на полях со знаком вставки.

⁶ Слова: со мной — вписаны.

⁷ Слово вписано.

⁸ Слова: до того — вписаны.

⁹ Далее было: в руку

¹⁰ Слова: в лице показалось принуждение ∞ в сторону — вписаны на полях со знаком вставки.

¹¹ Слово вписано.

¹² Слово вписано.

серьезно прибавила она, — помнить уговор. Не будем,¹ пожалуйста, говорить² об этом.³

Он молча глядел на нее и видел, что ей было неловко, странно. Он удивился этой просьбе и задумался.⁴ Она и прежде просила, но шутя, с улыбкой.⁵ Самолюбие шепнуло было ему, что он постучался в ее сердце даром, что оно отзывается и что слово «уезжайте», смущение и внезапная неловкая просьба не говорить о любви — есть боязнь, осторожность, что она не ручается за себя. Потом он отбросил эту мысль и сам⁶ покраснел от сознания, что он фат, и искал других причин, а сердце ноет, мучается, терзается, глаза впиваются в нее (л. 25 об.) с вопросами, слова кипят на языке и не сходят: его уже гложет ревность.

«Что ж это? ужели я не шутя влюблен?⁷ — думал он. — Нет, нет! И что мне за дело? Ведь я не для себя хлопотал, а для нее же хлопотал...⁸ Еще последнее усилие!...»⁹

— Последний вопрос, кузина, — сказал он¹⁰ вслух, — если б... — и задумался: вопрос был решителен, — если б я не принял дружбы, которую вы подносите мне как просвиру какую-нибудь, — а задался бы задачей, и на всю жизнь, быть генералом: что бы вы сказали? мог ли бы, могу ли?..

«Она не кокетка, она скажет истину...» — подумал он.¹¹

— Поддержали бы вы эту надежду, кузина?

Он дрожал и едва выговорил последние слова и боялся взглянуть ей прямо в лицо. Она сидела, прислонясь спиной к дивану, и глядела вниз, себе на колени, на ноги. Лицо ничего не говорило, но на опущенных

---

¹ Было: Не говорите

² Слово вписано.

³ Текст: вдруг ∞ говорить об этом — вписан на полях со знаком вставки.

⁴ Слова: и задумался — вписаны.

⁵ Фраза вписана на полях со знаком вставки.

⁶ Слова: и сам — вписаны.

⁷ Далее было начато: Нет, врешь, сердце: это опять об(ман?)

⁸ Вместо: хлопотал — было: для человека вообще, я развиваю ее и только

⁹ Текст: с вопросами ∞ Еще последнее усилие!... — вписан на полях со знаком вставки.

¹⁰ Слово вписано.

¹¹ Слова: подумал он — вписаны.

ресницах, на сжатых губах лежало какое-то¹ принуждение.

«Да, есть тайна. Она не та, что месяц, даже две недели назад...» — решил Райский и едва дышал от боли, какая-то мучительная забота грызла его... вероятно, всё о ней как о человеке да об обществе...

— Вы молчите, кузина, а как я жду, если б вы знали! — сказал он.

— У вас нет никаких надежд, cousin! — произнесла она, глядя вниз.

Он сделал движение нетерпения, как будто сомнение в этом было невозможно.

— Нет и не может быть! — повторила она.² — Вы как все... Это больше ничего как просто homage...* любезность, а вы преувеличиваете... Вы сами сказали, что в свете ко мне внимательны, стараются быть приятными... и вы (л. 26) тоже. Вы выходите из роли кузенья и друга — позвольте напомнить вам.³

— Так вы смешиваете меня с светскими любезниками, с волокитами...

— Fi, quelle expressions!** — сказала она.

— Да, вот с этими, что порхают по гостиным, по логам с псевдонежными фразами и заученным остроумием! Нет, кузина, если я говорю о себе, то говорю, что во мне есть, язык мой верно переводит голос сердца, или я ничего не говорю, молчу, скучаю и навожу скуку на других. Вот полгода я при вас не соскучился, ухожу — и уношу мысленно вас с собою — и что чувствую, то сумею выразить...

— Зачем мне это?⁴ — вдруг спросила она.

Он замолчал, озадаченный этим «зачем». Тут был весь ответ на его вопрос о надеждах на «генеральство». И довольно бы, не спрашивать бы ему дальше, а он... чудак!

— Вы... не любите меня, кузина? — спросил он тихо и вкрадчиво.⁵

— Очень! — весело отвечала она.

---

¹ Слово вписано.

² Слова: повторила она — вписаны.

* дань уважения (фр.)

³ Фраза вписана на полях со знаком вставки.

** — Фи, что за выражения! (фр.)

⁴ Слова: мне это — вписаны.

⁵ Слова: спросил он тихо и вкрадчиво — вписаны.

— Не шутите, ради Бога, — раздражительно сказал он.

— Даю вам слово, что не шучу.

«Спросить, влюблены ли вы в меня, — глупо, так глупо... — думал он, — что лучше уеду, ничего не узнавши, а ни за что не спрошу... Вот поди ж ты: покойна, невозмутима, без огня и страстей, а хитрит, вертится и ускользает... но я узнаю ее тайну, а тайна есть, ей-богу, есть! „Огорошу” ее¹ неожиданно, брякну,² что у меня бродит в душе...»

Во время этого мысленного монолога она с лукавой улыбкой смотрела на него и, кажется, не чужда была удовольствия помучить его, и помучила бы, если б... он не «огорошил» ее неожиданным вопросом.

— Вы влюблены в этого итальянца, в графа Милари — да? — спросил он и погрузил в нее взгляд (л. 26 об.) и чувствовал, что бледнеет, что он сам одним мигом взвалил тысячи пуд себе на плеча, ему стало холодно, бесприютно,³ как будто весь мир покинул его. А что, кажется, ему за дело? ведь он вызывал из нее жизнь и любовь — не для себя, а «для жизни, для человека вообще, для общества», он «развивал» ее, а теперь стоит перед ней убитый, уничтоженный, жалкий! Он видел в уме себя, понимал нелепость своего положения и глядел на Софью. Улыбка, дружеский тон, свободная поза — всё исчезло в ней от его вопроса: перед ним холодная, строгая, суровая женщина, не жертва, а гневная богиня. Она была так близко к нему, а теперь казалась где-то далеко, на высоте, не родня и друг ему. — Должно быть, это правда. Я угадал, — сказал он и разбирал, из-за чего угадал он. Что подало повод ему к догадке? Он не видал никогда Милари у ней, а только когда заговорил о нем, у ней пробежала какая-то⁴ тень по лицу да пересела она спиной к свету...

«Боже мой! зачем я всё вижу и знаю, где другие слепы и счастливы? зачем для меня довольно шороха, ветерка, самого молчания, чтоб знать? зачем я читаю там, где для других всё немо и глухо? Проклятое

---

¹ *Далее было начато:* вопро(сом)

² *Было:* брякну... брякну

³ *Слова:* он сам одним мигом взвалил ≈ бесприютно — *вписаны на полях со знаком вставки.*

⁴ *Слово вписано.*

чутье! Вот теперь яд прососался в сердце — а из каких благ?»¹

Она молчала.

— Вы оскорблены, кузина, — сказал он.

Она молчала.

— Скажите — да?

— Вы сами знаете, что может произвести подобная догадка.

— Я знаю больше, кузина, — я знаю и причину, почему вы оскорбились. Потому что это правда.

Она сделала движение и поглядела на него с достоинством.

— И этот взгляд не ваш, кузина.

— Я притворяюсь? вы приписываете себе много чести, m-г Райский.

Он засмеялся, потом вздохнул.² <л. 27>

— Если это неправда, то... что обидного в моей догадке? — сказал он, — а если правда, то опять-таки... что обидного в этой правде: подумайте над этой дилеммой, кузина, и покайтесь, что вы напрасно хотели подавить достоинством вашего бедного cousin.

Она слегка пожала плечами.

— Да, это так, кузина, и всё это, что вы делаете в эту минуту, выражает не оскорбление, а досаду, что у вас похитили тайну... и оскорбление — только маска...

— Какая тайна? Что вы! — говорила она, возвышая голос³ и делая большие глаза, — вы употребляете во зло права кузенья — вот в чем и вся тайна! А я неосторожна тем, что принимаю вас во всякое время, без тетушек и рара...

— Кузина, кузина! ради Бога, бросьте этот тон! — начал он дружески, горячо и искренно, так что она почти смягчилась и мало-помалу приняла прежнюю, свободную, доверчивую позу, как будто видела, что тайна ее попала не в чужие руки, если только тут была тайна.

---

¹ Текст: «Боже мой! ∞ а из каких благ?» — вписан на полях со знаком вставки вместо вписанной на полях и зачеркнутой фразы: Еще счастья в глаза не видал, а уж сколько испортил крови.

² Над строкой и на полях следующего листа вписано со знаком вставки и зачеркнуто: — Да, да, — вполголоса говорил он, — всё верно: я нескромно заглянул, вам этого не хотелось, и вы надели маску обиды... как всякая бы сделала и как делают. Посудите сами: (л. 27 об.)

³ Слова: возвышая голос — вписаны.

— Вот что значит Олимп! — продолжал он, — будь вы просто женщина, не богиня, вы бы поняли мое положение, взглянули бы в мое сердце и поступили бы не сурово, а с пощадой, даже если б я был вам совсем чужой! А я вам близок, вы говорите, что любите меня дружески, скучаете, не видя меня... Но любовь эгоистична: она равнодушна к чужой муке...

— А я просила вас не говорить об этом...¹

— Знаю, кузина, знаю и причину — я касаюсь вашей раны... Но ужели мое дружеское прикосновение так грубо... ужели я не стою этой доверенности...

— Какой доверенности! какие тайны! ради Бога, cousin! — с ужасом говорила она, отшатываясь от него² и глядя в беспокойстве по сторонам, как будто хотела уйти, заткнуть уши, не слышать, не знать.³

— Пусть я смешон с своими надеждами на «генеральство», на вашу взаимность, — продолжал он, не слушая ее, горячо и нежно,⁴ — но, однако ж, чего же nibудь да стою я в ваших глазах, не правда ли? Вы признаете, цените во мне что-нибудь? Скажу больше, (л. 27 об.) около вас, во всей вашей жизни — никогда не было и нет, может быть и не будет, человека ближе к вам — да, да, — смело говорю это, — и вы давеча сказали то же самое,⁵ хотя не так ясно и решительно, — нет человека настоящего, живого,⁶ который бы так знал коротко людей, и сердце, и вас самих, который бы открывал вам глаза на всё, так понимал смысл всего, что есть, что делается, — да, вы читаете мои мысли, чувства — я не тетушка, не рара, не comte Serge и prince Pierre, не предок, не муж ваш — никто не знает жизни, все они на ходулях, все замкнулись в кружок старых,⁷ скудных понятий и нищенски пробавляются ими⁸ — я живой, свежий человек: во мне всё говорит и действует, я смот-

---

¹ Слова: не говорить об этом — вписаны.

² Далее было начато: и как (будто)

³ Фраза: — Какой доверенности! ∞ не знать. — вписана на полях со знаком вставки.

⁴ Слова: продолжал он, не слушая ее, горячо и нежно — вписаны на полях со знаком вставки.

⁵ Слова: то же самое — вписаны.

⁶ Слова: настоящего, живого — вписаны на полях со знаком вставки.

⁷ Слово вписано.

⁸ Слова: никто не знает жизни ∞ пробавляются ими — вписаны на полях со знаком вставки.

рю широко на жизнь, я приношу к вам сюда неведомые здесь понятия и чувства — я вам дорог,¹ необходим. Правда ли это, кузина, правда ли? Да, да — скажите — да?

Она молчала.

— Это ничего, что вы сказали «уезжайте», — продолжал он, — все прочие могут оставаться, вам нужно, чтоб я один уехал.

— Почему? — с изумлением спросила она.

— Ужели это изумление — притворство? Впрочем, нет — вы часто и во многом бессознательны — потому, кузина, что один я — лишний в эту минуту,² потому что один я читаю и прочел вашу тайну в зародыше. Но... но если вы мне вверите ее, тогда я — после *него*, буду дорожке для вас всех...³

Она сделала движение, встала, прошлась по комнате, оглядывая почти с ужасом стены, все портреты, глядя далеко в амфиладу комнат — и как будто не видя выхода из этого положения,⁴ и опять с нетерпением бросилась в кресло.

— Но... — начал он опять нежным, дружеским голосом, — я вас люблю, кузина (она выпрямилась), всячески люблю — и больше всего люблю за эту поразительную красоту; вы владеете мной невольно и бессознательно. Вы можете сделать из меня всё — вы это знаете...

— Послушайте... вы хотите уверить меня, что у вас... что-то вроде страсти, — сказала она, — смотрите, не лжете ли вы... положим — невольно? — прибавила она, видя, что он собирается разразиться каким-нибудь монологом,⁵ — две недели назад⁶ ничего не было, были какие-то ⟨л. 28⟩ порывы — и вдруг так скоро... вы видите, что это ненатурально, ни ваши восторги, ни мучения: извините, *cousin*, я им не верю, и оттого у меня нет и пощады, которой вы добиваетесь... воля ваша,

---

¹ Слово вписано.

² Слова: в эту минуту — вписаны на полях со знаком вставки.

³ Слова: но если вы ∞ дорожке для вас всех — вписаны на полях со знаком вставки.

⁴ Слова: оглядывая почти с ужасом ∞ из этого положения — вписаны на полях со знаком вставки.

⁵ Слова: прибавила она ∞ каким-нибудь монологом — вписаны на полях со знаком вставки.

⁶ Слово вписано.

а мне придется разжаловать вас из кузней: вы самый беспокойный cousin и друг...¹

— Для страсти не нужно годов, кузина: она может зародиться в одно мгновение. Но я и не уверяю вас в страсти, а что я чувствую в эту минуту муку — так я не лгу. Не говорю опять, что я умру с отчаяния, что это вопрос всей моей жизни, — нет, нет — вы мне ничего не дали, и нечего вам отнять у меня, кроме надежд, которые я сам возбудил в себе. Я их беру назад и...

— Чего же вы хотите?

— Меня оскорбляет ваш ужас, что я заглянул к вам в сердце...

— Там ничего нет, — монотонно² сказала она.

— Есть, есть, и мне тяжело, что я не выиграл даже этого доверия; вы боитесь, что я не умею обойтись с вашей тайной, мне больно, что вам противно, что вас пугает и стыдит мой взгляд... Кузина, кузина, — говорил он, становясь перед ней на колени, — а ведь это мое дело, моя заслуга, ведь я виноват... что вывел вас из темноты и слепоты, что этот Милари...

Она слушала довольно покойно, но при последнем слове быстро³ встала.

— Если вы, cousin, дорожите немного моей дружбой и если вам что-нибудь значит быть здесь... видеть меня... то... не произносите никогда этого имени...

«Да, это правда, я попал! Она любит его!» — решил Райский, и ему стало уже⁴ легче, боль замирала — от безнадежности, оттого, что вопрос был решен и тайна объяснилась. Он уже стал смотреть на Софью, на Милари и даже на самого себя со стороны, объективно.

— Не бойтесь, кузина, ради Бога, не бойтесь, — говорил он.⁵ — Дружба, хороша дружба! бояться, (л. 28 об.) как шпиона, стыдиться...

— Мне бояться и стыдиться некого и нечего, — сказала она.

---

¹ Слова: воля ваша ∞ вы самый беспокойный cousin и друг — *вписаны на полях со знаком вставки.*

² Слово *вписано.*

³ Слово *вписано.*

⁴ Слово *вписано.*

⁵ Текст: со стороны, объективно. ∞ говорил он. — *вписан на полях со знаком вставки.*

— Как некого: а их? а света?¹ — указал он на портреты, — вон как они все вытаращили глаза! Но разве я — они? разве я свет?²

— И правду сказать, есть чего бояться — предков! — заметила совершенно свободно и покойно Софья, — если только они слышат и видят вас: чего не было сегодня? И упреки, и *déclaration*,* и ревность, даже коленипоклонение! Я думала, что это возможно только на сцене — ах, *cousin!* — с веселым вздохом заключила она, впадая в свой слегка насмешливый и покойный тон.

В самом деле, ей нечего было ужасаться и стыдиться: граф Милари был у ней раз шесть, всегда при других, пел, слушал ее игру, и разговор никогда не выходил из пределов обыкновенной учтивости и едва заметного благоухания тонкой и покорной лести. Другая бы сама бойко произносила имя красавца Милари, тщеславилась бы его вниманием, немного бы пококетничала с ним, а Софья запретила даже называть его имя и не знала, как зажать рот Райскому, когда он так невпопад догадался о «тайне». Никакой тайны нет, и если она приняла эту догадку равнодушно, так, вероятно, потому, чтоб истребить и в нем даже тень подозрения.³ Она — Софья Пахотина, влюблена — какая нелепость — Боже сохрани!

Обожженный ее прежде сияющей, а теперь какой-то стыдливой, присмирившей красотой, подавленный ее надменной или боязливой недоверчивостью, оскорбленный отнятием надежды на «генеральский чин» и предложенной дружбой, он (л. 29) сидел с поникшей головой перед ней и слушал, как доктор слушает внутренность больного, что было внутри его. Недавно было еще там так светло и празднично, как на освещенном пире; а теперь огни гасли один за другим; опять проникал туда холод, темнота, опять увядали надежды на жизнь. Слышался голодный вой скуки.

— Прощайте, кузина! — сказал он вяло.

— Разве вы не у нас сегодня? — отвечала она ласково, — последний день!

---

¹ Слова: а света? — вписаны.

² Фраза вписана.

* признание в любви (фр.)

³ Слова: чтоб истребить и в нем даже тень подозрения — вписаны на полях со знаком вставки.

«Лесть, хитрость: золотит пилюлю!» — думал Райский.

— Зачем я вам? — ответил он вопросом.

— Вижу, что дружба моя для вас — ничто! — сказала она.

— Ах, неправда, кузина, какая дружба — вы боитесь меня.

— Слава Богу, мне еще нечего бояться...

— *Еще* нечего? — повторил он, ударяя на *еще*. — А если будет, удостоите ли вы меня вашего доверия?

— Но вы говорите, что это оскорбительно, после этого я боялась бы...

— Не бойтесь! Я сказал, что надежды могли бы разыграться от взаимности, (л. 29 об.) а ее ведь... нет? — робко¹ спросил он и пытливо взглянул на нее, чувствуя, что, при всей безнадежности, надежда еще не совсем испарилась из него, и тут же мысленно назвал себя дураком.

Она медленно и отрицательно покачала головой.

— И... быть не может? — всё еще пытливо спрашивал он.

Она засмеялась.²

— Вы неисправимы, cousin, — сказала она. — Всякую другую вы поневоле заставите кокетничать с собой. Но я не хочу и прямо скажу вам: нет!

— Следовательно, вам и бояться нечего вверить мне! — с унынием и холодом в душе договорил он.³

— Parole d'honneur,* мне нечего вверять...

— Ах, есть, кузина!

— Что такое хотите вы, чтоб я вверила вам, dites positivement.**

— Хорошо: скажите, чувствуете ли вы какую-нибудь перемену в себе, с тех пор как Милари...

Она сделала движение, и лицо опять менялось у нее из дружеского на принужденное и холодное.

— Нет, нет, pardon, — я не назову его... с тех пор, хочу я сказать, как он появился, стал ездить в дом...

---

¹ Слово вписано.

² Фраза вписана.

³ Слова: с унынием и холодом в душе договорил он — вписаны на полях со знаком вставки. Далее было: лишенный всякой надежды

* — Честное слово (фр.)

** скажите прямо (фр.)

— Послушайте... cousin, — начала и остановилась на минуту, затрудняясь, по-видимому, продолжать.¹ — Положим, если бы — enfin si s'était vrai*,² — это быть не может (скороговоркой, будто в скобках, прибавила она) — но что... вам... за дело, после того как...

Он вспыхнул как порох.

— Что³ за дело? — вдруг горячо перебил он, — что за дело? Кузина? Вы снизойдете до какого-нибудь рагвепи,** до какого-то Милари, итальянца,⁴ вы, Пахотина, блеск, гордость,⁵ лучший цветок, перл гордого высшего света — вы... вы... вы! — с изумлением, почти с ужасом повторял он.⁶ (л. 30)

А она с изумлением смотрела на него, как он весь внезапно вспыхнул, какие яростные взгляды метал на нее.

— Но он, во-первых, граф... — сказала она.

— Купленный или украденный титул, — возражал он в пылу. — (л. 30 об.) Это один из тех пройдох, что, по словам Лермонтова, приезжают сюда «на ловлю счастья и чинов», втираются в большие дома, ищут протекции женщин, протираются в службу и потом делаются гран-сеньорами: берегитесь, кузина: мой долг остеречь вас!

Всё это он говорил чуть не с пеной у рта.

— Никто ничего подобного не заметил за ним! — с возрастающим изумлением говорила она, — и если рара и mes tantes принимают его...

— Рара и mes tantes! — с пренебрежением повторил он, — много знают они: послушайте их!

— Кого же слушать: вас, cousin? — Она улыбнулась.

---

¹ Далее было начато: Ну

* словом, если б это было справедливо (фр.)

² Далее было: прибавила она, смущаясь

³ Текст: за дело, после того как... ∞ — Что — вписан на полях со знаком вставки.

** выскочки (фр.)

⁴ Далее было: с купленным или украденным титулом графа

⁵ Было: и гордость

⁶ Далее помета для переписчика: (На другой стороне.). На полях следующего листа зачеркнутый незаконченный текст: Он покраснел и метал на нее [почти яростные] грозные взгляды. [Еще немного, и пена показалась бы у рта.]

— Но он... если не [хуже] лучше, то [лучше] не хуже Ельнина: он, во-первых, граф...

— Купленный или украденный титул: это один из тех (30 об.)

— Да, кухня, и я вам говорю: остерегайтесь! Это опасные выходцы: может быть, под этой интересной бледностью, мягкими кошачьими манерами кроется бесстыдство, алчность и бог знает что!

— Но он везде принят,¹ он очень скромен, деликатен, прекрасно воспитан...²

— Всё это вы видите в своем воображении, кухня, — поверьте, — жёлчно говорил он.³

— Но вы его не знаете, cousin! — возражала она с полуулыбкой, начиная наслаждаться его внезапной⁴ раздражительностью.

— Довольно мне одной минуты было, чтоб разглядеть, что это один из тех chevaliers d'industrie,* которые сотнями бегут с голода из Италии, чтобы поживиться...

— Он артист du premier ordre,** — защищала она, — и если он не на сцене, так потому, что он noble,*** граф и богат... c'est un homme distingué.****

— А! вы защищаете его — поздравляю! Так вот на ком вы удостоили остановить взоры! — злобно говорил он, — homme distingué! Этого недоставало! Distingué! Опомнитесь, кухня, ради Бога! — с ужасом продолжал потом, — вам, вам ли, с вашими высокими понятиями, снизойти до какого-то безвестного выходца, может быть, самозванца-графа...

Она уже окончательно развеселилась и, казалось, забыла свой аристократический страх и осторожность.

— А Ельнин, — разве лучше его был, cousin? — разве мне не всё равно идти туда (она показала на улицу), что с Ельниным, что с ним... ведь там жизнь, и я должна «увидеть счастье, упиться им», «испытать страсть».

Райский стиснул зубы и сел на кресло и злобно молчал. Она продолжала наслаждаться его положением. (л. 31)

---

¹ *Далее было начато:* Напротив — он — c'est homm(e) (это человек — фр.)

² *Далее было:* возражала она

³ *Вместо:* жёлчно говорил он — *было начато:* мне было довольно о(дной)

⁴ *Слово вписано.*

* проходимцев (фр.)

** первоклассный (фр.)

*** знатен (фр.)

**** это достойный человек (фр.)

«О Боже, Боже! о человек! о дурацкое существование: обольщение, противоречие, обман — или скука, скука без конца! Уф!»

А она смотрела на него с торжеством, так ясно, покойно. Она была права, а он запутался.¹

— Что же, cousin: чему я должна верить? Им ли? — она указала на предков, — или, бросив всё, не слушая никого, вмешаться в толпу и жить «новой жизнью»?

— Делайте, как хотите, — с досадой махнул он рукой,² ведь... «что мне за дело?» — возразил он ее словами, — я вижу, что он, этот *homme distingué*, изящным, тонким разговором, полным ума, новизны, какого-то трепета, как будто под простыми фразами кроется сила, страсть, — что всем этим он уже тронул, пошевелил, и...³ и...

Он принужденно засмеялся.

— Что ж: прекрасно! Италия, небо — солнце — и любовь... — говорил он.⁴

— Вы, кажется, и это советовали мне: вы посылали даже меня⁵ в чухонскую деревню и там, «наедине с природой»... Ах, cousin, — прибавила она и засмеялась, потом вдруг сдержала смех.⁶

Он исподлобья смотрел на нее. Она опять становилась задумчива и холодна, опять осторожность начала брать верх.

— Ничего этого нет, — сказала она покойно, — и мне остается только благодарить вас за этот новый урок, за предостережение. Но я в затруднении, чему следовать: тогда вы толкали меня туда, на улицу, теперь... боитесь за меня. Что же мне, бедной, делать?.. — с комическим послушанием спросила она.

Оба молчали.

— Я возьму портрет с собой, — вдруг сказал он.

— Зачем? — спросила она в удивлении, — вы говорили, что готовите мне подарок.

---

¹ Текст: — Но он везде принят ∞ а он запутался. — *вписан на полях со знаком вставки.*

² Слова: с досадой махнул он рукой — *вписаны.*

³ Слова: уже тронул, пошевелил, и... — *вписаны.*

⁴ Слова: говорил он — *вписаны.*

⁵ Было: вы советовали даже укрыться

⁶ Текст: — Вы, кажется, и это советовали мне ∞ потом вдруг сдержала смех. — *вписан на полях со знаком вставки.*

— Нет, я переделаю: я сделаю из него... грешницу...

Она опять засмеялась.

— Делайте, что хотите, cousin, Бог с вами!

— И с вами тоже!.. Но... кузина! Ужели мы так расстанемся: холодно, с досадой, не друзьями... — вдруг прорвалось у него, и досада миновала, глаза опять с упоением смотрели на нее, еще искра тлела, и его влекло к ней, пока он ее видел, в голосе опять послышалась робкая дрожь страсти.¹

— Друзьями! Как вы поступили с моей дружбой...

— Дайте мне ее, кузина, — умолял он, — простите немножко... влюбленного в вас cousin, и прощайте!²

Он поцеловал у ней руку.

— Разве я не увижу вас больше? — живо спросила она.

— За этот вопрос дайте еще руку — я опять прежний Райский — опять говорю вам:³ любите, кузина, наслаждайтесь, помните, что (л. 31 об.) я вам говорил в первый раз вот здесь...⁴ только не забывайте до конца cousin Райского.

— Вы опять свое: «любите»...

— Полноте, полноте притворяться,⁵ полноте! Бог с вами, кузина:⁶ «что мне за дело?» Я закрываю глаза и уши, я слеп, глух и нем, — говорил он, закрывая глаза и уши. — Но если, — вдруг прибавил он, глядя прямо в глаза, — вы почувствуете всё, что я говорил, предсказывал, что, может быть, вызвал в вас на свою шею, — скажете ли вы мне... я стою этого...

— Вы напрашиваетесь на «оскорбление»?

— Нужды нет, кузина, я буду героем, рыцарем дружбы, первым из кузней! Подумавши, я нахожу, что дружба кузней и кузин — очень приятная дружба, и я — принимаю вашу...

— A la bonne heure!* — сказала она, подавая ему руку,⁷ — и если я почувствую что-нибудь, что вы пред-

---

¹ Слова: вдруг прорвалось у него ~ робкая дрожь страсти — вписаны на полях со знаком вставки.

² Слова: и прощайте! — вписаны.

³ Слова: говорю вам — вписаны.

⁴ Слова: вот здесь — вписаны.

⁵ Слово вписано.

⁶ Слово вписано.

* В добрый час! (фр.)

⁷ Слова: подавая ему руку — вписаны.

сказывали,¹ то скажу вам одним или никогда никому и ничего не скажу. Но этого никогда не будет и быть не может! — торопливо добавила она. — Довольно, cousin, — поспешно прибавила потом,² — вон карета подъехала: это тетушки.

Она встала, оправилась у зеркала и³ пошла им навстречу.

— А будете отвечать мне на письма?⁴ — спросил он, идучи за ней.

— С удовольствием: обо всем, кроме... любви! — прибавила она.

— Неисправима! — подумал он, — но посмотрим, что будет!

И шел свободно домой, плавая в задумчивости, видя в голове картину этой женщины: она рисовалась ему белой холодной статуей, где-то в пустыне,⁵ под теплым, будто лунным небом, но без луны,⁶ в свете, но не солнечном,⁷ среди сухих, (л. 32) нагих скал, с мертвыми деревьями, с нетекущими водами, с странным молчанием. Она, обратив каменное лицо к небу, положив руки на колени, полуоткрыв уста, кажется, ждала — и вдруг из-за скал мелькнул свет: задрожали листья на деревьях, тихо зажурчали струи в водах, кто(-то) встрепнулся в ветвях,⁸ (кто-то)⁹ пробежал по лесу, кто-то вздохнул в воздухе, и он заструился,¹⁰ и луч озолотил бледный лоб статуи;¹¹ веки медленно открылись, и искра пробежала по статуе, дрогнуло холодное тело,¹² бледные щеки зардели; лучи упали на плеча, сзади оторвалась густая коса и рассыпалась по спине, грудь вздохнула, и краски

---

¹ Слова: что вы предсказывали — вписаны на полях со знаком вставки.

² Слово вписано.

³ Слова: встала, оправилась у зеркала и — вписаны.

⁴ Слова: отвечать мне на письма — вписаны.

⁵ Далее было начато: без

⁶ Далее было: и без солнца

⁷ Слова: но без луны, в свете, но не солнечном — вписаны на полях со знаком вставки.

⁸ Было: в листьях

⁹ В рукописи ошибочно: будто

¹⁰ Слова: кто-то встрепнулся в ветвях ∞ и он заструился — вписаны на полях со знаком вставки.

¹¹ Слово вписано.

¹² Слова: дрогнуло холодное тело — вписаны на полях со знаком вставки.

облили камень, и волна жизни пробежала по бедрам, задрожали колени — из груди вырвался вздох — и статуя ожила, повела радостный луч¹ вокруг... И дальше, дальше жизнь волнами вторгалась в пробужденное создание: члены стали жизненны, телесны; статуя двигалась и лучистыми глазами глядела вокруг, чего-то просила, ждала, о чем-то начала тосковать — воздух наполнился теплом, над головой распростерлись ветви, у ног явились цветы... И когда Райский дошел до дома,² Софья³ в мечте его была уже в своем кабинете, затаенная в свое платье,⁴ за сонатой Бетховена,⁵ и в трепете слушала шепот бледного, страстного Милари.⁶ Он веселился этой мечтой: ни тоски, ни ревности — не было, в нем умер любовник и ожил бескорыстный артист.

«Да, артист не должен пускать корней,⁷ привязываться — пусть он любит, страдает, платит все человеческие дани... но пусть никогда не упадет под бременем их, пусть встанет и творит: и пустыню, и камень, мрак, холод, и потом пусть опять воскресит и наполнит жизнь ее и покажет людям образ — как они живут, любят, страдают, блаженствуют и умирают... За тем художник послан в мир!...» (л. 32 об.)

---

¹ Так в рукописи.

² Было: домой

³ Было: уже Софья была

⁴ Далее было начато: а. с Пашей б. с Дашей

⁵ Далее было начато: [и] она бледнела, краснела, трепетала и

⁶ Текст: И дальше, дальше ~ шепот бледного, страстного Милари. — вписан на полях со знаком вставки.

⁷ Слова: пускать корней — вписаны.

ЧАСТИ ВТОРАЯ—ПЯТАЯ

Черновые наброски (ЧН₁)

⟨1⟩

(Когда бабушка *ходит* по своим владениям.)

Она пошла, как будто бронзовый монумент встал и пошел. На третий день этой ходьбы она дико озирается, останавливаясь перед деревней, будто прощается с ней: [ей] царство пало, рушилось, ей снится не цветущий, хорошо обстроенный порядок домов, а лишенный надзора и попечения¹ ряд низеньких полусгнивших изб — притон нищих, пьяниц,² бродяг и воров, поля лежат пустые, поросшие полынью, лопухом и крапивой.³ Она отвернется, с ужасом отвращая глаза, и глядит на усадьбу, на дома: и видит вдаль,⁴ что цветник, огороды, сад и роща⁵ — всё [поро(сло)] смешалось в одну безобразную массу, спуталось⁶ и поросло былием; [там] туда не заходит человек, а только [ворон, утащ(ив)] коршун, утащив живую добычу, прячется терзать ее там, не потревоженный никем. Новый дом покривился и будто врос в землю [а в старом]. Службы развалились — на развалинах ползает и жалобно мяучит одичалая бездомная кошка, да разве беглый находит приют под осевшей кровлей.⁷ Старуха [дико] вздрогнула и остановила взгляд на [новом] старом доме: он всё пережил,

---

¹ Слова: лишенный надзора и попечения — вписаны.

² Слово вписано.

³ Слова: поля лежат пустые ∞ и крапивой — вписаны на полях со знаком вставки.

⁴ Слово вписано.

⁵ Слова: и роща — вписаны.

⁶ Слова: в одну безобразную массу, спуталось — вписаны.

⁷ Фраза вписана на полях со знаком вставки.

всё¹ стоит, и вдалеке, когда всё живое² уйдет с ужасом [из] от этих мест [один только не рушится], — также мрачен, [окон] стекол нет [в комнаты], в старых комнатах носится ветер, [на] в камине свил гнездо [ворон] филин, живой шаг не слышен там — только тень ее [когда]... кого уж нет, кто умрет тогда... [В(ера)] ее Веры скользит по тусклым, треснувшим³ паркетам [и с(вой)] и мешает свой стон с воем ветра и с воем уносится туда, в беседку...

[У старухи т(екла)] По лицу старухи текла холодная слеза... Она [отворотилась и опять спустилась к обрыву... Там нашли ее.], шатаясь, стучаясь о деревья, как будто шла ощупью, готовая упасть. Ее подхватили Райский и Василиса и довели до кресла и посадили. Она смотрела то на того, то на другого, будто не узнавая. Василиса вдруг горько зарыдала и упала ей в ноги со стоном: «Матушка Татьяна Марковна, придите в себя, сотворите крестное знамение...»

Старуха перекрестилась, вздохнула и знаками показала, что говорить не может, чтоб ей дали пить. Ее напоили, раздели и уложили.⁴

⟨2⟩

— Сподобился, сударыня, сподобился! — говорит Яков, пришедши от обедни и из кабачка, после [свечки] обета, домой, когда Татьяна Марковна вдруг замечает [и спраш(ивает)], что он пьяненький, и спрашивает, что с ним?

⟨3⟩

— Я хотела сделать из тебя⁵ друга себе [и обществу]! — говорит Вера Марку, — и обществу, [из] от которого отвела тебя праздность [своеволие], и [смело(сть)] [дерзость] твой отважный, [блуждающий] пытливый ум, и самолюбие...⁶

¹ Слова: всё пережил, всё — вписаны.

² Слово вписано.

³ Слова: по тусклым, треснувшим — вписаны.

⁴ Текст: шатаясь, стучаясь о деревья ∞ Ее напоили, раздели и уложили. — вписан между строк и на полях со знаком вставки. *Набросок <1> зачеркнут.*

⁵ Слова: сделать из тебя — вписаны.

⁶ *Набросок <3> зачеркнут.*

⟨4⟩

Райский поражается сам и поражает Веру тем, что [является] искренно становится в ту роль, какая нужна, смотря с кем имеет дело Он припоминает, что Софью он увлекал, Марфиньку тоже, Ульяну Андреевну удерживал, Веру [увлекал, когда] [и уж?] вызывал на страсть, а когда страсть ⟨л. 1⟩ явилась, он испугался и стал удерживать.

⟨5⟩

— Бабушка! зачем ты не слушаешься внучки!¹ — говорит с горьким юмором² Вера, когда та пришла к ней ночью, — видишь на мне горькие плоды непослушания!..

⟨6⟩

(В переписку)

Райский редко оставался наедине с рассудком: фантазия [присутствовала и во ⟨время?⟩] являлась и сейчас подвизывала крылья, и он летел, сам не зная куда. Начнет о Vere: схватит ее черту — и к этой черте приделает другую фигуру и вложит в нее тот смысл, то чувство, ту речь, какая свойственна ей, — и невольно таким образом врежется в свой роман, и языком романа говорит невольно же и с Верой, сам путаясь в этой пестроте и путая своих корреспондентов. Те обертывали его же³ фразы и посылали ему: он отвечал на них, недолго думая, поглощаясь сам процессом писанья, забывая время, скуку, — а они злились! «Играет, — говорят, — вносит искусство в жизнь!» — «Нет! — кричал он им со слезами, — неправда, я прост, искренен, а вы актеры! Язык мой, сам я — всё это мое» и т. д.⁴

⟨7⟩

Райский горько плачет не [за] от обид, а оттого, что целый угол не узнал сил поэзии и грубо хлестал его... «И женщина с ними! И она не узнала, сочла за волокит-

¹ Слово вписано.

² Слова: с горьким юмором — вписаны.

³ Слова: его же — вписаны.

⁴ Набросок <6> зачеркнут.

ство!.. Пусть те — а она! Или ей не до того: у нее своя драма!» И он немного утешался этим.

«Она не видит, что я прошу ее помощи, участия, — и лжет, притворяется, когда вся моя поэзия и счастье¹ — одна истина!»

Фантазия — как тень, идущая за человеком. Сам человек мал, а она идет рядом и вырастает с колокольню, поглощает всю улицу, поле, [бь(ет)] глотает людей — и вдруг бьют ее за это² — и попадают и в человека!³

⟨8⟩

Разочарованный письмами, он рвет их и бросает, а куры, приняв это за какую-нибудь куриную манну, бросились туда со всех сторон — и потом медленно разошлись, тоже разочарованные.⁴

⟨9⟩

«[Летом] Я не очень жалею лето [говорит Райский], — пишет Аянов, — а если и люблю, так с дождем — потому что летом карты „сквозят”».

⟨10⟩

— Никакие [кандалы] цепи не удержат моей воли (и я сама даже) [когда], — говорит Вера Тушину, посылая его объясняться с Марком, — когда я не вижу препятствий (бездны), но когда я убедилась в невозможности, то никакая страсть не увлечет меня [а увлеклась?]: «он» не опасен мне теперь: я увлеклась.⁵

⟨11⟩

Свидание на бале с Беловодовой. Нет более ползающих ребятишек, беременных (не закончено)⁶ (л. 2)

---

¹ Слова: и счастье — вписаны.

² Было: бьют за это самого человека

³ набросок <7> вписан на полях и зачеркнут.

⁴ набросок <8> зачеркнут.

⁵ Рядом с этим наброском на полях знак вопроса.

⁶ набросок <11> зачеркнут.

⟨12⟩

Красота [бу⟨дит⟩] и искусство будят нервы: они спят.¹

⟨13⟩

— Ты хочешь, чтобы я была глупее, нежели я есть, — говорит Вера Марку в свиданиях. — Сам ты учил меня свободе, сам полюбил эту свободу во мне, а теперь хочешь быть господином и топаешь ногой, что я не рабски покоряюсь тебе. Не хочу! [Ослепн⟨уть⟩] Не могу ослепнуть добровольно! Слепи меня, если можешь, но для этого нужна правда! Где твоя правда: говори!

— «Ты умничаешь» — это не ответ! Ты звал меня искать истину, бросить «мертвечину»: я спрашиваю, в чем истина, а ты мне, как ребенку, показываешь то, что там (наверху) среди мертвецов, знали [пов⟨торяли?⟩]. Я тебе [говорю] указываю свою правду, живые места в мертвечине, а ты меня хочешь научить [тому] жизни, какую живут вон эти слепые, и выдаешь это за истину!

— Я люблю тебя, но притворяться, что верю тебе, не могу! не хочу!²

⟨14⟩

Он роздал деньги людям — 350³ — за службу и взял с собой только 300 руб. («Хороший урод».) «Служите барышням — это всё их».⁴

— [Ост⟨авайся?⟩] Как быть, ведь я люблю тебя, мой урод, — говорит бабушка, — оставайся с нами. И все [⟨будут?⟩] любят тебя: Тит Никоньч говорит, что в первый раз видит такого [чело⟨века⟩]... урода! И Тушин — и Вера. Смотри, все!

Все обступили его. Вера положила ему на плечо голову; у ней катились слезы. [Марфинька переменяла три пла⟨тка⟩] У Марфиньки они лились, как вода, — три платка взмокли. Он обернулся к Викентьеву: у того лицо дружески смеется ему, а на носу висит слеза

¹ *Набросок <12> вписан на полях.*

² *Набросок <13> зачеркнут.*

³ *Цифра вписана.*

⁴ *Фраза вписана.*

с вишню величиной. «Все, все!» — говорил он и наконец сам заплакал.

— Оставайся — видишь, любишь нас: что притворяешься!

Марфинька вцепилась ему в плечо.

— Оставайтесь! Оставайтесь! — вопили все на разные голоса.

— Люблю, люблю вас всех — и больше никого. Но не удерживайте: не могу остаться. Сердце мое здесь, а фантазия влечет меня туда, где... меня нет! Когда она утомит меня, я вернусь сюда, в этот угол. А теперь прощайте, прощайте!

Он вырвался от них, бросился в экипаж и умчался.
(л. 3—4)

⟨15⟩

Страсть — самовластна. Она не слушает человеческих уставов и покоряет людей своим неизведанным [кап⟨ризам⟩] прихотям.¹ (л. 3)

⟨16⟩

Райский молится ночью, и молитва горит в нем: [в нем слился] он молится как человек, как художник [и как], как христианин и как русский!²

⟨17⟩

Татьяна Марковна нашла Егорке невесту, из деревни привели четырехугольную девку, с глазами величиной по пятаку (с волосами мочального цвета), с [ртом] незакрывающимся ртом и [таким] вообще с таким выражением лица, что она как будто [однажды нав⟨сегда⟩] когда-то сильно удивилась чему-нибудь да так на всю жизнь и осталась. Кроме этой девственной красоты барыня имела в виду работницу, а рабочая ее сила равнялась паровой машине в десять лошадиных сил. Но и аппетит был равен этой силе: она ела как четыре рекрута. Силу кулаков ее испытывал Егорка, когда хотел поволочиться, — и обнять и приласкать тоже умела она...³

¹ *Набросок <15> вписан на полях со знаком вставки.*

² *Слова: и как русский! — вписаны.*

³ *Фраза вписана.*

⟨18⟩

— Бабушка! где я? что было со мной? — дико озираюсь, говорит Вера, плачущая на груди бабушки (в сцене признания), — это была не я [не Вера], не твоя [В(ера)] дочь Вера: это другая — возьми меня к себе, в старый дом...¹

⟨19⟩

Пена страсти.

⟨20⟩

Райский (в эпилоге) на возвратном пути с наслаждением посетил Москву. Он бросился тотчас в университет, с любовью обошел его. Он помнил, что студенты были любимые дети Москвы, ее будущие надежды, гордость. Она с любовью смотрит на него на улицах, принимает в домах.² (л. 4 об.)

---

¹ *Набросок <18> зачеркнут.*

² *Наброски <19> и <20> вписаны на полях.*

РУКОПИСНЫЕ РЕДАКЦИИ

*Первоначальная редакция окончания главы IV
части второй (ЧА₂₍₄₎)*

(Т. 7, с. 183—187)

«Неужели всё такое скудное содержание [жизни] [и фор(ма)], всё одна и та же форма жизни, как четырнадцать лет тому назад, — думал он, подвигаясь к центру города, — ужели молодым, крепким силам суждено не [прививаясь] прививаться к почве, где они выросли, не класть закваски здоровой жизни? где же молодое поколение? Или оно вечно будет улетать, лишь только оперится, туда, [где] в разлив, в [центр] центры, где больше дела, [где нужнее], следовательно, больше страстей, наслаждений и мук? а сюда появляться только [с] увядать и умирать? Не разольется, стало быть, жизнь ровной рекой и не охватит всего-всего? Не проникнет по этим углам — ум, опыт, сила, творчество, а всё, как товар, будет свозиться в центры? Ох эти центры!» — заключил он и вошел — в центр города. (л. 19 об.) Там нашел он отчасти и ответ на свою мысленную тираду. Там, в ряды деревянных домов игривой [постройки, с] архитектуры, с бельве(де)рами, клетушками, двориками и мезонинами, втеснили, как исполины, каменные громады палат откупщиков, советников палат, докторов, архитекторов, сахарных заводчиков, казенных поставщиков, этой [буржу(азии)] блаженной буржуазии.¹ Они, как будто силачи, нагло врезались в мелкую толпу и осадили ее

---

¹ *Вместо:* блаженной буржуазии — на полях со знаком вставки вписано: нашей пока еще блаженствующей буржуазии

локтями, подавили плечами и не дают упасть солнышку в глубину улиц. Там из окон слышны звуки роялино, играют и поют Верди и Россини; выглядывают такие бодрые, нарядные, смышленные лица, слышен живой говор с улицы, благодаря тишине, можно расслушать громкую речь о [политике на Западе] движении на Западе и тихую — о неподвижности на Востоке; там и смех и жизнь; около домов стоят великолепные экипажи. Два-три магазина блестят нерусским товаром, там [б(ронза)] парижская бронза и богемский хрусталь, [там] роскошь и пестрота шляпок и мантилий; нерусские бородки нагло смотрят из окон. Там [видишь заез(жих)] на балконах видишь [заез(жих)] не здешние сонные лиц(а), которые видал¹ и в Петербурге, и в Лондоне, и на водах, — там блестят роскошью изящной мебели и тонкостью [искуше(ния)] угощения... Там с изумлением встретишь красоту и грацию, не в наивном виде Марфиньки, а кокетливую, изящную, благоухающую, знающую, что она — красота и грация...

Не успел Райский обрадоваться [не] прогрессу, не успел взглядеться в него, а <л. 20> прогресс уже на исходе. Он быстро прошагал коротенькую улицу и опять очутился у бесконечных заборов, [у баз(ара)] с недвижно отверстыми окнами, с пустыми дворами, с базаром, полным лык, сушеной рыбы и дегтю, с редкими² проходимыми и с сонными, выглядывавшими из окон лицами. Он поглядел вокруг, кого бы спросить, где живет учитель Леонтий Волохов, — и никого, на улице ни признака жизни. Наконец решился войти в один из [домов] деревянных домиков. На крыльце его обдал такой крепкий запах, что он [про(бовал?)] засовался в затруднении, которую из трех бывших там дверей отворить поскорее. За одной послышалось движение, и он вошел в небольшую переднюю.

— Кого вам? — с изумлением спросила пожилая женщина, [прислу(живавшая?)] [об(нимавшая?)] которая держала в объятиях самовар и готовилась нести его — по-видимому, ставить.

— Не можете ли вы мне сказать, где здесь живет учитель Леонтий Волохов? — спросил Райский. Жен-

---

¹ Исправлено: а лица, которые видишь

² Далее вписано: как в степи

щина устала на него глаза, как будто он пришел с того света, молчала и продолжала тупо [глядеть на него], почти с испугом, глядеть на него и, казалось, не понимала его.

— Кто там? — послышался голос из другой комнаты — и в то же время зашаркали туфли и показался человек лет пятидесяти, в пестром халате, с синим платком в руках [и в].

— Вон учителя какого-то спрашивают! — сказала баба.

Господин в халате тоже воззрился с удивлением на Райского.

— Какого учителя? здесь нет учителя: здесь живет житель... — говорил он, продолжая (л. 20 об.) с изумлением глядеть на посетителя, как будто готовился его съесть.

— Извините, я приезжий, только сегодня утром приехал, и не знаю никого. Я случайно зашел в эту улицу и хотел спросить...

— Не угодно ли пожаловать в комнату? — ласково пригласил «житель» Райского войти.

Райский последовал за ним в маленькую залу, где [про(стые)] стояли простые обитые кожей стулья, такое же канапе и ломберный столик под зеркалом.

— Прошу покорнейше садиться, — просил он. — Вы какого учителя изволите спрашивать? — продолжал он, когда они сели.

— Леонтия Волохова, учителя древней и русской словесности, — повторил Райский.

— Словесности... нет, не знаю: вам бы в гимназии спросить — [вы мне] она там, на горе...

«Это я и сам знаю», — подумал Райский.

— Извините, — сказал он, — я думал, что всякий его знает, так как он давно в городе.

— Позвольте... не он ли у председателя учит детей? Так он там и живет: бравый такой из себя...

— Нет, нет — этот не бравый! — с усмешкой заметил Райский и встал.

— Куда же вы изволите торопиться? — начал «житель», — не угодно ли подкрепиться? Может, устали: рыбки соленой, икорки... чайку?

— Нет, благодарю.

— Кваску не [выпье(те)] выкушаете ли... на дворе тепло? или, может, рюмочку винца... Лукерья!

— Нет, благодарю... — сказал Райский. Он не рад, что и зашел. [И]

Вышедши на улицу, он наткнулся на какого-то (л. 21) прохожего и спросил, не знает ли он, где живет Леонтий Волохов.

Тот подумал немного, оглядел с ног до головы Райского, потом [осмот(релся)] отвернулся в сторону, высморгался в пальцы и сказал, указывая в другую сторону:

— Это, должно быть, там, на выезде, за мостом: там какой-то учитель живет.

К счастью Райского, прохожий кантонист вслушался в разговор.

— Эк ты: это садовник.

— Знаю, что садовник, да он учитель, — возразил первый. — К нему господа на выучку ребят присылают — его и зовут учителем...

— Им не его надо! — возразил писарь, глядя на Райского. — Пожалуйте за мной! — прибавил он и проворно пошел вперед.

Райский следовал за ним из улицы в улицу, и наконец [пр(овожатый?)] вожатый привел его к тому дому, откуда звонко и дружно раздавались азы.

— Вот школа: вон и учитель [си(дит)] сам сидит! — прибавил он, указывая в окно на учителя.

— Да это совсем не то! — с неудовольствием отозвался Райский.

— А то еще на горе есть гимназия, — сказал кантонист.

— Ну хорошо, спасибо, я найду сам, — поблагодарил Райский и вошел в школу, полагая, что учитель, верно, знает, где живет Леонтий. Он не ошибся: учитель, загнув в книгу палец, вышел с [ни(м)] Райским на улицу и [указыв(ая)] указал, как пройти одну улицу, потом завернуть направо, потом налево.

— Там упретесь в садик, — прибавил он, — [это не] тут Волохов и живет.

«Да, долго еще до прогресса!» — думал Райский, слушая раздававшиеся ему вслед детские голоса и проходя в пятый раз по улицам [где] (л. 21 об.) и опять не встречая живой души. (л. 22)

Последующая редакция окончания главы IV
части второй (ЧА₂₍₄₎)

(Т. 7, с. 183—187)

Там набрел он на постройку дома, на кучу щепок, стружек, бревен и на кружок расположившихся около¹ огромной деревянной чашки плотников.² Огромный каравай хлеба, накрошенный в квас лук да кусок красноватой соленой рыбы — был весь обед. Мужики сидели смиренно и молча, по очереди, медленно опускали ложки в чашу и опять клали их, жевали, не торопясь, не смеялись и не болтали за обедом, а как будто исполняли трудную работу.³ У Райского уже была картина этого обеда в голове, и ему хотелось нарисовать эту группу⁴ усталых, серьезных, буро-желтых, как у каких-нибудь отаитян, лиц, эти черствые, загорелые руки, с негнушимися пальцами и⁵ крепко вросшими, будто железными, ногтями, эти широко и мерно растворяющиеся рты и медленно жующие уста — и этот — поглощающий массами хлеб и кашу — голод⁶ — именно голод, а не аппетит: у мужиков не бывает аппетита, у них просто — голод. Они едят не для⁷ удовлетворения вкуса, а для наполнения желудка. Аппетит вырабатывается праздностью, моционом⁸ и негой — голод временем и тяжелой работой. У Райского легла⁹ в голове картина¹⁰ — эта немая¹¹ жующая группа, и она была единственным жизненным признаком в этой мертвой тишине сонного царства (л. 19 об.) «Однако какая широкая¹² картина тишины и сна,¹³ — думал он, оглядываясь вокруг, — как могила!¹⁴ Какая богатая рама для моего романа!» Сердце

---

¹ Далее было начато: ча(шки)

² Далее было начато: Крас(новатая?)

³ Далее было начато: Некогда им [бы(ло)] разговаривать: они удовлетворяли не [а(ппетит?)]

⁴ Далее было начато: се(рьезных)

⁵ Далее было начато: будто железными

⁶ Далее было начато: у м(ужиков)

⁷ Далее было: вкуса

⁸ Было: и моционом

⁹ Было: нарисовалась

¹⁰ Далее было начато: как

¹¹ Было: живая

¹² Далее было начато: могила

¹³ Слова: картина тишины и сна — вписаны.

¹⁴ Слова: как могила! — вписаны.

его радостно трепетало при мысли о романе. Он считал ее счастливой находкой и всё больше и больше углублялся в¹ свою задачу. Он мысленно снимал рисунок с домов, замечал выглядывавшие физиономии, встречающих, группировал лица бабушки, дворни — всё около Марфиньки. Она была героиней — и пока затмила всё, даже образ Беловодовой, — этой великолепной поэмы. У него мелькнула была мысль связать ее с этим новым тихим миром, сопоставить две разные сферы,² два этих образа и сгруппировать всё прочее около них. Сколько поучительного, нового, свежего материяла, сколько картин, сцен, мелких интересов запутывается и завязывается в этом романе. Он медленно, машинально шел по улицам, внутренне разрабатывая богатый, открывшийся ему родник. Все фигуры становились отчетливо у него в голове, всех он видел их там, как живыми, но как их связать и перепутать между собою, где начало, где катастрофа, как распределить это по частям, на чем сосредоточить весь интерес? Как облить ярко главные фигуры, потом какое освещение дать вторым, как сгруппировать прочих? А действие, внешние³ обстоятельства — где они? Картины да картины — не доходят:⁴ картины должны говорить, иметь местный смысл; живопись — элемент, но⁵ не главный, в поэзии, ею надо пользоваться умеренно. А героев у него нет: Беловодову он оставил одну,⁶ фигура ее полна и резко обозначена в голове, как на полотне, но она без действия, без жизни. Надо, чтоб она соприкоснулась с жизнью, а чем, как?.. Но пока Беловодова в стороне — теперь Марфинька на сцене. Но и та почти кончена — еще штрих, два — и она угадана! Где же драма, где действие? Он сам... герой, но у него нет роли⁷ — ровно ничего...⁸ Вдруг он просиял...⁹ Он искал Софью: «если¹⁰ это не про-

---

¹ *Далее было:* [свой предме(т)] лица, картины

² *Далее было начато:* [Но как ре(шить?)] начертать и

³ *Было:* а внешние

⁴ *Было:* они не доходят

⁵ *Вместо:* но — *было:* и то

⁶ *Далее было начато:* она так

⁷ *Далее было начато:* [нет] он

⁸ *Далее было начато:* там он был искусителем

⁹ *Далее было начато:* Если

¹⁰ *Далее было начато:* она пос(ледовала?)

шло даром, если остался (л. 20) след...» — думал он и опечалился. Он уехал, он не видал, не знает, как проснется в ней жизнь, если проснется, как заиграет. Он потерял драгоценный момент: может быть, он бы сам вызвал чувство, был бы героем и, может быть, ему улыбнулось бы то счастье, которого он напрасно ищет — страсть!

«Страсть! — повторил он очень страстно. — Ах, если б на меня излились¹ ее жгучий зной и сжег бы артиста, и пожрал бы меня,² чтоб я слепо утонул в ней и утопил эти свои творческие затеи, — нет, зачем? надо, чтоб я³ не глазами, на чужой коже, а чтоб собственными нервами, костями и мозгом костей вытерпел ее огонь и жёлчью, кровью и потом⁴ написал⁵ картину страсти, эту геенну в людской жизни! Страсть Софьи... Нет, нет, — холодно думал он, — она „выше мира и страстей“!⁶ Страсть Марфиньки!» — он засмеялся. Оба образа побледнели, и он печально опустил голову и равнодушно глядел по сторонам.⁷

«Да, из них выйдет роман, — думал он, — роман,⁸ пожалуй, верный, но вялый, пошленький, у одной с аристократическими, у другой с мещанскими подробностями:⁹ там — широкая¹⁰ картина¹¹ холодной дремоты¹² в мраморных саркофагах¹³ с¹⁴ золотыми,¹⁵ шитыми на бархате, гербами на гробах, здесь — картина теплого,

¹ Так в рукописи.

² Далее было: как человека

³ Вместо: надо, чтоб я — было начато: чтоб я [кость(ми)] [мозгом] нервами, костями

⁴ Вместо: и жёлчью, кровью и потом — было: и потом, жёлчью и кровью

⁵ Далее было: широкую

⁶ Слова: она «выше мира и страстей» — вписаны.

⁷ Далее было начато: Вы(йдет?)

⁸ Далее было: вялый

⁹ Вместо: у одной с аристократическими, у другой с мещанскими подробностями — было начато: с мещанскими подробностями [вот с этой] [вот с этим] или с холодной, пышной картиной [на фон(е)] на холодном, мраморном фоне Петербурга или на [ск(ольском?)] тонком Слова: у одной с аристократическими, у другой — вписаны.

¹⁰ Далее было вписано и зачеркнуто: холод(ная)

¹¹ Далее было начато: вечного, холодного, дремлющ(его)

¹² Далее было начато: здесь [теплой] с

¹³ Было: гробах

¹⁴ Далее было начато: ши(тыми)

¹⁵ Далее было начато: герб(ами)

летнего сна, на зелени, среди цветов, по(д) чистым небом, но всё сна, непробудного сна! А где же взять жизни художнику? где она у нас?¹ (л. 20 об.) Неужели всё такое скудное содержание, всё одна и та же форма жизни, как четырнадцать лет тому назад, ужели и еще через четырнадцать лет будет то же,² — думал он, подвигаясь к центру города, — и ужели молодым, крепким силам суждено не прививаться к почве, где они выросли, не класть здесь³ закваски здоровой жизни? где же молодое поколение? Или оно вечно будет улетать, лишь только оперится, туда, в разлив, в центры, где больше дела, следовательно, больше страстей, наслаждений и мук? Не разольется, стало быть, жизнь ровной рекой и не охватит всего-всего? Не проникнет по этим углам — ум, опыт, сила, творчество, а всё, как товар, будет свозиться в центры? Ох эти центры!» — заключил он и вошел — в центр города.⁴ (л. 19 об.)

«Да, да, роман из собственной жизни: какой лучше материал? Прочь кисти, прочь музыка: задача явилась! Наблюдай и твори: перед тобой жизнь — если сонная — пиши сон, заиграет она — пиши игру: и если недаром снятся тебе творческие сны, если это не раздражение, а талант просится наружу — тогда другие, если не сам, скажут — зачем ты писал, к чему пригодится твой труд? А! так вот отчего жизнь моя не привязывается ни к чему, не похожа на чужую жизнь? вот зачем это бродячее, цыганское существование указано тебе... Да, да — теперь понимаю! Что-то и кого увижу еще?»

Он весело шел, вспомнил, что у него была цель прогулки, и⁵ поглядел вокруг, кого бы спросить, где живет учитель Леонтий Козлов, — и никого, на улице ни признака жизни. Наконец решился войти в один из деревянных домиков. На крыльце его обдал такой креп-

¹ *Далее помета:* (Здесь следует поместить выписку из этого же листа под знаком ☉), *отсылающая к л. 19 об. Ср. ниже, сн. 4.*

² *Слова:* ужели и еще через четырнадцать лет будет то же — *вписаны.*

³ *Слово вписано.*

⁴ *Текст:* Неужели всё такое скудное содержание ∞ в центр города. — *отчеркнут, отмечен знаком ☉ и сопровождается пометой:* (Это место включить ниже, на этом же листе.), *отсылающей к л. 20 об. Ср. выше, сн. 1.*

⁵ *Текст:* «Да, да, роман из собственной жизни ∞ вспомнил, что у него была цель прогулки и — *вписан на полях.*

кий запах, что он засовался в затруднении, которую из трех бывших там дверей отворить поскорее. За одной послышалось движение, и он вошел в небольшую переднюю.

— Кого вам? — с изумлением спросила пожилая женщина, которая держала в объятиях самовар и готовилась нести его — по-видимому, ставить.

— Не можете ли вы мне сказать, где здесь живет учитель Леонтий Козлов? — спросил Райский. Женщина, уставив на него глаза, как будто он пришел с того света, молчала и продолжала тупо, почти с испугом глядеть на него.

— Кто там? — послышался голос из другой комнаты — и в то же время зашаркали туфли и показался человек, лет пятидесяти, в пестром халате, с синим платком в руках.

— Вон учителя какого-то спрашивают! — сказала баба.

Господин в халате тоже воззрился с удивлением на Райского.

— Какого учителя? Здесь нет учителя: здесь живет житель... — говорил он, продолжая (л. 20 об.) с изумлением глядеть на посетителя, как будто готовился его съесть.

— Извините, я приезжий, только сегодня утром приехал, и не знаю никого. Я случайно зашел в эту улицу и хотел спросить...

— Не угодно ли пожаловать в комнату? — ласково пригласил «житель» Райского войти.

Райский последовал за ним в маленькую залу, где стояли простые обитые кожей стулья, такое же канапе и ломберный столик под зеркалом.

— Прошу покорнейше садиться! — просил он. — Вы какого учителя изволите спрашивать? — продолжал он, когда они сели.

— Леонтия Козлова.

— Есть купец Козлов, торгует¹ в рядах...²

— Нет, Козлов — учитель древней и русской словесности, — повторил Райский.

---

¹ Далее было: сапожным товаром

² Фраза вписана на полях со знаком вставки. Далее было начато:
— Нет

— Словесности... нет, не знаю, — задумчиво повторил хозяин,¹ — вам бы в гимназии спросить — она там, на горе...

«Это я и сам знаю!» — подумал Райский.

— Извините, — сказал он. — Я думал, что всякий его знает, так как он давно в городе.

— Позвольте... не он ли у председателя учит детей? Так он там и живет: braveй такой из себя.

— Нет, нет — этот не braveй! — с усмешкой заметил Райский и встал.

— Куда же изволите торопиться? — начал «житель», — не угодно ли подкрепиться? может, устали: рыбки соленой, икорки, или... чайку?

— Нет, благодарю.

— Кваску не выкушаете ли... на дворе тепло? или, может, рюмочку винца... Лукерья!

— Нет, благодарю... — сказал Райский. Он не рад, что и зашел.

Вышедши на улицу, он наткнулся на какого-то (л. 21) прохожего и спросил, не знает ли он, где живет учитель Леонтий Козлов.

Тот подумал немного, оглядел с ног до головы Райского, потом отвернулся в сторону, высморкался в пальцы и сказал, указывая в другую сторону:

— Это, должно быть, там, на выезде, за мостом: там какой-то учитель живет.

К счастью Райского, прохожий кантонист вслушался в разговор.

— Эх ты — это садовник.

— Знаю, что садовник — да он учитель, — возразил первый. — К нему господа на выучку ребят присылают — его и зовут учителем.

— Им не его надо! — возразил писарь, глядя на Райского. — Пожалуйте за мной! — прибавил он и проворно пошел вперед.

Райский следовал за ним из улицы в улицу, и наконец вожатый привел его к тому дому, откуда звонко и дружно раздавались азы.

— Вот школа: вон и учитель сам сидит! — прибавил он, указывая в окно на учителя.

---

¹ Слова: задумчиво повторил хозяин — вписаны на полях со знаком вставки.

— Да это совсем не то! — с неудовольствием отозвался Райский.

— А то еще на горе есть гимназия, — сказал кантонист.

— Ну хорошо, спасибо, я найду сам, — поблагодарил Райский и вошел в школу, полагая, что учитель, верно, знает, где живет Леонтий. Он не ошибся: учитель, загнув в книгу палец, вышел с Райским на улицу и указал, как пройти одну улицу, потом завернуть направо, потом налево.

— Там упретесь в садик, — прибавил он, — тут Козлов и живет.

«Да, долго еще до прогресса, — думал Райский, слушая раздававшиеся ему вслед детские голоса и проходя в пятый раз по улицам (л. 21 об.) и опять не встречая живой души. — Что за фигуры, что за нравы, какие явления — все, все годятся в роман, — думал он, — все эти штрихи, оттенки, обстановка — перлы для кисти!.. Каков-то Леонтий: изменился ли? Тоже находка для художника!»

И вошел в дом.¹ (л. 22)

*Фрагмент чернового автографа главы XV
части второй (ЧА₂₍₁₅₎)*

(Т. 7, с. 279—280)

— Вы поэт, художник, — сказал он потом.² — Кое-что верно схвачено в этом очерке героя,³ как я: и это правда, нас много, имя наше легион... Но не всё, однако, вы угадали: я вам скажу, в чем вы ошиблись... Где я лягу? — спросил он.

— На моей постели, вот здесь, а я как-нибудь, на диване...

— Нет, вы оставайтесь на постели, а я как-нибудь, на полу, на диване, на столе, мне всё равно: я привык.

— Нет, вы гость...

— Хуже татарина, — прибавил, смеясь, Марк, — пожалуйста, оставьте церемонии: вы опять за свое!

---

¹ Текст: Что за фигуры ∞ И вошел в дом. — *вписан на полях со знаком вставки*

² Вместо: поэт, художник, — сказал он потом — *было: художник, — продолжал он*

³ Было: такого героя

Он лег на диван и положил под локоть подушку¹ и придвинул к себе чашку с ромом, который всё еще пылал.²

— Вот с этих нежностей и начну, — сказал он, — вы тут насажали, что я избалован поклонением слуг, нянек, дворни в родительском доме: ничего этого не было. Мне не лстили, не ухаживали за мной, не берегли: напротив. Отец рано овдовел и уехал в Москву, а меня оставил на попечение деревенской бабы. Мне было лет восемь: я целый день, бывало, на дворе, на берегу Оки, в лесу, с мужиками, с мальчишками и приходил домой только есть. Не знаю, каково было ваше детство, но у всех есть нечто общее. Свобода, полный простор сблизили меня с природой: я ничего и никого не боялся — ни в лесу, ни в поле, ни чертей, ни разбойников; рос, крепчал и здоровел. Чего ни захочу, всё делалось. А чего я хотел? Лазить на деревья, плавать по реке, мог хоть утонуть, сорваться с дерева — ничего! Ни страха, ни узды не было. Оно бы хорошо: я здоров, силен, смел и готов на всё. Но тут и кончается хорошая сторона. Зато — помните ли это хаотическое брожение детских впечатлений, понятий, порывов воли?³ Помните ли, как это выражается беспорядочно, странно, дико, иногда впадает в *absurdum*? Помните ли нежную детскую чувствительность и восприимчивость? И беда, коли некому⁴ подстергать, уравнивать и направлять ее! Еще пуще беда, когда кругом только подстрекают, вызывают и употребляют во зло эти порывы и проявления? Что станет с этой чувствительностью, с этим умом? А пытливость ребенка? Помните, как он зорко иногда вдруг взглянет⁵ в глубину какого-нибудь природного таинства, и даже за пределы природы, когда случайно подвернется его взгляду факт? Помните, какое⁶ впечатление вынесет он, когда к нему его не подвели постепенно, не приготовили? Как оно примется им, как⁷ подействует? Вспомните⁸ нескладницу

---

¹ *Вместо:* и положил под локоть подушку — *было:* взял подушку под руки

² *Слова:* и придвинул к себе ∞ пылал — *вписаны.*

³ *После:* порывов воли? — *было начато:* вы

⁴ *Вместо:* И беда, коли некому — *было начато:* Некому

⁵ *Было начато:* зорко ловит

⁶ *Было начато:* что

⁷ *Далее было начато:* во что

⁸ *Было начато:* Пом(ните)

детских речей, суждений, выходок дикой воли, характера, тирании над слабыми, над животными, питания всего глазом, ухом, рукой, умом и чувством. Вы, конечно,¹ видали примеры² слепой злости, присвоения чужого себе... Всё это проходит в глазах ребенка — без указания, без урока и само собой работается в нем: и как работается! Вспомните еще природные добрые инстинкты — прямой взгляд детской логики: «как оно должно быть и как бывает на деле?» И ряд противуречивых примеров тянется в уме, опять-таки без урока, без ариадниной нити... Он ищи его в себе, этого урока, уразумей без способов! Конечно, если есть³ провидение для пьяниц, то для детей и по-давно!

Марк замолчал.

— Да, это правда, это верно! — сказал Райский. — Ну, что же отец?⁴

— Отец приехал лет через шесть и ахнул от удивления,⁵ что я черен, грязен,⁶ груб, что от меня воняет,⁷ и дико гляжу, не умею войти, поклониться, ничего не знаю. Он меня отвез в наш город и отдал учителю приготовить в гимназию. Я дома набрался⁸ в лесах и в полях воли и силы и, конечно, пробовал применять ее к делу и в городе. Скоро класс⁹ Степана Андреича да и весь дом затрещал от меня: мальчишки, поробчее, разбежались, родители не стали пускать их, а бойкие пристали ко мне. Я их стал воспитывать по-своему. Учился я плохо, но был не без способностей — и когда явился в гимназию, то меня называли разбойником, но приняли. Меня засадили за латынь, за арифметику, за географию: я учил только то, что мне нравилось: меня раза два высекли, я перебил стекла,¹⁰

¹ Внизу листа помета: (Выше.)

² Далее было начато: когда

³ Вместо: если есть — было начато: есть

⁴ Вместо этой фразы было: — Ну, что же?

⁵ Текст: Не знаю, каково было ваше детство ∞ ахнул от удивления — вписан на полях со знаком вставки.

⁶ Вместо: — Отец приехал ∞ грязен — было: а. Начато: — Отец то проживал в Москве б. — Отец приехал лет через шесть и нашел, что я [гряз(зен)] черен, грязен

⁷ Слова: что от меня воняет — вписаны.

⁸ Далее было начато: во(ли)

⁹ Было: весь класс

¹⁰ Было: сделал буй(ство?)

научил товарищей разным штукам.¹ (л. 18) Между прочим, однажды после акта в гимназии был обед, директор, учителя, разные так называемые почетные лица² (в сущности всё рожи!)³ трескали, а мы глядели, я предложил своим⁴ угоститься: мы отправились в палатку, к прянишнику, и всё съели у него и разбежались,⁵ а его послали к директору просить денег за угощение. Меня высекли, наконец отослали к отцу: тот тоже высек⁶ и отвез в Москву, к профессору, готовить в университет. Мне было лет шестнадцать,⁷ а у профессора трое других готовились в студенты и еще была⁸ дочь... Я кое-как, с помощью профессора, всякими неправдами,⁹ вступил в университет, и на иных лекциях спал, на другие вовсе не ходил. Мне всё казалось, что¹⁰ не то понадобится¹¹ и что все профессора притворяются, то есть знают сами, что большую часть не нужно учить, а учат.¹² Слушаешь,¹³ бывало, так гладко говорят о правах, о наказаниях за нарушения их, а оглянешься — в жизни всё видишь одни нарушения...¹⁴ а наказывают¹⁵ больше за отыскивание, а не за нарушение прав! Учатся, учатся математике, все, кажется, метят в Ньютоны, а выйдут — смотришь, как вашим художникам, есть нечего! Вон Леонтий носит на голове страшный столп учености, а ему нужен только маленький колпак, латинская грамота.¹⁶

---

¹ *Далее было начато:* и однажды, когда мы съели целую (л. 18) лавочку пряников в какой-то высокаторжественный день и пряничники (л. 18 об.)

² *Вместо:* разные так называемые почетные лица — *было начато:* а. гост(и) б. разные почетн(ые лица)

³ *Было:* (и какие лица: всё рожи!)

⁴ *Было:* тов(арищам)

⁵ *Слова:* и разбежались — *вписаны.*

⁶ *Далее было:* меня

⁷ *Было:* осьмнадцать

⁸ *Было:* и была еще

⁹ *Было:* обманом *Слова:* всякими неправдами — *вписаны на полях со знаком вставки.*

¹⁰ *Далее было:* этого ничего не нужно

¹¹ *Далее было начато:* зачем эти разные права, когда ни у кого нет никакого права? Я всё отыскивал своего права, как

¹² *Слова:* и что все профессора притворяются ∞ а учат — *вписаны на полях со знаком вставки.*

¹³ *Было:* Как слушаешь

¹⁴ *Вместо:* в жизни видишь всё одни нарушения — *было:* всё видишь нарушения

¹⁵ *Было:* наказывали

¹⁶ *Фраза вписана на полях со знаком вставки.*

«Отчего же это?» — рассуждал я и¹ слушал только кое-кого, так, почти случайно...² Я просто не знал, чему учиться, что нужно именно мне, а то, чему учили, или притворялись, что учили,³ мне не нравилось, казалось много, не нужно... Я сказал об этом профессору: он хотел⁴ мне объяснить назначение и цель права и начал говорить⁵ обо всех образованных нациях: я вижу, что и он замолаживает дело, тоже притворяется,⁶ и перестал верить ему и не стал слушать. Зато я занялся его дочерью: мы оба влюбились друг в друга. Я нашел, что мы оба имели право поступить, как хотим, и стал объяснять ей теорию⁷ этого права. (л. 18 об.)

— Ну? — с нетерпением спросил Райский.

— Ну и объяснил: мы ушли с ней, только недалеко: ни у меня, ни у нее не было денег — и хозяйка, где мы поселились, донесла на нас. Сашеньку⁸ взяли, а меня — тоже взяли домой. Отец хотел было вдруг сломить⁹ мою волю силой...

— Ну?

— Ну, у меня оказалось больше силы...¹⁰

— Потом меня определили¹¹ в полк. Только я недолго пробыл. Вы давеча правду сказали: я нагрубил эскадронному командиру, меня посадили под арест, я ушел; привели к полковнику и тотчас поскорей отвели, я не помню, что сказал ему, — только хотели отдать под высший суд, но «по молодости лет» и «частным образом» послали на житье и службу в В.

— Вот видите, вы тут сами виноваты, — заметил Райский.

— Да, пожалуй. Только вы не угадали, сказавши, что я хотел подвигов,¹² искал роли. Совсем нет: я любил ло-

---

¹ Далее было начато: ни(кого)

² Далее было начато: А между тем

³ Слова: или притворялись, что учили — вписаны на полях со знаком вставки.

⁴ Было начато: нача(л)

⁵ Вместо: и начал говорить — было: говорил

⁶ Далее было начато: не стал слу(шать)

⁷ Было начато: поло(жения?)

⁸ Было: Ее

⁹ Далее было: меня

¹⁰ Далее было: Марк выпил свою рюмку.

¹¹ Было: отослали

¹² Далее было начато: вести

шадей, возился с ними, учил.¹ Если б меня не трогали, может быть, я бы был «хороший офицер» или по крайней мере «хороший берейтор», завел бы манеж, учил верхом.² А меня всё отрывали, заставляли по суткам сидеть затынутым в мундир в пустой комнате, без всякого дела, зевать, караулить, не пройдет ли кто... Мне³ и тут показалось, что они притворяются, что ничего этого не нужно, что дела тут никакого нет.⁴ Я чувствовал силищу в руках, в голове всё шумело, не от этого, не от рома, а хотелось бы вот куда-то, что-нибудь одолеть, с чем-нибудь сладить,⁵ куда-нибудь отправиться далеко, — словом, хотелось простора и воли,⁶ — голова так и горит, сердце бьется, руки зудят, а мне велели держать их по швам.⁷ Эскадронный⁸ командир находил, что я... непочтителен, не вскакиваю как укушенный⁹ со стула, когда он войдет, и не ежусь перед полковым командиром в три погибели; гляжу, слышь, как-то смело или свободно, хожу при них и махаю руками, громко смеюсь... вот, видите ли, в чем штука! Началось с этого, а кончилось...¹⁰ Да, я забыл, что я подал рапорт, что солдат скверно кормят, что фураж стоит дешевле...

— Вот видите, не правду ли я сказал, что вы находили всё не по вас?

— Да, вы отчасти угадали. (л. 19)

— Ну, что же там, куда вас послали?

— Ничего, всё то же, что здесь: притворяются, что дело делают, пишут, скрипят перьями... Мне скучно стало, я выпросился к отцу.¹¹ (л. 19 об.)¹²

---

¹ *Далее было:* и доставал порядочные деньги. [Полковнику]. Эскадронному [ко(мандиру)] объездил двух лошадей.

² *Далее было начато:* их, а меня

³ *Было начато:* А меня

⁴ *Далее было:* Я бывало, прозеваю, когда кто и проедет... А они еще хотели, чтобы я через меру уважал их.

⁵ *Далее было начато:* руки зуд(ели)

⁶ *Далее было начато:* руки

⁷ *Текст:* А меня всё отрывали ∞ по швам. — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁸ *Было:* А эскадронный

⁹ *Было:* сумасшедший

¹⁰ *Далее было начато:* — Что же в

¹¹ *Вместо этой фразы было начато:* Я в(ыпросился)

¹² *Вверху листа набросок:* Отец прогнал.

Фрагмент черного автографа главы XVI
части второй (ЧА₂₍₁₆₎)

(Т. 7, с. 289—294)

— Хотите еще кофе? — спросила она.

— Да, пожалуйста.¹ Послушайте, Вера: мне хотелось бы так много сказать вам...

Он встал и прошелся по комнате, затрудняясь завязать с нею непрерывный и продолжительный разговор.² Он вспомнил, что и с Марфинькой вначале не вязался разговор; но там это было от ее³ ребяческой застенчивости, а здесь не то: Вера не застенчива, — это видно сразу, а как будто холодна, как будто вовсе не интересовалась им несколько.⁴ (л. 30 об.)

10

«Хитрит,⁵ притворяется! — думал он с досадой, — ведь я все-таки новость для нее; у ней глаза должны широко открыться, ум наполниться;⁶ впечатление на нее сделано — нет сомнения — а дай не покажу этого — вот в чем задача; это-де нехорошо, некрасиво, глупо: не совладать с впечатлением, отдаться ему и разинуть

¹ *Далее было:* говорил он

² *Вместо:* непрерывный и продолжительный разговор — *было начато:* разгов(ор)

³ *Слово вписано.*

⁴ *Далее было:* а. *Начато:* и новое явление было для нее б. между тем он был для нее новым явлением. Она едва скользнула по нем взглядом, едва сказала два слова — и уже его как будто не было тут, как будто ничего для нее не случилось в это утро особенного: она [приняла его] смотрела на (л. 30 об.) него как на какого-нибудь Тита Никоньча: покойно, холодно. Не притворяется ли она, не хитрит ли? Марфинька проще и естественнее, оттого и не могла скрыть своего впечатления. Она сначала будто испугалась, потом застыдилась [и от], а там вдруг, от стыда и испуга, внезапно перешла к резвой радости, [к] не скрыла удовольствия, дала волю симпатии, доверчивости и первые дни не отходила от него. А эта, видно, уже искусилась немного опытом, [поняла, что] прихватила где-то Талейрановой мудрости — скрывать искренние движения [и если]. Вероятно, она [чувствует тоже] также равнодушна к его приезду, и как ни будь холодна, а всё же он новость для нее, всё же [она видит его, внутренно] он какое-нибудь впечатление да сделал на нее, хорошее ли, дурное ли, но всё же в уме у ней теперь совершается разбор, суд над ним, и это спокойствие, равнодушие, сделавшие бы честь любой светской женщине, даже самой Беловодовой, у ней [толь(ко)] есть не что иное, как роль, [неуменье] искусственный прием, чтоб скрыть впечатление, совладеть с ним, не показаться наивной, неловкой провинциалкой.

⁵ *Было начато:* Всё хитрит

⁶ *Далее было начато:* я

рот и глаза!¹ Уж знает это: когда успела выучиться притворству?»²

Он утвердился в своей догадке, когда вспомнил первые мелькнувшие у ней на лице при его появлении³ лучи изумления,⁴ недоумения, будто даже⁵ неудовольствия, вспомнил, как это всё быстро задернулось⁶ бесцветным спокойствием.⁷ «Да, это не Марфинька! — думал он, — кто же она?»⁸

10 Ему хотелось скорей вывести⁹ ее на свежую воду,¹⁰ затронуть какую-нибудь живую (л. 31) струну, вызвать на объяснение. Но чем¹¹ он больше торопился, чем больше раздражался, тем она становилась покойнее.¹² Он бросался от вопроса к вопросу.¹³

— У вас¹⁴ была моя библиотека на руках? — спросил он.

— Да,¹⁵ потом ее взял Леонтий Иванович. Я была рада, что избавилась от заботы.

— Надеюсь, он не все книги взял? Верно, вы оставили какие-нибудь для себя?

20 — Нет, все... Кажется,¹⁶ Марфинька какие-то взяла к себе.

---

¹ *Далее было:* Артистка!

² *Текст:* «Хитрит, притворяется! ~ когда успела выучиться притворству?» — *вписан на полях.*

³ *Слова:* при его появлении — *вписаны.*

⁴ *Далее было:* будто неудовольствия

⁵ *Слово вписано.*

⁶ *Вместо:* как это всё быстро задернулось — *было:* как это вдруг скрылось и как задернулось

⁷ *Далее было начато:* «Она

⁸ *Далее было:* увидим, увидим...

⁹ *Было начато:* нача(ть)

¹⁰ *Далее было начато:* тронуть стр(уну)

¹¹ *Было начато:* Но не с чего

¹² *Было:* спокойнее и равнодушнее

¹³ *Далее на полях со знаком вставки было:* Более всего он рассчитывал покрыть ее своим авторитетом [художника, лит(ератора)] артиста, литератора, [свободой сво(их)] сначала смутить [и], потом покорить [этой] еще, вероятно, неведомой ей свободой ума, широтою и глубиною взгляда на жизнь, смелостью [и] новых понятий — словом, он надеялся [быть для нее новым] представить ей собой новый, [блистате(льный)] ослепительный для нее мир, перенести ее в [са(мую?)] высшую сферу идей и чувств. Но не знал, как подойти, с [чего] какого тона начать, какую пружину подавить, чтоб заставить заиграть музыку.

¹⁴ *Было начато:* — Вы

¹⁵ *Далее было начато:* но Леонтий

¹⁶ *Было:* Впрочем

— А вы... разве вам не нужно было?

— Нет. Я прочла,¹ что мне нравилось, и отдала.

— А что вам нравилось?²

Она молчала.

— Вера? — спрашивал он.

— Очень многие: теперь я забыла какие, — сказала она, поглядывая в окно.

— Там есть несколько исторических увражей?³ Поэзия?.. Читали вы их?

— Иные — да.

— Какие же?

— Право, не помню! — нехотя прибавила она, как будто утомляясь этими расспросами.

— Вы любите музыку? — спросил он.

Она вопросительно поглядела на него при этом новом вопросе.

— Как: люблю ли? — то есть играю ли⁴ сама⁵ или слушать люблю? — спросила она.

— И то и другое.

— Нет, я не играю: а слушать... где же здесь музыка? ²⁰

— Что вы любите вообще?

Она опять вопросительно поглядела на него.

— Любите⁶ хозяйство или рукоделья — вышиваете?⁷

(л. 31 об.)

— Нет, не умею,⁸ вон⁹ Марфинька любит и умеет.¹⁰

Райский поглядел на нее, прошел по комнате и остановился перед ней.

— Послушайте, Вера: вы... боитесь меня? — спросил он.¹¹

Она не поняла его вопроса и глядела на него в недоумении. ³⁰

---

¹ Было начато: Чита(ла)

² Далее было: какие книги?

³ Далее было: Читали вы их?

⁴ Было: занимаюсь ли

⁵ Слово вписано.

⁶ Далее было: цветы

⁷ Далее было: может быть, рисуете?

⁸ Далее было начато: ничего — ни вышивать, ни рисовать. Пойдемте к бабушке

⁹ Было: вот

¹⁰ Далее было: — А вы, Вера, что же любите? — спросил он.

— Я?

— Да, вы: [природу] может быть, цветы?..

¹¹ Слова: спросил он — вписаны.

— Как — боюсь? — спросила она после некоторого молчания и глядела на него во все глаза, почти до простодушия, ей несвойственного.

— Не высказываетесь, скрываетесь, — начал он, — вы думаете, может быть, что я способен... пошутить...¹ или небрежно² обойтись...³ словом, вам, может быть, дико, вы конфузитесь, робеете...

Она смотрела на него с каким-то язвительным удивлением, так что он в одно мгновение понял, что она не¹⁰ конфузится, не дичится и не робеет.⁴

Вопрос был⁵ сделан невпопад. Ему стало еще досаднее.

— Но что же вы любите? — вдруг кинулся он опять к вопросу.⁶ — Книги вас не занимают,⁷ вы говорите, что не работаете...⁸ Есть же что-нибудь:⁹ цветы, может быть, любите...¹⁰

— Цветы? да, люблю их вон там, в саду,¹¹ а не в комнатах, в горшках, где надо за ними ходить.¹²

— И природу вообще?

²⁰ — Ах, этот уголок, Волгу, обрыв, вон этот лес и сад¹³ — я так люблю...¹⁴ что... всю жизнь отдала бы за них! — произнесла она пылко,¹⁵ почти с негой, и лицо ее несколько минут хранило еще следы этого восторженного чувства.

— Какая страсть!¹⁶ Что ж¹⁷ вас так привязывает к этому уголку?

---

¹ *Далее было:* не понять

² *Далее было:* взглянуть

³ *Далее было начато:* потому что, когда замечу недостаток

⁴ *Далее было начато:* «Напрасно я спросил, — ворочалось у него, — она не робеет и не дичится, а я об(манулся?)»

⁵ *Далее было начато:* невпо(пад)

⁶ *Вместо:* опять к вопросу — *было:* к новому вопросу

⁷ *Далее было:* в природе вы отличили только один этот уголок

⁸ *Слова:* вы говорите, что не работаете... — *вписаны.*

⁹ *Далее было начато:* чт(о)

¹⁰ *Текст:* Райский поглядел на нее ∞ цветы, может быть, любите... — *вписан на полях со знаком вставки.*

¹¹ *Далее было:* только ходить за ними не люблю. Я рада, что Марфинька охотница...

¹² *Слова:* а не в комнатах, в горшках, где надо за ними ходить — *вписаны на полях со знаком вставки.*

¹³ *Слова:* вон этот лес и сад — *вписаны.*

¹⁴ *Далее было начато:* а. с таким б. произнесла она таким голосом, что

¹⁵ *Было начато:* с пылкой

¹⁶ *Фраза вписана.*

¹⁷ *Далее было начато:* вам нравится это

Она молчала, только как будто в подтверждение своих слов¹ с наслаждением останавливала мерцающий трепетный² взгляд любви и ласки на каждом дереве, на бугре, на яме и,³ наконец, на Волге, и взгляд ее⁴ глядел так глубоко, как эта пропасть над Волгой, как сама далекая Волга.

— Да, это прекрасно, но одного этого мало: один вид, один берег, горы, лес — всё это⁵ прискучит, если это не населено чем-нибудь живым, что бы делило эту симпатию.⁶ 10

— Да, это правда: наскучит, — сказала она про себя. (л. 32)

— А у вас есть что-нибудь живое здесь, с кем бы вы делились сочувствием, менялись мыслями?

Она⁷ молчала,⁸ лицо молчало еще более. Оно будто окаменело.⁹

— Вера! — повторил он, требуя ответа.

— Я не одна живу, вы знаете! — сказала она. — Бабушка и Марфинька...

— Будто вы с ними делитесь сочувствием, меняетесь мыслями? 20

Она взглянула¹⁰ на него, и в глазах ее стоял вопрос: почему же нет?

— Нет, — начал он, — есть ли кто-нибудь,¹¹ с кем бы вы могли стать вон там, на краю утеса, или сесть в чаще этих кустов — там и скамья есть — и просидеть утро или вечер, или всю ночь — и проговорить без умолку или

---

¹ Слова: как будто в подтверждение своих слов — вписаны на полях со знаком вставки.

² Вместо: мерцающий трепетный — было: свой мерцающий, трепещущий

³ Далее было: а. Начато: как будто б. бездной своего взгляда взглянула на бездну обрыва и далекой Волги [взгля(нула)] [потом]

⁴ Далее было начато: сделался глубо(ким?)

⁵ Слово вписано.

⁶ Далее было: а. Она слушала внимательно, но покой(но). б. Она слушала внимательно и серьезно.

⁷ Далее было начато: ничего не

⁸ Далее было начато: только

⁹ Было: Оно стало будто вовсе безжизненно. Далее было начато: — Есть ли с кем-нибудь, с кем бы вы могли [ставш(и)] стать вон там, на краю [про(пасти)] утеса, или сесть в чаще этих кустов — там есть и скамья — и проси(деть?)

¹⁰ Было: вопросительно взглянула

¹¹ Было начато: с кем-нибудь

промолчать ненарушимо,¹ понимать друг друга,² понимать не только слова, но знать, о чем молчит другой, и³ чтоб он умел читать⁴ в этом вашем бездонном взгляде шепот⁵ вашей души и содроганье сердца — вот что!

Она с поникшей головой, с опущенными ресницами будто заснула⁶ в глубокой задумчивости и слушала его...

— Есть ли такое существо, которое бы, как сильф, невидимо присутствовало для вас в каждом цветке, в кусте, чтобы вы не видали, но чувствовали, что там, в нем,¹⁰ носится частичка вашего⁷ существования, и что вы сами (л. 32 об.) носите в себе⁸ будто часть чужого сердца,⁹ чужих¹⁰ мыслей, чужую долю на плечах, и что не одними только своими глазами смотрите на эти горы и лес, не одними¹¹ своими ушами слушаете этот шум и пьете жадно воздух и тишину¹² теплой и темной ночи, а вместе...¹³

— Да, да — вместе! — повторила она, вдруг¹⁴ подняв глаза¹⁵ и¹⁶ мгновенно положив свою руку на руку Райского.¹⁷ В одно время¹⁸ с этим быстрым и живым¹⁹ взглядом²⁰ блеснул какой-то внезапный, яркий свет от ее²¹ лица, от этой улыбки, от этого страстного движения. Райский остановился на минуту — и этот взгляд, этот блеск, это сверкнувшее²² невольное движение — уже легли и нарезались у него в душе.²³

---

¹ Далее было начато: и быть счастливой, — наслаждаться

² Далее было начато: слышать не слова, а знать да

³ Далее было начато: а. было б. читать

⁴ Вместо: умел читать — было начато: чита(л)

⁵ Было: каждый шепот

⁶ Было начато: ушла

⁷ Было начато: вашей

⁸ Далее было начато: ча(сть)

⁹ Далее было: ума

¹⁰ Слово вписано.

¹¹ Было: и не одними

¹² Далее было: ночи

¹³ Далее было начато: Она

¹⁴ Слово вписано.

¹⁵ Далее было начато: и с

¹⁶ Далее было начато: порыви(сто)

¹⁷ Далее было начато: а. Вместе с этим взглядом б. С этим взглядом

¹⁸ Слова вписаны.

¹⁹ Слова: быстрым и живым — вписаны.

²⁰ Далее было вписано: будто

²¹ Было начато: от всего е(е)

²² Далее было начато: дв(ижение)

²³ Текст: а вместе... — Да, да — вместе! ∞ уже легли и нарезались у него в душе. — вписан на полях со знаком вставки.

— Тогда¹ только в этом во всем и есть смысл, — продолжал он,² — тогда это и роскошь, и счастье, Боже мой, какое счастье! Есть ли у вас здесь этот двойник, это другое сердце, другой ум, другая душа и³ поделились ли вы с ним взамен взятого у него своей душой и мыслями... Есть ли?

— Есть! — тихим голосом,⁴ с примесью нежного⁵ шепота произнесла она, не поднимая головы.

— Есть! кто же, кто это счастливое существо? — с завистью, с болезненным испугом, с ревностью спросил он.¹⁰

Она помолчала немного.⁶

— А попадья, у которой я гостила! — вдруг⁷ покойно и просто⁸ сказала Вера, подняв голову и смело, быстро оглядела с ног до головы Райского.⁹ Взгляд этот, как сверкающий огонь, обдал искрами ему лоб, щеки, плечи и грудь. Она встала и стряхнула с передника¹⁰ крошки от булок и сухарей.

— Попадья!¹¹ — недоверчиво повторил Райский.

— Да, когда она гостит у меня, мы часто и долго²⁰ любуемся с ней Волгой и не наговоримся, — прибавила Вера. — Вы не будете больше пить кофе? — спросила она, — я велю убрать.

— Попадья! — повторил он задумчиво, не слушая ее и не заметив, что она улыбнулась и что у ней от улыбки задрожал подбородок. А у него на лице лежало тусклое облако будто печали, обманутых надежд, какой-то¹² беспричинной и бесцельной грусти. Он разбирал себя и наконец разобрал, что, допрашиваясь у Веры¹³ о том, населял ли кто-нибудь¹⁴ для нее эту природу живым³⁰ присутствием, он втайне надеялся найти в ней ту же¹⁵

¹ Далее было начато: это и прекрасно

² Слова: продолжал он — вписаны.

³ Далее было начато: а. по(делились?) б. отдали

⁴ Далее было начато: не по(днимая)

⁵ Слово вписано.

⁶ Фраза вписана.

⁷ Далее было начато: а. ск(азала) б. громко

⁸ Слова: покойно и просто — вписаны.

⁹ Далее было начато: а. Взг(ляд) б. От вз(гляда)

¹⁰ Было начато: с ф(артука)

¹¹ Было: — Она, попадья!

¹² Далее было начато: бесцельной

¹³ Далее было: есть ли что-нибудь

¹⁴ Далее было: эту

¹⁵ Далее было начато: моло(дую)

свежую, молодую¹ непочатую жизнь, как в Марфиньке,² и что бессознательно он сам³ просился начать ее⁴ населить эти места для нее собою,⁵ наполнить ее сердце и ум... Словом, те же приступы, те же желания и стремления, как при встрече с Беловодовой, с Марфинькой, бились в нем,⁶ но только сильнее, непобедимее, потому что Вера была заманчиво, таинственно прекрасна, потому что в ней вся прелесть не давалась сразу, пряталась и манила вдруг воображение,⁷ раздражала и утомляла ¹⁰ сердце, и это еще при⁸ первом шаге! Что же было еще дальше, впереди: кто она, что она?⁹ Лукавая кокетка, или тонкая актриса, или, наконец, глубокая, таинственная, непроницаемая женщина, одна из тех, которые¹⁰ по воле своей играют жизнью человека, топчут ее, заставляя влечить жалкое существование, или дают уже такое счастье, выше и живее какого не дается человеку.¹¹

— Нет, не буду. А бабушка, Марфинька: вы с ними... Вы любите ⟨л. 33⟩ их? — задумчиво перешел он к новому вопросу.¹²

Она поглядела на него молча,¹³ потом добродушно засмеялась.¹⁴

— Кого же мне любить, как не их?

— А меня? — вдруг сказал он, переходя в шуточный тон.¹⁵

---

¹ Далее было начато: ж(изнь)

² Слова: как в Марфиньке — вписаны.

³ Слова: он сам — вписаны.

⁴ Далее было начато: он

⁵ Так в рукописи.

⁶ Слова: бились в нем — вписаны.

⁷ Далее было: дразнила

⁸ Было: на

⁹ Далее было начато: Кокетка

¹⁰ Далее было: могущественно захватывают всю жизнь человека, берут [его] во власть свою всю жизнь его, весь путь его

¹¹ Текст: — Попадья! — повторил он задумчиво ∞ выше и живее какого не дается человеку. — вписан на полях со знаком вставки. Далее в рукописи смысловая лакуна, замеченная переписчиком; исправлено Гончаровым в копии (см.: варианты авторской правки в копии данного фрагмента — наст. изд., т. 8, кн. 2).

¹² Было: вдруг кинулся он к этому новому вопросу

¹³ Далее было начато: и во взгляде была

¹⁴ Далее было: и от смеха задрожал у ней подбородок

¹⁵ Вместо вписанных на полях со знаком вставки слов: переходя в шуточный тон — было: а. как-то по наитию б. Начато: не то шутиливо

— Пожалуй,¹ я и вас буду любить, — сказала она, глядя на него плутовским, веселым взглядом, — если...² заслужите!

— Вот как!³ ведь я вам брат — вы и так должны меня любить...

— Я никому и ничего не должна, — сказала она.

— Хвастунья:⁴ «Я никому не обязана, никому не кланяюсь, никого не боюсь: я горда!»⁵

«Еще не выросла и не выбилась из этих общих мест жизни. Провинция!» — думал Райский, ходя по комнате. ¹⁰

— Как же⁶ заслужить это счастье? — спросил он с иронией, — позвольте спросить?

— Какое счастье?

— Счастье приобрести вашу любовь...

— Любовь, говорят, дается без всякой заслуги, так. Ведь она слепая...

— А иногда приходит и сознательно, — перебил Райский, — путем доверенности, уважения, дружбы. Я бы хотел начать с этого — и кончить первым. Так что же надо сделать, чтоб заслужить ваше внимание, милая сестра? ²⁰

— Не обращать на меня внимания! — сказала она.⁷

— Как? не замечать вас, не...

— Не делать таких больших глаз, — подсказала она, — не ходить⁸ без меня и без спроса в мою комнату, — продолжала она с улыбкой, — не допытываться,⁹ что¹⁰ я люблю, чего нет...

— Гордость! А скажите, сестра, вы... извините, я откровенен: вы не рисуетесь этой гордостью?

— Как — рисуюсь?

— Так: не хочется вам похвастаться¹¹ независимостью характера? вы, может быть,¹² стремитесь¹³ к self-government* и хотите щегольнуть этим — да? ³⁰

¹ Далее было: сказала она

² Далее было начато: толь(ко)

³ Далее было: а. Начато: приба(вил) б. произнес он

⁴ Далее было: так и есть!

⁵ Далее было начато: Вот где

⁶ Было начато: — Что же

⁷ Далее было: — Умеет играть

⁸ Было начато: не вхо(дить)

⁹ Было: не стараться угадывать

¹⁰ Было: чего

¹¹ Было начато: прослыть

¹² Было начато: нет, вы мо(жет быть)

¹³ Далее было начато: как

* самостоятельности (англ.)

— Вы, кажется, начинаете заслуживать мое доверие и дружбу! — смеясь, заметила она; потом вдруг сделалась серьезна и опять как будто утомлена. — Я не совсем поняла, что вы сказали, — прибавила она.¹

— Да,² да, — сказал он вслух, — бабушка уж сказывала мне, что вы горды.

— Бабушка — какая, право! Везде ее спрашивают! Я совсем не горда. И по какому случаю она говорила вам это?

10 — По какому случаю? потому что я вам с Марфинькой подарил вот это всё, оба дома, сады, огороды. Она говорила, что вы не примете? Правда ли?³

— Мне всё равно, ваше ли это, мое ли, лишь бы я была здесь.

— Да она не хотела оставаться здесь: она хотела уехать в Болвановку...

Райский не успел еще кончить, как Вера вдруг выпрямилась, руки у ней⁴ упали, будто оторвались,⁵ она вздрогнула плечами.⁶ (л. 33 об.)

— Ну? — опять грудью, отрывисто сделала она.⁷

20 — Ну, я всё уладил: куда переезжать? Марфинька приняла подарок, но только с тем,⁸ чтоб и вы приняли старый дом. (л. 34)

*Фрагмент черного автографа главы XVII
части второй (ЧА₂ (17))*

(Т. 7, с. 303—310)

Бабушка иногда жалуется, что не управится с гостями, ропщет на Веру⁹ за дикость, что не хочет помочь, Вера хмурится и очевидно страдает, что не может пере-

---

¹ Текст: — Как же заслужить это счастье? ∞ прибавила она. — вписан на полях со знаком вставки.

² Далее было начато: баб(ушка)

³ Далее было: (нрзб) что?

⁴ Далее было: как будто

⁵ Далее было: от плеч

⁶ Далее было: и изменилась. На лице у ней показался ужас, потом пропал, сверкнула мысль, потом [опять] явилось [сомне(ние)] что-то вроде сомнения, (л. 33 об.) беспокойства, тоски. (л. 34)

⁷ Вместо: опять грудью, отрывисто сделала она — было: а. Начало: — Ну, — повелительно б. Начало: — Ну, — отрывисто, но повелитель(тельно) в. — Ну, — отрывисто, нетерпеливо спросила она.

⁸ Слова: с тем — вписаны.

⁹ Далее было начато: что о(на)

мочь себя и сделать, что нужно, — не с тем чтоб угодить бабушке, но¹ с тем, кажется, чтоб только отвязались от нее и не обращали на нее внимания. Иногда она вдруг, также неожиданно, являлась среди гостей и² (л. 41 об.) с таким веселым лицом,³ глаза теплились таким⁴ радушием, в словах, в движениях свобода; она приносила столько тонкого ума, столько грации, очарования, что бабушка терялась до испуга. Ее ставало на целый вечер,⁵ иногда на целый день,⁶ а завтра точно оборвется,⁷ ее заставляли⁸ опять в ее углу задумчивую, часто угрюмую, иногда даже как будто злую.⁹ Он не раз подмечал¹⁰ какую-то¹¹ ледяную,¹² будто злую мину в ее лице; в ее взгляде бывало что-то сухое: казалось,¹³ не жди тогда никакой жалости и пощады от нее.¹⁴ Не раз даже сама столько терпевшая побоев Марина выходила¹⁵ от нее с поникшей головой, смущенная ее сухим тоном или жестким словом. Но эти минуты бывали редки и кратки. Райскому удалось однажды сделать фактическое наблюдение: Егорка забрался на чердак и на потеху дворни бросил оттуда кошку на двор. Обе девицы и Райский были в саду: Марфинька пришла в ужас: в одну минуту раздался вопль, гнев, угроза и брызнули¹⁶ слезы, хотя кошка была не ее, но Марфинька побежала¹⁷ сейчас с жалобой к бабушке. У Веры сверкнуло любопытство,¹⁸

¹ *Далее было начато:* чтоб, кажет(ся)

² *Далее было начато:* и тогда изумляла даже бабушку. Такого ума, любезности, свободы, радушия, такого очарования и грации не снилось в этом углу, и вдруг

³ *Далее было:* а. *Начато:* с таким радушием, прон(икнутым) б. все ее движения, слова были до того проникнуты открытым, свободным радушием

⁴ *Слова:* глаза теплились таким — *вписаны.*

⁵ *Далее было начато:* на цел(ый)

⁶ *Далее было начато:* но если б кто виде(л)

⁷ *Слова:* точно оборвется — *вписаны на полях со знаком вставки.*

⁸ *Было:* заставляли ее

⁹ *Далее было начато:* Райского

¹⁰ *Далее было начато:* какое(-то)

¹¹ *Далее было начато:* леденящ(ую)

¹² *Далее было начато:* злу(ю)

¹³ *Далее было начато:* чт(о)

¹⁴ *Далее было начато:* Но

¹⁵ *Было:* уходила

¹⁶ *Было:* показали

¹⁷ *Вместо:* но Марфинька побежала — *было:* и побежала

¹⁸ *Вместо:* У Веры сверкнуло любопытство — *было начато:* а. Вера с любопытством б. Взгляд Веры блеснул жадным в. Вера только с некоторым любопытством

когда размахнулся Егорка; она с жадным изумлением следила за взвившейся на воздух кошкой, за ее падением, и когда¹ она потом поползла на брюхе в угол двора, Вера побледнела, и черты лица стали угрюмы,² даже грозны.

«Как это глупо!» — с злостью³ прошептала она, бросив взгляд презрения на Егора, и ушла к себе. Райский видел, что губы у ней немного вздулись и потемнели, ноздри расширились. Она быстро ушла к себе и хлопнула дверью.⁴

У Райского захватывало дух от этих наблюдений: что она? Он пытал ее ум, хотел прислушаться к тонам сердца, но разговор вертелся на обыкновенных предметах, а когда он переносил его в сферу какой-нибудь сложной или глубокой мысли или манил в туманную даль поэтической мечты,⁵ творческого сна, она слушала его, опустив глаза, или будто думая о другом, или рассеянно отвечая ему, а чаще всего замирая в своей неподвижной позе простого ли равнодушия или глубокой сосредоточенности, он решить не мог.

Не давалось ему даже уловить образа ее ума, какого-нибудь, хоть простого, радостного, семейного чувства, чего-нибудь. На лице у ней, в этом бездонном взгляде, — проходят такие глубокие тени чего-то: мысли ли несутся тучами, чувства ли просятся из души — сейчас, кажется,⁶ скажется всё, а разрешится всё (л. 42) или внезапной⁷ зевотой, или улыбкой с дрожанием подбородка над каким-нибудь посторонним⁸ мелочным явлением,⁹ замеченным в эту минуту на дворе или в огороде: курица старается отнять у другой какую-нибудь добычу

¹ Было: и как

² Было: грозны

³ Было: с презрением

⁴ Текст: Он не раз подмечал ∞ и хлопнула дверью. — вписан на полях со знаком вставки. К этому тексту относится зачеркнутый набросок на л. 42 об.: Бросить кошку.

⁵ Место: а когда он переносил его ∞ в туманную даль поэтической мечты — было начато: а когда он манил ее в даль какой-нибудь сложной мысли и

⁶ Далее было начато: о(на)

⁷ Место: или внезапной — было начато: внезапным

⁸ Далее было начато: явле(нием)

⁹ Слова: посторонним мелочным явлением — вписаны на полях со знаком вставки.

или драка мальчишек¹ — и следов мысли и чувства нет, всё будто стерлось, и лицо как будто безжизненно и, как у мраморной² статуи, бледно,³ неподвижно и обаятельно-прекрасно. Напрасно караулил он, какой у нее ум: бьет он силою,⁴ плодится ли крупными, цельными мыслями или развивается⁵ ветвями, тонкими и мелкими узорами, верность, тонкость⁶ или грация — его свойства? Мешается ли сердце в этот ум и делает его у женщин непобедимым? Кажется, судя по примеси⁷ этого нежного шепота и грудным нотам,⁸ слышится будто в речи биение сердца,⁹ но тут же рядом, в одну и ту же минуту, взгляд ее блеснет зло,¹⁰ как сталь, или поглядит так холодно и небрежно, вырвется резкое слово, иногда и вся мина злая — точно сердце ее¹¹ способно ненавидеть, как будто не жди от нее жалости, мягкости, стыда, пощады¹² — ничего женского.

— Что за бездонная пропасть,¹³ где же почва, основание — что она? — думал он в отчаянии,¹⁴ — таинственна и неразгаданна, как ночь!¹⁵ (л. 42 об.)

Глава

Татьяна Марковна была несколько дней в недоумении,¹⁶ за то ли¹⁷ сердиться ей на Бориса, что он привел к ней ночью Марка, или за то, зачем он не разбу-

---

¹ *Вместо:* драка мальчишек — *было начато:* ма(льчишки?)

² *Было начато:* камен(ной)

³ *Было:* безукоризненно бледно

⁴ *Далее было начато:* крупными, цельными

⁵ *Было начато:* распускает(ся)

⁶ *Слово вписано.*

⁷ *Было:* по этим примесям

⁸ *Было начато:* то(нам?)

⁹ *Было:* сердце

¹⁰ *Было:* как-то дико

¹¹ *Далее было начато:* будт(о)

¹² *Было:* и пощады

¹³ *Вместо:* бездонная пропасть — *было начато:* пропасть, что за

¹⁴ *Далее было начато:* туманна и

¹⁵ *Далее черточка, обозначающая конец главы. Рядом на полях набросок к последующему тексту:* Он бросается в бездну развития, щеголяет этим — в разговорах с ней и с бабушкой.

Разговор с бабушкой.

¹⁶ *Было начато:* а. Зато бабушка становилась всё яснее и яснее. Она не знала б. Татьяна Марковна не знала

¹⁷ *Слова:* за то ли — *вписаны.*

дил¹ всего дома и не накормил гостя² пятью блюдами. Общий же смысл ее упреков был всё тоже направлен на это знакомство.

С тех пор как у Райского³ явилась новая задача, Вера, он реже⁴ и холоднее спорил с бабушкой и почти не занимался Марфинькой,⁵ особенно после вечера в саду, когда она не подала⁶ никаких надежд на превращение⁷ из хризалиды в бабочку, то есть из наивного, подчас⁸ будто ограниченного ребенка в женщину. Между тем они почти⁹ были неразлучны — то есть Райский, бабушка и Марфинька. После чаю он с час сидел у Татьяны Марковны в кабинете, после обеда тоже, а в дурную погоду — и по вечерам. Вера являлась ненадолго, здоровалась с бабушкой, с сестрой, потом уходила в старый дом или запиралась в своей пустой комнатке, и не слышать было, что она там делает: ни звука, ни шороха.¹⁰ Иногда она вовсе не приходила, а присылала Марину принести ей кофе в старый дом. Бабушка немного хмурилась, шептала про себя: «привередница, дикарка», но на своем не настаивала. (л. 1)

Равнодушный ко всему на свете, кроме красоты, он покорялся ей до рабства,¹¹ был холоден¹² ко всему, где не находил¹³ ее, и груб, даже жесток, к безобразию. Не только от мира внешнего, от формы¹⁴ он настоятельно требовал ее, но на мир нравственный смотрел¹⁵ он

---

¹ *Вместо:* сердиться ей на Бориса ∞ зачем он не разбудил — *было:* а. сердиться ли ей на Бориса, что он привел ночью гостя, и она начинает упрекать за то, что он привел Марка, а кончит опять упреком же, зачем не разбудил б. сердиться ли ей на Бориса за то, что он привел ночью Марка, или зачем он не разбудил

² *Было:* его

³ *Было начато:* как Райский

⁴ *Далее было начато:* спори(л)

⁵ *Далее было начато:* с те(х пор)

⁶ *Было начато:* не подавала

⁷ *Было начато:* разви(тие)

⁸ *Вместо:* из наивного, подчас — *было начато:* из наивной, подчас игр(ивой?)

⁹ *Вместо:* они почти — *было:* а. *Начато:* он п(очти) б. они трое почти

¹⁰ *Слова:* ни звука, ни шороха — *вписаны.*

¹¹ *Далее было начато:* а. неумолимо б. потом в. потому г. бессознательно, глазами, чутьем искал ее повсюду, требовал настоятельно, и если не находил, то сжимался в

¹² *Далее было начато:* груб, даже жесток, но к ее отсутст(вию)

¹³ *Было:* не замечал

¹⁴ *Было начато:* Не только мир внешний, форма

¹⁵ *Было начато:* но мир нравственный строит(л)

не как он есть¹ в его видимо² дикой, суровой разладице,³ не как⁴ на початую от рождения мира и неконченую работу, а как на готовый парадный строй созданных им самим идеалов, с доконченными в его⁵ уме⁶ чувствами, стремлениями.⁷ У него в воображении мир и люди были уже одно⁸ гармоническое целое:⁹ у него не ставало терпения¹⁰ купаться в этой возне, суете, в черновой работе, в приготовлении к тому праздничному моменту, когда человечество почувствует,¹¹ что оно готово, что¹² достигло своего идеала. Он оскорблялся от этого ежеминутного и повсюдного разлада с красотой и страдал за себя и за весь мир — то есть страдал не он, а страдал век, страдало и стонало человечество — но страдал мыслитель в своем кабинете и искал в борьбе духа с злом¹³ выхода из страданий и огнем¹⁴ гения указывал путь, страдал работник, обливаясь потом, и топором, пилой,¹⁵ заступом,¹⁶ молотом шел вперед... Терпения, терпения побольше, и Райский огнем искусства освещал бы¹⁷ мрак безобразия и вел бы к красоте...¹⁸

Но... но он слишком жив, страстен, впечатлителен: он слишком угнетен скорбями мира, они давят его и едва даю(т) время вздохнуть. Он то в борьбе с этими врагами, с призраками уродливости, кости и жилы тре-

---

¹ *Далее было начато:* а как

² *Слово вписано.*

³ *Вместо:* дикой, суровой разладице — *было:* дикой разладице
Далее было начато: а. а как на б. в возне, в суете, в черновой работе и приготовлении к тому будущему моменту, когда человечество предстанет пред Творца — готовое идти на какой-то невидимый, [новый] дальнейший подвиг [высшей душ(и)]. *Вариант б. вписан на полях со знаком вставки.*

⁴ *Далее было начато:* от

⁵ *Слово вписано.*

⁶ *Далее было начато:* а. чист(ыми) б. без(упречными?)

⁷ *Далее было начато:* Он от мирозда(ния)

⁸ *Далее было:* оконченное

⁹ *Далее было начато:* и каж(дый?)

¹⁰ *Далее было:* даже

¹¹ *Далее было:* себя

¹² *Слова:* готово, что — *вписаны.*

¹³ *Вместо:* духа с злом — *было:* а. *Начато:* ума с б. духа с природой

¹⁴ *Было:* и мыслью и огнем

¹⁵ *Далее было начато:* а. бор(олся) б. искал

¹⁶ *Было:* и заступом

¹⁷ *Далее было начато:* а. где кра(сота) б. к красоте

¹⁸ *Далее было начато:* а. «Но... Но б. «Да — лень-то прежде нас

щат у (л. 1 об.) него, то, обессиленный борьбой, он падает в инерции и злобе, уныло молчит. «Лень-то прежде нас уродилась», — говорит бабушка, глядя, как он ворочается на диване с боку на бок, вздыхает и кряхтит. А он тусклым взглядом отвечал на ее замечание, тусклым взглядом встречал и улыбку Марфиньки, красота которой, после сверкнувшей ему в глаза и ослепившей его красоты Веры, была уже не красота. Бабушкина старческая красота, то есть красота ее¹ характера, склада ума, старых цельных нравов, доброты и проч., тоже, при сближении, начала страдать. Кое-где мелькнет в глаза неразумное упорство, кое-где эгоизм; феодальные замашки казались ему животным тиранством, и в минуты уныния он не хотел даже извинить ее ни веком, ни воспитанием.

Тит Никоныч был старый отживший маркиз, ни на что не нужный, Леонтий² школьный педант, жена его — развратная дура, вся дворня³ — жадная стая диких, не осмысленная никакой человеческой чертой.⁴ Весь этот уголок, хозяйство, с избами, мужиками, скотиной и живностью, теряло колорит веселого и счастливого гнезда, а казалось просто хлевом — и он бы давно⁵ уехал оттуда, если б не Вера!

В один такой час он лежал с сигарой на кушетке Татьяны Марковны. Бабушка, не сидевшая никогда без дела, с карандашом поверяла какие-то принесенные ей Савельем счеты.⁶ Перед ней лежали на бумажках кучки овса, ржи. Марфинька царапала иглой⁷ клочки кружева, нашитого на бумажке,⁸ так пристально, что⁹ сжала губы и около носа и лба¹⁰ набежали маленькие морщинки. Веры, по обыкновению, не было.¹¹ (л. 2)

¹ Далее было: ума

² Далее было: мертвый

³ Далее было начато: а. его гр(убая?) б. стая дик(их)

⁴ Далее было начато: Вся дворня

⁵ Далее было: вон

⁶ Было: каракули

⁷ Далее было начато: ка(кие-то ?)

⁸ Далее было начато: и смо(трела)

⁹ Далее было начато: а. хорошенькая рожица б. что сдела(ла)

в. губы

¹⁰ Далее было начато: соб(рались)

¹¹ К тексту: В один такой час ~ Веры, по обыкновению, не было. — знаком отнесена зачеркнутая вставка на полях: У дверей, [в угл(у)] прижавшись в угол спиной, стояла Пашутка, девчонка

Райский¹ случайно поглядел на нее и засмеялся. Она покраснела и глядела на него вопросительно.

— Какую ты смешную рожицу сделала, — сказал он.

— Ну, слава Богу,² улыбнулось красное солнышко! — заметила³ Татьяна Марковна. — А то смотреть тошно.

Он вздохнул.

— Что вздыхаешь-то: на свете, что ли, тяжело жить?

— И так тяжело, бабушка. Ужели вам легко?

— Полно Бога гневить! Видно, в самом деле рожна захотел!

— Хоть бы и рожна, да чтоб шевелилось что-нибудь в жизни — а то — настоящий гроб.

— Прости, Господи, не слушай его: сам не знает, что говорит! Эй, Борюшка, не накликай беду. Несладко покажется, как бревно ударит по голове. Да, да, — помолчавши, с тихим вздохом прибавила она, — это так уж в судьбе человеческой написано — зазнаваться. Пришла и твоя очередь⁴ зазнаться: видно, наука нужна. Образумит тебя судьба, помянешь меня!

— Чем же, бабушка, рожном? Я не боюсь. У меня ни жены, ни детей, ни дома — ничего... какого же мне рожна?

— А вот узнаешь: всякому свой. Иному даст на всю жизнь — и несет его, тянет, точно лямку. Вон Кирила Кирилыч (бабушка сейчас бросилась к любимому своему способу): богат, здоровехонек, весь век хи-хи-хи да ха-ха-ха — да жена вдруг ушла: с тех пор и повесил голову!⁵ шестой год ходит как тень... А у Егора Ильича...⁶

— У меня нет жены, стало быть, и опасности нет...

— А ты женись!..

— Зачем: чтоб жена ушла?

— Не все жены уходят, дай-ко я тебе посватаю?

— Нет, благодарю, придумайте для меня⁷ другой рожон.⁸

лет 12, и вязала чулок, держа клубок под мышкой, который то и дело выскакивал у ней и катился под диван или под ноги бабушке.

¹ Далее было начато: мучимый

² Далее было начато: заметила

³ Было: прибавила

⁴ Далее было начато: наука

⁵ Далее было начато: А у Егора Ильича

⁶ Далее было начато: — Но

⁷ Вместо: для меня — было: лучше

⁸ Вместо вписанного на полях со знаком вставки текста: Вон Кирила Кирилыч ∞ другой рожон. — было: Вон у Кирилы Кирилыча

— Судьба придумает! Да сохрани тебя Господи — полно наклепать на себя! А лучше вот что: поедем-ка со мной в город с визитами. Мне проходу не дают¹ — будто я не пускаю тебя.² Вице-губернаторша, Нил Андреевич, помнишь княгиню: вот бы к ней! К Молочковым, старикам, — еще живы! Да уж и к бесстыжей надо заехать, чтоб не шипела! А потом к откупщику...

— Это зачем?

— После скажу.

— Зачем, Марфинька, бабушка везет меня к откупщику — не знаешь ли?

— А вот видите, братец, у него две дочери есть, так, верно, бабушка хочет сватать вам невесту... (л. 2 об.)

— Вот она сейчас и догадалась! Спрашивают тебя, везде поспеешь! — крикнула бабушка. — Язык-то у тебя стал востер: сама я не умею, что ли, сказать?

— Э, вот что! Хорошо, — зевая, сказал Райский, — я поеду, только с тем, чтоб и вы со мной³ заехали к Марку: надо же ему визит отдать?⁴

Татьяна Марковна⁵ молчала.

— Что же вы, бабушка, молчите: заедем?⁶

— Слушать тошно, полно тебе. Напрасно и ты⁷ связался с ним — добра не будет! С толку тебя собьет!⁸

жена сумасшедшая: шестнадцать лет мается! А высоко подымал голову! Теперь присмирел, бледный ходит, молчит. Егоровых тяжба разорила: всё, бывало, в [Париж] Петербург да в Париж, на нас чуть не плевали, а теперь [не] [и на улицу редко показываются. Э-эх, где пять, где десять] в лавках в долг не дают...

— [Ну] Придумайте, бабушка, мне какой-нибудь другой рожон...

¹ *Далее было начато:* Я не

² *Далее было:* — Хорошо, — сказал он равнодушно и зевнул, — но с тем чтобы со мной и к Марку Волохову заехали. Мне надо визит ему отдать.

³ *Далее было:* ужо

⁴ *Текст:* помнишь княгиню ∞ визит отдать? — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁵ *Было:* Бабушка

⁶ *Далее было:* — На такие пустые слова бабушка отвечать не станет.

⁷ *Вместо:* и ты — *было:* ты

⁸ *Вместо этой фразы было:* Я думаю, чего он тебе не наговорил! Он тебя сбивал с толку.

— Он почти не разговаривал: мы поужинали¹ и легли.

— А денег еще не просил займы?

— Просил.

— Ну так и есть:² ты смотри не давай! — живо сказала она.

— Да уж я дал.³

Бабушка встрепенулась.

— Дал!⁴ — жалостно воскликнула она.⁵

— Вы кстати напомнили о деньгах: он просил сто рублей, а у меня было восемьдесят. Где мои деньги? Дайте, пожалуйста, надо послать ему.

— Борис Павлович! Не я ли говорила тебе, что он только и делает, что деньги занимает! Боже мой! Когда же отдаст?

— Он⁶ сказал, что не отдаст.⁷

Она⁸ заволновалась, зашевелилась, так что кресло заходило под ней.

— Что ж это такое, говори не говори, он всё свое делает! — сказала она, — из рук вон!

— Дайте же денег!

— Ты оброк, что ли, ему платишь?

— Ему есть нечего!

— А ты кормить его взялся? Есть нечего! Цыгане и бродяги всегда чужое едят: всех не накормишь! Восемьдесят рублей!

Татьяна Марковна⁹ нахмурилась.

— Нету денег! — коротко сказала она. — Не дам: если не добром, так неволей послушаешься бабушки!

— Вот деспотизм-то! — сам себе заметил Райский, но вслух.

— Что ж, велеть, что ли, закладывать коляску? — спросила, помолчавши, бабушка.

— Зачем? Кому?

---

¹ Было: поели

² Далее было начато: живо ск(азала)

³ Далее было начато: но вы

⁴ Далее было: а. Начато: жалост(но) б. в испуге произнесла она в. Начато: с горьким упреком произн(есла)

⁵ Текст: Бабушка встрепенулась. ∞ воскликнула она. — вписан на полях со знаком вставки.

⁶ Далее было: не отдаст

⁷ Далее было: Она пожала плечами.

⁸ Далее было начато: так

⁹ Было начато: Бабуш(ка)

— А с визитами ехать?

— Вы не делаете по-моему, и я не стану делать по-вашему.

— Сравнил себя со мной! — с изумлением возразила бабушка, — когда ж курицу яйца учат? Грех, грех, сударь! Я тебя на руках нянчила! (л. 3)

— И я буду вас нянчить, бабушка, когда вам трудно будет ходить, — и поквитаемся.

— Он всё свое! Станный, необыкновенный¹ человек: ужели у вас там, в Петербурге, все такие?

— Не все, а много.² Что же тут странного. Вот вы так необыкновенная женщина.

— Чем это, батюшка, скажи на милость.

— Как чем: не велите знакомиться, с кем я хочу, деньгами мешаєте распоряжаться, как вздумаю; везете,³ куда мне не хочется,⁴ а куда хочется⁵ — сами не едете. Ну, к Марку не хотите, я и не приневоливаю, и вы⁶ меня не приневоливайте.

— Я тебя в хорошие⁷ люди везу.

— По мне⁸ они не хорошие.

— Что ж, Маркушка хорош?

— Да, он мне нравится. Живой, свободный ум, самостоятельная воля, юмор... С ним не соскучишься, он очень занимателен...

— Как не занимателен: только и делает, что занимает деньги, — сострила Татьяна Марковна. — Это у тебя юмор, что ли, называется? Да ну его, — с досадой прибавила она, — едешь, что ли, к Мамыкину?

— Это еще что за Мамыкин? — быстро спросил Райский.

— А откупщик, у которого дочери невесты, — еще быстрее отвечала Марфинька. — Поезжайте, братец, на той неделе у них большой вечер: будут звать нас, — тише прибавила она, — бабушка не поедет, и нам без нее нельзя, а с вами пустит...

---

¹ *Вместо:* необыкновенный — *было:* странный

² *Было:* многие

³ *Далее было:* куда-то, куда я... я... Марфинька, куда бабушка хочет везти меня и зачем, не знаешь ли?

⁴ *Далее было начато:* — В хорошие

⁵ *Далее было начато:* не

⁶ *Было:* а вы

⁷ *Было начато:* в че(стные?)

⁸ *Было начато:* — Да

— Сделай бабушке удовольствие, поезжай, — прибавила Татьяна Марковна.

— А вы сделайте мне удовольствие, не зовите меня.

— Чудный, необыкновенный человек! — говорила бабушка, — я и понять не могу — я ему сделай удовольствие, а он мне нет!

— Рассмотрим¹ дело, бабушка, беспристрастно.² Я бы сделал это и всякое удовольствие для вас,³ если бы оно было просто удовольствие. А ведь под этим удовольствием кроется замысел женить меня — так ли? (л. 3 об.)

— Ну хоть бы и так: что ж за беда — я ведь счастья тебе хочу.

— Вот в этом вы и ошибаетесь. Как вы можете решить, в чем мое счастье?

— А кто же решит?

— Я сам.

— Я старше, опытнее тебя...

— Старше летами, так, а не опытнее,⁴ — я больше вас видел, больше знаю людей, и потому знаю, что мне никакого счастья не будет жениться на дочери там какого-нибудь Мамыкина.

— Почему ж ты это знаешь: ведь ты не видал дочерей? Они красавицы, воспитаны в самом дорогом пансионе: одних бриллиантов тысяч на двести. Тебе полезно жениться...

— Я не хочу, бабушка, жениться⁵ и не женюсь, оттого и не могу сделать вам удовольствия поехать к откупщику. Если б дело шло о простом визите, то есть вам хотелось бы у него быть самим, я бы с удовольствием поехал с вами и к нему, и куда хотите.

— Взял бы богатое приданое, зажил бы большим домом, у тебя бы весь город бывал, все бы раболепствовали перед тобой, — мечтала почти про себя бабушка.

— А вот я и не хочу, чтоб раболепствовали: это отвратительно, и никого бы в дом не пустил. А жил бы по-своему, хорошо, как живу вот теперь...

---

¹ Было: — Рассудим

² Фраза вписана.

³ Далее было: бабушка

⁴ Далее было начато: или опы(т)

⁵ Далее было начато: поэтому и не еду напрасно к откупщику, в

— Славно живешь, нечего сказать: в одном чемоданишке вся поклажа, всё добро возит с собой, — ворчала бабушка, — бог знает какая там у тебя квартира в Петербурге: есть ли серебряная ложка в доме, по людям обедаешь или в трактире, как бездомный цыган: сам же сказывал. А тут, если б девушка понравилась, взял бы богатую... Хоть посмотри раз, да и не езд, если не понравится: насильно сватать не станут; там женихов не отобьешь...

— Если и понравится — не женюсь, — сказал Райский.

Бережкова сделала большие глаза:

— Это отчего?

— Оттого, что не хочу жениться. Женись, живи хорошо, это тебе повезло, поедем посмотреть невесту; а по-моему это нехорошо, бесполезно, жениться не хочу — вы настаиваете, требуете, сердитесь, (л. 4) волнуетесь, а ведь это всё меня одного касается — вот и выходит необыкновенная женщина. Вам удовольствие — развлечься, сыграть свадьбу, хлопотать — а там после живи я как себе хочу...

— Я тебе добра желаю, пойми ты меня, Борис Павлыч.

— Да¹ это по-вашему добра, а по моим понятиям большое зло!

— Зло — взять богатую, хорошенькую невесту! Необыкновенный человек.

— Толкать человека жениться, на ком не знаешь, на ком не хочешь: необыкновенная женщина!²

— Ну, Борюшка: не думала я, что из тебя такое чудище выйдет.

— Да не я, бабушка, а вы чудище.³

— Ах! — почти в ужасе закричала Марфинька, — что это вы, братец,⁴ — обидчиво⁵ прибавила,⁶ — смеете так называть бабушку.

— А она меня так назвала.

— Она постарше вас, она вам бабушка!

---

¹ Было: — А

² Текст: Вам удовольствие ∞ необыкновенная женщина! — *вписан на полях со знаком вставки.*

³ Далее было начато: — А ты не ругайся, — за(метила)

⁴ Далее было начато: чт(о)

⁵ Было: почти резко

⁶ Было начато: з(акричала?)

— А что, бабушка, — вдруг обратился он к ней, — если б я стал уговаривать вас выйти замуж?..

— Марфинька! перекрести его: ты там поближе сидишь! — заметила бабушка сердито.¹

Марфинька² засмеялась.

— Право, — шутил Райский.

— Ты буффонишь, а я дело тебе говорила, добра тебе хотела.

— И я добра вам хочу. Вот находят на вас иногда такие минуты, что вы скучаете, ропщете, иногда я подкарауливал и слезы. «Век свой одна, не с кем слова перемолвить, — тихо жалуется вы, — внучки разбегутся, маюсь, маюсь весь свой век — хоть бы Бог прибрал меня! Выйдут девочки замуж, останусь³ как перст» и т. д. А тут бы подле вас сидел почтенный человек, целовал бы у вас руки, заботился бы, вместо вас ходил бы по полям, под руку водил бы в сад, в пикет с вами играл бы... Право, бабушка, что бы вам...

— Полно, Борис, вздор молоть, — печально, со вздохом сказала бабушка. — Ты моложе⁴ был поумнее, вздору не молол.

Она через очки посмотрела на него.

— А Тит Никоныч так и увивается около вас, чуть на вас не молится — просто всегда у ваших ног. Только подайте знак — и он⁵ будет счастливейший смертный!

Марфинька не унималась от смеху. Бабушка немного покраснела.

— Вот как: и жениха нашел! — сказала она задумчиво и небрежно. (л. 4 об.)

— Что ж, — продолжал шутить Райский, — вы живете домком, у вас водятся деньжонки, а он бездомный... вот бы и кстати...

— Так это за то, что у меня деньжонки водятся да дом есть, и надо⁶ замуж выходить: богадельня, что ли, ему достался мой дом? На что это похоже?

— А это на что похоже, что вы⁷ хотите женить меня из денег?

---

¹ Далее было начато: Чт(о)

² Было: Но Марфинька

³ Далее было: как степь

⁴ Было: помоложе

⁵ Далее было начато: поведет

⁶ Вместо: и надо — было начато: так и

⁷ Далее было начато: меня за богат(ую)

— Ты можешь ей понравиться — и она тебе тоже: она миленькая...

— Вы с Титом Никонычем тоже друг другу нравитесь — вы¹ тоже² миленькая...

— Отвяжись ты с своим Титом Никонычем! — вспльчиво крикнула Татьяна Марковна. — Я тебе добра хотела.

— И я вам тоже!

— Пустомеля, право, пустомеля: слушать тошно! Не хочешь угодить бабушке, — так как хочешь!

— А вы мне отчего не хотите угодить? Я еще не видал дочерей Мамыкина и не знаю, какие они, а Тит Никоныч вам нравится, да и вы сами на него смотрите так как-то любовно...³

— А вот еще, — перебила Марфинька, — я вам скажу, братец, когда Тит Никоныч захворает, бабушка сама ему лекарство посылает, каждый день⁴ сама⁵ заезжает узнавать о здоровье и в церкви за здравие велит⁶ просвирку...

— Ты, сударыня, что, — прикрикнула бабушка, — молода шутить над бабушкой! Я тебя и в угол поставлю, нужды нет, что большая! Он от рук отбился, вышел из повиновения бабушке, с Маркушкой (л. 5)⁷ связался — последнее дело! Я на него рукой махнула, а ты еще погоди, сударыня, я тебя уйму. А ты, Борис Павлыч,⁸ женись не женись — мне всё равно, только отстань и вздору не мели. Я вот Тита Никоныча принимать не велю...

— Бедный Тит Никоныч! — комически, со вздохом произнес Райский и лукаво взглянул на Марфиньку. — Ну вот, бабушка, наконец вы договорились до дела, до правды: «Женись не женись — как хочешь!» — давно бы так! Стало быть, и ваша, и моя свадьба откладываются на неопределенное время.

---

¹ Было: и вы

² Слово вписано.

³ Далее было начато: Бабушка даже покраснела слегка.

— А ты, Борис Павлыч, перестал бы вздор го(родить)

⁴ Далее было: посылает узнавать

⁵ Слово вписано.

⁶ Далее было начато: вы(нимать)

⁷ Вдоль полей листа набросок: Люди адски ругаются, и говор их носится по всему саду, двору и дому.

⁸ Имя вписано.

— «Дело, правда!» — ворчала бабушка. — Вот посмотрим, как ты проживешь!

— По-своему, бабушка.

— Разве это хорошо?

— А как же: ужели по-чужому?

— Как люди живут.

— Какие люди?! Разве здесь есть люди?²

В это время Василиса вошла и доложила, что гости пришли: Николай Андреевич Викентьев...

— Проси! Какие люди!³ Хоть бы вот человек:⁴ Господи, не клином мир сошелся! — сказала Бережкова.

Марфинька немного покраснела и поправила платье, косынку и мельком бросила взгляд в зеркало. Райский тихонько погрозил ей пальцем; она покраснела.⁵

— Что вы, братец: я ничего... — начала она и не кончила.⁶

Василиса пошла было и воротилась поспешно.

— Еще Марк Иваныч пришли, спрашивают вас! — сказала она Райскому.

— Вот это люди так люди! — сказал Райский и поспешил к себе.

— Как обрадовался, как бросился!⁷ Нашел человека! Деньги-то не забудь взять с него назад! — крикнула ему вслед бабушка.⁸ (л. 5 об.)

*Фрагмент чернового автографа глав II—III
части третьей (ЧА₃₍₂₋₃₎)*

(Т. 7, с. 377—382)

— Ты кто? — сказала она, — ничтожный приказный, рагвену,* — и ты смеешь кричать на столбовую дворянку. Ты забыл, что у отца ее⁹ стаивал в передней по

¹ Далее было: а. Где тут они? б. Начато: Где вы их

² Фраза вписана.

³ Фраза вписана.

⁴ Далее было: Какие люди!

⁵ Было: вспыхнула

⁶ Фраза вписана.

⁷ Далее было начато: Деньг(и)

⁸ Далее черточка, обозначающая конец главы.

* выскочка (фр.)

⁹ Вместо: у отца ее — было: ты у отца ее

праздникам и получал не раз от него на сапоги.¹ Да если б ты еще был честен, так никто бы тебя и не корил этим, а ты² наворовал много денег и раздулся от спеси: образумься же, поклонись³ и ступай вон; перед тобой стоит Татьяна Марковна Бережкова!

Он ворочал одурелыми глазами.

— Ну что стоишь: ты слышал? вон! — сказала она.⁴ — Ты забылся — вот видишь, здесь мой внук — Борис Павлыч Райский:⁵ не удержи я его, он бы тебя при первой мне грубости столкнул с крыльца, но я не хочу, чтобы он марал о тебя честные руки,⁶ — с тебя довольно и лакеев. У меня есть защитник, а поди найди ты себе. Прощай!

— К губернатору, к губернатору⁷ — город в опасности! — торопливо⁸ говорил, уходя поспешно, старик.

Бабушка и Райский, проводив его глазами, поглядели друг на друга, потом покатались со смеху — и обняли друг друга,⁹ не переставая хохотать.

Нил Андреевич поехал не к губернатору, а домой¹⁰ и¹¹ не выезжал целую неделю со двора. Жаловаться на оскорбление оказалось неудобным: ему, правда, нагрубили, но он нагрубил прежде; жаловаться суду¹² на распространение¹³ оскорбительных слухов¹⁴ он счел еще более неудобным,¹⁵ потому что¹⁶ их предстояло опровергать, то есть шевелить прошлое,¹⁷ а этого ему поче-

---

¹ *Вместо:* по праздникам ∞ на сапоги — *было:* и получал по пяти рублей в праздники за поздравление, а теперь дополз до чинов

² *Слова:* Да если б ты еще был честен ∞ и не корил этим, а ты — *вписаны на полях со знаком вставки.*

³ *Слово вписано.*

⁴ *Текст:* Он ворочал одурелыми глазами. ∞ сказала она. — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁵ *Далее было начато:* я дам знать

⁶ *Вместо:* чтобы он марал о тебя честные руки — *было начато:* чтобы его честные руки

⁷ *Далее было:* в городе бунт!

⁸ *Слово вписано.*

⁹ *Было:* обнялись

¹⁰ *Вместо:* не к губернатору, а домой — *было начато:* поехал к губернатору, потому что оба обвинения

¹¹ *Далее было начато:* прос(идел)

¹² *Слово вписано.*

¹³ *Слово вписано вместо вписанного и зачеркнутого:* повторение

¹⁴ *Далее было начато:* без

¹⁵ *Далее было начато:* потому что, во-первых

¹⁶ *Далее было начато:* слухи [о прежнем] насчет его состояния

¹⁷ *Вместо:* то есть шевелить прошлое — *было начато:* а для этого надо было заставить заговорить умершее прошлое, чего, ве(роятно?)

му-то не хотелось,¹ он решительно отвергнул² это. Жаловаться на оказанное³ неуважение к его рангу и месту, пожалуй, можно бы, но для этого надо быть очень в хороших отношениях с губернатором, который бы притом⁴ сам был чувствителен к уважению и⁵ очень бы дорожил воздаянием подобающего ему почета,⁶ как был вот старик Пафнутьев, при котором в гостях, в чужом доме, даже дамы не садились, пока он не сядет. А этот новый губернатор, черт его знает, что за губернатор: никогда даже и не заметит, как его чиновники одеваются, сам в старом сюртучишке ходит — и⁷ особой дружбы⁸ с старыми служаками не ведет. Он только и хлопочет об одном, чтобы никаких историй, никаких «дрязгов»⁹ до Петербурга не доходило, и старается всё тушить и кончать на месте.¹⁰ Нил Андреевич решил зайти с этой¹¹ стороны и поугаить его, подведя¹² личность Райского как (л. б) человека опасного под одну категорию с Волоховым,¹³ и даже погрозить написать об этом своему министру.¹⁴

Он в воскресенье поехал к обедне, помолился рассеянно, обдумывая предстоящий разговор с губернатором: для этого он даже пошел¹⁵ пешком до губернаторского дома, а коляска ехала сзади¹⁶ его. Поворотя из переулка на площадь,¹⁷ он издали увидел, что губернатору подана коляска.¹⁸ Нил Андреевич прибавил было шагу,

¹ Было: очень не хотелось

² Вместо: он решительно отвергнул — начато: но он от(вергнул)

³ Далее было: ему

⁴ Слово вписано.

⁵ Далее было начато: дорожи(л)

⁶ Было: уважения

⁷ Далее было начато: обраща(ется)

⁸ Далее было начато: ни с

⁹ Было: глупых «дрязгов»

¹⁰ Фраза вписана на полях со знаком вставки.

¹¹ Было начато: с др(угой)

¹² Было: представив

¹³ Далее было начато: Но он и не подозревал, что в течение этой недели Райский был с визитом и потом обедал у губернатора, а в воскресенье

¹⁴ Слова: и даже погрозить написать об этом своему министру — вписаны на полях со знаком вставки.

¹⁵ Было: а. Как в тексте. б. шел

¹⁶ Вместо: ехала сзади — было: сзади

¹⁷ Было начато: Поднимаясь из

¹⁸ Вместо: что губернатору подана коляска — было: что у подъезда стоит коляска и что жандарм стоит возле дверей

но губернатор вышел, сел, и коляска уехала. «С визитами уехал!»¹ — воскликнул Нил Андреевич, — что если он ко мне завернет и мы разъедемся, — какая досада! Однако спрошу, куда он...»²

Он подходил к подъезду, у которого стояли еще дрожки.³ «И секретарю дрожки подали — а вот и сам Михайло Петрович».

— Михайло Петрович! — закричал Нил Андреевич.

— Ваше пр(евосходительст)во! — откликнулся секретарь, поглядывая как-то любопытно на него, — вы, верно, к его пр(евосходительст)ву...

— Да вот после обедни зашел было...

— А они⁴ сию минуту уехали.

— Видел: куда,⁵ не знаете?

— К Татьяне Марковне — фриштикать...

— Как — как...

— Фриштикать к Бережковой, — повторил секретарь, глядя⁶ по-секретарски на старика. — Райский, приезжий из Петербурга, внук Татьяны Марковны, был у его пр(евосходительст)ва с визитом, и его пр(евосходительст)во были у них — Татьяна Марковна и пригласила его — и все там... Однако я опоздаю — и я туда же... Извините, ваше пр(евосходительст)во...

Секретарь уехал, а Нил Андреевич всё еще стоял на месте⁷ и потом машинально⁸ влез в коляску и⁹ тихо сказал: «Домой!»

Авторитет Нила Андреевича упал, и вскоре о нем забыли.

Гл(ава)

«Глупо, тупо, пошло, скучно всё это! — говорил Райский, оглядываясь вокруг себя, особенно в ненастную погоду. — Как можно жить здесь — по этим углам!

---

¹ *Вместо:* «С визитами уехал! — было начато: «Что если

² *Фраза вписана.*

³ *Вместо этой фразы было начато:* Он дошел до подъезда и увидел, что г(убернатор)

⁴ *Было начато:* а. — Да б. — А он

⁵ *Было:* куда это

⁶ *Было:* лукаво глядя

⁷ *Было:* на своем месте

⁸ *Было:* и машинально

⁹ *Далее было начато:* ве(лел)

В России взрослый, то есть развитой,¹ человек и может жить только в Петербурге, а тут всё младенцы живут!»² (л. 6 об.)

И бабушка казалась ему младенцем, и Тит Никоныч каким-то старым попугаем, просидевшим лет сто в клетке и твердившим зады, и Марфинька с своими птицами, котятами и скачущим и поющим Викентьевым — каким-то³ глупым, ненужным⁴ явлением. Вера... да, вот с Верой еще два-три разговора, и она опошлится, разрешится в какую-нибудь питомицу местного вольнодумца с затверженным уроком о свободе.⁵ Он уж и работать перестал над собой, чтоб не порываться и не мешать ей; он не ходил к ней,⁶ видел только за обедом и чувствовал⁷ лишь по временам — раздражение⁸ в воображении да в нервах, потому что она хороша собой. «Поговорю с ней раза два, окончательно разрешу себе задачу и, по обыкновению, разочаруюсь — потом уеду!» — решил он.⁹

В доме было тихо — вот уж и две недели прошли со времени пари с Марком, а Борис Павлович не влюблен, не беснуется, не делает глупостей и в течение дня решительно забывает о Вере, только никак не может отвязаться от нее вечером и утром, когда остается один с впечатлениями и воспоминаниями дня и с своим беспощадным анализом, который всё переберет в нем, всё взвесит, очистит, оценит и разъест, как уксус, всё, что было набралось и угнездилося¹⁰ в памяти, иногда и сердце, — и изгонит и оставит, прежде бывало,¹¹ одну тоску, а теперь вместо тоски гнездится там одна Вера.¹² Он не трогает¹³ Веру, как будто она самобытный неразлагае-

¹ *Вместо:* взрослый, то есть развитой — *было начато:* развитой и вз(рослый)

² *Текст:* «Глупо, тупо, пошло, скучно всё это! ∞ а тут всё младенцы живут!» — *зачеркнут и восстановлен.*

³ *Было начато:* какой(-то)

⁴ *Было начато:* праздн(ым)

⁵ *Далее было начато:* Вот только

⁶ *Далее было начато:* он

⁷ *Было:* и слабо чувствовал

⁸ *Было:* некоторое раздражение

⁹ *Слова:* решил он — *вписаны.* *Далее было:* Отчего же не сейчас уехать, а надо прежде разочароваться.

¹⁰ *Вместо:* набралось и угнездилося — *было:* угнездилося

¹¹ *Слова:* прежде бывало — *вписаны.*

¹² *Слова:* а теперь ∞ одна Вера — *вписаны на полях со знаком вставки.*

¹³ *Было:* Но этот анализ не трогает

мый элемент.¹ Райскому стыдно было, что он занимается ею против воли, хотя не так, как предсказывал Марк, но всё² занимается, не может отделаться от нее, припоминает против воли малейшую подробность о ней: как она войдет, что ест за обедом, что скажет, почему молчит,³ как взглянет — всё видит, знает и помнит,⁴ хотя не только, по уговору, не следит за ней пытливо, но даже старается не видеть, а между тем видит. Он покоен, ему так хорошо, он даже не прочь бы и продолжить это переживание изо дня в день⁵ в маленьком гнезде,⁶ изредка чувствуя сладкий трепет сердца, внезапную дрожь рук и ног,⁷ когда она неожиданно войдет в комнату, или мелькнет мимо окна, или⁸ улыбнется ему. «Ведь вот не влюблен, — говорил он, — а задрожал и кровь бросилась в голову — насилу опомнюсь — а не влюблен: мне даже не хочется пойти за ней — в сад, в ее комнату: и лень, и скука там у ней...» Он зевнул. «Хорошенькая собой, живем в одном доме — вот и вся задача: уеду⁹ — и через день забуду, как Софью... Вон и Марфинька свежая, розовая девочка — а мне всё равно, что (л. 7) она, что пятилетний ребенок. Да,¹⁰ мы на каждом шагу, (всё) время сами перед собой. Новое поколение мудро судит любовь и косится на нее: физиология скажет, где кончается ощущение и начинается чувство. Да и чувство — что такое: ряд повторенных ощущений — и так же подлежит анализу физиологии,¹¹ как и кожа, мускулы...¹²

---

¹ *Вместо вписанных на полях со знаком вставки слов:* она само-бытный неразлагаемый элемент — *было:* а. *Начато:* бессильный б. *Начато:* бессильный найти в ней в. *Начато:* встречает нормальный и крепкий пред(мет) г. тут нет слабой стороны

² *Слово вписано.*

³ *Вместо:* что скажет, почему молчит — *было:* скажет или промолчит

⁴ *Вместо:* всё видит, знает и помнит — *было начато:* всё пом(нит)

⁵ *Вместо:* переживание изо дня в день — *было:* вялое пережива-ние дней

⁶ *Было:* гнездыш(ке)

⁷ *Вместо:* изредка чувствуя сладкий трепет сердца, внезапную дрожь рук и ног — *было:* с редким трепетом сердца, с дрожью нерв при нечаянной встрече с ней

⁸ *Было:* и

⁹ *Было:* а уеду

¹⁰ *Далее было начато:* ощущения организма

¹¹ *Вместо:* анализу физиологии — *начато:* ф(изиологии)

¹² *Вместо:* кожа, мускулы — *начато:* м(ускулы)

А я еще брежу о страсти! Ведь для этого надо ослепнуть — бессознательно напустить на себя глупость, дурь, грубый обман, уверовать в фантомы и потом до известного градуса сойти с ума¹ да и блаженствовать!² Наивному младенцу, вот Викентьеву какому-нибудь, это возможно, а мне, старому, проеденному сознанием,³ потерявшему⁴ веру в краски и цвета, — возможен ли обман глаз, воображения, наконец, добровольное помрачение ума? Нет, нет, как ни ярка⁵ красота женщины, а она не обманет грубо ума, не населит опять сердце грезами о⁶ не существующих уже у меня так называемых чувствах любви, уважения, преданности, самопожертвования — и черт знает еще чего, во что люди облачили⁷ известное влечение разных полов друг к другу. Ничему этому я не верю, да и пора, а⁸ на воображение я наложу узду: чувственность должна молчать в этом чистом, голубином гнезде... Страсть к деревенской девочке — ха-ха-ха!..

Вот и пиши роман: что выйдет из этих безжизненных кукол, с затверженной от бабушки моралью или с подслушанной у уездного франта эмансипацией!»

Однако он по утрам запирался и всё вносил заметки, очерки, лица, случаи в свой проект, который принял значительный объем. Он набросал первую⁹ встречу с Верой, свое впечатление, распространился¹⁰ больше всего о ее красоте,¹¹ потом о таинственности, назвав ее Ночью, о смелости, свободе.¹² (л. 7 об.)

---

¹ Было: с ума сойти

² Слова: да и блаженствовать! — вписаны на полях со знаком вставки.

³ Было: современным сознанием

⁴ Было: утр(атившему)

⁵ Вместо: ни ярка — было: ни хороша

⁶ Было: об

⁷ Было начато: чем люди о(блачили)

⁸ Вместо: Ничему этому я не верю, да и пора, а — было: А вот

⁹ Было: свою первую

¹⁰ Далее было: о ее красоте

¹¹ Далее было начато: о т(аинственности)

¹² Текст: Вот и пиши роман ∞ о смелости, свободе. — вписан на полях со знаком вставки.

Неизвестно, что говорила Райскому Полина Карповна, но через пять минут он взял фуражку, тросточку,¹ и Критская, глядя² торжественно по сторонам, помчала его сначала³ по главным улицам, гордясь своей «победой», и потом, как военную добычу, привезла домой.⁴ (л. 30)

Райский с любопытством шел за Полиной Карповной в комнаты, любезно отвечая на ее нежный шепот, страстные взгляды. Она⁵ молила его признаться, что он равнодушен к ней, на что он в ту же минуту⁶ согласился и с любопытством ждал, что от этого будет. Она начала с того, что сейчас же⁷ опустила шторы, сделала полумрак и «полусела⁸ или полuleгла» на кушетке⁹ к свету спиной.¹⁰

— Да, я знала это, я знала — о, с первой минуты я видела, que nous nous convenons — да, cher m-r Boris,* — не правда ли?

¹ *Далее было:* и поехал кататься с Критской. Она гордо глядела по сторонам.

² *Далее было:* гордо и

³ *Слово вписано.*

⁴ *Слова:* и потом, как военную добычу, привезла домой — *вписаны.* *Далее было:* Но недолго гордилась она своим торжеством: в одном переулке Райский вдруг остановил кучера и выскочил из коляски, прежде нежели она успела помешать. Он раскланялся с ней, обещая возобновить сеансы, лишь только [Марфи(нька)] Вера воротится домой.

— Куда же вы теперь: вы покидаете меня, а я думала вы на целый день мой! — сказала Критская, нежно глядя на него.

— Мне надо сюда [заехать, к] зайти, к Козлову...

Рядом с этим текстом на полях помета: №. Прежде поместить свидание с Полиной Карповной [а потом с женой Козлова] на листе 52 (на второй стр(анице)), а потом возвратиться к 50 листу.

⁵ *Текст:* Райский с любопытством шел ~ Она — *вписан на полях вместо зачеркнутого текста:* Прошло три дня: Райский убежал из дома, куда только мог — чтоб не чувствовать пустоты в сердце, даже пошел с визитом к Полине Карповне, которая выманила у него признание. *Рядом с этим текстом на полях помета:* № [(Продолжение 52-й страницы.)] (Смотри 50-й лист.)

⁶ *Вместо:* в ту же минуту — *было начато:* сей(час же)

⁷ *Далее было:* выгнала вон мичмана

⁸ *Было:* села

⁹ *Далее было начато:* лицо(м)

¹⁰ *Фраза вписана на полях со знаком вставки.*

* что мы подходим друг другу — да, дорогой Борис (фр.)

Она пришла в экстаз, не знала, где его посадить, велела подать прекрасный завтрак,¹ старалась накормить конфетами, вареньем — вздыхала, потела, отдувалась,² обмахивалась веером,³ переменяла два-три бантика на груди, два-три кружевных платка, показывала ему свои кольца, просила взять на память одно,⁴ улыбалась, старалась обнажить плечи до половины груди.⁵ Потом позвала горничную⁶ и хвастливо сказала, что она никого не принимает; вошел человек в комнату, она повторила то же и ему⁷ и велела опустить шторы даже в зале. Она сидела в своей красивой позе, напротив большого зеркала, и молча улыбалась ему, млея от удовольствия. Она не старалась ни приблизиться, ни взять Райского за руку, не приглашала сесть ближе, а только играла и блистала перед ним своей интересной особой, даже выставила носок голубой лакированной туфли и кокетливо переменяла «ножки» и с улыбкой смотрела, как действуют на него эти маневры. Если он подходил к ней, она прилично отодвигалась и давала ему подле себя место. Он с любопытством смотрел на нее (л. 33 об.) и хотел окончательно сразу решить, что она такое.⁸ Он было испугался приготовлений, какими она обставила его посещение, но с каждым ее движением опасения его рассеивались. По-видимому, добродетели его не угрожала никакая опасность.

— Скажите мне что-нибудь про Петербург, про ваши победы — о, их много у вас? да? Скажите, что, тамошние женщины — лучше здешних (она взглянула на себя в зеркало)? одеваются с бóльшим вкусом⁹ (и обдернула на себе платье и сбросила с плеча кружевную мантилью)?

---

¹ *Далее было начато:* посл(е)

² *Далее было начато:* вее(р)

³ *Далее было:* и платком

⁴ *Далее было:* кидала на него нежные взгляды

⁵ *Далее было начато:* а. по(том) б. Он с любопытством смо(трел)

⁶ *Было начато:* двух лакее(в)

⁷ *Далее было начато:* и велела сказать кучеру, что он может идти со двора, что она никуда не поедет.

— Зачем: я сейчас

⁸ *Рядом на полях зачеркнутый набросок к последующему тексту:* Урок ей дам (?)

⁹ *Было:* изяществом

А плечи у ней хотя и были уже не свежи, но зато белы, круглы и полны, так что Райский находил их не совсем недостойными кисти.

«Рожа-то только¹ у тебя расплылась», — подумал он.

— Что ж вы молчите? скажите что-нибудь? — сказала она, дрыгнув не без приятности «ножкой» и спрятав ее под платье. Потом плутовски взглянула на него,² наблюдая, действует ли?

«Что ж она такое: постой, испытаю ее...» — подумал он.

— Мне хочется вас поцеловать, — вдруг сказал он, вставши с своего места³ и подходя к ней решительно.

— M-г Boris! De grâce — oh! oh! — с натянутым смущением⁴ сказала она, — que voulez-vous* — моя честь... нет, ради Бога, нет, — пощадите, пощадите!

Она замахала руками в непритворном страхе, встала⁵ с кушетки, подняла стору, оправилась и села прямо, но лицо ее горело⁶ лучами торжества. Она была⁷ озарена каким-то блеском — и, опустив томно⁸ голову на плечо, шептала сладостно:

— Pitié, pitié!**⁹

Райский захохотал на весь дом.

— Я пошутил; не бойтесь, Полина Карповна, — вы безопасны, клянусь¹⁰ вам...

— О, не клянитесь! — вдруг встав с места, сказала она с пафосом,¹¹ — есть минуты, страшные в жизни женщины... Но вы великодушны... — прибавила, опять томно млея и клоня голову на сторону, — вы не погубите меня...

---

¹ Слово вписано.

² Далее было начато: как дей(ствует)

³ Слова: с своего места — вписаны.

⁴ Вместо: с натянутым смущением — было начато: а. томно, с ужасом сказ(ала) б. с притворным ужас(ом)

* что вы от меня хотите (фр.)

⁵ Вместо: Она замахала руками в непритворном страхе, встала — было: Она встала

⁶ Было: млело

⁷ Далее было начато: в(ся)

⁸ Слово вписано.

** — Сжальтесь, сжальтесь! (фр.)

⁹ Далее было начато: — Я пошут(ил)

¹⁰ Было начато: да(ю)

¹¹ Слова: с пафосом — вписаны.

— Нет, нет, — говорил он, наслаждаясь¹ этой сценой, — как можно губить ваше счастье... Ведь у вас есть дети — а где ваши дети? что вы мне не покажете их? (л. 34)

Она сейчас же отрезвилась.

— Их нет... они... — заговорила она.

— Познакомьте меня с ними: я так люблю малюток...²

— Нет, pardon, m-r Boris, — их в городе нет...

— Где же они?

— Они... гостят в деревне, у знакомых.

Дело в том, что одному «малютке» было шестнадцать, а другому четырнадцать лет, и Критская отправила их³ к дяде на воспитание, подальше от себя, чтоб не колотыть⁴ ей глаз летами и ростом.

Райскому стало скучно, и он собрался домой. Полина Карповна не только не удерживала его, но, по-видимому, была довольна, что он уходит. Он был еще в передней, когда лакей передал кучеру приказание закладывать коляску.

— И прекрасно, — сказал Райский, — завезите меня в одно место: я поеду с вами.

Полина Карповна обрадовалась, и они покатали опять по улицам.⁵

К вечеру весь город знал, что Райский провел утро наедине с Полиной Карповной, что⁶ не только сторы, даже ставни были опущены, что он объяснился в любви, умолял о поцелуе, плакал и теперь страдает муками любви.⁷ (л. 34 об.)

¹ Было начато: с на(слаждением?)

² Было: детей

³ Далее было: от себя

⁴ Было начато: не облича(ли)

⁵ Текст: — И прекрасно ∞ опять по улицам. — вписан на полях со знаком вставки.

⁶ Далее было: окна были закрыты

⁷ Далее было: а. Начато: Райского это б. Это немного развлекло Райского. Он [поворотил] завернул и к той советнице, с «пышной грудью», которая присутствовала при изгнании Райского (так в рукописи), наконец собрался к губернатору и обедал у него. Его превосходительство удержал запрещенные книги, розданные Марком по городу, у себя, прочитал кое-что в них и нашел [что их он считает] излишним доносить о них в Петербург, «чтоб не вышло [каких-нибудь дразгов] какой-нибудь истории» [между тем книги вреда принести не могут, потому что тут почти никто не поймет их], и предложил Райскому их сжечь, «в избежание толков и дразгов». Райский, приняв-

Долго кружили по городу Райский и Полина Карповна. Она старалась провезти его мимо всех знакомых, наконец он указал один переулок и велел остановиться у квартиры Козлова. Критская увидела в окне¹ жену Козлова, которая обеими руками манила Райского,² и всплеснула руками.

— Вы ездите к этой женщине — возможно ли! Ах, я компрометирована. Что скажут, когда узнают, что я привезла вас сюда? Allons, de grâce, montez vite et partons! Cette femme...*

Она была в ужасе.³

Но Райский махнул рукой и вошел в дом:⁴ «Вот сучок заметила в чужом глазу, — думал Райский, — все эти барыни таковы — прячутся одна за другую». (л. 30 об.)

*Фрагмент чернового автографа глав XV—XVI
части третьей (ЧА₃₍₁₅₋₁₆₎)*

(Т. 7, с. 470—473)

Марфинька утирала слезы.

— А ты что скажешь, Верочка? — спросила бабушка.

Та молчала.

— Скажи что-нибудь.

— Что, бабушка, сказать: вон брат сказал: дичь.

ший [историю с] вину Марка на себя, охотно согласился, только прибавил, что не лучше ли его превосходительству оставить их в своей библиотеке. «Нет, — отвечал тот, — попадетя кому-нибудь на глаза, еще в Петербург напишут, сделают сплетню». Он очень боялся Петербурга и в заключение посоветовал Райскому прекратить интимные сношения с Марком, который, как он должен видеть сам, легко может «компрометировать его».

Затем губернатор пригласил жандармского полковника и при нем и при Райском сжег книги.

На полях рядом с фразой: К вечеру ~ и теперь страдает муками любви. — *помета:* (Теперь продолжение следует опять на листе 50.)

¹ Слова: в окне — *вписаны*.

² Слова: которая обеими руками манила Райского — *вписаны*.

* Умоляю вас, садитесь скорее и поедemте! Эта женщина... (*фр.*)

³ Фраза *вписана*.

⁴ *Было:* Но Райский заупрямился. Слова: махнул рукой и вошел в дом — *вписаны*. Далее на полях со знаком вставки было начато: он тоже увидел Ульяну Павловну в окно и вдруг вспомнил о своей

— У него всё дичь: он сам сочиняет книжки. А ты скажи свою критику:¹ как тебе показалась история.

— Глупая, бабушка, история.²

— Отчего же глупая и кто глуп: все лица или сочинитель.

— И сочинитель, и лица.

— Чем же лица глупы?

— Как же терпели такую пытку над собой?

— А что ж им делать?³ Страсть сильна: они не могли одолеть ее и поплатились на всю жизнь.⁴

---

¹ *Вместо:* свою критику — *было:* свое мнение о том

² *Далее было:* — Неправда.

³ *Далее было:* — Как что?

⁴ *Далее было:* а. Как же надо? Что было им делать?

— Бежать! — сказала Вера.

Бабушка окаменела, а Райский вдруг вскочил с дивана и разразился гомерическим смехом. Вера, как змеенок, как кошка, шагнула за дверь и исчезла, а Марфиньку кликнул из окна Викентьев. Она ушла. Бабушка всё еще сидела с открытыми, большими, устремленными вслед Вере глазами. А Райский, сев у ног ее на скамеечку, ликовал от восторга, от ответа Веры, от изумления бабушки — и [хохотал в от(вет?)] заливался буйным, хмельным смехом.

— [Что] А что, бабушка, книга-то в самом деле подействовала на Веру! — шутил он.

Бабушка болезненно вздохнула в ответ. Ей было не до шуток. Потом покачала головой.

Райский взял книгу со стола.

— Мудрая книга! — сказал он.

— А еще полтинник заплатила, — прошептала Татьяна Марковна и болезненно задумалась в ответ.

Она долго задумчиво сидела перед сном в этот вечер. [Взгляд] Вера в нравоучительную книгу угасла в ней — и взгляды ее умно и сознательно смотрели — она что-то упорно и глубоко обдумывала — и перекрестившись со вздохом, легла спать. Книгу она велела отдать в лакейскую.

— Полтинник даром пропал! — шептала она, засыпая.

б. Как же надо? Что было им делать?

— Ясно, [как действ(овать)] что делать: бежать! — вдруг сказала Вера. — А они и этого не догадались: глупо, глупо! И автор глуп, и они глупы! — с диким воодушевлением сказала она.

Бабушка окаменела.

— [Вера, Вера!] Вера, Вера! — говорила она в изумлении, — что ты говоришь!

Райский вдруг вскочил с дивана и разразился гомерическим хохотом. Вера, как кошка, шагнула за дверь и исчезла. Марфиньку кликнул из окна Викентьев. Она ушла. Бабушка всё еще сидела с открытыми, большими, устремленными вслед Вере глазами. Райский, сев у ног ее на скамеечку, ликовал от восторга, от ответа Веры, от изумления бабушки — и заливался буйным, хмельным смехом.

Райский взял книгу со стола.

— Мудрая книга, — сказал он, — подействовала!

Вот,¹ чтоб этого не терпеть, и надо бы было этой Кунигунде спроситься тех, кто уж пожил и знает, что значит страсти!

Райский насмешливо кивнул ей с одобрением головой.

— А то вот и довели себя до добра, — продолжала бабушка, — если б она спросила отца и матери,² так до этого бы не дошло. А то пожалала беду — и терпи! Делать-то³ нечего.

— Как нечего: а бежать? — вдруг сказала Вера.

Бабушка окаменела.

— Вера, Вера, опомнись: что ты говоришь! — сказала она с горьким изумлением.

Райский вскочил с дивана и разразился гомерическим смехом.

— Бежать! — повторила бабушка, не веря своим ушам.⁴

Вера пошла вон, но на пороге она остановилась.⁵

— Бабушка! зачем вы мучили меня целую неделю: заставили слушать такую глупую книгу? — спросила она и, не дождавшись ответа, шагнула, как кошка, за дверь.

Райский взял книгу со стола.

— Мудрая книга: подействовала! Вот вам и «прекрасная Кунигунда»! — сказал он.

Бабушка болезненно вздохнула в ответ. Ей было не до шуток. Она взяла у него книгу и велела Пашутке отдать в людскую.⁶

— Полтинник даром пропал! — прошептала она.⁷
(л. 10)

Татьяна Марковна болезненно вздрогнула в ответ. Ей было не до шуток. Она долго и задумчиво сидела перед сном в этот вечер. Вера в нравоучительную книгу утасла в ней — и взгляды ее умно и сознательно смотрели вокруг. Она что-то упорно и глубоко обдумывала — и перекрестившись со вздохом, легла спать. Книгу она велела отдать в лакейскую.

— Полтинник даром пропал! — шептала она, засыпая.

¹ *Далее было:* от этого

² *Далее было начато:* А то

³ *Было начато:* Наде(яться?)

⁴ *Далее было:* — А они и этого не догадались: напрасно не дали себя высечь: [глупо, глупо и жалко] и автор глуп, и герои жалки! — с диким воодушевлением сказала Вера, уходя из комнаты.

⁵ *Было:* На пороге она остановилась.

⁶ *Далее было начато:* и сказала

⁷ *Текст:* Вот, чтоб этого не терпеть ∞ прошептала она. — *вписан на полях со знаком вставки.*

За ужином¹ в тот вечер Веры не было. Бабушка сидела угрюмо, брала всякого кушанья,² но, не отвеживая, отдавала тарелки, Райский налег на какую-то кашу с миндалем, изобретение Татьяны Марковны, и тоже задумывался, но не болезненно, как Бережкова, а равнодушно над ответом Веры об участи несчастных влюбленных. Ни тот ни другой не замечали ничего вокруг, а вокруг них разыгрывался живой и веселый мотив молодой жизни,³ билась и раздавалась гармония двух юных сердец, играли их силы почти вслух, так что только равнодушные Райского ко всему, что — не Вера, и углубление Татьяны Марковны в омут новой,⁴ неведомой заботы отвлекали их от Марфиньки и Викентьева.

А у них сияли глаза, пылали лица.⁵ Они старались не глядеть друг на друга, а когда случайно взглядывали, Марфинька краснела и опускала глаза в тарелку, а⁶ в Викентьеве пропала резвость и бойкость. Он сдерживал себя под влиянием какого-то нового и сильного впечатления, даже пробовал задумываться, но это было не в его натуре, и он кидал беспокойные, чуткие взоры по сторонам: на Якова, который даже заметил это и сам⁷ остановил на нем тупой, вопросительный взгляд. Викентьев смотрел и на потолок, и на портреты, и на чучел каких-то птиц, стоявших на шкапе, наконец, опять боязливо взглядывал на Марфиньку, которая быстро отворачивалась.⁸

Дело в том, что, когда Викентьев, после чтения, вызвал Марфиньку в сад, — между ними нечаянно произошла следующая сцена.

Викентьев звал Марфиньку в рощу слушать соловья.

(л. 11)

¹ *Было начато:* В промежутке между чтением и ужином

² *Далее было начато:* и

³ *Далее было начато:* и раз(давалась)

⁴ *Было:* в новый омут

⁵ *Далее было начато:* а. Но резвость и бойкость б. Викентьев

⁶ *Далее было начато:* Викентьев употребл(ял)

⁷ *Далее было начато:* с тупым

⁸ *Текст:* За ужином в тот вечер ∞ которая быстро отворачивалась. — *зачеркнут.*

Райский [с] [после], не сказавши никому ни слова в доме, [ушел тоже на Волгу] [задумал] ушел после обеда на Волгу и стоял в кустах, высматривая¹ место поудобнее, чтобы переправиться на остров. Он даже² зашел к Козлову [и чтоб не] и, чтоб в случае встречи с Верой не возбудить³ подозрения в шпионстве, упросил его идти с собой. Но вместо Козлова навязалась Ульяна Павловна — и так настойчиво, что Райский не мог отказать.

Он угрюмо молчал всю дорогу, и, когда переправились на остров, Ульяна Павловна [села на б(ерегу)] [отыскала ук(ромное?)] сказала, что устала. Она села на берегу маленького залива, сняла башмаки, чулки и [сп(устила?)] опустила ноги в воду, как он ни упрашивал не делать этого, в видах простуды. Но она, не слушая его, продолжала свое дело. Потом распустила волосы и, как русалка, [вы(мочила)] смочила их в воде, поглядывая лукаво на него.

— Как же мы в город пойдем? — сказал он. — Вы с ума сошли.

— Всё по вас, мой⁴ милый Борис Павлович, — говорила она с улыбкой. — Отойдите подальше за осоку, туда: [говорила она] я выкупаюсь.

И, не дожидаясь, чтоб он отошел, вдруг сбросила с шеи платок. [Он от(скачил?)] Он бросился [было от нее, но, поглядев, остановился как вк(опанный?)] от нее и, пройдя несколько сажен быстро, [остановился] обернулся — что она.

[— Идите, идите дальше] Она была по грудь в воде.

— Дальше, дальше, не оглядывайтесь! — говорила она, зажимая руками грудь, как будто стыдясь. Он ушел [за] в осоку, сильно смущенный и задумчивый. Вдруг, через пять минут, раздался пронзительный⁵ крик: «Помогите — я тону — помогите...»

---

¹ Слова: и стоял в кустах, высматривая — исправлены: подумывая пробраться на остров и высматривая

² Слово зачеркнуто.

³ Далее вписано: опять

⁴ Слово зачеркнуто.

⁵ Исправлено: ее пронзительный

Он бросился к ней — она барахталась в воде, стараясь ухватиться за прутья жимолости. Наконец он вынес ее на сухое место и положил на траву.¹ (л. 38)

В это время² с другой стороны бежал кто-то на помощь.³ Она бросилась накидывать на себя кое-как в беспорядке платье, а он поспешил удалиться от нее — и вдруг столкнулся — с Марком, с ружьем.

— Я слышал женский крик, на помощь зовут! — сказал он.⁴

Райский молча прошел мимо, а Марк поспешил к заливу — и вскоре раздался его хохот.

— Послушайте, Райский, остановитесь!

Райский [было] всё уходил, но Марк пересек ему дорогу.

— Здравствуйте, куда бежите? — сказал он, — вы спасли жизнь: я свидетель — просите медаль! Ульяна Павловна! Подите же сюда!⁵ (л. 39)

---

¹ *Далее вписано:* Она казалась испуганною — Райский помог ей накинуть платье и сел подле нее.

² *Исправлено:* В это же время

³ *Слова:* бежал кто-то на помощь — *исправлены:* слышались шаги

⁴ *Вместо:* сказал он — *вписано:* — Кто это? — сказал он, не поздравившись с Райским.

⁵ *Текст:* В это время с другой стороны ∞ Подите же сюда! — *исправлен:* — и вскоре из-за кустов появился Марк с ружьем.

— Кто здесь на помощь звал? — кричал он, не видя их. Они поспешили разойтись. Марк с удивлением поглядел на них, потом захохотал.

— Чему вы смеетесь? — спросил Райский.

Тот продолжал глядеть на них насмешливо.

— О дружба, это ты! — сказал он. — Кто же тут погибал? Ах, это вы утопленница! Ну что ж, Райский, — вы жизнь спасли: просите медаль — я свидетель!

— А что вы здесь делаете?

— [А вот] Вот, как видите, зайцев ищу, да нету. Ну, я вам не мешаю, топитесь опять, Ульяна Павловна, — теперь уж никто не придет, — кричите громче. Прощайте, Райский, спасибо, что из петли освободили...

— Из какой петли?

— А книги: забыли? Это вам делает честь, что забываете добрые дела. Никто на меня не думает, зато архиерей с Нилом Андреечем на вас донос пишут. Прощайте.

Фрагмент чернового автографа главы I
части четвертой (ЧА₄₍₁₎)

(Т. 7, с. 522—524)

Глава¹

Вера, расставшись с Райским, торопливо² шла на выстрел, пробираясь через³ сплошной орешник, вербовник, старые и молодые⁴ ели, сплетшиеся по скату горы почти в непроходимую чащу, в которой не было проложено ни одной тропинки. Но она привычным шагом скользила, как ящерица, между кустов,⁵ и скользя между деревьев, устраняя зонтиком гибкие ветви и наклоняясь под толстые сучья.⁶ Четверть часа пробиралась она и наконец подошла к старой, полусгнившей и развалившейся беседке, заросшей и покрытой акациями, жимолостью и обросшей травой и мохом. Эту самую беседку⁷ Райский старался отыскать ночью,⁸ во время грозы, но непроницаемая чаща⁹ сделала ее невидимой. Там был покривившийся стол в виде гриба и две лавки. На одной из них сидел Марк. На столе лежало ружье, пистолет,¹⁰ охотничья сумка и фляжка с вином.

— Это ты, Вера, — сказал он и, подав ей руку, почти втащил в беседку, в которую не было никаких ступеней, давно¹¹ уже отвалившихся. — Долго вы¹² сегодня: я думал, что не слыхала, хотел еще выстрелить

— Меня задержал брат, — сказала она,¹³ — ну а вы¹⁴ что?¹⁵

¹ Рядом на полях помета: Не годится этот лист, разве кое-что взять; в верхней части листа справа еще одна помета: (На обороте.)

² Было начато: Вера торопли(во)

³ Было начато: между

⁴ Вместо: старые и молодые — было начато: сквозь молодые

⁵ Далее было начато: наклоняясь под толстые

⁶ Так в рукописи.

⁷ Далее было начато: помнил с детства

⁸ Было: в темноте

⁹ Вместо: непроницаемая чаща — было: зелень

¹⁰ Слово вписано.

¹¹ Вместо: в которую не было никаких ступеней, давно — было: у которой недоставало крыльца, не было никаких ступеней кроме давно

¹² Было: ты

¹³ Далее было: глядя на него нежно

¹⁴ Было: ты

¹⁵ Далее было: ничего еще не напроказничали?

— Ничего, а кстати о Райском — что он? всё не унимается,¹ угощает² страстью?

— Да — и мне иногда неловко. Я бы лучше уехала отсюда на всё лето и осень к Наташе. Я боюсь, что не выдержу. Он везде следит за мной, и того и гляди — догадается. Не сказать ли ему прямо?

— Боже сохрани! — перебил Волохов торопливо, — после, после, не теперь.³ Еще провретя, всё испортит или учредит и за мной полицию, а я этого не люблю.⁴ Эти натуры болтливы, скажет бабушке — и всё пропало.

— Что же делать?⁵ мне очень неловко. Уехать надолго⁶ нельзя, а ненадолго — только оттягивать.⁷

— Одно средство я уж тебе сказал: дурачить его. Водите,⁸ обманывайте, прикидывайтесь,⁹ сделай¹⁰ из него послушного ребенка.

— Зачем это? — с отвращением продолжала¹¹ она. — Я послушалась,¹² остановила его, когда он собрался ехать.¹³

— Не уехал бы ни за что, поверь! <л. 1>

— Он же добр, всех нас любит. Как я после оправдаюсь?¹⁴

— Ну так открой ему всё, а он вслед за тобой сюда же пожалует к нам. Тогда всё пропало.

— А может быть, он тогда успокоится. Он сам проведует свободу, он развит, он честен, умен.

— Рисуетя! — сказал Марк.¹⁵ — Он эгоист, самолюбив и живет одним воображением. Его загрызет зависть

---

¹ Было: не отстает

² Было: угощает тебя

³ Далее было начато: А пока поду(маем?)

⁴ Было: а я шутить не люблю: пожалуй, выйдет скверно

⁵ Далее было: сказала она

⁶ Слово вписано.

⁷ Текст: — Что же делать? ∞ только оттягивать. — вписан на полях со знаком вставки.

⁸ Было: Води

⁹ Было: прикидывайся иногда

¹⁰ Было: и сделай

¹¹ Было: сказала

¹² Было: Я слушалась тебя

¹³ Далее было начато: а между тем мне и неловко, и совестно играть эту глупую роль... Он и добр к нам, и умен, любит нас всех: [что] как я оправдаюсь после?

¹⁴ Текст: — Он же добр ∞ оправдаюсь? — вписан.

¹⁵ Вместо: — А может быть ∞ сказал Марк. — было: — Боже сохрани! — сказала она. — [Но он] [Он честен и добр] Он честен, он

и досада.¹ У него² вдруг родилась страсть как мыльный пузырь и как мыльный же пузырь лопнет.³ Он и наслаждаться-то не умеет, а измучит и сам измучится, не зная сам, чего ищет. Дай ему тебя совсем, в вечное и потомственное владение, он будет тебе месяца три⁴ петь, читать, рисовать, может быть, плясать, а потом вдруг в одно прекрасное утро⁵ велит Егорке стащить чемодан да и уедет.

— А ты, Марк? — спросила она ласково, положив ему руку на плечо.

— Я не уеду сам: разве ушлют...⁶

— Я говорила ему это, а он утверждает, что он способен любить⁷ глубоко, всю жизнь,⁸ но что дело до этого не доходило, что впечатления не доживали до любви, что несчастные встречи кончались разочарованием...

— Всё врет, — перебил Марк, — и, главное дело, врет искренно, с убеждением.

— Стало быть, не притворяется, не лжет... — заметила Вера.⁹

— Сам надувает себя — дурак.¹⁰

— Ну нет, не дурак!¹¹

развит, может быть, он уважит мою тайну, [он сам же говорил, даст] предоставит полную свободу...

— Да, слушай его!

¹ *Далее было:* Он не даст т(ебе)

² *Далее было начато:* вскочило

³ *Далее было:* Разве это страсть сильной, здоровой природы, которая готова изломать всю свою жизнь для чужой? Он [и насл(аждаться)] шагу не сделает, не встанет часом раньше из своих пуховиков. [А уж о жертвах и говорить нечего.]

⁴ *Было:* недели три

⁵ *Далее было начато:* объявит, что

⁶ *Текст:* — А ты, Марк? ∞ разве ушлют... — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁷ *Вместо:* способен любить — *было начато:* лю(бит)

⁸ *Далее было начато:* и что до сих по(р)

⁹ *Вместо вписанной на полях со знаком вставки фразы:* — Стало быть ∞ заметила Вера. — *было:* — Какая встреча удовлетворит его: [это] он идеалист, пожалуй, и художник — только [художник] [истинный ху(дожник)] делать ничего не умеет! И любовь у него — вовсе не цель, а только средство [выражаться] фантазировать, выражаться, как говорят эти господа.

¹⁰ *Было:* — Вот дурак-го!

¹¹ *Было:* — Чем же дурак?

— Как же не разберет до сих пор себя.¹ Это какая-то помесь немецкого бурша с русским барчком. Ты смотри, Вера, не проговорись,² <не>измени...

— Гадко, Марк, притворяться.³ Я не хочу, не стану.

— Ну хорошо, ты только потерпи, не проговорись ему пуше всего обо мне и о наших свиданиях...

— Будь покоен.

— А остальное он сделает сам.

— Что мы всё о нем? Скажи, что ты делал вчера? Не напроказничал ли?⁴ <л. 1 об.>

*Фрагмент чернового автографа главы IV
части четвертой (ЧА₄₍₄₎)*

(Т. 7, с. 539—543)

Гл<ава>

Вера, на другой день⁵ утром⁶ рано, дала Марине записку и велела отдать кому-то, потом после обеда ходила гулять на берег Волги и вечером,⁷ попросившись⁸ у бабушки на ту сторону, к Наталье Ивановне, простилась со всеми и уехала, сказав Райскому, что напишет⁹ ему первая и пришлет адрес, куда писать и через кого посылать письма, чтобы¹⁰ эта переписка не кидалась в глаза посторонним. Райский накупил бумаги, перьев¹¹ и ждал с лихорадкой первого письма.

---

¹ *Далее было начато:* [что] не перешел еще жизненной азбуки. Вот мы его поставим лицом к лицу с жизнью — пусть увидит! А! ты страсти захотел: накорми его по горло, Вера, — пусть покоробит его, авось созреет. Надо же мне отблагодарить его за услуги: денег дает, пальто не требует назад, а главное, [что] не выдал меня губернатору. [Оно бы, по<жалуй?>]

— Вот видишь, а ты [с злостью] мстишь злом... — сказала Вера.

— Вообще нет: я ему окажу услугу гораздо важнее. Открою ему глаза [на себя] на самого себя, помогу созреть и отучу от поэзии. Поэзии-то нет, а смесь

² *Слова:* не проговорись — *вписаны.*

³ *Слово вписано.*

⁴ *Текст фрагмента зачеркнут.*

⁵ *Было начато:* через д(ень)

⁶ *Было начато:* к у<тру>

⁷ *Было начато:* на третий

⁸ *Было:* попросилась

⁹ *Было начато:* пришлет

¹⁰ *Далее было начато:* незаметн(о?)

¹¹ *Далее было начато:* убр<ал>

Через день пришел с Волги утром рыбак¹ и принес записку от Веры с несколькими ласковыми словами. Выражения: «милый брат», «симпатия», «надежды на лучшее *веселое* (и в письме «веселое» было подчеркнуто) будущее», «рождающаяся искра нежности,² которой не хотят дать ход» и т. д. — обдали Райского искрами счастья. Он охмелел от письма, вытвердил его наизусть — и к нему воротилась уверенность в себе, вера в Веру, которая являлась теперь ему в каком-то свете правды, чистоты, тонкой грации, нежности. Он бросился к столу (л. 3 об.) писать ответ: листки плодились под его рукой — и он оторвался от них только на шестом,³ когда его позвали обедать. Он не кончил какой-то фразы и написал: «до следующего письма» — и запечатал. Рыбак⁴ сказал, что придет за письмом вечером, а на другой день принесет ответ, который получает от какой-то девушки или бабы с той стороны Волги,⁵ и что его «подрядили»⁶ каждый день носить письма. «Так вот кто мой „postillon d'amour“»*, — подумал Райский и дал ему рубль серебра, сказавши, что он каждый день будет получать столько же. Опять то же ожидание, то же нетерпение завтра. Он ждал у того, другого, третьего окна — нейдет ли мужик, который сделался ему дорог. Мужик не пропускал ни одного дня, и письма разменивались аккуратно. Вера велела адресовать ему письма на имя «дьячихи Секлетеи Бурдалаховой».

Фантазия и страсть на двух своих крыльях умчали Райского⁷ в чудный мир. Там, окруженный ореолом, в блеске фантастических красок, сиял образ Веры и манил его в бездонную глубину⁸ очаровательной дали. Даль эта облита была лучами не здешнего, а какого-то

---

¹ *Вместо:* утром рыбак — *было:* первый перевозчик

² *Вместо:* ласковыми словами. ∞ искра нежности — *было:* ласковыми словами, где «милый брат», «симпатия», «надежды на лучшее *веселое* будущее» (и в письме было подчеркнуто), «рождающаяся искра нежности

³ *Слова:* на шестом — *вписаны.*

⁴ *Было:* Перевозчик

⁵ *Слова:* с той стороны Волги — *вписаны.*

⁶ *Было:* и что он будет

* «вестник любви» (фр.)

⁷ *Вместо:* на двух своих крыльях умчали Райского — *было:* а. отворили двери Райскому б. отворили Райскому двери

⁸ *Вместо:* в бездонную глубину — *было:* дальше и дальше, в глубин(у)

другого, розово-огненного солнца.¹ В ночах этого мира не луна светила,² а покоился на природе сладкий и кроткий голубой свет,³ и во всем этом на пьедестале из цветов⁴ среди зеленых листьев винограда и плющей стояло бледное изваяние его таинственной, трепетно-мерцающей⁵ Ночи, его обожаемой Веры, страстной, причудливой, с всепобедной красотой лица, с красотой ума,⁶ с красотой непреклонной воли.

Но всё еще она не женщина, та женщина, идеал которой он носил в душе с тех пор, как в первый раз забилось у него сердце в груди при виде красоты. (л. 4) У ней еще нет главной красоты.⁷ В глазах этой новой своей статуи⁸ он не видит той жизни, какую должна дышать грудь женщины... Он не видит любви, не знает у ней сердца, с его зиждительным царством,⁹ дающим всему живому жизнь и силу...

Ей еще недостает лучших лучей в женском венце, и он смотрит, ищет, освещает темные места своего чистого¹⁰ идеала, пытается собственным ум, совесть, сердце, требуя опыта, наставления, чего хотеть и просить от нее, чего недостает для полной гармонии красоты,¹¹ прислушиваясь к своей жизни, припоминая всё, что оскорбляло его в его идолах.¹² Вся женская¹³ грубость и грязь, прикрытая мишурой и румянами,¹⁴ густыми грязными волнами опять¹⁵ протекла мимо его. Он припомнил свои страдания, горькие оскорбления, выне-

---

¹ *Вместо:* лучами не здешнего, а какого-то другого, розово-огненного солнца — *было начато:* то лучом не здешнего солнца

² *Вместо:* не луна светила — *было начато:* блис(тала)

³ *Вместо:* покоился на природе сладкий и кроткий голубой свет — *было:* а. лежал сладкий и кроткий свет б. лежал сладкий и кроткий голубой цвет

⁴ *Далее было начато:* в з(еленых)

⁵ *Далее было начато:* а. в роск(ошной?) б. Ночи в. ст(растной?)

⁶ Слово вписано.

⁷ Фраза вписана.

⁸ *Вместо:* своей статуи — *было:* своей статуи, могучей статуи

⁹ *Вместо:* с его зиждительным царством — *было:* с его таинственным, но всепобеждающим, творческим, греющим царством

¹⁰ *Было:* нравственного, чистого

¹¹ *Слова:* чего хотеть и просить от нее ∞ для полной гармонии красоты — *вписаны на полях со знаком вставки.*

¹² *Далее было начато:* и чего требовало

¹³ Слово вписано.

¹⁴ *Далее было начато:* выступила

¹⁵ Слово вписано.

сенные им в битвах жизни, — и как падали его модели,¹ как падал он сам с ними² и как вставал опять, опять отряхаясь³ и требуя от женщин женщины, человечности, гармонии красоты наружной с красотой внутренней.

Ему предчувствие говорило, что⁴ это последний опыт, что⁵ в Вере он или найдет, или потеряет уже навсегда свой идеал женщины и разобьет свою статую в куски и потушит диогеновский фонарь.⁶

Он видел какой-то мрак в ней, туманное пятно, ложь.⁷ Отчего эта загадочность, эти кошачьи шаги в темноте, исчезание по целым дням, таинственные письма,⁸ прятанье, лганье, молчанье,⁹ под которым ползла эта, может быть, грубая и грязная интрига, или¹⁰ роковая страсть, или какая-то неуловимая тайна — что, наконец?¹¹ «Своя воля, горда», — говорит бабушка. «Свободы хочу, независимости», — подтверждает она сама, а между тем прячется и хитрит. Гордая воля и независимость никого не боятся и открыто идут избранным путем, презирая ложь и мышиную беготню! Там свои понятия о любви,¹² о добродетели, о стыде: Вера проповедует своеобразие понятий, а сама не следует им открыто, она скрывается, обманывает его, бабушку, весь дом, весь город, целый мир! (л. 4 об.) Нет, это не его женщина: дальше от нее!¹³ Вера обманывает! И она, как многие, может быть как все они, живет кошачьей жизнью,¹⁴ кошачьим умом, кошачьими чувствами — с кошачьей¹⁵

---

¹ Было: идеалы

² Слова: с ними — вписаны.

³ Слово вписано.

⁴ Далее было начато: он

⁵ Далее было начато: если

⁶ Слова: и потушит [свой] диогеновский фонарь — вписаны.

⁷ Было: даже будто ложь

⁸ Далее было: а. ложные предлоги, [эти хи(трые)] [этой] ползучие интриги, страсть, роковые тайны: чего, наконец? б. прятанье, лганье, покрывавш(ие?) ползучую интригу, страсть, роковую тайну: и что еще?

⁹ Далее было начато: укрывавшие

¹⁰ Слово вписано.

¹¹ Слова: прятанье ∞ что, наконец? — вписаны на полях со знаком вставки.

¹² Слова: о любви — вписаны.

¹³ Фраза вписана.

¹⁴ Далее было начато: а. ко(шачьей) б. с кошачьей ду(шой)

¹⁵ Вместо: с кошачьей — было: кошачьей

душой!¹ Это страшно,² за женщину страшно,³ за человечество страшно — что женщина может быть честной только случайно, когда любит, и перед тем только, кого любит!⁴ И только в ту минуту, когда любит! «Ложь — это одно из проклятий сатаны, брошенное в мир!...»⁵ «Не может быть в ней лжи...»⁶ — утешался он, задумываясь.⁷ «Однако», — потом с унынием думал⁸ он, добираясь, отчего⁹ вдруг тут же, под носом, выросло у него это «однако», выросло из опытов его жизни, выглянуло из всех женских знакомых ему портретов, из всех любвей его... Любвей!

Он залился заревом стыда и закрыл лицо руками.¹⁰

«Любви; встречи без любви! — терзался он внутренно.¹¹ — Какое заклятие лежит над людскими нравами и понятиями!¹² Мы, сильный пол, отцы, мужа, ¹³ братья и дети этих женщин, мы клянем их¹⁴ за то, что сорят собой и валяются в грязи и бегают по кровлям... клянем и — развращаем в то же время, мы¹⁵ не оглянемся на самих себя, снисходительно прощаем себе... собачьи встречи... чуть не явно нося клеймо позора и не чувствуя его!»

Ему всегда¹⁶ рисовался идеал мужчины, где лучшим лучом в венке его была¹⁷ трезвость и целомудрие! «Вот

---

¹ Слова: живет ∞ с кошачьей душой! — вписаны на полях со знаком вставки.

² Было: Это страшно, страшно

³ Далее было начато: за человека, за род

⁴ Далее было начато: а. Ложь б. Лжет, гнусн(о)

⁵ Текст: И только в ту минуту, когда любит! «Ложь — это одно из проклятий сатаны, брошенное в мир!...» — вписан на полях со знаком вставки.

⁶ Слова: в ней лжи — вписаны.

⁷ Слово вписано.

⁸ Было: думая

⁹ Вместо: добираясь, отчего — было: видя, как

¹⁰ Далее было начато: А я

¹¹ Было начато: мы(сленно)

¹² Далее было начато: что они, [лицеме(рно)] кляня женщину за то, что сорят собой и валяются в грязи, не оглянутся на самих себя, снисходительно прощают себе

¹³ Было: мужа, отцы

¹⁴ Слова: Мы, сильный пол ∞ мы клянем их — вписаны на полях со знаком вставки.

¹⁵ Слова: бегают по кровлям ∞ в то же время, мы — вписаны на полях со знаком вставки.

¹⁶ Было: давно

¹⁷ Далее было: чистота

где оба пола должны довоспитаться друг до друга, идти параллельно,¹ не походя, одни — на собак, другие — на кошек и оба вместе — на обезьян!» Все эти мысли, сравнения он ловил, подбирал и бросал небрежно в письма, рисуя и себя и Веру,² вытряхивая, как из рога изобилия,³ всё из своей фантазии на бумагу. «Мужчины так легко смыывают свой позор, а на женщинах считают пятна! Нет, пусть они взвешивают свой позор⁴ на одних весах! Тогда и кончится этот нравственный разлад между двумя полами, эта путаница понятий, эти взаимные обманы и измены.⁵ А то выдумали две нравственности — одну для себя, другую для женщин — нет, прогресс и цивилизация соединяет их — это великая задача!»⁶

Он погрузился в воспоминания и лег на диван. Долго лежал он, закрыв лицо, и встал бледный, истерзанный внутренней мукой.

А Вера? Ужели⁷ обманывает? Зачем?⁸ Что-то говорило ему, что нет, что она чиста и честна. Он⁹ перебрал каждый ее шаг, как судебный следователь¹⁰ в уголовном деле, и то дрожал от радости, то впадал в уныние, и выходил¹¹ из омута этого анализа ни безнадежнее, ни увереннее, (л. 5) чем был прежде,¹² а всё с той же¹³ мучительною¹⁴ неизвестностью,¹⁵ как купающийся человек, который, думая, что нырнул далеко, выплывает опять на прежнем месте.¹⁶ Он старался оправдать ее загадочность поведения с ним, припоминая¹⁷ свой быстрый

¹ Слова: идти параллельно — вписаны.

² Далее было начато: передавая и выв(аливая)

³ Было: из мешка

⁴ Вместо: они взвешивают свой позор — было начато: а. и они сознают по(зор) б. они поставят свой в. вешают

⁵ Далее было: между двумя полами

⁶ Текст: на собак, другие — на кошек ∞ это великая задача!» — вписан на полях со знаком вставки. Рядом на полях зачеркнутый набросок: Все эти сомнения он пишет ей в письмах.

⁷ Было: Зачем и ужели

⁸ Слово вписано.

⁹ Было: Но он

¹⁰ Было: как следственный пристав

¹¹ Было: вышел

¹² Далее было начато: Он

¹³ Вместо: с той же — было: только с

¹⁴ Слово вписано.

¹⁵ Далее было начато: Он вспомнил, что хотел

¹⁶ Слова: как купающийся человек ∞ на прежнем месте — вписаны на полях со знаком вставки.

¹⁷ Далее было начато: как

натиск: как он вдруг предъявил свои права на ее красоту, свое удивление¹ последней, поклонение, восторги, вспомнил, как² гордо взглянула она на него, как сначала небрежно, а потом как энергически отмахивалась от его настояний, как явно смеялась над его страстью, как не верила и не верит ей до сих пор, как удаляла³ его от себя, от дома, от этого места, убеждала уехать, а он напросился остаться. «Да, она права, а я виноват, — думал он, теряясь в соображениях.⁴ — Я хотел страсти, и страсти корыстной, разделенной, со всем ее счастьем и муками. А когда увидел, что взаимности нет, я стал⁵ преследовать ее в ее любви,⁶ удерживать, гремел бабушкиной моралью, объявив себя сначала рыцарем свободы: свободы... любить меня — да! О, как я глуп! И когда увидел, что всё напрасно, я⁷ выдумал софизм страсти, просил не гнать меня, дать любить себя бескорыстно, когда она вполтину призналась, что любила кого-то,⁸ лишь бы видеть ее, чувствовать жизнь в организме, не умирать... Я виноват и если могу оправдаться чем-нибудь в этом⁹ нелепом софизме, так разве тем, что выдумал его, когда было уж поздно бежать,¹⁰ когда подмой была покатошь и сзади гора. Я хотел усмирить¹¹ страсть постепенно, поддаваясь ей,¹² глядя ее по шерсти,¹³ как гладят злую собаку, готовую броситься на нас, чтобы задобрить ее — и потом, пятясь задом, уйти подобру-поздорову. Я ей сказал это.¹⁴ Однако ж она не открыла¹⁵ мне имени своего идола, когда уверена была, что это мигом отняло бы все надежды у меня и страсть

¹ Было начато: покло(нение)

² Было начато: и то, каким

³ Было: гнала

⁴ Вместо: теряясь в соображениях — было: задумываясь

⁵ Далее было: ее

⁶ Слова: в ее любви — вписаны.

⁷ Текст: стал преследовать ее ~ я — вписан на полях со знаком вставки.

⁸ Слова: когда она ~ кого-то — вписаны на полях со знаком вставки.

⁹ Слово вписано.

¹⁰ Слово вписано.

¹¹ Было: унять

¹² Далее было: задабривая

¹³ Слова: по шерсти — вписаны.

¹⁴ Текст: Я хотел усмирить ~ Я ей сказал это. — вписан на полях со знаком вставки.

¹⁵ Было: Но, однако ж, зачем она [удер(жала)] не сказала

остыла бы мгновенно? Чего это ей стоило: ничего, она знала, что тайна ее останется тайной, а между тем молчала и как будто умышленно разжигала страсть? Отчего не сказала? Отчего не дала мне уехать, а просила остаться, когда уж... я велел Егорке принести¹ с чердака чемодан? Кокетничала, стало быть, обманывала меня! И бабушке не велела сказывать, честное слово взяла с меня, стало быть, обманывает и ее — и всех. Она виновата — она?² Вера обманывает, прикрывает свою любовь, как актриса, как... А уехал ли бы ты,³ если б она и не просила тебя (л. 5 об.) остаться?» — вдруг сделал он вопрос и мысленно тут же сосчитал, сколько раз он велел Егорке принести и отнести чемодан. Вышло семь раз. «Да, кажется, не уехал бы, — прибавил он, — но уехал бы⁴ непременно, если б узнал положительно, что страсть, а не другое что,⁵ толкает ее с обрыва, что эти выстрелы значат не другую какую-нибудь роковую тайну, а любовь,⁶ а чтоб узнать это и убедиться в этом, надо было ей назвать идола, а она не назвала и⁷ между тем удержала,⁸ не дала уехать.⁹ Стало быть... стало быть... я ничего не знаю, а неизвестность хуже смерти, и вот что, она, а не страсть, мучит меня, я не влюблен, и потому Марк пари¹⁰ не выиграл и не получит!..» «Вон Вера¹¹ проговаривается, — думал он немного погодя, — что любит меня: „вас люблю, а вы всё еще не проникли“, — говорит. Зачем она сказала это? Зачем пишет... ко мне?»¹² Он вынул письмо и стал опять изучать, как написаны¹³ буквы, какой у ней почерк, которого не знал,¹⁴ старался угадать ее характер и наконец уже дочитался до того, чего и не было в письме. Он¹⁵ бессознательно исписал своим

---

¹ Было: когда уж... Егорка принес

² Фраза вписана.

³ Было: [А] Но остался ли бы ты

⁴ Далее было: тогда

⁵ Слова: а не другое что — вписаны.

⁶ Далее было начато: если б, наконец

⁷ Было: а

⁸ Было: удержала его

⁹ Слова: не дала уехать — вписаны на полях со знаком вставки.

¹⁰ Было: своих пари

¹¹ Было: она

¹² Слова: ко мне — вписаны на полях со знаком вставки.

¹³ Было начато: пишет

¹⁴ Далее было начато: что

¹⁵ Далее было: не замечал, что

воображением поля, и между строками, и сверху — и¹ вышло² у него, что коротенькое письмо Веры дышит страстью к нему, к Борису, что «там», где-то в обрыве, на песках, между кустами Волги, доигрывается какая-то прежняя тайна, последний ее акт, а с ним начинается другая тайна, другая страсть, другая жизнь!

Он бросился к перу — и оправдал свою статую, свой идеал от всех сомнений, разогнал туман, сгустившийся кое-где, и запел ей гимн.

Полились волны поэзии — письма обратились в импровизации, полные то нежного³ умиления и поклонения, то живой, ревнивой страсти и всех ее бурных и горячих воплей, песен, мук, счастья. (л. 6) Слышались там и лиризм, и драма,⁴ которая,⁵ разыгравшись в одном письме между им, между ею и невидимым соперником, укладывалась в следующем⁶ потом в добродушный эпос счастливой любви, домашней Одиссеи,⁷ семейных радостей у очага, картин любви, ее звуков — сцен.⁸ А там вырывался⁹ юмор и¹⁰ трескучим, внезапным огнем освещал картину, сцену, часто законченную сильной мыслью или практической заметкой жизни. Он не щадил себя, издеваясь над своей любовью, над своими уродливыми изливаниями, над своей ролью.¹¹ Он попеременно являлся то нежным романтическим Вертером или средневековым¹² рыцарем, то Отелло, то Дон Кихотом — или дурел под пером от страсти и впадал в провинциальное тупоумие и¹³ глубокомыслие деревенской ворожеи,¹⁴ а между тем те же строки сквозили чутьем всевидящей пронизательности и наводили сомнение на его корреспондентку в его искренности. Что он, шутит, играет, издевается над женщиной? Или искренен

---

¹ Далее было начато: пись(мо)

² Было начато: вышло, чт(о)

³ Далее было: лирического

⁴ Было: Слышалась там драма

⁵ Слово вписано.

⁶ Слова: в следующем — вписаны.

⁷ Слова: домашней Одиссеи — вписаны.

⁸ Слово вписано.

⁹ Было: а. Начато: Он плака(л) б. Вырывался

¹⁰ Далее было начато: огнем

¹¹ Фраза вписана над строкой и на полях со знаком вставки.

¹² Слово вписано.

¹³ Было: или

¹⁴ Далее было начато: или

в той¹ игре, сверкающей такими неподдельными искрами страсти, честности, любви к людям, к добру?² Он то признавался в страсти,³ то душил⁴ и охлаждал ее градом смеха над собой, глядя⁵ на нее и на себя со стороны,⁶ и всё одевал свой кумир в светлые лучи, всё звал его на какой-то торжественный пир великой любви, достойной великих сердец,⁷ а любовь обставлял всюю прелестью декорации, какую обставила ее сама природа, осмыслив ее⁸ нравственным чувством и положив⁹ и в этом чувстве, как в разуме, «и, может быть, тут именно более, нежели в разуме» (писал он),¹⁰ бездну, отделившую человека от всех не человеческих организмов. Изменились краски¹¹ этого волшебного узора, который он подбирал как художник и как нежный влюбленный, изменялся беспрестанно он сам, то падая в прах к ногам идола, то вставая и отряхаясь и громя хохотом свои муки и счастье. Не изменялась только нигде рыцарская честь и любовь его к добру,¹² античная честность и его здравый взгляд на нравственность.

«Веруй в Бога,¹³ знай, что дважды два четыре, и будь честный человек, — говорит где-то Вольтер, — писал он, — а я скажу — люби, женщина, кого хочешь,¹⁴ люби по-земному, только не по-кошачьи¹⁵ и не по расчету, — и не обманывай любовью, не делай зла». (л. б об.)

«Честная женщина! — писал он.¹⁶ — Требовать¹⁷ этого — значит требовать всего: да, это всё так — но не тре-

¹ Было: в этой

² Текст: и глубокомыслие деревенской ворожеи ∞ любви к людям, к добру? — вписан на полях со знаком вставки.

³ Вместо: Он то признавался в страсти — было начато: Страсть

⁴ Далее было: ее

⁵ Было: смот(ря)

⁶ Слова: глядя на нее и на себя со стороны — вписаны.

⁷ Слова: всё звал его ∞ достойной великих сердец — вписаны на полях со знаком вставки.

⁸ Слово вписано.

⁹ Далее было начато: бездну

¹⁰ Слова: «и, может быть, тут именно более, нежели в разуме» (писал он) — вписаны на полях со знаком вставки.

¹¹ Было начато: а. И везде в б. Все краски, какими о(н)

¹² Слова: любовь его к добру — вписаны.

¹³ Далее было начато: будь чест(ный)

¹⁴ Далее было начато: но не продавай

¹⁵ Было: но не как животное

¹⁶ Слова: писал он — вписаны.

¹⁷ Было: Да ведь требовать

бовать этого — значит оскорблять женщину, ее человеческую натуру¹ — творчество Бога.² Это значит — делать женщин³ неравными мужчинам, на что они справедливо жалуются: отнимать у них права, клеветать на них.⁴ Женщина — венец создания: да, но не Венера только:⁵ кошка коту кажется тоже „венцом создания”, Венерой кошачьей породы; женщина — Венера,⁶ пожалуй,⁷ но осмысленная,⁸ одухотворенная Венера, сочетание языческой красоты форм с христианской красотой духа,⁹ любящая и честная, то есть идеал женского величия¹⁰ и гармония красоты.

Не мы ли сами, мужчины,¹¹ не допускаем их быть честными, требуя честности только от себя, от своего пола, краснея от стыда при мысли о купле и продаже совести, убеждений, того, другого.¹² А от честной женщины, начиная от кухарки до барыни, требуем только,¹³ чтоб первая не воровала провизии, а вторая не таскала тихонько¹⁴ материй из магазинов, то есть площадной, или даже животной, честности, потому что и собаку дрессируют, чтоб не ела пойманную дичь, а кошка не пила тайком¹⁵ сливок?¹⁶ О мужчины, о вы, великолепные самцы, так гордо¹⁷ носящие¹⁸ свою честность, как носите гордо звезды и чины,¹⁹ и такие снисходительные к нечестности женщин.²⁰ Вы знать не хо-

¹ Было: оскорблять женщин, их натуру

² Далее было начато: Чест(ная)

³ Было: их

⁴ Далее было начато: Честн(ая)

⁵ Было: не Венера конечно

⁶ Было начато: Вене(ра) — женщина

⁷ Слово вписано.

⁸ Далее было: Венера

⁹ Слова: кошка коту ∞ с христианской красотой духа — вписаны на полях со знаком вставки.

¹⁰ Далее было: и красоты

¹¹ Слова: сами, мужчины — вписаны.

¹² Слова: от своего пола ∞ того, другого — вписаны на полях со знаком вставки.

¹³ Далее было начато: площадной

¹⁴ Слово вписано.

¹⁵ Было: чужих

¹⁶ Слова: то есть площадной ∞ сливок — вписаны на полях со знаком вставки.

¹⁷ Далее было начато: и так пре(красно?)

¹⁸ Было: несущие

¹⁹ Слова: как носите гордо звезды и чины — вписаны.

²⁰ Было: к своей нечестности

тите,¹ что вы² от женщин принимаете с кровью и всасываете с молоком нечестность и нечистоту, — и оттуда те³ кривизны, ложь и гадость,⁴ и воровство, и грубость, и разврат, и все прочие художества, которые вы так усердно и так напрасно хотите изгнать разными бичами⁵ из среды себя: и ременными бичами, и бичами тюрем, законов, всей вашей мудростью!⁶ Потребуйте честности от женщин⁷ — воспитайте их не самками — а женщинами, воспитайтесь у честных матерей⁸ — и потом заприте ваши тюрьмы! От жен своих,⁹ из самолюбия, вы требуете хорошего поведения, так называемой нравственности, а на прочих женщин — наплевать! Даже скучно вам, если чужая жена,¹⁰ приглянувшаяся вам, окажется „нравственною”. Еще скучнее — без тех „веселых созданий”, которым вы устилаете путь в пропасть золотом, а потом плюете на них и отворачиваетесь с омерзением, не замечая, что плюете и на себя, на дело ваших рук. А ведь эти так называемые „твари” — часто лучше вас самих — ваше дело поднимать их... Донкихотство, романтизм! — скажете вы с вашим умным смехом, — не переделаешь всего. Да, не переделаешь, пока будет этот смех, пока вы сами останетесь такими!»¹¹

Всё это глубокомыслие, все эти идеи — всё прятал Райский в письма и отсылал с рыбаком к Вере, на имя дьячихи Секлетей Бурдалаховой, думая только иногда о том, как неосторожна Вера, что вверяется какой-то Секлетее, которой, вероятно, дает деньги за снисхождение и которая, при первом случае, изменит ей. Он написал и об этом Вере, но та его успокоила, сказавши, что дьячиха предана ей и притом не знает, от

¹ *Было:* Понимаете ли вы

² *Далее было начато:* с кровью при(нимаете)

³ *Было:* все те

⁴ *Вместо:* ложь и гадость — *было:* а. нечистота и гадость б. ложь, взятки и гадость

⁵ *Вместо:* разными бичами — *было:* ваши(ми) законами

⁶ *Вместо:* которые вы так усердно и так напрасно хотите изгнать ∞ всей вашей мудростью! — *было начато:* против которых учреждаете больницы, тюрьмы, против кото(рых)

⁷ *Далее было:* потом

⁸ *Слова:* воспитайте их ∞ у честных матерей — *вписаны на полях со знаком вставки.*

⁹ *Было начато:* А вы, обеспечив себя

¹⁰ *Было:* женщина

¹¹ *Текст:* От жен своих ∞ пока вы сами останетесь такими! — *вписан на полях со знаком вставки.*

кого письма, а думает, что они — из дома... от родных.¹
(л. 7)

Он забывал всё в мире и писал, глядя только в волшебный мир своей фантазии, видя одну Веру и что относится к ней. Везде, где не было Веры, весь мир умер для него. Он плакал или заливался смехом над письмом, страдал невыразимо «за ложь» Веры, за ее темные и кошачьи² пути, и был невыразимо счастлив, когда прояснялся туман.³ Он жил⁴ своею бумажною страстью и мог бы, кажется, прожить ею века, как другие не живут в действительности. (л. 7 об.)⁵

*Первоначальная редакция главы V
части четвертой (ЧА₄₍₅₎)*

(Т. 7, с. 547—556)

Гл(ава)

Райский получил тоже длинное письмо на двух больших листах [где]. Ответ был полный: тот же почти страстный [тон], лирический тон, тот же торжественный строй. И там лились стройные речи, полные, как казалось ему, задушевной теплоты, излияния души, ищущей тоже своего идеала жизни, любви, добра и счастья и требовавшей всего этого от него. Иногда мелькали ему как будто знакомые мысли, знакомые (л. 9) выражения, даже образы, будто жившие в его душе, будто звуки собственной его музыки и [отв(ет)] полный ответ⁶ его идеалам.⁷ «И [она] ты допрашиваешься у жизни ее тайн, — писал он,⁸ — и ты, блуждающая комета-душа, ищешь простора, и тебе тесно в твоей тюрьме. Не рвись, терпение! Оглядывайся, падая, поднимайся и очищайся, совершенствуй, очеловечивай себя и всё

¹ Слова: от родных — вписаны на полях со знаком вставки.

² Было: кривые

³ Далее было начато: Он

⁴ Было начато: бросал(ся)

⁵ Вверху листа слева на полях зачеркнутый набросок к последующему тексту: Музыкант.

⁶ Слова: музыки и полный ответ — исправлены: музыки, даже его фразы — вообще полный ответ

⁷ К словам: и полный ответ его идеалам — знаком отнесена вставка на полях: как будто эхо его же писем

⁸ Далее вписано: в ответ

вокруг. Подадим друг другу руки и спасем то, что вверено нам Богом, чистые нетленные дары его природы [и т. д.]».¹

Письма Веры манили его всё больше в глубину его фантастической дали, его мысленной жизни, и влекли за собой. Вера шла будто от него в тумане покрывала: он стремился за ней, касался покрывала, хотел открыть ее тайны и узнать, что это за Изида перед ним. В самом ли деле это чистая, безгрешная [ста(туя)], как мраморная статуя, женщина или искажена людской порчей, забрызгана грязью болота [и влад(еет)]? [Обладает ли она] Прячет ли она стыдливо свою нравственную красоту, не понимая сама ее прелести и наивно подозревая только одну² красоту тела, или же владеет только³ кошачьим даром прятать,⁴ зарывать бархатными лапами и прикрывать мягким хвостом свою грязь?⁵ Он и блаженствовал, и мучился двойными радостями и муками и человека, и художника, не зная сам, где является один, когда исчезает другой и когда оба смешиваются. [Чтоб] Его тянула в себя и бездна [живо(тной)] корыстной, животной страсти: в нем просыпался⁶ весь пыл страстного мужчины и он обнимал [в слезах] с горячими губами мысленно [ф(игуру)] нежную и стройную фигуру Веры, обливал слезами ее ноги, молясь ей, как раб, унижаясь [тре(петно)] в трепете неги [и] на коленях, в мольбах. Бегал в ее комнату, глядел на стены, на стол с нежным умилением, содрогался и бежал в лес — глотнуть свежего холодного воздуха.

Ему хотелось взглянуть на себя со стороны, но горячка страсти мешала! Его жег стыд, сознание пренебреженной и отвергнутой (л. 9 об.) любви — и тогда он ужасался глубине пропасти, в которую упал сам, добровольно, не только не толкаемый, но удерживаемый сла-

---

¹ К тексту: «И [она] ты допрашиваешься у жизни ее тайн ~ чистые нетленные дары его природы [и т. д.]». — *знаком отнесена вставка на полях*: Будем остерегать друг друга, совершенствуя каждый себя и вместе друг друга [— не ради платы, возмездия, а ради [кра(соты)] [лю(бви)] красоты и любви к красоте], не станем просить „на водку“ за это, а будем искать в себе красоты — для самой красоты».

² Слова: только одну — *исправлены*: в себе только

³ Слово *зачеркнуто*.

⁴ Слово *зачеркнуто*.

⁵ *Далее вписано*: Он касался покрывала, но она ускользала, уходя дальше.

⁶ *Далее вписано*: и жег его

бою рукой самой Веры. «Что я делаю, на что я похож?» — говорил он в ужасе, — а сам всё писал, разменивался письмами и даже [забыва(л)] не вникал хорошенько в письма с той стороны Волги. Он прочтет там вопрос, схватит первый мотив — и играет, развивает, дополняет, удаляется в стороны, опять [возвращается к нит(и?)] схватывает нить и опять импровизирует, поет, плачет, ликует и живет этой фантастической жизнью, любя между тем как живой человек живую женщину в ее живой красоте и [обставляя] убирая эту красоту другой красотой, красотой живущего в нем идеала [женщины] не фантастической, не древней богини, не неземной девы, не мученицы долга, [а простой] а просто женщины, с умом, волей, характером Веры — и¹ с сердцем,² [с сердцем [только] честным, женским [л(юбящим?)], с любовью во всей ее человеческой простоте и прелести.³ Ты ли эта женщина, Вера, или нет: зачем прячешься за какие-то [ходули] декорации? Зачем эта стена между мной и тобой? Откройся, покажись — [но] не давай мне любви, страсти, не мани, не зови меня, дай одного: правды, правды: не хочу лжи, ложь оскорбляет [меня], убивает меня! Будь чем хочешь для меня [другом, сестрой]... женой... любовницей, наконец, всё, что ты ни дашь, всё приму и буду счастлив. Если любишь другого — скажи [и тогда] правду, не режь, не мучь меня этой адской пыткой темноты и будь для меня другом, сестрой — и опять я буду счастлив одним⁴

---

¹ *Исправлено:* но

² *Далее вписано:* которого еще не знает, не видит в ней

³ *К словам:* любя между тем ~ с любовью во всей ее человеческой простоте и прелести — *знаком отнесена вставка на полях:* Он не хочет холодного воплощения идей долга в какой-то суровой, иноческой фигуре затворницы, [мертво] исполняющей [наз(начение)] фанатическое назначение [огня] [сберегательницы] мертвой хранилища огня Весты: нет, это скучно, безжизненно [мертво]. Он хочет, чтоб огонь этот освещал и грел живое, прекрасное тело Венеры [и чтоб] и разливался по [всей ее жизни] всему ее организму, окрашивал всю жизнь в свои цвета, — он требовал полной, земной, не отрешающейся от плодотворной любви женщины — [но] с дыханием, нервами, пульсом и страстью — но любящей [и честной] и, следовательно, честной, потому что человеческая, истинная любовь непременно честна. «Отчего иногда распущенная женщина, когда ее постигнет глубокая, истинная страсть, становится честна перед своим другом?» — спрашивал он себя. «Потому что чувствует и носит правду в сердце», — отвечал сам же себе.

⁴ *Исправлено:* даже тем

только, одним,¹ что ты истинная, великая женская красота, что в тебе [твои] черты и формы Венеры [слились с чистотой Мадонны] согреты² правдой человека и согреты любовью женщины!

От корыстной страсти он вдруг переходил в поклонение артиста и продолжал петь гимн. Страсть его была огромной рамкой, в которой отражался весь художник и весь человек вполне.³ (л. 10) Вера, по-видимому, впадала в недоумение в своих ответах. [Из] В ее письмах он читал вызовы⁴ на ответы, [подозрения в не(м)] кто и что он такое, подозрения⁵ в неискренности, часто сдержанный смех или тонкую ядовитую подделку под него, как будто ему⁶ подставляла⁷ зеркало.⁸ Она не понимает — это ясно, и он был в ужасе. «И она, женщина с этим тонким, как сталь, глубоко проникающим во всё умом, с [женским ч(утьем?)] женскою чуткостью — и она не понимает во мне ни человека, ни художника! И она не знает (как и я сам), где мелькнул и пропал один, где появился другой! Она эти излияния, эту вырывающуюся наружу силу фантазии принимает за самый характер, слепоту страсти — за глупость... Кто из

---

¹ Слово зачеркнуто.

² Исправлено: освещены

³ К словам: весь человек вполне — знаком отнесена вставка на полях: со всеми его заблуждениями, наклонностями, с стремлениями к высшим идеалам и с падениями на дно болотной грязи — со всеми колебаниями, с верой и сомнениями, [с непрек(лонным)] с неутомимым исканием прямого пути — туда, где чисто и светло, куда зовет и ведет человека невидимая рука.

⁴ Исправлено: вопросы, вызовы

⁵ Далее вписано: сомнения

⁶ Исправлено: она

⁷ Далее вписано: ему

⁸ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: Очевидно, что она была спутана, сбита с толку его импровизациями, не зная, играет или шутит он, над всем насмехаясь, или любит, страдает? Ему некогда было вникать в практический смысл, в действительное значение этих писем. Слепленный страстью, он всё видел или в розовом пожаре, или в густом цвете крови и грязи. Но он смутно чувствовал, [от какого-то [внутрен(него)] сверхобмана] сквозь слепоту своей горячки, какое-то русалочное шекотанье, иногда нестерпимый зуд от этих писем. [В них он] [Пря(мо)] Он не остановился на них ни на минуту здраво. Отсутствующая логика не подшепнула ему вопроса: что это за письма? каковы могут быть письма от женщины, если она, как он думал, не любит его, даже любит другого? Некогда ему было — своя собственная музыка мешала ему внятно слушать другую. Он [только] прямо видел только одно, что его не понимают, чем-то оскорбляют, будто смеются, [и] даже мстят зло и гадко!

нас глупее и смешнее, Вера, — ты или я? — писал он. — Смотри и изучай, угадывай, кто я, в каком образе являюсь сегодня, в каком [з(автра)] был вчера, в каком третьего дня — и не знаю сам, в каком являюсь завтра! А ты, бедная, бедная, ты думаешь, что¹ я лгу и кривляюсь, как клоун, в потоке этих мыслей, чувств, видений, галлюцинаций — в этих волнах фантазии! Да разве не лежит на этом печать мук и блаженства, разве ты не видишь воплощения живой страсти, которая, как удав, тянется перед тобой, блестя чешуей, серебром, изумрудами, золотом, когда солнце освещает его, и потом темнеет и бледнеет² во мраке, шипя и грозя острыми зубами. Ты не видишь, что я на колесе, в пытке, в огне этой страсти, и ты, женщина, хохочешь, играешь ею и женской рукой подгребаешь [у(глей)] горячих углей! О, Дантовы муки: [не в Вергилиевом аду] вы воскресаєте, вы не умирали, [вы] не надо Вергилия, чтоб показывать их. Пусть каждый вспомнит свою спартанскую лисицу и взглянет в свою проеденную грудь...»

У него падало перо от двойных мук. Он бросил³ свои тетради, свой роман. «В пытке нет творчества,⁴ — пусть бы пришли наши Шекспиры сюда и вон те петербургские и другие знатоки и толкователи (л. 10 об.) [серд(ец)] так называемого сердца⁵ и страстей и выложили бы тут свои понятия и философию, почерпнутую [из] с досок Михайловского театра, из этих глубоких сердцецеведцев — Эмилей Ожье⁶ [да Сарду] [да компа(нии)] и К°. „Нельзя любить, когда оскорблено самолюбие“, „любовь — это эгоизм à deux“, * „любовь проходит, ко-

¹ К словам: ты думаешь, что — знаком отнесена вставка на полях: это всё я, я сам, человек, твой брат Борис, что я один говорю этими разными голосами, являюсь с разными лицами — и что я всё это нарочно — шучу, дразню тебя, [думая увлечь, соблазнить, как фат] притворяюсь, смеюсь, чтобы сбивать тебя, увлекать, как фат, играть — [несчастливая] а сам кокетливо наряжаюсь в разные маскарадные костюмы!» Он заливался искренним хохотом и потом почти плакал от бессилия рассказать себя, показать разом, дать ключ к своей натуре. «Подделывается под меня, бедная, хочет сражаться со мной моим оружием, казнить меня за этот узор фантазии, принимая фантазию за самого человека! Ты думаешь, что

² Далее вписано: ползя

³ Исправлено: забросил

⁴ Далее вписано: решил он

⁵ Исправлено: тайн сердца

⁶ Далее вписано: Октавов Фелье

* вдвоем (фр.)

гда не разделена” и т. п.¹ А вот она, эта страсть: не угодно ли попробовать?² Меня толкают, смеются — да, я всё чувствую, угадываю как чутьем, во сне — и всё люблю, и как люблю! Не как „сорок тысяч братьев” — мало отпустил Шекспир, а как все люди вместе! Все образы любви ушли в эту мою любовь! Я люблю, как Леонтий любит свою кошку-жену, [любит] простодушной, чистой, почти пастушеской любовью, люблю сосредоточенной страстью, как этот серьезный Савелий, люблю, как Викентьев, со всею веселостью и резвостью жизни, люблю, как любит, может быть, Тушин, [безмолвно] удивляясь и поклоняясь втайне, и люблю, как любит бабушка,³ — и, наконец еще, как никто не любит, люблю такую любовь, которая [может] дана Творцом и которая, как океан, омывает вселенную... А она смеется, она хохочет... [рыдая], она ругается над этой святыней чувства... [падая на диван и рыдая, говорил он].⁴

Это не она, не Вера!⁵ — вдруг⁶ как молния сверкнуло в нем, — она бы поняла меня! Простая женщина, работница, последняя развратница поймет, что в моей натуре разыгрывается одна из высоких человеческих драм... Не она, не она — о, дай Боже! Это грубые самцы... привыкшие к женщинам,⁷ как привыкают (л. 11) к [ло(шадям)] красивым лошадям, требующие от женщин⁸ пошлой, даже глупой, красоты («[поэтому] и потому, что истинная красота умна: красота и ум неразлучны — это одна сила в [двух] разных формах», — успел он подумать), самцов, требующих⁹ маленькой ноги, румянца, полной груди,¹⁰ условного роста, условной талии, условного цвета волос и условного наряда — да, это они, они...»

¹ *Далее вписано:* сыплют они свои сентенции!

² *Далее вписано:* говорил он, ходя взад и вперед по комнате.

³ *Далее вписано:* свою Веру

⁴ *К этой фразе знаком отнесена вставка на полях:* Она, женщина, вся созданная Богом из лучей [любви] кротости, нежности, [силы] всё одной и той же силы — одной любви... Женщина ругается над собой, над сердцем, над тем, что есть светлого в людях...» — Он бросил перо и зарыдал, как ребенок, падая на диван.

⁵ *Далее вписано:* сказал он, вдруг широко открывая изумленные полные слез глаза

⁶ *Исправлено:* эта мысль

⁷ *Исправлено:* к красивым женщинам

⁸ *Далее вписано:* развлечения, как в картах

⁹ *Так в рукописи.*

¹⁰ *Далее вписано:* пчелиной талии

Он обрадовался, бросился перечитывать письма¹ [ее]. Но у него опустились руки.² «Если и не она, то она... она все-таки пала [в моих], и как глубоко! Она — предательница! Далее [не па<дает] этого не падает человек! Я чую ложь — да! Я похож на музыканта [но глубокого музыканта], нанятого к вельможе. Он заиграл — все слушают, восторгам нет конца. Он ушел в звуки, и всё пропало кругом: [около него] перед ним открылась даль, как и передо мной, другой мир, другие люди [и та стоит] [Рядом стояща<я>]. Он мельком взглянул на стоящую рядом красавицу и ожил. Гимны страсти, песни, любовь — всё льется [из его] из-под пальцев. Ему аплодируют, он всё играет — знатоки, как коты, сладостра-

---

¹ К словам: бросился перечитывать письма — знаком отнесена вставка на полях: и вникал в загадочные места! «Да, да, — [шепта(л)] шипел он злобно, — это чужие, не ее уши — да, да. Вот тут чую твой запах, ты, бархатный кот, охотник лизать чужие сливки, [и] жиреть и лосниться от них, глядя потом [мелан(холично)] с меланхолией на [всё] мир и потягиваясь сладострастно! Умник-плут, ты не дорос до настоящего ума, этой человеческой силы, иначе бы знал, что [эти сл(ивки)] [цветок] цвет этих сливок не к лицу тебе и обличит тебя, знал бы, что скромная, данная тебе доля твоего мурлыканья у печки — дороже похищенных и изуродованных тобою песен [за<летного>] соловья, знал бы, что котом, каким ты создан, выгоднее оставаться, чем притворяться соловьем. Ты смеешься сквозь усы свои надо мной! Смейся! А вот около тебя и тупая шавка, [с заемным] твой друг и прихвостень, с заемным чутьем, лающая с ветру на меня! А там и ты, [остроумный] с корбочкой булавки вместо ума, которые так ловко мечешь явно и вонзаешь тайно зря, и не умеешь разобрать правды с ложью; карающий мои пороки и не знающий, что твои добродетели родились готовые вместе с мешками денег, оставленными тебе по наследству, — и что, не будь этих мешков, не было бы, может быть, и добродетелей! Вы копаетесь в моих пороках, добываетесь правды, обходите сзади, чтобы посмотреть за кулисы этого представления, которого не понимаете, ловите штуку... Не трудитесь: штука эта — натура. [Когда вы дораст(ете)] Когда вы перестанете хитрость, эту кошачью способность, считать за ум и гордиться им? Когда дорастете до [прямог(о)] настоящего, прямого ума, этой человеческой силы!»

Он это писал к мнимым своим врагам и соперникам, подозревая в них некоторых из городских лиц, с которыми успел познакомиться. «Как смешны и как вы злы, — писал он, — вы хотите исправлять, лечить меня, мстите за мнимые оскорбления... за язык страсти, за эти волны фантазии — и не знаете, что это такое. Бедные! Стоило бы вас всех посадить за это зло на кол — но придите — и я посажу... вас на эти мягкие кресла, улыбнусь такую улыбкою, какой у вас нет, — и растолкую сам... что я такое!..»

² Вместо этой фразы на полях со знаком вставки и под строкой вписано: Но едва он успел подумать это, как у него опустились руки опять. Итак — это не Вера, а они!

стно жмурятся, женщины нервно дрожат, мужчины перестали в карты играть. Всё замерло — и он играет свою жизнь, свою душу, у него вопли, стоны, счастье — на глазах слезы, рот полуотворен, лицо глупое. Кто-то нечаянно взглянул на лицо и захохотал, толкнув другого. В обществе заметно утомление. Мужчины заиграли в карты, женщины стали шептаться, молодые люди зевают. Дети, смотревшие с любопытством в рот музыканту, соскучились [и ушли спать]. Он всё играет. Ему сзади и сбоку делают гримасы,¹ смеются вслух, делают колкие замечания — оставляют одного. Наконец тушат лампы, осталась одна, лакеи ходят около него. Галлюцинация продолжается,² пока наконец вдруг не взвизгнула и не упала в обморок нервная барыня или не свалилось со стула заснувшее в углу дитя. Тогда он очнется, осмотрится, поймет, что с ним, и бежит со стыдом вон».³

¹ Далее вписано: он видит в зеркало, но забывает

² Далее вписано: пальцы не могут перестать...

³ Далее помета: (На следующей странице.), в соответствии с которой к тексту: «Если и не она ∞ и бежит со стыдом вон» — знаком отнесена вставка на полях следующего листа: Он писал со злобой, ругался с невидимыми своими врагами, которых не знал, подозревая всех. «Не понимаете вы моих импровизаций! „Humbug“ (обманщик, хвостун — англ.), — сказал про меня вчера [этот вел(икий?)] по-английски шепотом в клубе даме этот шут, бубновый король... [болтун]! Врешь, не смыслить ничего, крепкоголовая натура [Ты, неумолчно], болтающий бубен, барабан... „Болтун!“ — говоришь ты — врешь — ты болтун, вечно бьющий в свой барабан: болтовня — у пустых, слабых натур, как твоя, нужды нет, что ты и на фортепиано бренчишь, и поешь, и стихи сочиняешь, — а ты всё болтун, настоящий „humbug“. Ты, не разобрав того, что называется по-французски экспансивность, излиятельность, этого дара богатых натур, излиятельности, полной мыслей, образов, чувств, юмора, когда натура затронута [стра(стью)] за живое. (так в рукописи). [Он] Художник не может как мыслитель, как математик покоиться в сосредоточенном молчании. Он часто злоупотребляет своим даром, помещая его неправильно, как помещают иногда неправильно капитал. Так поймите же это [если можете] и сделайте художнику другой упрек — зачем он кидает под ноги вам свой бисер и жемчуг, зачем расточает его перед пряничным кумиром женщины, в застольных речах и беспутных письмах, бросаемых на ветер! Выливай эту массу сил в [угото(ванные)] достойные формы, избирай не тряпичных кумиров, а умного друга, с эстетическим чувством, или тонкую, изящную женскую натуру, с лучом поэзии в душе, — и она поймет тебя, не продаст в жертву нахальному смеху тупых своих друзей — а даст потоку этих звуков, картин и чувств направление и поведет за собой по доброму пути! Хорош совет — благодарю. А где найдется такая Беттина Арним и где та среда, которая бы воспитала ее... Плохая почва для нее [этот блеск] эта арена камелий, золотой, богатой и праздной молодости и всеобщего без-

⟨л. 11 об.⟩ «Самолюбию¹ гордость не позволит любить, когда не разделяют любви.² Ах вы, водевильные [страсти, вод(евильные)] души с водевильными страстями, родящимися и умирающими на берегах Черных и других речек!»³

Он всё писал, всё⁴ забыл к вечеру, все тревоги⁵ — и Вера опять стояла безукоризненно, опять он верил ей, потому что хотел верить, [что] потому что эта уверенность [была] стала его счастьем, его лучшей мечтой. Смешные подозрения, оскорбления⁶ были чужды его натуре.⁷ Это были⁸ искажения и опустошения, продукты страсти.⁹

Однажды в письме¹⁰ писала Вера:¹¹ «Друг и брат мой! Вы научили меня любить, страдать и терпеть,¹² вы поде-

---

делья и роскоши! А если не камелия, [то ей] а честная женщина, то ей мало дела — не только до того, [человек ли ты в душе] поэт ли ты, художник ли, даже человек ли ты в душе. Ей дело — жених ли ты [выгод(ный)], а если художник, то украсишь ли ты ее стену акварелью, сыграешь ли для ее гостей свою музыку или — если ты громкий ученый — блестяшь ли у ней в салоне ученостью и дашь ли ей самой блеснуть ею на твой счет. Им скучно видеть в человеке человека и бескорыстно наслаждаться другим творчеством, кроме творчества животного... Выбери! Воображение не выбирает: его затронет вздор, мелочь, чуть не фотографическая карточка: [про(филь)] красивый профиль, немного грации, какой-нибудь локон черно-бархатного или нежно-мочального цвета — и пошла греметь музыка! Остальное всё, чего там и не бывало, приделает он сам — и играет, пишет, наслаждается и мучается своими созданиями! Вот что значит моя болтливость: смейтесь же!»

Обругавши невидимых врагов, он опять по уши утонул в свою страсть.

¹ *Исправлено:* А они говорят — самолюбию

² *Далее вписано:* писал он

³ *Рядом на полях зачеркнутый набросок:* Ревность его, упреки, оскорбления, борьба со страстью животная

⁴ *Исправлено:* и всё

⁵ *Исправлено:* и врагов, и все тревоги

⁶ *Далее вписано:* сами по себе

⁷ *К этой фразе знаком отнесена вставка на полях:* как и доброй, честной натуре Отелло

⁸ *Далее вписано:* случайные

⁹ *К этой фразе знаком отнесена вставка на полях:* оскорбленной, непонятой, обманутой!

¹⁰ *К словам:* Однажды в письме — *знаком отнесена вставка на полях:* после нежных и страстных излияний с той стороны, отвечавших его настроению и тону, была следующая приписка — после слов «ваша Вера»:

¹¹ *Слова:* писала Вера — *зачеркнуты.*

¹² *Исправлено:* любить и страдать

лились со мной силами души своей, вложили в меня вашу¹ нежную, любящую душу... [и потому пришлите] и вот эта нежность ваша внушает мне смелость [прос(ить)] поделиться с вами добрым делом... Здесь есть один несчастный... изгнанный из родины, на нем тяготеет подозрение правительства... Ему некуда приклонить [руку] голову — [и я] все от него отступились, одни по равнодушию, другие по боязни. Вы любите ближнего и не можете быть равнодушны, еще менее можете бояться доброго, чистого, святого дела... У него нет ни гроша денег, ни платья, а на дворе осень, ни одеться ему не во что, [нет даже] нечем даже укрыться от холода ночью... Я не прибавляю к этому ни слова,² здесь всё правда, каждое слово; ваша Вера не солжет вам. Если [бы] сердце ваше, в чем я не сомневаюсь, скажет вам, что надо делать, то пошлите ваше пособие на имя всё той же Секлетей Бурдалаховой: дойдет верно. Я сама буду наблюдать. Но сделайте так, чтоб бабушка не заметила ничего и никто в доме. Может быть — и весьма естественно — вы затруднитесь, как велика может быть сумма, то рублей трехсот³ будет довольно ему на целый год. Да если б вы прислали панталоны, пальто и жилет из осеннего трико... — (л. 12) видите, как я верю в [душу] нежность вашей души вообще и в любовь ко мне в особенности, что я⁴ и мерку прилагаю, которую снял с него деревенский портной.⁵

Затем я уже не смею напоминать о теплом одеяле — это бы значило употреблять во зло вашу доброту и слабость ко мне: это до другого раза. К зиме бедный изгнанник уйдет, вероятно, отсюда, благословляя вас, а [а за(одно)] с вами и... меня немножко. Я бы не потревожила вас, но, вы знаете, все мои деньги у бабушки, а ей открыться не могу».

Прежде нежели Райский отдал себе отчет в этих последних строках и требовании, он уже бросился к Татьяне Марковне и потребовал свои деньги, [Баб(ушка)]

---

¹ *Исправлено:* кажется, и самую вашу

² *Исправлено:* ничего

³ *К словам:* то рублей трехсот — *знаком отнесена вставка на полях:* даже двухсот двадцати

⁴ *Далее вписано:* даже

⁵ *Далее вписано:* — то этим вы защитите бедняка и от холода.

[Она ни за (что)], бывшие у ней на хранении. Она — ни за что: «Скажи прежде зачем, кому? Не Маркушке ли? Взыщи прежде с него восемьдесят рублей» — и пошла, и пошла! В другое время он бы про себя наслаждался этой экономической чертой характера бабушки и не преминул бы добродушно подразнить ее. Но тут его жгли внутренние огни нетерпения, досады, он чуть не в драку полез с нею — и после отчаянной схватки, поторговавшись с час, выручил от нее двести двадцать рублей, не доторговавшись до трехсот, лишь бы скорее кончить. Он запечатал их и отослал на другой же день. Между тем отыскал¹ портного и поднял всю его мастерскую на ноги, торопя сшить толстое трико,² брюки, жилет, и одеяло. Всё это было отослано на пятый день.

«Слезами и сердцем, а не пером благодарю вас, милый, милый, милый брат, — писала Вера, — не мне награждать за это. Небо наградит за меня.³ Вы же храните горячую веру в сердце, вы — христианин — и, конечно, отказались бы от всяких наград здесь. Моя благодарность — пожатие руки и долгий, долгий взгляд признательности! Как обрадовался бедный изгнанник вашим подаркам: он всё смеется с радости и оделся в обновки. А из денег сейчас же заплатил за три месяца долга хозяйке и отдал за месяц вперед! И только (л. 12 об.) на три рубля осмелился купить сигар, которыми не лакомился давно, а это — его страсть». «Пошлю завтра ящик ему», — подумал Райский. «Здесь неделю льет дождь», — писано⁴ было⁵ в письме. «И здесь тоже», — сказал Райский, взглянув в окно, и бросил письмо, забывая о нем и бросаясь отвечать сам, вслушиваясь в свою внутреннюю музыку, вглядываясь в сны своей фантазии и мучительно следя, как шевелился в нем змей страсти, то грызя его внутренность, то сверкая перед ним чешуей волшебных красок!

«Это ужас, — говорил он, вставая со страхом из-за письменного стола и убегая в сад, — что будет со

---

¹ Далее вписано: лучшего

² Исправлено: пальто

³ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: в будущей жизни всё откроется

⁴ Исправлено: приписано

⁵ Далее вписано: дальше

мной! Я допишусь... до чертиков, как пьяные допиваются...¹

Что это такое?² Кто я такой сам?³ Такое ли человеческое существо, как другие? Не знаю, не знаю — сам не знаю! А как „они” поймут, как я растолкую „им”, отчего сегодня я счастлив, пою и ликую, [а завтра вселятся в меня семь бесов — и я готов] кроток, тих, чист, как дитя.⁴ А завтра точно сатана вселяется в меня — и я готов на преступление, на зверство? То играю на свирели, вышиваю по канве, сентиментально вздыхаю,⁵ а потом — ярость Отелло — ребячество перед моими муками.⁶ Я скуп и щедр, зол и нежен, мелок и велик, счастлив и мрачен почти в один день! Что это? Кто живет во мне? Десятки лиц: я мыслю их умом, чувствую их душой,⁷ ощущаю чужими нервами... Эти люди, эти лица должны [являться] рождаться из меня, как дети рождаются от матерей, но рождаться не

---

¹ Далее вписано: до них *К* этой фразе знаком отнесена вставка на полях: Молчать: да, это мудрое правило — но для всех ли? Если б вдруг смолкли все птицы в лесу? Если б — замолчали музыканты? Если б — художник мысли и слова цедил [слов(а)] речь сквозь зубы или угрюмо молчал... А я: что я? Птица, музыкант, художник слова... „Неудачник”, — говорит Марк; да, неудачник — какое гадкое слово.

² Исправлено: Что же я такое?

³ Фраза зачеркнута.

⁴ *К словам:* отчего сегодня я счастлив ∞ кроток, тих, чист, как дитя — знаком отнесена вставка на полях: и отчего мне хочется рисовать, петь, играть, писать, любить всех людей — и всю природу? Рядом на полях зачеркнутые наброски: 1. Ревность, оскорбления, потом борьба. 2. В этом разнообразии типов, лиц, противоположностей, крайностей, [он] в которых он являлся попеременно в письмах и тем заставил подозревать себя — то в страстности, то в холоде, то в лукавстве, то в жестокости, он один — и то смутно — угадывал, что у него натура поэта, носящая все эти типы, и что ему выражать их следует не в письмах, а каждого отдельно в формах особенных. «И вдруг я не выражу, не докажу — и всё пропадет, и все будут на мой счет в заблуждении», — горевал он.

⁵ *К словам:* То играю на свирели ∞ сентиментально вздыхаю — знаком отнесена вставка на полях: готов надеть голубой полуфрак и [с гитарой] с отвагой, шпагой, гитарой через плечо петь под балконом возлюбленной

⁶ *Слова:* а потом ∞ перед моими муками — исправлены: или [мучиться] кипеть яростью Отелло и завтра издеваться над всем [не играя, как они], и так же искренно, как вчера искренно чувствовал любовь и кипел яростью...

⁷ Далее вписано: переходя невольно из одного в другого

в письмах, не в импровизациях, а в настоящих своих формах.¹

Вера — и письма ее — это ложь, мираж, надо прогнать его, а с ним и страсть. Страсть — тоже мираж! В письмах не Вера, а кто-то другой присутствует там: какой-то враг злобно ругается и оскорбляет меня. Кто же? Разумеется, кто — любовник!»²

Он бросался³ опять к перу, и черными волнами [поли(вал)] кипящей смолы текли⁴ упреки, (л. 13) грубые догадки, оскорбительные подозрения, наконец, глухие улики в пошлой трате красоты, в кошачьем беганье по кровлям! Он⁵ брал в одном письме первое попавшееся ему имя⁶ и ставил его подле Веры, клеймил вызовы выстрелами, рисовал любовь в канаве, на песке, в кустах.⁷ Потом опрокидывался на Тушина, всего больше на него, на его писаную красоту, высокий рост, на его тупоумие, на неразвитость Веры и на пошлое шлепанье ее по «грязному болоту жизни» — и с этой горячей бранью и упреками посылал письма.⁸ На это⁹ отвечали ему бранью же, упреками или¹⁰ успокоительными фразами с русалочным щекотаньем¹¹ [и как будто]. [Он

¹ Слова: но рождаться ∞ а в настоящих своих формах — *исправлены*: но я рожаю незаконных детей — в письмах, в импровизациях, кидая их на ветер, они не выходят на свет в формах [многотомных созд(аний)] художественных созданий: картин, статуй, многотомных книг. И я не выражу ничего, это всё пропадет даром, будет только добычей уездных смехунов, о ужас, что делать? — катаясь по дивану, вопил он, — я неудачник, с залогами творчества, ничего не сотворивший! Прочь, всё прочь — и Веру и письма!

² К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: А может быть, и любовники... да, да, да!» — в слепой ярости шипел и ругался он.

³ Исправлено: Бросался

⁴ Исправлено: потекли

⁵ К этому слову знаком отнесена вставка на полях: плевал на свою модель

⁶ Далее вписано: которое слышал от нее

⁷ Далее вписано: как любовь Марины

⁸ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: Потом сам в ужасе бежал на берег Волги, хватаясь за голову, рвал волосы на себе, что вся сила его пропадает даром, что он никогда не создаст, не выразит, не нарисует, не вылепит — и всё пропадет, и никто никогда не узнает, какая сила жила и играла в нем! «Боже, Боже! спаси достояние Твое и дары Твоего Духа!» — взывал он в отчаянии к небу.

⁹ Исправлено: На все упреки

¹⁰ К словам: На это отвечали ему бранью же, упреками или — *знаком отнесена вставка на полях*: вздохами, в которых [будто] слышалось ему пронзительное кошачье мяуканье

¹¹ Далее вписано: производившим в нем зуд

см(еялся?)] От иных писем ему делалось почти дурно. Он валялся по ковру,¹ бледный, рыдал и клял Веру и страсть.²

«Уеду», — сказал он решительно и кликнул Егора, приказав принести чемодан. «Бежать от страсти, как бегут от пожара, спасая, что можно». А теперь [он] ему приходилось [бежать] спасать уже немногое, чуть не в одних сапогах вырваться на свободу. «Да, да — бороться и бежать!»³ [Так]

И надо бы было сейчас же убежать, то есть забывать Веру. Он и исполнил часть своей программы и даже поехал⁴ кое-что купить в дорогу. На улице он встретил губернатора. Тот упрекнул его: [за то] что давно не видеть? [— Не зов(ут)] Райский отозвался нездоровьем и сказал, что уезжает на днях.

— Куда? — спросил тот.

— Да мне всё равно, — мрачно ответил Райский, — здесь я... устал, хочу развлечься, теперь поеду в Петербург, а там в свое имение в Р—скую губернию, а может быть, и за границу...

— Неудивительно, что вы соскучились, — заметил губернатор, — сидя на одном месте, удаляясь от общества... Нужно развлечение... Вот не хотите ли со мной проехаться, — прибавил он, — я на той неделе⁵ объез-

---

¹ Исправлено: по полу, по ковру

² К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: — Что мне теперь делать? — спрашивал он, глядя на небо с облаками, углубляя взгляд в землю [пытая свой рассудок], — что велит долг? — отвечай же, уснувший разум, освети мне дорогу, дай перепрыгнуть через эту [огненную] яму с [огненным] пылающим костром!

— Бросить всё и бежать прочь, — отозвался покойно рассудок.

— Да, да, брошу и бегу, не дожусь ее, — решил он и тут только заметил приложенный к письму [маленький] клочок бумаги с припиской Веры: «Не пишите больше, я в четверг буду сама домой: меня привезет [Иван Иван(ович)] лесничий».

— А! вот и пробный камень: это сама бабушкина «судьба» вмешалась в дело и требует жертвы, подвига — и я его совершу. Через три дня видеть ее опять здесь... о! какая нега! Какое солнце взойдет над Малиновкой и что за цветы зацветут здесь! Она — здесь: я услышу [ее, буду], увижу ее, буду говорить, дышать [жизнь] и жить... И бегу — бегу прочь — о, чего мне это стоит и ужели не найду награды: потерянного мира! Скорей, скорей прочь! А давно ли я тяготился этим миром, называя его сном, просил — мук! О человек, маленький космос!

³ Далее вписано: в одних сапогах: да и у тех подошвы прогорели!

⁴ Исправлено: Поехал в город

⁵ Исправлено: послезавтра

жаю губернию...¹ (л. 13 об.) Посмотрите местность, есть приятные места,² вы поэт, поглядите нравы, [походи(те?)] наберитесь свежих впечатлений...³

«А если я приму!» — вдруг сказал⁴ Райский, у которого, рядом с намерением бороться со страстью, приютилась надежда не расставаться вполне хоть с теми местами, где она, [его несравненная Вера] его бесподобная, но мучительная красота! Нет сил вдруг оставить — нет, хоть погибать.⁵

---

¹ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: «Послезавтра будет среда, — мелькнуло соображение в голове у Райского, — а она возвращается в четверг — да, да, бабушкина „судьба“ [помогает мне] вытаскивает меня. Не лучше ли бы уехать дальше... совсем отсюда... для полного подвига...»

² Далее вписано и зачеркнуто: продолжал губернатор

³ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: Мы и по Волге верст полтора ста спустимся...

⁴ Слова: вдруг сказал — исправлены: отвечал

⁵ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: — опять, слабея, думал он. «Ведь женщины только так глупо отдаются во власть какой-нибудь грошовой страсти, — рассуждал он, — [предмет таких] и притом слабые, жалкие натуры, которые почему-то называют страстными. Нет, страсть — это сила, которая делает чудеса, она уносит человека под облака, делает его орлом, и если стрела страсти поразит его, то уже насмерть. Та страсть действительно горда — именно потому, что сильна. А эти слабонервные, слабодушные и слабосильные женщины падают — как куры — без силы, хныкают, бледнеют и чахнут от бессилия. Настоящая страсть, если заметит ошибку, отрезвится и успокоится, и человек встанет бодрый и снова живой, с самообладанием, с волей. А те страстишки испытывают женщины-тряпки, [большею ч(астию)] и не страстные, а чувственные натуры. [Предмет их страстишек большею частью гл(упцы?)] Идолы, к которым они так болезненно привязываются, — обыкновенный тупой человек, и притом хам, грубый, здоровый и [самолюбивый] самонадеянный, как индейский петух. Тонкий человек не поставит женщину в такое положение. А тот наслаждается и грубо толкает ее сапогом, который она обнимает, умоляя о ласке, и живет этой лаской неделю — до нового битья и до новой ласки, которую татарин-хам вздумает осчастливить ее, торжествуя самодовольно: „Вот-де я каков: значит — сила — уважай!“ А она — что: „тварь, созданная для моего каблука“. Ах ты, животное: в зверинец бы тебя!

Страсть [ж(ивет)] истинная, могучая живет только в сильных душах! Если она и ломает, так к добру. В ней две натуры иногда борются, но с тем чтоб поднять друг друга. Страстишка-хитрость, чтоб подставить ногу другому и поставить на него свой сапог или башмак.

[Вот теперь что] Какие это мысли лезут мне в голову о страстях: совсем противоположные вчерашним! Вздор эти софизмы, — думал и писал Райский, — страсть есть проклятие — ее надо побеждать! О, что я испытываю!»

«George Dandin, tu l'as voulu»,* — слышалось ему. «Вздор, одолею и встану на ноги».

— Поедемте, ваше превосходительство, — я ваш спутник!

Губернатор ласково хлопнул рукой по его ладони и повел к себе, показал экипаж, удобный и покойный, сказал, что и кухня едет за ним,¹ что, словом, ему² веселее ехать, чем с одним секретарем, которому много будет дела.

Райскому стало легче. Что-то постороннее Вере и всей сфере, окружавшей Веру, вместились ему в голову и на минуту отвлекло его от [Ве(ры)] нее и от его мучений.³

«Давно бы так, и это глупейшее состояние кончилось бы! Вот почти и нет никаких бесов!»

Воротясь домой, он подтвердил⁴ Егорке [собрать его] готовить чемодан, платье, белье, сказавши, что через три дня едет с губернатором. Он знал, что на той неделе вернется и Вера, и радовался втайне сюрпризу, который готовил ей, то есть что она его не застанет.⁵ Намерения его преодолеть страсть были искренни, и он уезжал с твердым намерением⁶ не возвращаться [а потом] и к концу губернаторской прогулки вытребовать свои вещи из дома и уехать, не повидавшись с Верой. На этом бы и остановиться ему, отвернуться от Малиновки навсегда, или хоть надолго, и не оглядываться — и всё потонуло бы в пространстве, даже не такой дали, какую (л. 14) предполагал Райский положить между Верой и собой, а двух(сот)-трехсот верст, и во времени — не годов, а пяти-шести недель, — всё потонуло бы, но и осталось смутное воспоминание от [какого-(то)] кошмара.⁷ Рай-

---

* «Ты этого хотел, Жорж Данден» (фр.)

¹ К словам: сказал, что и кухня едет за ним — знаком отнесена вставка на полях: «и карты захватил, в пикет будем сражаться, — прибавил он, — и мне

² Слова: что, словом, ему — зачеркнуты.

³ Текст: Что-то постороннее ~ и от его мучений — исправлен: С переменной места и обстановки что-то постороннее Вере как облако стало между ним и ею [и ему стало легче].

⁴ Текст: Вот почти и нет никаких бесов!» ~ он подтвердил — исправлен: Вот почти и нет никаких бесов», — говорил он, возвращаясь домой. Он подтвердил

⁵ Фраза зачеркнута.

⁶ Исправлено: с целью

⁷ Исправлено: Всё потонуло бы, разве осталось бы смутное воспоминание, как от кошмара.

ский знал это по прежним, хотя и не таким сильным, опытам, но последний опыт всегда кажется непохожим чем-нибудь на прежнее [— и свежая страсть его срастается будто с кровью, [с поразившей] [оставля(емой?)]], и притом под свежей страстью дымится свежая рана, а времени ждать долго. Райский знал это и¹ хотел только [унять] утолить чем-нибудь невыносимую боль язвы — чем же? Прежде всего тем, думал он, что не вдруг удаляется от этих мест и не кладет сразу² непреодолимой дали между ею и собою. А потом — [письмами] хоть изредка [для него] получить и написать, хоть³ в неделю раз, — лишь бы не вдруг оборвался этот живой нерв,⁴ которым он так связан был с образом⁵ и с живой, женской,⁶ полной прелести, стройной и нежной фигурой Веры, и с его воплотившимся в ней его идеалом, [вопреки] живущим в ее образе, вопреки [странности ее] таинственности ее поступков, вопреки его сомнениям⁷ в ее страсти к кому-то, вопреки, наконец, его грубым предположениям в ее женской распушенности — в ее отношениях к Тушину прежде всего, бледнея, думал он, а потом [еще]... еще к кому-то! — с ужасом добавлял потом. «О, как ты низка, презренна, страсть! — писал он жгучими упреками. — Ты можешь уживаться в сердце, клевать его и рвать когтями ворона, не отступаясь⁸ перед такими пропастями, как любовь⁹ к другому, к другим!..¹⁰ наконец, ты¹¹ слепа и глупа и к свисту смеха, как бич раздающемуся над тобой и хлещущему тебя по плечам и голове¹² [Смех — эту казнь...], [и кто] что¹³ им дает

¹ *Исправлено:* знал это и не лукавил даже перед собой, [не решаясь вдруг оторваться от мест, где жила Вера, он] а

² *Текст:* чем же? ∞ и не кладет сразу — *исправлен:* то есть не вдруг удаляться от этих мест и не класть сразу

³ *Исправлено:* например

⁴ *Вместо:* живой нерв — *начато:* не(рв)

⁵ *Слова:* с образом — *зачеркнуто.*

⁶ *Слово зачеркнуто.*

⁷ *Исправлено:* подозрениям

⁸ *Исправлено:* не отступая

⁹ *Исправлено:* подозрения в любви

¹⁰ *Исправлено:* даже к другим

¹¹ *Далее вписано и зачеркнуто:* даже

¹² *К словам:* наконец, ты слепа и глупа и к свисту смеха ∞ по плечам и голове — *знаком отнесена вставка на полях:* ты унижаешь, искажаешь человека, [его нравственный образ] переносишь обиды [смех]. Ведь смех — тоже казнь...

¹³ *Исправлено:* А кто и что

право [на эти бичи] на этот бич — ведь это тот же топор и плаха, то же колесо с зубцами, с тою только разницей, что (л. 14 об.) там, на колесе, умирают, а тут живут.¹ Кто им дал право, и за что? За то, что подозревают шутку, петербургское волокитство, тонкую игру с женщиной в кошку и мышку! Но и инквизиция — и та производила суд, узнавала.² Кто и что им дал право?³ [Не понимают.] Любопытно — кажется,⁴ интересно, как и что выйдет? Да, может быть: недавно только стали у нас освещать темные углы, где помещики, бывало, шутя сажали в снег, травили, стегали людей, истязали крепостных, чтоб⁵ посмотреть, как [они] кривляются, и [морщатся] послушать, как ревут...⁶ заметили⁷ особенность природы и делают любопытные наблюдения, но пока человек — человек, пока сумасшествие не сделало его животным, вещь, годною для наблюдения, никто в мире не имеет права издеваться над Божьим созданием,⁸ [без] [или сам он] кто покусится⁹ на это, сам упадет ниже. Довольно человек сам унижает себя: его право¹⁰ стараться поднимать и ставить на ноги падшего, а не толкать глубже! Ужели здесь умы покрыты таким мраком,¹¹ а сердца извращены¹² ложью и грубостью, что не понимают этого! Татары!» — скрежетал он про себя.

---

¹ К словам: а тут живут — знаком отнесена вставка на полях: и долгие годы потом допивают яд пытки... Нет, забывают! — мрачно прибавил он, — иначе не станет человека. Время и жизнь всё стирают, всё — даже и то, чего нельзя смыть, а можно только забыть...

² Далее вписано: прежде

³ Далее вписано: повторял он, сжимая кулаки.

⁴ Исправлено: Может быть, любопытство:

⁵ Слова: недавно только стали у нас освещать темные углы ~ чтоб — исправлены: да, любопытство диких

⁶ Слова: как [они] кривляются ~ как ревут... — исправлены под строкой и на полях со знаком вставки: как кривляется в муках человек. Бедное общество: в каком младенчестве коснеешь ты: сколько взрослых детей в тебе!

⁷ Исправлено: Или, может быть, заметили

⁸ К словам: никто в мире не имеет права издеваться над Божьим созданием — знаком отнесена вставка на полях: делать его предметом своих [наб(людений)] опытов, как насекомое... [Это преступление против Св. Духа, следовательно, преступление непрощаемое!] под стеклом!

⁹ Исправлено: И если кто покусится

¹⁰ Слова: его право — исправлены: право ближнего

¹¹ Исправлено: плесенью

¹² Далее вписано: невежеством

Одна строка в письмах,¹ одна только, мирила его несколько с этим кошачьим концертом смеха, [тупых] тупо-остроумных выходок ума и утонченно-хитрой изобретательности зла, одна строка, как жемчужина, выплывала на поверхность грязной лужи: «Ты так добр и чист, — говорила эта строка, — что даже не подозреваешь зла». «Эта строка — самой Веры», — говорил он, тайно радуясь не за нее, не за свое хватающееся за соломинку самолюбие, а радуясь за женщину. Ему в этой одной строке слабо светила надежда оправдать свой выбор, свою Веру, свою страсть и свою статую, забрызганную грязью мужичьих сапог, толпящихся в луже у ее пьедестала.

«Да, не подозреваю, потому что не понимаю зла и не хочу понимать его, как вы не (л. 15) понимаете счастья добра и человечности, вы, думающие, вероятно, что делаете умное и доброе дело, казня² человека [за обилие] [не за фа(нтазию)] не за порок, не за зло, а за³ фантазию, за поэзию, за эти потоки материала художественного творчества, бисером и жемчугом рассыпающегося перед вашими сапогами... Попирайте его!» [Мне] [Он только] [Но] Он только мучался тем,⁴ какое участие принимала в этом Вера, насколько она была замешана тут, как — и чем оправдывала себя в своих собственных глазах⁵ — эту злость, этот⁶ смех — она, проповедница честности, добра,⁷ без женской мягкости, без сердца! — нет,⁸ нет, она не статуя, а просто актриса, какая-нибудь камеристка знатной барыни эпохи Людовика XV, живущая интригой, распушенная француженка, изобретшая понятие⁹ «s'amuser»,* то есть сорить собой в petits soupers, en parties fines,** — «ты не женщина — прочь,

¹ Исправлено: во всех письмах

² Исправлено: нахально казня

³ К словам: не за порок, не за зло, а за — знаком отнесена вставка на полях: то, чего у вас нет, чего вы не понимаете, это за разнообразии Богом данной природы, за

⁴ Исправлено: Так вопил он в ярости и только мучался вопросом

⁵ Далее вписано: свое сообщничество, [свое предательство]

⁶ Далее вписано: грубый

⁷ Исправлено: И вдруг она, проповедница честности, бесчестна

⁸ Исправлено: Нет

⁹ Далее вписано: и слово

* «забавляться» (фр., букв.)

** на вечеринках, пикниках (фр.)

прочь с моего пьедестала!»¹ [Да, не понимают, не понимают(ают)] «Да, не понимают, не понимают ничего в моей натуре», — говорил он и бросался писать — и изливал эти мысли и бурю чувств, оскорблений в горячих строках, требуя [гармонии] ответа красоте внутренней и красоте внешней.² «La beauté oblige!»* — говорил³ он и указывал на⁴ работу над собой как на долг,⁵ как на закон природы, освященный Богом, как на задачу человека и человечества [и с его струн импровиза(ции)] и играл в своих импровизациях, как на гуслях Давида, несмотря на свист, на смех, на пляску.⁶ Он, забывая прежние уроки, гремел бабушкиной моралью,⁷ художнические требования переносил в жизнь, писал последнюю с натуры и тут же, невольно и бессознательно, приводил в исполнение [муд(рое)] древнее мудрое правило, «познавал самого себя», с ужасом вглядывался и вслушивался в дикие порывы животной, слепой натуры, сам писал ей казнь и⁸ новые законы, разрушал в себе «ветхого человека» и (л. 15 об.) создавал нового [с]. И если ужасался [сам], [подставляя сам себ(е)] глядясь сам в подставляемое себе беспощадное зеркало зла и темноты, то и неимоверно был счастлив,⁹ что эта внутренняя работа над собой, которой он требовал от Веры и живой¹⁰ [и от с(татуи)], как человек, и от статуи, как художник, началась у него¹¹ не с Веры, а давно, прежде когда-то, в минуты такого же раздвоения натуры.

---

¹ *Далее вписано и зачеркнуто:* говорил он, опять плюя на свою модель.

² *Фраза зачеркнута.*

* «Красота обязывает!» (фр.)

³ *Исправлено:* писал

⁴ *К словам:* и указывал на — *знаком отнесена вставка на полях:* долг красоты — совершенствовать себя, улучшаться, на эту

⁵ *Слова:* как на долг — *зачеркнуты.*

⁶ *К этой фразе знаком отнесена вставка на полях:* «Не перестану быть человеком и поэтом, как бы темные головы ни глумились надо мной! — восклицал он с энергией, — и хоть тысячу раз упаду, встану опять и буду идти указанным мне Богом и природой путем — и дойду — куда указано идти!»

⁷ *Слова:* забывая прежние уроки, гремел бабушкиной моралью — *зачеркнуты.*

⁸ *Далее вписано:* чертил

⁹ *Далее вписано:* замечая

¹⁰ *Исправлено:* от Веры, от живой женщины

¹¹ *Далее вписано:* у самого

Он, с биением сердца и трепетом чистых слез,¹ подслушивал, среди грязи и шума страстей, подземную тихую работу в своем человеческом существе² какого-то таинственного духа, затихавшего иногда в треске и дыме нечистого огня, но не умиравшего и просыпавшегося опять, зовущего его, сначала тихо, потом громче и громче, к [про(чному)] тяжелому, но прочному труду³ над собой, над своей собственной статуей,⁴ зовущего его и манящего⁵ куда-то недосыгаемо [дале(ко)] высоко, в светлую⁶ даль, как человека и [х(удожника)] как художника. С тайным, захватывающим дух⁷ ужасом счастья видел он, что работа [этого таин(ственного)] чистого гения не рушится от пожара страстей, а только останавливается, и когда минует пожар, она идет вперед, медленно и туго, но всё идет и что в душе⁸ его [началось какое(-то)] таится другое творчество, присутствуют невидимые силы...⁹

Он благоговейно ужасался, чувствуя, как сотрясается его мозг и кости от этой работы, как лучшие движения мысли и воли уходят туда, в это здание, как ему легче и свободнее, когда он слышит эту работу¹⁰ и когда сам сделает усилие, движение, подаст камень, подложит огня и воды. От этого сознания творческой работы внутри себя пропадала у него Вера из памяти, страст-

---

¹ Далее вписано: боясь дохнуть

² Далее вписано и зачеркнуто: чувствовал в себе, боясь дохнуть

³ Исправлено: к трудной и до гроба нескончаемой работе

⁴ К словам: над собой, над своей собственной статуей — знаком отнесена вставка на полях: над идеалом человека. Дух звал его и манит за собой

⁵ Слова: зовущего его и манящего — зачеркнуты.

⁶ Далее вписано: таинственную

⁷ Исправлено: дыхание

⁸ К словам: и что в душе — знаком отнесена вставка на полях: человека, [поми(мо)] независимо от художественного, [присутствует другая] таится другое творчество, присутствует [невидимая] другая живая жажда, кроме животной, другая сила, кроме силы мышц. Он [припоминал все мелочи жизни] пробежал мысленно всю нить своей жизни и припоминал, какие нечеловеческие боли терзали его, когда он падал, [и] как медленно вставал опять, как тихо чистый дух будил его, звал опять на нескончаемый труд, помогая встать, ободряя, утешая, возвращая ему и возможность подняться и идти дальше, выше...

⁹ Слова: его ∞ присутствуют невидимые силы — зачеркнуты.

¹⁰ Исправлено: тайную работу

ная, язвительная Вера, а если приходила, то затем только, чтоб он с мольбой звал ее туда, к себе, взглянуть на эту работу тайного духа, показать ей священный огонь внутри себя и пробудить его в ней или указать, умолять беречь, лелеять, питать его.¹ Тогда он любил Веру тою любовью, какую никто другой не любил ее. И за это дерзко² требовал от нее такой любви и к себе, какой она не могла дать своему идолу, как бы горячо и³ страстно ни любила его, если только (л. 16) этот идол не носил в груди таких же сил, такого же огня и, следовательно, такой⁴ любви, какая была заключена в нем и рвалась к ней, ища⁵ себе ответной красоты и в ее глазах, и в ее душе.

С другой⁶ страстью он искренно и честно продолжал бороться, не зная, не чувствуя, что она не принадлежит ему.⁷ Он убегал от нее,⁸ [употребив] одолев себя нечеловеческим усилием, а там кто-то думал,⁹ что он играет, шутит,¹⁰ избегая, дразнит,¹¹ и сплеча, «с большого ума», по выражению бабушки, хлестали [бичом] смехотворным бичом, который, отскакивая, концом бил их по лицам.¹² «Как вы смешны и как глупо и слепо — злы сами!» — думал он и приходил в отчаяние, что они никогда не узнают этого, что не растолкует он им. «Вера спасет меня и от этого, и от всех бичей! [— утешался он и по време(нам?)] Лишь бы нервы выдержали!» — успокаивал он себя.

---

¹ *Исправлено:* его в себе самой

² *Исправлено:* смело

³ *Слова:* горячо и — *зачеркнуты.*

⁴ *Исправлено:* такой же

⁵ *Исправлено:* допрашиваясь

⁶ *Далее вписано:* жгучей и разрушительной

⁷ *Вместо:* не зная, не чувствуя, что она не принадлежит ему — *на полях со знаком вставки вписано:* чувствуя, что она не разделена Верою и, следовательно, не [раз(решится)] может разрешиться, как разрешается у двух взаимно любящих честных натур — в тихое и покойное течение, словом, в счастье, в котором, очистившись [она становилась] от животного бешенства, она превращается в человеческую любовь

⁸ *Исправлено:* от Веры

⁹ *Исправлено:* а невидимые враги его думали

¹⁰ *Далее вписано:* кокетничает

¹¹ *Далее вписано:* ее

¹² *Далее вписано:* самих

А между тем,¹ к сожалению,² писал³ [и получал], объезжая губернию,⁴ и получал ответы по оставленным им дома адресам, через губернаторскую канцелярию, куда приходил рыбак отдавать письма и откуда брал ответы.

Райский ошибся в том, что удалиться от Веры значит удалиться и от всякого воспоминания от нее.⁵ А он⁶ дразнил⁷ [сам] воображение⁸ не письмами от нее, а своими⁹ письмами. В перо его уходило и разрешалось на бумаге захваченное им личное впечатление, но не хладдело. Он думал о ней — и когда теперь он стал уходить, она будто шла¹⁰ за ним, всё со¹¹ своим таинственным покрывалом, затрогивая, дразня его, будила его сон, отнимала книгу из рук, не давала есть. «О проклятие», — вопил он, и рука его мысленно искала даже савельевской вожжи, когда он представлял Веру бегущей к обрыву [как М(арина)] такой же блудливой кошкой, как Марина ползла [между] во ржи или между грядками капусты на свидание к другу № 3, 4, 5, — и «Где же конец этой нумерации?» — с хохотом (л. 16 об.) спрашивал он, запечатывая письмо на неконченной фразе и бросая в [курьерскую] сумку губернаторского курьера для доставления через канцелярию в [дом] Малиновку,¹² [она

---

¹ К словам: А между тем — знаком отнесена вставка на полях: сам же он, бессознательно, [питал свою страсть] убегая искренно страсти, [и] питал ее — письмами. Он всё рисовал в них [и ее] [и В(еру)] воображаемую Веру и думал в это время поневоле о настоящей, о живой.

Он и описал, однако, ей свое [муч(ительное)?] внутреннее состояние, мучительную борьбу — и сказал, что решился бежать ее присутствия, и просил помочь ему в том, не манить за собой, не льстить кокетливыми призывами, не дразнить и не оскорблять смехом. И он решился на это искренно.

² Слова: к сожалению — зачеркнуты.

³ Слово ошибочно не зачеркнуто.

⁴ Исправлено: объезжая губернию, он писал

⁵ Так в рукописи.

⁶ Текст: Райский ошибся в том ∞ А он — зачеркнут.

⁷ Исправлено: Он дразнил

⁸ Далее вписано: и страсть

⁹ Далее вписано: собственными

¹⁰ Слово: шла — исправлено: пошла

¹¹ Слово: со — исправлено: под

¹² К словам: и «Где же конец этой нумерации?» ∞ в Малиновку — знаком отнесен незаконченный зачеркнутый текст: В ответ на последнее письмо он получил коротенькую записку от нее, где она успокоивала его, говоря, что согласна с ним, что ему лучше уехать, не повида(в)

туда ско(ро)) [Но Вера и] [куда она действ(ительно)] [Вера действительно приехала на другой день после его отъезда] и через три дня он получил две строки от Веры — писать к ней домой, в Малиновку, [куда она воротилась и], куда просила приехать и его самого, говоря, «что рада была бы его видеть».¹

С неделю² крепился он, не писал, а потом опять получил коротенькую записку с вопросом: где он? что не возвращается? отчего нет писем? Он разразился длинным ответом, где довольно мягко и кротко опять повторил свои жалобы, ропот, упреки.³ Через два дня получен был ответ, что она многого не поняла в его [письмах] письме, и звала его домой, говорила,⁴ что без него скучно, Малиновка⁵ опустела, что все повесили нос, что Марфинька собирается ехать гостить за Волгу, к матери своего жениха,⁶ что бабушка остается одна и пропадет с тоски, если он не принесет этой жертвы... и бабушке, и ей...

«Да, знаю я эту жертву, — думал он злобно и подозрительно, — в доме⁷ заметнее будут твои скачки с обрыва, дикая [коза] серна! Надо сидеть с бабушкой долее, обедать не в своей комнате, а дома⁸ — понимаю. Не будет же этого! Не дам тебе торжествовать, довольно! Вынесу на плечах⁹ эту глупую страсть, рассею ее — и утоплю [в пошлости] в будничной пошлости — и никогда ты не узнаешь своего торжества! Разве... в роман мой уйдет она... да не хватит красок, нет [такого пера] такой кисти и пера, которые бы осмелились писать эти

---

¹ Слова: и через три дня ∼ «что рада была бы его видеть» — зачеркнуты.

² Исправлено: Дня три

³ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: и свое намерение бежать от нее [скрыться] навсегда. Рядом зачеркнутый набросок к последующему тексту: Он бежит от нее, она за ним. Она обманывает, будто уехала, приехав только на один день. Он не спросился и у бабушки.

⁴ Далее вписано: что она воротилась

⁵ Исправлено: что Малиновка

⁶ К словам: что Марфинька собирается ехать гостить за Волгу, к матери своего жениха — знаком отнесена вставка на полях: [на др(угой)] тотчас после дня своего рождения, который будет на следующей неделе

⁷ К словам: «Да, знаю я эту жертву ∼ в доме — знаком отнесена вставка на полях: без меня и без Марфиньки

⁸ Исправлено: а со всеми

⁹ Исправлено: Сброшу с плеч

невидимые раны и страдания. А фотографии¹ еще [не разв(илось)?] не изобретено, которая бы снимала снимок с души!»

[Он разорвал кучу <писем> в]

«Это последнее мое письмо и последний взрыв проклятого недуга!» Он разломал перо <л. 17> [и разломал], разорвал² надвое лист;³ запечатав обломки пера и разорванный лист, [и] адресовал на имя самой Веры. Потом [после] разорвал и бросил по лужам клочки⁴ всех полученных от нее писем, так что мальчишки, потом кучей облепившие губернаторскую карету и окна квартиры городничего⁵ в уездном городе, целый час [д(оставали)] удили в луже разорванные клочки.⁶ [Он] За обедом на этой станции он [объявил] поблагодарил губернатора за приятную прогулку и объявил, что на следующей станции возьмет телегу и на перекладных отправится в Москву, а потом в Петербург. Они очень хорошо пообедали, выпили⁷ бутылку шампанского, [и легл(и)] оба легли в дормез спать [и оба забыли] и проспали — до самой слободы, [которая была в двух] в двух шагах от Малиновки [мимо к(оторой)] и мимо которой надо было проезжать в город. Оба забыли предупредить людей и курьера, а люди, хотя и слышали вскользь разговор их за столом, но, заглянув на следующей станции, где предполагалось Райскому свернуть на большую дорогу, в карету и увидя, что путешественники, касаясь друг друга носами, пели «дуэт из оперы Храповицкого», как остроумно выразился секретарь, будить его превосходительство не решились, полагая, что и из Малиновки недалеко от той станции, где надо было свернуть Райскому. «Что же „судьба“ прозевала!» — почти в ужасе и с не-

---

¹ *Исправлено:* А такой фотографии

² *Текст:* «Это последнее мое письмо и последний взрыв проклятого недуга!» Он разломал перо [и разломал], разорвал — *исправлен:* «Это последнее мое письмо и последний взрыв проклятого недуга!» — говорил он и разорвал

³ *Далее вписано:* и сломал перо

⁴ *Исправлено:* по ветру кучу

⁵ *Слова:* мальчишки ∞ и окна квартиры городничего — *исправлены:* куры бросились со всех сторон к окну губернаторской квартиры

⁶ *Слова:* целый час ∞ клочки — *исправлены:* приняв за какую-то куриную манну [этот] эти, как снег, посыпавшиеся обрывки [писем] бумаги

⁷ *Далее вписано:* на прощанье

вольной тайной радостью говорил Райский, вылезая в слободе из дормеза и благодаря машинально губернатора за «удовольствие».¹ (л. 17 об.)

Фрагмент чернового автографа главы IX
части четвертой (ЧА₄₍₉₎)

(Т. 7, с. 587)

Он потом незаметно углубился в себя, вслушивался в тревогу собственной души, проникал в душу Веры, вслушивался мысленно в ее молитву.² «О чем эта молитва? — старался он угадать, глядя на Веру.³ Чем „обременено“ это женское, больное сердце? тем же, я думаю, чем и я: не *благим игом* и не *легким бременем*, — бременем созданной⁴ самой себе тревоги, которую хочется сбуть?⁵ И к чему эта вся мелкая ткань страстей, борьбы,

---

¹ *Далее черточка, обозначающая конец главы. Вместо текста: За обедом ∞ за «удовольствие». — на полях со знаком вставки вписано: На другой день к вечеру он получил коротенький ответ от Веры, где она успокоивала его, одобряя намерение его уехать, не повидавшись с ней, и изъявила полную готовность [повидаться] помочь ему победить *страсть* (слово было подчеркнуто), и для того она сама, вслед за отправлением этой записки, уезжает в тот же день, то есть в пятницу, опять за Волгу. Ему же советовала воротиться и уехать, простясь с бабушкой и со всем домом, иначе [бы этот от(ъезд)] внезапный отъезд удивил бы весь город и огорчил бы бабушку и весь дом.*

Райский почти обрадовался этому ответу. У него отлегло от сердца, и он на другой день, то есть в пятницу после обеда, легко и весело [спр(ыгнул)] выпрыгнул из кареты губернатора, [въе(хав)] когда они въехали близ Малиновки в слободу, и поблагодарил его превосходительство за [все] удовольствие приятной прогулки. Он, с дорожным своим мешком, быстро пробежал ворота и явился в дом.

Ниже на полях зачеркнутые наброски к последующему тексту:

1. Леонтий. 2. Письмо от Аянова.

² *Далее было начато: а. и сам б. Молитва эта, как он думал, могла быть молитва в. Молитва эта, думал он, о помощи выйти из омута [этих страстей] созданной себе и создаваемой ежеминутно тревоги не могла быть иною, как*

³ *Далее было: а. о том же, о чем и я должен молиться: одно стремление у нас с ней, и я, читая в своей душе, как будто читаю и в сердце этой ослабшей, падающей в борьбе женской души. Да, одно стремление у нас: это сбуть тревогу [это нелегкое] [Она тоже «обременена»] «обремененной» души. б. о том же, о чем и я должен молиться: одно стремление у нас с ней, и я, читая в своей душе, читаю и в ее сердце.*

⁴ *Далее было: себе*

⁵ *Было: сброси<ть> Рядом на полях помета: (Здесь из зеленой книжечки: «Статуя ли я сам?» и т. д.)*

падений и отрезвлений, с тем чтобы опять скользнуть и падать и опять отрезвляться? Ужели этот мелкий процесс жизни¹ есть² и сама цель жизни?³ Тогда зачем эта неумолкаемая потребность просыпаться от сна, эта жажда очищаться, искать выхода,⁴ как из тюрьмы, к чему-то лучше, чище, светлее, которого ищут вон и эти простые души, — говорил он, оглядываясь на глубоко молящихся стариков вокруг,⁵ — к какому-то солнцу, к идеалу,⁶ но куда же? и где конец этому,⁷ где мы перестанем теряться в вопросах, сомнениях — где всё ясно, всё правда, где нет ошибок — где сияет одна истина... Где же и когда — и что надо делать: остановиться и купаться в темных волнах этой бесцельно текущей жизни или стремиться⁸ к тебе, вечный, недостижимый идеал», — думал⁹ он, глядя на крест и Евангелие, стоявшие на престоле...¹⁰

«Будьте и вы совершенны, как Отец ваш небесный совершен есть...»¹¹ — читывал¹² тихий голос священника. Райский поднял голову, вслушиваясь в это¹³ будто подсказанное ему заключение к его вопросам.¹⁴ Он невольно поддался¹⁵ мистическому влечению верить каким-то будто подготовляемым в человеческой судьбе минутам, сближениям, встречам, наводящим¹⁶ человека на идею,¹⁷ на желание, на случай — или отводящим его от какого-нибудь рокового события, шага или увлечения,¹⁸ —

¹ *Далее было начато:* не с(ама)

² *Далее было начато:* только це(ль)

³ *Далее было начато:* Или

⁴ *Далее было:* из

⁵ *Слова:* которого ищут вон и эти простые души ∞ вокруг — *вписаны на полях со знаком вставки.*

⁶ *Слова:* к идеалу — *вписаны.*

⁷ *Далее было:* где истина?

⁸ *Далее было:* а. и быть б. туд(а)

⁹ *Было начато:* гов(орил)

¹⁰ *Слова:* к тебе ∞ глядя на крест и Евангелие, стоявшие на престоле — *вписаны между строк и на полях со знаком вставки.*

¹¹ *Далее было начато:* а. зв(учал) б. говори(л)

¹² *Далее было:* в эту минуту

¹³ *Вместо:* поднял голову, вслушиваясь в это — *было:* с изумлением услышал это

¹⁴ *Вместо:* к его вопросам — *было начато:* и впал в

¹⁵ *Вместо:* Он невольно поддался — *было:* невольно поддаваясь

¹⁶ *Было:* то наводящим

¹⁷ *Было:* мысль

¹⁸ *Далее было:* и наводящим на дорогу, которую он искал, утверждающим его на ней

так же как вспомнилась ему и другая, противоположная игра будто бы случайности,¹ <л. 31 об.> разбрасывающая на пути человека² блуждающие огни злых обманов,³ осложнений, по-видимому,⁴ заранее расставленных пропастей, с промахами, ошибками. <л. 31 об.>

*Первоначальная редакция второй половины главы XII
части четвертой (ЧА₄₍₁₂₎)*

(Т. 7, с. 605—618)

— Вы назначили⁵ срок, — значит,⁶ предвидите конец, — возразила она, — это неискренно. Чувство, симпатии — бесконечны — или они не чувства,⁷ не симпатия — а так, встреча...⁸ я этого не хочу,⁹ — решительно сказала она.

— Так вы хотите бессрочного чувства? — отвечал он запальчиво. — Да разве оно есть? Вы оглянитесь около себя, пересчитайте всех ваших голубей и голубок: ведь никто бессрочно не любит! [После все(х?)] Загляните в их гнезда — что там? сделают свое дело, выведут детей, а потом [смотрят] [но(сы)] воротят носы в разные стороны. А только от тупоумия сидят вместе...

— Довольно, Марк. Я тоже утомлена этой вечной теорией о любви на срок, для какой-то определенной цели... — с нетерпением перебила она. — Вечная война против гнезда, то есть против семейства... Нет,¹⁰ мы напрасно виделись сегодня: вы правы, мы должны разойтись! — с унынием заметила она — и поникла головой.

— Да, если воображать себя ангелами, [то и не сходи(тсья)], то, конечно, вы правы, Вера: там одна бессрочная любовь. Вон и этот седой мечтатель Райский думает, что женщины созданы для какой-то высшей

---

¹ *Далее было:* готовящей

² *Было:* его

³ *Далее было:* наводящая

⁴ *Было:* будто

⁵ *Исправлено:* всё назначаете

⁶ *Слово зачеркнуто.*

⁷ *Исправлено:* Чувство бесконечно — или оно не чувство

⁸ *К слову:* встреча — знаком отнесена вставка на полях: на срок

⁹ *Далее вписано:* вы знаете

¹⁰ *Исправлено:* Да

цели, а не для... деторождения... — в сторону произнес он, так что она не слыхала последнего слова.

— Не ангелы, а люди.¹ А вы хотите² изменить и уни- зить человека и умышленно,³ с ожесточением хотите его⁴ поставить наряду <л. 39 об.> с животным.⁵

— Да ведь любовь — продукт [его] природы, — заметил он. — А это всё только мишура, убранство, драпировка...

— [А вы] Она⁶ тоже дана природой, а вы хотите ее снять — и обратить семейство в берлогу?.. Зачем же вы так упорно привязались ко мне, говорите, что любите, — вон изменились, похудели...

Он с досадой нахмурил лицо.

— А ты не веришь?

— Нет, верю, — сказала она, — иначе бы я не была здесь...

— [Ну так что же мешает не] Так что ж ты хотела сказать?

— А то, что вам, с вашей любовью [по<нтиями>] [встречами] кратких встреч, с такими⁷ понятиями, [не] надо бы искать любви во всякой встречной женщине...⁸

---

¹ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: а вы хотите звериного счастья: я не хочу! — опять сказала она.

² Исправлено: Вы хотите

³ Исправлено: и насильственно и умышленно

⁴ Слова: хотите его — зачеркнуты.

⁵ Далее вписано: Вам всё противоречит.

⁶ Вместо: А это всё только мишура ∞ Она — на полях со знаком вставки вписано: Я приглашаю вас только следовать ей, сам ничего не выдумываю...

— А природа создает семью и...

— И потом бросает, когда подрастут дети... И у людей тоже...

А все эти чувства, симпатии, предчувствия и т. п. — всё это только убранство, драпировка, которою прикрыт [а<кт>] главный акт любви... Конечно, это важный акт: [у древних] [дре<вние>] спросите тупоумного Козлова — и тот расскажет вам, что древние ослы возвели его в культ. [А мы романти<ки>]

— Пусть драпировка, — возразила Вера, — но ведь и она, по вашему учению

⁷ Исправлено: этими естественными

⁸ Далее между строк и на полях со знаком вставки вписано: не останавливаясь долго на одной «тупоумной». Что вас привязывает ко мне?

— Ты красавица, Вера, — и не тупоумная, нет: с той я не стал бы тратить время...

— Стало быть, [что-нибудь] привлекает что-нибудь, чего нет у зверей... стало быть, у вас есть понятие, сознание...

Рядом на полях зачеркнутая помета: Честность.

— [Вот ты] Видишь свою ошибку, Вера: [всё] «с понятиями» о любви, говоришь ты, а дело в том, что у меня никаких понятий о ней нет, — любовь не понятие, а чувство,¹ оттого она и слепа, и глупа, [привязывает] привлекает [не к тому, к чему б(олее?)] к чему-нибудь и держит иногда долее, иногда короче.² Эти понятия тебя и губят. Не будь их — мы давно сошлись бы и были³ оба счастливы.

— На время, а потом вздумалось бы кому-нибудь увлечься, отвернуться, тут и конец. Так, что ли?

— Да — пока инстинкт и природа привлекают, до тех пор держится и то, что мы называем чувством...

— А другой умирай от горя — тому и дела нет...

Он пожал плечами.

— Иначе, если останавливаться над всем, — значит надевать пуды на ноги... значит жить понятиями...⁴

— Понятия эти — правила! — сказала она.

— Вот где мертвечина и есть, что из природного влечения делают правило — и сковывают себя по рукам и ногам.⁵ Любовь — правило!⁶

— Любовь — долг! — сказала она, встав перед ним. [Если] (л. 40)

— Ведь это выдумка, сочинение — Вера — поймите этот хаос ваших «правил» и «понятий» — выдьте из него [и не надевай(те)] [сбросьте кандалы], и вы с этого же вечера почувствуете, как легко и просто жить на свете.

---

¹ Исправлено: природное влечение, потребность

² К словам: оттого она и слепа, и глупа ∞ иногда долее, иногда короче — знаком отнесена вставка на полях: К тебе привлекает, потому что сделано раз впечатление — красотой ли (конечно, красотой — рябая не привлечет) или ловкостью — словом, все-таки наружностью. Дурак Райский ухитрился и в красоте найти ум... даже говорит, что это одна и та же сила: вот мыслитель-то!

«А может быть, он и прав...» — думал он, глядя на черты Веры, освещенные луной.

³ Исправлено: были бы

⁴ Далее вписано: заметил он

⁵ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: — Правила есть только в математике, а не в жизни...

— Да ведь математика тоже из жизни взята...

— Ну, [пошла! Кажется] еще немного — мы ударимся в метафизику. Вот я буду ходить с «Критикой чистого разума» на любовные свидания.

⁶ Далее между строк и на полях со знаком вставки вписано: Ах, Вера: как жаль, что это [вы говорите] ты говоришь: это прямо из философии Нила Андреича и твоего наставника попа.

Забудьте только, что любовь — долг, а думайте, что она влечение [и привычка] и потребность.¹

— Долг, — повторила она, — и это гораздо проще и естественнее того, что вы проповедуете.² Этот долг устроила сама природа,³ а люди только угадали его и обратили в правило. [Если] [Мы] [Л(юди)] Если вы [любя] любите меня, для себя ли, для меня,⁴ пусть будет по-вашему, из эгоизма, но если мы дадим друг другу лучшие годы счастья — на нас лежит долг — остальную жизнь платить один другому за это счастье.

— Чем это, позвольте спросить, — варить суп, ходить друг за другом,⁵ притворяться, расточать нежности, ласки, когда хочется отвернуться и когда потянет к другому...

— Платить?⁶ жертвами⁷ — не смотреть туда, куда потянет. Тогда и не надо будет притворяться.⁸ Взаимная любовь защитит друг друга, и вот где счастье... [Э(то)] Так я его понимаю и так желаю... — прибавила она со вздохом.⁹

— Всё это выдумка — нелепая мораль [мерт(вая)] [мертвящая жизнь скукой], подергивающая жизнь плесенью скуки... Вера, Вера, не любили вы, не умеете любить...

Она подбежала к нему, схватила его за обе руки — и взглянула ему в глаза.

— Не говорите этого, Марк, если не хотите привести меня в отчаяние, — я сочту это притворством, желанием увлечь меня без любви, обмануть...

Он вскочил со скамьи.

---

¹ Далее между строк и на полях со знаком вставки вписано: и что сдерживать эту потребность значит [не исп(ользовать?)] нарушать закон природы

² К словам: и это гораздо проще и естественнее того, что вы проповедуете — знаком отнесена вставка на полях: и ближе к природе

³ Исправлено: она и устроила

⁴ Исправлено: для меня ли

⁵ К словам: варить суп, ходить друг за другом — знаком отнесена вставка на полях: угождать, сидеть с глазу на глаз

⁶ Исправлено: — Чем платить?

⁷ Далее вписано: удержаться

⁸ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: «Не надо себе потакать и баловать, удерживаться, как от рюмки», — говорит бабушка, и [говорит] это правда.

⁹ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: — Ну, дело плохо, когда дошло до цитат бабушкиной мудрости.

— Не говорите и вы этого, Вера, не оскорбляйте меня.¹ Честность...

— У вас всё сочинено, — сказала она [пылко] запальчиво, — и честность, и ваши [натураль(ные)] понятия, будто бы почерпнутые из природы, — всё это добыто из запрещенных книг,² вот что вы мне давали.³ Вы кинулись на это, не жили никогда этими правилами и прежде, нежели (л. 40 об.) узнали опытом, можно ли по ним жить, стали ломать всё прежнее...⁴ У нас всё разное с вами — прощайте, Марк,⁵ — мы должны⁶ расстаться давно — я всё надеялась...⁷

— Переделать⁸ меня, [добить(ся)] заразить [меня] своими убеждениями, бедная Вера!

— Да, бедная! Поздно я заметила свою ошибку: мне больно и⁹ трудно будет возвращаться... Да, я надеялась, что силой вашего ума¹⁰ вы выйдете из этих потемок...¹¹

— В этот свет,¹² туда, — сказал он, указывая на гору, — в город мертвецов?¹³

— Да, я [дум(ала)] надеялась на свою силу, — сказала она, склоняя голову.¹⁴ — Я¹⁵ думала, что любовь вы-

---

¹ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: Не стал бы я тут слушать и читать лекции о любви, ломать старую дурь — и если б хотел обмануть, то и обманул бы давно — стало быть, я... не могу.

² Исправлено: вон из этих новых книг

³ Далее вписано: потому что они новые

⁴ Далее между строк и на полях со знаком вставки вписано: из самолюбия, из страсти к новизне — ищите роли героя, передового человека, мученика, когда никакой муки не надо, — и мучите себя и меня. [Ж(изнь)] А жизнь проста...

⁵ Слова: прощайте, Марк — зачеркнуты.

⁶ Исправлено: должны были

⁷ Далее вписано: даже еще сегодня...

⁸ Исправлено: — Надеялась переделать

⁹ Слова: больно и — зачеркнуты.

¹⁰ Далее вписано: и моего чувства

¹¹ Далее между строк и на полях со знаком вставки вписано: и увидите, что жизнь не то, что вы думаете.

— Куриная жизнь, с гнездом и цыплятами, — как Марфинька. Я думал тоже, что вы не курица, что ваш ум, порыванье к свободе, жадность читать, знать — всё это отведет от мертвого болота и куриного гнезда на свежий воздух. Досадно! — стиснув зубы, сказал он. — Вы в какой же свет хотели вывести меня?

¹² Слова зачеркнуты.

¹³ Далее вписано: и тупоумных

¹⁴ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: — Хорошо, если б вы только [в это верили] на это надеялись, мы бы и решили дело давно... — сказал он. — Не сходились бы глупо и не расходились бы еще глупее...

¹⁵ Исправлено: А я

ведет вас из этой лжи, что самолюбие уступит чувству, что сила его сильнее вашей «грядущей силы».

— Послушайте, Вера, оставим полемику — вашими устами говорит та же бабушка, только, конечно, иначе, другим языком. Всё это годилось прежде, а теперь потекла другая жизнь, где не авторитеты, не заученные понятия, а правда пробивается наружу...

— Правда без правил, без религии, без истории,¹ без опыта... без прошедшего...²

Она покачала головой.

— То есть без квасных убеждений! Послушайте, Вера,³ с другой я бы не стал ломаться⁴ так долго; не дал бы ей ломаться,⁵ [и] решил бы дело так или иначе — мы были бы счастливы год-два, а потом разошлись бы — кто куда знает...

Она встрепенулась от нетерпения.

— Но у вас, — продолжал он,⁶ — с этим [делом] простым делом, с любовью, связана чуть не вся жизнь. Вы вон умудрились сделать из этого долг — а я долгов не признаю, точно так же как и жертв. Да их (л. 41) и нет, по правде сказать... Если кто приносит жертву, так значит — она нравится ему самому — и он не даром приносит ее...

— Знаю, знаю! — с утомлением сказала она.

— Но ты знаешь также, что я тебя⁷ люблю! — сказал он пылко, бледнея и подступая к ней. — Зачем ты томишь меня, зачем борешься со мной и с собой и в самом деле делаешь⁸ две жертвы? Что я дался тебе, ты будто играешь!⁹

---

¹ Слова: без истории — зачеркнуты.

² Далее вписано: вы из глины под ногами делаете жизнь, как горшки.

³ Далее вписано: я уж сказал, что

⁴ Исправлено: возиться

⁵ К словам: не дал бы ей ломаться — знаком отнесена вставка на полях:

— Я ломаюсь? — говорила она, выпрямляясь.

— Погодите, — остановил он ее, — вы знаете, что я этого не думаю: я не то хочу сказать. С другой я

⁶ Исправлено: — Погодите, — опять остановил он и продолжал потом

⁷ Исправлено: — Но вы знаете также, что я вас

⁸ Исправлено: Зачем вы томите меня, зачем боретесь со мной и в самом деле делаете

⁹ Исправлено: Что я дался вам: вы будто играете!

Она печально улыбнулась и вздохнула.¹

— Я вижу, что ты страдаешь,² и тем это нелепее.³

— Там, где люди⁴ бросаются друг к другу, не замечают времени,⁵ забывают весь мир и наслаждаются, ты,⁶ как бедная невеста,⁷ увертываешься, резонируешь, мамишь⁸ меня брачными узами...

Он топнул ногой с досады, так что доска сильно привскочила⁹ и со стуком упала на место.

— Я хочу твоей¹⁰ любви и отдам тебе¹¹ свою,¹² я останусь гнить [ещ(е)] [для тебя] [для вас] еще в этом болоте не знаю сколько времени¹³ [бросаю там дело, серьезное, истинное дело] — но не для вас, а прежде всего для себя, пока буду счастлив,¹⁴ пока буду любить. А нет — я уйду, видите, я не обманываю вас. Я хочу, чтоб обоим нам¹⁵ было хорошо, — и когда мне будет¹⁶ не хорошо, скучно — я скажу и уйду.¹⁷ Решите, честно ли это или нет?

---

¹ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: — Странные упреки: поглядите на меня хорошенько — мы [уж] несколько дней не выдались — какова я? — сказала она.

² Исправлено: вы страдаете

³ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: Зачем же ходили и ходите еще сюда?

— Да — этот вопрос давно мы должны бы были сделать себе оба, — сказала она, — и тогда, ответив на него искренно друг другу и самим себе, не ходили бы больше. А теперь... поздно: впрочем, лучше поздно, чем никогда. Мы сегодня должны один другому ответить на это... [— Да] Я хожу за тем же, за чем и вы... — добавила она.

⁴ Далее вписано: сказал он

⁵ Слова: не замечают времени — зачеркнуты.

⁶ Исправлено: вы

⁷ Далее вписано: перед богатым женихом

⁸ Исправлено: увертывается, резонируете, маните

⁹ Далее вписано: другим концом

¹⁰ Исправлено: вашей

¹¹ Исправлено: вам

¹² К словам: — Я хочу твоей любви и отдам тебе свою — знаком отнесена вставка на полях: вот одно правило в любви, указанное природой, — это взаимность: не насиловать привязанности, а свободно отдаваться впечатлению — вот мой ответ на вопрос, зачем я хожу. Жертв надо? И жертвы есть: [я] по мне, это не жертвы — но я назову вашим именем

¹³ Далее вписано: буду тратить силы вот тут — в обрыве

¹⁴ Далее вписано: или пока буду любим

¹⁵ Исправлено: нам обоим

¹⁶ Далее вписано: уже

¹⁷ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: И вы имеете право сделать то же. А вон те мертвецы ухитрились себе присвоивать это право, а женщинам не давать его! Между нами... должно быть равенство!

Она покачала отрицательно головой.

— Честно взять жизнь у [челов(ека)] друга и заплатить ему своею: вы знаете, Марк, и другие мои правила... Честный союз благословляет Бог.¹

— Вон еще!² Камнем повиснуть на шее друг друга...

— Нет,³ нет.⁴ Любовь — долг,⁵ [но] всякое чувство налагает его. Вы стали бы сидеть с слепой матерью, водить ее, кормить — за что? ведь это невесело — но честный человек считает это долгом и любит этот долг!⁶

— Вы рассуждаете, а не любите, Вера! (л. 41 об.)

— Рассуждаю [и люблю], потому что люблю, и люблю, потому что рассуждаю.⁷

— Запишите эту игру слов и отдайте Райскому в роман! — сказал он. — У вас какая-то сочиненная и придуманная любовь... с расчетом на года.

— С надеждой на бесконечность...

— Словом, бессрочная! Но честно ли то, что вы требуете от меня, Вера? — сказал он. — Положим, я бы не назначал срока: ну хорошо, подаю⁸ вам руку навсегда — чего же хотите вы еще? Чтоб «Бог благословил [его] союз»:⁹ то есть чтоб пойти в церковь — да против убеждения дать публично исполнить над собой обряд... А я не верю ему и терпеть не могу попов...¹⁰ честно ли я поступлю...

Она встала и надела¹¹ [на се(бя)] черную мантилью на голову.¹²

— У нас, Марк, — бледная, слабым голосом говорила она, — и логика, и честность разные. Я думала, что

---

¹ Фраза зачеркнута.

² Вместо этой фразы между строк и на полях со знаком вставки вписано: — Ну, дошли: теперь пойдет! Венчаться! [религия еще нужна] Венчаться...

³ Далее вписано: не камнем! — горячо возразила она.

⁴ Слово зачеркнута.

⁵ К этим словам знаком отнесена вставка на полях: буду твердить я, — как другие природные долги в жизни: без них жизни нет

⁶ Исправлено: его

⁷ Рядом на полях набросок к последующему тексту: [правда] партия не действия, а шума — все в Моисеи хотят.

⁸ Исправлено: я подаю

⁹ Далее вписано: говорите вы

¹⁰ Далее вписано: логично ли и

¹¹ Исправлено: накинута

¹² Далее на полях со знаком вставки вписано начало следующей реплики: — Как мы ни стараемся удалить все препятствия, которые мешают нам обоим быть счастливыми, — мы не можем. Я повторю, что

всё это наносное в вас пройдет, уступит место настоящей жизни.¹ А жизнь² не растет у вас из земли: у ней корня нет.

— Ваши корни подгнили давно, [сказал он] Вера!

— Пусть так, Марк, — более и более слабея, говорила она, и слезы появились у ней в глазах, — не мне спорить с вами и опровергать ваши убеждения.³ У меня [нет] ума и сил не станет — я думала победить другой силой... Помните, как всё случилось, — присевши на минуту на скамью, говорила она задумчиво, — мне сначала было жалко вас. Вы здесь один, вас не понимали все, гнали — участие привлекло меня на вашу сторону...⁴ Вы поддались⁵ моему... влиянию... [— гово(рила)]

— Красоте⁶ — да — проклятое влияние! — прошептал он.

— И только красоте? — с упреком сказала она.

— Нет, Вера, — взяв ее за руку, сказал он, — это неправда (л. 42), и Райский сильно прав, ставя тебя⁷ на пьедестал... воспевая ваш ум — у вас две силы — иначе нелегко бы покорить меня... я люблю вас... — почти с испугом прошептал он и почти со злобой кинул фуражку на стол и начал драть волосы крепкими ног-

---

¹ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: что вы наконец по чувству [человеческого] приличия будете уважать [то, что уважает хот(я бы)] те авторитеты и те правила, которыми живет всё около вас, а вы и этого не умеете. Клеймите [щиничским] грубо презрением и бранью всё, что не соглашается верить вашей вере: я просила [хот(ь)] для меня воздержаться хоть от этого [а вы] и того не достигла...

— Да вон они верят в души, даже в мертвецов (вон [у меня] моя хозяйка дьячиха Бурдалахова смертельно боится их), — говорил он, — [то] это тоже убеждения, так велите мне уважать и их? Всё это мертво, а я ищу жизни...

² Исправлено: — Жизнь

³ Далее вписано: умом и своими убеждениями — нельзя

⁴ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: Я видела что-то странное, [какую-то смесь] распушенное. Вы не дорожили ничем, даже приличиями. [Назывались] Делали без причины неприятности, хвастались удалью. Я из любопытства следила за вами (в рукописи ошибочно: за меня), позволила вам приходиться к себе, брала у вас книги. Потом увидела ум, как ни у кого здесь, знания — но всё это шло стороной от жизни. Я хотела, чтоб вы жили, чтоб стали лучше, выше всех... ссорилась с вами за беспорядочную жизнь... — Она вздохнула, как будто перебирая в памяти весь этот год.

⁵ Исправлено: поддавались

⁶ Далее вписано: вашей

⁷ Исправлено: вас

тями. — «Ах!» — сказал он с яростью и пошел было по доскам, но раздалась «чертова музыка» половиц, и он опять сел.¹

— А вы² бежите от любви, от счастья, от жизни...³ — сказала она, придвигаясь к нему и кладя ему руку на плечо.

— Дальше, Вера, — от меня... дальше! — сказал он, тряся головой.⁴ — Я бы не бежал от Веры,⁵ от вас — но вы навязываете мне другую... Если у меня ее нет? — сказал он, вдруг наклонясь к ней,⁶ — что мне делать, — говори,⁷ Вера, — я то и сделаю, — сказал он,⁸ подвинувши к ее лицу свою голову и потягивая ноздрями воздух, окружавший ее. Он отодвинулся⁹ [в друг(ой)] на конец¹⁰ скамьи. — Около тебя¹¹ какая-то одуряющая атмосфе-

---

¹ К тексту: Вы поддались моему... влиянию... ∞ и он опять сел. — знаком отнесена вставка на полях: — И я также поддавалась вашему влиянию: ума, смелости, [желани(я?)] [и вместе] захватила было несколько софизмов и испугалась...

— И на попятный двор! — заметил он, — бабушки страшно стало. Что ж не бросили тогда меня?

— Поздно было. Я страдала за этот темный образ жизни, распущенность, небрежность воспитания... Я думала, что вы, ради меня, изменитесь и что из вас выйдет сильный человек... [друг порядка], что вы поймете жизнь, [разделите ее совершенно, а] не будете блуждать в одиночку, со вредом для себя и других — и без всякой пользы... я думала, что выйдет...

— Вице-губернатор или советник хороший...

— [Хороший] Что за дело до названия — выйдет человек нужный [в обществе, деятельный], деятельный — вон как Тушин...

[— Вы готовили и меня...]

— Благонамеренный, всему покорный: еще что?

— Еще — друг на всю жизнь... [Поздно я увидела ошибку] я увлеклась своей надеждой... и вот куда увлеклась... [в] на дно обрыва... — тихо добавила и [вздо(гнула)], оглядевшись, вздрогнула. — И что приобрела этой страшной борьбой: то, что

² Исправлено: вы теперь

³ Далее вписано: от своей Веры

⁴ Далее между строк и на полях со знаком вставки вписано: как косматый зверь.

Он стал шагах в трех от нее.

— [Я] Мы не договорились до главного — и когда договоримся, [я] тогда я не отскочу от вашей ласки и не убегу из этих мест...

⁵ Исправлено: от этой Веры

⁶ Слова: сказал он, вдруг наклонясь к ней — зачеркнуты.

⁷ Исправлено: решайте, говорите

⁸ Далее вписано: подходя к ней и

⁹ Слова: Он отодвинулся — исправлены: потом сел и отодвинулся

¹⁰ Исправлено: на другой конец

¹¹ Исправлено: вас

ра, — сказал он, — духи, что ли?¹ — Он закрыл лицо рукой и облокотился на стол.²

[— Мы об(манулись?)] Она [зад(умалась)] молчала, не имея силы говорить. Она знала, что надо отвечать, и у ней не ставало духа произнести приговор. Даже не нужно было произносить, а встать и уйти, не оборачиваясь. Она сделала движение: привстала на скамье и опустилась опять.³

— Мы оба сильны, Вера, и оттого оба мучаемся.⁴ [Мы] Мы не друзья, мы⁵ противники и боремся — силы наши равны, и нам надо разойтись, не решая боя. Я мог бы овладеть вами и овладел бы [др(угой)] всякой другой, мелкой женщиной, и не пожалел, не пощадил бы ее. То, что в другой было бы жеманством, притворством или тупоумием, то в вас — сила, женская крепость. Вы хорошо вооружены [при(родой)] самой природой. Старые понятия, мораль, долг, правила, вера — всё, что для меня не существует, живет в вас крепко. Вы не легки в ваших увлечениях, вы боретесь отчаянно — и соглашаетесь (л. 42 об.) признать себя побежденной на условиях, равных для той и для другой стороны.⁶ Обмануть вас — значит украсть. Вы [за победу над вами требу-

---

¹ Исправлено: что ли, это?

² К тексту: Я бы не бежал от Веры ~ и облокотился на стол. — знаком отнесена вставка на полях:

— А если она у меня есть — что мне делать? — спросила она.

— Легче [потерять какие-то заученные убеждения] расстаться с какими-то заученными убеждениями, чем приобрести их, когда их нет...

— [Это] Вера — не убеждения, а [моя] сама жизнь, — сказала она, — [[вы знаете] Я с ними родилась, выросла и живу, [следов(ательно)] вы знали] я уж вам говорила это, следовательно...

— Следовательно — что? — спросил он.

³ К тексту: Она [зад(умалась)] молчала ~ и опустилась опять. — знаком отнесена вставка на полях: «Нет, я не слажу [я кон(чу)] с ним — всё погибло: нет у меня силы... — думала она, — мы будем всю жизнь идти рядом и не сойдемся никогда...»

⁴ К этой фразе знаком отнесена незаконченная вставка на полях:

Она отрицательно покачала головой.

— Если б я была сильна, вы не уходили бы так отсюда, — сказала она тихо.

— Для этого нужно, чтоб вы были сильнее меня, а мы равны, — отвечал он, — оттого мы и

⁵ Исправлено: а

⁶ Рядом на полях набросок к тексту начала главы: — [А ты] Пусть не ангелы — но люди, а ты хочешь звериного счастья, а я не хочу.

ет(е)] отдаете всё и за победу над вами требуете всего же,¹ Вера² — я уважаю вас...

Голова ее приподнялась, и [ли(цо)] [по лицу] на лице [сверкнул] на минуту сверкнул луч гордости, почти счастья, но в ту же минуту она опять поникла головой. Сердце билось у ней жалостью³ разлуки, и нервы упали опять.

— И потому... отдаю решение в ваши руки.⁴ Я вас не обману — бессрочной любви не обещаю, потому что не верю ей, — венчаться с вами по одной этой причине, кроме других,⁵ не пойду — но люблю вас теперь больше всего на свете.⁶ Если вы разделите мою любовь, я останусь здесь, буду жить тише воды, ниже травы...⁷ Или уедем вместе...

Она вздрогнула, вдруг приподняла голову, [и] подвинулась к нему и положила руку на плечо.

[— Если] Ей вдруг отворились двери в какой-то рай. Целый мир улыбнулся ей и звал с собой. «С ним,⁸ где-нибудь...»⁹

— Уехать с вами... а потом?¹⁰

---

¹ К словам: Вы ∞ отдаете всё и за победу над вами требуете всего же — знаком отнесена вставка на полях: а я всего отдать не могу, но

² Имя зачеркнуто.

³ Исправлено: предчувствием наступающей

⁴ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: говорил твердым голосом Марк, отойдя на другую сторону беседки и глядя в темноту.

⁵ Слова: по одной этой причине, кроме других — зачеркнуты.

⁶ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: и если вы после всего этого, что говорю вам, кинетесь ко мне... [вы будете моей] значит, вы любите меня и хотите быть моей...

— Навсегда? — спросила она тихо.

Он встал почти в бешенстве с места.

— Ах, простонал он, — [я т(еперь)] не знаю, — сказал с досадой, — я знаю [одно] только, что буду делать теперь, а не заглядываю за полгода вперед. Да и вы сами не знаете, что будет.

⁷ Далее вписано: делать, что вы хотите...

⁸ Далее вписано: далеко

⁹ Далее между строк и на полях со знаком вставки вписано: думала она: к ней стукнулась тихо нега в душу.

— Вы решились бы на это? — спросил он ее тихо и серьезно. Она молчала, опустив голову. — Или боялись бы бабушки?

— Да, [боялась] это правда; если б не решилась, то потому только, что боялась бы ее... — сказала она.

— Ну, старуха бы не пустила...

— Пустила и благословила бы, а сама бы умерла с горя, — сказала Вера, — вот оттого я не решилась бы. [Если б она]

¹⁰ Исправлено: повторяла она мечтательно, — а потом

— А потом не знаю. Зачем это «потом»?

— И вдруг [он] его¹ «потянет», — как он говорит,² в другую сторону, и он уйдет,³ оставив меня, как вещь. [Боже мой!]

Она встала [с гордостью] и почти с гордой миной сказала ему: «Прощайте, Марк!»⁴

— Отчего «как вещь»? Можно расстаться друзьями...

— «Расстаться»... [он] у вас это впереди — в виду.⁵ Прощайте, Марк, — сказала она, бледная, почти с гордостью, — я решила!⁶ (л. 43)

Оба встали с места, и оба бледные.⁷ Она⁸ искала, при слабом, пронизавшем сквозь ветви лунном свете, свою мантилью,⁹ брала¹⁰ в руки ружье,¹¹ [не зная, что] не помня, что берет.¹² Он стоял и не брал ничего и мрачно следил за нею. Она наконец отыскала белую мантилью и никак не могла накинуть ее на другое плечо. Он машинально помог ей. Она в темноте искала ступенек ногой — он [пода(л)] соскочил¹³ из беседки на землю, подал ей руку и помог сойти. Оба пошли молча по дорожке¹⁴ и до-

¹ Исправлено: вас

² Исправлено: как вы говорите

³ Исправлено: вы уйдете

⁴ Фраза: Она встала ~ «Прощайте, Марк!» — зачеркнута.

⁵ Слова: [он] у вас это впереди — в виду — исправлены над строкой и на полях: — Разлука стоит у вас рядом с любовью, а я думаю, что это такие крайности, которые никогда не должны встречаться... одна смерть...

⁶ Далее под строкой и на полях этого и следующего листов со знаком вставки вписаны окончание реплики Веры, ответ Марка и начало следующей фразы: Я [думаю] не перестану думать, что любовь не только счастье, но и долг, вы этому не верите, (л. 43) стало быть, никогда и не дадите мне того счастья, какого я требую, — [А я не верю] [ста(ло быть?)] дело... кончено.

— Да, скорее же вон отсюда. Прощайте, Вера, — говорил он.

Она ничего не говорила и

⁷ Далее вписано: [не гл(ядя)] стараясь не глядеть друг на друга

⁸ Слово ошибочно зачеркнуто.

⁹ К этим словам знаком отнесена вставка на полях: руки у ней дрожали и брали не то, что нужно

¹⁰ Исправлено: Она брала

¹¹ Исправлено: даже ружье

¹² Слова: не помня, что берет — зачеркнуты.

¹³ Исправлено: шагнул

¹⁴ К словам: Оба пошли молча по дорожке — знаком отнесена вставка на полях: всё [ме(дленнее)] замедляя шаг, как будто чего-то друг от друга ожидая; [как] в душе накопилось у него много жёлчи и [возражений] кипели возражения, у нее горя и слез. Оба [чувствовали] понимали, что каждый с своей точки зрения был прав — но оба все-таки безумно тайне надеялись, [что ка(ждый)] он — что она пе-

шли¹ до того места, где ему надо было перескочить через низенький плетень на дорогу, а ей взбираться между кустов по тропинке к саду.

Она, приложив руку к сердцу и наклонив голову, шла² как убитая. Сердце разрывалось у ней. Она припоминала всю жизнь и не нашла ни одной такой горькой минуты в ней. У ней напрашивались слезы на глаза, но она глотала их.³

Он шел к плетню, тоже не оборачиваясь, и злобно [зверем] непокорным зверем уходил от добычи. Он не лгал: он уважал Веру, но⁴ против воли, вынужденно.⁵ Он проклинал «город мертвецов», «старые понятия»,⁶ злился не за то, что [у(скользала)] Вера ускользала от него, что он терял добычу, — она была права в его глазах — и не за то, что он [по]тратил с ней время, силы, поддавался [и страдал] [гордость и бессилие] [не одолевши] напрасно. Он злился от гордости и страдал сознанием бессилия. Он одолел сердце Веры, [то, что женщины] но не одолел ее ума и воли. В этой области она обнаружила непреклонность, равную его настойчивости. Она не признала его правды, считала мелочью этот свет, которым он больше (л. 43 об.) года старался просветить ее,⁷ и удержалась в пределах старой, «отжившей», по его мне-

---

рейдет на его сторону, а она — что он уступит, и оба понимали, что надежда была нелепа, что никто из них не мог, хотя бы и хотел, внезапно переродиться, стать другим...

¹ *Исправлено:* Они едва дошли

² *Исправлено:* стояла

³ *Далее между строк и на полях со знаком вставки вписано:* Теперь ее единственным счастьем было — обернуться, взглянуть на него хоть раз и уйти навсегда. Она не смела и в тоске сделала шаг на крутизну.

⁴ *Исправлено:* но уважал

⁵ *К словам:* он уважал Веру, но против воли, вынужденно — *знаком отнесена вставка на полях:* как в сражении уважают неприятеля, который отлично дерется

⁶ *К словам:* Он проклинал «город мертвецов», «старые понятия» — *знаком отнесена вставка на полях:* Его [отчаяние] горе было [гордое] не трогательное, возбуждающее участие, а злое, неуступчивое. [Он] [Оно] Даже это было не горе, а свирепое отчаяние. Он готов был изломать Веру, как ломают чужую драгоценность, с проклятием: «Не доставайся никому!» Так бы, по собственному признанию, он и сделал с другой, но не с Верой. Она бы не далась в ловушку — стало быть — надо бы было прибегнуть к насилию и сделаться в одну минуту и на одну минуту разбойником. А он им не был и по природе, и по убеждениям. Он, уходя

⁷ *Исправлено:* который он больше года старался волнами разливать, как Райский поэзию *Правка не доведена до конца*

нию, правды, не оставаясь «тупоумною», слепо поддающеюся старой морали, словом, «мертвецом», а осмысливая ее¹ силами своего ума, здравого смысла, своею волею и оставаясь твердою там, где пошатнется всякая женщина, среди горячей и глубокой страсти, которою была охвачена.² Он это видел, внутренне торжествовал и тут же падал, сознаваясь, что, развивая Веру, он только³ давал ей свой свет, [а ее] а кто-то другой, ее вера, по ее словам, да какой-то поп из молодых, да Райский с своей поэзией, да бабушка с моралью [давали] поддерживали ее силу — [и даж(е)] и дали ей [какую-то критику] какое-то оружие против [его] него, против его правды.⁴ Она узнала ее⁵ и не только не уверовала, но как будто разобрала ее, чтобы [вернее] остаться вернее своей истине.

И она уходила, не оставив ему никакого залога победы.⁶ Обмануть ее, увлечь, обещать «бессрочную любовь», сидеть с ней годы, пожалуй, жениться... Он содрогнулся:⁷ для этого надо⁸ употребить грубый, площадной обман — да и не поддастся она ему теперь. Он топнул ногой и вскочил на плетень, перекинув ноги на другую сторону.⁹

¹ *Исправлено:* свою старую правду, свои понятия

² *К этой фразе знаком отнесена вставка на полях:* У ней был характер, и она [выработала] выработывала себе из старой, «мертвой» жизни крепкую, живую жизнь — и была, и для него тоже, как для Райского, какую-то статуей, не похожей на других женщин.

³ *Слово зачеркнуто.*

⁴ *К этой фразе знаком отнесена вставка на полях:* и окрашивали старую, обыкновенную жизнь в такие яркие и здоровые цвета, которые влекут к себе и перед которыми кажется и бледна, и пуста, и фальшива, и холодна та жизнь, какую он добывал себе из новых, казалось бы, свежих, источников, но она, эта новая жизнь, не только не тянула к себе здоровую и сильную натуру, но отталкивала.

⁵ *Исправлено:* Вера узнала эту жизнь от него

⁶ *Далее над строкой и на полях со знаком вставки вписано:* Он проигрывал сражение. Он терял ее и понимал, что никогда не встретит другой подобной Веры. Он быстро сравнил мысленно ее [с всеми] с другими, «новыми» женщинами, которые так [легко и] любовно поддавались новому учению, как Марина своим любвям, — и нашел, что это жалкие, пошлые и более падшие создания, нежели все те падшие женщины, которые [отда(вались)] уступали воображению и темпераменту, даже золоту, а те [будто бы] принципу, которого часто не понимали. Всё это теснилось ему в голову — и он за спиной у себя оставлял навсегда то, чего уже никогда не встретит впереди.

⁷ *Далее вписано:* опять при мысли

⁸ *Слова:* для этого надо — *зачеркнуты.*

⁹ *Далее между строк и на полях со знаком вставки вписано:* [Еще] «Посмотреть, что она?» — думал он, сидя на плетне.

Еще прыжок: плетень и канава скрыли бы их друг от друга навсегда. Он обернулся... Вера стоит у подъема на крутизну и как будто не может войти на нее... Наконец она сделала, с очевидным утомлением, два-три шага и остановилась. Потом тихо обернулась назад. Марк сидел еще на плетне...

— Марк!¹ — вскрикнула она, — (л. 44) и сама испугалась своего² собственного голоса: так было в нем много отчаяния. Это был как будто прощальный вопль с жизнью.³

Марк быстро перекинул ноги назад, спрыгнул и в несколько прыжков очутился подле нее.⁴

— Вера, — сказал и он таким голосом, как будто простонал.

— Ты воротился...⁵ зачем... зачем... О, какое счастье... Боже, прости меня...⁶

Она была у него в объятиях. Поцелуй его зажал ее вопль. Он высоко поднял ее на грудь себе и,⁷ как ошетилившийся⁸ зверь же,⁹ помчался¹⁰ бегом¹¹ в бе-седку.¹²

Боже! прости ее, что она... обернулась!..¹³ (л. 44 об.)

*Первоначальная редакция второй половины главы III
части пятой (ЧА₅₍₃₎)*

(Т. 7, с. 637—640)

— Ты имел право, милый брат, успокойся, — говорила она, стараясь поднять его. — Я пала... [— тихо

«Взглянуть один раз...» — колебалась она, стоя у подъема на крутизну.

¹ *Далее вписано:* Прощай!

² *Слово зачеркнуто.*

³ *Исправлено:* с самою жизнью

⁴ *К этой фразе знаком отнесена поздняя (карандашом) вставка на полях:* «Победа! Победа! — вопило в нем, — она возвращается, [уступила] уступает!»

⁵ *Далее вписано:* навсегда? [на всю жизнь?] Ты понял меня...

⁶ *Далее вписано:* Она не договорила.

⁷ *Далее вписано:* опять

⁸ *Слово зачеркнуто.*

⁹ *Исправлено:* зверь

¹⁰ *Далее вписано и зачеркнуто:* с нею

¹¹ *Исправлено:* прыжками помчался

¹² *Далее вписано:* унося добычу

¹³ *Следующие далее полторы строки точек зачеркнуты.*

прибавила она,] — падшая женщина заслуживает казни...¹

— [Я пал] Не ты, не ты, я пал,² — и так глубоко, гадко пал, что никто... даже ты не в силах поднять меня, Вера? [Где мне оп(равдаться)] Ты можешь простить меня...

— Я давно³ простила...

— Знаю, но не можешь оправдать, и я никогда не прощу себя... о Вера, Вера, как ты выше [всего] всех нас и всего, что окружает тебя... [а я]

Он [припал опять губами к ее туфле] опять падал к ее ногам, [покрывая сле(зами)] бился на ковре, покрывая поцелуями и слезами ее ноги.⁴

— Где мое оправдание? что я скажу себе?⁵ Когда забуду оскорбление, которое нанес тебе без права?

— Я оправдаю тебя, брат, — узнай и успокойся: ты имел право... — говорила она, утирая своим платком его лицо. — Теперь я слаба и не могу рассказать тебе по порядку всю эту историю... Погоди дня два-три — я расскажу тебе... [исто(рию)] [всю историю...]

Она вздохнула. <л. 5 об.>

— И ты увидишь, что ты имел... если не право... то повод мстить, и я не знала,⁶ не понимала тебя до вчерашнего вечера, а вполне поняла только теперь.⁷ Я нашла брата, друга...

Она вдруг опять обняла его и залилась слезами, упав головой на его плечо и рыдая.

— Зачем... я не поняла этого хоть неделей раньше, что ты... не актер... не художник только... но и человек... как теперь я вижу тебя... может быть, [ты не], я не погибла бы...

— Погибла! кто смел тебе сказать это! Вера — ты — погибла — ты не можешь погибнуть...

— Не случилось бы этого...

Она задыхалась. Он подал ей воды.⁸

---

¹ Далее вписано: тихо говорила она

² Далее вписано: говорил он, [привставая] привстав

³ Слово зачеркнуто.

⁴ Исправлено: рыдая у ног ее

⁵ Исправлено: сам себе

⁶ Исправлено: Я не знала

⁷ Слово: теперь — исправлено: вот в эту минуту...

⁸ К тексту: — Не случилось бы этого... ∞ Он подал ей воды. — знаком отнесена вставка на полях: — Ничего не случилось — ты любила, Вера, и потребовала от жизни полного счастья! — говорил

— Ничего... ничего... — говорила она, — побудь только со мной, не уходи — мне легче, когда ты теперь... ах, зачем вчера [я еще] и все эти дни, когда просила удержать меня, я не сказала тебе всего... Но тогда я всё еще думала, что ты играешь со мной в эту страсть... ухаживаешь, рисуешься... Я думала, что ты притворяешься... что ты... актер... Прости меня, брат... [я хотела смехом исправить те(бя)] [я хотела смехом показать тебе...]

— Я и виноват...¹

— И я шутила...² мы смеялись... с Наташей... и были глупы!³

— И с Марком... я всё знаю.: ты имела право... Я упал, как с неба, вдруг разгорелся страстью, ты [смея(лась)] строго удержала меня, я не послушал. Ты удаляла, я просил остаться, падал, как мальчик... нет, Вера, нет, ты права — мне только жестоки казались тогда эти изобретения — больно было за тебя, что ты [учас(твовала?)] [пошла за] именем добра и дела требовала денег, пальто...⁴

Она вдруг взглянула на него с изумлением.

— Каких денег? Какого пальто?

он, утешая ее. — Кто осмелится бросить камень в тебя — я задушу того... [Ты видишь, как я ст(радаю)] И я сам, первый, бросил этот камень. Ты видишь, Вера, как я страдаю: никогда ничего подобного не было в моей жизни... Боже! что я сделал — ты пала! Скажи, что я могу сделать, чтоб загладить хоть немного... Да нет, нет — ничего...

Отчаяние его было ужасно...

¹ *Далее между строк и на полях со знаком вставки вписано:* я бросился опростетью к тебе, ослепленный твоей красотой... Ты отрезвляла, удерживала меня... [Боже мой! Как я был жалок!] и всё напрасно! Да, и ты, и Марк — и все [они] вы правы, когда жгли меня крапивой смеха...

— Нет, не оправдывай меня [это ужасно] — этот глупый, гадкий смех... Я заслужила твое мщение [за то] если не за [свою ошибку]... обрыв, то и за то, что не поняла тебя... Мы [Я уверя(ю)] хотели исправить тебя от поэзии и воображения: не ты смешон, а мы...

— Мне было больно одно, Вера: что ты, такая правдивая, прибегала к хитрости...

— Ведь я [хоть немного]... женщина, — прибавила она почти с улыбкой, — и хитрила не с злой, а доброй целью — отрезвить тебя...

² *Исправлено:* — Я шутила

³ *К этой фразе знаком отнесена вставка на полях:* И с Марком — да, я всё знаю. [Но] Это очень смешно, эти требования денег за пари, пальто, одеяла... Как я смеялся и как бы смеялся еще теперь... [За ч(то)]

⁴ *Текст:* — И с Марком... ∞ требовала денег, пальто... — *зачеркнул.*

Он рассказал ей историю денег, пальто, одеяла.

— Брат! И ты мог подумать, что это я? — сказала она, вскочив, почти исступленная от злости. — Дай мне эти письма — я сейчас... (л. 6)

— Оставь, успокойся, письма не существует. Ты вынимаешь занозу из сердца, которая навсегда осталась бы там — не ты — знаю, Вера. Я этому верил...

— Мы с Наташей сговорились подшутить немного и над тобой, как ты...¹ — она вздохнула, — шутил, сбивал с толку этой пылкостью, поэтическими красками... Мы старались [подражать почерку] писать одним почерком. [Марк] Он... Марк — брал эти письма, иные² давал нам, но не все... должно быть, потому что из твоих расспросов многого не понял... Мы с Наташей написали всего два-три... вот история — [Прости] вкратце. Теперь я не могу всего этого припомнить.³ Прости меня — ты видишь и один пока знаешь [мое] удар, который постиг меня... Боже мой! что будет со мною.

---

¹ *Далее вписано:* так мы думали

² *Исправлено:* иные ответы

³ *Текст:* — Мы с Наташей сговорились ~ я не могу всего этого припомнить. — *зачеркнут.* *Далее знак отсылки к вписанному на полях со знаком вставки тексту:* а. — Главная моя вина — что эти письма к тебе, — говорила она, тихо клоня голову на грудь, — давали мне больше случаев... видеться... он сам приносил их нам на ту сторону... Прости меня, брат, и я была [под], как ты, бедный, ослеплена... Он же и поддерживал во мне уверенность, что ты... актер... [игра(ешь)] хочешь играть мной... Какая грубая ошибка! — Она закрыла лицо руками.

Райский пожал плечами. [— Разнообра(зие)] [— И давно так д(елал?)]

— Не он и не ты одна [думала] думали это, — сказал он, — моя [странная] натура так странно и разнообразно проявляется. Я нервен, как женщина, и впечатлителен — и никогда умышленно не играл, а игралось всё во мне, когда затронуты нервы, — и тогда я являюсь Протеем, и изумляю собой всех, и сам изумляюсь этой игре сил... Но ты, Вера, женщина с тонким умом и сердцем... и ты не поняла этого — и наносила оскорбление...

— Брат, мне было не до того: я сумела бы понять, если б... не была больна... Мы квиты: помиримся, — сказала она.

— Нет, Вера, я нанес тебе страшный удар.

б. Я понял, что такая пошлость не могла быть [тв(оим?)] изобретена тобой!

— Я написала тебе две-три шуточные записки... А там не знаю, что писали они... Но главная моя вина [— это] перед тобой, — говорила она задумчиво-печально, — та, что эта переписка поддерживала наши сношения... с ним... давала нам случаи видеться... — шептала она, — и вот почему — ты прав...

— Ах, Вера! за что я нанес тебе его... Нет, нет!¹ — что твоя шутка, вся их злость перед моим ударом в такую страшную минуту!..²

— Я лягу, брат, — слабея, сказала она, [— при-
(сядь)] когда он напомнил ей всё, — а ты посиди тут...

Он сел подле нее, на ковре.

— Да, это был первый удар, — шептала она, — ты пробудил меня.

— Удар ножа — всё удар, и ты простила меня, Вера, но [забыть] никогда не забудешь боли..³

— Мне было больно [в перв(ую)] одну минуту,⁴ и так больно, как никогда не будет. Тебе принадлежит честь этого удара.

— Не поминай мне, Вера..⁵

— Но в следующую минуту⁶ боль утихла.⁷ Я только в ту минуту⁸ поняла, [что равнодушной рукой] что твоя страсть была не рисунок, как называл ее он... Равнодушной рукой нельзя нанести этого удара... Она громадна⁹ — и мне вдруг понятно стало, что ты переносил — и что еще перенес вчера... помогая мне сойти туда, на это дно... Нет... [и] я не выше тебя — не сделает этого мелкий, дюжинный человек..¹⁰ Ты вырос в моих глазах, брат, я полюбила тебя с той секунды, [поняла] узнала тебя... Некогда мне было отдать себе отчет в этих [чу(вствах)] мыслях, новых чувствах. Но я вдруг, и среди всех мук, чувствовала, что нашла кого-то (л. б об.) близкого, родного мне, друга — тебя — тебя, Борис, ты

— Нет, я не прав... Нелегко понять мою нервную натуру. Я живу в мире фантазии — и оттого [так] жизнь моя [проявляется и мимо] помимо моей воли подчиняется капризам фантазии...

— Мне было не до того, брат, а то бы я всё поняла [Теперь для э(того)], как поняла теперь: для этого довольно было двух минут. Мы квиты... Но я больше виновата во всем...

Он покачал головой.

¹ Текст: Прости меня ∞ — Ах, Вера! за что я нанес тебе его... Нет, нет! — *зачеркнуто*.

² Далее вписано: Удар ножа — всё удар!

³ Текст: — Удар ножа ∞ никогда не забудешь боли... — *зачеркнуто*.

⁴ Исправлено: в первую минуту

⁵ Текст: [в перв(ую)] одну минуту ∞ Вера... — *зачеркнуто*.

⁶ Слово *зачеркнуто*.

⁷ Далее вписано: ты же и вынул ее

⁸ Исправлено: тут

⁹ Слова *зачеркнуты*.

¹⁰ Фраза *исправлена*: Этого не сделает дюжинный человек...

в одну секунду дал заглянуть себе в душу, и мне даже и вчера было лучше жить на свете, нежели до этой минуты, когда я тебя не угадывала... Ты — хороший мой, хороший! — говорила она, [лаская] пожимая ему руку.

— Вера, что ты делаешь со мной! — говорил он, сжимая ей руки,¹ — вместо казни, ты кладешь какой-то венок мне на голову, который дороже венка славы. Я, требуя от тебя красоты внутренней, чистоты души,² правды, вижу, что ты одна можешь сказать мне: «Возвысься сам до меня, работай статую из своей души — из себя самого, как человек, как художник. А я стою высоко — мне нечего прибавлять — я взяла у жизни лучший дар ее, любовь, — и от этого я только [чи(ще)?] прекраснее и не могу никогда упасть. Упадет тот, кто не поймет меня и не отдаст мне жизни, как упал он... (он указал к обрыву) и как упал я, оскорбивший тебя, моя статуя...»

Он положил лицо на диван и качал в отчаянии головой.

— Как мне легче, если б ты знал, Борис, что я вижу тебя таким, каким ты есть.³ Глупа⁴ твоя Вера, что не узнала, не угадала в тебе, ни умом, ни сердцем,⁵ [среди] в этой игре фантазии искреннего, честного человека [как мла(денца)], с простотой младенца... [Твоя страсть] [Той стр(асти)] [Тот] Вчерашняя минута — твое вечное торжество для меня: знаешь, брат,⁶ какую награду готовила я тебе — чем хотела хоть немного сравниться с тобой, стать рядом?

Он [во(просительно?)] жадно слушал — и вопросительно глядел на нее.

— Воротясь к себе, я хотела позвать тебя — и открыть тебе сама [с этой мы(слью)] всё, что случилось со мной,⁷ после того как я вырвалась у тебя там — и в одну секунду поняла тебя... С этой мыслью, убитая ужасом, я шла домой...⁸

---

¹ Слова: сжимая ей руки — зачеркнуты.

² Слова: чистоты души — зачеркнуты.

³ Далее вписано: слушаю это

⁴ Далее вписано: неразвита

⁵ Слова: ни умом, ни сердцем — зачеркнуты.

⁶ Исправлено: ты не знаешь

⁷ К словам: всё, что случилось со мной — знаком отнесена зачеркнутая вставка на полях: в этот год — до нынешнего утра

⁸ К этой фразе знаком отнесена зачеркнутая вставка на полях: и [тебе хотела] хотела доверить твоему сердцу всё...

— Ах, какая казнь! Вера, зачем ты говоришь (л. 7) мне это... Я с ума сойду... [И] [Да] А я в это время, как злое животное,¹ сидел в углу и готовился броситься на тебя. Будь проклято это отвратительное мщение!²

— Как мне горько было, что ты не подождал полчасика, — сказала она. — Я бы всё высказала тебе, как матери, как бабушке... [Она] Бабушка! — сказала она в ужасе. — Боже мой! что будет с нею...³

— Она не узнает никогда, Вера!

Она с удивлением взглянула на него.

— Как не узнает! Всё узнает, — сказала она.⁴

— От кого?

— От меня... о, как⁵ это тяжело... Боже! дай твердости и ей, и мне...

— Ты... скажешь... — с удивлением говорил он.

— Брат, разве можно обмануть,⁶ кого любишь.⁷

— Нет, — сказал он.

---

¹ Исправлено: злая собака

² К этой фразе знаком отнесена зачеркнутая вставка на полях: Я украл то, что ты давала мне добровольно... О, какая гадость!

³ Текст: Как мне легче, если б ты знал ∞ Боже мой! что будет с нею... — исправлен: — Не могу забыть.

— Тебе тяжело, брат, а мне немного легче от этого твоего отчаяния. Я узнаю тебя всё больше и больше, — говорила она. — Вчерашняя минута — твое вечное торжество. Мне бы совсем было легко, если б... Ах!

Она [схватил(а)] в отчаянии приложила руку ко лбу.

[— Ты поторопился, — сказала она, — я шла оттуда... к тебе... сказать всю правду...]

— Когда я шла оттуда... — говорила она тихо, — я хотела сказать всю правду тебе первому... как другу и брату, и [я хотела твоей дружбы и доверия. Я по(любила?)] я уж любила тебя, имела к тебе доверие, дорожила тобой и не могла обмануть тебя... Ты [вс(ё)] узнал бы от меня [всю] самой всю историю этого года... если б подождал полчасика. Я хотела послать разбудить тебя...

— Какая казнь, Вера! А я в это время сидел в углу, как бешеная собака, готовясь броситься на тебя! Что сделать, чтоб выкупить это, воротить!

— Да, тебе, потом бабушке... Бабушка! — вдруг с ужасом почти закричала она. — Что будет с нею!

⁴ Фраза зачеркнута.

⁵ Исправлено: А как

⁶ Исправлено: скрыть что-нибудь от тех

⁷ Далее вписано: кто нам верит? Далее знак отсылки к вписанному на полях со знаком вставки и зачеркнутому незаконченному тексту: Чему же ты удивляешься, что я хочу сказать бабушке. Я начала [любить т(ебя)] верить тебе в эти последние дни — и вчера поняла и полюбила тебя: и первое мое движение — было сказать и тебе. Бабушка

— Ну а бабушку¹ я люблю больше, нежели любила... «его»... Если я решилась сказать вчера тебе, полюбивши тебя как нежнейшего друга и брата и человека, только вечером,² узнав в одну минуту, — как же я скрыла бы от нее...³

— Но если это... огорчит ее... она может быть больна...

Вера положила голову на подушку и накрылась рукой.

— Да, если обе умрем...⁴ — шептала она безотрадно, — а сказать надо... Одного молила бы я у Бога... чтоб не самой мне...

— Если ты согласишься мне...

[— Да, бра(т)] Она подумала.

— Да, брат, ради Бога, — и скорее, чтоб [не дошло др(угим?)] как-нибудь не догадалась она⁵ и не подумала ни минуты,⁶ что я хотела обмануть ее...

— Вот когда завтра уедут за Волгу все...

— Да, завтра, завтра, — твердила она, — ах, скорей, скорей — до тех пор я буду как в тюрьме.⁷

Райский задумался глубоко.

— О чем ты думаешь? — с беспокойством спросила она. — Предвидишь, может быть, что бабушка... не вынесет... что у тебя... не достанет... духа... Тогда пусть я сама... Я боюсь только, что не смогу. Если ей сделается что-нибудь... Господи! Вот где казнь... Что перед этим твой удар, милый брат...⁸

---

¹ *Исправлено:* — А бабушку

² *Слова:* полюбивши тебя ∞ только вечером — *зачеркнуты.*

³ *К словам:* как же я скрыла бы от нее... — *знаком отнесена зачеркнутая вставка на полях:* Есть еще человек: это Тушин. [Его природа прямо создала человеком, каким все люди [хот(ят?)] должны быть и какие редко бывают. А] Он думает, что лучше меня женщины нет на свете... Я ему скажу...

— Зачем? — в испуге спросил Райский.

— Чтоб он ни одной минуты не думал о мне больше, нежели я стою, — я жить не могу, когда буду знать, что [он] даром похищаю его уважение.

⁴ *Далее вписано:* от этого

⁵ *Слова:* ради Бога ∞ как-нибудь не догадалась она — *исправлены:* а. *Начато:* может быть... я хотела б. *может быть...* — сказала она, — я попрошу тебя. Я хотела написать ей, да не могу — сил нет. А надо сказать ей скорей, чтоб она как-нибудь не догадалась сама

⁶ *Слова:* ни минуты — *зачеркнуты.*

⁷ *Исправлено:* я буду задыхаться, как в тюрьме. Уж лучше умереть скорей...

⁸ *Исправлено:* твой букет!

— Послушай, Вера, — сказал он, — внимательно, что я тебе [скажу] предложу, — и обдумай хорошенько. Я оставлю тебя, а ты позови потом и скажи, на что ты решишься... (л. 7 об.)

Она тихо обернула к нему лицо и с любопытством ждала. Но глаза ее смотрели тускло — в них стояла безнадёжность.

— Что такое? — равнодушно сказала¹ она.

— Прежде всего скажу тебе, что у меня нет той горячей и безумной страсти к тебе, какая была.² Может быть, твои полупризнания в последние дни, явная борьба со страстью — мало-помалу вынимали у меня надежду за надеждой из сердца. А вчерашний удар — Боже! Как я упал³...

Он задумался.⁴

— Полз, как вор, похищать чужую тайну... подслушивать...⁵

Она отвернулась от него. На щеки ее [пробился румянец] пробилась⁶ густая краска стыда. [Она] [Это было еще одно] Это была еще одна тысяча первая⁷ боль.

Она [ничего] молчала.⁸ И он почувствовал, как неосторожно дотронулся до этого больного зуба среди разнообразных мук, и остановился. Но нечего делать, сорвалось с языка.

— Прости меня [и за], Вера, — шептал он в отчаянии.⁹

---

¹ *Исправлено:* спросила

² *К этой фразе знаком отнесена вставка на полях:* — Я вижу, Борис, — сказала она, — ты не тот, что был еще недавно.

— Да, не тот, Вера.

³ *Фраза исправлена:* Что я сделал...

⁴ *Исправлено:* Он опять мучительно задумался. *Далее знак отсылки к вписанному на полях тексту:* — Что? — спросила она в тревоге.

— А то преступление, гадкое, отвратительное... — шептал он, глядя с ужасом на Веру, что она скажет?

— Какое?

⁵ *Далее вписано:* и мстить за [украденную тайну] украденный секрет...

⁶ *Исправлено:* хлынула

⁷ *Исправлено:* еще одна, неожиданная, тысяча первая боль

⁸ *К этой фразе знаком отнесена вставка на полях:* Только видно было, что она будто задыхалась от ужаса, так что даже спина у ней вздрагивала.

⁹ *К этой фразе знаком отнесена вставка на полях:* — Ох! — раздался ее тихий, болезненный стон. — Дай мне там спирт! — шептала она, не оборачиваясь, протягивая руку к столику. Он подал ей флакон.

Она, не глядя на него, протянула ему руку. Он поцеловал.¹

— Ты что-то хотел сказать другое...² — шептала она, всё еще не оборачиваясь.³

— Вчера страсть моя оборвалась: нет ее — ни ревности, ни корысти, Вера, но я люблю тебя.⁴

— Как я рада, Боже мой, как счастлива!⁵ — вдруг обернувшись к нему, сказала она, протягивая ему руки, — ведь это то, [что] чего, — вспомни, брат, — я ждала от тебя с первой минуты [тво(его?)] нашего свидания...

— Да, мы не поняли друг друга, Вера, и виноват я — или мое воображение, моя впечатлительность... Я до скажу тебе мои наблюдения над собой, когда ты успокоишься, а теперь... Теперь⁶ тебе не до них пока. [А]

— Я никогда не успокоюсь — никогда! — с глубоким отчаянием сказала она, и глаза у ней смотрели странно, почти [с] дико, — у меня всё потеряно, всё погибло... Я могу минутами отдыхать... с тобой, с бабушкой... если она простит...

— Она простит, — сказал Райский.

— Да, простит, — [со вздохом] с тоской повторила Вера, — [но ни(когда?)] [потом] из жалости, но никогда не поймет... Нет, я погибла, брат, — почти в исступлении сказала она, вдруг привстав на постели.

— Мое «нет» теперь не успокоит тебя. <л. 8>

— Ты поэт, брат: [я поняла] я всё больше и больше понимаю тебя... [сказал(а)] Ты в этой пропасти, куда я упала, и в падении [ищешь красо(ту)] видишь поэзию. [Кра(соту)] [розы(?)] Видишь во мне какую-то красоту — и [в] этой красоте прощаешь всё, даже любишься, когда тебе теперь не больно от того... А другие — а она...

Она понюхала и [[положи(ла)] прилегла к подушке] прилегла на подушку лицом к стене.

Он боязливо молчал.

¹ Текст: Она, не глядя на него ∞ Он поцеловал. — *зачеркнуто*.

² Исправлено: о бабушке

³ Далее между строк и на полях со знаком вставки вписано: через несколько минут.

— Я хотел бы отвести тебя от казни признания ей...

— Как? [с ув(еренностью)] такого средства нет...

⁴ Слова: но я люблю тебя — *зачеркнуты*.

⁵ Исправлено и зачеркнуто: как я буду счастлива

⁶ Слова: а теперь... Теперь — *зачеркнуты*.

Она опять упала спиной на подушку.

— Она не простит... не перенесет... — прибавила с выражением сильной муки.

— В твоих словах [обо м(не)] много правды обо мне, Вера, и я [не] удивляюсь силе твоей наблюдательности и анализа. И о бабушке, может быть, ты тоже справедливо догадываешься...

— Не правда ли? — сказала она, — да, да — вот где казнь — и где [может] я найду такую расплату... Боже мой! зачем я... не Марфинька?

— Я и хотел бы отвести тебя от этой казни, Вера...¹

— Как, брат: ужели ты веришь, что это возможно? Нет средств человеческих перескочить...²

— [Вот видишь ли] Выслушай меня терпеливо, Вера, — я не кончил своей мысли... Я сказал, что страсти во мне нет...

— Я [и] вижу это, брат, сама.³

— Следовательно,⁴ во мне⁵ нет [ничего] корыстного⁶ влечения к тебе. Я люблю тебя такой любовью, какой никогда еще не любил... [иначе] Но и не она заставляет меня предложить тебе странный способ.⁷ Он покажется тебе странен,⁸ и я не навязываю его, не уверяю в его непогрешимости. Но он верен — и ведет к одной цели, что бабушка... Да: я прежде должен [однако] спросить — о том, [что] [как ты рас(считываешь?)] что ты намерена сделать, что... Марк?

---

¹ К этой фразе знаком отнесена зачеркнутая вставка на полях: от признания бабушке...

— Как?

² Текст: — Вчера страсть моя оборвалась ∞ Нет средств человеческих перескочить... — зачеркнут.

³ Фраза зачеркнута.

⁴ Исправлено: — И следовательно

⁵ Слова: во мне — зачеркнуты.

⁶ Исправлено: и корыстного

⁷ Вместо: такой любовью ∞ странный способ. — на полях со знаком вставки вписано: как друг, пожалуй, как художник — и предложу тебе самый простой способ выйти из твоего ужасного положения — пощадить бабушку и себя. [Не для] И я не для одной тебя предлагаю этот способ. Спокойствие бабушки дорого и мне. Я всегда любил ее как мать, а теперь, узнавая ее всё короче и короче, я обожаю ее. Это — высокая, святая, чистая женщина — и я умер бы за нее.

— И ты, Борис: как я рада. Говори же, говори!

⁸ Исправлено: Тебе способ покажется, может быть, странен

Она [сидела] села и, положив голову на колени, рассказала ему всё — [и по(том?)] и заключила последним разговором¹ с Марком накануне.²

Оба молчали. Она — спрятав лицо, он³ — ходя [в волнении] по комнате.⁴

[— Он воротится, — сказал он.

[— Не знаю.] Она покачала головой.

— А ты пойдешь туда?..

Она взглянула на него почти с обидой в глазах.

— [Чт(о)] [После] Между нами бездна легла навсегда, — сказала она, — мы упали в нее — и вышли, чтоб разойтись в разные стороны.]

— Может быть, он⁵... воротится, — сказал он, — и ты... [пойдешь туда и] будешь жить... наслаждаться счастьем открыто... Что, если б я с ним повидался... (л. 8 об.)

— Он не воротится, я не пойду туда — и жизни нет для меня больше, — решительно сказала она, — [ты сейчас] я сказала тебе всё: возможно ли возвращение?⁶ [Но] [Есл(и)] Мы... упали ошибкой — не для

---

¹ Слова: и заключила последним разговором — исправлены: передав последний разговор

² Вместо: Она [сидела] села ~ и заключила последним разговором с Марком накануне. — на полях со знаком вставки вписано: Теперь ты начала [новую] жить...

Она [си(дела)] качала головой.

— Я бы не страдала так... не называла бы это падением, если б... [Она совсем наклонила голову] это было началом жизни, как ты говоришь...

Она [бледнея] склонила совсем голову и [как бо(льная)] куталась в платок, как от холода.

— [Но это была [смерть] не жизнь, а смерть... разлука. Мы расставались] Мы расстались...

Она тихо, отрывисто, останавливаясь, пересказала ему кое-как эпизоды своей любви и последний разговор с Марком и спрятала голову в ладони.

— Теперь ты знаешь почти всё, — сказала она.

— И ты [мне пр(едлагаешь)] хочешь, чтоб я передал бабушке тоже всё?

— Да, всё.

— И... его имя?

Она [кивнула] наклонила голову в знак согласия. А он с тревогой думал об этом поручении и о бабушке.

³ Далее вписано и зачеркнуто: бле(дный)

⁴ Далее вписано: в волнении

⁵ Далее вписано: уступит

⁶ Исправлено: брат, разве возможно возвращение?

смерти... И если я выкарабкаюсь из этой пропасти... то не затем...¹ Жизнь убита, нечего говорить... [Ты] [Скажи] обо мне: всё кончено [гов(орила)]² — теперь надо спасать других, кто мне близок. Говори, брат, что ты придумал, чтоб успокоить бабушку?

— Выдь замуж, — сказал он.

Трудно описать взгляд изумления, брошенный ею на него.³

— За меня, — тихо прибавил он.⁴

У ней задрожало было подбородок от улыбки, потом она вдруг стала серьезна. Ей точно больно сделалось.

— Как бы это было смешно, брат, в другое время, — сказала она с упреком, — а теперь, шутка в эти минуты...

— Я не шучу, Вера, — с участием⁵ сказал он. — Ты говоришь: там жизнь не завязалась у тебя, а оборвалась. Впереди одиночество и горе.

— Разве могу я думать теперь о другой привязанности, о таких связях с другим... Я люблю тебя как брата — но быть женой теперь! Я даже не понимаю твоей мысли, брат, и не знаю, великодушные ли это или опять плод фантазии поэта? Ведь и ты говоришь, да я и сама вижу, что у тебя ни в одном взгляде, ни в одном слове нет той сумасшедшей страсти, которая еще неделю назад мучила и тебя, и тревожила меня...

— Нет, — сказал он, — потому что тайны нет и, следовательно, нет и надежды. Я знал это и говорил тебе, ты не верила...

— Да, это была моя ошибка — потом я не верила тебе, считала тебя чужим, хоть ты и троюродный брат мне, — не знала и была вправе не выдавать своих тайн... Оставим это — я вижу в тебе такое теплое и милое влечение к себе, какого я желала, но ужели оно [может вн(ушить)] могло внушить тебе эту странную мысль... Вразуми меня, брат!

— Я не хочу обременить тебя, Вера, ни моей привязанностью, не угрожаю супружеским счастьем. Супру-

---

¹ Текст: — Он не воротится ∞ то не затем... — исправлен: — Зачем? разве ты не видишь, что это невозможно? Он не воротится, я не пойду туда.

² К словам: Жизнь убита ∞ всё кончено [гов(орила)] — знаком отнесена вставка на полях: решительно и мрачно сказала она

³ Далее вписано: Она села на диване.

⁴ Далее вписано: не дожидаясь ответа

⁵ Исправлено: с глубоким участием

жество я предлагаю тебе...¹ — во-первых, как убежище,² — ты стала теперь в одинокое, исключительное положение. Мы уедем отсюда, и я оставлю тебя, где ты сама захочешь, если ты пожелаешь быть одна...

— Зачем, зачем всё³ это? — спрашивала она с изумлением. — Разве я не могу жить здесь — также одна? (л. 9) переехать к священнику, [наконец] к Викентьевым, наконец, оставаться при бабушке?...⁴

— Во-вторых, — выслушав ее, терпеливо продолжал он, — затем, чтоб [ничего] избавить тебя от самой страшной казни — как ты сама сказала: чтоб не узнала ничего — бабушка — и никто!..

Она долго глядела на него, как будто изучала его.

— Я не ожидала ничего этого от тебя, брат. Я думала, что ты понял меня, а я тебя. Но я вижу, что кто-то из нас ошибается.

— Кто же и в чем, Вера?⁵

— Если б я вышла за тебя замуж,⁶ — ты думаешь, кажется, что я тогда не сказала бы бабушке...

Он молчал, предвидя [что] уже [к чем(у)] ее мысль, и соглашаясь с нею, и удивляясь Вере.

— Вера, не договаривай⁷ — я знаю⁸ и чувствую, что ты сказала бы, — и я бы то же сделал на твоём месте. Прости меня, — сказал он [становясь] [целуя у ней руку], — я в эту минуту⁹ счел тебя по привычке опять¹⁰ женщиной, [как все] как большинство.¹¹ [Но Боже мой!

---

¹ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: — Как сделку, — перебила она.

² Далее вписано: продолжал он

³ Слова: зачем всё — зачеркнуты.

⁴ Далее на полях со знаком вставки вписано: И для эт(ого) мы [обре(меним)] без любви — [обремением] свяжем друг друга навсегда?

⁵ Текст: — Я не ожидала ~ — Кто же и в чем, Вера? — исправлен: а. — Не понимает! — шептала она, глядя на него. б. — Не понимает! — шептала она.

⁶ Далее вписано: сказала она вслух

⁷ Исправлено: — Не договаривай, Вера

⁸ Далее вписано: что это невозможно

⁹ Далее вписано: опять

¹⁰ Слово: опять — исправлено: такой

¹¹ К этой фразе знаком отнесена зачеркнутая вставка на полях: — [Ты] Это не всё, брат, и не главное. [Если] Я вижу, что мы с тобой не одинаково понимаем замужство. Я этим не шучу, — [сказала] [при(бавила?)] заметила она задумчиво.

— [И я нет, Вера.] И я нет.

— Как же нет [ты бы мог окрестить] [ты бы допустил, чтоб]?

Как ты растешь, как уходишь в высоту из глаз моих — моя Вера — моя женщина, моя статуя — о, дай мне изобразить тебя, как ты есть... я почти] Позволь мне немного оправдаться: есть еще третья причина — я боюсь, мне больно сказать тебе...

— Говори, брат? — должно быть, я сильна, если снесла¹ всё, что снесла. Перенесу ли... ах, бабушка, бабушка! — Она тряхнула в отчаянии головой. — Что такое? — сказала она. — Говори смело...

— Я думал о последствиях, которые могут быть... — вполголоса говорил он, стоя [в] у окна [и глядя вдаль] спиной к ней и глядя вдаль, как будто говорил не ей. Он не оборачивался и не видал, как голова у ней вдруг упала на колени и она рукой схватилась² за бок. — Я бы взял их на себя... — тихо прибавил он, — чтобы никогда никто не узнал...³

После этого настало молчание. Он боялся взглянуть на нее, а она молчала — и была, кажется, в немом отчаянии. [Опять]

[— До этих] [— До этих «никто» и до всего города мне дела нет, — [ска(зала)] тихо шептала она, — узнают] <л. 9 об.>

[— Я скрою умышленно только от Марфиньки, — сказала она, — она слишком чиста — и огорчится напрасну, [а баб(ушке)] [до города] а потом открою [всё бабушке]] [— Я открою всё бабушке.]

— Опять не понимает! — как будто в отчаянии сказала она.⁴ — Что мне за дело до этих «никто» и до всего города? — сказала она.

— Последствия, последствия? — шептал он,⁵ стоя всё спиной к ней и глядя в окно. Он думал, что она не понимает.⁶ — Их скрыть нельзя — надо уехать отсюда...

— И не стану скрывать, а... надо вынести... — что бы ни случилось.⁷

---

¹ *Исправлено:* а. еще дышу б. еще сношу в. сношу

² *Исправлены:* на руку, а другой она схватилась

³ *Далее вписано:* Здесь весь город знает и уважает тебя...

⁴ *Слова:* как будто в отчаянии сказала она — *исправлены:* в отчаянии шепнула она

⁵ *Исправлено:* твердил он тихо

⁶ *К словам:* что она не понимает — *знаком отнесена вставка на полях:* на что он намекнул

⁷ *Фраза исправлена:* — Их надо не скрывать, а... вынести... — шепнула она едва слышно и глядя на пол.

Он с изумлением обернулся к ней.

— Вера! — почти с благоговением сказал он.¹

— Не мелкий страх [ме(ня)] смущает² меня сказать бабушке, а ужас за ее жизнь: вот страшные последствия... одни только... Здесь — я... о Боже! дай не мне, а ей силы... — про себя добавила она.

А он глядел на нее.

— Как ты растешь, на какую высоту уходишь,³ Вера! — шептал он.

«Это она, моя женщина, моя статуя», — говорило в нем.⁴

— Да, — с глубоким вздохом сказала она, — бабушке скажу — и нет у людей⁵ средства избавить ее от горя... [Скажу] Марфиньке не скажу, потому что она — чистый ребенок: не поймет и отравится горем напрасно. Скажу еще Тушину — а до других дела нет!

— Тушину: зачем? — вдруг подходя к ней, спросил он с изумлением.

— Затем [что он счит(ает?)] же, зачем сказала бы тебе, брат, если б ты... не поторопился. [Я очень люблю его — и ты полюбишь, когда узнаешь.] Я очень дружна с ним, как теперь с тобой, — а он думает, что [совер-

---

¹ Текст: Он с изумлением обернулся к ней. ∞ сказал он. — исправлен: Он с удивлением поглядел на нее.

² Исправлено: — Не страх за себя смущает

³ Далее вписано: из глаз моих

⁴ Фраза исправлена: «Да — это она, моя статуя, моя женщина!» — говорил он. Далее знак отсылки к вписанному на полях тексту: — Меня печалит легкость, с которой ты смотришь на [бра(к)] замужество, — сказала она, — [ты можешь прибегнуть к] [Марк] [Он] — ты допускаешь возможность стать под венец без [сильн(ого?)] любви, для цели, посторонней в браке: чтоб скрыть...

Он отошел к окну и поник головой — стыдясь своей слабости перед ней. Он, чтоб успокоить [красивую женщину], сделал уступки, противные своим убеждениям, [которых] сознавая, что в другом случае не сделал бы их. Стало быть — стало быть, обнаружил немного зачатую душу перед этой потрясенной горем сильной женской душой.

— Он, — прибавила она, — [говорит] требовал этого, но у него другие убеждения... а ты, брат? — спросила она, взглянув на него.

— Знаю, знаю, Вера, — говорил он, отворачиваясь к окну, — это еще остаток горячки... и желание скрыть твою беду от бабушки. Следовательно, [чувство жа(лости)] уступило рассудок и [правила сошли с] убеждения уступили чувству [к тебе]... дружбы к тебе и сожаления к бабушке.

Напрасно он трудился объяснять это. Он не начинал еще ответа, как она одним взглядом прочла у него на лице [всё] его мысль.

⁵ Исправлено: людского

ш(енство)] я — совершенство, и верит в меня, как в святую. Я иногда была счастлива этим¹ — а теперь... и это² удар! Пусть он узнает, что я такое: и если у него останется участие,³ мне иногда будет как будто отрада... А если отвернется — я перенесу. Но я не хочу, чтоб он считал меня не тем, что я есть: я задохнусь...

— Я понял [всё] тебя, Вера, — и вот моя мольба, — сказал Райский, складывая руки, — прими (л. 10) от меня⁴ [удивл(ение)] дружбу брата, которая будет служить тебе до могилы, если б все в мире кинули тебя, — и удивление поэта, художника, который всю жизнь мечтал найти в женщине женщину, с ее простотой, с прелестью,⁵ — и эта женщина — ты, здесь, в заброшенном углу огромного царства... Осчастливь меня своей дружбой навсегда — и ты — пойми меня — ты одна можешь понять мою богатую, часто сумасбродную фантазию — и пойми всю простоту⁶ моей души и честность сердца, которое [всему и] всем хочет добра, которое готово любить, если б ему платили хоть немного той любовью и правдой, какую он готов отдать всем, а ее гонят внутрь его — глупой ложью, глупой злостью. [Ты...] Скажи, стою ли я твоей привязанности, Вера, — и если ты поймешь меня — я издали, когда скука или пустота толкнется мне в душу, приду к тебе, где бы я ни был, как к сестре, как к другу и как к своему идеалу женщины... Вера, теперь во мне говорит и художник, и человек вместе. Они слились — и падают в умиление к твоим ногам. Входи смело на тот пьедестал, на который ты стала сама так высоко и так просто [как] и на который ставит тебя рука художника...⁷

---

¹ *Далее вписано:* опиралась на это...

² *Далее вписано:* тоже

³ *Далее вписано:* ко мне

⁴ *Вместо:* — Я понял ∞ прими от меня — *на полях со знаком вставки вписано:* — О, как я понимаю тебя, Вера, — говорил он с умилением. — Ради Бога, не отнимай у меня

⁵ *Исправлено:* с прелестью сердца

⁶ *Далее вписано:* младенчество

⁷ *Далее на полях со знаком вставки вписано:* Ты думаешь, что ты пала, Вера? Нет, ты умна, ты знаешь сама, как ты прекрасна, — не одними бархатными глазами и прелестью всей твоей фигуры. Понимаешь ли ты весь аромат души...

— Ты впадаешь в поэзию, Борис, — это твоя стихия...

[— Да, но что такое поэзия: это очищенная истина, это ее квинтэссенция.

Он стал на колени и припал к ее ногам.

— Короткой страсти нет во мне, но есть такое прекрасное чувство: я не знаю, чему удивляться в тебе, какой красоте. И ты думаешь, что ты пала!¹ Я не в бреду, [Вера] — это не импровизация. Ты — прямая Вера — спасаешь во мне и веру человека в женщину, в добро, и веру художника в возможность совершенной красоты — удостоив меня [своего] своей дружбы.

— Брат, я не прибавлю ничего (к тому), что сказала теперь, потому что поняла тебя раньше,² нежели ты меня. Если б не бабушка, я успокоилась бы и была бы счастлива, что есть на свете такой человек,³ как ты...⁴ (л. 10 об.)

Вере как будто стало легче — и она с участием [почти с улыбкой] слушала Райского.⁵

— Боюсь, брат, что ты [в св(оем)] оденешь своим творчеством меня в такие краски, что⁶ после сам же разобьешь свою статую. Изобрази в своем романе бедную, заблудившуюся овцу, [а] [кот(орая)] деревенскую самонадеянную девочку, упавшую на дно с обрыва, без лучей, без красок, а бледную, больную⁷... ах! (она тяжело вздохнула). Скажи только правду про меня — и тогда только и [будет] выйдет хорошо...⁸

— Истина, — со вздохом перебила]

— Да, поэзия, то есть правда!

¹ Текст: Он стал на колени ∞ что ты пала! — зачеркнуто.

² Исправлено: а. Начато: ми(нотой) б. часом раньше

³ Исправлено: такие люди

⁴ Далее вписано: как Тушин, а я искала... Нет, не искала, — с отчаянием прибавила она.

⁵ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: — Вера! позволь мне изобразить тебя в блеске поэзии, то есть правды. Поэзия ведь только свет, который освещает глубины и красоты истины, — вот ее так называемое творчество. Где нет его, [т(акого?)] этого света поэзии, там не истина, а сочинение, выдумка! Найдя тебя, мой идеал женщины, я найду и пропавший талант...

Рядом на полях наброски к последующему тексту: 1. Письмо Марка, призыв, выстрелы, ее ответ через Тушина (дело не в венчанье, а в вечном разладе — вот где пропасть). Сватовство Тушина. Бабушка как конь. 2. — Какой непочатый угол романтиков, — говорит Марк, — симпатия, душа, бессрочная любовь.

⁶ Исправлено: а

⁷ Далее вписано: а. несчаст(ную) б. убитую горем

⁸ Фраза зачеркнута.

— Кто? — тихо спросил он,¹ но как [проры(чал)]
будто прорычал это «кто».

— Марк Волохов, — сказала она.

Тушин вдруг [у(пал)] пошатнулся,² упал³ на скамью,⁴
потом на землю и тотчас же стал⁵ подниматься, опира-
ясь на бич.⁶ Вера и в [глубоки(е)] сумерки увидела, как
он был бледен...

— А я думал, — сказал он, поднимаясь⁷ медленно
и тяжело,⁸ — что меня только медведь свалит с ног...

Потом⁹ он выпрямился, встал против Веры,¹⁰ взял
рукоятку бича¹¹ обеими руками [и переломил раз,
два, три...] [Дерево затрещало у него в руках и пова-
ли(лось?)] и с треском изломал в одну минуту¹² в кус-
ки,¹³ бросил на землю щепки дерева и куски се-
ребра.

— Вот что я с ним сделаю, — говорил он, нагибаясь
к ее лицу [ощетинясь, как кабан] и [ощетинясь] стоя не-
подвижно, ощетинясь, как зверь¹⁴ [и только злобн(ое)].
Только слышалось его злобное, прерывистое дыхание.¹⁵
(л. 15)

---

¹ Слова: тихо спросил он — исправлены: спросил он коротко

² Исправлено: Тушина вдруг пошатнуло.

³ Исправлено: а. Он упал б. Он как будто потерял равновесие, тя-
жело упал

⁴ Далее вписано и зачеркнуто: опершись на нее руками

⁵ Далее вписано и зачеркнуто: медленно

⁶ Слова: и тотчас же стал подниматься, опираясь на бич — за-
черкнуты.

⁷ Исправлено: сказал он с странной улыбкой, как будто стыдясь
своей слабости и поднимаясь Слова: с странной улыбкой, как будто
стыдясь своей слабости — вписаны на полях со знаком вставки.

⁸ Далее вписано: а. на ноги б. с земли

⁹ Исправлено: Вдруг

¹⁰ Далее вписано и зачеркнуто: взглянул ей пристально в глаза

¹¹ Исправлено: схватил бич за рукоятку

¹² Слова: и с треском изломал в одну минуту — вписаны.

¹³ Исправлено: в мелкие куски

¹⁴ К словам: ощетинясь, как зверь — знаком отнесена вставка на
полях: готовый [броситься] скакнуть на врага

¹⁵ Далее вписано: Она с [ужасом и] изумлением глядела на него и
отступила за скамью.

— Мне страшно, Иван Иванович, уйдите! — упавшим голосом шептала Вера.¹

— Прежде убью его, потом... уйду, — говорил он.²
У него тряслись руки и ноги.

[— А если он вас убьет...

Он с презрением покачал головой.

— Не дум(аю)]

— Да, дуэль поправит мое несчастье...³

— Дуэль! — сказал он.⁴ — На дуэль выходят петухи, чтоб показать свою «честь».⁵ Мне нечего показывать и некому. Я убью его просто, задушу или сломаю — вот как этот бич...

— А потом что?⁶

— А потом пойду в каторгу.

— А я? Мне легче будет?

Он молчал, глядя в землю. Потом стал ходить большими шагами взад и вперед.

— Что мне⁷ делать: прикажите,⁸ Вера Васильевна?⁹

— Скажите прежде всего, за что вы хотели убить его и хорошо ли (это).¹⁰

— Он [в(аш)] враг ваш и, следовательно, мой.¹¹

— А врагов разве убивают?

Они молчали. Он [начал] потупил голову, [и потом] увидал разбросанные обломки дерева и серебра,¹² наклонился и, как будто стыдясь, [собирал] собрал их и сунул в карман мекинтоша.

— Он и не враг мой — и... не подлец, — заметила она, — он честный человек.¹³

---

¹ Слова: упавшим голосом шептала Вера — *исправлены*: пощадите меня, — [в страхе] шептала Вера, протягивая руки, как будто защищаясь от него [руками]

² В рукописи ошибочно: говорила она

³ Фраза исправлена: — Вы думаете, дуэль воротит...

⁴ Далее вписано: с презрением

⁵ Слова: свою «честь» — *исправлены*: свою обиду или «честь», которой иногда и нет

⁶ Исправлено: — А потом?

⁷ Исправлено: — Что же мне

⁸ Исправлено: научите

⁹ Далее вписано: спросил он, трясаясь от злости.

¹⁰ Фраза исправлена: — Прежде всего успокойтесь и скажите, за что вы хотите убить его и хочу ли я этого?

¹¹ Далее вписано: Подлец... — чуть слышно прибавил.

¹² Исправлено: бича

¹³ Слова: он честный человек — *исправлены*: Он ничего подлого не сделал.

Он¹ опять выпрямился и с удивлением глядел на нее.²

— Вера Васильевна, — сказал он, — не оставляйте меня в потемках. Если вы доверили мне такую важную и тяжелую... для обоих нас тайну — то объясните и всю историю...

— Я за этим и вызвала вас, Иван Иванович. Садитесь и выслушайте. — Она пересказала ему свою историю.

— Вы... простили его? — спросил он.

— За что? Он столько же виноват, сколько я.

Тушин положил локти на колени [, а голову] и оперся [лицом] головой на руки [ли(цо)], закрыв ими лицо. Он молчал [опять] минут пять.

— Простите же и меня, — сказал он, — за то, что я так грубо принял это и грубо поступил. Простите и за то, что... сказал вам о любви...

Она сильно схватила его за рукава. [Теперь]

— Не мучьте меня, Иван Иванович, и уйдите... навсегда.

— Навсегда? — вдруг сказал он, став перед ней. — За что же, за что это, Вера Васильевна: значит, не простили меня, что я, не узнавши дела, вдруг навязался в мстители... Лучшая надежда моя пропала — вы любили и любите...

---

¹ Исправлено: Тушин

² Далее на полях со знаком вставки было: а. — Так зачем же вы сказали мне об этом? — спросил он. — Я сделал глупость, попросил вашей руки, не зная ничего...

— Нужно было сказать... хоть для этого, — [шеп(тала)] говорила она.

— Для этого нужно было только отрицательно покачать головой и сказать: «Не могу, не люблю». А зачем вы сказали о свидании, о любви... о каком-то падении... Кто имел право знать это?

— Чтобы вы не уважали жалкую, несчастную... Я не хотела обманывать вас.

— Не понимаю! — сказал он. — За что я перестану уважать вас: за то, что вы огорчены, надеялись на счастье, а оно ушло! б.

— Так зачем же вы звали меня сюда? зачем сказали это? — спросил он.

— Я хотела, чтоб вы знали мою вину.

— Какую вину: разве вы сделали что-нибудь [нечестное] низкое? Обманули [низко(?)] подло кого-нибудь, сделали чье-нибудь несчастье? [вели] Исподтишка крали доверие мужа, любовника... Простите за эти слова, Вера Васильевна, [но я] я не верю, чтоб вы могли сделать что-нибудь подобное.

— Нет — я [даже н(е)] не хотела обмануть даже друга, вас — и никого не обману, чье доверие дорого мне.

Он остановился, с трудом говоря, стараясь осилить себя.¹ (л. 15 об.)

¹ *Текст:* Вера Васильевна, — сказал он, — не оставляйте меня в потемках. ∞ Он остановился, с трудом говоря, стараясь осилить себя. — *исправлен и зачеркнут:*

— Вера Васильевна, — сказал он, — не оставляйте меня в потемках. — Если вы доверили мне такую важную и тяжелую... для обоих нас тайну — то объясните и всю историю...

— Я за этим и вызвала вас, Иван Иванович. Садитесь и выслушайте. — Она пересказала ему свою историю.

— Вы... простили его? — спросил он.

— За что? Он столько же виноват, сколько я.

— Так зачем же вы сказали мне всё это? чем вы мучаетесь и в чем обман? Не понимаю!

[— Положим, я согласилась бы на ваше предложение: разве это не было бы обманом?

— И если б любил другого — да. [А если б перестали любить]

— А если б перестала любить — и тогда не надо говорить?..

[— И тогда не надо и (нрзб)]

— Нет, сказать для сведения, чтоб не сочли обманщицей, — и только. Да и то... что за дело до прошлой любви?]

Тушин положил локти на колени и оперся головой на руки [лицо], закрыв ими лицо. Он молчал минут пять.

— [Я не понима(ю)] Я [все-таки не понимаю] теперь понимаю, [что вы уб(иваетесь)] отчего вы убиваетесь горем, Вера Васильевна: вам изменило счастье, ваша надежда, как и моя, пропала. Да, это горе, и большое горе. Но я все-таки не понимаю, зачем вы сказали вашу тайну мне...

Она молчала.

— Когда вы сказали мне ее и назвали виноватого, я думал, что вы нагло обмануты и требуете помощи друга и что медведю пришла пора послужить вам — и чуть было не оказал медвежью услугу. Зачем же вы мне сказали, Вера Васильевна...

— Я хотела, чтоб вы знали мою ошибку...

— Благодарю вас за то, что мое участие значит тут что-нибудь, — печально сказал он. — Но это не ваша ошибка, а — «его». — Он показал к обрыву.

— А мою вы извиняете?

— У вас горе, а не ошибка, — повторил он. — Вы потеряли [его] счастье — вот горе: где же ошибка? [Вы знали, чего хотели, вы понимали, а он ошибся в вас]. А его ошибка та, что он не думает вашим умом, не живет вашим сердцем. Шальной мудрец, всё ищет где-то идей, [пра(вды)] какой-то особенной правды да сочиняет жизнь, наслажденье, твердит о честности, называет всех дураками — а не видит, что и правда, и честность, и счастье, и ум, и жизнь — всё в вас! Извините, он слепой, что не сидит [и не бла(годарит)] тут и не благодарит судьбу за счастье, какое выпало ему на долю... Не верует! [Ему] [В (нем?)] Узнавши вас, [татарин, жид увидят истину и уве(руют)] татарин будет веровать, [что истина] во что веруете вы, тут не может быть лжи! А вот вы простите меня, — сказал он, — за то, что я так грубо принял это и грубо поступил. Простите и за то, что... заговорил о своей любви, что любил...

Она сильно схватила его за рукава.

— Я ничего не понимаю, Вера Васильевна, — говорил он. — Зачем же звали¹ меня сюда? Зачем сказали это?²

— Я хотела, чтоб вы знали мою... вину, — отворачиваясь, говорила она, — вот и всё.

— Какую вину?

Она, [отворачиваясь] отворотясь, молча показала рукой на обрыв. Он поглядел туда, на нее — и стоял перед ней, вопросительно глядя на нее.³

— Не мучьте меня, Иван Иванович, и уйдите... навсегда.

— Навсегда? — вдруг сказал он в изумлении, став перед ней. — За что же, за что это, Вера Васильевна: значит, не простили меня, что я, не узнавши дела, вдруг навязался в мстители... Лучшая надежда моя пропала — вы любили и любите... — Он остановился, с трудом говоря, стараясь осилить себя. *Тексты:* — Так зачем же вы сказали мне всё это? ∞ что за дело до прошлой любви?]; — [Я не понима(ю)] ∞ тут не может быть лжи! — *вписаны на полях со знаком вставки. Дальнейшая последовательность текста определена пометой:* (См. следующий 37-й лист) — *и знаком отсылки.*

¹ *Исправлено:* вы звали

² *Исправлено:* мне это

³ *Слова:* вопросительно глядя на нее — *зачеркнуты. Далее знак отсылки к вписанному на полях тексту:* — Ничего не понимаю, — говорил он, глядя на нее во все глаза. — Послушайте, Вера Васильевна, не оставляйте меня в потемках. Если вы нашли нужным доверить мне [такую важную [тайну] и тяжелую для нас обоих тайну] тайну, которая касается вас одной, то объясните [зачем вы] и всю историю, и [что] зачем вы доверились мне?

— Я за этим вызвала вас сюда, даже хотела послать за вами. Сядьте и выслушайте.

Она пересказала ему всю историю, как и Райскому.

Он, положив локти на колена, а на локти голову и спрятав лицо в ладони, слушал ее. Когда она кончила, он встал, минуты три ходил взад и вперед, потом остановился перед ней.

— Вы простили его? — спросил он.

— За что: вы видите, что он столько же виноват, сколько я.

— И... простились с ним или надеетесь, что он опомнится и воротится...

— Нет: если б он и воротился, то [уже не нашел бы меня никогда] я не ворочусь. Между нами и нет, и не может быть ничего общего... Я никогда не увижу его...

[Тушин вздохнул как вол, когда с него сняли ношу.]

— Теперь я только начинаю немного понимать — и то не всё, — сказал, подумавши, Тушин и вздохнул как вол, которого отпрягли. — Я думал, что вы нагло обмануты и зовете меня на помощь [и чуть было н(е)], — думал, что пришла пора медведю сослужить службу — и чуть было не оказал вам медвежьей услуги, — добавил он, вынимая из кармана и показывая ей обломок бича. — Теперь скажите и остальное: зачем вы открыли мне всё это?

— [Как зачем] Я не хотела, чтоб вы думали обо мне лучше, чем я есть, уважали меня...

[— Я всё не вижу никакой вины?]

— А потеря... чести... это¹ ничего? — [тихо] сказала она.²

— Чего? чести! Вы украли что-нибудь?³ Вы — Вера... Васильевна — поступили бесчестно? [Вы смеетесь надо мной.] Вы не украли ли чего-нибудь?⁴ Не наклеветали ли?⁵ Обманули чье-нибудь доверие? Предали кого-нибудь?⁶ Сделали⁷ чье-нибудь несчастье из выгод, страха?

— А это... как называется на вашем языке?

— Что «это»?

Она головой показала на обрыв.⁸

— Это называется — любовь.⁹ Вы вчера потеряли надежду на счастье, как я потерял ее сегодня, — с грустью и подавленным вздохом прибавил он. — Это горе, [а не вина] и большое горе, Вера Васильевна, — прибавил он, наклоня голову, — я это испытываю сам, но всё еще не понимаю, зачем мне было это знать — [я] не имел на это никакого права... да и никто другой.¹⁰

— Что ж! мне молчать было и теперь,¹¹ когда вы сделали мне предложение... Это неизбежно...

— Нет, сказать только, что не можете принять его,¹² любите другого. И только.¹³

— Скрыть перед тем, кого так любишь, как я вас, свою горькую ошибку...

— Ошибка его, а не ваша. Он шляется¹⁴ по белу свету с книгами под мышкой [и ищет всё ч(его-то)], всех на-

---

— Как же вы это сделаете: я не перестану думать [что] о вас, что думал всегда [Что ж вы сделали такое: украли, обманули доверие, сделали предательство], — и не уважать не могу.

¹ *Исправлено*: это разве

² *Далее вписано*: чуть слышно

³ *Фраза*: Вы украли что-нибудь? — *исправлена*: тихо повторил и он.

⁴ *Исправлено*: Украли ли что-нибудь?

⁵ *Фраза зачеркнута*.

⁶ *Исправлено и зачеркнуто*: Сделали предательство?

⁷ *Исправлено*: или сделали

⁸ *Далее вписано*: и наклонилась к коленям

⁹ *Далее вписано*: пожалуй, несчастная: да, несчастная!

¹⁰ *Слова*: да и никто другой — *зачеркнуты*.

¹¹ *Слова*: — Что ж! ∞ и теперь — *исправлены*: — Пусть так прежде, но я должна была сказать всё же теперь

¹² *Исправлено*: — Зачем мне знать историю вашего прошлого? Вы могли сказать только, что не можете принять предложения

¹³ *Далее вписано*: Вот другое дело, если б вы любили там, а приняла мое предложение — ну, это потеря чести.

¹⁴ *Исправлено*: Вы знали, в чем счастье, и предлагали его. А он шляется

зывает дураками и ищет просветить своим умом род людской: показать свою¹ новую честность, новое счастье, новую правду и новую жизнь. Он слепой мальчишка! Послушал бы вашего ума и поучился бы у вашего сердца жить, тогда и увидал бы, что и жизнь, и правда — это вы. Не верует ни во что: татарин, узнавши вас, принял бы, что то,² во что веруете вы,³ — истина! [Дурак]. Вот он остался теперь один на дне обрыва и там увязнет, а вы стали выше, нежели были.

[О, как вы цените и как любите меня, И(ван Иванович)]

Вера заплакала.

— О, как вы цените и как любите, Иван Иванович. Я вижу теперь, что я теряю в вас... (л. 16)

— Как теряете? Куда я денусь? А вы разве уедете? — с беспокойством спросил он. [Не от того]⁴

— Вы [подни(маете)] и брат Борис, которого я теперь только [поняла] узнала и полюбила, вы оба хотите поднять на ноги бедную тварь... из жалости...

Тушин вскочил с скамьи.

— Вера Васильевна! — строго и горячо [сказал] перебил он ее, — я слушал вас, как друга, доверчиво, и говорил то, что говорило сердце.⁵ Мне было⁶ легче,⁷ а теперь вы оскорбляете меня. Это первая минута, с тех пор как я вас знаю, что вы обидели меня. Вы предполагаете во мне лукавство, — положим, с доброй целью, — но всё же ложь...

Он был в самом деле обижен. Она схватила его за обе руки, мешая ему говорить.

— Попробуйте обмануть, солгать, сделать нечестный поступок... что я тогда скажу вам...

— Ради Бога, Иван Иванович, — умоляла она.

— Тушин не лжет: когда он кому-нибудь кланяется с уважением, [значит] он уважает того — или не поклонится.⁸

---

¹ Слово зачеркнуто.

² Исправлено: там

³ Далее вписано: не может быть лжи, а одна

⁴ Далее вписано: Она покачала отрицательно головой.

⁵ Слова: я слушал вас ∞ что говорило сердце — зачеркнуты.

⁶ Исправлено: стало

⁷ Далее вписано: в горе

⁸ Текст: — Что ж! мне молчать было и теперь ∞ или не поклонится. — зачеркнуто.

Он взял свой мекинтош. Она почти прыгнула ему на руки.

— Любите меня, не отталкивайте. Я верю, верю вам, Иван Иванович, — говорила она, цепляясь за него и чувствуя легкость, чувствуя, что подле нее воздвигается какая-то сила, встает крепкая, твердая стена¹ в лице этого друга, которая [ук(роет)] способна укрыть ее в своей тени и каменными окопами оградить ее [от] — не от бед,² страха, не от физических [только, но и от бурь сердца, от пыток, от язв, от скорбей] опасностей, а спасти от отчаяния, от [собств(енной)] [когт(ей)?] горячих пыток собственной совести, от дымящейся еще язвы страсти, от горького разочарования... — Простите (нрзб) моему горю, отчаянию,³ — говорила она, [падая опять] стараясь посадить его на лавку.

Он стал на колени подле нее.

— От какого отчаяния — опомнитесь! — говорил⁴ он. — Пройдут месяцы, год какой-нибудь, и вы забудете его, забудете [об(рыв)] этот проклятый обрыв и будете сами дивиться нынешним тревогам. Это всё пустое — потеря чести, вина — всё это тряпье, (л. 16 об.) бабьи сплетни.⁵ Давно бы надо плюнуть на всё это. Как это вы, Вера Васильевна, занимаетесь такими пустяками... Ведь вы умнее всех женщин... в целой России.⁶

---

¹ Исправлено: гора

² Слово зачеркнуто.

³ Слова: Простите ∞ отчаянию — исправлены: Вы спасаете меня от моих внутренних врагов, от отчаяния

⁴ Исправлено: утешал

⁵ Слово: сплетни — исправлено: сказки Далее знак отсылки к вписанным на полях и зачеркнутым словам: Он не потерял чести, а вы потеряли!

⁶ Текст: Это всё пустое ∞ в целой России. — зачеркнуто. Далее на полях л. 17 со знаком вставки вписано: а. Вы несчастливы, что потеряли его. Любовь потеряли — да! надежда пропала! И больше ничего не потеряли. Может, ваше счастье еще впереди — если... судьба справедлива. б. Вы несчастливы, что потеряли свои надежды, обманулись в них, любовь потеряли — да! и больше ничего! — а на полях л. 16 об. и 17 текст продолжен:

[Он отрицательно покачал головой.]

— Вы не находите в этом никакой вины и хотите принудить себя уважать меня. Вы [и брат] добры и великодушны: вам жаль бедную, падшую тварь, и вы хотите поднять ее... Я понимаю...

[Тушин] Он сделал какое-то скорое движение.

— [Не им(ею)] Я не имею права находить в этом какую-нибудь вину, Вера Васильевна, — сказал он [немного будто оскорбленный ее сомнением в его прямоте] сдержанным и немного оскорбленным то-

ном, — и насильно уважать никого не могу. Тушин не лжет. Если я кому-нибудь кланяюсь с уважением, то и уважаю — или не поклонюсь. Я кланяюсь вам по-прежнему, а люблю — извините, к слову пришлось, — еще больше прежнего, потому что вы несчастливы. У вас большое горе, такое же, как у меня. Напрасно только вы сказали мне вашу тайну. Если б я узнал ее и не от вас, я бы уважать вас не перестал. Этой тайны вы не обязаны поверять никому. Она принадлежит вам одной.

— Всё равно: я должна бы была сказать вам ее сегодня же, когда вы сделали предложение... Обмануть я вас не могла...

Он отрицательно покачал головой.

— На мое предложение вы могли отвечать мне коротким «нет», но как вы удостоиваете меня особой дружбы, то объяснили бы ласково, с добротой, чтоб [см(ягчить)] позолотить это «нет», что вы любите другого, — вот и всё. А тайну должны были сберечь про себя: тут не было бы никакого обмана. Вот если б вы, любя одного, приняли бы мое предложение [а он] из страха или других целей — [вот] это был бы обман [и потеря] и истинная потеря чести. А то всё бабьи сказки, сплетни и тряпье. Давно бы надо было плюнуть на всё это! Он не потерял чести и выйдет со дна обрыва прав, а вы потеряли! Где же правда?

Вера заплакала.

— Всё равно я [должна была сказать вам всё] сказала бы вам, Иван Иванович. Это не для вас нужно было, а для меня самой. Это потребность [мне легче и стало, и было бы] [Мне [теперь] как легче теперь!]. Вы знаете... спросите брата Бориса... я говорила и ему, и бабушке, что я считала вас лучшим, первым человеком из всех, [каких] кого только знаю...

Она взяла его за руку, он чуть не заплакал, но только вздрогнул, наклонился и поцеловал у ней руку.

— Вот это другое дело — благодарю вас, благодарю. Вы делаете мне большое добро, Вера Васильевна, — сказал он, — я вижу, что дружба ваша [не по(страдала)] ко мне не пострадала от другого чувства, — значит, она сильна. Это большое, большое утешение. [Со временем я] Я буду счастлив и этим... со временем, не теперь...

— Да, Иван Ивано(вич), [и теперь, когда сказала вам] мне легче, [что] когда я сказала вам про мое... про мою ошибку...

— Ошибка не ваша, а его, Вера Васильевна, а у вас — увлечение горькое, несчастное. Вы не ошибались: вы давали ему полное, великое счастье. А он слепой, холодный и самолюбивый эгоист — так... пустой человек, — шепотом прибавил он. — [Ищет] Не верует! Узнавши вас, магометанин, жид [поверит] убедится, что там не может быть лжи, во что вы веруете. [Ищет какого-то] Зовет всех дураками, ищет [особой, новой] будто бы честности, нового счастья, правды, жизни, с книгами под мышкой, а того и не заметил, что [чест(ность)] и честность, и счастье, и правда, и жизнь — это вы. Поучился бы правде у вашего ума и честности у сердца — [вот и книга] вот и была бы естественная наука. (л. 16 об.) А то букашек разбирает, а слона и не заметил. Вот он теперь [остался] и увяз на дне обрыва и не выкарабкается оттуда, а вы... [остались] останетесь все-таки лучшей, чистой, первой женщиной в свете...

— Как вы любите, как цените меня: я гордилась этим, а теперь мучаюсь... (л. 17) *Фрагмент на л. 16 об.*: [Он отрицательно покачал головой.] ~ вот и была бы естественная наука. — *сопровождается пометой*: (На другой странице.) — и знаком #, который отсылает

Опять у ней мелькнуло сомнение, [не вида(лся)] не сговорился ли он с Райским утешить [Но эта ее] ее.¹ Но вся фигура Тушина, его открытое лицо [был(о)] [всё это по(лотно?)] были как [листья чистой бумаги] полотно — просто, бело и чисто. Эта его вспышка² за подозрение в³ лукавстве, весь ход их дружбы — всё [предп(олагало?)] было ей ясно. Она видела, что она была права [в гл(азах)] в уме ее друга [и что сердце].

— Вы не покинете меня, будете любить... как друг? — спросила она.

— Постараюсь, Вера Васильевна, — со вздохом сказал он.

— Я от вашего участия, от дружбы брата выздоровела бы [от своей] [от эт(ой)] скоро,⁴ Иван Иванович, и выздоровела бы и от страсти... [от нее еще скорей — я вижу, что она (2 нрзб): я поняла ее, и мне стыдно и больно за] встала бы опять на ноги...

— Что же мешает, Вера Васильевна.

— Бабушка... [бабушка...] вы знаете ее. Это убьет ее.

[Тушин молчал, соглашаясь.]

— Она еще не знает? [— спросил он, — вы ей не сказали] Вот кому, пожалуй, нельзя не сказать,⁵ — говорил он и стал мрачнее.⁶

Он соглашался внутренно, что это поразит Татьяну Марковну, но [не] боялся обнаружить перед Верой свою боязнь.

— Сегодня день рождения Марфиньки, гости:⁷ нельзя. Завтра [ах, завтра] брат Борис скажет ей всё, всё... Я просила его.

к фрагменту на л. 17: А то букашек разбирает ∞ первой женщиной в свете... — в свою очередь сопровождающемуся пометой: (Опять на той странице продолжение.) Заключительная реплика Веры вписана на полях л. 17 ниже этой последней пометы.

¹ Исправлено: нет ли у него с Райским заговора утешить ее

² Исправлено: обидчивость

³ Исправлено: в его

⁴ Исправлено: от дружбы брата Бориса оправилась бы скоро

⁵ К словам: Вот кому, пожалуй, нельзя не сказать — знаком отнесена вставка на полях: Перед ней... вы — да... не хотелось бы говорить... да не могу.

— Говорите, говорите.

— Перед ней [вы в(иноваты)] одной вы виноваты в недоверии...

Она [любит вас] вам — мать — могла знать.

Он потупил голову. Вера вздрогнула.

⁶ Слова: говорил он и стал мрачнее — зачеркнуты.

⁷ Исправлено: там гости

Лицо Тушина просияло.¹ Он глядел на Веру почти со счастьем.² «А она думает, что она пала! — размышлял он, — а она только что идет в гору. Боже мой! Какой слепой дурак этот Волохов — или какая...» Он не додумал.³

А Вера металась в отчаянии на скамье, вспоминая о завтрашнем дне.

— Бабушка! бабушка! Ах, если б умереть!⁴

— Вера Васильевна! позвольте мне побывать у вас на той неделе...⁵ — сказал он. — Когда вы, может быть, немного⁶ успокоитесь... и я тоже.

— Да, не оставляйте меня... нет... нет... Боже сохрани! — простите за эгоизм. Вам самим тяжело.⁷ (л. 17) Нет, Иван Иванович, мы увидимся после, когда [оба] воротимся [к] — вы — к прежнему чувству, а я — к совершенному спокойствию.⁸ О, тогда,⁹ [придите] ради Бога, придите к бедной Вере — и она скажет вам, что вы для нее сделали [теперь] [и как она ценит и любит вас. Идите и помните, что я всегда считала вас первым и лучшим человеком и любила больше всех после бабушки... Спросите брата Бориса...]. А теперь [теперь] — уезжайте... [я не звала вас... хотела только сказать... чтобы вы... не считали меня обманщицей...]

Слезы не дали ей говорить. Она махнула ему платком, чтоб он шел.

— Я [все-таки] побываю на той неделе... — сказал он коротко.

— [Ск(ажите)] Да вот что: попросите¹⁰ Наталью Ивановну приехать — послезавтра.¹¹

¹ Фраза зачеркнута.

² Исправлено: долго

³ Фраза исправлена: Он погрузился в глубокое молчание.

⁴ Далее вписано: шептала она.

⁵ Исправлено: немного погода

⁶ Слово зачеркнута.

⁷ Вместо: — Да, не оставляйте меня ~ Вам самим тяжело. — вписано: — Вы видите, [Иван Иванович] как дорога мне ваша дружба, но требовать теперь от вас [доказательств]... Рядом на полях набросок к последующему тексту: Свисти не свисти.

⁸ Слова: воротимся ~ к совершенному спокойствию — исправлены: а. успокоимся, каждый от своей тревоги, если только... прошлое, и если я... буду жива еще б. Начато: вы успокоитесь, забудете меня в. Начато: вы успокоитесь. А теперь вам тяжело. [После я сама позову вас.] [Когда вы будете] Когда вам будет [совсем легко] легче Все варианты вписаны на полях со знаком вставки.

⁹ Исправлено: Тогда

¹⁰ Исправлено: — Попросите

¹¹ Исправлено: завтра или послезавтра, — сказала она.

[— Очень хорошо, я]

— Я сам привезу.¹ А на той неделе побываю сам: если не примете, уеду и буду ждать, когда позовете. [Если] А всё побываю. Медведь еще не сослужил своей службы, Вера Васильевна, — помните ваше слово: обратиться к этой услуге. [Я побываю, а вы не] А этому медведю, кажется, на роду написано служить вам — не тем, так другим — и я буду служить. Для этого и побываю, а вы отдайте приказание Марине — принимать или не принимать.²

Он простился с ней и так погнал лошадей с крутой горы, что чуть сам не сорвался с обрыва. По временам он, по привычке, хватался за бич, но вместо его под руку попадали обломки³ в кармане, которые он разбросал по дороге.⁴ На пароме он переезжал, не ходя взад и вперед, как всегда, а сидя в своем тарантасе,⁵ спрятав голову и лоб в широкие ладони, и почти ни разу не пошевелился до перевоза.⁶

Вера пришла в себя и облегчила грудь несколькими спокойными вздохами. Часть тяжести [спала с души, как] с души она сбросила, как бросают моряки в бурю тюки с товаром для облегчения. Но самый тяжелый груз еще лежал на дне ее души, и ладья ее была всё на боку, всё черпала бортами, ее тянуло ко дну. «Завтра, завтра... как долго оно не наступает, — говорила она, — как еще темно!» — и вспоминала бабушку, у ней холодело сердце, бледнел лоб, и она мысленно бросалась на грудь то к Райскому, то к Тушину и находила одну только минуту отрады и опять падала в бессилии перед грозным «завтра».⁷ (л. 17 об.)

---

¹ *Вместо этой фразы на полях со знаком вставки вписано и зачеркнуто:* — Очень хорошо. А потом и сам наведаюсь.

² *Текст:* А на той неделе побываю сам ∞ Для этого и побываю, а вы отдайте приказание Марине — принимать или не принимать. — *зачеркнуто.*

³ *Исправлено:* его обломки

⁴ *Исправлено:* он разбросал их по дороге

⁵ *Исправлено:* шарабане

⁶ *Исправлено:* до другого берега *Далее черточка, обозначающая конец главы.*

⁷ *Текст:* Вера пришла в себя ∞ и опять падала в бессилии перед грозным «завтра». — *зачеркнуто. Рядом на полях зачеркнутый набросок:* Она все-таки неутешна: тот поэт, думает она, а этот влюблен в нее и поэтому пристрастен.

Первоначальная редакция окончания главы VI
части пятой (ЧА₅₍₆₎)

(Т. 7, с. 663—664)

Она мысленно бросалась на грудь то тому, то другому и находила облегчение, но не доходившее глубоко до души, до того [груза, не облегчав(шего)] тяжелого, заветного груза, который так тяжело было сбрасывать.¹

Предвидеть, что ладья [после этого] [после в(станет)] встанет и легко опять пойдет по волнам — значило предвидеть, что бабушка² также³ легко взглянет «на ее вину», на ее «ошибку», что не найдет ни того ни другого — и ни третьего, наконец,⁴ «ни потери чести», как не нашел, или из великодушия не хотел найти, Тушин. Или не станет ли она перед ней на колени и не скажет ли, что она [столь?] стала высока, что она достигла апогея женской красоты и чистоты, как, стоя на коленях, говорил ей Райский, может быть тоже скрывая великодушную мысль утешить ее или [еще не] упиваясь ее «новой» красотой и не задушив в себе вполне страсти.⁵ Нет, один горяч,⁶ страстен, изменчив, добр и кроток, с нервным темпераментом⁷ и младенец в душе — сло-

---

¹ Слова: то тому, то другому ∞ так тяжело было сбрасывать — исправлены: а. то Райскому, то Тушину, отдыхала на час, на два — и потом опять клонила голову на грудь. «Нельзя жить после этого, нельзя! О, как я наказана [хуже] за опыт! [Хуже] [Прос(тится?)] за дерзость (нрзб)! Вся жизнь — как будто нет ее больше! Я теперь только вижу это: зачем не прежде...» б. то Райскому, то Тушину, отдыхала на час, два — и потом опять клонила голову. «Нельзя жить, нельзя!» — шептала она в отчаянии.

² Исправлено: что и бабушка

³ Слово зачеркнуто.

⁴ Слово зачеркнуто.

⁵ Слова: и не задушив в себе вполне страсти — зачеркнуты. Далее знак отсылки к вписанному на полях тексту: а. Он не любил и не любил ее — или любит не ее, а свой идеал, свою статую. Ему [нужно] [и] дорого и нужно ее падение как новый вид красоты, как развитие страсти, как картина наслаждения и искупления. Может быть, он теперь уж и наслаждается, как наслаждался страстью и ревностью Савелья. б. Может быть, оба они обманывают только ее, чтобы спасти, а сами про себя считают... погибшею... хотя... А Райский и не любил и не любит ее — или любит не ее, а свой идеал, свою статую. Ему дорого и нужно ее падение как новый вид красоты, как развитие страсти, как картина наслаждения и искупления. Может быть, он теперь уж и наслаждается, как наслаждался страстью и ревностью Савелья...

⁶ Исправлено: Он горяч

⁷ Слова: изменчив, добр и кроток, с нервным темпераментом — исправлены: кроток, но с нервным, изменчивым темпераментом

вом, поэт: он¹ ли успокоит ее? Не он ли накануне в нервном раздражении, под влиянием страсти, изменил своей природной кротости, справедливости, стер мгновенно с души великодушный порыв и оскорбил ее первый? Завтра, может быть, он развенчает или разобьет свою статую и будет ненавидеть ее если (не) ненавистью, то хандрой.²

Другой — Тушин: это сила, [подни(мающая)] способная поднять всякую тяжесть жизни на плечах, и свою, и чужую. Это [созданный] вышедший прямо из рук природы человек; как другому дается талант, ему дан талант быть человеком.³ Он не подвержен влияниям погоды, [он] как он крепок [логи(кой)] нервами, мышцами, так он⁴ крепок и логикой, и сердцем. Он не издаст фальшивой ноты и не сделает неверного шага — он больше Райского успокоил ее — и успокоил бы совсем, если б он был на месте... Марка, если б она платила ему взаимностью, если б могла вдруг каким-нибудь чудом перенести на него силу своей любви. Тогда он для нее всё. В нем⁵ заключился бы ее мир — он был бы ее судьей, даже⁶ братом, другом, мужем — и они оба дошли бы до могилы. Но... он дает ей это всё один, а она ему возвратить так полно не может и, следовательно, всегда будет в долгу (л. 21 об.) у него — и втайне будет носить [неизлечимую язву] язву, которую [его вели(кодушие)] может залечить не великодушие его, а одна безграничная любовь, вознагражденная с ее стороны такою же любовью. А у ней нет той любви, которая бы спасла их обоих.⁷

¹ Исправлено: поэт. Он

² Далее между строк и на полях со знаком вставки вписано: «Красота и правда» — вот его идеал женщины [и затем он дает ей полную свободу]. Он не [тер(пит)] выносит ни как человек, ни как художник — лжи, а затем дает женщине свободу делать что хочет. Не все так!

³ Слова: как другому дается талант ∞ быть человеком — исправлены: с талантом быть человеком

⁴ Исправлено: так же

⁵ Текст: Тогда он для нее всё. В нем — исправлен: Тогда в нем

⁶ Слово зачеркнуто.

⁷ К тексту: Другой — Тушин ∞ которая бы спасла их обоих. — знаком отнесена вставка на полях: а. Тушин для нее, как она сама для Райского, был статуей человека, мужчины, с прямым, здоровым, сильным умом, с прямым сердцем, связанными в гармоническое целое. [Ни [фальшивого] неверного шага, ни] [Это была [как] разумная сила, способная непогрешительно управлять механизмом жизни своей, общественной — она] Она удивлялась ему и любила за эту сово-

А теперь¹ от великодушия его ей² только тяжело: она покоряется ему [и в], потому что обязана покориться заслуженной каре,³ но страдает.⁴

Оба эти друга стоят стеной за нее, но не выправят ей жизнь. Жизнь отравлена.⁵ Суд и Немезида в бабушке.⁶ О, если б она заперла ее в заключение, подвергла унижительным последствиям,⁷ как какую-нибудь Таньку или Агашку. В новой, низкой доле⁸ она закалила бы себя против сильных ударов и гордо [носи(ла)] несла бы кару и в этой гордости [положил(а)] [сне(сла)] страдания положила бы⁹ силу и новую жизнь. А если бабушка [примет это как] переможет себя, вынесет и потом примет это с великодушием Тушина, будет стараться успокоить ее,¹⁰ обмануть¹¹ своим [[великодушием, а сама молча будет расходовать день за день, ночь за ночь ежеминутным тайным страданием, делать веселое лицо и вырывать

купность [простых] натуральных сил и духа — и любила его за постоянное поклонение ей. Как избалованный им ребенок, она вполне награждала его за поклонение чарующей лаской, милым доверием, любила быть с ним [и]. Но [как] теперь в ней это исчезало — и чем вознаградила бы она его как женщина? б. Тушин для нее, как она сама для Райского, был статуей человека, мужчины, с здоровым, сильным умом, с прямым сердцем, связанными в гармоническое целое. Она удивлялась ему за эту совокупность натуральных сил ума и духа и отсутствие всякой — и старой, и современной — порчи и любила его за постоянное поклонение ей. Как избалованный им ребенок, она вполне награждала его за поклонение чарующей лаской, милым доверием, любила быть с ним. Но теперь в ней это исчезало. Чем вознаградила бы она его как женщина?

¹ Исправлено: Ей

² Слово зачеркнуто.

³ Далее вписано: со смирением

⁴ Исправлено: но втайне страдает от своего нового положения и роли

⁵ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: Пятно есть — совесть говорит ей: и ни Райский, ни Тушин, да и сама бабушка не снимут его. Что бабушка: старая девушка, не знающая этих гроз и, вероятно, никогда даже не скользившая над бездной, — как и чем она уверит ее, что это... не потеря чести, а, по словам Тушина, «пустяки, бабьи сказки, тряпье, на которое давно наплевать надо». Нет, нельзя жить [— утешения нет, успокоения... Она всё снесла бы, но горе бабушки, вот беда!] с одним этим клеймом [в жизни, а ту(т)] — ничем не изгладится оно! А тут еще — бабушка!

⁶ Фраза зачеркнута.

⁷ Исправлено: наказаниям

⁸ Далее вписано: в черной работе

⁹ Исправлено: нашла бы

¹⁰ Слова: успокоить ее — зачеркнуты.

¹¹ Исправлено: обмануть ее

тихонько из жизни], а сама невидимо, изо дня в день, из ночи в ночь, будет рвать и дни и ночи] спокойствием, снисхождением, а у самой будут [не], от невидимых страданий, выпадать из жизни¹ дни и ночи — и вдруг когда-нибудь, у могилы,² она одним невольным взглядом скажет³ ей вдруг:⁴ «Ты отравила последние дни моей старости, убила меня!»⁵

[Вера бросилась стремительно [на колени] перед образом на колени] Вера бросалась [к своей часовне], уходя тайком в часовню, [и стала] на колени. [У ней] [Она явилась на молитву с ужасом] Она принесла в молитву [свой] ужас и смотрела широко на образ, стоя неподвижно на коленях.⁶ Только тяжелые⁷ вздохи страдания и⁸ боли показывали, что это стоит не статуя, а живая женщина. Образ глядел на нее задумчиво, полуоткрытыми глазами, с сложенными в благословение перстами.⁹ Она встала почти в отчаянии и пошла домой.¹⁰ <л. 22>

*Фрагмент чернового автографа главы VII
части пятой (ЧА₅₍₇₎)*

(Т. 7, с. 668—669)

— Нет, это не бабушка! — с замиранием сердца глядя на нее, думал он, — это¹¹ представительница тех¹² исторических женских личностей, которые внезапно из круга семьи выходили героинями¹³ в великие минуты,

¹ *Далее вписано:* как листы из книги

² *Исправлено:* у недалней могилы

³ *Исправлено:* выскажет

⁴ *Слово зачеркнуто.*

⁵ *Далее вписано:* «О, нельзя жить, нельзя!»

⁶ *Текст:* Вера бросалась ∞ стоя неподвижно на коленях. — *исправлен:* Вера бросалась [уходила] тайком в свою часовню и [в молитве изливала свой ужас] в ужасе [стоя на коленях] смотрела на образ, стоя на коленях.

⁷ *Слово зачеркнуто.*

⁸ *Слова:* страдания и — *зачеркнуты.*

⁹ *К этой фразе знаком отнесена вставка на полях:* Она [просила] смотрела [как] жадно и вопросительно в эти задумчивые полуоткрытые глаза, как будто ждала знаменья. Знаменья не было.

¹⁰ *Фраза исправлена:* Она уходила как убитая, почти в отчаянии.

¹¹ *Далее было:* героиня

¹² *Слово вписано.*

¹³ *Вместо:* — Нет, это не бабушка! ∞ выходили героинями — *было:* Он видел в ней не бабушку: это она представляла ему великие исторические женские личности, являвшиеся великими героинями

когда падали вокруг¹ тяжкие удары судьбы и когда нужны² были людям не грубые силы мышц,³ не гордость крепких умов,⁴ а силы нести великую скорбь,⁵ страдать, терпеть и не падать!⁶

Так несла свое горе⁷ еврейка,⁸ родоначальница племени,⁹ когда в народе прошумело, как ветер, глухое пророчество: «Придут римляне и вóзьмут». Она с презрением¹⁰ улыбнулась в ответ молве,¹¹ веруя, что¹² свят и незыблем венец, возложенный¹³ рукою Иеговы на голову Израиля, и гордясь своею верою. (л. 24)

А когда настал час¹⁴ — народ¹⁵ не узнал посещения,¹⁶ и когда римляне пришли и взяли — она поняла удар, встала, всё оставив, всё бросив, сняв свой венец, не взглянув¹⁷ на свой дом и богатство,¹⁸ и пошла¹⁹ среди павшего царства,²⁰ молча,²¹ с окаменелым ужасом в глазах, без малодушных слез, которыми омывали иерусалимские столпы мужья, раздирая одежды и разбивая о них головы. Старуха шла²² в великом безобразии одежд, с неподвижным взглядом, среди дымящихся развалин, при треске падающих стен, куда невидимо вела рука того же Ееговы.²³ За ней шло племя, дети и

¹ Далее было: них

² Вместо: нужны — было: а. понадобились б. Начато: падали

³ Далее было начато: когда бессильна была

⁴ Далее было начато: когда нужны были

⁵ Далее было: и давать примеры великой силы

⁶ Фраза вписана на полях со знаком вставки.

⁷ Вместо: свое горе — было: его

⁸ Было: великая еврейка

⁹ Слова: родоначальница племени — вписаны.

¹⁰ Вместо: с презрением — было: гордо

¹¹ Далее было начато: и взглянула на небо, веруя, что [Иегова] незыблем венец, возложенный [на] рукою Иеговы [на голове] [никто]

¹² Слова: веруя, что — вписаны.

¹³ Далее было начато: на голову

¹⁴ Далее было начато: она увидела

¹⁵ Слово вписано.

¹⁶ Далее было: Божия

¹⁷ Далее было: на свое племя

¹⁸ Слова: встала, всё оставив ~ на свой дом и богатство — вписаны на полях со знаком вставки.

¹⁹ Далее было: а. Начато: по рушивше(муся) б. когда падало царство

²⁰ Далее было: во главе племени

²¹ Далее было: без малодушных слез

²² Далее на полях со знаком вставки вписано и зачеркнуто: куда ее вела воля того же Ееговы, шла

²³ Далее было: ведя детей, жен, племя и скот

скот. Она не видала и шла. Это была царица великой скорби, потерявшая царство, растрепанная, истерзанная, но сильная, уносящая с собою печать власти.¹ На лице несла и берегла она² святыню³ не клонящего головы страдания. Она как будто гордилась павшим на нее громом, гордилась и силой нести его.⁴ Она шла куда-нибудь в пустыню, но не приняла новой жизни в цепях.

Так сиротела на пороге бедной хижины родоначальница какого-нибудь клана, поглощенного гордою метрополией, и, храня про себя⁵ славу и гордость древнего рода, не пошла выпрашивать⁶ новой жизни и нового счастья у менее древнего королевского рода.⁷

Райский благоговел перед⁸ образом этого⁹ страдания,¹⁰ припоминал великую русскую Марфу, закованную московскими орлами, скованную, томящуюся в тюрьме¹¹ и хранящую величие¹² власти и могущество скорби по погибшей славе Новагорода, по¹³ своем падшем роде, по своей силе.¹⁴ Она,¹⁵ как орлица, которой боялся дать свободу¹⁶ князь московский,¹⁷ не сдаваясь, не уступая духом, умирала всё посадницей, всё противницей Москвы,¹⁸ всё еще как будто¹⁹ распорядительни-

---

¹ Слова: потерявшая царство ∞ уносящая с собою печать власти — *вписаны на полях со знаком вставки.*

² Слово *вписано.*

³ *Далее было:* и силу гордого

⁴ *Далее было начато:* Иего(ва)

⁵ *Далее было начато:* а. про(исхождение?) б. историю

⁶ *Далее было:* искать

⁷ *Текст:* Она шла куда-нибудь в пустыню ∞ у менее древнего королевского рода. — *вписан между строк и на полях со знаком вставки.*
Фраза: Так сиротела на пороге ∞ у менее древнего королевского рода. — *предваряется пометой:* (Новая строка.)

⁸ *Далее было:* этим

⁹ Слово *вписано.*

¹⁰ *Далее было начато:* видел в [ней] бабушке теперь воплощение русских великих женских личностей — *виде(л)*

¹¹ *Далее было начато:* с

¹² *Было:* всё величие

¹³ Слово *вписано.*

¹⁴ *Далее было начато:* которую

¹⁵ *Далее было:* умирала

¹⁶ *Вместо:* которой боялся дать свободу — *было:* которую боялся освободить

¹⁷ *Далее было начато:* и она

¹⁸ *Было:* князя

¹⁹ Слова: еще как будто — *вписаны.*

цей судеб вольного¹ города. Скорбь² убила, но не унизила ее.³

Виделись ему⁴ русские царицы,⁵ менявшие по воле мужей царей свой сан на сан инокинь,⁶ (и) другие царицы, в роковые минуты стоявшие⁷ во главе царства,⁸ царицы,⁹ с величием мужества и самоотвержения следившие глазами¹⁰ за своими царями в толпе, пораженной язвой,¹¹ или среди волн народного моря,¹² когда оно всколыхалось внезапно,¹³ готовые всё потерять, но¹⁴ находившие силу¹⁵ оставаться царицами — и в келье, и перед ужасом смерти, готовые гибнуть, но не падать духом под ударами.¹⁶ (л. 24 об.)

*Фрагмент чернового автографа главы X
части пятой (ЧА₅₍₁₀₎)
(Т. 7, с. 689—690)*

Вера¹⁷ на минуту остолбенела от ужаса, потом¹⁸ обняла всей своей силой ее голову и прильнула к ней губами.

— Бабушка, бабушка! — твердила она, задыхаясь от волнения, как будто воскресая, — что ты делаешь? Зачем говоришь мне это?¹⁹ Молчи! молчи! возьми назад

---

¹ Было: великого вольного

² Было: и скорбь

³ Фраза вписана на полях со знаком вставки.

⁴ Далее было: в ней

⁵ Далее было: отправляемые от престола в иноческие кельи

⁶ Далее было начато: а. и хранившие силу и величие б. и хранившие в келье

⁷ Было начато: станови(вшиися)

⁸ Далее было начато: в минуту беды

⁹ Было: и царицы

¹⁰ Слово вписано.

¹¹ Далее было начато: перед

¹² Было: мятежа

¹³ Слова: или среди волн ∞ когда оно всколыхалось внезапно — вписаны на полях со знаком вставки.

¹⁴ Слова: готовые всё потерять, но — вписаны.

¹⁵ Далее было: нести горе и

¹⁶ Слова: готовые гибнуть ∞ под ударами — вписаны.

¹⁷ Далее вписано и зачеркнуто: после минуты

¹⁸ Слова: на минуту остолбенела от ужаса, потом — вписаны на полях со знаком вставки.

¹⁹ Далее было: Зачем... зачем... Что это стоит тебе! Пусть я лучше умерла бы... О Боже мой! Какая жертва! Зачем!

свои слова — я их забуду,¹ сочту своим бредом... Бабушка! ради Бога, не казни себя для меня.

— Нельзя — Бог велит! — говорила старуха, стоя на коленях у постели и склонив голову.²

— Встань, бабушка... Поди ко мне сюда...

Бабушка плакала у ней на груди.³

Вера зарыдала, как ребенок.

— Зачем, зачем? — твердила она, — сказала ты⁴...

(л. 32)

— Надо! Он велит⁵ смириться... — говорила старуха, указывая на небо,⁶ — просить прощения у внуки — и я прошу⁷ вот — на коленях. Прости меня, Вера, прежде ты.⁸ Тогда⁹ и я могу простить тебя.¹⁰ Напрасно я хотела умереть с тайной... Я погубила тебя своим грехом...¹¹

— Ты спасаешь меня,¹² бабушка... от отчаяния.¹³

— И себя тоже, Вера. Бог простит нас, но Он требует очищения греха.¹⁴ Я думала, он забыт, прощен. Я молчала и казалась¹⁵ праведной людям: неправда! Я была — как «окрашенный гроб» среди вас; а внутри [б(ыл)] таился неомытый¹⁶ грех! Вот он где вышел наружу: на третьем колене! в твоём грехе! Бог¹⁷ покарал¹⁸ меня твоим грехом. Вот в чем¹⁹ прошу у тебя прощения... Прости же меня от сердца...

---

¹ *Далее было:* вытру из своей головы

² *Текст:* Молчи! молчи! ∞ и склонив голову. — *вписан на полях со знаком вставки.*

³ *Фраза вписана.*

⁴ *Далее было:* ты приносишь такую тяжелую жертву?

⁵ *Вместо:* — Надо! Он велит — *было:* — Бог велит

⁶ *Слова:* указывая на небо — *вписаны.*

⁷ *Далее было:* видишь

⁸ *Слова:* прежде ты — *вписаны.*

⁹ *Далее было:* только

¹⁰ *Далее было:* Вера бросилась ей в объятия.

— Что ты сделала со мной?

¹¹ *Текст:* Напрасно я хотела умереть с тайной... Я погубила тебя своим грехом... — *вписан на полях со знаком вставки.*

¹² *Далее было начато:* а сама

¹³ *Слова:* бабушка... от отчаяния — *вписаны.*

¹⁴ *Вместо:* очищения греха — *было:* искупления *Далее было:* Мой грех был не искуплен.

¹⁵ *Далее было начато:* сорок (лет)

¹⁶ *Далее было:* и неискупленный

¹⁷ *Было:* И Бог

¹⁸ *Вместо вписанного на полях со знаком вставки текста:* неправда! ∞ Бог покарал — *было:* [Но] Бог требует возмездия: он покарал

¹⁹ *Было:* вот в чем я

— Бабушка! разве можно прощать свою мать? Мать не сделала бы больше!¹ — О, ты святая — нет² другой такой женщины, матери! Бабушка! Если б я знала о тебе всё³... вышла ли бы я... из твоей воли...

— Это мой другой⁴ страшный грех! — перебила ее Татьяна Марковна.⁵ — Я молчала — и не отвела тебя... от обрыва!⁶ Мать твоя из-за гроба достает меня за это:⁷ я чувствую⁸ — она всё снится мне!⁹ Прости меня и¹⁰ ты, покойница! — говорила старуха, становясь на колени и озираясь с ужасом вокруг и простирая руки к небу.¹¹ У Веры побежала дрожь¹² по телу. — Прости и ты,¹³ Вера, простите обе.¹⁴ Будем молиться!..¹⁵ Боже! — почти в исступлении молилась старуха, стоя на коленях,¹⁶ простирая руки к небу, — если... если... не оскудело Твое милосердие — милосердуй над ней — над этой красотой... — говорила она, обнимая ее жарко.¹⁷ Она притянула Веру к себе. — Смотри — как она прекрасна... и внутри, как снаружи... Милосердуй над нами, над нашей слабостью... Мы не продались, мы не лгали, мы¹⁸ любили и ослабели... грешные создания...¹⁹ и обе смиряемся²⁰ под Твоим гневом... Пощади это дитя²¹ — милосердуй... Она, очищенная раскаянием,²² по слову

---

¹ Было: Мать сделала бы то же...

² Далее было начато: тебе

³ Было: Если б я знала это

⁴ Было: — Вот где мой

⁵ Слова: перебила ее Татьяна Марковна — *вписаны*.

⁶ Текст: О, ты святая ~ и не отвела тебя... от обрыва! — *вписан на полях со знаком вставки*.

⁷ Слова: за это — *вписаны*.

⁸ Было: я это чувствую

⁹ Вместо: она всё снится мне! — *было*: Прости, прости меня, и она простит нам и будет молиться за нас!

¹⁰ Слово: и — *вписано*.

¹¹ Вместо: озираясь с ужасом вокруг и простирая руки к небу — *было*: обращая глаза и руки к небу

¹² Вместо: У Веры побежала дрожь — *было начато*: У обеих дрожь

¹³ Далее было: меня

¹⁴ Слова: простите обе — *вписаны*.

¹⁵ Далее было: и Бог простит нас обеих...

¹⁶ Слова: стоя на коленях — *вписаны*.

¹⁷ Слова: говорила она, обнимая ее жарко — *вписаны*.

¹⁸ Далее было: только

¹⁹ Далее было начато: мы

²⁰ Было: мучаемся

²¹ Слова *вписаны*.

²² Вместо: очищенная раскаянием — *было начато*: лучше

Твоему, лучше многих праведниц теперь... милее¹ Тебе своей безгрешной сестры, Твоей чистой лампы... Милосердуй... и если не исполнилась мера гнева Твоего... отведи его от² нее, от ее детей, внуков³ — и если, если надо... ударь в мою седую голову...⁴ — Старуха с рыданием⁵ простерлась по ковру.⁶

Вера силилась поднять ее.⁷

Татьяна Марковна тяжело встала на ноги⁸ и села на кушетку. Вера подала ей одеколонь и воды, смочила ей виски, дала успокоительных капель и обложила ее подушками, а сама села на ковре,⁹ осыпая поцелуями ее руки и ноги.

— Ты знаешь: нет ничего тайного, что не вышло бы наружу, — заговорила Татьяна Марковна, оправившись. — Сорок пять лет два человека только знали — «он» да Василиса, мою тайну,¹⁰ и я думала, что мы умрем все с ней. А вот она когда вышла наружу:¹¹ Боже мой! — говорила, как¹² будто в помешательстве, Татьяна Марковна, вставая и¹³ складывая руки и протягивая их к образу Спасителя, — если б я знала, что этот гром ударит в тебя...¹⁴ Вера!¹⁵ я бы тогда же, на площади, перед собором, в толпе народа исповедала свой грех!¹⁶

Вера слушала в изумлении, глядя большими глазами на бабушку,¹⁷ боялась верить,¹⁸ пытливо изучала каждый ее взгляд и движение, сомневалась, не героический ли это поступок, не великодушная ли мысль спасти ее, падшую, поднять. Но молитва, коленопреклонение,

---

¹ Далее было начато: своей

² Далее было начато: ее го(ловы)

³ Было: от внуков

⁴ Далее было начато: с рыда(нием)

⁵ Далее было начато: пова(лилась)

⁶ Текст: Прости меня и ты ∞ Старуха с рыданием простерлась по ковру. — вписан на полях со знаком вставки.

⁷ Фраза вписана.

⁸ Слова: на ноги — вписаны.

⁹ Далее было начато: взяла

¹⁰ Слова зачеркнуты, по-видимому, ошибочно.

¹¹ Было: А вот она вышла твоим грехом наружу

¹² Далее было начато: в

¹³ Слова: вставая и — вписаны.

¹⁴ Вместо: в тебя — было: в твою голову

¹⁵ Далее было: Боже мой!

¹⁶ Вместо: свой грех — было: его

¹⁷ Далее было начато: и чувствовала, что в ней

¹⁸ Вместо: боялась верить — было начато: не вери(ла)

слезы старухи,¹ обращение к умершей матери,² — нет, никакая (л. 32 об.) актриса не покусилась бы играть в такую игру...³ А бабушка — вся правда, вся честность!⁴

Вере становилось тепло в груди, легче на сердце. Она внутренне вставала на ноги, будто пробуждалась ото сна, чувствуя, что в нее льется волнами опять⁵ жизнь, что тихо, как друг, стучится мир в душу, что ее, как темный, запущенный храм, точно осветили огнями и населили опять живыми думами и чувствами,⁶ (что) могила обращалась в цветник,⁷ кровь⁸ начинает переливаться свободно в жилах, что даль⁹ впереди все¹⁰ мало-помалу принимает¹¹ свой утерянный ход, как испорченные¹² и исправленные рукою мастера часы,¹³ что¹⁴ люди к ней добры, что природа хороша, что ее любят.¹⁵ Вон она мельком заметила из окна¹⁶ сверкнувшую в высь звезду, подумала, что завтра¹⁷ день будет хорош, что утром она встанет бодрая, живая, покойная, радостно встретит утро,¹⁸ увидит любимые лица бабушки и Райского, что никто ее не презирает, стыдиться ей нечего и некого,¹⁹ что Райский и Тушин не притворяют-

¹ *Далее было начато:* о том

² *Слова:* обращение к умершей матери — *вписаны.*

³ *Вместо:* не покусилась бы играть в такую игру — *было начато:* не притворится, не сыграет т(акое)

⁴ *Фраза вписана.*

⁵ *Вместо:* льется волнами опять — *было:* входит

⁶ *Далее было начато:* В

⁷ *Текст:* что ее, как темный, запущенный храм ∞ в цветник — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁸ *Было:* то ее кровь

⁹ *Вместо:* даль — *было:* жизнь

¹⁰ *Слово вписано.*

¹¹ *Далее было начато:* а. пра(вильный) б. как испорченны(е)

¹² *Было:* остановившиеся

¹³ *Слова:* как испорченные ∞ часы — *вписаны на полях со знаком вставки.*

¹⁴ *Слово вписано.*

¹⁵ *Далее было:* и даже уважают...

¹⁶ *Слова:* из окна — *вписаны.*

¹⁷ *Далее было:* может быть

¹⁸ *Слово зачеркнуто, по-видимому, ошибочно.*

¹⁹ *Вместо:* встанет ∞ что никто ее не презирает, стыдиться ей нечего и некого — *было:* наденет свою палевую блузу и с удовольствием позовет Райского пить кофе, а он [придет добрый, счастливый, как всегда, ее дружкой] прочтет ей что-нибудь, что [придет Тушин] она напишет к Тушину, чтоб он приехал, что искренно будет рада увидеть Марфиньку с женихом, [зимой] даже [появится] по-прежнему небрежно явится раза два на балах у предводителя и губернатора и стыдиться ничего не будет

ся,¹ говоря, что она в самом деле стала лучшей поэтической мечтой Райского,² оправдала его идеал, что Тушин по-прежнему³ будет горд и счастлив ее дружбой и «любит еще больше», — он сам сказал,⁴ что с бабушкой они теперь не⁵ бабушка с внучкой, а две подруги, близкие, равные, неразлучные, что она даже нечаянно начала ей говорить «ты» и оставит⁶ за собой это право, что⁷ никого так больше любить не может и не будет и что и бабушка ее одну теперь больше всего на свете любит и уже начала:⁸ она теперь только поняла эту усилившуюся к ней после признания нежность и ласки бабушки...⁹ да, бабушка взяла¹⁰ ее неудобноносимое горе на свои старые плеча,¹¹ стерла ее «вину, проступок» и не сочла его¹² за «потерю чести». ¹³ Потеря чести!¹⁴ Эта справедливая, мудрая,¹⁵ нежнейшая женщина в мире, всех любящая, исполняющая свято все свои долги к Богу и к ближнему, никогда никого не обидевшая, всю жизнь отдавшая другим, — эта святая, всеми чтимая женщина, управлявшая мудро своим маленьким царством,¹⁶ — «пала, потеряла честь»! Да, глядя на бабушку, всякий согласится с Тушиным, что это «бабы сказки, тряпье, на которое давно бы наплевать пора!»

И¹⁷ она, Вера, засмеялась бы над тем или презирала бы того, кто сказал или подумал бы, что бабушка «потеряла честь», — бабушка! Стало быть, ей, Вере, надо быть бабушкой в свою очередь,¹⁸ сделать из себя и внут-

¹ *Далее было начато:* что она

² *Вместо:* стала лучшей поэтической мечтой Райского — *было:* стала высоко во мнении Райского

³ *Далее было:* считает ее выше всех

⁴ *Текст:* что Райский и Тушин не притворяются ∞ он сам сказал — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁵ *Далее было начато:* дочка с

⁶ *Было:* что она оставит

⁷ *Далее было:* она

⁸ *Слова:* и уже начала — *вписаны.*

⁹ *Вместо:* она теперь только поняла ∞ и ласки бабушки — *было:* она поняла теперь ее нежность, ласковые взгляды после своего признания

¹⁰ *Далее было начато:* и вдруг в одно мгновение

¹¹ *Слова:* ее неудобноносимое горе на свои старые плеча — *вписаны.*

¹² *Было:* это

¹³ *Далее было вписано:* и разделила ее тяжелую ношу!

¹⁴ *Было: а. Начато:* Какая по(теря) б. Какая потеря чести!

¹⁵ *Вместо:* мудрая — *было:* с возвышенным умом

¹⁶ *Слова:* управлявшая ∞ царством — *вписаны.*

¹⁷ *Было:* И Вера

¹⁸ *Далее было начато:* отдать [блистать красотой] душу

ренне статую, по словам Райского; отдать жизнь другим — любить, любить, любить людей, любить правду и добро... «О, я понимаю тебя, брат, и понимаю твою „новую жизнь”, которую ты пророчил мне,¹ понимаю² стремление твоей души, твои смелые³ мечты и образ свободы,⁴ высказываемые страстным, кипучим языком, твои боли, страдания, слезы, ссоры со мной, чего ты хотел и ждал от меня. Понимаю и тебя, бабушка, и тебя, Тушин, — я не постыжу вашей любви и доверия... Я уже люблю правду и понимаю красоту добра».⁵ Всё это вихрем неслось у ней в голове и будто уносило ее самое⁶ на каких-то облаках. Ей становилось легче, свободнее, как преступнику, которому расковали руки и ноги. «Брат Борис! Тушин! — с благодарным трепетом повторяла она. — И бабушка! бабушка — больше всех бабушка — подняли падшую, согрели, успокоили — Бог да благословит вас, и моя любовь ко всем трем докажет вам... — Она вдруг встала. — Вера спасет Веру».⁷

— О Боже! я могу плакать и молиться! — говорила она. — Бабушка! Пойдем туда, в часовню, где я боролась, молилась... и напрасно! Пойдем, пойдем! — тащила она. — (л. 33) Я теперь могу молиться: я проснулась, воскресла. Бабушка, ты меня простила, ты любишь меня больше всех, больше Марфиньки, — я это вижу. А видишь ли ты, что я тебя люблю, как мать!⁸ Я точно сегодня родилась! Где я была? Как мы не знали с тобой друг друга? Кто нам застилал глаза?

— Лукавый! — сказала бабушка, — мне мешал угадать твое горе и отвести тебя. А тебя ослеплял гордостью! И кому попалась ты, бедная! — говорила она, складывая руки. — Взял свое враг рода человеческого! — злобно

---

¹ *Слова:* я понимаю тебя, брат ∞ которую ты пророчил мне — *вписаны*.

² *Далее было:* высокое

³ *Слово вписано.*

⁴ *Слова:* и образ свободы — *вписаны*.

⁵ *Фраза вписана. Далее было:* а. *Начато:* Всё это не б. Она вдруг встала — «Вера спасет Веру», — сказала она.

⁶ *Вместо:* будто уносило ее самое — *было:* несло ее самое

⁷ *Текст:* И она, Вера, засмеялась бы ∞ Вера спасет Веру». — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁸ *Далее было:* а. как святую б. *Начато:* ты как будто теперь в. я точно сегодня родилась г. *Начато:* (ты) [дала м(не)] даешь мне признаться, что

шепнула она.¹ — Да, будем молиться...² Но теперь ночь,³ и ты слаба. Подождем утра.⁴ Потом выслушай и мою исповедь и тогда осуди строго⁵ или прости — и Бог нас простит.

— Я не хочу, не должна, не смею... — защищалась Вера, зажимая уши. — Мне не нужно ничего.⁶

— Я хочу, — сказала бабушка решительно.⁷ — Мне нужно.⁸ Я скажу тебе, скажу Борису.⁹

---

¹ *Далее было:* — Пожалуйста, пойдем вон, вон отсюда!

² *Текст:* Я теперь могу молиться ~ Да, будем молиться. — *вписан на полях со знаком вставки.*

³ *Было:* Теперь ночь.

⁴ *Вместо этой фразы было:* Завтра, Вера, — да, пойдем.

⁵ *Вместо:* Потом выслушай ~ и тогда осуди строго — *было начато:* Но прежде выслушай меня и мою исповедь и не суди

⁶ *Фраза вписана.*

⁷ *Далее было:* а. Ляг, я сяду около тебя и расскажу.

Вера легла, опершись на локти, [она] взяв обеими руками бабушку за кофту и не спуская с нее глаз. У ней горели глаза, билось сердце.

— Если б я знала, бабушка, — если б я знала, что ты... такая...

Татьяна Марковна в смущении глядела в сторону или прятала лицо на груди Веры. б. Ляг, — сказала она, — я сяду около тебя, и слушай!

Вера легла, опершись на локти, держа обеими руками бабушку за кофту и не спуская с нее глаз. У ней горели глаза, билось сердце.

— Если б я знала, бабушка, — если б я знала, что ты... любила...

Татьяна Марковна в смущении глядела в сторону или вниз [не гля(дя)]. в. *Начато:* — Говори, бабушка, говори — не томи меня. Ты любила — кого, кого? Где он: жив или нет?

[Баб(ушка)] Та молчала.

— Кто он: назови его. Он должен бы(ть) так же прекрасен, добр, благодетен, чист, как ты...

— Ты его видишь каждый день, — тихо сказала бабушка, будто поправляя кружева у халата. — Тит Никоныч, — прошептала она.

— Ужели... — Вера от изумления не договорила. Как она не догадалась?

— Отчего же вы... не женаты? — спросила она.

— А вот я тебе и расскажу всё. Сорок пять лет прошло... как... Мне было лет двадцать, ему двадцать три года.

— Тит Никонович! — восклицала задумчиво Вера, глядя на бабушку.

— Да, Тит Никоныч. Он наш сосед, служил в военной службе и два лета сряду приезжал в отпуск, после кампании двенадцатого года. Мой отец, твой прадед, был добр да горд не в меру. Он любил покойницу мать и меня тоже, но любил только нас послушных. [У нас гости с утра до вечера] Баловал, наряжал — чего-чего не делал, [а] только рта разинуть не смей! [Старый нрав; надм(енный)] Вышел из большого дома: [кругом только] видел барское житье в деревне, богатство да пиры. [Человек] Кругом от соседей поклонение, в доме человек сто холопов. В горо(де)

⁸ *Фраза вписана.*

⁹ *Вместо этой фразы было:* Это исповедь. Я сделаю ее [и Рай(скому)] Борису и Ивану Ивановичу...

— Зачем?¹ — умоляла Вера в страхе.

— Молчи — затем чтоб вытерпеть теперь тот стыд, который должна была вытерпеть сорок пять лет назад. Пусть посмеются над моими сединами... я вытерплю то же, что ты терпишь теперь, — и тогда только буду прощена...

Бабушка прошла раза два в волнении по комнате,² трясая с фанатической решительностью головой. Лицо ее стало³ неузнаваемо. Она опять походила на старый женский фамильный портрет в галерее,⁴ с суровой важностью,⁵ с величием и уверенностью в своем достоинстве, покоившемся в глазах,⁶ в свободной и гордой осанке. Вера чувствовала себя жалкой девочкой перед ней и робко глядела ей в глаза, мысленно меряя свою молодую,⁷ только что вызванную на борьбу с жизнью силу с этой старой,⁸ искушенной в долгой жизненной борьбе, но еще крепкой, по-видимому несокрушимой, силой. «И я не знала всего⁹ — где были мои глаза и моя хваленая „мудрость!“ перед этой бездной? — думала она, — могу ли я быть такою: сравняться с ней, чтоб за-²⁰ гладить... могу, буду! — сказала потом.¹⁰ — Пусть будет по-твоему, бабушка, — но пойдем вон отсюда, туда, к тебе, — сию минуту...»¹¹ (л. 33 об.)

---

¹ *Далее было:* зачем?

² *Далее было:* и села к Вере на постель

³ *Было:* а. *Начато:* Лицо бабушки измени(лось) б. Лицо бабушки было

⁴ *Слова:* в галерее — *вписаны.*

⁵ *Далее было:* в глазах

⁶ *Вместо:* в глазах — *было начато:* на (лице?)

⁷ *Далее было:* развертывавшуюся

⁸ *Далее было начато:* но еще

⁹ *Далее было:* брат указал

¹⁰ *Слова:* думала она ∞ сказала потом — *вписаны.*

¹¹ *Текст:* Я скажу тебе ∞ сию минуту...» — *вписан на полях со знаком вставки.* *Далее было:* Татьяна Марковна не противилась больше. Она закутала Веру с ног до головы и почти на руках перенесла Веру [в свой дом] [к себе] в свою спальню, в старый дом, уложила в постель и легла подле нее. Обе они, обнявшись, молчали некоторое время.

Глава¹

Прошло дня три-четыре. [Наружно всё приходило в порядок:] Всё приходило наружно в порядок: драмы действующих лиц, по-видимому, улеглись. Опять тишина повисла над Малиновкой,² но, приглядевшись пристально, нельзя было не заметить, что в этой тишине³ отсутствовала беспечность и ясность.⁴ [Какая-то] Как в природе внешней, так и на людей, легла будто осень.⁵

Страхов, мучительных воплей [судорог], скорбей с судорогами, ропота — не было, но отзывом этих недавних страданий поражены были более или менее почти все в доме.⁶

Вера с бабушкой стали будто две подруги: между ними установилась тесная, безмолвная связь. Они⁷ без слов понимали друг друга, [и обе вопросительно и отча(сти)] каждый взгляд, слово было для них открыто —

---

¹ Рядом на полях зачеркнутый набросок к последующему тексту: Страсть Веры требовала полного удовлетворения: Марк был если не мелок, то односторонен для нее. И вот причина разлада и того, что Вера охладела.

² Текст: Прошло дня три-четыре. ∞ Опять тишина повисла над Малиновкой — исправлен: Проходили дни, и с ними опять тишина повисла над Малиновкой, опять жизнь, [на минуту, как река] задержанная катастрофой, как река порогами, прорвалась сквозь преграду и потекла дальше, ровнее. Слова: опять жизнь ∞ ровнее — вписаны на полях со знаком вставки.

³ Слова: но, приглядевшись пристально ∞ что в этой тишине — исправлены: Но в этой тишине

⁴ Слова: и ясность — зачеркнуты.

⁵ К этой фразе знаком отнесена вставка между строк и на полях: Все были задумчивы, сосредоточенны, молчаливы, от всех отдавало [каким-то] холодом, слетели, [будто с людей] будто и с людей, [как с деревьев листья] как листья с деревьев, улыбки, смех, радости.

⁶ Фраза исправлена: Мучительные скорби миновали, но колорит и тоны этой жизни были другие [как колорит и тон на ба(бушкином лице?)], грустные или серьезные Далее между строк помета: (Нова(ая) строка.), относящаяся к следующей фразе.

⁷ К этому слову знаком отнесена вставка на полях: со времени известного вечера, после взаимной исповеди, и с переселением Веры из старого дома [стали похожи одна на дру(гую)]

и часто говорили молча.¹ Они хотя и успокоили друг друга² и успокоились каждая про себя, но³ обе вопросительно, и отчасти недоверчиво, смотрели вдаль, опасаясь, что будет дальше.⁴ «Переработает ли (она) в себе всю эту внезапную тревогу, как землетрясение потрясающую душевный мир бабушки?» — спрашивала себя Вера и зорко⁵ читала в глазах Татьяны Марковны, привыкает ли она к новой жизни и к новой, неизвестной [ее] судьбе ее, Веры? мирится [помирится] ли равнодушно с ее неизвестным будущим и не сетует ли⁶ бессознательно про себя на ее своевольное ниспровержение счастливой⁷ старческой дремоты? Вынесет ли она [наконец] до конца и воротит ли⁸ опять себе ясность и покой в душу? А Татьяна Марковна старалась⁹ угадать,¹⁰ что с Верой: [приняла ли о(на)] не подорвет ли покорность, с которою [она] Вера вынесла свою бурю, ее сил? Не надломит ли ее здоровья [надежд]? Осталась ли в ней вера в будущее? Не томится ли она тайной, неизлечимой грустью? (л. 40) и не [поведет] перейдет ли эта [грусть] молчаливая грусть мало-помалу в болезнь, которая [подточила бы] могла подточить молодой организм?¹¹

---

¹ *Фраза исправлена:* Они говорили друг с другом без слов и понимали взаимно каждый взгляд, движение, [просто] читали друг у друга лица.

² *Исправлено:* одна другую

³ *Далее между строк вписано и зачеркнуто:* были

⁴ *Исправлено:* опасаясь будущего — одна за другую

⁵ *Слово зачеркнуто.*

⁶ *Исправлено:* к новой Вере и к ожидающей ее новой, неизвестной судьбе, не такой, какую она ей гадала? Не сетует ли

⁷ *Исправлено:* [ее] своей счастливой

⁸ *Слова:* Вынесет ли она ~ и воротит ли — *исправлены:* Воротит ли
⁹ *К словам:* А Татьяна Марковна старалась — *знаком отнесена вставка на полях:* и вместе боялась угадывать будущее Веры, боялась, вынесет [ли Вера] ли она крест покорного смирения, какой судьба, по ее мнению, налагала как искупление за «грех»? Не подточит ли сломленная гордость и принижение самолюбия ее нежных, молодых сил? Излечима ли ее тоска и не [обратится ли она] обратилась бы она в неизлечимую болезнь?

¹⁰ *Слово зачеркнуто.*

¹¹ *Далее вписано и зачеркнуто:* И со страхом следила за малейшей переменной в лице Веры [бледна она]. Ей хотелось бы поскорее поселить ей в душу свое спокойствие, свою силу, уверенность в себе, [в будущем] в том, что жизнь исправит ошибку и будущность будет ясна. Она верила в Веру как в женщину, видела в ней ту же силу воли, как в себе, ту же честность, залогом той же мудрости — и удивлялась, как Вера сама не чувствует этого и не оправляется легко и скоро от бури. Она забывала, что [она в сорок с лишком] [от бури прошло

Они были неразлучны.¹ Бабушка машинально заведовала² делами [св(оего?)], приняла опять бразды правления над малым царством.³ Вера усердно ушла в хлопоты о приданом Марфиньки и принесла туда свой вкус, труд, хлопоты.⁴

с лишком сорок лет и что (2 нрзб) время, ее собственная остойчивость, успокоение] сорок лет миновало после ее бури [и только].

¹ Текст: что с Верой ∞ Они были неразлучны. — зачеркнуто.

² Исправлено и зачеркнуто: управлялась

³ Далее между строк и на полях со знаком вставки вписано и зачеркнуто: но вся ее забота устремлена была на Веру: она теперь знала, что с ней, и боялась

⁴ Далее вписано и зачеркнуто: Они были почти неразлучны, и обе [молчали] были молчаливы. Далее знак отсылки к вписанному на полях тексту: а. Ничто не намекало в ней на пронесшуюся бурю. Она была только бледнее прежнего, [как-то] в глазах было меньше блеска, в движениях меньше живости. Всё это могло быть следствием болезни, скоро захваченной горячки: так все и полагали, в том числе и Татьяна Марковна, и отчасти сама она. При всех она держала себя просто, обыкновенно, шила, порола, толковала со швеями, писала реестры, счета, ходила в деревню, узнавши, что кто-нибудь трудно болен, носила лекарство, подарки, исполняла поручения бабушки. И никто ничего не замечал. «Поправляется барышня», — говорили люди.

Оставшись одна, она иногда (в рукописи: никогда) оставалась праздной над работой, опершись на локоть, о чем-то глубоко задумывалась [и тогда]. Изредка даже текли слезы по лицу. Не заботы, не мучения, не угрызения, а глубокая печаль, почти безнадежность [туман(ила?)] глядела ее глазами. Сожаление ли о погибшем счастье, [беспо(койство)] безотрадность ли пустого, бесцветного будущего томили ее — никто не знал да и не догадывался. Она, услышав чьи-нибудь шаги, быстро хваталась за работу, дышала в наперсток и принималась шить.

Мужчина в припадках такой меланхолии [вы(ругается)] обыкновенно выругается, если долго не предвидит выхода из печали; самый терпеливый плюнет с досады. Женщины притворяются и несут покорно тяжесть горя, как горбатый носит свой горб.

[Райский только] Бабушка догадывалась только, что с горем нельзя разделаться так дешево. Она молчала, не [заговаривала] затрогивала больного места, надеясь на время. Да Райский еще [пригля(дывался)] заглядывал нескромно в душу Веры и — может быть — не ошибался, [видя там] читая в [скрываемой тоске] [натяну(том)] [в немой тоске] в ее томном молчании, в матовых [глаз(ах)] зрачках ее — тайную [борьбу с полупобежденной, но всё еще свежей] борьбу, последние, отчаянные схватки с удаляющейся, но еще с не побежденной, не забытой страстью, которая [уходя] сверкала и гремела, уходя, сильными ударами и иногда ослепляла нестерпимым блеском. б. Ничто не намекало в ней наружно на пронесшуюся бурю. Она была только бледнее прежнего, в глазах было меньше блеска, в движениях меньше живости. Всё это могло быть следствием болезни, скоро захваченной горячки: так все и полагали, в том числе и Татьяна Марковна, и отчасти сама она. При всех она держала себя просто,

Райский был их¹ единственным и неоцененным собеседником.² Обе они привязывались к нему больше и больше, вникая в его простую и добрую душу, в его беспечный, [друж(ественный?)] легкий нрав и стараясь напрасно подвести под какие-нибудь верные данные, под [правила] определения — более или менее точ-

---

обыкновенно, шила, порола, толковала со швеями, писала реестры, счета, ходила в деревню, узнавала, что кто-нибудь трудно болен, носила лекарство, подарки, исполняла поручения бабушки. И никто ничего не замечал. «Поправляется барышня», — говорили люди.

Оставшись одна, она иногда (*в рукописи*: никогда) сидела празднично над работой и, опершись на локоть, тяжело задумывалась. Изредка катились слезы по лицу [Не забота о будущей участи], и глубокая печаль, почти безнадежность глядела ее глазами. Сожаление ли о погибшем счастье, безотрадность ли пустого, бесцветного будущего или ужас ошибки терзали ее — никто не знал да и не догадывался. Она, заслышав чьи-нибудь шаги, быстро схватит работу, подышит в наперсток и шьет.

Мужчина в припадках такой меланхолии обыкновенно выругается, если долго не предвидит выхода из печали; самый терпеливый плюнет с досады. Женщины притворяются и несут покорно тяжесть горя, как горбатый носит свой горб.

[Бабушка знала по опыту, что с горем нельзя разделаться так дешево, и не мешала Вере, не затрогивала больного места, надеясь на время. Да Райский еще заглядывал нескромно в душу Веры и — может быть — не ошибался, читая в ее томном молчании, в матовых зрачках ее — тайную борьбу, последние схватки с удаляющейся, но еще с не побежденной, не забытой страстью, которая сверкала и гремела, уходя, сильными ударами и иногда ослепляла нестерпимым блеском.] Бабушка молча наблюдала и боялась про себя [вслух она боял(ась)], не показывая своей боязни Вере. Райский, наблюдая за ней, думал, что в ней доигрывается последний акт драмы, [еще по временам гремит и блещет удаляющаяся] [еще не рассеявш(ейся?)] еще не утихли порывы удаляющейся страсти, как и в нем изредка. *в.* Вера была бледнее прежнего, в глазах было меньше блеска, в движениях меньше живости. Всё это могло быть следствием болезни, скоро захваченной горячки: так все и полагали вокруг. При всех она держала себя обыкновенно, шила, порола, толковала с швеями, писала реестры, счета, исполняла поручения бабушки. И никто ничего не замечал. «Поправляется барышня», — говорили люди.

Райский, [видя ее задумчивою, заставляя иногда в слезах, думал] замечал также благоприятную перемену в ней и по временам, видя ее задумчивою, замечая иногда блеснувшие и пропадающие слезы, догадывался, что это [след(ы)] были следы удаляющейся грозы, страсти. Он был доволен, и его собственные волнения умолкали всё более и более, по мере того как выживались из памяти все препятствия, раздражавшие страсть, все сомнения, соперничество, ревность.

¹ Слово зачеркнуто.

² Далее вписано: Татьяна Марковны и Веры

ные — [его] капризов его неуловимого воображения, [игры его] изменчивости ощущений его впечатлительной натуры, [ег(о)] игру противоположностей [его] в характере под блеском [внезапных] [внезапно вызываем(ых?)] внезапно сверкавших странных мыслей, вспыхивавших и потухавших побуждений, хотений, намерений, увлечений представлениями, излиятельностью сил творчества в странной,¹ обильной речи, поражающей неожиданностью оборотов, смелостью ума, блеском юмора [или поэзии или задушевностью, задумчивой поэзией его души, звук(ами)] или искренними задумчивыми звуками, исходившими прямо из глубины доброй, страстной и нежной души.²

Вера, по настоянию бабушки, передала ему (сама Татьяна Марковна не могла) [ее] историю ее любви. Райский [целый день] долго не мог опомниться от изумления: ему дан был ключ к загадке. [Он] Ему стало ясно всё в [ее] [это(м)] [бабушке — она стала перед ним [в] колоссальной статуей] колоссальной статуе,³ и⁴ он мысленно преклонял перед ней⁵ колена и гордился ею.⁶ Дня два они почти⁷ избегали⁸ взаимных взглядов: потом [он невольно] каждый шаг его, всё обращение с нею приняло характер глубокого и нежного почтения (л. 40 об.) и сдержанной покорности как перед идеалом женского авторитета.⁹ Возражения на ее слова, прежняя комическая война с ней уступили место [како(му-то)] изысканному [послуш(анию)] уважению к каждому ее слову, желанию и намерению... Даже в движениях его появилась сдержанность, почти до робости. Он не забирался при ней на диван [с н(огами)] прилечь, вставал, когда она подходила к нему, шел за ней послушно в деревню и поле, когда она [объясн(яла)] шла гулять; терпеливо слушал ее объяснения [о хо(зйстве)] по хо-

¹ Далее вписано: всегда

² Текст: Обе они привязывались к нему больше и больше ∞ страстной и нежной души. — *зачеркнуто*.

³ Далее вписано: этой старухи, перед которой

⁴ Слово *зачеркнуто*.

⁵ Исправлено: давно

⁶ Далее вписано: жадно добиваясь источника силы ее характера и [практической] мудрости

⁷ Слово *зачеркнуто*.

⁸ Далее вписано: после признания

⁹ Слова: как перед идеалом женского авторитета — *зачеркнуты*.

зьяйству, [писал] вызывался писать ей счет.¹ Словом, окружил ее знаками того тонкого внимания, каким окружают женщину.²

*Фрагмент чернового автографа главы XII
части пятой (ЧА₅₍₁₂₎)*

(Т. 7, с. 704)

Не пощадил же он ее в минуту слабости. Пощадит ли теперь³ ее положение, немощь. Он даже не понимает, что с ней. Сердца нет: он сам⁴ отрекался от него.⁵

¹ Исправлено: счета

² Фраза исправлена: В его отношения к бабушке невольно проникло то удивление, какое вызывает невольно женщина с сильной нравственной властью *Далее знак отсылки к вписанному на полях тексту*: Это было новое чувство и неожиданное для него самого, как неожиданны были те черты характера Татьяны Марковны, которые вызвали его. Он любил ее до тех пор эгоистически за ее безграничную к нему любовь и ласку, в которой повторялись для него [забы(тые)] выдыхавшиеся из памяти любовь и ласки его матери. Эта же любовь, попечения и ласки еще щедрее изливались в глазах его на двух сирот, его дальних сестер. Наконец, ее практическая жизненная мудрость, неожиданно [бывш(ая?)] вырывающаяся, как живая струя, из-под [рутинной морали] старой жизни, [из] [всё это] ее распорядительность, заботы о маленьком уголке, которым она управляла, ее добродушные черты [скопидомства] как хозяйки, феодалки — всё это подогревало в нем живую семейную симпатию к ней.

[Но он не] [Но у него не было ни] Но во всем этом не было ни малейшего предчувствия [той глубокой силы] того величия характера, той тонкой и высокой гуманности и, наконец, всей прелести силы, в какую облекся мгновенно этот образ [простой] деревенской старухи, когда удар, [пора(звивший)] раздавшийся над нею, вдруг вызвал ее из дрызгов жизни и [мгновенно] вдруг поставил в трудный момент [в пыл грозы] в самый жар битвы с жизнью. И она выдержала ее, устояла там, где падают ничком мелкие натуры, [и в ней полились ответы на] [нашла] [прозвучал сильный аккорд в ответ на] снесла так мужественно и свое, и чужое время.

И явив в себе эту силу, величие, разум, она тут же, на его глазах, мало-помалу опять обращалась в простую женщину, уходила в мелочи жизни, [пряча] как будто пряча свои силы и величие опять — до случая, даже не подозревая, [что она] как она вдруг выросла, стала героиней и какой подвиг совершила.

³ Слово вписано.

⁴ Слово вписано.

⁵ *Вместо этой вписанной на полях со знаком вставки фразы между строк и на полях было: а.* У него нет сердца, следовательно, нет и прямой честности. *б.* У него сердца нет, он сам отрекся от него, следовательно, нет и прямой, искренней честности, а есть искусственная, выдуманная для обихода! *Далее было начато:* нет

Иначе бы он щадил ее, бежал бы и спрятался бы куда-нибудь в темноту, терзаясь за ее и свою слабость, за неумение быть счастливым.

А он щелкает зубами и манит опять в волчью яму! Где же сила, где гордость у него?¹ Соблазняет обжогом страсти, как будто они, эти обжогов,² — и есть счастье.³

Всё это вихрем неслось у ней в голове,⁴ и она то хваталась опять за перо и бросала, то думала пойти сама, отыскать его, сказать ему всё это, отвернуться и уйти — и она⁵ (л. 48) хваталась за мантилью, за косынку, как бывало, когда торопилась к обрыву. И теперь, как тогда, руки напрасно искали мантилью, пальто.⁶ Всё выпадало из рук, и она, обессиленная, садилась на диван и не знала, что делать.⁷

---

¹ *Вместо этой фразы было:* Венчаться! Как будто всё дело в венчанье!

² *Далее было:* а. Начато: счастье(е) б. всё и счастье

³ *Далее было:* а. Мелкий, жалкий, односторонний, [без] слепой, без чутья и слуха, — не прозрел на истину и не дорос до великой, всюду разлитой силы — любви! И [венчать(ся)] зовет венчаться: как будто всё [дело] — в венчанье! «Пойти [сказать ему] увидеть его, сказать ему это», — думала она, хватаясь, как бывало, за мантилью, за пальто, когда торопилась к обрыву. Руки не повиновались ей. Ужас захватывал у ней дух и отталкивал прочь от шкафа с платьем, как от письменного стола. Она стояла бледная, как статуя, тяжело дышала, волнуясь каким-то новым, тяжелым, невыносимым чувством [бессилия *нрзб*] [Она, поверив себя, испы(тывала)] б. Мелкий, односторонний, слепой, без чутья и слуха, — не прозрел на истину и не дорос до великой, всюду разлитой силы — любви! [И это] Это непризнание любви, эти спесь и ломанье перед нею — самолюбие мальчиков, притворяющихся взрослыми! Ужели эта «грядущая сила» и подвиги ее — лишены любви! Стало быть, изгнана жизнь оттуда — о, пустые болтуны. И зовет венчаться: как будто счастье — в венчанье! «Пойти самой, увидеть его, сказать ему это в лицо, отвернуться и уйти...» — думала она, хватаясь, как бывало, [когда] за мантилью, за пальто, когда торопилась к обрыву. Руки не повиновались ей. Та же тяжесть и слабость захватывали у ней дух и отталкивали прочь от шкафа с платьем, как от письменного стола. Она стояла бледная, как статуя, тяжело дышала, томясь каким-то новым, тяжелым, невыносимым чувством. И посылает ли он этих слов, этой тоски. *Текст:* Это непризнание любви ∞ о, пустые болтуны. — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁴ *Далее было:* а. она б. Начато: когда в. Как а.

⁵ *Далее помета:* (На другой стороне.)

⁶ *Далее было начато:* Теперь из

⁷ *Далее было:* Она томилась невыносимым чувством тоски, бессилия, нерешительности, [тоски].

Ей бы хотелось куда-нибудь уйти, далеко, забыть всё, а он напоминает, пишет, зовет, обещает.

Страсть его была и прежде не тайной для нее. Гордости ее не льстили¹ его уступки. Она чувствовала в последних свиданиях, что он сдался бы на всё, что предлагал теперь. Но она мечтала не о сделке:² не благовидный договор был³ идеалом ее счастья. Она бежала не от упрямства его, а от своего разочарования в том, что⁴ человек,⁵ в которого она верила,⁶ и счастье, которого требовала, обратились в призрак. И теперь ей⁷ ничего не нужно, ничего: только забвения и покоя. Она готова была просить этого как милостыни.⁸ Но поверит ли,⁹ послушает ли он ее? Поймет ли, что страсть ее разрешилась безнадежным «обрывом» счастья¹⁰ и что возврат для нее невозможен.¹¹

Две недели прошло — как мало времени! а между тем как много уложилось в них!¹² Перед ней мысленно пронеслась вся история ее казни,¹³ вся драма и все участники и жертвы драмы, всё встало около нее.¹⁴ Она переживала в эти полчаса всё,¹⁵ что совершилось в две недели, что обессилило ее и повергло в тихое оцепенение, не (в) покой, а в дремоту изнеможения.¹⁶ Она всё была, как забывает человек, вышедший из горячки, му-

---

¹ Было: не польстили

² Далее было начато: надеялась на

³ Было начато: мог (быть)

⁴ Далее было начато: а. он был б. не нашла в нем [ид(еала)] своего идеала человека, а только призрак

⁵ Было начато: из человека

⁶ Далее было начато: обратился

⁷ Было: А теперь мне

⁸ Далее было: [Нап(исать)] Послать ему ответ и просить этой милостыни

⁹ Вместо: Но поверит ли — было: Поверит ли

¹⁰ Было: ее счастья

¹¹ Было: и что возврата для нее нет. Текст: Страсть его была ~ и что возврат для нее невозможен. — вписан на полях со знаком вставки.

¹² Далее было начато: Она бегло [в(идела)] п(редставила?)

¹³ Далее было начато: страсть Р(айского)

¹⁴ Вместо: вся драма ~ всё встало около нее — было начато: вся драма и все [лица] [участ(ники)] лица обступили ее. Всё

¹⁵ Вместо: в эти полчаса всё — было: в эту одну минуту

¹⁶ Вместо: и повергло в тихое оцепенение, не (в) покой, а в дремоту изнеможения — было: и держало в [оце(пенении)] тихом оцепенении, не в покое, а в дремоте от изнеможения

чившие его галлюцинации. Марк являлся¹ ей теперь не живым человеком, а как галлюцинация.²

Она только, как в летаргии, видела и понимала,³ что происходит около нее, и не могла сама сдвинуться, пошевелить пальцем.⁴ Она только закрывала глаза от призрака.⁵

В письмах Марка она прежде всего поняла, что он зовет, ждет, грозит прийти сам, — и чувствовала⁶ неловкость положения, страх грубой обиды, огорчения — и то не себе, а бабушке. Этот страх или беспокойство было главным ощущением в ее до того измученном организме,⁷ что она не может даже написать⁸ ему, чтоб отворотить это огорчение.⁹

Да еще видела¹⁰ и понимала она, как во сне, что он¹¹ в письмах манит ее опять к хмельному счастью, надеясь, конечно, что молодой организм не устоит против его искушений,¹² что «убеждения» не удержат наверху, а страсть толкнет ее опять с обрыва¹³ уже навсегда, что даст им счастье, как он его понимает, а не ту несуществующую любовь, в которую она верует.

Он, в своем неверии, не понимал, что эта¹⁴ самая вера ее в любовь¹⁵ оставила в ней только след отравы, заглущивший хмель.¹⁶

Вера чувствовала, кроме страха и беспокойства от его писем, удары,¹⁷ наносимые ее самолюбием, гордо-

¹ Было начато: был

² Вместо: не живым человеком, а как галлюцинация — было: не так, как она [знала] разумела его прежде, а как обманувшая ее галлюцинация Слова: разумела его прежде, а как обманувшая ее галлюцинация — вписаны на полях со знаком вставки.

³ Слова: и понимала — вписаны.

⁴ Далее было: чтоб [ожить] начать жить

⁵ Фраза вписана.

⁶ Далее было начато: страх

⁷ Вместо: было главным ощущением в ее до того измученном организме — было: было самым живым и главным ощущением в ее измученном организме

⁸ Вместо: даже написать — было начато: ни написать

⁹ Слова: что она не может ∞ это огорчение — вписаны.

¹⁰ Было начато: см(отрела)

¹¹ Было: Марк

¹² Слова: против его искушений — вписаны.

¹³ Было: в обрыв

¹⁴ Далее было начато: вер(а)

¹⁵ Далее было начато: только [отравит] отравила ее страстью, дала

¹⁶ Фраза вписана на полях со знаком вставки.

¹⁷ Вместо: кроме страха и беспокойства от его писем, удары — было: после страха и беспокойства о том, что он потревожил ее, еще [горечь] тупые удары

сти, стыдливости¹ — (л. 48 об.) но удары эти казались ей слабы после всей перенесенной муки.²

Она чувствовала какой-то паралич, мешавший ей не только сделать шаг, но даже пожелать чего-нибудь. В эту минуту она сознавала только³ неотложную необходимость дать знать...⁴ этому человеку, которого она даже мысленно перестала звать по имени,⁵ дать ему понять, если он способен понять,⁶ об упадке ее сил, о том, как ей нужна пощада...⁷ чтоб он узнал, как⁸ дико его требование.⁹ Но как¹⁰ дать ему понять? Этого ни понять, ни рассказать нельзя,¹¹ если он сам не понимает, что такое они теперь друг для друга.

Ей всё кажется уже давно прошедшим:¹² совершившийся¹³ переворот был так тяжек и силен, как была сильна сама¹⁴ страсть. Он отнял у ней, вместе с надеждами,¹⁵ все силы¹⁶ — отнял почти охоту жить!

«Как он не понимает, что со мной! — твердила она в изумлении, — и как я скажу ему, а сказать надо! Что сказать?»¹⁷

Разве не ясно всё сказано между ними? Разве не осветился до глубины перед ними — бесконечный разлад?¹⁸ Разве страсть... что такое страсть? Это та борьба, то горение на костре...¹⁹

---

¹ *Далее было: а. Начато:* но слабые, тупые. Они были глухие после уже испытанных и жестоких ран, нанесенных *б.* но удары эти [были] уже глухие и слабые [удары] после перенесенной казни [и всего] *Далее было начато: а.* Она тогда была *б.* Ее поражало удивлением, как он не понимает, что [она] ей и

² *Слова:* но удары эти ∞ муки — *вписаны на полях.*

³ *Слово вписано.*

⁴ *Далее было начато:* Ма(рку)

⁵ *Далее было:* что... что... Что она даст ему знать? что скажет?

⁶ *Далее было:* о том перевороте, который совершился с ней

⁷ *Далее было начато: а.* чтоб он *б.* и как нев(озможно)

⁸ *Далее было начато:* невозможно всё, что он

⁹ *Далее было начато: а.* как *б.* Ужели он

¹⁰ *Далее было начато:* ска(зать)

¹¹ *Далее было начато:* для нее это

¹² *Далее было начато:* до того т(ажек)

¹³ *Слово вписано.*

¹⁴ *Слово вписано.*

¹⁵ *Было:* вместе с надеждой

¹⁶ *Далее было начато:* не только

¹⁷ *Текст:* об упадке ее сил ∞ Что сказать?» — *вписан на полях со знаком вставки.*

¹⁸ *Вместо:* бесконечный разлад — *было:* не бесконечная любовь, а

¹⁹ *Далее было: а.* Видеться! Да разве это можно? Вера не постигала возможности видеться, не могла, чувствовала, что не могла бы ника-

Предлагает венчаться, когда она не постигает возможности видеться?¹

Едва она представит себя на скате обрыва, потом внизу, ее одолевает уже тягость. Она теперь знает, что при свидании она упала бы без чувств, не могла бы взглянуть² на него, сказать слово³ — не от ненависти, она его не ненавидит, ни в чем не обвиняет, не жалуется и не ропщет, даже про себя,⁴ а от необъяснимой ей самой и непреодолимой⁵ тоски, от⁶ какого-то неизвестного ей, но жестокого⁷ страдания. Человек, которого зовут Марк Волохов, как будто не существовал никогда, стал для нее каким-то мифом. Чем она больше вдумывалась⁹ в свое настоящее¹⁰ положение в эти две недели, тем он уходил от нее дальше, бледнел, исчезал, отчуждался,¹¹ будто умирал,¹² (л. 49) и около нее вставали толпой¹³ и росли¹⁴ и закрывали прошлое брат Борис, Тушин, бабушка, Марфинька, весь домашний мир.¹⁵

кими силами принудить себя к этому, как не могла принудить написать, не зная, что написать, [не с(лушалось?)] перо падало из рук. Ей было душно. б. А она не постигает возможности даже видеться, никакими силами принудить себя к этому, как не могла принудить написать, не зная, что и как написать, перо падало из рук. Ей было душно. Она не дошла бы до обрыва теперь.

¹ Фраза вписана между строк и на полях со знаком вставки.

² Было начато: сказ(ать)

³ Слова: сказать слово — вписаны.

⁴ Далее было начато: но не могла бы видеть его и [говорить с ним] выговорить слова

⁵ Вместо: и непреодолимой — было: неизвестной, но непреодолимой

⁶ Слово вписано.

⁷ Слова: но жестокого — вписаны.

⁸ Вместо: не существовал никогда, стал — было: а. как будто не существовал, был б. Начато: как будто про(пал)

⁹ Далее было начато: тем он

¹⁰ Вместо: в свое настоящее — было: в прошлое и настоящее

¹¹ Было: отчуждался от нее

¹² Вместо: умирал — было: умирал для нее

¹³ Слово вписано.

¹⁴ Далее было начато: выше и в(ыше)

¹⁵ Далее было: а. Она удивлялась, как он не понимает и не разделяет этих чувств, как настаивает видеться, как у него поворачивается перо писать о счастье! Отчего он не делает того же самого, что она: как не бежит прочь, как достает у него силы взглянуть на нее? Она побледнела при одной мысли взглянуть на него, и кажется, встретившись нечаянно, занемогла и слегла бы в постель. Их путь — противоположный один от другого, в разные стороны. А между тем ей надо дать знать ему обо всем, что [слу(чилось)] произошло с ней и около нее. [Она чувствовала отращение.] Этот шаг был необходим, а она

Ее могло бы успокоить одно — ни слуху ни духу о нем. А ей надо уведомлять его — видеть или писать. Она¹ не может не только писать, даже продиктовать.² На свидание ее надо бы было нести.³

Что делать? (л. 49 об.)

*Фрагмент черного автографа главы XIX
части пятой (ЧА₅₍₁₉₎)*

(Т. 7, с. 741—742)

Ты станешь доказывать, что это неправда, — и, пожалуй,⁴ докажешь. Оно⁵ и нетрудно: стоит только справиться, где был Иван Иванович в этот вечер? Если он был за Волгой — у себя,⁶ тогда люди спросят, где же правда? с кем она гуляла?⁷ И если доберутся... Боже сохрани! Нет, пусть⁸ лучше пока⁹ говорят, что она гуляла с тобой, — тут беды нет! А вот¹⁰ что будет дальше — я и не знаю! Ты что ей! Она спрячется за тебя на минуту, а дальше?¹¹

Райский бросился на кресло.¹²

чувствовала отвращение и к нему. [Ей бы(ло?)] Ее могло бы успокоить одно: ни слуху ни духу об этом человеке и чтоб он [никогда] забыл ее навсегда [чтоб]: ее лицо, имя и всё происшедшее. А он говорит о какой-то страсти, о каком-то счастье, зовет ее? б. У него поворачивается перо писать о счастье! Отчего он не делает того же, что она: не бежит прочь, как достает у него сил взглянуть на нее? Как он не понимает, что их путь — противоположный один от другого, в разные стороны, путь без конца, без встречи, что этот шаг был необходим, а она чувствовала отвращение и бессилие сделать этот шаг. Ее могло бы успокоить одно: ни слуху ни духу об этом человеке и чтоб и он забыл ее лицо, имя и всё происшедшее!

¹ *Было*: Но она

² *Далее было*: потому что нечего ей сказать

³ *Текст*: Ее могло бы успокоить одно ∞ надо бы было нести. — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁴ *Было*: положим

⁵ *Было*: Это

⁶ *Текст*: Оно и не трудно ∞ у себя — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁷ *Слова*: с кем она гуляла? — *вписаны.*

⁸ *Далее было начато*: ска(жут)

⁹ *Слово вписано.*

¹⁰ *Далее было*: что дальше?

¹¹ *Текст*: Боже сохрани! ∞ а дальше? — *вписан на полях со знаком вставки.*

¹² *Вместо*: бросился на кресло — *было*: отчаянно сел на кресло

— Что же делать! — сказал он с отчаянием. — Вы знаете ли, что я предлагал Вере¹ выйти за меня... когда узнал всё... Она и слушать не хотела.² (л. 12)

— Где у тебя ум-то был! Что она тебе за невеста! Хоть дальняя — да всё же родня! Нехорошо, нехорошо в своем роде в союз вступать...

— Это, бабушка, был бы, так сказать, политический брак — я бы дал ей свободу, если б она не полюбила меня...

— Брак один — и причина одна брака — любовь и союз! — строго сказала бабушка. — Других браков Бог не благословляет. И Вера так же понимает: это ты пустяки выдумал, и нельзя и не нужно.

Райский молчал.

— Что ж делать? — повторил он в тоске за Веру.³

— Что Бог даст, — в глубокой печали шептала⁴ бабушка. — Бог судит людей через людей, и пренебрегать их судом нельзя. Надо смириться! Видно, мера еще не исполнилась...⁵

Райский ходил по кабинету.⁶ Оба молчали, сознавая каждый про себя затруднительное положение дела. Общество заметило только внешние признаки какой-то драмы⁷ в одном углу. Отчуждение Веры,⁸ постоянное поклонение Тушина, независимость Веры от авторитета бабушки — оно знало всё это и привыкло.⁹ Но к этому¹⁰ прибавилось какое-то туманное пятно: суетливость Райского около Веры замечена уже была давно и даже дошла до слуха Ульяны Андреевны, которая и намекнула ему об этом в свидании.¹¹ Крицкая тоже заметила и, конечно, не была скромна на этот счет.¹² Почтительное

¹ Было: ей

² Далее было: Что делать? — повторил он.

³ Текст: — Где у тебя ум-то был! ∞ в тоске за Веру. — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁴ Было: сказала

⁵ Далее было: Вера была горда... Господи! меня за нее накажи!.. — шептала она, — я вынесу...

⁶ Далее было: и не [слыхал] слушал ее религиозных размышлений

⁷ Вместо: какой-то драмы — было начато: дра(мы)

⁸ Вместо: в одном углу. Отчуждение Веры — было: в одном углу, [болез(нь)] отчуждение Веры, ее болезнь, появление Райского

⁹ Слова: и привыкло — *вписаны.*

¹⁰ Было: К этому

¹¹ Слова: в свидании — *вписаны.*

¹² Вместо: не была скромна на этот счет — было: не молчала

поклонение Тушина замечали давно — и не одна Татьяна Марковна прочила его в женихи Вере: в городе вообще ожидали двух событий: свадьбы Марфиньки с Викентьевым, что и сбывалось, и — в перспективе — свадьбы Веры с Тушиным. А тут вдруг,¹ против ожидания,² произошло что-то непонятное. Вера³ явилась на минуту в день рожденья⁴ сестры, не сказала ни с кем почти ни слова и скрылась с Тушиным в сад, откуда ушла к себе, а он уехал, почти не простясь. После этого Вера объявлена была больною, заболела и сама Татьяна Марковна, дом был на заперти: никого не принимали. Райский ходил как угорелый, бегая от всех, доктора неопределенно говорили о болезни... О свадьбе ни слуху ни духу.⁵ Общественное мнение требовало отчета, чтоб произнести свой суд.

И Татьяна Марковна, и Райский чувствовали тяжесть положения и боялись этого суда⁶ — конечно за Веру. Вера не боялась, да и не знала ничего. Не до того ей было. Ее поглощала своя внутренняя тревога, и она все силы свои устремила на ее успокоение.⁷

— Бабушка!⁸ — вдруг сказал Райский⁹ после долгого молчания,¹⁰ — прежде всего надо вам самим сказать всё Ивану Ивановичу. Как¹¹ он примет эту сплетню — он ее герой — он и судья¹² — как он решит, так¹³ и поступите. А его суда не бойтесь:¹⁴ я теперь знаю его:¹⁵ он решит правильно. Вере¹⁶ он зла не пожелает: он ее любит — я видел это,¹⁷ хотя мы ни слова о ней не сказали.

¹ Было: И вдруг

² Слова: против ожидания — вписаны.

³ Далее было: объявлена больною, между тем

⁴ Было: в рожденье

⁵ Фраза вписана.

⁶ Вместо: чувствовали тяжесть положения и боялись этого суда — было: оба чувствовали тяжесть положения и оба молчали.

⁷ Текст: Оба молчали ∞ на ее успокоение. — вписан на полях со знаком вставки.

⁸ Было начато: — Пр(ежде)

⁹ Было: он

¹⁰ Слова: после долгого молчания — вписаны.

¹¹ Было: А как

¹² Слова: он ее герой — он и судья — вписаны на полях со знаком вставки.

¹³ Далее было начато: мы

¹⁴ Было: А его не бойтесь

¹⁵ Слова: я теперь знаю его — вписаны.

¹⁶ Было: И Вере

¹⁷ Далее было: по всему

Он и сюда теперь приехал со мной — потому что встретился вашим письмом ко мне... конечно за нее.¹ А потом² уж я побываю у Полины Карповны, а может быть, повидеюсь и с Тычковым.

— Я не хочу,³ чтоб ты виделся с Тычковым, — сказала Татьяна Марковна.

— Бабушка! Нельзя оставить...

— Я не хочу, Борис! — сказала она так решительно⁴ и строго, что он наклонил голову⁵ и не возразил более ни слова. — Ничего хорошего из этого не выйдет. Ты сейчас придумал, что нужно сделать: да, сказать прежде всего Ивану Иванычу:⁶ ему решать, а потом увидим, надо ли тебе⁷ идти к Тычкову или Крицкой. Попроси его ко мне, а Вере не говори ни слова. Она ничего еще не знает — и дай Бог, чтоб не узнала!

— За нее не тревожьтесь: за себя она не испугается, но примет⁸ сильно <л. 13> к сердцу, если⁹ Иван Иваныч¹⁰ будет огорчен... Позвольте мне побывать кое у кого в городе, пока вы переговорите с Тушиным, я бы узнал кое-что...

— Завтра, Борис,¹¹ я тебе скажу, у кого надо... побывать...¹² — сказала она,¹³ — а до тех пор ни слова. Поди же, попроси сюда Ивана Ивановича. Ах, Боже мой! — говорила она почти с отчаянием про себя: тут свадьба на носу — и эти беды подошли! Где взять сил!

Она задумалась. Райский молчал.¹⁴

---

¹ Слова: конечно за нее — вписаны на полях со знаком вставки.

² Было начато: А я потом

³ Было: — Я запрещаю

⁴ Вместо: так решительно — было начато: таким внушительным(ым)

⁵ Далее было начато: в знак пови(новения)

⁶ Далее было начато: а потом и

⁷ Слово вписано.

⁸ Далее было: к сердцу

⁹ Далее было начато: случи(тся)

¹⁰ Было начато: Т(ушин)

¹¹ Далее было: — теперь побудь с Верой —

¹² Вместо: я тебе скажу, у кого надо... побывать... — было: а. Начато: я тебе дам поручение, а теперь по(дожди) б. я тебе скажу, у кого надо побывать...

— У кого?

— Завтра скажу, а теперь побудь с Верой, развлеки ее в. а теперь подожди

¹³ Далее было: таинственно

¹⁴ Далее было: Вдруг она выпрямилась.

— А ведь найду силу — если плохо повернется, — сказала она. — Вынесла главное [зло], вынесу и остальное. Что мне эти сплетни,

— А ведь вынесу! — сказала она, вдруг подняв голову. — Вынесет ли Вера, если... Боже сохрани, Боже сохрани! Ивана Ивановича ко мне!¹ Не так и не о том бы хотела я говорить с ним! — подумала она и села в свое кресло, склонив голову и сложив руки на груди.² — Ты³ теперь побудь с Верой, развлеки ее, — сказала она.⁴ — Я эти дни избегала ее, чтоб как-нибудь она не заметила⁵ моей тревоги. Никого к ней не пускала, боялась, чтоб письма какие-нибудь не дошли до нее, — и вот, признаюсь, перехватила две записки от Полины Карповны: вот они. Я прочла⁶ их, думала, что она ей передает там⁷ сплетню, а та всё о тебе справляется, скоро ли ты воротишься и будешь ли кончать портрет? Вера не посетует на меня за нескромность: она сама⁸ бросает эти записки по столам и по полу.

— Кстати о портрете, — вспомнил⁹ Райский.¹⁰ — Я пойду рисовать Веру. Мне надо скорее¹¹ кончить ее и ваш портрет.

— Ну уж, хороши мы с ней обе! — сказала бабушка, — есть что рисовать.

Она вздохнула. Райский ушел к Вере, а к Татьяне Марковне, на смену ему, явился Тушин.¹² (л. 14)

если б не Вера! Ивана Ивановича ко мне, — сказала она [решительно] и стала опять бодра, сильна [и решительна].

¹ *Вместо этой фразы было начато:* Пошли ко мне

² *Текст:* сказала она, — а до тех пор ни слова. ∞ и сложив руки на груди. — *вписан на полях со знаком вставки.*

³ *Слово вписано.*

⁴ *Слова:* сказала она — *вписаны.*

⁵ *Было начато:* не до(гадалась)

⁶ *Вместо:* вот они. Я прочла — *было:* и прочла

⁷ *Слово вписано.*

⁸ *Слово вписано.*

⁹ *Было начато:* ск(азал)

¹⁰ *Слова:* вспомнил Райский — *вписаны.*

¹¹ *Слово вписано.*

¹² *Далее черточка, обозначающая конец главы.*

— Позвольте, Иван Иванович, кончить. Теперь, когда я вам пересказала о нашем положении, я предоставляю вам и средство выйти из него. Вам легко это сделать: стоит только сказать, что вы делали предложение и получили отказ, что это поразило меня, я занемогла. Вера была в отчаянии от моего горя — тем и кончилось бы, если б ничего не было больше. Но... [вы], — Татьяна Марковна отворотилась от него, — вы знаете всё... в тот вечер, накануне дня рождения Марфиньки...¹ (л. 16)

— Знаю. Оставьте это! — с кротким нетерпением сказал Тушин...

— Борюшка был там, искал Веру, за ним полпелась Крицкая и разболтала о каком-то свидании... И вот оттуда, с этого² проклятого обрыва, и поднялась туча и всех нас покрыла.³ Вам теперь, Иван Иванович,⁴ — решительно заключила Татьяна Марковна, — надо прежде всего [очистить себя] выгородить себя: вы были чисты всю жизнь, таким должны и остаться... [Теперь] Подите же к Тычкову и скажите, что вас не было в тот вечер здесь... Вы имеете право — а мы [с] [Господи,

---

¹ Слова: в тот вечер, накануне дня рождения Марфиньки — зачеркнуты.

² Исправлено: со дна этого

³ Текст: Теперь, когда я вам пересказала ∞ и всех нас покрыла. — исправлен: Это не всё. Борис Павлович вечером, накануне дня рождения Марфиньки, пошел искать Веру...

Она остановилась.

— Оставьте это. Что же дальше? — спросил Тушин.

— За ним потащилась Крицкая: она ничего не знает — заметила только, что Борюшка взволнован... У него вырвались какие-то слова о Верочке... Полина Карповна приняла их на свой счет. Ей, конечно, не поверили — знают ее, и теперь [ищут] добиваются правды — с кем была она в роще... Со дна этого проклятого обрыва поднялась туча и покрыла всех нас... и вас тоже [, Иван Иванович].

Она замолчала.

— Что же про меня говорят? — спросил Тушин.

— Что в этот вечер Вера была там, в роще, внизу, с кем-то... говорят, с вами...

[Тушин молчал] Она замолчала.

— Что же вам угодно, — спросил он покорно, — чтоб я сделал?

— Надо сказать, что было, правду...

⁴ Имя зачеркнуто.

если б не свадьба... [не(деля)] Через неделю еще... Волга, того и гляди, встанет... — про себя говорила Татьяна Марковна... Мы] после свадьбы тотчас уедем с Верой¹ в Новоселово, ко мне, навсегда. Скажите же Тычкову,² что вас не было в городе и, следовательно, и в обрыве быть не могли.³

— Я скажу⁴ ему, что я был в городе, потому что это правда, — я не за Волгой был — и скажу,⁵ что я был и в обрыве⁶ с Верой Васильевной...⁷ если вы, Татьяна Марковна, и если Вера Васильевна согласятся...⁸ Она не соглашается... Я намекнул только — она даже и понять не хочет...

— Чего,⁹ Иван Иванович?¹⁰

— Выслушать опять мое предложение...¹¹

Татьяна Марковна [даже] [встала с кресел и] [вдруг] изменилась в лице.

— Иван Иванович! [За кого вы нас счит(аете?)] — сказала она только. — Да разве можно на это согласиться: за кого вы нас считаете с ней! Воспользоваться вашей слабостью¹² к ней и великодушием, чтоб потом всю

---

¹ Текст: Подите же к Тычкову ∞ после свадьбы тотчас уедем с Верой — исправлен: А мы с Верой, после свадьбы Марфиньки, тотчас уедем.

² Исправлено: Спешите же к Тычкову и скажите

³ К этой фразе знаком отнесена вставка на полях: — А если б я не так сказал...

— Как знаете, Иван Иваныч: вы — судья, вы и решайте. Что другое могли бы вы сказать?

⁴ Исправлено: — Я сказал бы

⁵ Исправлено: и сказал бы

⁶ Далее вписано: хоть это и неправда

⁷ Далее вписано и зачеркнуто: и там получил отказ

⁸ Исправлено: согласились бы Далее знак отсылки к тексту, вписанному на полях: а. Начато: и прибавил бы, что... получил не отказ, а обещание, хоть отдаленное, что б. и прибавил бы, что получил отказ, но не решительный, а неопределенный ответ, что это огорчило меня и вас — так как вы были за меня, и что и Вера Васильевна сами огорчились — и потом всё остановилось на отдаленном обещании...

⁹ Исправлено: — Обещание чего

¹⁰ Далее вписано: спросила Татьяна Марковна.

¹¹ К фразе: — Выслушать опять мое предложение... — знаком отнесена вставка на полях: — Вы хотите отсрочить, — сказала она задумчиво, — то есть что было сватовство, [что] не сладилось, потом разошлось... Да! можно и так. Ведь не отстанут после, будут ждать, спрашивать: скоро ли, когда... обещание не век будет обещанием...

— Потом его исполнить... — тихо сказал Тушин.

¹² Текст: Да разве можно ∞ Воспользоваться вашей слабостью — исправлен. Да разве можно на это согласиться: за кого вы нас считаете с ней! Чтобы заглушить — не сплетню, а горькую правду — для это-

жизнь ни вам,¹ (л. 17) ни ей покоя не было... Я не ожидала этого от вас...

— Напрасно! — сказал он,² — я думал, слушая эту сплетню,³ об вас,⁴ что вы затем меня и позвали, чтоб коротко и ясно сказать: «Иван Иванович, и ты тут запутан⁵ — выгороди же себя и ее вместе». Вот тогда бы я прямо, как Викентьев, назвал бы вас бабушкой и стал бы на колени перед вами. Да оно бы так и было, — сказал он с уверенностью, — простите, Татьяна Марковна, а у вас дело начнется обыкновенно с старого обычая, с старых правил⁶ да с справки о том,⁷ что скажут [и ка(к)], а собственный ум и сердце⁸ [и как начать дело]... Вот и теперь так,⁹ Татьяна Марковна, если б только одни вы были замешаны: с Верой Васильевной мудрено ладить... Не смею даже заикнуться теперь... А говорите, что после вас — любит меня больше всех...

— Она любила [вас] вас всегда, Иван Иваныч, это я знаю, да не так... как надо для... Несчастье!

го воспользоваться вашей прежней слабостью *Слова*: Чтобы заглушить ∞ для этого — *вписаны на полях со знаком вставки*.

¹ *Исправлено: а. Начато:* и потом на всю жизнь лишить вас б. и потом чтоб всю жизнь ни вам

² *К этим словам знаком отнесена вставка на полях:* никакого великодушия тут нет

³ *Исправлено:* когда вы рассказывали эту сплетню

⁴ *Слова:* об вас — *зачеркнуты*.

⁵ *К словам:* и ты тут запутан — *знаком отнесена вставка на полях, по-видимому, ошибочно частично зачеркнутая:* [ты делал предложение] — вышло некстати

⁶ *В рукописи ошибочно:* правилах

⁷ *Далее вписано:* как было, да

⁸ *К словам:* Да оно бы так и было ∞ а собственный ум и сердце — *знаком отнесена вставка на полях:* придут после. Вот если б с них начать прямо, тогда бы у вас этой печали не было, а у меня было бы меньше седых волос, а Вера Васильевна...

Он остановился, как будто опомнившись.

— [Простите меня] Виноват, Татьяна Марковна: я взялся не за свое дело. Решаю и за Веру Васильевну — а вся сила в ней!

[Он опечалился.]

— Вот видите, без моего «ума и сердца», сами договорились до правды, Иван Иванович. Мой «ум и сердце» говорили давно за вас — да [судьба] не судьба!

[Он вздохнул.]

— Она мне [недавно] и прежде еще говорила, что после вас, Татьяна Марковна, ближе всех к себе считает меня, называла другом, любила...

— И любит, Иван Иванович, [только это я] я знаю, да].

⁹ *Исправлено:* Так было

— Это я знаю! — понурился, сказал он, — я и не напрашиваюсь на то счастье, на ту любовь...¹

— Стало быть, вы из жалости взяли бы ее,² а она вышла бы за вас ради вашего... великодушия...³ Честно и правильно это?

— И честно, и правильно, если она — чувствует ко мне, что говорит. А она говорит правду:⁴ она любит меня «как человека» и, может быть... полюбила бы... как доброго мужа... когда-нибудь.⁵

— Иван Иванович! Вам-то что этот брак принес бы...⁶

— Что он принес бы мне? — (л. 18) вдруг сказал Тушин,⁷ вставая и выпрямляясь во весь рост.⁸ — Счастье, Татьяна Марковна, на всю жизнь.⁹ А я, может быть, проживу еще лет пятьдесят! Если не пятьдесят, [двадцать] десять,¹⁰ двадцать лет счастья, да¹¹ какого! [Если б я] [Я] Даже не женой моей, [а [в] уже видеть ее] [Я и] а просто видел бы ее хоть раз в неделю — я бы был живой человек — а женой! А вы говорите, что я каялся бы!¹² (л. 19)

---

¹ Текст: Вот и теперь так ∞ на ту любовь... — зачеркнут.

² Далее вписано: теперь

³ Далее вписано: Того ли хотите вы?

⁴ Исправлено: не солжет

⁵ Слова: и, может быть ∞ когда-нибудь — исправлены: и говорит — это ее слова — ценит, конечно, больше, нежели я стою, — стало быть... полюбила бы... со временем как доброго мужа... А разве этого мало?

⁶ Далее вписано: сколько горя... Ах, Боже мой!

⁷ Текст: — Что он принес бы мне? — вдруг сказал Тушин — исправлен: — Я не мешаюсь ни в чьи дела, Татьяна Марковна, вижу, что вы убиваетесь горем, — и не мешаю вам: зачем же вы хотите думать и чувствовать за меня? — сказал вдруг Тушин [и крепко схватил Татьяну Марковну за обе руки]. — Позвольте мне самому знать, что принесет мне этот брак.

⁸ Слова: вставая и выпрямляясь во весь рост — зачеркнуты.

⁹ Далее вписано: вот что

¹⁰ Исправлено: хоть десять

¹¹ Исправлено: и

¹² Текст: Даже не женой моей ∞ что я каялся бы! — зачеркнут.

Накануне¹ отъезда Райского в Малиновку приехали проводить его молодые Викентьевы с матерью да Гушин. У него в комнате² разложены и развешаны были платье, белье, обувь и другие вещи, а стол загроможден был портфелями, рисунками, тетрадами, которые он готовился взять с собой.³ Два-три последние дня⁴ перед отъездом он собрал и пересмотрел⁵ все свои материялы и привел в порядок программу романа.

¹⁰ — Теперь писать! — сказал он, садясь⁶ ночью, которую в последний раз проводил под родным кровом,⁷ за письменный стол против зеркала. — Начну здесь, на месте действия, хоть одну главу напишу — а потом⁸ вдалеке, когда отодвинусь от этих лиц, от своей страсти, от всех этих драм⁹ и комедий, — картина их виднее будет издалека.¹⁰ Даль оденет их в лучи поэзии: я буду видеть одно чистое создание творчества, без примеси реальных мелочей. Да, да, писать, писать!

²⁰ Он проворно¹¹ взял чистый лист бумаги и наверху крупными буквами с кудрявыми украшениями написал:

ВЕРА

Роман в... двух... или трех частях¹²

---

¹ *Далее было начато:* назначенного к отъезду дня

² *Далее было:* приготовлены

³ *Далее было начато:* За два

⁴ *Было начато:* Два по(следние)

⁵ *Далее было начато:* св(ои)

⁶ *Далее было:* за стол

⁷ *Слова:* которую в последний раз проводил под родным кровом — *вписаны на полях со знаком вставки.*

⁸ *Далее было начато:* спряч(уть)

⁹ *Было:* от всей этой драмы

¹⁰ *Вместо:* вдалеке, когда отодвинусь ∼ картина их виднее будет издалека — *было:* удалюсь от этих мест и лиц, и они живее встанут в моей голове *Слова:* от всех этих драм и комедий ∼ издалека. — *вписаны на полях со знаком вставки.*

¹¹ *Слово вписано.*

¹² *Было:* Роман в двух частях

Потом положил перо и задумался о том,¹ кому посвя-
тить.² Он перебрал бегло листки и лежавшие перед ним
программы — и почти на каждой странице видел имена
Софьи, Наташи, Веры, Марфиньки,³ Татьяны Марков-
ны и прочих, и прочих, и прочих⁴ — всё женщин,⁵ куда
ни погляди, — или гимны им, или⁶ их страсти, их красо-
та и падение, муки и радости,⁷ или призывы к добру,
к правде, к любви⁸ и полному человеческому счастью!
Везде женщины! Всё сочинение и сам он проник-
нуты поклонением, любовью или дружбой к ним:⁹ кому 10
же, как не им, посвятить свое создание? И он быстро
написал:

Посвящается русской женщине

— Теперь эпиграф: он давно готов, — шепнул он и
написал прямо из памяти (л. 53) стихотворение Гейне и
перевод, сделанный им недавно:¹⁰

Nun ist es Zeit, dass ich mit Verstand
Mich aller Thorheit entled'ge,
Ich hab'so lang, als ein Komödiant
Mit dir gespielt die Komödie.

20

Die prächt'gen Coulissen, sie waren bemalt
Im hoch romantischen Stile,

и т. д.

---

¹ *Вместо:* Потом положил перо и задумался о том — *было:* И за-
думался

² *Далее было начато:* Ко(му?)

³ *Было:* имя Веры, Софьи, Марфиньки, Наташи

⁴ *Слова:* Татьяны Марковны и прочих, и прочих, и прочих —
вписаны на полях со знаком вставки.

⁵ *Было:* всё женщины

⁶ *Далее было начато:* бол(и)

⁷ *Вместо:* или их страсти, их красота и падение, муки и радо-
сти — *было:* или страсть по ним, боли с муками и радостями

⁸ *Было:* к человеческой любви

⁹ *Вместо:* поклонением ∞ к ним — *было:* любовью к ним

¹⁰ *Было начато:* Потом взял [с] со стола небольшого формата
книжку — это была «Buch der Lieder» («Книга песен» — *нем.*) Гейне —
и выписал оттуда следующее (л. 53) стихотворение, которому еще
прежде сделал пере(вод) *На полях незачеркнутый и незаконченный ва-
риант:* Он под посвящением написал наизусть следующее, а вслед
за тем

Перевод

Довольно! Пора мне забыть этот вздор!
Пора воротиться к рассудку!
Довольно с тобой, как искусный актер,
Я драму разыгрывал в шутку.

Расписаны были кулисы пестро,
Я так декламировал страстно;
И мантии блеск, и на шляпе перо,
И чувство — всё было прекрасно!

10   Теперь же, хоть бросил я это тряпье,
Хоть нет театрального хламу, —
Всё так же болит еще сердце мое,
Как будто играю я драму.

И что за поддельную боль я считал,
То боль оказалась живая —
О Боже, я раненный насмерть — играл,
Гладиатора смерть представляя!

Он перечитал,¹ сильно вздохнул и, положив локти на стол, подпер руками щеки и смотрел на себя в зеркало. Он всматривался в себя, находя, что прежних живых красок не было.² Не даром обошлись ему эти полгода. Вон и седые волосы заметно серебрятся. Он приподнял густые пряди черных волос и не без грусти видел, что они редеют, что³ их темный колорит мешается с белым.⁴

20   — Да, «раненный насмерть — играл Гладиатора смерть...» — шепнул он и, взяв перо, написал⁵ после эпиграфа крупными буквами:

Предисловие

В это время вошел Егорка спросить, в котором часу будить его. Райский махнул ему рукой, чтоб оставил, сказав, что будить (л. 54) не надо, что он встанет сам, а может быть, и вовсе не ляжет, потому что у него «много дела».

Егор за ужином пересказал это девушкам, прибавив, что барин собирается, должно быть, опять «чудить»

---

¹ *Далее было:* и

² *Вместо этой фразы было:* Он сильно похудел, живых красок не было.

³ *Далее было начато:* в

⁴ *Вместо:* что их темный колорит мешается с белым — *было:* мешают свой темный колорит с белым

⁵ *Далее было начато:* под эп(играфом)

ночью,¹ как бывало² в начале осени, и приглашал их, а также и Якова, посмотреть³ из коридора в щель, которую он нарочно оставил незамазанною «для этого самого дела».⁴ «Это очень занятно, — заключил он, — как он там чудно⁵ девствует, — жалко, а иной раз и страшно станет!» Те приняли приглашение и после ужина пошли.⁶

Райский продолжал «девствовать». Он сидел,⁷ опершись щекой на руку, и задумчиво смотрел то на лежащее перед ним начало романа, то на себя в зеркало. Перо лежало подле и ожидало вдохновения.

«Женщины!»⁸ Вами вдохновлен этот труд, — вдруг схватив перо, начал он проворно писать,⁹ — вам и посвящается! Примите его благосклонно. Если его встретит вражда,¹⁰ кривые толки,¹¹ недоразумения — вы поймете и оцените, что водило моими чувствами, моей фантазией и пером!¹² Я отдаю и свое создание, и себя самого под вашу могущественную защиту и покровительство! От вас только и ожидаю „наград“, — написал он и, зачеркнув, поставил: „одобрения“, опять зачеркнул и написал: „снисхождения“.

Долго ходил я, как юродивый в мире, между вами¹³ с диогеновским фонарем, отыскивая в вас черты нетленной красоты для своего идеала,¹⁴ для своей статуи».

Он зачеркнул: «статуи» — и написал: «трех статуй».

«Их будет¹⁵ три, — подумал он, — бабушки, Марфиньки и Веры».

«Да, юродивым! Осыпaeмый градом оскорблений,¹⁶ преследуемый смехом, сожалениями, я¹⁷ одолевал пре-

¹ Слово вписано.

² Слово вписано.

³ Далее было: в щель

⁴ Было: которая осталась «для этого самого дела» незамазанною

⁵ Слово вписано.

⁶ Далее было: А Райский продолжал «девствовать».

⁷ Далее было начато: склонив

⁸ Далее было начато: Вам

⁹ Вместо: вдруг схватив перо, начал он проворно писать — было: писал он

¹⁰ Далее было начато: неправ(ильные)

¹¹ Далее было: недостойные подозрения

¹² Фраза вписана на полях со знаком вставки.

¹³ Слова: между вами — вписаны.

¹⁴ Далее было: красоты

¹⁵ Слово вписано.

¹⁶ Далее было начато: скакал

¹⁷ Слова: преследуемый смехом, сожалениями, я — вписаны на полях со знаком вставки.

грады, собирал¹ ваши черты, взгляды, речи, слова,² под-
глядывал и слушал ваши страсти,³ падал сам,⁴ увлекаясь⁵
вами,⁶ и вставал⁷ опять,⁸ сильнее, энергичнее,⁹ и всё
звал вас туда, на высокую¹⁰ гору, искушая¹¹ вас¹² не дья-
вольской заманкой, обольщая не царством суеты,¹³ звал
именем другой силы... (л. 55) И вот — вы передо мной!¹⁴

И впереди мне снится группа моих трех статуй, в ко-
торых¹⁵ отразились¹⁶ перлы вашей красоты, ваших¹⁷ луч-
ших сил, ваши божественные прелести, ваша любовь —
эта женская мудрость!¹⁸ Мне снится чудный сон.¹⁹ Чуд-
ные создания! Вдохновите меня, дайте силу, чтоб из²⁰
слабых рук моих вышло чистое создание женщины, та-
кое создание, чтоб дрогнули русские женские сердца от
гордости и счастья,²¹ узнавши в том создании²² свои
черты, свою таинственную²³ прелесть красоты, свою²⁴
силу!...²⁵

Долго буду я работать в своей темной мастерской —
и когда наконец, измученный, положивший²⁶ все силы

---

¹ Далее было: черты, слова

² Далее было начато: ва(ши)

³ Далее было: падения

⁴ Далее было начато: а. вст(авал) б. ради вас

⁵ Было начато: увлекаемый

⁶ Слова: увлекаясь вами — вписаны.

⁷ Было: вставал

⁸ Далее было начато: чтобы

⁹ Слова: сильнее, энергичнее — вписаны на полях со знаком вставки.

¹⁰ Далее было: но не дьявольскую

¹¹ Было: обольщая

¹² Далее было: не царством суеты

¹³ Далее было: а

¹⁴ Фраза вписана.

¹⁵ Было: где

¹⁶ Далее было начато: ваши лучшие

¹⁷ Далее было: сил

¹⁸ Слова: ваша любовь — эта женская мудрость! — вписаны.

¹⁹ Далее было начато: Из

²⁰ Было: из-под

²¹ Вместо: вышло чистое создание женщины ~ от гордости и сча-
стья — было: вышло чистое создание русской женщины, чтоб дрогну-
ли ваши сердца гордостью и счастьем

²² Далее было: а. свои черты б. ваш ум, ваше сердце

²³ Было: таинственную

²⁴ Было: вашу

²⁵ Далее было начато: а. Вы поймете, какую любовью любил я вас
б. И когда, замирая от ужаса, худо(жник)

²⁶ Было начато: отдавш(ий)

туда, я в ужасе шепну: „готово”, когда сниму перед вами покров с трех статуй,¹ где выше и прекраснее двух молодых явится² фигура бабушки, вы увидите во мне³ не простодушного сатира,⁴ поймете, женщины, как и что я любил в вас, и скажете:⁵ „Кто⁶ так долго и мучительно работал над статуей старухи, тот любил в нас не одну красоту молодости и форм,⁷ но красоту правды и любви — и звал нас к ней”.

Да, звал: не в глубину учености, не <в> грубый, неженский труд,⁸ не входил я с вами в спор о правах, не оспаривал вашего первенства,⁹ отдавая его вам¹⁰ без спора.¹¹ Мы не равны: вы выше нас.¹² Вы — сила, мы — ваши орудия: не отнимайте у нас, говорил я вам, ни сохи, ни лома, ни заступа из рук. Мы взроем вам землю, украсим ее,¹³ спустимся в бездны, переплывем моря, пересчитаем¹⁴ звезды.

А вы,¹⁵ рождая нас, берегите,¹⁶ как Провидение, наше детство и юность, лечите и воспитывайте нас честными, учите труду,¹⁷ человечности, добру и той любви, которую Творец вложил в ваши сердца, — и мы этой²⁰ любовью, как рычагом, повернем мир и пойдем за вами вслед туда, где всё совершенно, где все равны! <л. 56> Прошу прощения — это одно из сатанинских сомнений, которое, как облако, на секунду потемнило чистую ла-

¹ Было: фигур

² Было: а. Как в тексте. б. явилась

³ Далее было: не страстного язычника

⁴ Слова: увидите во мне не простодушного сатира — *вписаны на полях со знаком вставки. Далее было начато: а. млеющего глупо и мелко б. сгорающего слепо Оба варианта вписаны на полях со знаком вставки.*

⁵ Вместо: и скажете — было: вы сами скажете

⁶ В рукописи дважды ошибочно повторено: Кто

⁷ Было: тела

⁸ Было начато: не глубокой учености, не грубого труда ждал я от вас [не] [и ставил] — я говорил одно: будьте женщины, я искал не

⁹ Вместо: не оспаривал вашего первенства — было начато: не ставил грубо прав мужчины

¹⁰ Было: вам его

¹¹ Вместо: не оспаривал ~ без спора — было: отдавая вам без спора первенство *Вписано на полях со знаком вставки.*

¹² Вместо этой фразы было начато: Вы выш(е)

¹³ Было: уместим путь до неба

¹⁴ Было: и пересчитаем

¹⁵ Было: ты

¹⁶ Было: береги

¹⁷ Слово вписано.

зурь неба, — и на душе опять ясно, опять тверда моя вера в будущее русской женщины!¹ Только от честных, великих сердец (а не одних² умов) матерей³ будут родиться⁴ честные и великие (и умом) граждане.

В вас, русские женщины, вложены сильные и разнообразные стихии, как ни в каких других женщин. Пусть же эти стихии сложатся в стройную силу — и мы будем великими орудиями этой силы — и⁵ вы будете нашими царицами и царицами мира!⁶

¹⁰ Слышу, ваши голоса говорят мне: „Будь же и ты сам, будьте и вы — художниками не в⁷ статуях, не в картинах, не в романах и в драмах,⁸ не в искусстве только,⁹ но и в жизни, чтобы¹⁰ сама жизнь была чистым, художественным произведением, чтобы в ней рядом с эстетическим и впереди его¹¹ шло другое творчество... стремление к тому совершенству...”»

Райский положил перо, лицо выражало строгость настроения мысли,¹² потом мало-помалу¹³ приняло¹⁴ мечтательный, трогательный оттенок.¹⁵

²⁰ Он закрыл глаза. Ему снился роман его¹⁶ уже готовым. Имя его известно, переходит из уст в уста.¹⁷ Он открыл глаза, у него слезы на ресницах. Сон не отстает от него.¹⁸ Сердце бьется, замирает предчувствием того добра, какого он хотел бы всем, — тех начал правды и человечности, которые мечтал высказать в труде, — а там, далее, в перспективе, — сочувствие, трогательная бла-

---

¹ Фраза вписана.

² Слово вписано.

³ Далее было начато: ро(дятся)

⁴ Далее было начато: вел(икие)

⁵ Далее было: тогда

⁶ Далее было начато: Долго, может быть, всю жизнь я буду писать этот роман — и

⁷ Далее было начато: одной

⁸ Вместо: не в статуях ∞ и в драмах — было: не в романах, не в драмах

⁹ Далее было начато: чт(обы)

¹⁰ Далее было: жи(знь)

¹¹ Слова: и впереди его — вписаны.

¹² Было: строгое настроение мысли

¹³ Далее было начато: пере(ходило?)

¹⁴ Было: принимало

¹⁵ Далее было: Ему снился его роман готовым.

¹⁶ Далее было начато: гото(вым)

¹⁷ Далее было начато: У него слезы на

¹⁸ Далее было: Он стал почти бледен.

годарность, нежное участие женщин.¹ Ему чудилось, что² со всех сторон, сверху, со стен, из окон на него глядели бесчисленные, как звезды, глаза женщин,³ все устремились на него с любовью, женские⁴ портреты теснятся около него. Слышался будто шорох их платья, шелест шагов, вздохи⁵ и шепот. Ему стало жутко. Он оглядывался боязливо вокруг.⁶ Ему страшно стало.⁷ Вдруг⁸ раздался писк в углу⁹ и сильный шорох.

— Ах, — в ужасе сказал Райский и вскочил,¹⁰ притаив дыхание и вслушиваясь. Ничего более не слышно.¹⁰ Это Егорка ушипнул за перегородкой¹¹ Наталью или Пелагею, и та запищала. «Почудилось!» — шепнул он и сел¹² опять за стол и опять умчался за десять, за двадцать лет (л. 57) вперед,¹³ куда его призывала известность,¹⁴ сочувствие, венки.¹⁵

Он видел себя в кругу¹⁶ умных, тонких, развитых, прекрасных женщин. Он сам читает им повесть о¹⁷ них самих, о их доблестях, слабостях, о высоте, какой достигает женщина, плачет о их заблуждениях, страдает по ним,¹⁸ с ними и за них. Они рыдают, потом отирают²⁰ слезы и¹⁹ готовятся осыпать его наградами.

«Какими? чего ты хочешь? — спрашивают они,²⁰ — что может осчастливить тебя?»

Он задумался.

---

¹ *Вместо:* предчувствием того добра ∞ нежное участие женщин — *было:* предчувствием славы, участия, трогательной благодарности, нежного участия женщин

² *Вместо:* чудилось, что — *было:* почудилось

³ *Далее было начато:* со стен [их] см(отрят)

⁴ *Слово вписано.*

⁵ *Было:* вздох

⁶ *Текст:* Слышался будто шорох их платья ∞ Он оглядывался боязливо вокруг. — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁷ *Далее было:* У него вырвался «ах!»

⁸ *Далее было:* а. в углу б. В это время за перегородкой

⁹ *Слова:* в углу — *вписаны.*

¹⁰ *Далее было начато:* вслуши(ваясь)

¹¹ *Далее было:* Катьку и(ли) Маш(ку)

¹² *Вместо:* и та запищала. ∞ и сел — *было:* и та запищала. Он сел

¹³ *Далее было начато:* а. когда имя его б. когда перед в. где так

¹⁴ *Далее было начато:* награды, у(спех)

¹⁵ *Далее было начато:* Ему сн(илось)

¹⁶ *Далее было:* лучших

¹⁷ *Далее было начато:* их

¹⁸ *Слова:* по ним — *вписаны.*

¹⁹ *Далее было начато:* спраш(ивают)

²⁰ *Было начато:* спросил он себя, глядя в

«Наград!» — сказал он, гордо¹ выпрямился² и презрительно покачал головой.

«Не надо мне — наград: золота, бриллиантов, дворцов, колесниц³ и...» — начал было⁴ он писать.⁵

«Stop! Фраза! — остановил он себя.⁶ — Никто тебе ни бриллиантов, ни дворцов и не дает: и на кой черт они тебе? Что станешь ты с ними делать? А золота и нет теперь. Вон какой на него лаж! Ну так чего же просить?»

«Ничего не хочу, — написал он с суровым вдохновенным лицом.⁷ — Художник должен быть беден. Нести свой крест и идти, идти, всё идти⁸ (пешком) по своему тернистому пути к своим вечным идеалам правды, добра, человечности! Вот его нетленные и нескудеющие сокровища!

Да, бедности хочу!⁹ вон как Кирилов: есть¹⁰ два блюда за сорок копеек, ходить¹¹ в истасканном пальто, не знать вина...¹² курить¹³ „Maryland doux” — и всё прятаться¹⁴ в свою темную студию, вглядываясь, как он¹⁵ всё вглядывается в лики святых и мучеников, в свои статуи¹⁶ — и каждую копейку прятать, как он же,¹⁷ чтобы сходить²⁰ в Рим — на поклонение святым угодникам — искусства!..¹⁸

Вот¹⁹ крест какой бедности ты должен нести...» — написал он и положил перо, печально поник головой,²⁰ лицо выразило немощь,²¹ скуку.

---

¹ Было: и гордо

² Слова: гордо выпрямился — вписаны.

³ Слово вписано.

⁴ Слово вписано.

⁵ Далее было: и остановился

⁶ Слова: остановил он себя — вписаны.

⁷ Вместо: написал он с суровым вдохновенным лицом — было: вдруг сказал он вдохновенно

⁸ Вместо: и идти, идти, всё идти — было: и идти, идти

⁹ Было: Да, бедности!

¹⁰ Было: ест

¹¹ Было: ходит

¹² Было: не пьет ни капли

¹³ Было: курит

¹⁴ Было: прячется

¹⁵ Вместо: вглядываясь, как он — было: вглядываясь, как он, в свои статуи Вписано на полях со знаком вставки.

¹⁶ Слова: в свои статуи — вписаны.

¹⁷ Вместо: прятать, как он же — прячет

¹⁸ Далее было начато: Да

¹⁹ Далее было начато: каку(ю)

²⁰ Вместо: написал он и положил перо, печально поник головой — было: Он печально поник головой

²¹ Далее было: печаль

«Non possumus!»* — написал¹ он со вздохом. — Нет, не могу... И не нужно: зачем это мученичество, эта нагрузка? Искусство не требует его... Прошло время...² Роскошь балует, отвлекает художника... И не надо³ роскоши! Но и нищета унижает⁴ дух, убивает фантазию!⁵ (л. 58)

Он зачеркнул: «бедности хочу» — и написал:⁶ «Хочу — умеренности, золотой умеренности, — например Горациевой...»⁷ — и улыбнулся.⁸

«Да, Горациевой, — вслух шептал он, — то есть⁹ виллу под столицей... около Тибура¹⁰... страусовы мозги, фалерн и хиосское на столе...¹¹ Ведь покойник любил при всей своей „золотой“ умеренности поесть и выпить хорошо!¹² Да чтоб какая-нибудь Филлида¹³ приезжала туда...¹⁴ да невольники, невольницы... Невольницы! Что смеешься, плутишка, шалун?»

Он¹⁵ поглядел на себя в зеркало и громко засмеялся. В углу кто-то тоже будто фыркнул от смеха. Он вздрогнул опять и поглядел в угол. Никого. Ему жутко стало. Уж в самом деле не подглядывают ли женщины²⁰ за ним?

«Нет, прочь эту „золотую“ умеренность: не к лицу мне», — сказал он и зачеркнул¹⁶ написанные слова: «золотая Горациева умеренность» — и написал: «моя обыкновенная, недорогая, умеренная умеренность».

---

* «Невозможно!» (лат.)

¹ Было: произнес

² Далее было начато: Просто хочу

³ Далее было: ее

⁴ Далее было начато: убивает(ет)

⁵ Текст: Роскошь балует, отвлекая художника... ∞ убивает фантазию!» — вписан.

⁶ Слова: Он зачеркнул: «бедности хочу» — и написал — вписаны.

⁷ Далее было: а. Начато: вдр(уг) б. Он улыбнулся.

⁸ Слова: и улыбнулся — вписаны.

⁹ Далее было: дач(у)

¹⁰ Вместо: около Тибура — было: где-нибудь около Тибура Вписано на полях со знаком вставки.

¹¹ Далее было: да порфиновые ванны с античными барельефами...

¹² Фраза вписана на полях со знаком вставки вместо также вписанных на полях и зачеркнутых слов: Да, Гораций хоть и воспекает умеренность, а любил пок(ойник)

¹³ Было: Лидия

¹⁴ Было: была царицей

¹⁵ Далее было начато: за(глянул)

¹⁶ Далее было начато: а. напи(санное) б. два

И встал с места. Он подошел к¹ разложенному на диване белью и платью.

«Вот только что нужно простому смертному», — говорил он, перебирая² рукой ряды тонких накрахмаленных рубашек, потом пошевелил платье.³

Егорка, наблюдавший в щель, вдруг сел на пол и выпучил со страху глаза. «Батюшки мои! — шептал он, — беда, девки!⁴ Это он штанов да трех⁵ рубашек хватился, считает!»⁶

¹⁰ «Чтоб было, — говорил⁷ Райский с собой, — белье... из Голландии... Сюртуки, пальто... из английского сукна и драпа... Сигары (он медленно закурил одну) из Гаваны... Вино... из разных мест... Сапоги...»⁸ — Он подошел к выставленному ряду сапог и ботинок, любуясь их лоском.⁹

Егорка чуть не опрокинулся на пол.

«И ботинки считает: одной пары не хватает!» — опять в ужасе шептал он. (л. 59)

²⁰ «Сапоги — из России. Да, из России — я патриот! Cuir de Russie* — всему свету известна!»

«Итак, — записал он, — своя собственная прежняя¹⁰ умеренность (с русскими сапогами)... да... денег вволю! И больше ничего!» — И сам закатился смехом.¹¹

«Какой же награды пожелать в самом деле?¹² — писал он дальше. — Лавров?¹³ — Он уныло покачал головой. — Какие¹⁴ лавры тебе? Ведь Устинья кладет и без того тебе немало лаврового листа в ухо, чего¹⁵ еще?

¹ Далее было начато: пла(тью)

² Было начато: пот(рогивая)

³ Вместо: потом пошевелил платье — было: потом сюртуков, платье

⁴ Вместо этой фразы было: Ну, девки, беда моя!

⁵ Слово вписано.

⁶ Далее было: шептал он

⁷ Было: шептал

⁸ Далее было начато: Он погл(ядел)

⁹ Было: (он подошел к выставленному ряду сапог и ботинок, любуясь их лоском) сапоги...

* Русская юфть (фр.)

¹⁰ Слово вписано.

¹¹ Вместо: да... денег вволю! ∞ закатился смехом — было: и немного разве комфорту, очень немного!» — записал он.

¹² Было: а. Начато: [Как] Чем же наградить б. Какая же награда мне?

¹³ Было: Лавры?

¹⁴ Далее было начато: т(ебе)

¹⁵ Далее было: тебе

Теперь (он стал глядеться в зеркало и опять перебирал рукой черные волосы) — да, пожалуй, венок на эти густые пряди, возложенный¹ женскою рукой, пристал бы... Зеленъ хорошо мешается с черным цветом... А тогда — не венок, а парик тебе на голову!»² — и живо записал:³ «парик».

«А если женщины, внимая твоим горячим страницам, умиляясь твоим поклонением и любовью,⁴ обступят⁵ тебя,⁶ как венком обовьют, будут обжигать⁷ пылками взглядами, протянут к тебе горячие руки,⁸ станут манить⁹ наградами тайного счастья, страстных вздохов, поцелуев, свиданий наедине, окружают, одурманят рассудок, наполнят страстью... Если б¹⁰ теперь!.. — вдруг сказал он, облизывая губы,¹¹ — а тогда, когда напишу этот роман, — он вздохнул¹² с печалью, — я буду не тот, и всё будет не то во мне: морщины, тусклый взгляд... усталость... немощ!..¹³ Не близко, mesdames,¹⁴ дальше! — скажу я им, — писал он,¹⁵ — „Non possumus!..”»

Он вслух засмеялся¹⁶ и положил перо. Потом вдруг¹⁷ будто опомнился. Смех сбежал с лица — место его заступил страх или сомнение.¹⁸

Он тихо, задумчиво взял перо и робко начал писать.

«О ужас! Я не подумал, какой плод могут принести мои очерки страсти, падения... Когда¹⁹ моя прекрасная статуя, мой идеал поднимется со дна пропасти — более прекрасною, нежели была... Не позавидуют ли ей рус-

---

¹ *Далее было начато:* рук(ой)

² *Вместо:* а парик тебе на голову! — *было:* а парик понадобится тебе!

³ *Было:* записал он живо

⁴ *Слова:* и любовью — *вписаны.*

⁵ *Было:* обступив

⁶ *Далее было начато:* жар(кими)

⁷ *Далее было:* жаркими

⁸ *Далее было начато:* и страстно шепн(ут)

⁹ *Далее было начато:* страстными

¹⁰ *Было:* Ах, если б

¹¹ *Слова:* облизывая губы — *вписаны.*

¹² *Было:* он взглянул в зеркало

¹³ *Слово вписано.*

¹⁴ *Вместо:* Не близко, mesdames — *было начато:* Mes(dames)

¹⁵ *Слова:* писал он — *вписаны.*

¹⁶ *Было:* захохотал

¹⁷ *Далее было начато:* сделался серьезен, взял перо и переписал

¹⁸ *Далее было начато:* а. Он даже с б. Что ежели

¹⁹ *Далее было начато:* со (дна)

ские девы... и не бросятся толпой к обрыву? А в русском царстве много обрывов...¹ И потом примут² в свою жизнь из жизни Веры одно ее падение — не как совершившийся только печальный факт, не как заблуждение, а как завоеванную победу, как право, как закон...³ — Он бросил перо и начал бегать по комнате. Потом вдруг остановился и закрыл лицо руками. — Это невозможно, это нелепая мысль, пятно, оскорбление женщинам!» — сказал и бросился опять к перу.

¹⁰ «Стыдно, — писал он, — своего пошлого подозрения! Смотри, как побледнели Веры, как покраснели от гнева русские Марфиньки, что ты, поставив высоко русскую женщину, первый теряешь веру в них, считая за марионеток!» (л. 60)

---

¹ Было: (А в русском царстве много обрывов...)

² Далее было: «падение»

³ Далее было: Нет — нет — не(т)

МАТЕРИАЛЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ НАМЕРЕНИЯ АВТОРА

ГЛАВЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ЧАСТЬ ПЯТУЮ

Первая редакция

*(«Татьяна Марковна не противилась больше...») главы
(ЧА)*

Глава

Татьяна Марковна не противилась больше. Она окутала Веру с ног до головы и почти на руках перенесла ее в новый¹ дом, в свою спальню, уложила в постель и легла подле нее. Обе они, обнявшись, молчали несколько времени,² погруженные³ каждая в свою глубокую думу.

— Говори, бабушка! — сказала Вера.

— Ты устала, усни...

— Нет, я спать не хочу: говори.

— В мое время, — начала Татьяна Марковна тихо,¹⁰ задумчиво,⁴ — держались⁵ того мнения, что⁶ когда дворянин⁷ ударит другого по лицу — так тому, кого ударили, жить нельзя; а надо ему⁸ убить обидчика или убить-

---

¹ Было: в старый

² Далее было начато: каждая

³ Далее было начато: в

⁴ Слова: тихо, задумчиво — вписаны.

⁵ Было: строго держались

⁶ Текст: Татьяна Марковна не противилась больше. ∞ держались того мнения, что — вписан на полях со знаком вставки вместо зачеркнутого текста:

Гл(ава)

— Люди [говорят] [выдумали] присудили, что когда [один] мужчину другой мужчина ударит по лицу, — начала Татьяна Марковна, — [что]

⁷ Было: мужчина

⁸ Слово вписано.

ся самому, прав он или нет — всё равно.¹ Это мужчины придумали такой закон для себя и за пощечину требовали сатисфакции, омывали ее кровью. И доньше не вывелось: это чтоб за битье платить битьем. Умнее ничего не придумали. А для женщин установили другое правило.² Если девушка... поскользнется... так ей жить нельзя³ — «честь потеряна»! погибла! Топись или забейся в темный угол — свет Божий закрыт для нее!⁴ На нее указывали пальцем, отворачивались, гнали со света смехом.⁵ И все⁶ покорялись этим заповедям — не из страха Божия, а из страха людского⁷ и из гордости.⁸

Давно созданы люди, а всё еще⁹ бродят, как слепые, в темноте и не умеют различить,¹⁰ когда честен мужчина, когда бесчестна женщина. Вон тут полгорода мужчин надо бы отхлестать по щекам, а они¹¹ живут молча, с небитым бесчестьем, и правы: нужды нет, что все в пятнах!

---

¹ *Далее было начато:* Эти же умники установили другое мудрое правило

² *Вместо:* это чтоб за битье платить битьем. ∞ А для женщин установили другое правило. — *было начато:* [А] Для женщин установили [другой] тоже закон: за дворянами увязались и приказные. *Текст:* Это мужчины придумали такой закон для себя ∞ А для женщин установили другое правило. — *вписан на полях со знаком вставки.*

³ *Было:* житья нет

⁴ *Было:* для тебя

⁵ *Фраза вписана. Далее было:* Так было в нашем глупом старом веке.

⁶ *Было:* Мы

⁷ *Далее было:* а. Вздор и ложь! — сказала энергически Татьяна Марковна. Бог мудрее и добрее этих [умников] мудрецов. [Я расскажу тебе о том] [Ты сейчас узнаешь] Я скажу тебе о пощечине, не обесчестившей чистого человека, — и о падении, не помешавшем девушке остаться честной женщиной на всю жизнь. Не так разумеют честную женщину. б. В этих законах есть [и правда своя] [много и правды] правда Божия [и своя неправда] и людская неправда. Надо бы разобрать строго, где одна и где другая: люди не разбирают [потому что злы и глупы]. Люди злы и глупы. Бог [благ и мудр и [решает] судит часто не суд(ом)] судит не людским судом, а своим — а то бы [на свете] никому житья не было.

⁸ *Слова:* и из гордости — *вписаны. Далее знак отсылки к вписанному на полях и зачеркнутому тексту:* [Бог] Люди злы [, глупы] и слепы: Бог мудр и милосерд — они не разбирают, а Он знает и строго весит наши дела и судит своим судом. Где люди засудили бы, там Бог [часто карает людей [через] людским же судом] освобождает.

⁹ *Далее было:* как дети

¹⁰ *Далее было начато:* кто честен, кто

¹¹ *Далее было:* и в ус не дуют

А честных женщин здесь... чуть ли и не мы две с тобой, да третий ребенок — Марфинька! Я тебе расскажу о пощечине, после которой человек остался чист и честен. Расскажу и о том, как девушка поскользнулась — и не погибла, а осталась¹ честной женщиной до седых волос.² Теперь другой век, — помолчавши, сказала Татьяна Марковна, — и другие понятия у людей о чести: лучше ли прежних — не знаю.³ Вон тебе твой погибший...⁴

— Бабушка! — остановила ее Вера.⁵

— Он проповедовал,⁶ говоришь ты,⁷ — продолжала¹⁰ Татьяна Марковна, — (и Борис, кажется, тоже) — и все они, новые, думают,⁸ что девушка может перешагнуть порог... и⁹ подарить себя первому встречному так же легко, как ветреный мужчина!¹⁰ Полно, так ли, Вера?¹¹ (л. 34) Пусть я, старуха, отжила, по-старому воспитана и по глупости верю в старое. А ты родилась и училась по-новому.¹² Ты свободна — бояться тебе нечего — ба-

¹ Было: и осталась

² Текст: когда честен мужчина ∞ до седых волос. — *вписан на полях со знаком вставки.*

³ К этой фразе знаком отнесена зачеркнутая вставка на полях: Вон тебе твой злодей

⁴ Вместо: Теперь другой век ∞ Вон тебе твой погибший... — было: Теперь другой век, — помолчавши, сказала Татьяна Марковна, — вон тебе твой злодей...

— Бабушка, — умоляющим голосом перебила Вера, — он не злодей, а...

— Прости, Вера, я всё забываю, — [с болью] бледнея будто от сильной боли и закрыв на минуту глаза, [сказала] произнесла Татьяна Марковна. — Он — потерянный, погибший... [Не]

⁵ Вместо: остановила ее Вера — было: клоня голову, тихо повторила Вера

⁶ Было: Он, — подняв голову и открыв глаза, сказала Татьяна Марковна, — проповедовал

⁷ Вместо: говоришь ты — было: тебе

⁸ Слово вписано.

⁹ Вместо: перешагнуть порог... и — было начато: броситься на шею первому

¹⁰ Вместо: как ветреный мужчина! — было: как нетрезвый мальчишка...

¹¹ Вместо этой фразы было: а. Начато: Ложь и это. Никакие умники не переделают закона, данного при(родой) б. Это тоже людская выдумка. Никакие умники не переделают закона, данного людям природой и Богом!

¹² Текст: Пусть я старуха ∞ А ты родилась и училась по-новому. — *вписан на полях со знаком вставки вместо вписанного между строк и на полях и зачеркнутого текста: а. Мы виноваты с тобой, Вера, перед Богом — да, виноваты, но мы не погибли и не погибнем, мы сумеем смириться, искупить нашу вину и покориться Божией*

бушка тебя не стесняла¹ и будет любить,² что бы ты ни сделала: ты это знаешь. А отчего ты потеряла покой,³ пожелтела,⁴ состарелась в неделю?.. Отчего не поешь, не веселишься? нейдешь опять туда, где любовь...

— Бабушка, бабушка! — говорила Вера, хватая ее за руки.

— Потому что совесть нечиста, потому что оступилась, виновата ты — обе мы виноваты. Но вина вине рознь: мы не погibli и не погibнем никогда — наплюй¹⁰ тому в глаза, кто это скажет!⁵ Погибает, как муха, кто перешагнет порог, как сорока перескочит через куст⁶ и с веселой песней идет дальше, думает, что дело сделала.⁷ Такую жалко — таких много: мы с тобой⁸ не такие!

«Теряет честь» та, которая падает нарочно:⁹ «Поднимет, — думает,¹⁰ — если уронил, поневоле женится», и почти¹¹ всегда ошибается¹² — и поделом! Это низость — какой бы расчет ни был — всё расчет: богатство, титул, веселое замужство, свобода¹³ — расчет, расчет¹⁴ — это¹⁵
²⁰ низко, низко. Боже сохрани!¹⁶ Мы не такие!¹⁷ А есть и

каре! б. Мы с тобой тяжко виноваты [ты это чувствуешь, Вера]. Ты это видишь, чувствуешь, Вера. Да, мы виноваты, но мы не погibli и чести не потеряли, потому что [терпим] признаем вину и терпим кару Божию! в. Пусть я старуха, отжила, по-старому воспитана. А ты родилась и училась в новых понятиях, отчего же [ты убиваешься, как преступница? Отчего тебе не спится?] на тебя как камень упал? Прыгай, скачи и веселись: ведь ты любишь, тебя любят... а ты, бедная, как преступница — валяешься в постели, как в тюрьме... Что ты: меня боишься?

¹ Было: не стесняет *Далее было начато:* баб(ушка)

² Вместо: и будет любить — *было:* любит по-прежнему

³ Вместо: А отчего ты потеряла покой — *было начато:* отчего же у тебя тяжело на сердце и ты валяешься в (постели)

⁴ Было: состарелась, пожелтела

⁵ Текст: Ты свободна ∞ кто это скажет! — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁶ *Далее было:* легкомысленно

⁷ Слова: думает, что дело сделала — *вписаны.*

⁸ Слова: с тобой — *вписаны.*

⁹ *Было начато:* Погибает, кто из расчета

¹⁰ *Далее было начато:* женит(ся)

¹¹ *Было начато:* больше(ю частью)

¹² *Вместо:* и почти всегда ошибается — *было:* и она большею частью ошибается

¹³ *Было:* свобода впереди

¹⁴ Слова: расчет, расчет — *вписаны.*

¹⁵ *Было:* всё это

¹⁶ *Фраза вписана.*

¹⁷ *Далее было начато:* Мы ослабели

такие, которые поскользнутся¹ и потом тайком и обманом прячутся за другого,² доброго простака: прикроет! Никто не узнает. Низость, низость.³ Мы с тобой ничего этого не сделали — бедное дитя мое.⁴ Мы ослабели, мы любили⁵ и не устояли... как та, помнишь, Кунигунда в романе?⁶

Кляни меня, Вера, за гордость и ложный стыд: мне тогда вместо⁷ Кунигунды надо бы было вставить: «Татьяна Марковна» — тогда⁸ ты не смеялась бы над книгой и, может быть, не сошла⁹ бы накануне Марфинькина 10 рождения на дно обрыва...

— Бабушка! — сказала¹⁰ Вера, — не упрекай меня.¹¹

— Это не упрек, Вера: мы равны теперь. Я не судья, а товарищ твой¹² — скажем теперь друг другу всё и замолчим навсегда!¹³

Она вздохнула.

---

¹ *Вместо:* А есть и такие, которые поскользнутся — *было:* Другие поскользнутся

² *Далее было:* простачка

³ *Вместо этой фразы было:* Низко. Мы не такие! *Текст:* А есть и такие, которые поскользнутся ~ Низость, низость. — *вписан между строк и на полях со знаком вставки.* *Далее было:* Стыдись, Верочка, грязи, а не любви. Люби, пожалуй, смело, не стыдись и терпи людской смех или жалость — [это] если достанет лба вытерпеть — и будешь права! Есть и такие: эти меньше виноваты! А послушать [твоих] новых умников, так они скажут, что только так и надо любить — и больше никак! Вот и Борис... Да, и брака, и семьи не надо — проповедуют иные...

«Она всё знает, всё слышит, всё понимает!» — с удивлением думала Вера, слушая эту волнами бьющую [практическую] житейскую мудрость старухи!

[— Можн(о)]

— Но эти проповедники — [на праздничной] пришли незваные на брачный пир — я их не знаю. Ты знаешь их, Вера.

⁴ *Вместо этой фразы было начато:* Но мы виноваты, мы ослабели, увлеклись и ушли от

⁵ *Далее было:* слишком страстно, нежно

⁶ *Было:* в глупом романе

⁷ *Далее было начато:* глупо(й)

⁸ *Было:* вот тогда

⁹ *Было:* не пошла

¹⁰ *Было:* простонала

¹¹ *Слова:* не упрекай меня — *вписаны.*

¹² *Далее было: а. Начато:* Я [рас(скажу)] сейчас скажу тебе о своем обрыве...

— Скажи, бабушка. б. Я сейчас скажу тебе о своем обрыве... Я бы сказала и Марфиньке, но она любит романы с веселым концом... А наш конец...

¹³ *Слова:* скажем теперь ~ навсегда! — *вписаны.*

— Ты знаешь, — говорила она дальше, — наш дом был богат: всё,¹ что ты видишь около, только бедные² остатки роскоши. Где это всё? куда делось? Всё пошло прахом у дядей, у братьев.³ Отец мой тоже⁴ любил пожить. Тогда было в моде масонство.⁵ Помню, как масоны⁶ собирались по ночам, надевали мантии, длинные белые⁷ перчатки. У меня еще цела и серебряная лопатка — кажется, я показывала (л. 34 об.) вам, которая употреблялась при церемониях и обрядах.⁸ Секретничали,¹⁰ шептались, носили какие-то перстни, делали знаки руками друг другу при встрече⁹ — и всякий раз, как соберутся, напьются пьяны, так что дворецкий Никитич и лакеи наутро¹⁰ выводят под руки и сажают¹¹ масонов в экипажи, а иные¹² так и остаются в мантии до утра под столом.¹³ Вот тебе и масонство! Матушка у меня была больная, чувствительная женщина, не любила этого шума, боялась отца, пряталась и плакала.¹⁴ Он был холоден к ней, а меня баловал через меру. Я была бойкая, в него: никого не боялась, командовала всем домом...²⁰

— Кого ты любила, бабушка? — нетерпеливо перебила Вера.¹⁵

---

¹ Было: всё это

² Было: жалкие

³ Вместо этой фразы было: Дед получил только половину от отца по завещанию. Другую промотали старшие братья.

⁴ Было: сам

⁵ Далее было: у него в доме была ложа

⁶ Было: они

⁷ Слово вписано.

⁸ Слова: которая употреблялась при церемониях и обрядах — вписаны.

⁹ Слова: друг другу при встрече — вписаны.

¹⁰ Было начато: под (утро?)

¹¹ Вместо: дворецкий Никитич и лакеи наутро выводят под руки и сажают — было начато: дворецкий Никитич и кучера до утра, бывало, не спят. Один выводит под руки и сажает

¹² Было начато: а некоторые

¹³ Слова: под столом — вписаны.

¹⁴ Вместо: боялась отца, пряталась и плакала — было: а сказать отцу боялась

¹⁵ Текст: Я была бойкая ∞ нетерпеливо перебила Вера. — вписан на полях со знаком вставки вместо зачеркнутого текста: а. С другими был жесток и надменен. б. Он хохотал до упаду, а я начну, бывало, представлять ему в лицах пьяных масонов...

— Я всё это знаю, бабушка: ты много раз говорила... — заметила Вера [жадно слушая ее], которая, положив голову на руки и опер-

— Кого! ты! его знаешь и видишь каждый день: Тита Никоныча.

— Тита Никоныча? — в изумлении повторила Вера.

— Тебе странно, — с улыбкой заметила Татьяна Марковна. — Завтра я покажу тебе его миниатюрный портрет на кости, в гвардейском мундире, — и ты перестанешь удивляться...

— Я, бабушка, не тому удивляюсь, что ты любила его, а тому, что ни я, никто никогда не догадывался...

10

— Сорок лет назад догадывались² только о неудачном сватовстве,³ а романа не знали. Его знал только соперник,⁴ но его уж двадцать пять лет на свете нет.

— Кто соперник? — спросила Вера, увлекаясь всё более и более романом бабушки.

— Граф Сергей Иваныч...

— Граф! — повторила Вера, — тот самый, который⁵ был счастлив в женщинах... сколько анекдотов осталось о нем!⁶

— Да, был счастлив во всех, кого удостоивал внимания, кроме меня, — гордо сказала бабушка.⁷ — Много греха взял он на душу — наша⁸ двоюродная сестра бросила мужа и уехала в Петербург, а он бросил ее через полгода и⁹ увез дочь¹⁰ у предводителя и выдал там за какого-то голяка замуж. <л. 35> Это из дворянского сословия — а другим и счета не было!¹¹

20

шись локтями о подушку, жадно слушала ее. — Я хотела бы знать, кого ты любила...

¹ *Далее было начато:* еще не

² *Было:* говорили

³ *Далее было:* о любви

⁴ *Далее было начато:* — Кто со(перник)

⁵ *Было:* — Сколько раз говорили о нем, — перебила Вера, — рассказывали анекдоты, [какой] как он

⁶ *Слова:* сколько анекдотов осталось о нем! — *вписаны.* Слово: сколько — *ошибочно зачеркнуто.*

⁷ *Далее было начато:* тряхнув головой. — Сколько увлеклось им: наша

⁸ *Слова:* Много греха ~ наша — *вписаны.*

⁹ *Вместо:* а он бросил ее через полгода и — *было:* да и не воротилась. А он через полгода

¹⁰ *Далее было:* тогда

¹¹ *Фраза вписана.* *Было:* Это дворянок, а [не] из других сословий и счета нет! *Далее на полях помета:* (С новой строки.), *относящаяся к следующей фразе.*

Тит Никоныч был наш сосед: ездил¹ к нам с матерью. И моя мать души не чаяла в ней — ни с кем ей не было ловко, покойно и приятно, как с ней, так что и покойник отец рад, когда она приедет: слез не видит и жалоб не слышит. Сын всегда с ней приезжал. Матери запрутся у себя, отец сядет с компанией в карты или уедет дня на три — на охоту.² Гувернантка моя стала тогда слепнуть: она уж отслужила свой срок при тетках,³ а когда я подросла, она сама забыла всё.⁴ Она сидела в углу да вздыхала,⁵ жаловалась на суровый климат, всё оплакивала⁶ Париж, откуда выгнала ее с братом революция. Рассказывала, какое у нее было родство, дом,⁷ экипажи, брильянты! Ее берегли, лечили от ревматизма, варили ей бульон.⁸ Я выучилась от нее только болтать по-французски⁹ да играть на клавикордах, а потом¹⁰ забыла... с летами да с хозяйством... Вот когда переехала жить с твоим отцом и матерью¹¹... с вами нянчилась. Да, я прежде была не такая...

Бабушка вздохнула и¹² задумалась.

20 — Дальше,¹³ бабушка, — торопила ее Вера.¹⁴

— Хозяйство было на руках у меня да у Никитича. При мне одной¹⁵ было пять горничных, да у матери столько же.¹⁶ Я их занимала работой,¹⁷ а ходила за мной Василиса. Ей было тогда всего лет 18. Она двумя годами моложе меня. Когда¹⁸ батюшка воротится домой,

---

¹ Было: всегда ездил

² Слова: на охоту — вписаны.

³ Было: а. при сестрах б. при твоей матери

⁴ Далее было начато: и

⁵ Было: Она сидела да вздыхала в гостиной

⁶ Вместо: всё оплакивала — было: оплакивая

⁷ Вместо: какое у нее было родство, дом — было: какой у ней был дом

⁸ Далее было: и поили красным вином

⁹ Далее было: и то вскоре забыла

¹⁰ Далее было: всё с летами

¹¹ Слова: когда переехала жить с твоим отцом и матерью — вписаны.

¹² Слова: вздохнула и — вписаны.

¹³ Было: — Ну? Дальше

¹⁴ Текст: жаловалась на суровый климат ∞ торопила ее Вера. — вписан на полях со знаком вставки. Далее помета: (С новой строки.), относящаяся к следующей фразе.

¹⁵ Слово вписано.

¹⁶ Слова: да у матери столько же — вписаны.

¹⁷ Было: разной работой

¹⁸ Далее было начато: при(едет)

я должна была выезжать ему навстречу — это закон. Перед обедом я подносила ему серебряную чарку водки, после обеда, пока он курит трубку, я играла на клави-кордах, а утром читала ему письма¹ и газеты, а там уж делала что хотела.

— Дальше, — шептала Вера.²

— Тит Никонич пока готовился к военной службе (тогда все дворяне служили в военной) и почасту жил у нас. Отец его почти не замечал, не говорил с ним, едва кивал ему головой: это не от надменности, а от обычая.³ 10 Молодые люди всячески угождали старикам: это считалось⁴ благовоспитанностью. А старики смотрели на них свысока, требуя молчания и почтительности. Сесть при старике было нельзя, разве в уголке, заговорить, когда не просят, считалось дерзостью. А табаку курить, прийти в гостиную в сюртуке, класть⁵ ногу на ногу, говорить сидя с дамой — ужас — невежей считали.⁶

Вера зевнула тихонько. Татьяна Марковна заметила и поспешила перейти к главному действию своего романа.⁷ 20

— Мы оставались одни и свыкались с Ватутиным.⁸ Он был застенчив,⁹ как теперь, так же держал себя¹⁰ со мной, как лесничий Иван Иванович с тобой: чуть не молился на меня — мне это нравилось.¹¹ Мы расстались, давши клятву (тогда все клятвы давали — на стенах, на деревьях вырезывали имена, даже кровью писали¹²) принадлежать друг другу или никому. Он уехал в полк,¹³ потом открылась война за границей — наши

---

¹ Было: разбирала его письма

² Фраза вписана.

³ Было: а. Начато: это не от б. это не столько от надменности, сколько от обычая

⁴ Было: тогда это считалось

⁵ Было: садиться

⁶ Текст: А старики смотрели на них свысока ∞ невежей считали. — вписан на полях со знаком вставки.

⁷ Слова: поспешила перейти к главному действию своего романа — вписаны.

⁸ Слова: и свыкались с Ватутиным — вписаны.

⁹ Далее было: и... я же вызывала и одобряла его на любовь, — сказала [баб(ушка)] Татьяна Марковна, отворачиваясь.

¹⁰ Вместо: так же держал себя — было: Он вот так же вел себя

¹¹ Слова: так же держал себя ∞ мне это нравилось — вписаны на полях со знаком вставки.

¹² Слова: имена, даже кровью писали — вписаны.

¹³ Далее было: в артиллерию

войска ушли¹ туда — и он с ними... Сколько горя, слез было мне² — никто не знал тогда.³ Переписываться было нельзя.⁴ (л. 35 об.) Я от матери его получала вести. А когда долго писем не было к ней — мы были сами не свои. «Убит», — думали и не спали, не ели. Наконец воротились: пошли праздники везде, встречи.⁵ И он⁶ приехал в отпуск. Тогда и отец обошелся с ним ласково,⁷ когда он в гвардейском мундире с крестами⁸ явился в первый раз, — я встать⁹ не могла с места... Никто не заметил. Скоро и¹⁰ Тита Никоныча стали посвящать¹¹ в масонство — и напоили пьяным почти насильно. Это случилось с ним всего два раза. Во второй раз он,¹² нетрезвый, непочтительно отвечал матери. На другой день на коленях просил у ней прощения и дал слово, что не будет пить, — и сдержал — навсегда.¹³

Татьяна Марковна остановилась,¹⁴ будто взглядываясь в прошедшую даль.

— Ну? — сделала Вера. — Дальше, бабушка...

— Дальше... ты знаешь¹⁵ теперь, что было дальше,
20 Вера, — шептала она,¹⁶ — то же, что с тобой...

---

¹ Было: отправились

² Слова: было мне — вписаны.

³ Далее было начато: Лечили меня от чахотки, от болезни в спинной кости. Я все лекарства в печь бросала. Василиса одна знала, какая у меня болезнь, — на ее имя присылал он письма, и когда месяц проходил без (л. 35 об.) вестей [и я искала в газетах, да] — я не спала, не ела и чахла. «Убит», — думаю — и учила газеты наизусть. Когда ма(ть)

⁴ Фраза вписана на полях со знаком вставки.

⁵ Текст: Я от матери его ∞ праздники везде, встречи. — вписан над строкой и на полях со знаком вставки.

⁶ Вместо: И он — было: Наконец

⁷ Было: почти ласково

⁸ Слова: с крестами — вписаны.

⁹ Было: я и встать

¹⁰ Было: В первый же вечер

¹¹ Вместо: стали посвящать — было начато: ув(лекли?)

¹² Далее было начато: непочти(тельно)

¹³ Текст: Скоро и Тита Никоныча стали посвящать в масонство ∞ навсегда. — вписан на полях со знаком вставки.

¹⁴ Далее было: а. — Ты знаешь это всё... ты теперь чувствуешь то, что я чувствовала сорок пять лет назад. б. — Дальше... теперь ты знаешь, что было дальше: я уж стала забывать...

Она помолчала.

— Ну? — нетерпеливо сделала Вера.

¹⁵ Далее было начато: что

¹⁶ Слова: Вера, — шептала она — вписаны.

— И ты — бабушка¹ — ты! — шептала в удивлении Вера, — у тебя был обрыв!²

— Обрыва у нас не было, а были аллеи, — продолжала Татьяна Марковна задумчиво,³ — подстриженные деревья, цветники узорами — тогда была мода — с французов брали,⁴ с версальского сада,⁵ так что из дома виден весь сад, как на ладони. Да и людей в доме целая орда — пятьдесят человек. Куда ни пойдешь, везде народ⁶ — в саду, в поле. Одной с молодым человеком тогда и подумать нельзя было пойти гулять в рощу или в поле: сейчас примут за жениха с невестой,⁷ если партия равная, а неравная — так девушку оденут в лапти, в затрапезное платье и запрут на хлеб да на воду. А молодца, если он дворянин,⁸ выпроводят вон и потребуют сатисфакции. А если, Боже сохрани, из простых: бедняк,⁹ учитель или приказный, музыкант, что ли, так бывали примеры (вот у Благowych — тут же рядом — был такой случай:¹⁰ сраму — сраму сколько!)¹¹ — такого¹² иногда высекут¹³ на конюшне¹⁴ или окатят холодной водой да собаками со двора спровадят.¹⁵ В помещичьей жизни²⁰ всё бывало — страшно порассказать!¹⁶

¹ Далее было: ты — упала... с обрыва

² Текст: будто вглядываясь в прошедшую даль. ∞ у тебя был обрыв! — вписан на полях со знаком вставки.

³ Слова: продолжала Татьяна Марковна задумчиво — вписаны.

⁴ Далее было: теперь всё парки пошли...

⁵ Слова: цветники узорами ∞ с версальского сада — вписаны между строк и на полях со знаком вставки.

⁶ Далее между строк было начато: Ваньки д(а)

⁷ Вместо: примут за жениха с невестой — было: поставят под венец

⁸ Вместо: если он дворянин — было: дворянина

⁹ Слово вписано.

¹⁰ Было: вот у Благowych — тут же рядом — к невестке, к вдове [учитель стал] самого генерала Благова, (учитель) стал ходить и декларацию сделал, на коленях, застали

¹¹ Текст: если он дворянин ∞ сраму сколько!) — вписан на полях со знаком вставки.

¹² Слово вписано.

¹³ Было: выпорют

¹⁴ Далее было: если он [не] так, бедняк какой-нибудь [да еще из п(ростых)]

¹⁵ Далее было: Покойник батюшка не задумался бы сделать это с Титом Никонычем, небогатым и неважным дворянином, [если б] [особенно до свадьбы], [особенно] когда он не надевал мундира, если б заметил что-нибудь...

¹⁶ Фраза вписана.

— Где же вы виделись, бабушка? — спросила Вера.

— В комнатах тоже свободы не было: везде торчали Ваньки да Фильки, да горничные, да приживалки! За столом не удавалось садиться рядом:¹ я была хозяйка — подле меня посадят какого-нибудь старика или почетную гостью. В танцах, в менуете да в гротеске, шепнем слова два, пожмем руку друг другу, а один раз...

— Что, что? — спросила Вера.²

10 — Это лишнее, нейдет к делу! — спохватилась бабушка.

— Главные свидания были... в оранжерее... по вечерам,³ — шептала, отворачиваясь, Татьяна Марковна.⁴ — В оранжерее, — продолжала она.⁵ — Она пристроена⁶ была к флигелю, где⁷ помещали приезжих гостей и⁸ Тита Никоньча с матерью.⁹ Оттуда был прямо ход в нее.¹⁰ Садовник у нас¹¹ был мастер своего дела, да пьяница горький.¹² Я смотрела и¹³ за садом — и часто спускала ему¹⁴ пьянство. Он очень любил меня, однако
20 вводить его в секрет я не хотела, Боже сохрани. Я отказалась бы от всяких свиданий, чтоб не доверяться холопу. Девушка — Василиса — другое дело: женщина, почти подруга и моя сверстница. Она росла при мне: ее взяли маленькую, вон как Пашутку.¹⁵ Василиса унесла¹⁶ ключ у садовника,¹⁷ и мы же (как теперь помню) накинулись на него утром, зачем долго не отпирает

---

¹ Было начато: Разве за столом случится сесть

² Фраза вписана.

³ Было: ночью

⁴ Текст: — В комнатах тоже свободы не было ∞ шептала, отворачиваясь, Татьяна Марковна. — вписан на полях со знаком вставки.

⁵ Слова: продолжала она — вписаны.

⁶ Было: плотно пристроена

⁷ Далее было начато: жил

⁸ Слова: приезжих гостей и — вписаны.

⁹ Далее было начато: Василиса утащила

¹⁰ Фраза вписана.

¹¹ Слова: у нас — вписаны.

¹² Далее было: Он каждый день приносил мне утром то фрукты, то цветы.

¹³ Слово вписано.

¹⁴ Вместо: спускала ему — было: прикрывала его

¹⁵ Текст: чтоб не доверяться холопу. ∞ вон как Пашутку. — вписан между строк и на полях со знаком вставки.

¹⁶ Далее было: у него

¹⁷ Слова: у садовника — вписаны.

фруктового сарая и оранжерей. Он бегал, искал, а мы едва¹ держались от смеха — наконец сделали другой ключ.²

И вот... (л. 36)

Бабушка замолчала.³

— Я была счастливее тебя, Вера, — продолжала она немного погодя, — нашей любви помешали не мы сами, мы были согласны, а другие...⁴ Подвернулся этот граф. Он стал глядеть на меня всё⁵ нежнее. Бросил какую-то связь в городе, прогнал своих горничных, а у него был целый сераль...⁶ — Бабушка плюнула. — Мне уж он этим противен был.⁷ Он был очень тонкий мужчина — вежливый, приятный, красивый из себя, да⁸ фальшивый. И вот чудо: все знали, что он фальшивый. Женщины остерегали одна другую, а чуть он подвернется, так вот, как в дворне у нас девки к Егорке, и лезут⁹ к нему.

Мне он не нравился и прежде, нежели я свыклась с Титом Никонычем. Он ходит, бывало,¹⁰ мягко, как кот, щурится, говорит шепотом — или молчит и всё про себя чему-то¹¹ улыбается. Ничего прямо не скажет, от сердца, а всё намеками,¹² с насмешкой.¹³ И, кроме того, надменный!¹⁴ С мужчинами почти не говорит — на

¹ Было: еле

² Далее было: а. Первое свидание мы оба дрожали, как в лихорадке, и только в третье свидание... Ты всё знаешь теперь, Вера. б. Первое свидание мы оба дрожали, как в лихорадке, и только в третье свидание...

Бабушка встала и молча прошлась [три раза по саду] по комнате, [подпе(рев)] уперев одну руку в бок, а другую приложив к глазам...
Вариант б. вписан на полях со знаком вставки.

³ Текст: И вот... Бабушка замолчала. — вписан.

⁴ Вместо этой фразы было: — Я была счастливее тебя тем, что любила... [и была] любви нашей помешали не мы сами, а другие...

⁵ Далее было: ласковее

⁶ Вместо: был целый сераль — было: был целый сераль их

⁷ Текст: Бросил какую-то связь в городе ∞ Бабушка плюнула. — Мне уж он этим противен был. — вписан на полях со знаком вставки.

⁸ Вместо: красивый из себя, да — было: любезный, но

⁹ Было: так и лезут

¹⁰ Было: Он на женщину так смотрит, бывало, лукаво, ходит

¹¹ Слово вписано.

¹² Было: хитро

¹³ Далее было: фальшивый мужчина!

¹⁴ Вместо этой фразы было: И гордый такой, надменный!

Тита Никоныча смотрел¹ свысока,² звал «бедным дворянчиком».³

Я от него, он ко мне пуше. Это всегда так бывает.⁴ Разинь я на него рот и развесь уши, как другие, он бы и отстал скоро.⁵ А я перечила ему; он придет, я уйду; станет шептать, а я вслух повторяю его слова — ему это не в привычку. Он закусит губы — и отойдет⁶ — смотрит иногда, будто думает: «Погоди, отмщу». И отмстил!⁷ Я не знала, как отвязаться. Вижу, что он бесится, но стара¹⁰ется вида не показать. Всё угрождает, выдумывает сюрпризы. То катанье устроит на Волге, с иллюминацией, с музыкой, то вензелями моими увешает все деревья, когда я пойду гулять, сельские праздники с танцами затевал.⁸ Я всё ничего.⁹ Стал заговаривать со мной нежно, то перчатки, то веер украдет...

У Веры задрожал подбородок от улыбки.

— У меня¹⁰ вон в комодке найдешь, если пороешься, и старые веера, и даже румяна. Ведь мы все румянились — глупая мода была.

²⁰ Наконец решил на декларацию: просил взаимности¹¹ и хотел говорить с отцом... Я чуть не упала — и только сказала, что не могу выйти за него, — и ушла.¹² (л. 36 об.)

---

¹ Было начато: а. С Титом Ник(онычем) б. на Тита Никоныча не смо(трел)

² Слово вписано.

³ Текст: Мне он не нравился и прежде ∞ звал «бедным дворянчиком». — вписан на полях со знаком вставки. Далее на полях было: и не познакомился, пока тот не воротился офицером в отпуск

⁴ Слово вписано.

⁵ Вместо: отстал скоро — было: замечать меня не стал

⁶ Далее было начато: как (будто)

⁷ Текст: Разинь я на него рот и развесь уши ∞ И отмстил! — вписан на полях со знаком вставки.

⁸ Слово вписано.

⁹ Далее было начато: Наконец стал декла(рацию)

¹⁰ Было начато: — Тебе смешно: у меня

¹¹ Вместо: просил взаимности — было начато: Он [ск(азал)] [просил позволен(ия)] спрашивал

¹² Текст: просил взаимности ∞ и ушла. — вписан на полях со знаком вставки. Далее было: [Я бы знала, как проводить его, да боялась, Вера: совесть нечиста была. Я ходила сама не своя. Вечер пряталась, ссылалась на головную боль. Василиса зазовет [с] садовника, напоит чаем с ромом — тот завалится спать, а мы с Титом Никонычем [в] туда, среди лавровых деревьев и померанцевых цветов...] Я не робкого десятка была, да боялась, Вера: совесть нечиста была. Я [топнула было, но] [хотела было] сказала ему только в ответ, что я не Катинька

Лучкина (это дочь предводителя, которую он сманил) и не мешанка какая-нибудь и дерзостей не потерплю... [Хотела позвать людей, но боялась своей совести и убежала вон. А он так дураком и остался [на коленях] с своей декларацией.] С тех пор я ходила сама не своя. Вечер пряталась, ссылалась на головную боль. Всё боялась, что он опять посвтаётся за меня и что меня будут принуждать идти за него.

Вера вздрогнула.

— Что ты? — спросила Татьяна Марковна.

— Ничего, бабушка, холодно...

— Василиса караулила, — продолжала Татьяна Марковна, застегивая спустившуюся с плеч рубашку Веры. — [Но граф не унывал.] Наконец я открыла всё Титу (л. 36 об.) Никоновичу. Посмотрела бы ты, Вера, что стало вдруг с ним. Я и не рада была, что сказала ему. Он [не мо(г)] только и ждал утра, чтоб вызвать на поединок графа. Но от ласк и просьб моих успокоился. [Он] Я ему [сказа(ла)] объявила решительно, что если он убьёт графа, то я его никогда больше не увижу — и дала ему клятву. Он знал меня — и [даж(е)] дал слово, что не покажет вида графу, что знает его декларацию. Мы решили сказать отцу [и по(шли?)] [что] о графе, и когда это кончится благополучно, граф уйдет, мы хотели броситься к ногам батюшки, признаться в любви и просить благословения.

Я на другой же день сказала батюшке о декларации графа и принесла ему две записки. Отец весь побагровел: он знал все его любовные интриги.

— Так он и ко мне в семью удостоил заглянуть, — зарычал отец, — стойте, ваше сиятельство: моя фамилия постарше вашей! Он придет обедать, ты не выходи, Таня, — сказал он, — сиди... у матери, а я один угощу его.

Я бросилась на шею отцу, чтобы он не затевал ссоры, огласки.

— Знаю, дурочка, и без тебя, ступай к себе: разве я не берегу тебя?

Я забилась к себе в комнаты, когда приехал граф, и дрожала от страха: жду, думаю, вот пойдет крик, шум, суматоха. Ничего, тихо. Василиса ходила подслушивать, воротилась и говорит: «Разговаривают, смеются».

Я не знала, что и подумать, как вдруг слышу, экипаж уезжает со двора, — смотрю, граф уехал. Отец веселым голосом зовет меня снизу к себе. Я пришла ни жива ни мертва.

— Поздравляю, — говорит, — ваше сиятельство, графиня Татьяна Марковна...

Мне как молния блеснула в глаза! Я поняла, что граф сватается и что отец рад... Я, должно быть, побледнела, потому что отец взял меня за руку и посадил на стул.

— Что ты, разве он так противен тебе, дурочка? [ведь он] не хочешь быть графиней?

Отец удивился, пошел к матери. Та стала плакать [от рад(ости)], (л. 37) призвала меня, уговаривала, просила уговорить Александру Игнатьевну — это мать Тита Никоновича, а та сама как убитая сидит, [как] лишь услышала о сватовстве графа. [У ней] Шевелит бледными губами и не может ничего сказать. [Тит Никоныч] Она знала, что ее сын любит меня. Неделю у нас весь дом был точно в трауре, а отец обещал через три дня привезти ответ графу. Наконец он рассердился и не велел мне выходить из комнаты, а сам уехал к графу и рассказал ему, что было.

— Отчего Тит Никоныч¹ не просил твоей руки? — спросила Вера.²

— Не отдали бы за него³ тогда.⁴ Молод слишком и не богат.⁵ Когда граф стал чаще ездить⁶ к нам в дом и заглядываться на меня, отец уже ожидал,⁷ что он посватается.⁸ А о Тите Никоныче и в голову никому не приходило. Мы решили с ним, когда женихи отобьются (а я бы всех отучила),⁹ просить отца и мать благословить нас.¹⁰ (л. 37)

¹⁰ Мне после декларации графа стало еще страшнее, особенно как я заметила, что он притих.¹¹ Вензеля, сюрпризы, эмблемы — всё кончилось: он будто не смотрит на меня, а в дом ездить стал чаще и иногда¹² оставался ночевать, пил с гостями и сидел до утра.¹³ В те вечера,

---

— Делайте, как знаете сами, — сказал он, — а я с плаксивым бабьем возиться не умею! Одна бледнее полотно сделалась, другая расхныкалась... Весь бабий род всполошился.

Отец мне после уж рассказывал, что граф тоже изменился в лице и закусил губу:

— Так вы [позволяете] не отказываете мне и позволяете посещать по-прежнему ваш дом...

— Еще бы: очень рад, граф, — махните на [них] баб рукой. А если упрямица переменится в вашу пользу — так и по рукам! Я не знаю, испугалась она неожиданности, или... право, не знаю...

А граф уж знал, в чем дело. Выжиг он, тонкий, опытный, — сейчас смекнул, что [в] между гостями, которые по неделям живали у нас, [кто-нибудь есть] должен быть риваль...

И стал ездить как ни в чем не бывало. Со мной вежлив, деликатен, эмблемы, сюрпризы, декларации — всё пропало. Только хмурится да задумывается... Однажды вечером мы все сидели за ужином, скучные такие. [Отец велел] Погода сырая... (л. 37 об.)

¹ Было: а. Начато: — Отчего вы б. — Отчего он

² Далее было начато: — Боже сохрани! Тогда не отдали бы — я всё

³ Далее было начато: Оте(ц)

⁴ Слово вписано.

⁵ Фраза вписана.

⁶ Вместо: стал чаще ездить — было начато: стал погляд(ывать)

⁷ Вместо: уже ожидал — было начато: дума(л)

⁸ Далее было: а. А я боялась этого пуще огня. Я бы не пошла за него ни за что, вытерпела бы за это от отца! Я хотела, чтоб граф сам отстал, видя, что дело нейдет на лад. А потом ждать. б. Мы решили ждать до поры, до времени. в. Начато: Мы уговорились с Титом Никонычем ждать до поры, до времени и

⁹ Далее было начато: тогда уж броситься в (ноги)

¹⁰ Текст: — Отчего Тит Никоныч ∞ благословить нас. — вписан на полях со знаком вставки.

¹¹ Было: что граф примол(к)

¹² Слово вписано.

¹³ Слова: пил с гостями и сидел до утра — вписаны.

как он тут был, мы не сходились с Титом Никонычем в оранжерее. Я чуяла недоброе. Граф был тонок: его не проведешь — он смекнул после моего отказа,¹ что тут должен быть риваль.² Но со мной всё вежлив, деликатен: бросится поднимать платок, подставит стул, побежит стакан воды принести — как холоп служит. Только всё что-то³ фальшиво, не от сердца. У самого с губ не сходит противная улыбка. Мне было тяжело на сердце.⁴ Василиса заметила однажды, что он вышел из комнаты Тита Никоныча, когда того не было там. Должно быть,¹⁰ шарил, нет ли писем.⁵ А я заметила, что он раза три исподлобья, украдкой⁶ пристально смотрел на него. Сердце чуяло беду — я решила предупредить Тита Никоныча и прекратить на время свидания. Тут только я очнулась и подумала: что мы наделали, до чего довели себя. Давай каяться — да поздно!

Однажды вечером мы сидели за ужином, скучные такие. На дворе было сыро — все молчали... Был граф да еще два соседа — картежники и пить любили...⁷

Вот, Верочка, сорок пять лет было ровно 25 августа²⁰ после этого вечера,⁸ а я помню этот день, как вчера, и каждый год служу молебен... Могло случиться великое⁹ несчастье...¹⁰

Отец соскучился¹¹ — пригласил нас встать из-за стола¹² и велел Никитичу достать¹³ венгерского вина и пригласил графа¹⁴ и других двух¹⁵ выпить ее, велел по-

¹ Слова: после моего отказа — *вписаны*.

² Далее было начато: Одна<ко?>

³ Далее было начато: непо<хоже?>

⁴ Далее было начато: а. Однажды он б. Однажды я

⁵ Фраза *вписана*.

⁶ Слово *вписано*.

⁷ Текст: Мне после декларации графа стало еще страшнее ~ и пить любили... — *вписан на полях*.

⁸ Вместо: после этого вечера — было: как случилась беда

⁹ Было: а. большое б. такое великое

¹⁰ Далее было начато: Надо тебе [зна(ть)] сказ(ать)

¹¹ Далее было: этим молчанием

¹² Далее было начато: Я была радехонька, потому что Тит Никоныч сидел напротив меня, [и мы не] я не смела взглянуть на него. А не смела оттого, что [заметила] показалось мне, что граф опять пристально раза два поглядел на него. Накануне мне Василиса сказала, что раза два заметила, как доезжачий графа, с которым он ездил вместо кучера, проныра и плут малый, всё толкался в саду, у оранжереи. Отец

¹³ Далее было: бутылку

¹⁴ Далее было: и Тита Никоныча

¹⁵ Слова: и других двух — *вписаны*.

дать и карты,¹ а нас² отпустил.³ Я шепнула Титу Никонычу,⁴ чтоб⁵ он на минуту сошел в оран(жерею).⁶ (л. 37 об.)

Тит Никоныч с отчаяния воткнул шпагу в землю,⁷ сел на землю и залился слезами. У меня сердце надрывалось.⁸

— Тебя я потерял, — говорил он, — опозорен на весь век⁹ и отомстить не могу... Жить нельзя! я заколюсь!¹⁰

Потом вдруг вскочил на ноги.

¹⁰ — Нельзя не драться, — сказал он,¹¹ — кто-нибудь должен остаться на месте — Бог поможет правому делу: я убью его. Если оставлю так — всё равно¹² огласки не избежим:¹³ он огласит о нашем свидании и об ударе...¹⁴

— Граф! — сказала я, — ужели вы не сохраните тайны...¹⁵

Он смотрел на нас молча, со злобой.¹⁶

— Сохраню, но на одном условии, — сказал он.¹⁷

---

¹ Слова: велел подать и карты — вписаны.

² Было: а нас всех

³ Далее на полях со знаком вставки и между строк было: Граф пить не любил тогда — один из всех — за это и враги его удивлялись ему. [У] [Я сейчас скажу от(чего)] Не то чтобы он не любил вина, а крепился нарочно: была причина, я сейчас дойду до этого. Тит Никоныч отказался.

⁴ Незачеркнутый вариант: ему

⁵ Слова: Титу Никонычу, чтоб — вписаны.

⁶ Лист с продолжением текста в рукописи отсутствует; его отсутствие в дальнейшей нумерации не отражено; следующий лист начинается с зачеркнутого текста: — А я никогда [не буду н(ичьей?)] не выйду замуж — даю клятву! — сказала я.

Мы оба вышли как убитые, [то и] а граф уехал довольный — и объявил отцу, что не надеется склонить меня отдать ему руку и сердце и потому покоряется моему решению.

⁷ Вместо: с отчаяния воткнул шпагу в землю — было: бросил шпагу

⁸ Далее было: Жить нельзя.

⁹ Было: на всю жизнь

¹⁰ Слова: я заколюсь! — вписаны.

¹¹ Было: — Так, — сказал он, — нельзя не драться

¹² Слова: всё равно — вписаны.

¹³ Было: огласка будет

¹⁴ Вместо: и об ударе — было: а. и о бесчестии, которое мне нанес б. и о моем бесчестии

¹⁵ Далее было начато: оттого, что девушка

¹⁶ Фраза вписана. Вместо: молча, со злобой — было: злобно, со смехом

¹⁷ Далее было: и зубы оскалил, и сам шатался, глядя на нас обоих

— На каком? — спрашиваю я.

— Чтобы вы никогда не выходили за него замуж: если вы оба дадите слово,¹ тогда и я обещаю вам молчать о том,² что произошло между нами.

Сначала мы остолбенели оба, удивились.³ Я думала, что Тит Никоныч ни за что не согласится, как вдруг вижу, что он как будто раздумывает.⁴ Мне горько⁵ стало.⁶ Ужели, думаю, согласится разлучиться⁷ со мной?

— А кто поручится, что вы сдержите ваше обещание?¹⁰ — не глядя на графа, говорит он.

— Слово дворянина и графа...

— Не верю. Этого мало: надо слово честного человека,⁸ — говорит Тит Никоныч.

— Как вы смеете... — закричал было граф.

— Молчать! — крикнул (л. 38) и на него Тит Никоныч.⁹

Они было бросились друг к другу — а я стала между ними и отвела Тита Никоныча.¹⁰

— Дворянин и граф, он¹¹ хотел втереться¹² в сердце²⁰ благородной девицы, — заговорил Тит Никоныч,¹³ — и когда¹⁴ не удалось, так он¹⁵ низким¹⁶ образом подглядел рандеву: честный человек этого не сделает...

Граф со злости¹⁷ не вдруг слово нашел.¹⁸

---

¹ Было: честное слово

² Было начато: об эт(ом)

³ Фраза вписана.

⁴ Было: ни за что не решится, как вижу, что он молчит и раздумывает

⁵ Было начато: боль(но)

⁶ Фраза вписана.

⁷ Было: расстаться

⁸ Слова: Этого мало: надо слово честного человека — вписаны на полях со знаком вставки.

⁹ Фраза вписана.

¹⁰ Далее между строк было начато: — Я докажу и шпагой, и логикой, — кричал

¹¹ Слово вписано.

¹² Было: насильно втереться

¹³ Слова: заговорил Тит Никоныч — вписаны.

¹⁴ Далее было: ловеласу

¹⁵ Далее было начато: тайком под(глядел)

¹⁶ Было: подлым

¹⁷ Было начато: зл(обно)

¹⁸ Фраза вписана.

— Хорошо: если мало дворянского и графского слова, я даю слово честного человека...¹ — говорит.²

— В пьяном виде, — говорит Тит Никоныч.³

— Завтра письменный акт пришлю — принимаете? — спросил граф.

— Не принимай — завтра скажем всё батюшке, — останавливала я.⁴

Тит Никоныч, вижу, бледный, молчит,⁵ потом стал передо мной на колени.

10 — Вы удержали меня, Татьяна Марковна, — говорит,⁶ — от мщения: я исполнил вашу волю:⁷ отказываюсь, ради вас, от сатисфакции... — он взял и переломил шпагу пополам, — отказываюсь⁸ навсегда и⁹ от шпаги, не стану служить.¹⁰ Теперь исполню долг честного человека до конца — сберегаю вас от огласки и отказываюсь от вашей руки навсегда...¹¹ Откажитесь и вы от меня.¹²

20 Я хотела¹³ остановить его и заплакала, забыла, что тут свидетель, бросилась ему на шею,¹⁴ не помню, что говорила, как умоляла,¹⁵ чтоб он не отказывался, что мы будем счастливы, что батюшка благословит нас...

— Нет, — говорит,¹⁶ — обида, нанесенная моей чести, не омыта кровью — и я не могу быть мужем благородной девицы.¹⁷ Даю вам слово,¹⁸ граф, что никогда не

---

¹ Было: честное слово

² Далее было: и сам опять со злости засмеялся

³ Вместо этой фразы было: — Не верю: вы пьяны теперь...

⁴ Фраза вписана на полях со знаком вставки.

⁵ Вместо: вижу, бледный, молчит — было: а. воткнул шпагу в землю б. Начато: поднял шпагу, воткнул

⁶ Слово вписано.

⁷ Далее было начато: и сберег вашу

⁸ Было: и отказываюсь

⁹ Слово вписано.

¹⁰ Слова: отказываюсь, ради вас, от сатисфакции ∞ не стану служить — вписаны на полях со знаком вставки.

¹¹ Далее было начато: а. даю мое сл(ово) б. Что вы

¹² Фраза вписана.

¹³ Было начато: бросилась

¹⁴ Далее было начато: а. сказ(ала) б. гово(рила)

¹⁵ Было начато: пла(кала)

¹⁶ Далее было начато: а. отказываюсь навсегда — я недо(стоин) б. чес(ть)

¹⁷ Вместо: не могу быть мужем благородной девицы — было: считаю себя недостойным быть вашим мужем

¹⁸ Было: честное слово

буду искать руки Татьяны Марковны,¹ и вы не произносите никогда ее имени...²

Граф протянул было ему руку, — «примите, — говорит, — извинения»³ — но Тит Никоныч оттолкнул.

— Если, — говорит,⁴ — мне любовь помешала отрубить руку, которая⁵ умеет позорить честных людей, то⁶ презрение мешает мне позать ее. Я отказался от сатисфакции, отказываюсь и от извинений.⁷
(л. 38 об.)

Бабушка умолкла. Вера всё еще слушала, едва приходя в себя от этой старой, забытой драмы, вызвавшей на лицо бабушки свежее волнение,⁸ угасшие чувства, перенесшие ее в разгар жизни.

Татьяна Марковна казалась ей, сквозь седины и морщины, молодой, высокой, стройной девушкой с правильными, энергическими чертами лица, с гордой осанкой, с быстрыми, сдержанными движениями, с глазами, полными блеска молодости и свежести и с тою же страстью, какая недавно жгла ее и еще неслышно таилась далеко в сердце.⁹

Всё это проступало¹⁰ и будто ясно виделось Вере. Она перенеслась за нею далеко, за сорок лет, и испытывала то, что испытывала бабушка.

— Дальше, бабушка: конец?

— Тут и конец, Вера. Граф¹¹ был счастлив, что отместил и расстроил чужое счастье, потому что я не под-

---

¹ *Далее было начато:* — Я от горя чуть не помешалась — а потом — когда уж слово было дано, [я] [и я дала] я тут же дала слово, что никогда не буду ничьей женой...

[Граф]

Бабушка замолчала и стала ходить взад и вперед по комнате. Вера следила за ней, глядя на нее с новым любопытством, слушая

² *Далее на полях со знаком вставки было:* — Я пойду в монастырь, — сказала я.

³ *Слова:* «примите, — говорит, — извинения» — *вписаны.*

⁴ *Далее было начато:* нельзя

⁵ *Далее было начато:* позор(ит)

⁶ *Далее было начато:* честь моя, которая осталась при мне

⁷ *Текст:* Граф протянул было ему руку ∞ отказываюсь и от извинений. — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁸ *Далее было начато:* но

⁹ *Слова:* и с тою же страстью ∞ таилась далеко в сердце — *вписаны между строк и на полях со знаком вставки.*

¹⁰ *Далее было начато:* сквозь

¹¹ *Далее было начато:* от(мстил)

далась его капризу.¹ Тогда много было² праздных, богатых дворян. Они ничего не делали: и нечего было делать, и не умели ничего, а шлялись по белу свету да похищали³ женщин, дрались на поединках,⁴ играли в карты, ездили на охоту, пили... в этом проходила и вся жизнь...⁵

Он в другой день прислал к Титу Никонычу письмо с извинениями в том, что оскорбил его в пьяном виде, прислал ему и новую шпагу, писал, что он достоин носить ее, что он признает его благородным⁶ дворянином, и⁷ подтвердил слово,⁸ что всё происшедшее сохранит втайне. И держал слово всю жизнь. Я чуть не помешалась с горя, стала худеть, бледнеть. Меня лечили от чихотки, от болезни спинной кости. Я все лекарства бросала в печь,⁹ хотела идти в монастырь — но умер отец — мы остались с матушкой и переехали к¹⁰ ее сестре, твоей матери... Имение продали...¹¹

И Тит Никоныч сдержал¹² слово. За меня сваталось много женихов — и как отец ни мучился, как ни грозил, как мать ни плакала, как ни удивлялись все, а¹³ я объявила, что никогда не выйду замуж,¹⁴ — со вздохом прибавила бабушка. — Тит Никоныч уехал, вышел в отстав-

---

¹ *Далее было: а. Начато:* Тогда *б. Начато:* Он был злой, негодный человек *в.* Он был не то что злой, а надменный мужчина, [не люб(ивший?)] избалованный, хоть и тонкий, и воспитанный, [а не раз(ивший?) свою] а волю свою исполнял, чтоб на своем поставить. *Вариант в. вписан на полях со знаком вставки.*

² *Далее было начато:* этих б(огатых)

³ *Было:* увлекали

⁴ *Слова:* дрались на поединках — *вписаны.*

⁵ *Было:* вот и вся жизнь

⁶ *Было начато:* чест(ным)

⁷ *Текст:* прислал ему и новую шпагу ∞ благородным дворянином и — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁸ *Было:* дал слово

⁹ *Далее было:* Василиса да граф знали о моей болезни. Он ездил и после в дом и всё про себя улыбался, глядел на меня тихонько, с насмешкой, даже подсылал женихов тайком. Я ненавидела его и не шутила хотела идти в монастырь... Потом отец умер — я с матушкой поселилась с твоей матерью. Наше имение продали за долги...

¹⁰ *Далее было начато:* твоей матери — имение

¹¹ *Текст:* Я чуть не помешалась с горя ∞ Имение продали... — *вписан на полях со знаком вставки.*

¹² *Было:* И мы сдержали

¹³ *Слова:* как ни удивлялись все, а — *вписаны.*

¹⁴ *Текст:* слово. За меня сваталось много женихов ∞ что никогда не выйду замуж. — *вписан на полях со знаком вставки.*

ку и вояжировал¹ — тогда прошла молва, что за меня сватался и граф, потому все-таки через людей кое-что вышло наружу;² что я любила Тита Никоныча, а меня хотели отдать за графа, да я не пошла и с досады, что не отдали за Ватутина, осталась весь век в девках.³ А после и замолчали.⁴

Татьяна Марковна кончила свой рассказ — и обе погрузились в глубокое молчание.

---

¹ *Слова:* Тит Никоныч ∞ вояжировал — *вписаны на полях со знаком вставки.*

² *Вместо:* что за меня сватался и граф ∞ кое-что вышло наружу — *было:* что за меня сватались — потому все-таки через людей кое-что вышло наружу — *оба Правка не доведена до конца (слово «оба» осталось незачеркнутым).*

³ *Далее было:* Ватутин приехал лет через пятнадцать — и вот мы и близки, а между тем чужие друг другу. И оба без семьи, оба не смеем вслух сказать слово от сердца, любовно взглянуть один на другого — и несли покорно эту тяжесть всю жизнь...

Да, Вера: мы виноваты. Бог требует твердости, мудрости, (л. 39) терпения — и кто не вытерпит — тот и платит за это. [Мы] Простить нас можно, и Бог прощает, а оправдать нельзя, что новые умишки ни говори.

Будут падать бедные женщины — и если будут смиряться, сознаваться и плакать — так можно жить! Жизнь и поправит промах! Вот если б мы с Титом Никонычем не ходили... в оранжерею, граф отстал бы так, а отец потом благословил бы нас — да [я потом в] он потом намекал: «Чем, — говорит, — не жених!..» [И моя]

И моя жизнь была бы полнее... И ты, бедная: и тебе всею жизнью надо поправлять... Что ты скажешь теперь тому, кто полюбит тебя, кого полюбишь ты?

Вера легла и закрыла глаза.

— Будет ли ему всё равно... Спроси самого доброго, справедливого, вот хоть Ивана Иваныча...

— Бабушка, Иван Иванович вот что говорит, — [переб(ила)] остановила ее Вера и шепотом пересказала ей [о том, что] о предложении Тушина и о том, что произошло между ею и им в саду, в день рождения Марфиньки.

Обе замолчали и, обнявшись, погрузились в глубокую задумчивость — обе были грустны.

— Бабушка! — тихо сказала Вера, — [возь(ми)] я не останусь здесь, не хочу жить в старом доме — возьми меня к себе вместо Марфиньки. Я хочу быть Марфинькой. Пойдем молиться — мне легче, лучше и было бы совсем покойно, если б я... знала тебя прежде, как знаю теперь.

— Хорошо, — отвечала Татьяна Марковна, — пусть это будет последняя ночь... Завтра пойдем туда, воротись, бедная моя овечка, под ту кровлю, где ты родилась, к своей колыбели и к игрушкам... Завтра же пойдем вместе молиться. (л. 39 об.)

⁴ *Далее на полях со знаком вставки было:* Граф долго еще гонялся за женщинами, даже под старость. А вино совсем перестал пить. Он напился еще однажды, сильно пьяный нагрубил своей матери. На другой день очнулся, присил у ней на коленях прощения и дал слово не пить всю жизнь. И не пил.

— Что же было делать, бабушка, и мне, и тебе? — спросила Вера, — отказаться от счастья... трудно и жаль, а падать... это случается нечаянно...¹

— Не падать, если... силы хватит, Вера, и счастье бы не ушло. Тот же Тит Никоныч женился бы на мне: отец привыкал к нему, полюбил его... И ты, бедная, скоро увидела бы, что не тут твое счастье... Теперь остаешься одна в мире: когда я умру...²

— Не говори, бабушка...

10 — Когда ты полюбишь³ — и тебя будут любить: Бог дал тебе красоту и ум... что ты скажешь... тому, кто... вот когда отзовется опять горе!⁴

— Ничего не скажу, бабушка, или, если нужно будет, скажу правду...

— Тяжело, Вера: станет ли духа?

— Стало, бабушка: я уж испытала это.

Вера⁵ рассказала бабушке о предложении⁶ Тушина. Татьяна Марковна почти застонала⁷ от горя,⁸ что уже есть третья, чужое лицо, которому известна тайна⁹ Веры, и всего более от сожаления о том,¹⁰ что судьба Веры решилась навсегда,¹¹ что¹² карающий меч упал и разорвал¹³ ее жизнь¹⁴ пополам в ту минуту,¹⁵ когда этой жизни¹⁶ улыбнулось счастье в лице Тушина. «Перст Божий, перст Божий! — твердила она,¹⁷ — да будет воля Божия», — сказала потом.

¹ Слова: это случается нечаянно — *вписаны*.

² *Вместо*: И ты, бедная ∞ когда я умру... — *было*: А ты, бедная, остаешься одна в мире, когда я умру...

³ *Далее было начато*: ты

⁴ Слова: тому, кто... вот когда отзовется опять горе! — *вписаны между строк и на полях со знаком вставки*.

⁵ *Было*: Он(а)

⁶ *Было*: про сватовство

⁷ *Было начато*: чуть не за(стонала)

⁸ *Вместо*: почти застонала от горя — *было*: [была поражена] пораженная и жалостью, и удивлением поступку Веры, [и] терзалась затем от мысли

⁹ *Вместо*: известна тайна — *было*: а. известен «позор» — нет, тайна б. известен «стыд» — нет, тайна

¹⁰ *Вместо*: от сожаления о том — *было*: а. *Начато*: ужасом [к судь(бе)], сожалением о б. от ужаса, сожаления о том

¹¹ Слово *вписано*.

¹² *Далее было*: меч

¹³ *Было начато*: разре(зал)

¹⁴ Слово *вписано*.

¹⁵ Слова: в ту минуту — *вписаны*.

¹⁶ *Было начато*: эта жизнь

¹⁷ *Далее было*: а. *Начато*: ст(радая?) б. вновь чувствуя новые страдания

— Успокойся, дитя мое, — говорила она, — не промах губит, а жизнь, какая следует за промахом. Встань и иди — Бог помилует!

Она перекрестила Веру, и обе заснули опять¹ в объятиях друг друга,² — на обеих снизошел мир и тихий сон. Вера приникла лицом к груди бабушки и во сне³ головой делала движение, как будто уходя⁴ дальше в эту любящую грудь матери, как будто хотела глубже зарыться в ее объятия.⁵ (л. 39 об.)

Вторая редакция
(«Дня два Вера не выходила из кабинета
и спальни бабушки...») главы (ЧА)

Глава

10

Дня два Вера не выходила из кабинета и спальни бабушки,⁶ пока совершался⁷ процесс морального и физического успокоения Веры. Она и днем, завернувшись в большой платок, сидела в постели.

Татьяна Марковна⁸ почти⁹ не оставляла ее. В доме¹⁰ никого не принимали, кроме доктора да Тита Никонныча. Райский¹¹ был постоянным собеседником. Он читал им, чертил карикатуры и писал¹² начатый портрет с Татьяны Марковны.¹³ Он был доволен своей работой и еще более довольна Вера; ее указания были драгоценны²⁰ для него. Тайна лица и характера бабушки, благодаря их двойным усилиям, была угадана. Оставалась одна отделка аксессуаров. Он сговорился¹⁴ с Верой сделать торжественную овацию Татьяне Марковне: поставить ее портрет в ее парадной гостиной, в центре фамильных

¹ Слово вписано.

² Далее было начато: Вера

³ Далее было начато: всё хотела уй(ти)

⁴ Было: а. проникая глубже б. Начато: ей

⁵ Далее черточка, обозначающая конец главы.

⁶ Далее было начато: она усп(окаивалась?)

⁷ Слова: пока совершался — вписаны.

⁸ Было: Ба(бушка)

⁹ Слово вписано.

¹⁰ Далее было: всё еще

¹¹ Далее было начато: приход(ил)

¹² Далее было начато: ба(бушкин)

¹³ Было: портрет Татьяны Марковны

¹⁴ Было: Они сговорились

портретов ее рода, увенчать его¹ цветами и зеленью и осветить как живую картину. Райский заказал богатую рамку, какую только можно было иметь, сочинив для нее рисунок.²

Однажды³ после обеда в кабинете Татьяны Марковны оставался только Тит Никонович, она сама да Вера.⁴ Был Райский и ушел. После него разговор упал и настало молчание.⁵ Тит Никонович, видя, что Татьяна Марковна задумалась, а Вера, сидя у ее ног на скамеечке и положив ей голову⁶ на колени, впала как будто в дремоту, счел себя лишним и скромно удалился.⁷ В доме было тихо. Наступили сумерки, но Татьяна Марковна, любившая иногда «сумерничать», не велела давать огня. Долго молчали они⁸ обе.

— Бабушка, — шепнула наконец Вера.

— Что, Верочка? — машинально ответила Татьяна Марковна, глядя ей рукой лоб и волосы.⁹

Вера медлила продолжать.

— О чем ты думаешь?¹⁰ — говорила она.¹¹

20 — Я думаю... отчего не всем одинаково дано счастья и несчастья,¹² — сказала, помолчавши, Вера,¹³ — иным дано одно счастье, другим горе...¹⁴ Одни покойны,¹⁵ другие не знают покоя...¹⁶ Отчего не поровну...

— Поровну, Верочка, всем. Это¹⁷ так кажется, что одни счастливее других: оптический обман! Всякий сам про себя знает, где он счастлив, где бедствует; другой не

¹ Было: ее

² Текст: Дня два Вера не выходила ∞ сочинив для нее рисунок. — *вписан на полях со знаком вставки.*

³ Было: Через несколько дней

⁴ Было: да она сама и Вера *Далее было: а. Начато:* Говорили о р(азном?) б. Разговор шел вяло.

⁵ Текст: Был Райский и ушел. ∞ и настало молчание. — *вписан.*

⁶ *Далее было:* на подуш(ку)

⁷ *Далее было:* Райского не было дома.

⁸ Слово *вписано.*

⁹ Слова: глядя ей рукой лоб и волосы — *вписаны.*

¹⁰ *Далее было:* что у тебя на уме...

¹¹ Слова: говорила она — *вписаны.*

¹² *Далее было: а. одним больше того, другим другого б. Начато:* одним больше, другим

¹³ Слова: сказала, помолчавши, Вера — *вписаны.*

¹⁴ *Вместо:* иным дано одно счастье, другим горе — *было:* иным только дано одно, другим только другое

¹⁵ *Было:* Одни только счастливы или покойны по крайней мере

¹⁶ *Вместо:* не знают покоя... — *было:* знают только грозу?

¹⁷ *Далее было:* только

всё видит в чужой судьбе — и судит только по тому, что видит. А сколько не видит! От этого и справедливо, что «чужая душа — потемки!»¹ (л. 1)

— Будто так? — машинально спросила Вера.

— Я думаю, так.²

— А мне³ показалось, что не поровну всем дано...
Одни вовсе не знают бед, другие...

Она вздохнула.⁴

— Ты не суди по наружности, — заметила Татьяна Марковна,⁵ — не завидуй⁶ чужому счастью — под ним часто пропасть зияет, незаживаемая рана мучает. А⁷ иной кажется очень жалок: беден, угнетен — ты только это видишь, а того не видишь, что дух покоен, совесть чиста у него, что он не поменяется с тобой богатством...⁸ Что это⁹ пришло тебе в голову? — спросила она.¹⁰

---

¹ *Вместо:* — Поровну, Верочка, всем. ∞ «чужая душа — потемки!» — *было:* — Поровну, Верочка, это только так кажется, всем дано поровну. Всякому дана своя доля, свое счастье и несчастье: иные сумели удержать счастливую долю [дру(гие)] и избегли несчастной...

² *Далее было:* Несчастье — это или испытание, [или чтоб человек] или наказание за свое же неуменье управиться с своей долей, за слепоту, за небрежение, за гордость — мало ли за что? Что это тебе пришло в голову?..

³ *Было:* а. — Мне б. — Так: мне

⁴ *Текст:* — Что, Верочка? ∞ Она вздохнула. — *вписан на полях этого и предыдущего листов со знаком вставки вместо зачеркнутого текста:* о чем ты думаешь?

Татьяна Марковна глубоко вздохнула в ответ.

— Что у тебя на уме? — спросила с беспокойством Вера.

— Так: разные мысли бродят... — задумчиво говорила Татьяна Марковна.

— Скажи мне, какие? — просила Вера.

— [Во(т)] Да вот думаю: давно живут люди на свете, а всё, как слепые, бродят в потемках. [Видишь, теперь в (л. 32) сумерки вон [в том углу висит мой салон] все предметы не похожи на себя] всё не то [дума(ют)] и не так думают, не то делают. До сих пор не умеют распознать, где честь, где бесчестье, что умно, что глупо, что правильно, что неправильно... [Положим, например] [другие испортили сами себе...]

⁵ *Слова:* заметила Татьяна Марковна — *вписаны.*

⁶ *Далее было:* слишком

⁷ *Далее было:* иногда

⁸ *Вместо:* беден, угнетен ∞ он не поменяется с тобой богатством — *было:* беден, угнетен — да дух покоен, совесть чиста — он и богат, и гнет ему нипочем...

Бабушка вздохнула.

⁹ *Было начато:* Ты

¹⁰ *Далее было начато:* — Да вот Тит

— Так:¹ тут сейчас был Тит Никоныч, — сказала Вера,² — я глядела на него³ и думала — отчего и за что ему выпала покойная и даже счастливая⁴ жизнь?⁵ Никакой «пропасти не зияло» под ним, не мучала его «незаживаемая рана»... А другие:⁶ все, кого ни возьмешь... Она вспомнила и брата⁷ Бориса, измученного ни за что ни про что, и Тушина,⁸ который согнулся и постарел от ее беды,⁹ и Марка,¹⁰ и Козлова,¹¹ и даже вспомнила о Савелье...¹²

¹⁰ Бабушка сделала какое-то движение в темноте, когда она назвала Тита Никоныча, и долго молчала.¹³

— Что ты сказала бы, Верочка,¹⁴ — начала потом¹⁵ Татьяна Марковна тихо, — если б кто-нибудь ударил¹⁶ брата твоего Бориса или Ивана Ивановича по лицу... (л. 1 об.)

Вера вдруг подняла голову с колен Татьяны Марковны.¹⁷

— Сохрани Боже, бабушка: что ты! — с испугом сказала она,¹⁸ — это было бы ужасное несчастье на всю ²⁰ жизнь...

— Отчего же? — сдержанно спросила Татьяна Марковна, — если б они не заслужили этого?

---

¹ *Далее было начато:* я гляд(ела)

² *Слова:* сказала Вера — *вписаны.*

³ *Слова:* я глядела на него — *вписаны.*

⁴ *Было:* ясная, покойная и безупречная

⁵ *Далее было начато:* У него нет пятна на совести и не было п(ропасти?)

⁶ *Было:* А мы?

⁷ *Слово вписано.*

⁸ *Далее было:* и «его»

⁹ *Слова:* который ∞ от ее беды — *вписаны.*

¹⁰ *Далее было:* а. даже Савелья б. и Савелья

¹¹ *Было начато:* Леон(тья)

¹² *Вместо вписанного на полях со знаком вставки текста:* А другие ∞ и даже вспомнила о Савелье... — *было:* Отчего он так счастлив среди нас, а вот мы с тобой... [брат да] а другие («брат Борис, — подумала она про себя, — Тушин и „он“...»)... — Она кончила вздохом.

¹³ *Вместо:* и долго молчала. — *было:* Вера замолчала.

¹⁴ *Далее было начато:* если б

¹⁵ *Слово вписано.*

¹⁶ *Далее было:* Борюшку

¹⁷ *Фраза вписана. Рядом на полях набросок к последующему тексту:* — А ты видишь, что можно жить и после этого... — говорит бабушка, рассказав ей всё...

— Да, вижу, но для этого надо, чтобы я была такая, как ты...

¹⁸ *Вместо:* сказала она — *было:* перебила Вера

— Всё равно! предрассудок глуп, но силен.¹ Надо — или убить дерзкого, или самому убится: жить нельзя между людьми опозоренному...

— Стало быть,² и нам жить нельзя... — шептала чуть слышно Татьяна Марковна, — и мы опозоренные: так ли это, Верочка?

Вера молча положила голову опять к ней на колени и сдержала глубокий вздох. Старушка молча гладила³ ей волосы.⁴

— Какой ужасный пример привела ты, бабушка! — сказала Вера.⁵ — Что тебе вздумалось?⁶ Это в самом деле «незаживаемая рана»...

— Ну так вот эта рана и есть у Тита Никоныча, которому ты позавидовала. Его ударили по лицу, и обида⁷ осталась неомытой...

— За что? Кто? — с изумлением спрашивала Вера,⁸ поднимая голову и⁹ стараясь взглянуть¹⁰ в глаза бабушке.

— Не за «что», а за кого: за меня, Вера, — а кто?..¹¹

Она вздохнула и замолчала. Вера жадно ждала.

— Ты слыхала о графе Сергее Иваныче... Он умер²⁰ давно...¹²

— Да, тот¹³ богатый,¹⁴ красавец, который, говорят,¹⁵ был счастлив в женщинах... слыхала!¹⁶

— Не во всех женщинах,¹⁷ — сказала бабушка.¹⁸ — Так вот он и ударил...

— Тита Никоныча!

---

¹ *Далее было:* в обществе!

² *Было начато:* — Так ли это: ведь

³ *Было:* ласкала

⁴ *Текст:* опозоренному... ∞ гладила ей волосы. — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁵ *Слова:* сказала Вера — *вписаны.*

⁶ *Фраза предварена пометой:* (Новая строка.) *Далее было:* а. Вот это б. Ведь это в. Как а.

⁷ *Далее было начато:* не омыта

⁸ *Далее было:* хватая за руки Татьяну Марковну

⁹ *Слова:* поднимая голову и — *вписаны.*

¹⁰ *Далее было:* ей

¹¹ *Далее было:* Ты слыхала о графе Сергее Ивановиче...

¹² *Было начато:* Его уж да(вно) *Текст:* Она вздохнула и замолчала. ∞ Он умер давно... — *вписан на полях со знаком вставки.*

¹³ *Слово вписано.*

¹⁴ *Далее было начато:* сводил

¹⁵ *Слова:* который, говорят — *вписаны.*

¹⁶ *Вместо:* слыхала! — *было:* ведь он умер давно.

¹⁷ *Слово вписано.*

¹⁸ *Далее было:* Он умер давно.

— Да, Тита Никоныча!

У Веры вдруг родились догадки, соображения, открылась будто дверь в прошедшее бабушки, осветился ее «грех». Она хотела осыпать ее вопросами, но, угадывая за намеком на удар по лицу Тита Никоныча и самый роман, и исповедь бабушки, она склонила¹ опять голову к ней на колени (л. 2) и не спросила ничего.² Татьяна Марковна, не ожидая³ вопросов, заговорила сама.

— Может быть, рану и затянуло, — сказала она, — мы не поминаем об этом больше никогда.⁴ А была рана и долго зияла, сорок с лишком лет⁵ прошло с тех пор. — Она задумалась.⁶ — И эта рана⁷ заела и его, и мою жизнь. Да, правду говоришь ты: глуп предрассудок! Давно свет стоит, а люди всё еще бродят в потемках и не умеют распознать,⁸ где честь у мужчины, где у женщины. Вон⁹ тут полгорода мужчин надо бы отхлестать по щекам, а они живут с небитым бесчестьем — и правы, нужды нет, что все в пятнах!..¹⁰

— Что же Тит Никоныч?¹¹ — тихо подсказала Вера, сгоравшая нетерпением узнать тайну пощечины.¹² Тать-

---

¹ *Далее было начато:* к ней

² *Далее было:* Но

³ *Было:* и не ожидая

⁴ *Далее было начато:* Да, глу(п)

⁵ *Было:* а. сорок пять лет б. сорок четыре года

⁶ *Было:* глубоко вздохнула

⁷ *Текст:* сорок с лишком лет ∞ И эта рана — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁸ *Далее было начато:* когда честен мужчи(на)

⁹ *Было:* Вот

¹⁰ *Далее было:* И честных женщин тут, в городе, разве мы с тобой да ребенок Марфинька, а попробуй мы исповедать свой грех перед людьми — [жить надо буд(ет)] [все мерзавки схватят по камню] каждая мерзавка схватит камень, чтоб швырнуть в нас... [Отто(го)] Вот отчего от глупости и злости людской надо прятать свой грех, а не потому, что честь погибла... Бог добрее и мудрее нас. Он отнимает и карает гибелью ту, которая падает нарочно: «Поднимет, — думает, — если уронил, женится поневоле...» И почти всегда ошибается... [Это низость, расчет!] [Расчет — какой бы ни был — всё расчет: богатство, титул, замужство в виду... Низость, низость!] Мы с тобой не такие! Мы не пойдем прятаться за другого. Мы не погибли и не погибнем [Вера, никогда...]! Погибает, как муха, та, кто перешагнет порог, как сорока перескочит через куст... и идет дальше с веселой песней, думает — дело сделала... Таковую жалко — много таких: [они «не ведут, что творят»]. Мы не такие... [легко ли досталась нам наша... «вина»] (л. 2 об.)

¹¹ *Было:* а. Как в тексте. б. — А Тит Никоныч?

¹² *Далее было:* Она подняла голову.

яна Марковна обняла ее шею и, положив свою щеку¹ ей на голову, тихо шептала свой роман.

— Он любил меня, а я его — и... теперь, как я назвала его, ты увидишь, что мы² любим и до сих пор. У него и свету только в этой комнате, а у меня день не день, если его нет...

— Отчего вы не женились, бабушка? — спросила Вера.

— Сначала³ оттого же, отчего Кунигунда не вышла за своего Ричарда: родители не соглашались...⁴

— А потом, когда они умерли? — перебила Вера.⁵ — ¹⁰ Ведь ты еще молода осталась и переехала жить с моим дедом и бабушкой? — спросила Вера, — тогда ты была свободна... и Тит Никоныч тоже?

Бабушка⁶ покачала головой.

— Нет: мы были связаны оба...⁷ Слушай⁸ — я расскажу, как было. Может быть, меня и отдали бы за Тита Никоныча, если б... не этот граф.⁹ У Тита Никоныча было двести¹⁰ душ, а у графа три тысячи. Ну — и граф! Был капитан гвардии, при дворе служил, вояжировал: дом — ты видела — хоть и развалился, а всё видно, что ²⁰ дворец был.¹¹ Дворни, псарей¹² больше ста человек, своя музыка, театр и свой... сераль... — тихо добавила она. — Он масон был (тогда почти¹³ все образованные¹⁴ дворяне были масонами).¹⁵ И отец мой тоже там был...

— Что же они делали? — спросила Вера.

— Съезжались... потом напивались. А тоже мантии были, серебряные лопатки, длинные перчатки. Вон

---

¹ Далее было начато: на

² Слово вписано.

³ Слово вписано.

⁴ Было: не согласились. Далее было: Я их не виню, Боже сохрани, — поспешно прибавила она, — они и согласились бы, [если б не] хоть не вдруг, подумавши, выдать меня за бедного дворянина, если б не было этого графа.

⁵ Слова: перебила Вера — вписаны.

⁶ Было: Она

⁷ Вместо: мы были связаны оба — было: он был несвободен

⁸ Было: Теперь по(слушай)

⁹ Текст: — А потом, когда они умерли? ∞ если б... не этот граф. — вписан на полях со знаком вставки.

¹⁰ Было: триста

¹¹ Далее было: Просв(атали бы?)

¹² Было: Псарей, дворни

¹³ Слово вписано.

¹⁴ Слово вписано.

¹⁵ Далее было: у него ложа была

у меня еще и теперь кое-что уцелело от отца — лежит там,¹ в туалете, в нижнем ящике, — я тебе покажу ужо — вместе с кольцами, румянами.² Наш дом, ты знаешь, был большой: отец жил широко,³ брат Василий еще шире. Когда он служил в Петербурге, в гусарах,⁴ раза три тысяч по сту⁵ долгов за него платили. ⟨л. 3⟩ Это в моде было — разливанное житье: кто жил экономно, без долгов, того считали скаредом и презирали.⁶ Болвановка, Смурово — всё закладывали,⁷ продавали — так и уплыло.⁸ Моя часть, слава Богу, хоть и не вся,⁹ да уцелела:¹⁰ теперь это ваше...¹¹

— А Тит Никоныч? — шептала Вера.¹²

— Тит Никоныч с матерью езжали к нам и гостили по неделе, по две. Он был скромный, застенчивый — такой же,¹³ как теперь: его никто не замечал. Отец обходился с ним, как с своим родным, а тогда с молодыми родственниками старики обходились надменно,¹⁴ как с подчиненными. При старших¹⁵ нельзя было сесть, нельзя заговорить, пока не спросят. Боже сохрани в сюртуке прийти в гостиную, да еще с табачным запахом...²⁰

— Что же он... как же вы... — шептала¹⁶ Вера.

— Никому и в голову не приходило¹⁷ смотреть на него как на жениха... Он еще готовился в военную службу — и перед тем как уехать ему в Петербург, он почти лето прожил у нас.¹⁸ Мне пошел двадцатый год. Я в доме была хозяйка. Маменька скончалась. Весь дом¹⁹ был

¹ *Далее было:* в сто⟨ле⟩

² *Далее было начато:* мы тогда *Слова:* лежит там ∞ румянами — *вписаны на полях со знаком вставки.*

³ *Далее было начато:* да старший

⁴ *Далее было:* года три

⁵ *Было:* по сту тысяч

⁶ *Фраза вписана.*

⁷ *Вместо:* всё закладывали — *было:* а. *Как в тексте.* б. пошли за долги

⁸ *Далее было:* Вот

⁹ *Слова:* хоть и не вся — *вписаны.*

¹⁰ *Далее было:* и только...

¹¹ *Слова:* теперь это ваше — *вписаны на полях со знаком вставки.*

¹² *Было:* — А Тит Никоныч что? — нетерпеливо шептала Вера.

¹³ *Слова:* такой же — *вписаны.*

¹⁴ *Слово вписано.*

¹⁵ *Было:* При них

¹⁶ *Было:* перебивала ее

¹⁷ *Далее было начато:* чтобы он

¹⁸ *Далее было начато:* В ⟨доме?⟩

¹⁹ *Было начато:* Хозяйство

у меня на руках. Отец баловал меня, только требовал, чтоб его слушались.

— А Тит Никонович...¹ — напоминала Вера.

— Ну мы и свыклись с ним.² Его на пирушки не приглашали,³ молод был: и он проводил время всё на нашей половине. Мать его была дружна с теткой Анной Андреевной, которая жила у нас. Жили еще две благородные вдовы, родня на седьмой воде,⁴ да эмигрантка m-me де Розье: она уж устарела, воспитывала младших теток моих и меня сначала учила по-французски и на 10 клавикордах. Потом всё⁵ страдала ревматизмом в ногах, сидела в зеленой комнате, вспоминала свой chateau* да cagosse,** ей варили бульон, поили (л. 3 об.) красным вином — и больше никого не было...

— А Тит Никонович что?⁶

— Редко удавалось нам с ним⁷ оставаться наедине: на каждом шагу торчали Петрушки да Фильки. Одних горничных было десять: Василиса была мне сверстница, годом помоложе. При ней, бывало, мы и поговорим, да разве по саду пробежимся, в коридоре встретимся и... 20

— И что? — тихо спросила Вера.⁸

— На расставанье мы плакали, — продолжала бабушка,⁹ не отвечая на ее вопрос,¹⁰ — клялись в верности; кроме Василисы, никто не знал. Письма с почты¹¹ из города привозил... ее возлюбленный (и у ней был грех... и дети были... — шептала бабушка). Года через три¹² он воротился офицером:¹³ тогда и батюшка обласкал его. А я как будто родилась опять на свет, лишь

---

¹ Было: — Ну а Тит Никонович...

² Далее было начато: Он

³ Далее было начато: и он всё с нами: у нас тетка Анна Андреевна жила, да две благородные вдовы

⁴ Текст: молод был ∞ родня на седьмой воде — вписан на полях со знаком вставки.

⁵ Было: уж

* замок (фр.)

** карету (фр.)

⁶ Было: — А Тит Никонович? Как же вы с ним... Далее было начато: — Трудно было

⁷ Слова: нам с ним — вписаны.

⁸ Слова: тихо спросила Вера — вписаны.

⁹ В рукописи ошибочно: Вера

¹⁰ Слова: продолжала бабушка, не отвечая на ее вопрос — вписаны.

¹¹ Далее было: доставал

¹² Было: два

¹³ Далее было: с крестом

только он стал ездить к нам, и всё такой же, как прежде, как теперь...¹ В это же время приехал в свое имение и граф.² С полгода он тут пировал, жил открыто, а мне всё это было противно. К нам он³ ездил редко, всё больше собирались у него⁴ мужчины: пиры с полдня до утра, музыка,⁵ охота, катанье по Волге — много было⁶ всякого безобразия. Не оберешься анекдотов, как станешь рассказывать, что они делали!

Вот этот граф — он был красавец-мужчина⁷ — заметил, что я ухожу,⁸ лишь⁹ только¹⁰ он приедет, не¹¹ краснею и не улыбаюсь от его комплиментов, как другие, — он¹² стал преследовать, как всегда эти мужчины... Чего он не делал! Катанья¹³ по Волге устраивал, праздники давал в честь мою! Бывало,¹⁴ моими вензелями уберет сад; фейерверки, иллюминации устраивал. А я только пряталась больше, всё боялась, что он проведаёт мой секрет. Он был тонкий, коварный мужчина:¹⁵ любезен, вежлив, а только на это положиться было нельзя. Много¹⁶ погубил ⟨л. 4⟩ он этой любезностью, своими кошачьими манерами да шепотом...

— А Тит Никоныч? — шептала Вера.

— Тит Никоныч тогда тоже вступил в масоны, только не любил пирушек¹⁷ — и отчего? Один раз,¹⁸ в кураже, он сказал вольное слово своей матери: на другой день на коленях выпросил у ней прощение — и дал слово не пить.

---

¹ Слова: и всё такой же, как прежде, как теперь... — вписаны на полях со знаком вставки.

² Было: Как вдруг явился и граф.

³ Слово вписано.

⁴ Далее было начато: холост⟨ые⟩

⁵ Слово вписано.

⁶ Слово вписано.

⁷ Текст: К нам он ездил редко ∞ он был красавец-мужчина — вписан на полях со знаком вставки.

⁸ Было: Он заметил это, что я ухожу

⁹ Было начато: как

¹⁰ Далее было начато: прие⟨дет⟩

¹¹ Далее было начато: де⟨лаю?⟩

¹² Далее было: пуше

¹³ Далее было: на ло⟨дках⟩

¹⁴ Далее было начато: вензе⟨лями⟩

¹⁵ Далее было: всегда

¹⁶ Было начато: Многие

¹⁷ Далее было начато: а. его б. здоровьем был в. здоровье не позволяло ему

¹⁸ Было: Раз

Вера сделала нетерпеливое движение, бабушка старалась сократить рассказ.¹

— Он уходил тихонько на нашу половину, когда гости собирались у нас:² граф всё смотрел подозрительно на меня. Ему дико было, что деревенская девушка не³ обращает на него внимания. Он, бывало, начнет шепотом говорить мне, а я вслух повторю — он переменится в лице и отойдет. Он стал подозревать соперника: мы с Титом Никонычем боялись даже глядеть друг на друга. Он стал ездить реже. Мы⁴ стали видеться по вечерам поздно... в оранжерее... Она примыкала к флигелю, где жили гости. Василиса утащила у садовника ключ и...

«Оранжерея — это... должно быть, ее обрыв», — подумала Вера.⁵

— Что же дальше, бабушка? — спросила она.⁶

— Однажды отец позвал меня к себе: я не знала зачем и шла беспечно. Спросила у камердинера, кто у него, тот сказал, что был граф и уехал. Вхожу: отец смотрит на меня что-то весело и смеется. «Что вы, папочка?»⁷ — спросила я. Он подвинул ко мне⁸ большое парадное кресло, снял чехол, поклонился и указал рукой. «Не угодно ли, — говорит, — вашему сиятельству садиться...»

Он и не договорил, а я поняла всё и побледнела. У меня руки и ноги похолодели. Граф сделал предложение. Когда отец⁹ увидел, что я изменилась в лице, он немного испугался. «Что с тобой? — спрашивает, — разве¹⁰ он не нравится тебе¹⁰ — такой молодец, красавец,

---

¹ Текст: и отчего? ∞ бабушка старалась сократить рассказ. — вписан на полях со знаком вставки.

² Вместо: не любил пирушек ∞ когда гости собирались у нас — было: не любил пирушек, его здоровье не позволяло ему — и он уходил тихонько... Нам с ним еще теснее стало видеться

³ Далее было начато: смо(трит)

⁴ Далее было начато: ког(да)

⁵ Было: — Оранжерея — это... твой обрыв, бабушка, — тихо сказала Вера. Далее было: а. Начато: — Однажды, 23 а(вгуста) б. — Это было 23 августа... Вот сорок пятый год пошел.

⁶ Было: Вера

⁷ Далее было: кресло

⁸ Было: он

⁹ Далее было начато: ты не лю(бишь)

¹⁰ Текст: — Что же дальше, бабушка? ∞ разве он не нравится тебе — вписан на полях со знаком вставки вместо зачеркнутого текста: Граф сделал предложение: отец не очень любил графа — тот был

богач, всех с ума сводит...¹» Я сидела ни жива ни мертва.² «Я его видеть не могу — лучше умру...» — сказала я. Отец смотрел на меня молча во все глаза, а мне хоть сквозь землю провалиться, а он только ходит взад и вперед³ по кабинету и курит трубку,⁴ и всё молчит. Что я передумала, что вытерпела — этого не перескажешь.⁵ (л. 4 об.) Он не очень любил графа: тот⁶ был надменен и как-то показал это отцу. Да еще у них там было какое-то соперничество по масонству: спорили за какие-то степени. Однако он был рад породниться с ним, и для меня казалось это ему блестящей партией.⁷

10 — Я думал, ты за счастье почтешь, — сказал он.⁸ — Не обидел ли он тебя, он давно около тебя увивается. Не сказал ли, не сделал ли что-нибудь?⁹

Я покачала головой.

— Так из чего же ты упрямишься, — говорит, — графиня будешь, богатая, в Петербург поедешь, ко двору представят.

20 — Пусть осчастливит другую, — сказала я, — а мне позвольте остаться с вами...

Я вся дрожала, насилу могла говорить...¹⁰

— Не умею я с бабами ладить! — сказал отец,¹¹ а сам всё раздумывал.¹² Ему и досадно было на меня, и жаль

надменен даже с ним и как-то показал отцу, что делает ему честь. Да еще у них там какое-то соперничество было по масонству, что ли. Однако [от(ец)] батюшка был [до(волен)] рад породниться с ним и [при(строить)] меня пристроить блестящей партией. Он объявил мне о предложении: мне сделалось дурно — не от [то(го)] предложения: я не неженка, вынесла бы [а оттого, что туча нависла], если б была свободна, если б мне было всё равно. Отец немного испугался. «Что ты: разве не любишь его

¹ *Далее было:* а ты что?

² *Фраза вписана.*

³ *Слова:* Отец смотрел ∞ ходит взад и вперед — *вписаны на полях со знаком вставки.*

⁴ *Вместо:* Отец смотрел ∞ и курит трубку — *было:* Отец молча ходил по кабинету и курил трубку

⁵ *Текст:* и всё молчит. ∞ этого не перескажешь. — *вписан.*

⁶ *Было:* он

⁷ *Текст:* Он не очень любил графа ∞ и для меня казалось это ему блестящей партией. — *вписан на полях и обозначен цифрой «1».*

⁸ *Фраза вписана. Далее было:* а сам всё курил трубку и думал о чем-то

⁹ *Далее было:* спрашивал отец

¹⁰ *Фраза вписана.*

¹¹ *Далее было начато:* и всё

¹² *Далее было:* Видно было, что это непривычное дело.

меня, или непривычное дело было это для него. Только он всё хмурился, видно, что ему не по себе, а как поступить — он не знает.¹ Вот если б я не послушалась его в пустяках, так он бы пыль столбом поднял,² стул бы грянул об пол, так что тот вдребезги разлетелся бы. Однажды³ вспылил⁴ за какие-то пустяки за чаем, взял⁵ да и сдернул со стола скатерть с самоваром, со всем, что было...

— Так что же Тит Никоныч? — нетерпеливо перебила Вера.

— Отец притих, — продолжала бабушка свое, — «поди, — говорит, — а я подумаю».⁶ Я заперлась в комнате и узнала от людей, что он не приходил к обеду и не спал всю ночь, а всё шагал у себя в кабинете. У меня и подавно сна не было. «Ну как он узнает, догадается как-нибудь о Тите Никоныче?» — думала я и мучалась. Сердце замирало у меня. Утром он позвал меня опять. Я была бледнее полотна.⁷ «Ты нездорова», — говорит и взял меня за подбородок рукой. «Не хочешь быть графиней?» — ласково опять говорит. Я заплакала. «Не плачь — не хочешь, так и не надо!»⁸ Так и скажем его сиятельству... Только, помни, Татьяна, — вдруг строго заговорил, так что у меня колени задрожали,⁹ — ты не выйдешь и за другого, пока я жив. Так я и графу скажу. Иначе мы перессоримся¹⁰ домами, а я этого не хочу».

Отец уехал к графу объясняться,¹¹ а я провела весь день в страхе, чтоб они как-нибудь вдвоем не повернули дело¹² опять по-своему. (л. 5) Однако ничего не было. Утром отец за чаем почти не глядел на меня: тут были все — и тетка, и приживалки, — ему неловко было заговорить. Вдруг слышим¹³ лошадиный топот, собачий

¹ Текст: Ему и досадно было на меня ∞ он не знает. — *вписан на полях со знаком вставки.*

² Далее было начато: а. Однаж(ды) б. что есть в

³ Было начато: Однажды я

⁴ Слово вписано.

⁵ Далее было: скатерть

⁶ Далее было начато: а. От (людей) б. Я не спала в(сю)

⁷ Фраза вписана на полях со знаком вставки.

⁸ Далее было начато: а. Так б. Только по(мни)

⁹ Далее было начато: пока я жи(в)

¹⁰ Далее было начато: а я этого

¹¹ Слово вписано.

¹² Далее было начато: по-свое(му)

¹³ Далее было начато: гам, т(опот)

лай. «Это граф, — сказал отец, — мы на охоту едем». И уехали на целый день, а мне опять страх, не поладили ли они. В голове всё вертелось:¹ был ли у них разговор обо мне, и если был, то отчего после отказа они вместе ездят. Вечером приехал псарь и сказал, что все охотники будут к нам: отец велел готовить ужин и ночлег. Я распорядилась, а сама ушла спать. Они пропировали всю ночь и разъехались на заре.² Отец мне ни слова. Граф через неделю у нас обедал — и как будто ни в чем не бывал. Со мной вежлив, деликатен, бросается поднимать платок, подставляет стул, скамеечку — как холоп служит. Я смекнула, что он хочет взять смиренным — и сердце пуще заныло у меня. Он был тонкий мужчина, привычный с женщинами: в Петербурге, говорят,³ много побед делал. Я стала пуще бояться, а он, как на грех, ездил чаще, так что мне ни шагу нельзя было ступить незаметно. Сад у нас разбит был на манер версальского, что ли:⁴ аллеи подстрижены, всё открыто. Точно на ладони видно: не укроешься. Прежде, бывало,⁵ он надменно обходился с мужчинами, мало говорил, а тут со всеми знакомится, всех высматривает, выведывает. Тит Никоныч уехал к себе: мы стали осторожны. Приедет на день, на два и уедет. Граф познакомился и с ним, обласкал его, звал к себе, был у него. Сердце мое⁶ чужало беду, и она⁷ случилась.⁸ Я уж не один раз заметила, что граф украдкой исподлобья подозрительно поглядывал на Тита Никоныча, а Василиса видела однажды, что он вышел из комнаты Тита Никоныча, когда того не было там. Должно быть, шарил, нет ли писем или каких-нибудь сувениров.⁹ (л. 5 об.) Мы с Титом Никонычем⁹ решились прекратить свидания надолго: оба горевали, он слег было, но справился: оба надеялись,¹⁰ что граф отстанет, отец отменит решение.

¹ *Далее было начато:* отчего они

² *Далее было начато:* а. На другой б. На третий

³ *Далее было начато:* только это и делал, что

⁴ *Далее было начато:* по(дстриженные)

⁵ *Слово вписано.*

⁶ *Далее было начато:* обруши(лась) (?)

⁷ *Далее было начато:* Граф

⁸ *Текст:* Я уж не один раз заметила ∞ нет ли писем или каких-нибудь сувениров. — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁹ *Слова:* с Титом Никонычем — *вписаны.*

¹⁰ *Было:* Мы решились прекратить свидания надолго: оба горевали и думали

Тит Никоныч был в отпуску, и срок ему кончался в половине сентября, а это всё, что я тебе рассказываю, было в августе.¹ Мы решили, что он уедет до срока, а там... что Бог даст! Он приехал однажды к обеду — у нас была компания, и граф был.² День был ненастный, играли в карты:³ в фараон. Золото кучами лежало на столах. В этот⁴ вечер мы хотели⁵ поговорить с Титом Никонычем в последний раз... и потом уж не видеться наедине.

Отужинали, и гости⁶ сели опять за карты, граф тоже. Отец велел Никитичу достать венгерского. Я простилась и ушла к себе, Тит Никоныч тоже. Василиса сунула⁷ ему ключ от оранжереи...¹⁰

Бабушка задумчиво остановилась.

— Что же, бабушка, дальше? вы виделись в последний раз?..⁸

— Да, в последний раз! — с глубоким вздохом повторила бабушка, — надо бы было разойтись... без последнего раза. Вся беда — от последних разов...

Вера вспомнила свой «последний раз», как она выбивалась из рук Райского над обрывом, — и с дрожью слушала историю «последнего раза» бабушки. (л. 6)²⁰

— Вот, Верочка,⁹ 23 августа ровно¹⁰ сорок три¹¹ года минуло после этого вечера, а я помню его как вчера и каждый год служу молебен... Могло случиться великое несчастье — Бог отвел руку, а мне дал силу...¹²

Нам с Титом Никонычем нужно было полчаса времени, чтобы переговорить о нашей судьбе, условиться — ему¹³ уехать на службу и ждать от меня писем, мне¹⁴ дома устраивать нашу судьбу, отучать графа,¹⁵ приго-³⁰

¹ Далее было начато: Он

² Далее было начато: К вечеру

³ Далее было начато: а. зо(лото?) б. всё

⁴ Далее было: день

⁵ Далее было начато: про(ститься)

⁶ Слово вписано.

⁷ Было: отдала

⁸ Вместо: вы виделись в последний раз?.. — было: Дальше... последний раз?

⁹ Далее было начато: соро(к)

¹⁰ Слово вписано.

¹¹ Было: а. сорок пять б. сорок четыре

¹² Далее было начато: Можно бы было

¹³ Далее было начато: ж(дать)

¹⁴ Далее было начато: а. з(десь) б. у отца

¹⁵ Далее было начато: распо(ложить)

товить отца. Всё это мы переговорили: оставалось прос-
титься и разойтись... и ничего бы не случилось.¹ Может
быть, мы были бы муж и жена теперь...

— Ну, что же...²

— Мы долго прощались: это был «последний раз»...
Он всегда³ длиннее всех разов...

— Ну, бабушка? — торопила Вера.

— Мы⁴ очнулись, когда пробило два часа ночи...⁵

10 Поздно опомнились мы... До полуночи решено было —
ему уехать и обоим выжидать удобного времени, а после
полуночи... (Татьяна Марковна шептала едва слышно)⁶
надо было решать иначе: утром пойти к отцу, стать на
колени, сказать всё и просить благословения... Тит Ни-
конич должен был на заре уехать к себе домой и ждать
от меня ответа... Ах, если б с этого начать! Тут только
пришло нам это в голову, каялись, плакали, зачем дове-
ли себя... (л. 6 об.)

Черновой автограф главы
(«Он только что пришел домой...») (ЧА)

Глава

Он только что пришел домой, как люди в три-четы-
20 ре голоса сказали, что его давно ждет⁷ барыня и даже
посылала его искать везде.

— Где ты пропал, Борис Павлович... Я жду не до-
ждусь...

— Что еще⁸ случилось? — спросил он, подходя к ней.

Она вдруг взглянула на него.

— Борюшка! От тебя вином как из бочки! Откуда ты,
друг мой! — с удивлением и почти горестно⁹ сказала
она. А он покатился со смеха и рассказал ей, где и зачем
он был. (л. 27)

¹ Было: не было

² Было: — Что же...

³ Слово вписано.

⁴ Было начато: — Ко(гда)

⁵ Далее было начато: Опо(мнились)

⁶ Далее было начато: мы

⁷ Вместо: давно ждет — было начато: ж(дет)

⁸ Было начато: а. — Я б. — Что такое

⁹ Вместо: с удивлением и почти горестно — было: а. Начато: с
б. Начато: почти в. Начато: с сокр(ушением) г. с каким-то сокраще-
нием

— К вечеру весь город¹ будет знать, что Тушин — негласный жених Веры, — серьезно прибавил он, — и злая сплетня заглохнет. А потом, если свадьба никогда не состоится² — я боюсь³ этого:⁴ я знаю Веру... Забудут все и этот вечер, и кто гулял на дне обрыва; время — это гроб. Зачем вы меня ждали, бабушка?

— Ты убежал давеча, а я тебе⁵ со вчерашнего дня хотела поручить⁶ одно дело — да⁷ и сама боюсь.

Лицо у ней омрачилось, и она задумалась. Райский ждал.

— Наш пустынный, сирота Леонтий Иванович⁸ получил известие о своей супруге...⁹

— Что она, не едет ли сюда:¹⁰ писала к нему?

— Не к нему, а к хозяйке квартиры, к Козыриной: а та, с большого ума, принесла письмо прямо к нему...

— Что она пишет? возвращается?¹¹ просит прощения?¹²

— Просит — теплый салоп прислать. «Холодно,¹³ зима близко,¹⁴ возьмите, — говорит, — в темной комнате, в сундуке¹⁵ лежит салоп и пришлите». Приложила²⁰ адрес.¹⁶ А о муже — ни слова!

Райский молчал, переваривая в голове это неудобоваримое известие.¹⁷

— Что же он? — спросил он наконец.¹⁸

---

¹ *Было начато: а.* — К вечеру будут *б.* — К вечеру город *в.* — К вечеру, зная это

² *Вместо: если свадьба никогда не состоится — было: если это не состоится*

³ *Далее было начато: что так Вера*

⁴ *Далее было начато: а. друг(ая) б. с другой*

⁵ *Было начато: тебя*

⁶ *Было начато: дать*

⁷ *Далее было начато: не знаю*

⁸ *Далее было: соскучился сидеть один в пустом замке да глядеть на дорогу*

⁹ *Было начато: от своей су(пруги)*

¹⁰ *Далее было начато: или не*

¹¹ *Вместо: возвращается? — было начато: Кается, возвращается к нему?*

— Нет

¹² *Слова: просит прощения? — вписаны.*

¹³ *Далее было: говорит*

¹⁴ *Слова: зима близко — вписаны.*

¹⁵ *Было начато: в шкаф(у)*

¹⁶ *Фраза вписана.*

¹⁷ *Фраза вписана.*

¹⁸ *Слова: спросил он наконец — вписаны.*

— Сам побежал: достал салоп,¹ попросил² Анютку обшить³ его в серпянку, упаковать и куда-то унес. Я ничего не знала — Василиса сказала мне, когда уж он ушел. Я бы не допустила его.⁴ Я его третьего дня⁵ и допросила, куда он ходил. Он всё рассказал.

— Куда ж он отнес?⁶

Бабушка стала глядеть в окно.

— К тому... несчастному. (л. 28)

— Какому «несчастному»?

10 — Знаешь к какому, — нехотя сказала она.

Райский догадался, что к Марку.

— Он едет завтра или послезавтра совсем...

Она закрыла на минуту глаза и перевела дух.⁷

— Леонтий Иванович застал его за сборами к отъезду и просил захватить салоп и передать жене — и письмо написал... Кажется, просит воротиться... или взять его туда. Сам же и сказал.⁸

— Несчастный! — прошептал Райский.

— Что же вы хотели мне поручить⁹ о Леонтье?¹⁰

20 Татьяна Марковна медлила, по-видимому затрудняясь.

— Нет... — сказала она тихо,¹¹ — не о Леонтье, а о том...¹²

— О Марке?

Она отперла бюро и вынула какой-то пачек в бумаге.

— Он чуть не пешком уходит отсюда — Леонтий Иванович сказывал — и кажется — у него ничего нет. Он спрашивал у Козлова, есть ли у него деньги... и просил двадцать пять рублей доехать до Москвы. Тот¹³ взял¹⁴ в гимназии у учителя (а у меня не спросил!) и дал ему.

30 — Что же вы хотите? — спросил Райский.

---

¹ *Далее было начато:* дал Аню(тке)

² *Далее было начато:* за(шить)

³ *Было:* а. зашить его б. *Начато:* упа(ковать)

⁴ *Текст:* когда уж он ушел. Я бы не допустила его. — *вписан на полях со знаком вставки. Далее было начато:* пусть

⁵ *Далее было начато:* как-т(о)

⁶ *Далее было начато:* — Тот

⁷ *Вместо:* перевела дух — *было:* вздохнула

⁸ *Было:* Сам так и говорит. *Фраза вписана на полях со знаком вставки.*

⁹ *Далее было начато:* бабу(шка)

¹⁰ *Было:* насчет Леонтья?

¹¹ *Далее было начато:* насчет того

¹² *Было:* а о Марке...

¹³ *Далее было начато:* дал

¹⁴ *Далее было начато:* у меня и отнес

Татьяна Марковна смущалась всё больше и больше, стыдливо ворочая пачек в руках, и наконец не могла сказать ни слова.

— Что это у вас за пачек? — спросил¹ Райский, который начал смутно догадываться о намерениях бабушки...

— Это... деньги, — сказала она тихо.

— Какие деньги?²

— Мои собственные деньги. Вчера я просила Тита Никоныча вынуть из приказа...

— Зачем?

Татьяна Марковна окончательно смутилась и слегка постукивала пальцами по столу.³ (л. 29)

Райский почувствовал⁴ дрожь в спине и плечах, когда яснее проникнул в намерения⁵ бабушки. От удивления он тоже не говорил ни слова.

— Ты не повидаешься с ним? — сказала она наконец, одолевая себя.⁶ Она изменилась в лице от волнения — и походила опять на ту⁷ скорбную женщину, какую он видел ее месяц назад, упавшую под гнетом²⁰ горя.⁸

— Не знаю... я не решался видеть его,⁹ — сказал он.¹⁰

— Повидайся. Знает ли он сам,¹¹ куда идет,¹² есть ли, где ему преклонить голову?

— Что хотите вы делать, бабушка...

— Я не хочу, чтоб он пропадал, — сказала она, едва сдерживая волнение. — Пусть выйдет на дорогу...¹³ Без крова, без хлеба смотается и погибнет, сопьется... За-

---

¹ Было начато: сказ(ал)

² Далее было начато: зачем?

— Вчера я просила Тита Никоны(ча)

³ Фраза вписана. Далее было начато: У Райского даже

⁴ Было: почувствовал даже

⁵ Было: в мысль

⁶ Далее было начато: Волн(ение)

⁷ Далее было: упавшую [под] от горя

⁸ Было: скорби

⁹ Вместо: я не решался видеть его — было начато: я не располагал

¹⁰ Далее было: а впрочем...

¹¹ Слово вписано.

¹² Далее было начато: и где

¹³ Далее было начато: а. Бог п(ростит) б. Он сделал [зло] несчастье... Пусть раскается, заглядит... Ты скажи ему... от себя — что [ему не] две женщины, которым он сделал горя... может быть, на всю жизнь...

чем? Может быть, Бог вразумит его, когда-нибудь опомнится... будет человек...¹ Вот тут — пять тысяч, — сказала она, придвигая ему деньги,² — пусть поправится,³ живет как люди... Отдай ему⁴ — только смотри — от себя: обо мне и помину чтоб не было...⁵

— Он не возьмет, бабушка.. Это невозможно...⁶ С какой стати — от меня?

— Отчего не возьмет: ведь взял же он у тебя восемьдесят рублей, а у Тита Никоныча перебрал рублей триста...¹⁰

— Это мелочи: он был в крайности — и притом он отдаст — это верно, когда у него будут... А пять тысяч отдать трудно...⁷ Как можно: он бросит деньги, постыдится...⁸

— Пусть стыдится зла и несчастья, которые сделал двум женщинам,⁹ а не стыдится принять помощь из честных рук.¹⁰

— Невозможно... — начал Райский, потом¹¹ остановился. У него вдруг¹² изменилось выражение лица, блеснула новая мысль — или¹³ чувство:¹⁴ явился свой интерес¹⁵ видеть Марка.¹⁶ Его и прежде,¹⁷ когда умолкла¹⁸ в нем корысть его собственной страсти, влекла неудержимая сила раздраженного воображения взглянуть — что Марк? Торжествует свою жалкую победу — или стра-

---

¹ Текст: Без крова, без хлеба ∞ будет человек... — вписан на полях со знаком вставки.

² Слова: сказала она, придвигая ему деньги — вписаны.

³ Далее было начато: будет

⁴ Далее было: от себя

⁵ Фраза вписана на полях со знаком вставки.

⁶ Вместо: — Он не возьмет, бабушка... Это невозможно... — было начато: а. — Он б. — Это

⁷ Далее было: — А от меня возьмет? — спросила она.

— Нет, бабушка, от вас и подавно постыдится...

⁸ Текст: С какой стати — от меня? ∞ постыдится... — вписан на полях со знаком вставки.

⁹ Далее было: на всю жизнь

¹⁰ Вместо: из честных рук — было: от одной из них

¹¹ Далее было: вдруг

¹² Слово вписано.

¹³ Далее было: не мысль, а новое

¹⁴ Далее было начато: а. его б. свой

¹⁵ Далее было: необходимость

¹⁶ Вместо: видеть Марка — было: видеть, как подействует эта глубокая человеческая черта на натуру Марка

¹⁷ Далее было начато: влекла

¹⁸ Было: улеглась

дает от поражения? И в то же время он боялся этого свидания,¹ (л. 30) боялся изменить себе, стать невольно в роль,² какая могла нечаянно выпасть ему, смотря по минуте, по обоюдному раздражению,³ в качестве брата и друга Веры — и повредила бы, конечно, ей.⁴ Теперь всё утихло, время отошло назад и естественный случай представлялся видеться без поводов,⁵ вызывающих на раздражение. Он знал, что Волохов денег не возьмет, но это был только естественный предлог к свиданию.⁶ В нем заговорило чутье артиста, шевелилась фантазия и анализ точил свое жало для нового наблюдения.⁷ 10

— Пять тысяч много, бабушка: я возьму триста, пятьсот рублей, — на случай, и то сомневаюсь... — сказал он.

— Триста, пятьсот рублей — милостыня, — перебила она, — она покажется унижительной: пять тысяч — мощь.

---

¹ *Далее было начато:* в обоих еще не утихло

² *Далее было начато:* какой требовало его

³ *Было начато:* выпр(ажению) *Слова:* смотря по минуте, по обоюдному раздражению — *вписаны на полях со знаком вставки.*

⁴ *Далее было начато:* не согласн(ой?)

⁵ *Было:* без всяких поводов

⁶ *Вместо:* но это был только естественный предлог к свиданию — *было:* может быть, ни во что не поставит великодушие бабушки, но [ему хот(елось)] не это и влекло его на свидание. Ему хотелось только видеть, что Марк.

⁷ *Далее было:* — Хорошо, — сказал он, торопливо [вз(яв)] спрятав деньги в карман. Я сейчас отправлюсь. Что же я ему скажу, бабушка? Предлагая от вашего имени помощь, я не решусь передать ваш упрек в том, что он «сделал несчастье двух женщин», это несовместно с великодушием...

— И не передавай [упрек] этих слов, если он поймет, что я не из великодушия посылаю ему помощь. Это не милостыня. Я бы своему сыну, внуку, тебе послала бы так же, если б ты сбился с пути, и ему послала бы, если б... он ничего мне не сделал... Я не унижить его хочу, [Отдай] а помочь. [Отдай от себя, — вдруг сказала она.]

— [От меня и подавно не возьмет.] Что же мне сказать ему, если он откажется? А он наверное откажется... почти несомненно... [от меня он (нрзб) еще хуже... — рассуждал он.] Он спросит о Вере...

— О Вере ни слова! — живо перебила она, — ее нет больше [для]: на ее месте теперь другая — эта не знает Марка Волохова. [Уйди и скажи, что его не проклинают за зло.] Скажи ему, [что если он человек и понимает, что он сделал, что старуха, которую он чуть не убил, просит, чтобы, чтобы... не делал больше такого зла. какое сделал] что обе женщины желают ему счастья и просят, чтоб он не делал больше такого зла, какое им сделал, не проклинают его, а он пусть будет счастлив... Торопись — коляска готова. Я велела заложить ее.

— Что я ему скажу: он спросит, может быть, о вас, о Вере...

— О Вере ни слова, — с живостью и строго перебила она. — Веры нет больше: на ее месте другая: она не знает Марка Волохова. (л. 31)

Татьяна Марковна вышла из смущения, оправилась и владела опять собой.

— А если речь пойдет обо мне, скажи, что старая женщина, которую он чуть не убил, молится за него, чтоб Бог простил ему зло...¹ — Она взглянула на образ и перекрестилась. — Пусть больше не делает такого несчастья, какое сделал...² пусть загладит,³ если он чувствует, что сделал. А если нет, если совесть умерла у него — брось ему деньги: он возьмет их наверное,⁴ и уйди скорей, как от зверя, от разбойника. Поезжай, коляска готова.⁵ Завтра поздно будет, пожалуй, уедет.⁶

Он стоял в раздумье.

— Что я ему скажу? — говорил он.⁷

— Если он⁸ не понимает, что он сделал,⁹ ничего не говори ему, уйди скорей, как от¹⁰ зверя, от разбойника. А если он хоть немного чувствует — да не может не чувствовать: он понимал Веру, недаром же венчаться просил... поздно — так скажи,¹¹ чтоб¹² он не делал больше такого зла,¹³ какое сделал... Бог его простит и за это зло, как прощают его обе женщины, которых он едва не убил.¹⁴ Поезжай,¹⁵ смеркается — тебе готова коляска, кучер знает, где он живет.¹⁶ (л. 32)

¹ *Вместо:* зло — было: а. несчастье б. *Начато:* горе, какое он

² *Далее было начато:* Вот

³ *Далее было начато:* Вот всё, чего

⁴ *Было:* тогда

⁵ *Было:* ждет

⁶ *Текст:* Татьяна Марковна вышла из смущения ∞ пожалуй, уедет. — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁷ *Фраза вписана.*

⁸ *Было начато:* — Он

⁹ *Далее было начато:* а. чуть не б. он возьмет деньги, — сказ(ала)

¹⁰ *Далее было начато:* разбой(ника)

¹¹ *Далее было начато:* а. что ему не зла же(лают) б. что его не про-клинаяют

¹² *Далее было начато:* та, кого

¹³ *Вместо:* такого зла — *было:* такого зла в жизни

¹⁴ *Фраза вписана на полях со знаком вставки.*

¹⁵ *Было:* Иди *Далее было начато:* те(бе)

¹⁶ *Далее черточка, обозначающая конец главы, и слово: Глава*

Черновой автограф главы
(«Райский отправился отыскивать Марка...»)
(ЧА)

Глава

Райский отправился отыскивать Марка в противоположный конец города,¹ в предместье. Улицы там были немощеные² и состояли³ из сплошной грязи с прорытыми от проезда телег глубокими колеями или рытвинами, так что коляска колыхалась, как лодка.⁴ Наконец он достиг Трынкина переулка, где в доме дьячихи Секлетеи Бурдалаховой квартировал Волохов.⁵ На мостике, перекинутом по этому переулку⁶ через канавку, недоставало двух-трех досок, и кучер благо-¹⁰разумно предложил⁷ оставить его с коляской за этим мостиком, а Борису Павловичу добраться как-нибудь⁸ пешком: «а то-де, пожалуй, лошади повредят ноги».

Райский послушался и пошел вдоль заборов, перепрыгивая кое-где через лужи и отыскивая глазами,⁹ кого бы спросить, где дом Бурдалаховой. Но это было не нужно.¹⁰ В переулке было всего три дома, и то одного из них¹¹ не оказалось налицо, а только стояли ворота с надписью: «Свободен от постоя», а дом сгорел давно.²⁰ Другой был занят кабаком, и Райский издали услышал живой говор¹² и чуть ли не ссору в толпе¹³ у дверей кабака. Подошедши ближе,¹⁴ он вникнул и в причину ссоры: два мужика рвали друг у друга из рук старый полушубок

---

¹ *Вместо:* в противоположный конец города — *было:* а. *Начато:* Он почти совсем выехал из город(а) б. Это было в противоположном конце города

² *Далее было начато:* густая (грязь)

³ *Вместо:* и состояли — *было начато:* состояв(шие)

⁴ *Далее было начато:* На мосту недостава(ло)

⁵ *Фраза вписана на полях со знаком вставки.*

⁶ *Слова:* по этому переулку — *вписаны.*

⁷ *Далее было начато:* а. остаться б. оставить коляску за эти(м)

⁸ *Далее было начато:* д(о)

⁹ *Вместо:* и отыскивая глазами — *было начато:* и смотря

¹⁰ *Вместо:* Но это было не нужно. — *было начато:* Но в Тр(ын-кином)

¹¹ *Слова:* из них — *вписаны.*

¹² *Вместо:* живой говор — *было:* а. шум, ссор(у) б. крик голосов

¹³ *Вместо:* ссору в толпе — *было начато:* драку между толп(ой)

¹⁴ *Было:* а. Подходя б. Подошедши

и ругались,¹ около них² горланила толпа, пока не подошел городской.

— Смирно! — скомандовал он. — Что за шум?

Все загорланили в одно время³ — он поднял над толпой кулак, и всё смолкло. По следствию оказалось, что один из мужиков, уже хмельной, уступил другому⁴ полушубок за штоф водки и за полтину меди. Отдав полушубок⁵ и не получив еще денег, он прежде (л. 33) всего ухватился дрожащими руками за штоф, выронил его из рук и разбил.⁶ Отсюда и драка. Он схватился за полушубок, требуя нового штофа, а тот не отдавал покупки, ссылаясь на свидетелей.

— Я не пил вина.

— Мы не пили, не получали, — кричали свидетели одной стороны.

— Он с пьяных глаз бросил штоф наземь, разбил, я ему заплатил.⁷

— Да, заплатил, — горланила другая сторона.

— Смирно! — скомандовал опять городской. — Ты зачем бросил штоф наземь?⁸ — спросил он первого — и бац его по шапке.

— Помилуй,⁹ я еще и штофа не видал, — орал тот,¹⁰ — а он полушубок ухватил из рук и теперь не отдает...

— Ты зачем полушубок не отдаешь? — грозно обратился городской ко второму — и бац его по шее.¹¹

Общий гвалт,¹² все загорланили опять, обступили городского. Райский пошел к третьему и последнему дому — и, оглянувшись, видел, что вся толпа, и истец и ответчик, и нелюбезный судья — отправились¹³ для окончательного решения в кабак.

---

¹ Было: а. кричали б. горланили

² Было: с ними

³ Вместо: в одно время — было начато: опя(ть)

⁴ Было начато: продал др(угому)

⁵ Далее было начато: он

⁶ Вместо: выронил его из рук и разбил — было: и выронил его из рук

⁷ Далее было начато: горлани(л)

⁸ Вместо: наземь — было начато: в

⁹ Далее было: он полушубок ухватил

¹⁰ Слова: орал тот — вписаны.

¹¹ Было: по зубам

¹² Было начато: кри(к)

¹³ Было: все отправились

Райский вошел в калитку третьего и последнего дома,¹ поднялся по невысокой крытой деревянной лестнице² во второй этаж, в сени,³ и отворил⁴ дверь в комнату. Он остановился на пороге,⁵ ничего не видя.⁶

Он очутился в облаке густого, теплого и едко-удушливого пара. Слышны были только несколько женских голосов и какое-то полоскание. Через минуту свежий⁷ воздух, ворвавшийся⁸ из отворенной им двери, разогнал пар, и он увидел огромное (л. 34) корыто, поставленное поперек комнаты, кучи мокрого белья вокруг и двух баб с заткнутыми за пояс подолами и обнаженными по плеча руками, полоскавшими белье. Одна из этих баб была, вероятно, сама хозяйка Секлетея Бурдалахова.⁹ В углу, под образами, за столом,¹⁰ в нанковом сюртуке сидел с двумя ребятишками пожилой дьячок, учил их или что-то показывал¹¹ им в книге. Райский попятился в сени от валившего столбом из корыта пара, который мешал дышать. Бабы, увидя его,¹² смолкли и поспешили¹³ ототкнуть подолаы.

— Волохов? — коротко спросил Райский, зажимая нос и стараясь не дышать.¹⁴

Одна молча показала ему дверь налево от входа и поспешила убрать¹⁵ в сторону¹⁶ белье. «У нас сегодня стирка!» — сказала она, в виде извинения.¹⁷ Он быстро ринулся¹⁸ в дверь, чтоб не дохнуть лишний раз удушливым паром, — и вошел.

---

¹ *Вместо:* третьего и последнего дома — *было:* третьего дома

² *Вместо:* по невысокой крытой деревянной лестнице — *было:* по невысокой крытой лестнице

³ *Слова:* в сени — *вписаны.*

⁴ *Далее было:* из сеней

⁵ *Далее было начато:* пере(д)

⁶ *Далее было начато:* Перед ним было

⁷ *Слово вписано.*

⁸ *Далее было начато:* снов(а)

⁹ *Фраза вписана на полях со знаком вставки.*

¹⁰ *Слова:* под образами, за столом — *вписаны.*

¹¹ *Вместо:* учил их или что-то показывал — *было:* и что-то показывал

¹² *Далее было начато:* зам(олчали)

¹³ *Вместо:* смолкли и поспешили — *было:* поспешили

¹⁴ *Слова:* и стараясь не дышать — *вписаны.*

¹⁵ *Было:* отставить

¹⁶ *Далее было начато:* кучу мокрого

¹⁷ *Вместо:* в виде извинения — *было начато:* как будто

¹⁸ *Было начато:* Он рину(лся)

Райский окинул взглядом комнату, которая показалась¹ ему довольно просторною, оклеенною бумажками и порядочно меблированной. На постеле, на полу, на столе² в беспорядке лежали³ книги, белье, разные вещи. Сам Марк, задом к двери, без верхнего платья,⁴ в одном жилете, нагнувшись,⁵ возился⁶ около чемодана на полу. Он коленкой тискал в него несколько связанных веревкой книг и не заметил посетителя.

— Здравствуйте, Марк Иваныч! — произнес Райский.

10 Марк быстро обернулся, открыл широко глаза и окаменел. Окаменел и Райский, глядя⁷ на него со всей силой напряженного любопытства. Оба молчали. У Волохова глядели из глаз вопросы: «Зачем? кто послал? Она? Не может быть — она не пошлет соперника... Сам пришел: с какой целью? Планы мщения?..» Но лицо Райского не выражало мщения.⁸ Оно⁹ дышало почти благодушием, со щек не сошел еще румянец, след завтрака у Полины Карповны.¹⁰ Только его черные¹¹ глаза, как два пистолетные дула, смотрели пристально,¹² но и те стреляли холостыми зарядами. <л. 35> В них не злость, а что-то другое.¹³ У Волохова вдруг сверкнула было искра надежды на что-то в глазах: он сделал даже движение — протянуть руку, но овладел собой¹⁴ и молча подвинул Райскому стул, а сам принялся опять тискать коленкой в чемодан непокорную кипу книг и газет,¹⁵ скрывая волнение, но не скрыл. Райский уж разглядел,

¹ Было начато: ока(залась)

² Далее было: были

³ Далее было: вещи

⁴ Вместо: без верхнего платья — было начато: в паль(то)

⁵ Слова: без верхнего платья, в одном жилете, нагнувшись — вписаны.

⁶ Было: усердно возился

⁷ Было начато: устреми(в)

⁸ Вместо: не выражало мщения — было: было кротко

⁹ Было начато: На н(ем)

¹⁰ Текст: мщения. ∞ у Полины Карповны. — вписан на полях со знаком вставки.

¹¹ Слова: его черные — вписаны.

¹² Слово вписано.

¹³ Вместо: что-то другое — было: любопытство

¹⁴ Вместо: У Волохова ∞ но овладел собой — было: У Волохова вдруг сверкнула была искра надежды на что-то в глазах: он и сделал даже движение — протянуть руку, но удержался. Волохов овладел собой Слова: У Волохова ∞ но удержался — вписаны на полях со знаком вставки.

¹⁵ Вместо: кипу книг и газет — было: кипу газет

что он похудел, что у него тусклы глаза и что место холодной и сухой злости заступила¹ какая-то ленивая усталость.

— Я вам не мешаю?² Вы едете,³ кажется, завтра? — спросил Райский.

— Да.⁴ Вы почему узнали?⁵ — спросил Марк, не обочиваясь и ища глазами по стульям, что еще следовало класть в чемодан.

— Козлов был у вас: он сказывал, — отвечал Райский, не желая⁶ говорить,⁷ что он слышал это от бабушки.⁸ 10

— Вы кстати пришли, — поживее⁹ сказал Марк, — у меня осталось несколько ваших книг. Я хотел отослать их к Козлову...

— Хорошо, я пришлю за ними.

— Это не всё. Еще... я должен вам и... Ватутину. Я у него перебрал в разное время рублей триста... С другими я, кажется, разделался... А вы не возьмете ли мои штуцера? они стоят...

— Вы мне не должны ничего,¹⁰ — сухо сказал Райский, — а Тит Никоньч забыл... 20

— Да я не забыл.¹¹ Всё равно, я пришлю... У меня там в Москве с сестрами кое-что осталось.¹² А лучше бы разом кончить. Возьмете ружья?

— Не нужно... Напротив, я хотел... предложить вам... вот...

---

¹ *Вместо:* и что место холодной и сухой злости заступила — *было начато:* и что вместо холодной и сухой злости яви(лась)

² *Фраза вписана.*

³ *Далее было начато:* завт(ра)

⁴ *Слово вписано.*

⁵ *Было начато:* зн(аете?)

⁶ *Было:* а. *Как в тексте.* б. *Начато:* пуга(ясь) в. избегая

⁷ *Было начато:* ска(зать)

⁸ *Вместо:* не желая говорить ∞ от бабушки — *было начато:* не желая говорить, от кого *Рядом с текстом:* — Да. Вы почему узнали? ∞ от бабушки. — *зачеркнутые наброски к последующему тексту:* 1. Скажите бабушке: вон я какой. Будет с нее... 2. — Зачем вы приезжали? — А вы зачем родились...

⁹ *Было:* живее

¹⁰ *Далее было:* а. *Начато:* вы был(и) б. это пари вы выиграли в. *Начато:* пари

¹¹ *Далее было:* Я бывал иногда в нужде и брал деньги, чтоб заплачивать. Шутка шуткой, а дело делом. У меня с сестрами есть кое-что: станет — я пришлю... *Фраза:* Шутка шуткой, а дело делом. — *вписана.*

¹² *Далее было:* я пришлю. *Текст:* Всё равно ∞ кое-что осталось. — *вписан на полях со знаком вставки.*

Он смутился и опустил руку в карман пальто, где лежал пачек с пятью тысячами, вынул его до половины¹ и опять опустил, находя, что² сделать такое простое дело, передать деньги, труднее, нежели он думал.³ Волохов остро следил за ним. У него, по-видимому, возникали какие-то благоприятные⁴ догадки.⁵ Он вдруг⁶ близко подвинул стул к Райскому и тихо спросил:

— Зачем вы пришли ко мне? (л. 3б) Скажите откровенно. Не с прощальным же визитом вы пришли. Если есть особая цель — идите прямо к ней... Вы не пришли бы сами по себе...⁷ Скажите, кто вас послал? — почти мягко добавил он и жадно, опять⁸ с искрами в глазах, смотрел Райскому в лицо.

Райский медлил отвечать.⁹

— Отчего же я не мог сам прийти? — спросил он.¹⁰

— Нет, не пришли бы: после пари, после того¹¹ письма...

Райский с сожалением пожал плечами.

— Стоило хоть¹² для одного того прийти, чтоб сказать, что не надо мной сбылось ваше пророчество и что пари напрасно...¹³

Волохов взглянул на него пристально.

«В самом деле: ни следа „кори“! Что за черт: куда же она вдруг делась?» — подумал он.¹⁴

— Возьмите ружья? — вот и будем квиты за пари.¹⁵

---

¹ Далее было начато: но

² Далее было начато: передать эти деньги Вол(охову)

³ Слова: вынул его до половины ∞ нежели он думал — вписаны на полях со знаком вставки.

⁴ Было начато: отр(адные?)

⁵ Фраза вписана на полях со знаком вставки.

⁶ Далее было начато: подош(ел)

⁷ Вместо: Скажите откровенно. ∞ Вы не пришли бы сами по себе... — было: а. Начато: Скажите откровенно, если есть б. Скажите откровенно. Не с прощальным же визитом вы пришли. Если есть особая цель — идите прямо к ней...

— Почему вы думаете, что должна быть особая цель? — спросил Райский.

— Потому что вы не [от] [сами пришли] пришли бы сами [она] по себе... Текст: Скажите откровенно ∞ — Потому что — вписан на полях.

⁸ Слово вписано.

⁹ Далее было: — Не она ли? — шепнул едва слышно Марк.

¹⁰ Далее было: проститься...

¹¹ Было: моего

¹² Было: уж

¹³ Вместо: что не надо мной ∞ и что пари напрасно — было: а. Начато: что ваше прор(очество) и б. что пари напрасно

¹⁴ Далее было начато: — И что не надо

¹⁵ Было: — Что же, берете ружья? — спросил он.

Райский молчал.

— Все-таки вы не сами пришли: не *она* ли послала? — шепнул он и глядел каким-то просящим взглядом на Райского.¹

Райский встал со стула, лицо у него подернулось ледяной холодностью.²

— Прощайте, — сказал он, — я думал, что в вас больше смысла и приличия...

Волохов упал с облаков — и перешел от мягкости к противоположному чувству — и тону.³ 10

Райский⁴ пошел было к двери, Марк загородил ему дорогу. Его уязвило это холодное пренебрежение.⁵

— Так говорите же от кого и зачем? Уж не от Бережковой ли?⁶ — небрежно, почти с презрением сказал он.

— А ежели от нее? Что значит этот тон, каким вы произнесли это имя? Не так бы вам надо было произносить его!

— На коленях⁷ прикажете? — всё более и более⁸ впадая в свой обычный злой тон, спросил Марк. — Что она, мораль или проклятия прислала мне с вами?⁹ 20

Райский молча, почти с сожалением, смотрел на Марка, а этот¹⁰ раздражался¹¹ оскорблявшим его спокойствием и достоинством, с которым Райский¹² выдерживал это свидание.

— Если она в спину мне шлет свою мораль, — начал он холодно, — так вы напомните ей ночь с 27 на 28 августа в оранжерее ее родительского дома...

Райский вдруг точно проснулся, открыл уши, глаза¹³ и стал¹⁴ неподвижно, как статуя,¹⁵ у двери, держась за

30

---

¹ Текст: — Отчего же я не мог ∞ на Райского. — *вписан на полях со знаком вставки.*

² Далее было: Он был оскорблен.

³ Фраза вписана на полях со знаком вставки.

⁴ Было: Он

⁵ Фраза вписана.

⁶ Далее было начато: почт(и)

⁷ Было: — А как, на коленях

⁸ Слова: всё более и более — *вписаны.*

⁹ Далее было начато: *благонравный и религиозный*

¹⁰ Было: тот

¹¹ Далее было начато: всё больше и больше холодным, сп(окойным?)

¹² Далее было начато: гово(рил)

¹³ Далее было начато: и смо(трел)

¹⁴ Было: стоял

¹⁵ Вместо: стал неподвижно, как статуя — *было начато: стал, как*

ручку и не трогаясь с места. Он перед тем решительно хотел уйти, чтоб Марк не проговорился¹ дерзко о бабушке и не вызвал его на² какую-нибудь горячую выходку, которая³ испортила бы всё дело, повредив и бабушке, и Вере.⁴ Вдруг эти⁵ непонятные слова «ночь в оранжерее» остановили его.⁶

— Что вы остоленели: вы, романист,⁷ должны лучше меня знать свою фамильную хронику, — сказал Марк,⁸ отчасти радуясь, что⁹ озадачил Райского и от-
10 мстил за его высокомерное пренебрежение.¹⁰ (л. 37)

— Какая ночь? Какая оранжерея... — повто-
рлял¹¹ машинально¹² Райский, глядя пристально на Волохова.¹³

— Ночь, свидание с любовником, Титом Никоны-
чем... — холодно подтвердил¹⁴ Марк.

— Послушайте, Волохов...¹⁵ — вспыхнув, сказал Райский,¹⁶ — я не затем пришел, чтоб ссориться с вами, но сумею заставить вас уважать то, что выше вас и ваших понятий. Ватутин был ее женихом —
20 это помнят и знают все,¹⁷ у ней был еще жених¹⁸ — и ее склонность была не согласна с волей ее отца¹⁹ — брак не состоялся — вот и всё.²⁰ А вы, по обыкновению,

---

¹ Было начато: не до(говорил?)

² Далее было: выходку

³ Далее было начато: а. могла б. была, конечно

⁴ Вместо: и бабушке, и Вере — было: а. Начато: бабуш(ке)
б. Вере

⁵ Далее было: слова

⁶ Слова: остановили его — вписаны.

⁷ Слово вписано.

⁸ Вместо: должны лучше меня знать ∞ сказал Марк — было:
должны знать это... — сказал Марк

⁹ Далее было начато: в сво(ю очередь)

¹⁰ Слова: Райского ∞ за его высокомерное пренебрежение — впи-
саны на полях со знаком вставки.

¹¹ Далее было: он

¹² Далее было начато: теряясь в

¹³ Слова: Райский, глядя пристально на Волохова — вписаны.

¹⁴ Было: сказал

¹⁵ Далее было начато: а. вдруг в(ы) б. если

¹⁶ Далее было начато: а. если вы повто(рите) б. если так и

¹⁷ Было: это все знают. Далее на полях со знаком вставки вписано и
зачеркнуто: но не один он

¹⁸ Далее было: граф Сергей Иванович

¹⁹ Далее было: вот и всё

²⁰ Слова: у ней был еще жених ∞ вот и всё — вписаны на полях со
знаком вставки.

иначе не умеете смотреть, как цинически...¹ Стыдитесь² сеять сплетню³ о той, кому вы сделали столько горя...

— Напрасно вы горячитесь, — остановил его Марк.⁴ — Я⁵ думал, что вы знаете и только хотите соблюсти десогит уважения к старухе. А вы не знаете, как я вижу, истины: это не сплетня и сею ее не я, а Тычков доведася от старого садовника, а тот был любовник Василисы и знал от нее.⁶ Вот они — все ваши добродетельные старики каковы! А читают мораль!⁷

10

Райский вдруг смолк. Он погрузился в соображения,⁸ сближая слова Марка с тем, что слышал от Веры, как бабушка своим признанием вдруг исторгла⁹ ее из бездны отчаяния, вспомнил и намек самой Татьяны Марковны «о сплетне Тычкова» и изменился в лице. Он не ожидал, что эта глубокая, сорок лет молчавшая тайна¹⁰ вдруг выйдет на площадь и возмутит мирный¹¹ закат прекрасной жизни бабушки.¹²

— Про какую ночь в оранжерее говорили вы?¹³ — спросил он, чтобы узнать, как далеко простирается сплетня, насколько в ней правдоподобия¹⁴ и как она может повредить бабушке.

20

— В оранжерее виделись, как все видятся... Что мне вам объяснять? Спросите у самой бабушки.¹⁵ А граф и застал: он подкупил людей — он точно сватался, а она не шла за него. Вот он и накрыл их — и дал Ватутину пощечину...

¹ *Вместо:* цинически — было начато: с ва(шей?)

² *Было начато:* Стыдитесь, сплетней

³ *Далее было начато:* когда сдел(али)

⁴ *Слова:* остановил его Марк — *вписаны.*

⁵ *Было:* и я

⁶ *Слова:* и знал от нее — *вписаны.*

⁷ *Далее было начато:* а. — Он жених б. — Вату(тин)

⁸ *Далее было начато:* и чем более думал

⁹ *Вместо:* своим признанием вдруг исторгла — *было:* признанием исторгла

¹⁰ *Вместо:* сорок лет молчавшая тайна — *было:* тайна, от всех прят(аяся)

¹¹ *Было начато:* чистый, прек(расный)

¹² *Фраза вписана на полях со знаком вставки.*

¹³ *Вместо:* — Про какую ночь в оранжерее говорили вы? — *было:* Про какую ночь говорили вы?

¹⁴ *Вместо:* насколько в ней правдоподобия — *было начато:* и насколько она может за(деть?)

¹⁵ *Далее на полях со знаком вставки было:* Вы ведь романист: так вам следует изучать вашу фамильную хронику.

Райский сделал большой шаг¹ от двери к Волохову.²
(л. 38)

— Это ложь! — сказал он.³

Волохов вяло⁴ усмехнулся.

— Не волнуйтесь:⁵ этому миновала сорокапятилетняя давность.

Райского жгло нетерпение знать дальше, но он сдержал себя из приличия.⁶

10 — И вы верите этому? Вы видите, что вздор. Ватутин не вынес бы...⁷

— И не вынес. Он сбил графа с ног, коленками давил грудь⁸ и тут же где-то между цветов схватил садовничий кривой нож и чуть не зарезал того...

— Тит Никоныч! — с изумлением сказал Райский.

— Да, Тит Никоныч! Каков!⁹ Да бабушка успела схватить его¹⁰ руку. «Ты, — говорит, — дворянин, а не разбойник: у тебя есть шпага!»¹¹

— Ну? — не нарочно вырвалось у Райского.

20 — Ну а потом ничего. Делать-то нечего. Драться было нельзя: ее берег. Дали друг другу слово: граф — молчать, а Ватутин — не жениться¹² на Бережковой. От этого она в девках и просидела весь век!

— Это ужасно! — шепнул¹³ Райский, потрясенный¹⁴ этой «сплетней», на которой лежала такая яркая печать истины. Он вздохнул глубоко и безотрадно. — Зачем вы

---

¹ Далее было начато: к Вол(охову)

² Было: Райский сделал движение и изменился в лице...

³ Фраза вписана.

⁴ Слово вписано.

⁵ Было: — Не бойтесь

⁶ Вместо: но он сдержал себя из приличия — было: а. но он сдержал себя из чувства приличия и не сказал ни слова б. но он сдержал любопытство из чувства приличия

⁷ Было: Ватутин благороден, он не вынес бы...

⁸ Было: и коленками душил грудь

⁹ Текст: Тит Никоныч! ∞ Каков! — вписан на полях со знаком вставки.

¹⁰ Слово вписано.

¹¹ Далее на полях со знаком вставки было: а. Начато: А если, значит б. Другими словами: и если б не был из дворян, так мог бы благополучно съесть оплеуху? в. Начато: и если б ты не был из дворян, так я позволила

¹² Далее было начато: нико(гда)

¹³ Было: сказал

¹⁴ Далее было начато: раз(вязкой)

повторяете это?¹ Если б весь² город трубил,³ — сказал он тихо,⁴ — вы⁵ менее всех имеете право повторять то,⁶ что хотя мало,⁷ но всё же прибавляет к неизлечимому⁸ злу, которое вы нанесли этой женщине!⁹ Вы сделали гадость, господин Волохов: поздравляю вас!!

Он¹⁰ отворил дверь и хотел выйти.

— Она будет¹¹ кидать в меня камнями, моралью,¹² посылать вас вдогонку мне с проклятиями ни за что ни про что,¹³ чтоб только¹⁴ сделать мне злость, а я не смею даже с глазу на глаз одному вам¹⁵ — на ее мораль — на-помнить¹⁶ ей самой через посланного¹⁷ старую басню! И вы смеете называть «гадостью!»¹⁰

Он озлился и сверкал впалыми глазами. (л. 39)

— Гадость! — холодно повторил Райский. — Кто вам сказал, что она с моралью и проклятиями послала меня?¹⁸

— Зачем же? — вдруг упавшим тоном¹⁹ спросил Марк. — Сядем,²⁰ затворите дверь, там услышат и оттуда воняет... Они сели.

---

¹ Фраза вписана.

² Вместо: Если б весь — было начато: Все

³ Далее было: это

⁴ Слово вписано.

⁵ Далее было: Волохов

⁶ Было: это

⁷ Вместо: хотя мало — было: конечно, немного

⁸ Было: к тому

⁹ Вместо: которое вы нанесли этой женщине — было: которое вы ей сделали

¹⁰ Далее было: решительно

¹¹ Было: — Вы будете

¹² Далее было: пугать проклятиями вдогонку

¹³ Слова: вдогонку мне с проклятиями ни за что ни про что — вписаны на полях со знаком вставки.

¹⁴ Слово вписано.

¹⁵ Слова: одному вам — вписаны.

¹⁶ Далее было начато: старую

¹⁷ Слова: через посланного — вписаны.

¹⁸ Вместо вписанного на полях со знаком вставки текста: — Гадость! ∞ послала меня? — было: а. Начато: — А если б. — Гадость! — повторил Райский. — [Если] А если она не затем послала меня: не мораль, не проклятия... в. Начато: — Гадость! — повторил холодно Райский, — кто вам сказал, что она посылает вам со мной г. — Гадость! — повторил холодно Райский. — А если она не [затем послала меня, чтоб читать вам мораль] с моралью и проклятиями послала меня? Вариант г. вписан на полях со знаком вставки.

¹⁹ Далее было: почти мягко

²⁰ Было: Садитесь

— Она узнала от Козлова, что вы уезжаете, что у вас нет никаких¹ средств...

— Ну? И прислала денег?²

— Да, пять тысяч — вот они.

Райский вынул пачек и положил на стол.

— Вот это так — «гадость!» — сказал Марк.

— «Скажи ему, что это — не милостыня, а помощь от...» — Райский не договорил. Волохов потупил вниз³ и стукнул⁴ сапогом по полу.

¹⁰ — «Я не хочу, чтоб он был несчастлив, сбился с пути, — прибавила она, — пусть выйдет на дорогу...» Я сказал ей, что всё равно, милостыня или помощь, но вы денег не возьмете...

— Спасибо вам! — проговорил угрюмо⁵ Волохов, не глядя на Райского.⁶

— Еще она прибавила несколько слов, но, судя по тому, как вы приняли посольство от нее, я уж не знаю, говорить ли...⁷ Эти слова, как и деньги, вы тоже не примете...⁸ — сказал Райский нерешительно.

²⁰ — Говорите!..⁹

— «Я не желаю ему зла, — сказала она,¹⁰ — Бог простит ему, что он сделал. Я буду молиться за него...¹¹ Но пусть он больше не делает несчастных...» Вот и вся ее «мораль и проклятия»...¹² А вы сделали — гадость...

Марк встал,¹³ подошел к Райскому и положил ему руки¹⁴ на плечи.

— Замените¹⁵ слово «гадость» — «глупостью», Борис Павлович!¹⁶ — сказал он (л. 40) угрюмо.¹⁷ — Посмот-

---

¹ Слово вписано.

² Далее было: Это деньги? — спросил Марк, у(видев)

³ Так в рукописи.

⁴ Было: застукал

⁵ Слово вписано.

⁶ Далее было начато: — Вместо морали и прокля(тий)

⁷ Далее было начато: тем более

⁸ Слова: Эти слова, как и деньги, вы тоже не примете... — вписаны на полях со знаком вставки.

⁹ Было: — Говорите всё!..

¹⁰ Слова: сказала она — вписаны.

¹¹ Фраза вписана.

¹² Далее было начато: Вот

¹³ Было: быстро встал

¹⁴ Было: обе руки

¹⁵ Было начато: — Измените

¹⁶ Вместо: Борис Павлович — было: Райский

¹⁷ Было начато: в угрюмом

рите,¹ в каком я положении уезжаю отсюда.² Хорош? — спросил он. — Ну так скажите же бабушке, чтобы она была покойна. — Он, как зверь в клетке, ходил,³ сложив руки назад и делая круги по комнате и отбрасывая в сторону лежащие на полу книги, бумаги.⁴ — Я не пляшу, не скачу — не торжествую⁵ и ухожу оборванный, измятый, нищий — не одним только карманом, — говорил он.⁶ — Я получил что мне следует. Жизнь не обсчитывает никого! И меня не обсчитала... Спрячьте деньги в карман, мне тошно смотреть на них. Не бабушка ваша, а она провожает меня с проклятиями.⁷ 10

Он прошелся еще⁸ раза два по комнате молча, потом остановился перед Райским.⁹

— Что я могу еще сделать для этой старухи: вы знаете, научите! Несмотря на старую дурь — она женщина, а не мертвец!¹⁰

— Лучше бы всего взять деньги — если не все, хоть часть...

Марк с нетерпением махнул рукой.

— Перестаньте, — сказал он.¹¹ 20

— Ну так¹² скажите ей что-нибудь в ответ на ее последние слова, на «мораль» и «проклятия».

---

¹ Было: Вы видите

² Далее было: а. Я предсказывал вам, что вы не будете знать, как выбраться отсюда, а это сбывается со мной. Вы не проиграли пари, — прибавил он тихо, — вон у вас ни в одном глазе нет кори... А посмотрите на меня...

Он замолчал, как будто давая Райскому время взглядеться в себя. б. Он замолчал, как будто давая Райскому пристально взглядеться в него. в. Правда ваша. Мне теперь всё гадостью кажется. Проклятие — не бабушка ваша, а сама жизнь наложила на меня. *Варианты б. и в. вписаны на полях со знаком вставки.*

³ Было начато: Он, как зверь, ходил

⁴ Фраза вписана на полях со знаком вставки.

⁵ Слова: не торжествую — вписаны.

⁶ Слова: говорил он — вписаны.

⁷ Фраза вписана на полях со знаком вставки.

⁸ Слово вписано.

⁹ Слова: молча, потом остановился перед Райским — вписаны.

¹⁰ Было: Она женщина... да, несмотря на свою старую дурь, — а не мертвец!

¹¹ Фраза вписана.

¹² Далее было: как этого нельзя — то... Но ведь вы сочтете это за романтизм...

— Что такое, говорите?

— Это [увери(ть)] исполнить ее последние слова... что вы пощадите от своих «новых начал и опытов»...

— Попросите у ней прощения, — трогательно-насмешливым тоном сказал Марк, — в том, что я... таскал у ней яблоки в саду.¹ Что касается до остального... — печально² и угрюмо прибавил он, — в том я не извиняюсь — это было бы глупо и смешно: если б можно было возвращать прошлое... я бы не сделал этого — даю слово.³ Уверьте же ее,⁴ что если встречу другую такую... старуху... как она, и другую... Веру, — чуть слышно шептал он, — так я сниму шляпу⁵ и миную за версту.⁶ Довольно!¹⁰ Посмотрите же на меня пристально — и передайте им обоим, каков я ухожу... Теперь прощайте. Мне еще надо укладываться. Я вам пришлю книги ваши.⁷ А ружья берете?⁸ (л. 41)

— Просить прощения — я не могу: это глупо, лишнее, ненужное. [Но] Если б можно было, я сделал бы лучше. *Текст:* — Просить прощения ∞ я сделал бы лучше. — *вписан на полях со знаком вставки.*

¹ *Было:* из саду

² *Было:* строго

³ *Текст:* скажите ей что-нибудь ∞ даю слово. — *вписан на полях со знаком вставки.*

⁴ *Было:* а. *Начато:* Скажите б. Уверьте ее, — горячо перебил Волохов

⁵ *Вместо:* другую такую... старуху ∞ так я сниму шляпу — *было:* такую... мать, бабушку... как она, и такую другую... Веру, — тише прибавил он, — так я поклонюсь

⁶ *Вместо:* и миную за версту — *было начато:* и за сто верст

⁷ *Далее было:* целые

⁸ *Было:* А ружья — за долг? Берете их? *Текст:* Я вам пришлю ∞ берете? — *вписан. Далее было:* а. Райский молча пошел к двери и вдруг обернулся.

— Зачем вы... приезжали сюда? — [с грустью] с грустным упреком сказал он.

— А вы — зачем родились на свет? Я не приезжал: [меня сослали. Я не знал, что найду здесь каторгу] меня привезли и не ошиблись: я попал в каторгу... [Однако будьте же хоть немного справедливы, Райский: как вы думаете, зачем?] Я вас не спрашиваю, зачем вы приезжали [я знаю] — выгнать Тычкова! Видите, я знаю. [Верно] Может быть, и [от] я не без толку прожил здесь — только вы не видите!

[— Да, нет худа без добра, — сказал (Райский), — [и вы] [теперь вот] город не тот теперь, что был до вас.]

— Нет, вижу.

— Я вот отдам вам справедливость: вы огромное дело сделали, выгнали Тычкова! А после меня... как вы думаете, город тот же остался, что был?

— Нет... — задумчиво сказал Райский, — соглашаюсь, что не тот. Губернатор не дремал, беспокоился, смотрел зорче, полицмейстер суетился, а с ними и вся команда. [Смотрели за вами, смотрели вместе за другим.] Смотрели за вами, видели и другое. Уверить, что Бога нет, что губернатор не губернатор, а миф, а полицмейстер — изверг рода человеческого — вам не удалось, а между тем они не дремали,

шевелились. Книги ваши забудут, [а] но станут [, пожалуй,] читать другие... [Да, вы не бесполезны. Только вы]

— Видите, отыскиали же пользу: постарайтесь, подумайте и еще найдете, — иронически поощрял его Волохов.

— Я не отрицаю пользы [: я только], — возразил Райский [. — Я только [против] нахожу, что]. — Вы много запросили; как купцы — запросят рубль, получают гривенник. [Следовательно, на гривенник [поль(зы)] в барышах.] Вот это вам гривенник и есть... Уедем оба: я тоже скоро уезжаю — нас не нужно больше. [Сюда] Тут придут другие...

— Какие это другие? Эти что будут делать?

— А вот Трынкин переулок мостить, мосты строить, [му(жиков)] судить мужиков за полушубок... И всё это сделают при Боге. Он не помешает.

[— Это в городе... а за городом мужики? — насмешливо спросил Марк.]

— А [муж(ики)] народ, мужики? [те, что будут]

— О мужиках уж хлопочут. [Вы знаете, слышно, как работа идет...] Ведь вы были в Петербурге. И здесь думают о них. А [вот] за городом... тут есть Тушин, например... [пока еще один]. Вот это «партия действия» [и есть]...

— Ну, этот уж очень прост: выбрали бы кого-нибудь другого...

— Да, прост: [как сам Роберт Овен. [Это и нужно.] Явятся и другие...]

— Какой вы о(птимист!) Роберт Овен тоже был прост.

— [Куда хватили!] И вы довольны этим? [Какой вы] Оптимист! Счастливый! немного вам надо — а что роман?

— [Напишу.] Ничего, идет. Вот Трынкин переулок изображаю...

— И его осветят и вымостят, как изобразите?

— Может быть!

— Ах вы, неудачник! Куда вам роман написать! [Идеалист] Идеалист еще, [а довольствуетесь] уж и успокоились, и довольны, что завелся Тушин...

— Нет, Волохов, [[скорее] вы успокоитесь... А я — ничем и никогда.

— Почему так?

— Потому что... ваши идеалы невозможны — вы это сами скоро разглядите [успо(коитесь)], приметесь за дело и успокоитесь, а мои возможны — но к ним ведет нескончаемый путь — и я [буду или] не устану идти к ним, буду вечно мучиться, терзаться...

— Чем? не буду я ни покоен, ни доволен — но буду всегда чем-нибудь мучиться, терзаться про себя [, но и буду тоже знать]. Я тоже хочу немногого, далеко не того, что вы хотите, — не рубля, а гривенника, — я не запрашиваю: я [старше] больше вас жил и знаю, что история [требует терпен(ия)] строит наши судьбы по своему циферблату, а не по нашим карманным часам! И вы успокоились бы [и не беспокоили бы других] теперь и отдохнули бы, Марк Иваныч [довольно с вас этих волнений]. Прощайте.

Они поглядели с минуту друг на друга, потом по [взаимному] обоюдному движению оба вдруг протянули друг другу руки, пожали [и разошлись], и Райский [ушел] вышел, зажав нос, быстро [перешел] прошел сквозь от корыта и уехал. Слово: молча, слова: а между тем они не дремали, шевелились, фраза: Эти что будут делать?, слова: и вымостят, пожали — вписаны. Текст: Я вас не спраши-

— Куда вы теперь? — обернувшись, спросил Райский.

— В Москву, а потом... не знаю... куда дело позовет.

— Зачем вы приезжали сюда? — с грустным упреком сказал Райский.

— Я вас не спрашиваю, зачем приезжали вы, — возразил Марк, — я знаю: выгнать Тычкова! И мой приезд сюда не пропадет бесследно. Вы только не находите в нем толку.

— Нет, нахожу! — задумчиво сказал Райский. —

¹⁰ Только вы, как купцы,² запрашиваете рубль, чтоб получить гривенник. Уверить, что Бога нет, что губернатор

ваю ∞ — Нет, вижу, фраза: — [Куда хватили!], текст: [[скорее] вы успокойтесь... ∞ — Чем?] — вписаны на полях со знаком вставки; текст: тот же остался, что был? ∞ соглашаюсь, что не тот. — по-видимому, ошибочно зачеркнут. б. — Куда вы едете? — обернувшись, спросил Райский.

— Теперь в Москву: там у меня [домишко] сестры, какой-то домишко.

— А потом?

— Не знаю. Куда дело позовет...

— Дело? Какое? [Так] Нас не нужно теперь, Волохов... Уедемте скорее.

— Кого «нас»?

— Мучеников. Нужны работники: вон Тушин, например...

— Хоть бы другого выбрали: этот уж очень прост. Разве бревна таскать.

— Да — [прост, как сам Роберт Овен, это] и эта простота и нужна нашему Роберту Овену.

— Куда хватили! Счастливец! Оптимист! Нашли Тушина и успокоились!

— Ну нет, [вы] я не успокоюсь — никогда, как и вы, может быть. Только я больше вас жил и видел — и знаю, что история делает дела по своему циферблату, а не по нашим карманным часам.

— Вот вы выгнали Тычкова — и думаете, что всё успокоилось в природе и пора опять за розы и за соловья...

— Нет, — задумчиво сказал Райский, [только] я не думаю этого, я только не запрашиваю рубля, как вы, когда нужен гривенник. [Благодаря вам систему присутствия] Вот это вам гривенник и есть — и будет с вас — пока!

Они поглядели с минуту молча друг на друга — хотели что-то сказать, сделали оба движение подать друг другу руки [но вдруг, как будто повинувшись каждому внутреннему движению], но только кивнули один другому — и Райский [вышел] [отворил], отворив дверь, [проворно зажал нос и сквозь] очутился опять в облаке пара, проворно зажал нос, стараясь не дышать, — и вышел из дома.

Далее, перед обозначением: Глава XXII — помета, отсылающая к вставному листу: Перед этим окончание предыдущей главы на полулесте А. А. (л. 42)

¹ *Далее было начато:* а. Это б. Ужели и я в. Ужели вы не нашли ничего путн(ого)

² *Далее было начато:* слишком

не губернатор, а миф, полицмейстер — изверг рода человеческого¹ — и прочее — вам не удалось, но и губернатор не дремал, и полицмейстер беспокоился — и зорко смотрел по сторонам. Мальчишки книги ваши забудут, но читать уж не отвыкнут, не задремлют... Да, это гривенник. Уедем оба, Волохов. Я тоже на днях уезжаю. Мученики не нужны больше...²

— Кто же нужен?

— Работники. Мучаться³ легче, нежели работать, а славы,⁴ то есть шуму, больше... 10

— Какие же это работники?

— А вот хоть Трынкин переулок⁵ вымостить,⁶ не кравши денег, мужиков за полушубок рассудить, не бивши по зубам, — и осветить тоже: я заметил, что фонари есть, только, кажется, без елея... И всё это возможно сделать при Боге: Он не помешает...⁷

— Ну, если это сделают — вы и успокоитесь, и довольны?

— Нет, Марк Иванович: когда вы успокоитесь, я всё не успокоюсь. Мои идеалы⁸ — еще дальше ваших... 20

— «Не от мира сего!» — насмешливо заметил Марк. — Гуманизатор!⁹ (л. 43) Трынкин переулок принимает к сердцу, а туда, за город, в поля, в селы и усадьбы¹⁰ ваш гуманизет не достает...¹¹ Туда еще «работников» не нашлось...¹²

— Нашлись! нашлись, работа идет. Я мог бы вам передать, что теперь делается в Петербурге, да некогда!¹³ вы сами едете в ту сторону, узнаете...

— В Петербурге! А здесь?

— А здесь...¹⁴ Вон Тушин, например... 30

---

¹ *Далее было начато:* вот что и

² *Далее было начато:* — Вы уж и

³ *Было:* Знаете что: мучаться

⁴ *Было начато:* шуму

⁵ *Далее было:* осветить

⁶ *Далее было начато:* мужиков за п(олушубок)

⁷ *Фраза вписана.*

⁸ *Было начато:* У меня

⁹ *Далее было начато:* Довольно с

¹⁰ *Было начато:* а там, за городом, в полях, в селлах и усадьбах

¹¹ *Далее было начато:* а. Где б. Там

¹² *Далее было:* а. — Там б. — Нет, находятся

¹³ *Было начато:* да нет

¹⁴ *Текст:* — Нашлись! ∞ А здесь... — *вписан на полях со знаком вставки.*

— Ну уж выбрали бы кого-нибудь другого: это(т) слишком прост...

— Да, прост. Вы¹ побывали бы у него и увидели бы, какие Роберты Овены нужны нам.

Марк посвистал.

— Вон куда хватили! И довольно с вас? И опять за лиру, за розу, за соловья... И ничего больше не хочется? Счастливец!

10 — Нет, хочется,² Волохов, и всегда будет хотеться — далеко не того, чего хотите вы, а возможного, нужного, что на очереди...

— Когда же, черт возьми, дождешься этого...

— Когда? — Райский пожал плечами. — История делает дело³ по своему циферблату, а не по нашим карманным часам. Прощайте.

— Прощайте — а роман что?

— Ничего, идет. Напишу непременно!..

— Куда вам, неудачник!

— Прощайте, мученик!

20 Он быстро⁴ вышел в другую комнату,⁵ еще быстрее зажал нос и пробежал, не дыша, сквозь облако теплого пара.⁶ (л. 44)

Он шел⁷ тихо и задумчиво по переулку до коляски и думал... о чем? О Марке, о его характере? о значении его роли? о результатах его пребывания?⁸ Да, думал и об этом,⁹ но не эту мысль был он так поглощен, что не замечал, как забрел в лужу. Думал он¹⁰ (о) романе —

---

¹ Было: Вы бы

² Было начато: — Хочет(ся)

³ Было: свое дело

⁴ Далее было начато: отво(рил)

⁵ Далее было начато: и вдруг

⁶ Далее было: а. Начато: Он тихо и задумчиво шел по переулку [задумчиво], добираясь до коляски, [задумчиво] погр(уженный?) б. [Едва] Вышедши на улицу, он забыл о Марке и вынес в памяти только [раз(говор?)] «сплетню», услышанную от Марка о бабушке, о Тите Никоныче, и шел медленно, сел задумчиво в коляску и приехал домой, погруженный в мучительную думу [о романе Татьяны М(арковны)] о свидании в оранжерее [сковавшем], о пощечине, о [данном] [роковом] честном слове, [оковавшем] наложившем на жизнь бабушки и ее любовника роковую цепь.

⁷ Было начато: Вый(дя?)

⁸ Далее было начато: о

⁹ Далее было начато: нем(ного?)

¹⁰ Текст: Да, думал и об этом ∞ Думал он — вписан на полях со знаком вставки. Далее было начато: гораздо

драме, бурно разыгравшейся на дне обрыва и едва не стоившей жизни двум женщинам. Еще более¹ думал он о «сплетне», слышанной о бабушке, и уносился мысленно за сорок пять лет назад в оранжерею старого барского дома, видел эту сцену у себя в голове, опозоренного оплеухой по лицу Тита Никоныча, бабушку, тогда стройную, прекрасную и пылкую девушку, не упавшую в обморок, а мужественно вырвавшую нож из рук своего любовника и не допустившей его быть убийцей, видел лежащего² на полу графа,³ хрипящего под коленкой⁴ 10 как будто сидящего на груди его косматого зверя...

Всё это глубоко охватило Райского,⁵ но еще более думал он о том, что роман его кончен, что свиданием с Марком заключилась последняя глава и что теперь ему остается только сесть... да написать его.

— И напишу, «непременно» напишу, — сказал он, подняв голову, и, прибавив шагу, отправился домой.⁶ (л. 45)

Черновой набросок продолжения романа (ЧН₂)

Воротясь из-за границы, он заезжает к Беловодовой; у ней на балу свидание. Она говорит с Милари. Он подслушивает. (Римский вопрос, горячий разговор.) Милари отходит, учтиво уступая ему место. Воспоминания. Она оживляется и сознается в легком впечатлении Милари. Потом обнаруживает особенное дружество к Райскому и говорит, что думала о нем, и рассказывает, что ни одна... баба (беременная) не жнет больше, ребятишки не ползают и с мужиков не берут денег,⁷ узнавши, что они в затруднении («Vous y'êtes pour beaucoup»),* — и сознается, что она ему этим обязана. Она нанимает отставных честных солдат, и они всё это наблюдают, а управляющий — не Иван Петрович,⁸ а Ельнин... «А дае-

¹ Было начато: Нако(нец)

² Было начато: хрипя(щего)

³ Слово вписано.

⁴ Далее было начато: счастливого

⁵ Далее было начато: и он

⁶ Далее помета карандашом: (За этим следует продолжение на 4-й странице 12-го листа.)

⁷ Далее было начато: когда

* Это ваша заслуга (фр.)

⁸ Было: Андрей Петрович

те ли деньги туда... на улицу...» Она молча выразительно пожалала ему руку и скромно умолчала. Он понял, что деньги идут и на улицу.¹

— О, какая вы красавица, кузина! — в восторге говорит он, — и как бы преклонил колена перед вами...

— Я вам обязана многим, многим: вы разбудили меня...

— Что если бы!.. — вдруг воскликнул он и замолчал,² глядя вдаль на ее мужа...

«Он стар, — думал он, — она теперь поняла меня... и может быть — наш роман с ней впереди...»

Потом сам засмеялся над собой и пересказал ей свою мечту. Она тоже засмеялась.

— Как бы ни влюбилась я в вас... и скажу вам... (она поглядела³ на него с живостью и⁴ искренно, почти нежно) что это... не невозможно...

Он вдруг дрогнул, точно молнией ударило в него...

— Но, — поспешила она, останавливая его веером, когда он⁵ подступил к ней... — Как бы я ни влюбилась в вас: со стонами, воплями, судорогами etc... cousin...

— Что же?

— Никогда не обману его (она указала глазами вдаль на мужа). Он мне верит...⁶

— Красавица! Вы⁷ так же прекрасны в своем роде... как Вера... — почти (про себя подумал он),⁸ — и я, кузина, даю вам слово: будь я последний из людей — как бы я ни влюбился в вас, но и я не сделал бы шагу, чтоб поколебать этот ваш принцип: я преклоняюсь перед ним...

— Я знала это, cousin, если б вы и не говорили мне... Я вижу... Я теперь дипломатка, — смеясь, прибавила она, — и понимаю вас... и люблю, и буду вашим другом, вам благодарным, обязанным... Вы пробудили меня⁹ Подите сюда... — Она¹⁰

— Я еду завтра...

---

¹ Далее было начато: Я вам много обя(зана)

² Далее было начато: если бы... вам

³ Было: глядела

⁴ Далее было начато: горя(чо?)

⁵ Далее было начато: сде(лал)

⁶ Далее было начато: Перед

⁷ Далее было начато: почт(и)

⁸ Далее было начато: и перед

⁹ Далее было начато: Но

¹⁰ Фраза не дописана.

— Оставайтесь — так как¹ вопрос о любви (не так, как римский) решен между нами окончательно и мы к нему возвращаться не будем...

— Не мог бы, кузина, остаться, если б у меня и не было других причин уехать... Вы не возвращались бы к вопросу о любви,² и я — ради честного принципа — не говорил бы вам³ ни слова... а сам бы...

— Ну, что же?⁴

— Влюбился!

Она засмеялась, и он тоже.

— Вы неисправимы, cousin.

— И нельзя исправиться, когда красота⁵ будит и тревожит мои нервы, как и искусство... музыка, живопись, — это невольно, это всегда будет,⁶ хоть бей!

— Прощайте.

Он поцеловал у ней руку. (л. 6)

---

¹ *Далее было начато:* мы

² *Далее было:* я

³ *Далее было начато:* ниче(го)

⁴ *Было начато:* — Стало быть

⁵ *Далее было начато:* бье(т)

⁶ *Далее было начато:* как ни

Тексты разделов «Журнальные публикации» и «Рукописные редакции» подготовили: А. Г. Гродецкая — рукописные редакции части третьей (фрагмент чернового автографа глав II—III; фрагмент чернового автографа глав XV— XVI; первоначальная редакция окончания главы XX); С. Н. Гуськов — рукописные редакции части второй (первоначальная и последующая редакции окончания главы IV; фрагмент чернового автографа главы XVI; фрагмент чернового автографа главы XVII); Н. В. Калинина — рукописные редакции части второй (фрагмент чернового автографа главы XV); Т. И. Орнатская — журнальные публикации части первой, рукописные редакции части первой, черновые наброски части второй—пятой, рукописные редакции части четвертой (при участии Э. Г. Гайнцевой) и части пятой, а также тексты раздела «Материалы, отражающие неосуществленные намерения автора»; А. В. Романова — рукописные редакции части третьей (первая редакция главы XI).

Рецензент тома — Т. Б. Ильинская.

Редакторы тома — Т. А. Лапицкая, Т. И. Орнатская.

Редакционно-техническая работа по подготовке рукописи тома к печати осуществлена А. В. Романовой.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

<i>Журнальные публикации</i>	5
Софья Николаевна Беловодова (пять глав из романа «Эпизоды из жизни Райского»). Первая журнальная публикация	5
Бабушка. Из романа «Эпизоды из жизни Райского». Первая журнальная публикация	51
Портрет (из романа «Эпизоды из жизни Райского»). Первая журнальная публикация	88
<i>Рукописные редакции</i>	115
Первая редакция главы I части первой	115
Вторая редакция главы I части первой	127
Первоначальная редакция главы V части первой	140
Первая редакция главы VI части первой	144
Вторая редакция главы VI части первой	159
Первая редакция главы XII части первой	180
Первая редакция главы XIII части первой	183
Черновой автограф главы XV части первой	186
Фрагмент чернового автографа главы XVI части первой	198
Первоначальная редакция второй половины главы XVI части первой	200
Первоначальная редакция глав XVII—XVIII части первой	208
Последующая редакция глав XVII—XVIII части первой	230

ЧАСТИ ВТОРАЯ—ПЯТАЯ

Черновые наброски	262
<i>Рукописные редакции</i>	269
Первоначальная редакция окончания главы IV части второй	269
Последующая редакция окончания главы IV части второй	273

Фрагмент чернового автографа главы XV части второй . . .	279
Фрагмент чернового автографа главы XVI части второй . . .	285
Фрагмент чернового автографа главы XVII части второй . . .	294
Фрагмент чернового автографа глав II—III части третьей . . .	309
Первая редакция главы XI части третьей	316
Фрагмент чернового автографа глав XV—XVI части третьей	320
Первоначальная редакция окончания главы XX части тре- тней	324
Фрагмент чернового автографа главы I части четвертой . . .	326
Фрагмент чернового автографа главы IV части четвертой . . .	329
Первоначальная редакция главы V части четвертой	341
Фрагмент чернового автографа главы IX части четвертой . . .	366
Первоначальная редакция второй половины главы XII час- ти четвертой	368
Первоначальная редакция второй половины главы III части пятой	383
Первоначальная редакция второй половины главы V части пятой	401
Первоначальная редакция окончания главы VI части пятой	413
Фрагмент чернового автографа главы VII части пятой	416
Фрагмент чернового автографа главы X части пятой	419
Первоначальная редакция первой половины главы XI части пятой	428
Фрагмент чернового автографа главы XII части пятой	433
Фрагмент чернового автографа главы XIX части пятой	439
Первоначальная редакция середины главы XX части пятой	444
Фрагмент чернового автографа главы XXIII части пятой . . .	448

МАТЕРИАЛЫ, ОТРАЖАЮЩИЕ НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ НАМЕРЕНИЯ АВТОРА

<i>Главы, не вошедшие в часть пятую . . . . .</i>	461
Первая редакция («Татьяна Марковна не противилась боль- ше...») главы	461
Вторая редакция («Дня два Вера не выходила из кабинета и спальни бабушки...») главы	485
Черновой автограф главы («Он только что пришел до- мой...»)	500
Черновой автограф главы («Райский отправился отыски- вать Марка...»)	507
Черновой набросок продолжения романа	525

Научное издание

**ИВАН
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ГОНЧАРОВ**

*Полное собрание сочинений и писем
в двадцати томах*

**Том 8
Книга 1**

**Печатается по постановлению
Бюро Отделения литературы и языка
Российской академии наук**

**Редактор издательства Т. А. Лапицкая
Художник Л. А. Яценко
Технический редактор О. В. Новикова
Корректоры О. В. Гусихина, Ф. Я. Петрова, А. К. Рудзик
и Е. В. Шестакова
Компьютерная верстка Л. Н. Напольской**

**Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 30.10.07. Подписано к печати 18.07.08
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28.2. Уч.-изд. л. 32.0.
Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 3329. С 138**

**Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.spb.ru**

**Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12**

ISBN 978-5-02-026524-0

9785020 265240

